АКАДЕМИЯ НАУК СССР

САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ Н.И. НОВИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
1951

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
/ПУШКИНСКИЙ ДОМ/

САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ Н. И. НОВИКОВА

ТРУТЕНЬ 1769-1770
ПУСТОМЕЛЯ 1770
ЖИВОПИСЕЦ 1772-1773
КОШЕЛЕК 1774

РЕДАКЦИЯ, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ
П. Н. БЕРКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1951 · ЛЕНИНГРАД

ОТ РЕДАКТОРА

Сатирические журналы Н. И. Новикова, пользовавшиеся большою популярностью в последней трети XVIII в., высоко ценились революционными демократами. Н. А. Добролюбов высказывал в печати пожелания о переиздании этих журналов.

В 1858 г. он писал о «Трутне», «. . . самом лучшем из всех [сатирических журналов 1769—1774 гг.] и имеющем интерес не только исторический, но даже отчасти и современный», и о «Живописце»: «. . В этих изданиях затрагивались серьезные вопросы, которые получили свое развитие только в позднейшее время, и во многих отношениях современной публике было бы поучительно проследить, как ставились и понимались некоторые из нынешних вопросов сатирою прошлого столетия. Правда, и в то время сатира была не совершенно свободна и откровенна в своих речах; слабость ее сознавал и сам Новиков. Но при всем этом нужно сказать, что многие из намеков, обличений и насмешек новиковской сатиры не показались бы бледны и в современной обличительной литературе. Таковы сатирические его выходки против взяточничества, барской спеси, пренебрежения человеческих прав в низшем классе общества, ложного благочестия и т. п. Но еще более интереса имеет для нас новиковская сатира как исторический документ, рисующий перед нами нравы эпохи. Есть вопросы, которых положение совершенно уже не то в современном обществе, как было 90 лет тому назад, но которые все-таки не перестают привлекать наше внимание по своему историческому значению. Таков, напр. вопрос об отношениях помещиков и крестьян. Конечно, теперь порядок дел совершенно уже изменился или изменяется. Но тем любопытнее для нас сохранение черт невозвратной старины и тем важнее для нас убеждение, что еще в прошлом веке, почти при самом начале своего развития, литература наша уже выражала добрые стремления относительно этого вопроса. Заметки новиковских журналов на этот счет чрезвычайно живы и метки, и, как черты своего времени,

дышат правдой. На них-то, конечно, прежде всего и обратилось бы внимание... издателя, предпринявшего перепечатку старинных журналов» (Полное собрание сочинений под ред. П. И. Лебедева-Полянского, 1934, т. I, стр. 484—485).

Близкий к передовым кругам русского общества тех лет П. А. Ефремов, следуя указаниям Добролюбова, выпустил в свет комментированные издания «Живописца» (1864) и «Трутня» (1865). Два другие журнала Новикова — «Пустомеля» и «Кошелек» — были переизданы еще раньше либерально-буржуазным литературоведом и фольклористом А. Н. Афанасьевым (1858), но без комментария. Все эти издания, как и выпущенные позднее реакционным писателем и книгоиздателем А. С. Сувориным новиковские журналы (в серии «Дешевая библиотека», без комментария), давно уже исчезли из продажи; кроме того, комментарии Ефремова очень устарели: он рассматривал журнальную деятельность Новикова как явление только литературное и поэтому едва ли не бо́льшую часть примечаний посвятил выяснению литературных взаимоотношений Новикова и его современников и совершенно не касался политической стороны вопроса.

Настоящее издание ставит своей целью дать советскому читателю в наиболее доступном виде тексты журналов Новикова, раскрывающие огромное общественное значение его деятельности как одного из первых в России борцов с самодержавием Екатерины и крепостничеством. Тексты сопровождаются статьей и примечаниями, задача которых ввести читателя в курс политических, исторических и литературных отношений того времени. «Трутень» и «Живописец» печатаются по второму, более полному новиковскому изданию, «Пустомеля» и «Кошелек» — по первому. Тексты воспроизводятся в соответствии с общепринятыми правилами издания текстов XVIII в. В примечаниях указываются важнейшие разночтения печатаемых текстов «Трутня» и «Живописца» с первым изданием «Трутня» и первым и третьим изданиями «Живописца».

Новиков, как известно, был первый и, может быть, единственный из русских журналистов, умевший взяться за сатиру смелую и благородную, поражавшую порок сильный и господствующий.

Добролюбов.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ НОВИКОВ.

С портрета художника Левицкого.

САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ Н. И. НОВИКОВА

I

В истории русской литературы и общественной мысли XVIII в. сатирическая журналистика 1769—1774 гг. занимает важное и недостаточно еще оцененное место. В дореволюционном русском буржуазном литературоведении сложилась абсолютно неверная точка зрения, будто сатирические журналы 1769 и последующих годов явились в свет в результате либеральных начинаний Екатерины II и представляли собой разработку предначертаний императрицы. Легенда о либеральности «Тартюфа в юбке и короне» (Пушкин) не вполне изжита, к сожалению, и в наше время. Сатирическая журналистика 1769—1774 гг., в ее лучших проявлениях, в журналах Н. И. Новикова, Л. И. Сичкарева и Ф. А. Эмина, вопреки общепринятому в старом литературоведении мнению, не следовала указаниям Екатерины, а, напротив, энергично боролась с ней, ее политикой и ее придворным окружением, ее литературными агентами.

Это было серьезное и продуманное наступление русской передовой литературы на самодержавие Екатерины, это было первое большое литературное выражение формировавшегося общественного мнения в России.

Совершенно понятно, что либерально-дворянское и буржуазное литературоведение не было заинтересовано в том, чтобы представить в подлинном свете борьбу сатирических журналов с политикой Екатерины, показать прогрессивное значение этой борьбы и определить ее место в истории русской общественной мысли, в истории русского освободительного движения, в истории литературы и журналистики.

Отправляясь от предвзятой и ложной точки зрения о «славном царствовании», о «блестящем веке» Екатерины, буржуазно-дворянские историки и историки литературы представляли дело так, будто все писатели второй половины XVIII в. тем только и

занимались, что прославляли «мудрую» Екатерину и популяризировали ее передовые гуманные взгляды.

Чтобы правильно понять русскую историю и литературу второй половины XVIII в., необходимо избавиться от неизжитого полностью воздействия «екатерининской легенды», не принимать на веру высказываний писателей того времени в их посвящениях Екатерине, в их панегирических произведениях, имевших часто официальный, парадный характер.

В произведениях русских писателей 1770-х, 1790-х годов сплошь и рядом встречаются указания на то, что они не могут прямо выражать свои взгляды, что им приходится прибегать к околичностям, пользоваться иносказаниями. Двух-трех примеров, притом взятых из произведений писателей различных политических убеждений, будет совершенно достаточно, чтобы убедиться в правильности сказанного выше. Так, представитель умеренно-«либерального» дворянства А. П. Сумароков в трагедии «Дмитрий Самозванец» (1771) заставляет положительных героев пьесы — Шуйского, Георгия и Ксению — произносить тирады, раскрывающие позицию автора при изложении им своих политических взглядов.

В диалоге с дочерью, Ксенией, Шуйский признается:

Не мни, чтоб истину злодею я открыл.
Когда имеем мы с тираном сильным дело,
Противоречити ему не можем смело:
Обман усилился на трон его венчать,
Так истина должна до времени молчать,
Доколь низвержется сие с России бремя.

(д. I, явл. 4).

В еще более неприкрытой форме проводит ту же точку зрения Сумароков в диалоге Георгия и Ксении в самом начале второго действия трагедии:

Георгий

Язык мой должен я притворству покорить:
Иное чувствовать, иное говорить,
И быти мерзостным лукавцам я подобен;
Вот поступь, если царь неправеден и злобен.

(д. II, явл. 1).

Насколько полны острых политических намеков трагедии Сумарокова 1760-х, 1770-х годов, можно видеть из заключительной реплики Мстислава в одноименной трагедии Сумарокова (1774). Следует вспомнить, как именно в эти годы западно европейские панегиристы Екатерины трубили о том, что ее мудрости повсеместно «ставятся алтари». И вот Сумароков заставляет

Мстислава произнести фразу, так лукаво построенную, что она является одновременно и дерзким выпадом против Екатерины и, при желании, комплиментом ей:

Хотя состроятся тиранам алтари,
Они презренные и гнусные цари,
А праведный монарх, седящий на престоле,
Всего любезняе, всего на свете боле.

Но не только Сумароков пользовался системой двупланового построения своих произведений для критики современности, с позиций «либерального» дворянства, для борьбы с Екатериной и ее политикой. В 1777 г. появилось в свет «Слово похвальное Марку Аврелию» Антуана Тома в переводе Д. И. Фонвизина. Хотя, на первый взгляд, это переводное произведение не имело прямого отношения к борьбе передовых русских писателей с Екатериной, но современники понимали, что именно потому и обратился Фонвизин к «Слову похвальному Марку Аврелию», что изображенная в «Слове» обстановка напоминала русскую действительность тех лет. Панегирик Тома прославляет «философа на троне», идеального монарха; в то же время Тома обращается и к монархам, отступающим от этого идеала. Старец Аполлоний, в уста которого вложено «Слово похвальное Марку Аврелию», говорит наследнику покойного императора, только что вступившему на престол Коммоду: «Скажут еще тебе, что ты велик, что ты своим народом обожаем». Оратор убеждает Коммода не поддаваться этим обольщениям: «Не ослепляйся также и почитаниями. Если ты не будешь добродетелен, то почтен будешь наружно и ненавидим внутренне. Поверь мне, что нельзя обмануть народов. Ни в чьем сердце оскорбленное правосудие не усыпляется. Царь мира! Ты можешь меня заставить умереть, но не можешь заставить сердца моего почитать тебя».

Уже одно обращение к произведениям писателей второй половины XVIII в. позволяет, при внимательном чтении их, решительно отвергнуть «екатерининскую легенду». Еще более прочным становится убеждение в лживости дворянско-буржуазной традиции, превозносившей «славный век Екатерины», когда мы знакомимся с историей возникновения и развития этой легенды.

Современники достаточно хорошо знали подлинное положение вещей и высмеивали уверения казенных панегиристов, что век Екатерины — век «Астреи на земле», век богини справедливости, считавшийся в античной мифологии «золотым». Если в 1787 г., в связи с двадцатипятилетием царствования Екатерины, имя Астреи многократно вспоминалось рептильными стихотворцами, то в «Беседующем гражданине» (1789), журнале, часть сотруд-

ников которого находилась под идейным воздействием А. Н. Радищева, печатается «Рондо», из которого мы приведем только первый и последний куплет:

О времена! О нравы!
Златый скончался век.
Лишь собственной забавы
Здесь ищет человек.
Астрея удалилась,
Неправда воцарилась,
Всяк чтит ее уставы...
О времена! О нравы!

О времена! О нравы!
Несчастная страна!
Честь, истины уставы —
Суть праздны имена;
Хоть всем они здесь лестны,
Но малым, ах! известны,
Как блеск прямыя славы..
О времена! О нравы!

(«Беседующий гражданин», 1789, ч III, декабрь, стр. 305, 307—308).

Не только современники, но и ближайшие поколения, люди первой трети XIX в., имевшие возможность общаться со старожилами XVIII в., знали настоящую цену «славного века Екатерины», знали непопулярность императрицы в народе. Пушкин не раз обращался к теме Екатерины. Будучи хорошо осведомлен о подлинном положении вещей в царствование Екатерины, он записывает в Кишиневе: «...со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятий России. От канцлера до протоколиста все крало и все было продажно... развратная государыня развратила свое государство».

Через двенадцать лет Пушкин в наброске статьи о русской литературе конспективно записывает свои мысли о Екатерине и литературе ее времени: «Екат[ерина], Ф[он]визин и Радищ[ев]. Наказ. Словесность отказывается за нею следовать, точно так же, как и народ (члены ко[миссии] — депутаты)...».

Но то, что было известно Пушкину, шло по устной традиции и не было широко распространено в обществе первой трети XIX в.; в это время уже полностью сложилось фальшивое, антиисторическое представление о царствовании Екатерины.

«Екатерининская легенда» создалась в первую четверть XIX в., в царствование Александра I, любимого внука «императрицы-философа»; тогда был официально прокламирован культ Екатерины, имя ее, ее действия, политика, личность всячески прославлялись, причем в такой форме, что большая доля лучей этой славы освещала самого Александра. В период усиления правительственной реакции в царствование Николая I, по словам такого осведомленного лица, как П. И. Бартенев, издатель «Русского архива», отношение правительства к памяти якобы «либеральной» Екатерины коренным образом изменилось, и, повидимому, именно в противовес официальному направлению передовые русские писатели, в частности Белинский, позднее Чернышевский, стали подчеркивать значение просветительной деятельности Екатерины: на фоне жестокой реакции николаевского времени, да и позже, ссылки на правительственный либерализм Екатерины имели значение одного из приемов политической борьбы.

Так возникшая и развивавшаяся легенда о «славном царствовании Екатерины», о всеобщем признании ее подданными, о ее громадном моральном авторитете мешала правильному пониманию всей русской истории второй половины XVIII в., мешала правильному пониманию истории русской литературы этого периода, не позволяла, в частности, правильно осмыслить такой существенный эпизод в истории русского общества того времени, как сатирическая журналистика 1769—1774 гг.

II

Сатирические журналы 1769—1774 гг. возникли в итоге довольно длительного и напряженного развития русской общественной мысли XVIII в. Содержание этого процесса развития можно определить словами И. В. Сталина, как «вековую тяжбу русского народа с царским самодержавием».[1]

Несмотря на откровенно классовый характер преобразовательной деятельности Петра I, создававшего государство помещиков и торговцев за счет жесточайшей эксплоатации крепостных масс, результаты этой деятельности были полезны для России в целом, так как было создано мощное, обороноспособное государство и были окончательно пресечены хищнические попытки западных соседей России превратить ее в свою колонию. Равным образом

---

[1] И. В. Сталин, Соч., 1, стр. 186.

и культурные преобразования Петра, при всей их явной буржуазно-дворянской направленности, также имели общенациональное значение; была создана новая светская культура, был осуществлен почти полный разрыв с церковной культурой предшествующего периода, оказано широкое содействие развитию науки, просвещения, литературы; при всей классовой ограниченности петровских преобразований они не могли не оказать влияния на рост культуры демократических слоев русского народа. Поэтому литература петровского времени в значительной своей части имеет прогрессивное значение.

Усилившаяся после смерти Петра реакция, поддерживаемая его слабыми и бесталанными преемниками, поставила перед передовыми русскими писателями новую задачу общенационального значения: при Петре нужно было разъяснять его мероприятия и развивать новые прогрессивные явления русской культуры, при его преемниках необходимостью стало отстоять уже завоеванное, сохранить его и сберечь. Борьба за петровские начала, пропаганда идей преобразования становилась в таких условиях знаменем прогрессивных (как дворянских, так и демократических) русских писателей 1730—1740-х и, отчасти, 1750-х годов. Именно этим объясняется передовой характер сатирической и просветительной деятельности Кантемира; поэтому большое значение имели переводы Тредиаковского — политические романы, пропагандировавшие идеи просвещенного абсолютизма; поэтому так высоко ценили люди XVIII в. трагедии дворянского «либерала» Сумарокова, рисовавшего образы «идеальных государей», просвещенных монархов, отцов своих подданных. Поэтому была так многогранна и всеобъемлюща патриотическая деятельность Ломоносова, ученого, поэта, просветителя, наиболее крупного представителя демократической русской мысли в первой половине XVIII в. Культ Петра, который так характерен для русской литературы второй трети XVIII в. и даже позднее, представлял разновидность пропаганды прогрессивных идей в форме прославления умершего императора. Восхваления Петра и его реформы уже сами по себе служили свидетельством прогрессивности писателя. Именно в виду этого лицемерная Екатерина считала нужным, в особенности в начале своего царствования, афишировать свое «обожание» Петра.

Передовые представители поколения писателей 1730-х, 1740-х годов, борясь за сохранение петровских реформ, были настроены гражданственно, патриотически. Отражая в своем творчестве в меру своего понимания, в меру своих сил и возможностей потребности народной жизни, прогрессивные писатели первой половины XVIII в. воспитали новое, второе поколение

литературных деятелей, возглавлявшихся Новиковым и Фонвизиным.

Этому поколению писателей пришлось действовать уже в иных условиях: петровские преобразования, хотя и в сильно приноровленном к интересам одного только дворянства виде, укрепились. Россия приобрела большое политическое влияние в Европе, усилилось самодержавие, несмотря на то, что в результате дворцовых переворотов, которые, по словам В. И. Ленина, «были до смешного легки»,[1] сами монархи часто менялись, а наряду с усилением монархии, шло невероятное развитие крепостничества в самой грубой форме.

Перед вторым поколением прогрессивных русских писателей XVIII в. встала задача борьбы с наиболее дикими формами самодержавия и крепостничества. Едва ли кто-либо из них поднимался до осознания необходимости борьбы с самодержавием и крепостничеством как всеобщим злом. Но борьбу против произвола самодержавия и против диких проявлений крепостничества они считали своим долгом и делом. Писатель старшего поколения, Сумароков в конце 1750-х годов издает журнал «Трудолюбивая пчела» (1759), в котором видное место занимает сатирическая борьба еще не с теми общими принципами самодержавия и крепостничества, против которых выступят писатели второго поколения, а только с наиболее отвратительными проявлениями хищничества, казнокрадства и взяточничества, процветавшими при правительстве Елизаветы. В 1761 г. молодой Д. И. Фонвизин пишет по случаю смерти Елизаветы язвительную баснюсатиру «Лисица-казнодей», в которой уже высмеивает сказки о просвещенном монархе.

Можно было бы привести еще не мало примеров проявления духа критики и сатиры в русском обществе конца 1750-х годов, но едва ли это здесь необходимо. Жена наследника престола, великая княгиня Екатерина Алексеевна, будущая Екатерина II, пробивавшая себе в это время дорогу к престолу, прекрасно учла новые явления русской действительности и поняла, что ей, чужеземке, нельзя будет, хотя бы на первых порах, царствовать так деспотически, как это делала Елизавета, за которой стоял авторитет Петра; что ей, Екатерине, надо привлечь на свою сторону критикующих и недовольных, надо объявить себя ненавистницей деспотизма и сторонницей просвещенного абсолютизма. Расчет ее был прост и точен, и это дало ей на некоторое время возможность усыпить бдительность передовых кругов русского общества.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., 4-е изд., 28, стр. 397.

Вступив на престол с помощью дворцового переворота и дав торжественное письменное обязательство уступить власть своему сыну Павлу по достижении последним совершеннолетия (1770), Екатерина старалась укрепить свое шаткое положение рядом продуманных шагов. Она издает указы о борьбе со взяточничеством, с ростовщичеством, с мотовством, задумывает созыв «Комиссии для сочинения проекта Нового уложения», которое должно заменить «Уложение», созданное при царе Алексее Михайловиче, пишет для этой Комиссии «Наказ», скомпилированный из трудов западно европейских правоведов и публицистов, раздает этот «Наказ» на отзыв ряду видных деятелей эпохи, полемизирует с их замечаниями на «Наказ», словом, проявляет большую энергию в своем стремлении провести в жизнь желательные ей мероприятия.

Желание Екатерины показать свою «прогрессивность» и этим снискать поддержку «либеральной» части дворянства было продиктовано не только соображениями личной заинтересованности как незаконной монархини, узурпировавшей власть и стремящейся сохранить ее. Это были, прежде всего, поиски путей укрепления дворянского общества, испытывавшего растущее недовольство крепостного крестьянства.

«В течение 1760-х годов, — пишет проф. Н. Дружинин, — одновременно были охвачены волнениями 100 тыс. крестьян церковных имений, 100 тыс. крестьян, приписанных к горным заводам, и 50 тыс. крестьян помещичьих имений; массовое брожение наблюдалось и в районах южных однодворческих поселений. Волнения охватили обширную территорию центральных и восточных губерний. Это были массовые протесты нового типа: в отличие от крестьянских бунтов XVII и начала XVIII столетий, которые являлись борьбой против процесса закрепощения, волнения церковных, приписных и помещичьих крестьян 1760-х годов были борьбой против феодальной эксплоатации, осложненной новыми капиталистическими отношениями. Это была первая волна крестьянского протеста, который в результате усиливавшегося прибоя привел к крестьянской войне 1773—1775 гг. и сохранил свои характерные черты до самой отмены крепостного права».[1]

Волнения четверти миллиона крестьян (при общем количестве населения около 20 миллионов человек) были фактом очень значительным, с которым и Екатерина и дворянство в целом должны были серьезно считаться.

---

[1] Н. Дружинин. О периодизации истории капиталистических отношений в России. — «Вопросы истории», 1949, № 11, стр. 94.

«Сложившаяся в феодальной деревне новая ситуация, — продолжает цитированный выше автор, — сразу же отразилась на сознании господствовавшего класса: под непосредственным впечатлением крестьянского движения появились дворянские проекты смягчения крепостного права, а правительственная политика вылилась в форму так называемого „просвещенного абсолютизма". Чтобы укрепить заколебавшуюся феодальную систему, дворянское государство не только усиливало политику репрессий, но и пошло на частичные уступки, стараясь приспособиться к слагавшимся буржуазным отношениям» (там же).

Такими уступками был «Наказ» Екатерины и созыв знаменитой «Комиссии 1767 г.».

«Комиссия для сочинения проекта Нового уложения» не оправдала надежд Екатерины, несмотря на достаточно хорошо организованный порядок выборов депутатов, регламент работ Комиссии и умело подобранный административный аппарат ее. В Комиссии, вскоре после официальной торжественной части, начались довольно резкие столкновения различных социальных групп, в ней представленных, обсуждение вопросов повестки дня шло вовсе не в желательном для Екатерины направлении: крепостники-дворяне требовали отмены петровской табели о рангах, дававшей возможность не-дворянам по происхождению становиться потомственными дворянами-помещиками по службе, и запрещения новым дворянам покупать землю и крепостных; купцы, промышленники, духовенство и даже кулацкие элементы из свободных («государственных») крестьян заявляли претензии на право приобретать крепостных и землю; представители демократических слоев населения — однодворцы, мелкие казаки и пр., — отражая настроения крепостной массы, не имевшей права посылать депутатов в Комиссию, боролись с крепостническими требованиями большинства. Ко всему этому присоединилась еще борьба на национальной почве: депутаты недавно присоединенных «провинций» — Лифляндии, Эстляндии и более старых (Украины, Смоленской области — Белоруссии) — добились сохранения за их территориями старых местных законов, вопреки желанию Екатерины унифицировать все части государства в отношении законов.

Все эти обстоятельства, в особенности споры по поводу положения крепостных крестьян, вызвали оживленные отклики в различных слоях общества. Крепостная масса отозвалась на эти события в анонимном стихотворении, которому в науке присвоено название «Плач холопов». Здесь находятся следующие строки, касающиеся дворянских заправил «Комиссии для сочинения проекта Нового уложения»:

В свою ныне пользу законы переменяют,
Холопей в депутаты затем не выбирают,
Что могут, де, холопы там говорить.

«Комиссия» стояла в центре внимания всех слоев общества. В ее работах принимали участие многие современные писатели различных политических убеждений и социальной принадлежности. Депутатами были: из числа писателей дворяне-консерваторы, реакционеры — кн. М. М. Щербатов, Д. В. Волков, А. А. Волков, Н. Е. Муравьев, И. П. Чаадаев и др., дворяне-либералы екатерининской ориентации — И. П. Елагин, А. В. Нарышкин, А. А. Ржевский, А. А. Нартов, В. И. Бибиков, С. Г. Домашнев, писатели, представители украинского дворянства — В. Т. Золотницкий, Г И. Полетика, Н. Н. Мотонис, писатели-разночинцы — Я. П. Козельский, Л. В. Татищев, Г. В. Козицкий, профессор Я. Урсинус. В качестве секретарей («сочинителей»), протоколистов («держателей дневных записок», т. е. протоколов пленума Комиссии и ее частных комиссий), и переписчиков работали передовые писатели: кн. Ф. А. Козельский, Н. И. Новиков, М. И. Попов, А. О. Аблесимов и др.

Таким образом, видно, что тогдашняя литература в значительном большинстве ее представителей так или иначе принимала участие в занятиях Комиссии и, конечно, была в курсе ее дел.

18 декабря 1768 г., после почти трехмесячного перерыва в работах Комиссии, маршал (председатель) Комиссии А. И. Бибиков срочно созвал пленум и объявил о роспуске Комиссии впредь до особого извещения, мотивируя это решение Екатерины необходимостью депутатам-военным отправиться в свои воинские части для принятия участия в начинающейся войне с Турцией. Хотя формально Комиссия не была закрыта (частные комиссии продолжали собираться) и сроки ее созыва несколько раз отодвигались, но для всех было ясно, что Комиссия не удовлетворила Екатерину и была распущена по воле императрицы навсегда.

III

Закрытие Комиссии вызвало еще более оживленные толки, чем ее деятельность. Екатерина учла это и пришла к заключению о необходимости успокоить общественное мнение, разъяснив причины закрытия столь широко разрекламированной Комиссии, и попутно изложить основные принципы правительственной политики.

Екатерина решила сделать это при помощи периодического издания, при помощи сатирического журнала, который стал вы-

ходить анонимно со 2 января 1769 г. Журнал назывался «Всякая всячина»; был распущен слух, что издателем его является секретарь Екатерины, писатель Г. В. Козицкий, но осведомленные люди знали, что во главе «Всякой всячины» в качестве ее направляющего руководителя стоит сама императрица. Эта внешняя законспирированность участия Екатерины во «Всякой всячине» сыграла определенную роль в дальнейшем.

Чтобы удобнее было провести свои замыслы в жизнь, Екатерина сочла нужным не делать «Всякую всячину» единственным сатирическим журналом и, хотя и без официального объявления, дала во вступительной статье первого листа журнала знать читающей публике, что издание аналогичных органов печати разрешается. Поэтому уже в конце января 1769 г. стал выходить журнал М. Д. Чулкова «И то и сё», затем последовали журналы «Ни то, ни сё» В. Г. Рубана, «Поденьшина» В. Тузова, «Смесь» Л. И. Сичкарева, «Трутень» Н. И. Новикова, «Полезное с приятным» И. Ф. Румянцева и И. А. де-Тейльса, наконец, «Адская почта» Ф. А. Эмина.

Бо́льшая часть этих журналов просуществовала едва до конца 1769 г.; только «Всякая всячина» и «Трутень» продолжали издаваться в первом полугодии 1770 г. В 1770—1774 гг. появляются некоторые новые сатирические журналы, но самыми интересными из них и заслуживающими внимания советского читателя являются только три: «Пустомеля» (1770), «Живописец» (середина 1772—середина 1773) и «Кошелек» (1774). Все три последние журнала издавал Н. И. Новиков, ранее (1769—1770) издававший журнал «Трутень».

Именно к четырем журналам Н. И. Новикова и еще к «Смеси» Л. И. Сичкарева и «Адской почте» Ф. А. Эмина относится характеристика, данная Н. А. Добролюбовым: «они были живы, блестящи, эффектны, интересны, даже дерзки».

«Всякая всячина», считая себя родоначальницей «поколения Всякия всячины», полагала, что ей удастся своими статьями направить общественное мнение по желательному для Екатерины пути; однако, и очевидно не без основания, — перед нею был уже пример непокорности Комиссии депутатов, — она предвидела возможные осложнения со строптивыми писателями. Во вступительной статье (статья безусловно написана самой Екатериной) было сказано следующее: «Мой дух восхищен: я вижу будущее. Я вижу бесконечное племя Всякия всячины. Я вижу, что за нею последуют законные и незаконные дети; будут и уроды ее место со временем заступать» (л. I, стр. 2 об.—3). Фраза об «уродах» явно свидетельствует, что Екатерина ожидала оппозиционных выступлений.

Свои задачи «Всякая всячина» сформулировала как осмеяние пороков: «добрый вкус и здравое рассуждение... одною рукою прогоняют дурачества и вздоры, а другою доброе поколение Всякия всячины за руку ведут» (стр. 3).

Однако «уроды», т. е. передовая сатирическая журналистика, не пожелали быть ведомыми «рукою Всякия всячины»: почти с первых же листов в ряде журналов, в особенности «Смеси», «Трутне» и «Адской почте», началась резкая полемика с журналом Екатерины. Так как все журналы печатались в правительственных типографиях: Академии Наук, Сухопутного Шляхетного корпуса и Морского корпуса (частных типографий тогда в России еще не существовало), то цензуре, осуществлявшейся при этих типографиях, было предписано строго следить за тем, чтобы не пропускалось в печать «ничего противного законам божеским и государственным» и ничего обидного для отдельных личностей.

Все это заставило издателей передовых сатирических журналов и их сотрудников прибегнуть к особой системе обозначений осмеиваемых лиц, внешне неуязвимой и в то же время понятной читателям. Читатели того времени привыкли угадывать самые легкие и, казалось бы, неуловимые намеки современных им сатирических писателей. Поэтому одни и те же имена осмеиваемых «порочных» людей встречаются и в «Трутне», и в «Смеси», и в «Адской почте»: при сравнительной малонаселенности тогдашнего Петербурга и знании писателями и читателями большинства крупных особ столицы эти условные имена легко разгадывались, и сатирический удар попадал в цель. Это обстоятельство имело существенное значение в тогдашних условиях. Сатира представляла не абстрактное, оторванное от жизни и социальной борьбы явление, а элемент именно этой борьбы. Это проявилось прежде всего в двух основных пунктах полемики: а) о характере и пределах сатиры и б) о положении крепостной массы.

«Всякая всячина», как указано было выше, ставила своею целью осмеяние порока. Но цель эту можно было осуществить двояко: направляя острие сатиры на «порок» и не касаясь конкретных носителей порока, и высмеивая порочных людей и, тем самым, поражая порок. На языке сатирических писателей 1769—1774 гг. эти две возможности обозначались терминами: сатира «на порок» и сатира «на лицо».

«Уроды» из поколения «Всякой всячины» пошли по пути «сатиры на лицо», чем немало возмутили и встревожили Екатерину, чувствовавшую, что журналистика идет не по тому пути, который был императрице желателен. Началась длительная и

упорная полемика по вопросу о допустимом и желательном характере сатиры.

Новиков, скрываясь под всевдонимом Правдулюбова, резко высмеивал позицию Екатерины, настаивавшей на допустимости одной только сатиры «на порок» и аргументировавшей эту точку зрения «человеколюбием», стремлением не обижать человеческое достоинство осмеиваемых сатирой. Правдулюбов-Новиков едко назвал это «человеколюбие» «пороколюбием», остроумно доказывал, что сатира «на общий порок» выгодна только знатным людям, и утверждал, что путь всякой истинной сатиры идет от осмеяния конкретного порочного лица к превращению в сатиру на порок вообще: «Меня никто не уверит и в том, что бы Молиэров Гарпагон писан был на общий порок. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок» («Трутень», 1769, л. XXV).

Спор о принципах и границах сатиры не имел чисто литературного характера. За видимой полемикой о допустимости сатиры «на лицо» шла борьба за право писателя, право литературы критиковать не только вредные общественные явления, но и виновников их, критиковать административный аппарат, выражать свободно и открыто свое негодование поступками «знатных особ», не исключая и самой Екатерины. Спор о характере сатирической литературы превращался в борьбу за свободное общественное мнение, за право писателей быть рупором интересов народа так, как они понимали эти интересы, и выступать против того, что представлялось им нарушением этих интересов.

Передовые сатирические журналисты, хорошо зная, кто стоит во главе «Всякой всячины», и пользуясь анонимностью издания, нападали на Екатерину с достаточной откровенностью. Так, в письме 11 «Адской почты» Эмина, в которой ведут переписку два беса, Кривой бес пишет Хромоногому: «Ты знаешь, брат, что я из ада определен к политическим делам. Если бы ты не был такой бес, как я, то подумать бы мог, что дурно отправляю мою должность, уведомляя тебя о маловажных случаях, которы в политику не всеми включаемы бывают. Светские люди, — многозначительно продолжает Кривой бес, — политикою называют, по большей части, действия самые тончайшие и тайною хитростию наполненные; однако многие из них, и по нашему рассуждая, вмещают в политику и в с я к у ю в с я ч и н у» («Адская почта», 1769, июль, стр. 41; разрядка моя. — П. Б.). Предупредив, таким образом, читателя, что «Всякая всячина» рассматривается им в качестве какого-то звена в политике Екатерины, Эмин начинает следующую книжку своего журнала с «письма г. Всякой всячине». Здесь он, касаясь позиций екате-

рининского журнала в вопросе о характере сатиры, пишет: «Ты таким своим нравоучением всем нравиться хочешь, но поверь мне, что придет время, в которое будешь подобна безобразному лицу, белилами и румянами некстати украшивающемуся. Знай, что от всеснедающего времени ничто укрыться не может. Оно когда-нибудь пожрет и твою слабую политику, когда твои политические белила и румяна сойдут, тогда настоящее бытие твоих мыслей всем видным сделается» (стр. 76—77).

Итак, Эмин совершенно откровенно заявляет, что считает «Всякую всячину» журналом политическим и к тому же журналом, проводящим «слабую», неубедительную политику. В самом деле, предпринимая издание журнала, Екатерина хотела, как уже указывалось выше, объясниться со своими читателями, дать понять, почему ею распущена Комиссия, как представляет она себе свои задачи и какое поведение подданных желательно ей. Эти свои взгляды она изложила в так называемой «Сказке о мужичке» (стр. 164—168) и в статьях «Дядюшка мой человек разумный есть» (стр. 220—224) и «Молодые люди всего желают отведать» (стр. 339—341).

Содержание «Сказки о мужичке» таково. Жил да был мужичок. Когда он вырос и окреп, его старый кафтан стал ему узок. Долгое время ему не удавалось добиться у помещичьего приказчика, чтобы тот отдал приказ сделать мужичку новый кафтан. В конце концов сыскался добрый приказчик, который созвал портных, дал им сукно и велел шить мужичку кафтан. Им был даже дан «образцовый кафтан». Но портные оказались не на высоте призвания, они не справились с делом. Пока они возились, «вошли четыре мальчика, коих хозяин недавно взял с улицы, где они с голода и холода помирали». Мальчики, хотя и были грамотными и могли помочь незадачливым портным, но не пожелали сделать этого и стали требовать, чтобы им отдали те кафтаны, «кои у нас были, как мы были пяти лет, мы в них очень нарядны будем, нам теперь пятнадцать лет». Требования мальчиков совсем помешали портным шить кафтан мужичку, который на улице без кафтана вовсе замерз. А дворецкий стал уверять мальчиков, что хозяин и их не забудет, «только им наперед ту милость заслужить должно, а не попустому упорствовать». Кончается сказка словами: «Продолжение впредь сообщу».

Смысл этой политической сказки таков. Мужичок — русский народ; кафтан — Новое уложение; дворецкий-приказчик — Екатерина; портные — Комиссия депутатов; четыре грамотных мальчика — представители Лифляндии, Эстляндии, Украины и Смоленской области, требовавшие сохранить им их старинное местное самоуправление. Последние слова сказки и обещание сообщить

«продолжение впредь» должны были объяснить подлинные причины закрытия Комиссии и условия возобновления ее деятельности.

Очевидно именно эту сказку называл Эмин в своем «письме г. Всякой всячине» «слабой политикой» и «политическими белилами и румянами».

Статья «Дядюшка мой человек разумный есть» также имеет иносказательный смысл. Дядюшка, потративший много сил на то, чтобы привести в порядок свое запущенное имение, недоволен поведением своих домашних, которые думают только о своих личных выгодах и не хотят ничем помочь ему. «Вообще все заражены двумя пороками: первый — корысть, другий — дух властвования. Наравне быть не умеют, и от того уже родиться может зависть, ненависть, злость, угнетение, когда есть возможность, несправедливости всякие, насильствие и, наконец, мучительства». Дядюшка крайне огорчен всем этим и даже расстроен и раздражен.

Конечно, дядюшка — это сама Екатерина, домашние его — это подданные, а смысл статьи, что нужно уметь «наравне быть», то есть оставаться на том месте на социальной лестнице, где кто находится. Ту же мысль Екатерина проводит в статье «Молодые люди всего желают отведать»; она убеждает все сословия быть довольными своим нынешним положением и не стремиться к его изменению: «Слушайте, Еввины дети, истину неоспоримую и живите спокойно: все вы не можете жить одни без другого, все вы есть члены одного тела».

Не только Эмину была ясна «политика» Екатерины во «Всякой всячине»; и в «Смеси», и в «Трутне» находятся статьи, которые свидетельствуют о том, что передовые представители русского общества тех лет уже не довольствовались либеральными фразами Екатерины и мужественно говорили то, что думали. Л. И. Сичкарев в «Речи о существе простого народа» пишет: ..Многие сограждане видят истину, закрытую завесою ложного предрассуждения. Пусть народ погружен в незнание, но я сие говорю богатым и знатным, утесняющим человечество в подобном себе создании» («Смесь», 1769, л. 25, стр. 198).

Но как резко ни выступали против Екатерины Эмин и Сичкарев, они далеко уступают в силе, страстности и благородном негодовании Новикову. Во «Всякой всячине» под № 103 (в этом журнале не было нумерации листов, а статьи или «отделения» шли без заглавий, но под нумерами) была помещена статья, начинающаяся словами: «Некогда читал некто следующую повесть». Статья «Всякой всячины» направлена против журнала Новикова

и проводит мысль, что у Новикова вовсе нет социально полезных побуждений, что его сатирические сочинения представляют сплетни, «жадность и жажду ко новизнам», что это вредно действует на умы молодых читателей.

В ответ на грубую статью Екатерины, — а эта статья безусловно принадлежит ей, это видно из ее последующего ответа, — Новиков напечатал пародию — переделку этой же статьи, взяв статью из «Всякой всячины» за основу и заменив все направленное против него соответственными нападками на Екатерину.

Вот начало и конец обеих статей:

«Всякая всячина»	«Трутень»
Некогда читал некто следующую повесть. У моих сограждан, говорит сочинитель, нет ни одной такой склонности, коя бы более притягала мое удивление, как неутолимая их жажда и жадность ко новизнам. Обыкновенно задача к тому дается одним словом или действием, а в каждом доме к одному или другому прибавляются свои рассуждения.	Некогда читал некто следующую повесть: у некоторых моих сограждан, говорит сочинитель, нет ни одной такой склонности, коя бы более притягала мое удивление, как неограниченное их самолюбие. Обыкновенный к тому повод бывает невежество и ласкательство.
Если бы сие любопытство было хорошо управляемо, оно бы могло быть очень полезно для тех, кои теперь оным обеспокоены.	Если бы сие самолюбие было ограничено и хорошо управляемо, оно бы могло быть очень полезно для тех, кои теперь оным обеспокоены.
Для чего человек, который любит новизну, для чего, говорит сочинитель, не берет он книги в руки? Он бы тут много увидел, чего еще не знает (стр. 265).	Для чего человек, который заражен самолюбием, для чего, говорит сочинитель, не берет он книги в руки? Он бы тут много увидел, чего ласкатели никогда не говорят.
Читав сие, понял он причину, для чего в великом множестве наши листы охотно покупают. Хотите ли оную знать? Боюся сказать, прогневаетесь. Одно любопытство и новизна вас к сему поощряет.	Читав сие, понял он причину, для чего сперьва тысячами некоторых листы охотно покупали. Хотите ли оную знать? Боюся сказать, прогневаются; одно желание посмеяться самолюбию авторскому к сему поощряло.
Ему пришло на ум еще новенькое. Со временем составлять он хочет ведомости, в которых все новизны напишет всего города, и надеется получить от того великий барыш. Например... (стр. 266).	Ему пришло на ум еще новенькое, со временем составить он хочет книгу, всякий вздор, в которой все странные приключения напишет всего города, и надеется получить от того великий барыш, например...
...Сведав сие, мы думали, что нам бы непростительно было утаить сие важное известие от наших читателей (стр. 267).	...Сведав, я думал, что мне непростительно было утаить сие важное от вас, г. издатель, известие и от ваших читателей.

В результате получилась статья, исключительно смелая, резкая и полная глубокого достоинства.

Итак, Новиков ударил Екатерину ее же оружием и ударил прямо в точку: виной всему он считает самолюбие Екатерины. Знал ли он, что Екатерина вообще принимала участие во «Всякой всячине» и, в частности, была автором этой статьи (в последнем убеждают, кроме принципиальности данной статьи и повторения ее темы в ряде комедий Екатерины, также неправильности языка, не везде устраненные технической редакцией)? Из тех вставок, какие сделаны Новиковым в тексте его травестии, явствует, что он не только это знал, но именно поэтому намеренно заострил в статье отдельные моменты, подчеркивая тем самым сознательную резкость тона. Екатерина упрекает «любителей новизн и сочинителей» не только в перемывании косточек ближних, но также и в «поношении многих добрых людей». Новиков в противовес ей подробно обрисовывает следствия ее самовлюбленности и жадности к лести. «Если бы сей человек [самолюбивый], — пишет Новиков, порадируя текст Екатерины, — если бы вздумал такие новости читать, то бы сие для него гораздо было полезнее, как мнение, что такий-то не так пишет, как он, или что такая-то безмерно в последней комедии хвалила то, что ему не нравится..., или что многие хвалят те сочинении, кои несогласны с его умоначертанием, или осмеливаются тогда писать, когда он пишет; или, наконец, что все то худо, что не по его и ему не нравится. Такий самолюбивый угнетает разум и обезнадеживает всех, чем-нибудь быть надеющихся. Его умоначертание наполнено самим только собою; он не видит ни в ком ни дарований, ни способностей. Он хочет, чтобы все его хвалили и делали бы только то, что он повелевает; другим похвалу терпеть он не может, думая, что сие от него неправедно отъемлется, и для того требует, чтобы все были ласкатели и, таскаяся из дома в дом, ему похвалы возглашали, что однако есть грех».

Может ли после этой цитаты оставаться хоть намек на сомнение в том, что Новиков знал, кто автор статьи во «Всякой всячине»? Это упорное повторение излюбленного Екатериной словечка «умоначертание», это намеренное сочетание понятий «самолюбие» и «ласкательство»,[1] наконец это многозначительное

---

[1] Для полного уразумения смысла, который вкладывал Новиков в соединение понятий «самолюбие» и «ласкательство», необходимо обязательно привлечь к рассмотрению новиковской травестии непосредственно за ней следующее в том же листе «Трутня» «письмо Огорченного», который просит издателя ополчиться «на ласкателей, на сих ядом дышущих чудовищей, противу благосостояния государства; на сих подлых тварей, которые для своего прибытка, обольщеваемых ими вельмож отвращают от благотворения». «Я не буду вам описывать, — говорит далее Огорченный, — сколько они

указание на то, что поведение «самолюбивого» «угнетает разум и обнадеживает всех, чем-нибудь быть надеющихся», — все это, вместе с более чем прозрачным «он хочет, чтобы все его хвалили и делали бы только то, что он повелевает», свидетельствует о том, что автор Новикову был хорошо известен и последний воспользовался случаем, чтобы, прикрываясь полемикой с неназванным литературным противником, сказать Екатерине смелые и честные слова о только эгоистической, как ему казалось, основе ее политической линии, о ее самовлюбленности и позерстве. Русская литература здесь едва ли не впервые сделала полный гражданской сознательности, резко откровенный и дерзкий по форме набег на самодержавие Екатерины. Поэтому нельзя забывать об этом поступке Новикова, когда мы читаем глубоко волнующие строки Пушкина, посвященные характеристике екатерининской политики как раз этих лет: «Фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная, имела в Европе свое действие; „Наказ" ее читали везде и на всех языках. Довольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Траянами; но перечитывая сей лицемерный „Наказ", нельзя воздержаться от праведного негодования. Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне; он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна».

Пушкин, в основном, был прав: некоторые русские писатели — реакционные и либеральные — раболепствовали и подличали перед Екатериной. Но, как видно из приведенных материалов, Новиков нашел в себе мужество сказать Екатерине горькие слова обличения.

Через некоторое время после помещения данной статьи один из читателей укорял Новикова за то, что «Трутень» не выходил в течение четырех недель. Новиков, оправдываясь, писал так: «Я не совсем в том виноват. Я бы охотно сообщил вам причины, меня к тому принудившие, но, для избежания хлопот, я о том умалчиваю». Не являлось ли это вынужденное молчание отчасти результатом помещения новиковской травестии?

Несомненно, что цензурный нажим на «Трутень» после этой стычки и помещенных вскоре затем «Копий с отписок старосты к помещику» усилился. Помимо указанного выше четырехнедельного перерыва в издании журнала, свидетельством цензурных воздействий на Новикова является письмо во второй части

бесчестны и сколько наносят вреда государству, за тем, что я вас прошу написать на них сатиру, но скажу, что они у нас и добродетельнейших похищают вельмож». Конечно, вельможи здесь только замена легко возникающего в связи с дважды повторенным словом «государство» имени Екатерины.

«Трутня» (1700, л. XIII, стр. 39), в котором автор желуется на наборщиков: «Они так портят писмена, попадшие к ним в руки, что читатель, потея и ломая свою голову, скорее ослепнет от неусыпного прилежания в изыскании смысла, нежели поймет мысль автора». На это Новиков пишет: «Сочинителю сего письма во ответ ничего теперь не скажу; пусть он изволит потерпеть, а со временем я его уведомлю о многом особливым письмом». Намек на то, что виноваты не наборщики, а цензура, здесь достаточно ясен. В следующем листе «Трутня» Новиков, отвечая «молодой сочинительнице» и через ее голову полемизируя со «Всякой всячиной» (вы угрожаете, что «будете жаловаться моей прабабке — но у меня ее нет»), писал: «Ежели бы получил я ваше письмо вчерась, то бы дошло у нас до превеликой ссоры. Вы чрезвычайно горячи, да и я также: сверьх того я взбешен был одною женщиною, так немудрено, ежели бы я вам зделал грубый ответ...». Едва ли стал бы Новиков оповещать своих читателей о каких-то своих интимных ссорах; «женщина», взбесившая его, — это либо «цензура», либо, скорее всего, Екатерина, и именно для того, чтобы показать свое благородное упорство в споре с «государыней-публицистом», аргументировавший свои доводы цензурным вмешательством, Новиков безбоязненно заявлял в журнале, т. е. публично, зная, какой резонанс это будет иметь, что он «взбешен был одною женщиною». Можно думать, что «взбешен» был Новиков сообщением о предстоящем закрытии «Трутня», который прекратился через месяц.

Велась Новиковым борьба с Екатериной и другими способами. Так, в «Трутне» (1770, л. VIII) печатается перевод с китайского А. Л. Леонтьева «Чензыя, китайского философа, ответ, данный его государю», в «Пустомеле» (1770, июль), другой перевод Леонтьева — «Завещание Юнджена, китайского хана, к его сыну»; в обоих переводах с китайского было очень много такого, что наталкивало на сопоставление с русской действительностью 1769—1770 гг. Вот, например, фраза в «Ответе Чензыя», которая совершенно злободневно звучала во время толков о роспуске Комиссии 1767 г.: «Если учреждения твои будут легкомысленны и, следовательно, не тверды, то ведай, что не только государство свое не исправишь, но и самого тебя исправить трудно будет» («Трутень», 1770, л. VIII). Во втором переводе обращают на себя внимание те места, в которых старый государь передает власть наследнику (напомним, что в 1770 г. Екатерина, согласно своему письменному обещанию, должна была уступить власть Павлу Петровичу, которому тогда исполнилось шестнадцать лет) и при этом формулирует основные принципы своей правитель-

ственной системы: «Не отдавайся в обман льстецам и лукавцам и не слушай развратных предложений... ведай, что от добродетельного государева жития в государстве бывает мир и согласие...» («Пустомеля», 1770, июль).

«Добродетельное житие государя» служило Новикову также одним из средств борьбы с Екатериной: и в «Трутне», и в «Живописце» находится много статей, в которых осмеивается «престарелая кокетка», подыскивающая молодых любовников («Трутень», 1769, л. VI, л. XVI; 1770, л. III, л. XIII, л. XIV; «Живописец», 1772, л. 11; 1773, л. 12, л. 23). Это несомненно намеки на практику фаворитизма, установившуюся у Екатерины именно в эти годы. Нападки Новикова на Екатерину по этой линии построены всегда так осторожно, что цензуре никак нельзя было придраться к чему бы то ни было, а читателям в то же время было ясно, о ком и о чем идет речь. Иногда резкость Новикова идет чрезвычайно далеко. Такова, например, характеристика развратной «девицы», которой идет уже пятый десяток (Екатерина родилась в 1729 г.) и которая гордится тем, что «никто уже [ей] не скажет: живи с одним и люби одного»; эта же «девица» пишет письмо о «Живописце» и подписывается инициалами «Р. Г.», которые можно расшифровать, как угодно, в том числе и как «Российская Государыня».

Своеобразие борьбы Новикова с Екатериной проявлялось в том, что обычно, вслед за такими резкими нападками на свою антагонистку, Новиков помещал в том же или ближайшем листе журнала обильные, но холодные и потому производившие впечатление официальной отписки похвалы Екатерине. Этим он как бы иллюстрировал цитированные выше слова старца Аполлония к Коммоду: «Если ты не будешь добродетелен, то почтен будешь наружно и ненавидим внутренно».

Формы борьбы Новикова с Екатериной были настолько разнообразны и тонки, что иногда они вводили в заблуждение даже весьма осторожных исследователей. Особенно характерен случай с посвящением («приписанием») журнала «Живописец» «Неизвестному сочинителю комедии „О время!“», то есть Екатерине.

Потерпев неудачу на поприще сатирической журналистики в 1769 г., Екатерина в течение 1770—1771 гг. написала пять комедий. Первая из них, «О время!», была представлена в начале 1772 г. на придворном театре как пьеса «неизвестного сочинителя», но всем интересовавшимся литературой и театром было известно, что автором комедии является Екатерина. Еще в заключительном письме «Всякой всячины» Екатерина, намекая на свое обращение к драматургии, в угрожающем тоне обещала, что «достанутся от [нее] многим щедрые милости» («Барышек Вся-

кия всячины», 1770, стр. 502). В своей комедии Екатерина нападает на «недовольных» и «критикующих» правительственные мероприятия, выставляя своих противников в карикатурном и пристрастном освещении; в ряде мест можно усмотреть прямые отголоски полемики 1769 г., иногда можно даже угадать намеки на Новикова и его «Трутень».

Новиков воспользовался появлением сатирической комедии Екатерины и, ссылаясь на ободряющий пример «неизвестного сочинителя», стал издавать «Живописца».

Помещенное в первом листе нового журнала «Приписание» Екатерине является не панегириком «неизвестному сочинителю», как почему-то принято считать, а очень ловкой критикой пьесы Екатерины. Сказав несколько комплиментов анонимному драматургу, Новиков продолжает: «перо ваше достойно равенства с Молиэровым.[1] Следуйте его примеру: взгляните беспристрастным оком на пороки наши... Истребите из сердца своего всякое пристрастие, не взирайте на лица... Низкостепенной порочной человек, видя осмеваема себя купно с превосходительным, не будет иметь причины роптать, что пороки в бедности только одной пером вашим угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками, в первой раз в жизни своей восчувствует равенство с низкостепенными».

Подчеркнутые нами места достаточно отчетливо показывают позицию Новикова при оценке комедии Екатерины. Советы следовать Мольеру, смело критиковавшему пороки высшего дворянского круга, предложение взглянуть беспристрастным оком, истребить из сердца всякое пристрастие и т. д., и т. д. — все это не что иное, как признание того, что как раз эта необъективность, пристрастность, сведéние личных счетов и представляет недостатки Екатерины как автора комедии «О время!». Особенно замечательна фраза, что «пороки в бедности только одной пером вашим угнетаются».

Иными словами, в форме посвящения своего журнала Екатерине Новиков вступает с ней в новую фазу борьбы, обезоруживая ее ссылками на ее собственную анонимную сатирическую комедию. Поэтому совсем особо звучит характеристика комедии «О время!», данная Новиковым несколько ниже, как «преполезного сочинения». Лукавым языком, в котором сознательно перемешаны элементы иронии и самозащиты, он льстил: «Примите, государь мой, сей знак благодарности за ваше преполезное

[1] В 3-м издании «Живописца»: «перо ваше достойно будет равенства с Молиэровым». (Разрядка здесь и в тексте моя. — П. Б.).

сочинение от единоземца вашего. Вы открыли мне дорогу, которой я всегда страшился; вы возбудили во мне желание подражать вам в похвальном подвиге исправлять нравы своих единоземцев; вы поострили меня испытать в том свои силы.

IV

Вопрос о характере и границах сатиры незаметно, но неизбежно перешел в борьбу с самодержавием. Конечно, это еще не борьба с самодержавием как с принципом; здесь перед нами только борьба с Екатериной как с личностью, как с нарушительницей идеала истинно добродетельного государя. Однако недооценивать значение этой борьбы нельзя. За Новиковым остается бесспорная заслуга первой литературной войны с представителем самодержавия.

И если бы сатирическая журналистика 1769 г. в лице «Трутня», «Адской почты» и «Смеси» ограничилась одной только этой линией борьбы, то и за это она достойна была бы нашего уважения. Но за Новиковым и его соратниками была вторая, не менее важная заслуга. Они впервые поставили во всей ширине и глубине вопрос о положении крепостных крестьян.

Именно эту сторону сатиры 1769 г. особенно высоко ценил Добролюбов. Он указывал, что в суждениях о положении крепостных она была «резка и беспощадна», что крестьянский вопрос был поставлен на вид «безбоязненно и серьезно». В то же время Добролюбов правильно указывал на ограниченность и слабость этой сатиры: она нападала «не на принцип, не на основу зла, а только на з л о у п о т р е б л е н и е того, что в наших понятиях есть уже само по себе зло» (т. II, стр. 174—175).

Таким образом, Добролюбов, говоря об ограниченности новиковской сатиры в крестьянском вопросе, отмечает как раз то, что было установлено нами выше, когда шла речь об отношении Новикова к Екатерине.

Однако и в данном случае, как и в борьбе его с Екатериной, заслуг Новикова преуменьшать нельзя. В «Трутне», а затем в «Живописце» Новиков печатает и свои и чужие статьи о крепостном крестьянстве, придавая им самые разнообразные формы: «рецептов», «портретов», «писем», «копий» с переписки крестьян и помещика, «ведомостей» (газет), «путешествий» и т. д. И во всех этих произведениях проводится мысль о неотложной необходимости изменения положения крепостных. Но ни Новиков, ни самые радикальные из его сотрудников не ставили прямо вопроса о необходимости отменить крепостное право. Новиков, как верно указал Добролюбов, только взывал к нравственному чув-

ству помещиков и настаивал на прекращении злоупотреблений владельческими правами. Однако и это имело большое значение, если не по практическим результатам, то, во всяком случае, для развития в литературе гуманности, искреннего сочувствия к крепостному крестьянину и стремления верно и правдиво изобразить его жизнь.

Борясь с фальшивыми уверениями Екатерины и ее окружения в том, что положение крепостных превосходно, Новиков и его сотрудники и журнальные соратники, Эмин (в меньшей степени) и Сичкарев (в большей), противоставляют им картины подлинной русской крестьянской жизни того времени. «Копии с отписки крестьян к помещику» и «Копия с господского указа» написаны так хорошо, что ни на минуту не возникает мысли, что перед нами сатира, преувеличение. В публикациях документов XVIII в., касающихся положения крепостных, можно найти буквальные параллели этим «Копиям». Не случайно Добролюбов дважды высказался по поводу этих «Копий»: «Эти документы так хорошо написаны, что иногда думается: не подлинные ли это?». (т. II, стр. 167). А в другом месте по тому же поводу он писал: «Если это письмо вымышлено, то нужно признаться, что оно вымышлено с большим талантом и знанием дела и недостатков того времени» (т. I, стр. 262).

Не входя в подробное рассмотрение всего материала в журналах Новикова, относящегося к теме крепостного крестьянства, остановимся на знаменитом «Отрывке путешествия в*** И*** Т***». (Об авторе см. стр. 560—564).

В этом произведении с исключительной силой была поставлена проблема аморальности крепостного права. Для каждого внимательного читателя ясно, что так называемый «Отрывок путешествия», представляющий якобы XIV главу из путевых записок автора, на самом деле самостоятельное произведение, самая форма которого дает автору возможность показать реальную, неприкрашенную жизнь крепостных того времени.

Вводная часть «Отрывка» говорит об общем положении крестьян. Путешественник «останавливался во всяком почти селе и деревне, ибо все они равно любопытство [его] к себе привлекали, но в три дни сего путешествия, — продолжает он, — ничего не нашел я, похвалы достойного. Бедность и рабство повсюду встречалися со мною во образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. . Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению, всегда находил, что помещики их сами тому были виною.

Эта обобщенная картина и выводы, которые делает путешественник, тесно связаны с деятельностью всем еще в это время памятной Комиссии 1767 г. Главные споры о положении крепостных разгорелись в Комиссии в середине 1768 г. Один из наиболее радикально настроенных депутатов, артиллерии поручик, Григорий Коробьин, выступил с «мнением», то есть специальной запиской, в которой, отвечая на вопрос о причинах побегов крепостных крестьян от помещиков, писал следующее: «Часто я размышлял о том, что бы понуждало крестьянина оставить свою землю, с которой ступить почитает он за дело невозможное, покинуть родственников, жену и детей, которых видя при себе несказанно утешается, а разлучаясь с ними источник слез проливает, странствовать по неизвестным местам и предаться толиким несчастиям, иногда же и самой смерти. Когда токмо войду в такие мысли, то сам себя уверить не могу, чтобы одни только крестьяне были причиною своего бегства. Чего ради должен бываю посмотреть на самих помещиков, как они поступают с ними. Думаю, из вас знают, почтеннейшие господа депутаты, многие, что есть довольно в свете таких владельцев, которые с крестьян своих берут против обыкновенной подати; есть и такие, кои, промотав свои пожитки и набрав много долга, отдают своих людей, отлучив их от земледелия, зарабатывать одни хотя следуемые ежегодно к уплате проценты; есть и такие, которые, видя, что получаемых с крестьян себе доходов на удовольствие прихотей своих не станет, удалив от семейства, употребляют единственно для своей корысти; но что еще всего больше, то являются между ними и такие, кои, увидев своего крестьянина, трудами рук своих стяжавшего малый себе достаток, лишают вдруг всех плодов его старания. Сожаления, подлинно, достойно взирать на земледельца, потом лица своего от земли мало по малу собирающего имение, почитаемое им за бесценное сокровище, в надежде во время болезни своей или старости питать себя и семью свою, такожде платить оброк своему господину, но вдруг неожидаемым помещичьим приказом, или под предлогом усмотренной за ним будто какой вины, или без всего, лишающегося всех своих с толиким трудом собранных пожитков и погружающегося паки паче прежней в горестнейшую бедность, что подлинно с человеколюбием сходства никакого не имеет. Но ежели все сие беспристрастно рассмотрим, увидим точно, что сие угрожает разорением целому государству; ибо тогда только процветает или в силе находится общество, когда составляющие оное члены все довольны: от сего их спокойствие, от сего и дух, к защищению своего отечества распаляющийся, происходит. Но как известно, что земледельцы суть душа обществу, следовательно, когда в изнурении

пребывает душа общества, тогда и самое общество слабеет; итак, от изнеможения общества души, недействительными чрез то самое остаются и члены общества, т. е. разоря крестьян, разоряются и все прочие в государстве. А сие зло коль пагубно государству, всяк удобно понять может от единого токмо воображения разоренных граждан».[1]

Далее Коробьин анализирует некоторые пункты «Наказа» Екатерины и снова приходит к выводу, что «причиною бегства крестьян, по большей части, суть помещики, отягощающие толь много их своим правлением», и что «оное начало, от которого толь вредные происходят следствия, состоит в неограниченной власти помещика над имениями своего крестьянина, и для того всячески трудиться должно разрушить сие начало» (стр. 408).

Понимая, как радикально звучит его призыв «разрушить сие начало», Коробьин продолжает: «В рассуждении сей материи я бы с охотою от нея воздержался, если бы совершенно ведал, что все находящиеся в дражайшем отечестве нашем дворяне суть такие, которых правление над своими крестьянами умножает их благополучие усугублением изобилия и которые самым делом доказывают, что они правят ими, как отцы своими чадами. Но как из вышесказанного видеть можно, что владельцы двоякого вида в нашем отечестве усматриваются: одни такие, которых потеряние почитают себе крестьяне будто как за погубление своей жизни; а другие такие, от которых всячески желают удалиться или иногда и подвергнуться самой крайней для жизни своей опасности. На первых хлебопашцы взирают как на своих отцев, а на вторых как на бич, отгоняющий их от своего семейства» (стр. 408).

В «мнении» Г. С. Коробьина отразились две точки зрения: первая считала, что между помещиками и крепостными могут быть такие отношения, как между «отцами» и их «чадами»; другая настаивала на том, что «всячески трудиться должно разрушить сие начало», сперва ограничив власть помещика над имуществом крестьян, а затем и над их личностью. Все это не было достижением и личным мнением одного только депутата козловского дворянства Коробьина: эти две точки зрения были распространены в тогдашнем русском обществе.

«Отрывок путешествия в*** И*** Т*** проводил вторую точку зрения. Помещенная в л. 5 «Живописца» (1772) первая часть «Отрывка» вызвала бурные споры в дворянских кругах. Отголоски этого находятся в самом «Живописце»; так, уже в л. 9 в письме щеголихи («Mon coeur, Живописец!») упоминается о том,

[1] Сб. имп. Русск. Истор. общ., т. XXXII, стр. 406—407.

что «Отрывок» обратил на себя внимание читателей даже такого легкомысленного разряда, как автор письма; конечно, это не подлинный отклик, как не подлинный отклик и упоминание о «Живописце» в «Письме уездного дворянина к сыну» (л. 15); Новикову хотелось показать, как должны реагировать на появление «Отрывка» разные категории читателей его журнала. Но помещенная в л. 13 «Живописца» «Английская прогулка» никак не может быть причислена к откликам подобного рода.

Передавая свою беседу с одним из знатных, но добродетельных и доброжелательных к «Живописцу» читателей своего журнала, Новиков приводит некоторые суждения своего собеседника: «Без сомнения, дошли до вас, — говорил он, — толки, сим листочком произведенные; но вы не должны о том беспокоиться. Правда, что многие наша братья дворяне пятым вашим листом недовольны, однако ж ведайте и то, что многие за оной же лист и похваляют вас».

Далее собеседник Новикова будто сказал ему следующее: «. . .в числе ваших критиков были и такие, которые порицали вас, будучи побуждаемы слепым пристрастием ко преимуществу дворянскому. . . Я знаю еще недовольных вашим листком, но неудовольствие сих людей достойно того, чтоб вы имели к ним почтение, ибо они, не ведая вашей цели, никакого не могли по началу сделать правильного заключения и потому из любви ко ближнему более сожалели, нежели осуждали, что вы не с той стороны принялися за сатиру. Напротив того, бранили вас надменные дворянством люди, которые думают, что дворяне ничего не делают неблагородного, что подлости одной свойственно утопать в пороках и что, наконец, хотя некоторые дворяне и имеют слабость забывать честь и человечество, однако ж, будто они, яко благорожденные люди, от порицания всегда должны быть свободны. .

Вполне возможно, что Новиков действительно имел в виду реальные толки по поводу «Отрывка путешествия», помещенного в л. 5 «Живописца». Но несомненно, что суждения, приведенные им в «Английской прогулке», в какой-то мере совпадали со спорами, — и, как свидетельствуют документы, с ярыми спорами, — в Комиссии 1767 г. по поводу положения крепостного крестьянства. Когда собеседник Новикова в «Английской прогулке» говорит о критиках пятого листка, которые были «побуждаемы слепым пристрастием ко преимуществу дворянскому», то нельзя не вспомнить выступлений в екатерининской Комиссии кн. М. М. Щербатова, яркого и по-своему талантливого защитника интересов родовитой, старинной знати, нельзя забыть «мнения» депутата муромского дворянства И. П. Чаадаева «о прекращении

легкого способа к достижению дворянского достоинства» и других дворянские попытки закрепить свое привилегированное положение в государстве. Особенно важны в этом смысле многочисленные замечания реакционных дворянских депутатов на цитированное выше «мнение» Г. С. Коробьина.

Трудно допустить, что, рисуя различных Безрассудов, Злорадов, Надменов, Забылчестей и тому подобных реакционных дворян, Новиков и его сотрудники, в большинстве своем принимавшие участие в занятиях Комиссии, не имели в виду определенных деятелей реакционно-дворянского лагеря из числа депутатов. Зная манеру сатирических журналов 1769—1774 гг. еле заметными штрихами характеризовать сатирически-изображаемых персонажей, мы не можем допустить случайности в таком факте, как наличие в л. XXXIII «Трутня» (1769) судьи Забылчесть и упоминание в «Английской прогулке» о дворянах, которые «имеют слабость забывать честь и человечество».

Таким образом, можно не сомневаться в том, что и «Копии с отписок», и «Письма к Фалалею», помещенные в «Живописце» (1772), и «Отрывок путешествия», и «Английская прогулка», и другие многочисленные и разнообразные статьи о положении крепостных и об отношениях помещиков и крепостных являлись не просто фактами литературного творчества, а живыми и темпераментными откликами на коренные вопросы, поставленные жизнью перед «Комиссией для сочинения проекта Нового уложения».

Выше было упомянуто, что «Английская прогулка» была помещена после напечатания первой части «Отрывка путешествия». Собеседник Новикова, сообщив ему о неблагоприятных толках по поводу пятого листа «Живописца», в дальнейшем сам истолковывает эту первую часть «Отрывка путешествия» в смысле благонамеренном и умеренном как произведение, выступающее только против злых и бессердечных помещиков, только против злоупотреблений помещичьей властью.

По поводу того, каково было истинное задание «Отрывка путешествия», когда он был принят к печати, сейчас сказать трудно. Дело в том, что вторая часть «Отрывка» безусловно напечатана была не в первоначальном виде, а в обработке Новикова, старавшегося, после неблагоприятных толков о первой части «Отрывка», в интересах сохранения журнала смягчить острый, антикрепостнический смысл произведения. Для этого приделаны были начало и конец во второй части «Отрывка» (подробнее об этом см. в комментарии к л. 5 «Живописца» 1772 г.). Не исключена возможность того, что и в первой части «Отрывка» фраза — «О солнце лучами щедрот своих [царей,

дворян?] озаряющее, призри на сих несчастных!» — тоже была прибавлена из цензурных соображений Новиковым: ни по идейному характеру всего произведения, ни по его стилю, суровому, обличительному, мрачному, эта либеральная фраза не может быть признана органической частью «Отрывка».

«Копии с отписок» и «Отрывок путешествия» представляют, несомненно, вершину сатирической журналистики 1769—1774 гг. в обсуждении крестьянского вопроса. После помещения «Отрывка», даже со смягчающими его первоначальную остроту «Английской прогулкой» и второй частью «Отрывка», «Живописцу», повидимому, было вообще запрещено касаться крепостного вопроса.

Однако и то, что было сделано Новиковым и другими издателями прогрессивных журналов, имело большое значение для последующего развития крепостной темы в русской литературе: была заложена передовая традиция в борьбе с самодержавием и крепостничеством.

V

В сатирических журналах Новикова и других аналогичных изданиях того времени, помимо вопроса о характере сатиры, то есть вопроса о праве на свободу общественного мнения, переходящую в борьбу с самодержавием, и вопроса о крепостном крестьянстве, затрагивалось немало других важных современных проблем. Однако все они являются вторичными, производными; все они так или иначе восходят к борьбе с самодержавием и с крепостным правом.

В сущности говоря, вся история и история литературы екатерининского времени вращается вокруг одной оси — вокруг крепостного вопроса. «Чудовищный указ 1765 г. разрешил помещикам ссылать крестьян на каторгу по своему произволу. Усилив елизаветинский закон 1760 г. о ссылке на поселение, Екатерина довела крепостное право до его крайних пределов. Ближайшим дополнением указа 1765 г., расширившим его применение, был августовский закон 1767 г., по которому ссылкой на каторгу каралась всякая жалоба крепостного на своего помещика. Всякая челобитная крепостного приравнивалась к ложному доносу на помещика».[1]

Конечно, все эти в законодательном порядке закрепленные формы ухудшения положения крепостных не могли не вызвать реакции как самого крепостного крестьянства, так и передовой части русского общества.

---

[1] История СССР, т. 1. Под ред. акад. Б. Д. Грекова. 2-е изд., ОГИЗ, 1947, стр. 617.

Около 1768 г. создается анонимным крепостным поэтом упоминавшийся выше «Плач холопов», в котором с исключительной силой и реалистичностью изображается положение крепостной массы:

Боярин умертвит слугу, как мерина,
Холопьему доносу и в том верить не велено.
Неправедны суды составили указ.
Чтоб сечь кнутом тирански за то нас.
В свою ныне пользу законы переменяют:
Холопей в депутаты затем не выбирают.
Что могут-де холопы там говорить?
Отдали б им волю до смерти нас морить.
Знать, мы все бессчастны на свет рождены.
Что под власть таким тиранам вовек утверждены!
За что нам мучиться и на что век тужить?

Выражая мнение и настроение народных масс, крепостной автор «Плача холопов» питает крестьянскую иллюзию о «хорошем», надклассовом, а по существу крестьянском, царе. Идеал его утопический:

Ах! когда б нам, братцы, учинилась воля,
Мы б себе не взяли ни земли, ни поля,
Пошли б мы, братцы, в солдатскую службу
И сделали б между собою дружбу,
Всякую неправду стали б выводить
И злых господ корень переводить.
Прежде их затем тиранов пущали,
Чтоб они Россию просвещали,
А они уже так нами владеют,
Что и говорить холопи не смеют.
Когда холоп в господские слова вступил,
То так, — как сам себе он побои купил.
Когда в Россию набродов сих пущали,
Тогда нам лучшее правление обещали,
А они российских дворян со однодворцами определили,
А нас, бессчастных, по себе разделили.
Пропали наши бедные головы
За господами лихими и голыми!
Все мы в немилосердых руках связаны,
Как будто таким татством обязаны.
О! злые господа к царю нас не пущают
И милости своей к нам не обещают.

Однако настроение крепостных выражалось в 1760-е годы не только в такой форме.

В. И. Семевский в статье «Волнения крепостных крестьян при Екатерине II. 1762—1789» [1] приводит множество фактов, свидетельствующих о том, какие формы принимал протест крепостной массы.

[1] «Русская старина», 1877, февраль, стр. 193—226.

Одной из таких, наиболее обычных, форм были индивидуальные и массовые побеги крепостных, на которые, как было показано выше, обращал внимание Комиссии 1767 г. Г. С. Коробьин. Затем шли грабежи и убийства помещиков. «По свидетельству одного современника, — пишет В. И. Семевский, — особенно много помещиков было убито крестьянами в 1767 г.; . вообще крепостные крестьяне в этом году волновались во многих местах» (стр. 198). Приведя ряд фактов убийства помещиков в течение первых лет царствования Екатерины, В. И. Семевский переходит к характеристике крестьянских волнений и вооруженных столкновений с посланными на их усмирение правительственными войсками. Выводы Семевского таковы: «Таким образом, с 1762 по 1769 г. мы постоянно видим волнения крепостных крестьян то в той, то в другой местности России» (стр. 221).

Написанная три четверти века назад, статья В. И. Семевского была подтверждена позднее множеством новооткрытых материалов. Итог, к которому привело его обобщение собранных фактов, таков: «Познакомившись со всеми известными нам волнениями крепостных крестьян, которые составляют, вероятно, ничтожную часть всех подобных волнений, мы едва ли можем сказать, что крепостные слишком пассивно сносили свое рабское иго» (стр. 226). Исследования советских историков крестьянского движения второй половины XVIII в. приводят к более решительным выводам: крепостная масса активно и непрерывно вела борьбу за свои права.

Среди неупомянутых В. И. Семевским форм борьбы крепостного крестьянства с дворянским государством следует назвать и «самозванчество». Благодаря новейшей работе К. В. Сивкова советская наука располагает большими данными по этому вопросу. «Самозванчество XVIII в. (как и самозванчество XVII в.) было одной из форм и одним из проявлений происходившей тогда напряженной классовой борьбы. Но царистские настроения, вера в „хорошего“ царя, свойственные в то время широким народным массам, приводили к тому, что эта борьба принимала форму выступлений под знаменами якобы несправедливо лишенного власти ее „законного“ представителя, либо уже что-то давшего народу, либо непременно долженствующего его облагодетельствовать, как только он эту власть получит. Так было и в последней трети XVIII в.. Все самозванцы последней трети XVIII в., за немногими исключениями, принадлежали к социальным „низам“ и были беглыми солдатами, беглыми крестьянами, однодворцами. Из среды этих же социальных групп обычно выходили и распространители разных слухов о бывшем императоре Петре Фе-

доровиче, и среди них же самозванцы находили особенно много сторонников».[1]

По подсчетам исследователя с 1764 по 1797 г. было возбуждено дело против 23 самозванцев обоего пола (не включая Пугачева и Тараканову). Шесть самозванцев действовали в течение 1764—1769 гг.

Безусловно и литературные, и политические формы протеста крепостных масс (побеги, волнения, восстания, самозванчество, грабежи помещиков) — все это было хорошо известно русским писателям 1760-х годов, и, конечно, оставаться безучастными к тяжелому положению народа передовые русские литературные деятели не могли и не хотели.

Можно смело сказать, что почти все общественное и литературное движение екатерининского времени было вызвано настроениями крепостного крестьянства. И «мнения» Г С. Коробьина и других радикальных депутатов в «Комиссии для сочинения проекта Нового уложения», и самая «Комиссия», и сатирическая журналистика, и комедия, и комическая опера XVIII в., и многое, многое другое — все это в той или иной мере отражало или считалось с настроениями крепостной, доведенной до отчаяния массы.

Передовые писатели, иногда, может быть, даже не сознавая этого, выступая по разным вопросам современности, руководствовались соображениями о положении крепостных крестьян. Так, очень много места занимает в «Трутне», «Живописце» и других журналах Новикова, Сичкарева и Эмина тема воспитания. При кажущейся самостоятельности этой проблемы она, в понимании тогдашних прогрессивных писателей, тесно связана с вопросом о положении крепостных, с нравственным обликом будущих помещиков и помещиц, обладателей многих сотен тысяч крепостных.

Видное место занимает в сатирических журналах Новикова и его соратников борьба со взяточничеством подьячих-чиновников, с развращенностью екатерининской администрации. Конечно, в известном смысле этот вопрос связан с борьбой прогрессивных журналистов с самодержавием Екатерины, бравшей взяточников под свое покровительство и обвинявшей просителей в соблазнении «бедных подьячих». Передовые писатели видели во взяточничестве чиновников, в особенности судейских и полицейских, народное бедствие, усугублявшее и без того тяжелое положение бесправной крепостной массы.

---

[1] К. В. Сивков. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. — «Исторические записки», 1950, т. 31, стр. 89—90. Ср. также «Сов. книгу», 1950, № 12, стр. 60—61.

Передовые журналисты, и сильнее и талантливее всех Новиков, боролись с роскошью, мотовством, французоманией дворянства, с его бессердечными и сумасбродными прихотями, так как им было ясно, что все это помещики осуществляют за счет крепостной массы.

Даже тогда, когда передовая сатирическая журналистика 1769—1774 гг., борясь с самодержавием Екатерины, ставит вопрос об «идеальном государе», она одним из мерил справедливости и добросердечия «идеального монарха» считает отношение его к народной массе.

Иными словами, вся прогрессивная русская общественная жизнь того времени, передовая литература, журналистика, наука и искусство в той или иной степени, в той или иной форме связаны с темой положения крестьян, отражают ее в каком-то виде и вызваны ею к жизни; каждое общественно важное литературное произведение тех лет так или иначе определяется настроениями крестьян, конечно, если не понимать это отражение упрощенно и не искать его в непосредственном виде.

Касаясь темы воспитания как одной из важных тем сатирических журналов Новикова, мы должны отметить и его благородно патриотическое рвение придать национальный характер воспитанию русского юношества. Новиков, как и его современники, прогрессивные писатели — Фонвизин, М. Попов и др. — был связан со старыми, петровскими и даже допетровскими передовыми традициями. Он глубоко и искренно верил и был убежден, что в старину русские люди были нравственнее, добродетельнее и добросердечнее, чем поколение, выросшее в царствование Елизаветы и выроставшее на его глазах в царствование развратной «девицы Р. Г.», российской государыни Екатерины. Новиков считал, что и отношение к крепостным диктуется степенью прочности национальных начал в дворянине-помещике. Видя, с какой отвратительной легкостью модничающие дворяне продают крепостных семьями и в одиночку, как цинично обменивают они людей на собак, на лошадей, на предметы роскоши, Новиков в поисках объяснений подобных поступков приходил к выводу, что виной всему «французское» воспитание, получаемое его современниками, отрыв их от родной почвы, пренебрежение и презрение к родной культуре и языку.

Именно отсюда и проистекает столь непримиримое отношение Новикова к воспитателям-французам типа шевалье де-Мансонж и m-r Фрипон. Отсюда рождается у него резко отрицательная позиция в вопросе о французской философии, нашедшая свое выражение в последнем его журнале, в «Кошельке» (1774). Отсюда возникает его идеализация старинных русских доброде-

телей и интерес к истории России и русской литературе, имевшие положительное значение в развитии русской культуры: с 1772 г. Новиков начинает издавать исторический сборник «Древняя российская вивлиофика [библиотека]», в котором печатаются ценные исторические и литературные материалы, в дальнейшем оказавшиеся в высшей степени полезными в развитии русской исторической и историко-литературной науки.

В том же 1772 г. Новиков издает «Опыт исторического словаря о российских писателях», в котором собраны сведения о большом числе русских литературных деятелей прошлого и тогдашней современности. Уже одно это обстоятельство имело большое значение, так как давало прочную основу для разработки истории русской литературы. Однако издание «Опыта словаря» имело еще и другую, не менее важную сторону. Привлечение материалов по литературе допетровского времени являлось доказательством наличия древней литературной традиции в русской культуре, свидетельствовало о существовании преемственности в ее развитии, делало русскую литературу не безродным, недавно занесенным извне явлением, а фактом и фактором русской культуры, наравне с другими явлениями русской действительности. Этой же цели добивается Новиков, помещая и в «Живописце» (1773) «Надгробную надпись иеромонаху Симеону Полоцкому».

Таким образом, идеологическая позиция Новикова в 1772—1773 гг. делала его одним из самых передовых, патриотически настроенных людей России того времени.

Из этой прогрессивной, патриотической позиции Новикова проистекала его борьба за чистоту и правильность русского языка, его постоянное высмеивание антинародного жаргона щеголей и щеголих. В этом особом, «салонном» жаргоне Новиков справедливо усматривал опасность разрушения общенародных связей, осуществляемых средствами национального языка. Этим объясняются его иронические и саркастические замечания о «новомодном, щегольском диалекте», его многочисленные статьи-письма якобы от лица «вертопрахов» и «щеголих», раскрывающие средствами «модного наречия» нравственное уродство, идейное убожество, социальную вредность всех этих Наркисов, Влюбленов, Перекрас, Нелеп, Ветренов и т. д.

С другой стороны, язык многих статей в журналах Новикова отличается исключительной правильностью, простотой, порою даже изяществом. Выключая статьи, написанные в намеренно стилизованной манере, — например, «Письма к Фалалею», выдержанные в духе и в фразеологии провинциального дворянства, «Письма к племяннику», которые принадлежат якобы отставному

подьячему, «Письмо отца Тарасия» (кстати сказать, остроумнейшая сатира на тунеядствующее монашество) и т. п., — большинство литературных произведений в прозе, помещенных в новиковских журналах, является прекрасным материалом для изучения живого литературного и народного языка того времени. Если нельзя сказать, что язык журналов Новикова подготовил язык Фонвизина, то безусловно справедливо то, что язык журналов Новикова следует поставить и изучать рядом с языком Фонвизина.

Характеризуя деятельность Новикова как журналиста и издателя, нельзя обойти и такого важного факта, как уменье его сплотить вокруг своих журналов наиболее жизнеспособные силы тогдашней русской литературы. Среди сотрудников Новикова мы встречаем Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, М. И. Попова, А. О. Аблесимова, Ф. А. Эмина, Л. И. Сичкарева, Ф. В. Каржавина, В. Г Вроблевского, архангельского писателя-купца А. И. Фомина, М. В. Сушкову и др.; здесь помещали свои произведения писатели старшего поколения: А. П. Сумароков (под псевдонимом «Прошу не прогневаться»), В. И. Майков, И. К. Голеневский и др. Таким образом, Новиков являлся в известном смысле собирателем литературных сил своего времени.

VI

Сатирическая журналистика 1769—1774 гг. представляет бесспорно самое значительное в общественном и литературном отношении явление в истории русской журналистики XVIII в. В самой постановке ряда вопросов, выдвинутых общественной борьбой того времени, в методах и формах разрешения этих вопросов, в темпераментности и страстности тона почти не прекращавшейся полемики — во всем этом проявились лучшие стороны тогдашней русской литературы и определилось, наряду с другими факторами общественной жизни, в значительной мере и под влиянием этой журналистики, развитие прогрессивных тенденций в литературе последующего времени. Конечно, сказанное относится, в первую очередь, к журналам Новикова, отчасти к его союзникам — «Смеси» и «Адской почте». Во всяком случае, воздействие сатирической журналистики этих лет на дальнейшее творчество Фонвизина, на раннего Крылова и далее, вплоть до Грибоедова (на последнего, конечно, не непосредственно, но как известная традиция), едва ли оспоримо.

Сатирические журналы 1769—1774 гг. показали и правительству и народу, что литература делается серьезной общественной силой и помогает оформлению общественного мнения.

Именно этой причиной обусловлены были цензурные придирки и преследования передовых журналов, именно эта боязнь пробуждения в народе сознательного отношения к социальным проблемам влекла за собой закрытие лучших изданий этого периода. В этих журналах передовые писатели боролись за право на независимую, не опекаемую екатерининским правительством мысль, за право на критику представителей верховной власти и их окружения, за право на самоуважение.

Вместе с тем, в сатирической журналистике тех лет серьезное, честное отношение к критике социальных бедствий эпохи требовало простоты и точности в изображении действительности. Это порождало в недрах классицизма, господствовавшего тогда в нашей литературе, реалистические элементы. Больше того, некоторые статьи в журналах Новикова и в «Смеси» представляют не только «нарастание», но и несомненные этапы в развитии русского «критического реализма», в особенности это относится к «Копиям отписок», к «Отрывку путешествия в*** И*** Т***», к «Письмам к Фалалею». И, тем самым, сатирическая журналистика полностью опровергает распространенное мнение, будто в условиях классицизма проникновение реалистических элементов допускалось только для жанров комических и для вящшего комизма. Требование «не обманывать ни себя, ни других», выставленное Новиковым в «Живописце», — это программа, идущая вразрез с эстетикой классицизма и, больше того, порывающая с ней. Кажущаяся идентичность этих требований с «правдой», «естественностью» канонических «искусств поэзии» классицизма не должна закрывать перед исследователем и читателем подлинного своеобразия русской трактовки этих проблем.

Необходимо отметить и исключительную гибкость, легкость и чистоту языка сатирических журналов. На эту сторону в дореволюционном литературоведении обратил внимание едва ли не один только Добролюбов. Между тем как этап в создании русского литературного языка, лучшие образцы художественной продукции этих журналов ближе стоят к языку XIX в., чем проза и, тем более, стихи последней четверти XVIII в. Язык Фонвизина (в комедиях), Крылова и Грибоедова не понятен без учета речевой практики сатирических журналов 1769—1774 гг.

Подводя итоги деятельности сатирической журналистики тех лет, отмечая ее значение как крупного фактора общественной жизни, этапа в развитии русского языка, как одного из важнейших звеньев в зарождении «критического реализма», нельзя не выделить особо фигуру Новикова. Последующая, масонская, полоса жизни этого замечательного писателя и общественного деятеля не должна влиять на оценку его исключительной и,

в условиях того времени, прогрессивной роли, какую он играл в период 1769—1774 гг. Несомненно, он центральная фигура сатирической журналистики. Историей не может и не будет забыто высокое благородство поставленных им целей, смелость и решительность в борьбе, остроумие и меткость полемических ударов, наконец, преследования, которым подвергались все его сатирические издания. Но Новиков был человеком своей эпохи. Добролюбов был прав, говоря, что сатира екатерининского времени не добиралась до «сути дела», т. е. до подлинного анализа и последовательной критики, а значит, и революционной борьбы с крепостным правом. Новиков в этом вопросе был умереннее, чем некоторые из его сотрудников, в частности Радищев. Оставаясь в пределах «законности», Новиков боролся с злоупотреблениями крепостным правом. Возможно, что, помещая «Копии с отписок», «Отрывок путешествия» и пр., Новиков искренно считал, что способствует борьбе с «злонравными дворянами», а не с коренным злом. Во всяком случае, в этом основном пункте Новиков не так решителен и последователен, как в своей политической оппозиционности, в своей борьбе с Екатериной. Здесь он страстен, смел, талантлив; он неистощимо изобретателен в своей литературной борьбе, в отыскании новых сатирических жанров, подчиненных основным его политическим идеям, в создании в обход цензуры эзоповского языка. В истории русской литературы и общественной мысли Новикову принадлежит великая и бесспорная заслуга. Новиков не просто отражал современную ему русскую жизнь, он смело критиковал ее отрицательные явления, упорно боролся с ними и тем самым воспитывал политическую мысль своих современников; его можно назвать первым русским политическим журналистом.

А. В. Луначарский вспоминал, что в 1918 г. В. И. Ленин сказал ему: «Ставьте, как можно скорее, хотя бы пока в непрочном материале, возможно больше памятников великим революционерам и тем мыслителям, поэтам, которых не хотела чтить буржуазия за свободу их мысли и прямоту их чувства. Пусть изваяния предшественников революции послужат краеугольными камнями в здании трудовой социалистической культуры».[1]

В составленном вскоре после этого списке будущих памятников, одобренном В. И. Лениным и И. В. Сталиным, стояли имена двух русских писателей XVIII в.: первый был А. Н. Радищев, за ним следовал Н. И. Новиков.

---

[1] А. Луначарский. А. Н. Радищев. П., 1918.

Они работают, а вы их труд ядите.[1]

Г—н Су[illegible] в XLIII притче I книги.

ТРУТЕНЬ

1769 г

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ГЕНЕРАЛУ ПОРУТЧИКУ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ШТАЛМЕЙСТЕРУ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ КАМЕРГЕРУ ОРДЕНОВ СВЯТОГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ, СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО И СВЯТЫЯ АННЫ КОВАЛЕРУ ЛЬВУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ НАРЫШКИНУ[2] *МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ!*

Милостивый государь!

Я посвящаю Вашему Превосходительству Трутня, с надеянием, что вы его примете не по маловажности сочинения, но по великости моего усердия и искреннего почтения к Вашим достоинствам. Если, по счастию моему, заслужит он Ваше внимание, то желание мое совершенно исполнится.

Сего только желает

Вашего Высокопревосходительства
всепокорнейший слуга
издатель Трутня

ПРЕДИСЛОВИЕ

Господа читатели!

Сколько вы ни думайте, однако ж верно не отгадаете намерения, с которым выдаю сей журнал, ежели я сам о том вам не скажу. Впрочем, это и не тайна. Господа читатели, вы люди скромные, так я без всякого опасения на вас в том положиться могу. Послушайте ж, дело пойдет о моей слабости: я знаю, что леность считается не из последних пороков; знаю, что она непримиримой враг трудолюбия; ведаю, что она человека делает неспособным к пользе общественной и своей участной,[3] что человек, обладаемый сим пороком, не достоин соболезнования, но со всем тем, никак не могу ее преодолеть. Порок сей так мною овладел, что ни за какие не могу приняться дела и для того очень

много у себя теряю. В праздничные дни к большим боярам ездить на поклон почитается за необходимость, ибо те, которые сие исполняют, находят свое счастие гораздо скоряе, но меня к тому леность не допускает. Чтение книг почитаю весьма полезным, но лень не допускает сие исполнять. Просвещать разум науками и познаниями нужно, но лень препятствует; словом, я сделался вечным невольником презрения достойной лености и могу во оной равняться с наиленивейшими гишпанцами. Часто по целой неделе просиживаю дома для того только, что лень одеться. Ни с кем не имею переписки за тем, что лень не допускает. От лености никакой еще и службы по сие время не избрал, ибо всякая служба не сходна с моею склонностию. Военная кажется мне очень беспокойною и угнетающею человечество; она нужна, и без нее никак не можно обойтися; она почтенна, но она не по моим склонностям. Приказная [4] хлопотлива, надобно помнить наизусть все законы и указы, а без того попадешь в беду за неправое решение. Надлежит знать все пронырствы, в делах употребляемые, чтобы не быть кем обмануту и иметь смотрение за такими людьми, которые чаще и тверже всего говорят: Д а й з а р а б о т у, а это очень трудно. И хотя она и по сие время еще гораздо наживна, но однако ж она не по моим склонностям. Придворная всех покойняе и была бы легче всех, ежели бы не надлежало знать наизусть науку притворства гораздо в вышнем степене, нежели сколько должно знать ее актеру: тот притворно входит в разные страсти временно, а сей беспрестанно то же делает, а того-та я и не могу терпеть. Придворной человек всем льстит, говорит не то, что думает, кажется всем ласков и снисходителен, хотя и чрезвычайно надут гордостию. Всех обнадеживает и тогда же позабывает; всем обещает и никому не держит слова; не имеет истинных друзей, но имеет льстецов, а сам так же льстит и угождает случайным людям.[5] Кажется охотником до того, от чего имеет отвращение. Хвалит с улыбкою тогда, когда внутренно терзается завистию. В случае нужды никого не щадит, жертвует всем для снискания своего счастия, а иногда, полно не забывает ли и человечество! Ничего не делает, а показывает будто отягощен делами: словом, говорит и делает почти всегда противу своего желания, а часто и противу здравого рассудка. Сия служба блистательна, но очень скользка и скоро тускнеет; короче сказать, и она не по моим склонностям. Рассуждая таким образом, по сие время не сделал еще правильного заключения о том, что подлинно ли таковы сии службы, или леность, препятствуя мне в которую-нибудь из них вступить, заставляет о них неправильно думать, но утвердился только в том, чтобы ни в одну из них не вступать. К чему

ж потребен я в обществе? Без пользы в свете жить, тягчить лишь только землю, сказал славный российский стихотворец.[6] Сие взяв в рассуждение, долго помышлял, чем бы мог я оказать хотя малейшую услугу моему отечеству. Думал иногда услужить каким-нибудь полезным сочинением, но воспитание мое и душевные дарования положили к тому непреоборимые препоны. Наконец вспало на ум, чтобы хотя изданием чужих трудов принесть пользу моим согражданам. Итак, вознамерился издавать в сем году еженедельное сочинение, под заглавием Трутня, что согласно с моим пороком и намерением, ибо сам я, кроме сего предисловия, писать буду очень мало, а буду издавать все присылаемые ко мне письма, сочинения и переводы в прозе и в стихах, а особливо сатирические, критические и прочие ко исправлению нравов служащие, ибо таковые сочинения исправлением нравов приносят великую пользу, а сие то и есть мое намерение. Чего ради всех читателей прошу сделать мне вспоможение присылкою своих сочинений, которые все напечатаны будут * в моих листках. Сочинения присылать можно к переплетчику, у которого продаваться будут сии листки, с надписанием: Г. издателю Трутня. Предисловие мое оканчиваю искренним желанием, что издание сие какую-нибудь пользу и увеселение принесло читателям. Причина сему изданию леность. Дай бог, чтобы она хотя одиножды принесла пользу. Прощайте, г. читатели; я с вами долго говорить не буду для того, что я чрезвычайно устал.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ II. МАИЯ 5 ДНЯ

1

Господин издатель!

Не входя в подробное исследование причин изданию вашего журнала, но только увидев, что вы требуете вспоможения от читателей в предприятом вами труде, посылаю к вам следующую притчу. Мне очень хочется, чтобы я был перьвой, оказавший вам

---

* Выключая те, кои будут против бога, правления, благопристойности и здравого рассуждения. Я надеюсь, что таковых и не будет, ибо против перьвых двух в наше время никто ничего не напишет, кто хотя искру понятия имеет, против последних же двух без сомнения благопристойность писать запретит.

сию услугу. Впредь буду я присылать к вам получше что-нибудь, а теперь будьте и тем довольны. Прощай, г. издатель, я поговорил бы с вами побольше, но, право, недосуг.

Ваш покорный слуга.

ПРИТЧА

Слон произведенный в чин

Лев должностью почтил слона,
Быть главным членом;
И грамота к нему об этом послана.
Завистникам удар сим сделан, как поленом:
Но кто возможет льва винить!
Что сделал лев, того нельзя переменить;
Порядок прав велит
Ему повиноваться.
Слон стал сбираться,
И в путь пошел.
Слон на ногу тяжел,
Пословица не нова,
Известна всем величина
И толщина
Слонова.
Так слон в пути потел,
Пыхтел,
Кряхтел;
При всем при том, сей зверь шел скоро, как летел.
Ступил лишь слон ко льву в чертоги,
Упал ему он в ноги,
За чин благодарил,
И верой, правдою служить, конечно,
Хотел льву вечно,
И клятвою слова такие подтвердил.
Пошли переговоры;
Но видно по всему,
Их были на слона с улыбкой взоры;
Шептали меж собой: такой чин дан кому,
И должность эта,
Слону надета,
Совсем не по уму,
Способной зверь у нас лисица есть к тому.
Такой переговор коснулся слуха львова;
Лев строго их спросил: какую речь вели?

ТРУТЕНЬ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

ИЗДАНІЕ,

на

1769 годъ,

МѢСЯЦЪ МАЙ.

Они работаютъ, а вы ихъ трудъ ядите.

Г. Сумар. въ XLIII. притчѣ, I. книги.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Титульный лист первой книжки журнала «Трутень». (1-е издание).

Нельзя сказать инова,
Всю правду донесли.
Ответствовал им лев: чтоб истину прославить,
Я ныне положил порочных всех исправить,
Лукавство, лесть и ложь умом не должно ставить,
Лисица точно тех
Пороков трех,
Обманывает всех,
Не ставя в грех;
А разумом прямым тот в свете обладает,
Кто правду наблюдает.

Окроме сего никто из господ читателей на просьбу мою не откликнулся; почему был я в великом замешательстве, чем лист сей наполнить; но по счастию попалося мне в руки письмо от моего дяди, писанное ко мне еще в третьем годе.[7] Итак, без дальнего размышления поместил и его в сей лист, надеяся, что оно не наведет скуки читателям. А при том на сие письмо я и по сие время дядюшке своему еще не ответствовал, так не соблаговолит ли кто сделать мне одолжение, вместо меня написать к нему ответ.

2

Любезный племянничек, .[8]
здравствовать тебе на веки нерушимо желаю!

Уведомился я, что ты и по сие время ни в какую еще не определился службу. Отпиши ко мне, правда ли это; ежели правда, так скажи пожалуй, что ты с собою задумал делать? Я тебя не приневоливаю ийти ни в придворную, ни в военную службы для сказанных мне тобою причин; пусть это будет по твоему, а при том и службы сии ни какой не приносят прибыли, а только раззоренье. Но скажи пожалуй, для чего ты не хочешь ийти в приказную? Почему она тебе противна? Ежели ты думаешь, что она по нынешним указам[9] ненаживна, так ты в этом, друг мой, ошибаешься. Правда, в нынешние времена против прежнего не придет и десятой доли, но со всем тем годов в десяток можно нажить хорошую деревеньку. Каково ж нажиточно бывало прежде, сам рассуди, нынешние указы много у нас отняли хлеба!

Тебе известно, что по приезде моем на воеводство, не имел я за собою больше шестидесяти душ дворовых людей и крестьян, а ныне, благодаря подателя нам всяких благ, трудами моими и неусыпным попечением, нажил около трех сот душ, не считая денег, серебра и прочей домашней рухляди, да нажил бы

еще и не то, ежели бы прокурор [10] со мною был посогласняе, но за грехи мои наказал меня господь таким несговорчивым, что как его ни уговаривай, только он, как козьи рога в мех, не лезет и ежели бы старанием моим не склонил я на свою сторону товарища, секретаря и прочих, так бы у меня в мошне не было ни пула.[11] Прокурор наш человек молодой и, сказывают, что ученый, только я этого не приметил. Разве по тому, что он в бытность его в Петербурге накупил себе премножество книг, а пути нет ни в одной. Я одинажды перебирал их все, только ни в одной не нашел, которого святого в тот день празднуется память, так куда они годятся. Я на все его книги святцов [12] своих не променяю. Научился делать вирши,[13] которыми думал нас оплетать, только сам он чаще попадается в наши верши.[13] Мы его частехонько за нос поваживаем. Он думает, что все дела надлежит вершить по наукам, а у нас в приказных делах какие науки? кто прав, так тот и без наук прав, лишь бы только была у него догадка, как приняться за дело, а судейская наука вся в том состоит, чтобы уметь искусненько пригибать указы по своему желанию, в чем и секретари много нам помогают. Правда, что это для молодого человека трудно и непонятно, но ты этого не опасайся, я тебя столько научу, сколько сам знаю. Пожалуйста, Иванушка, послушайся меня, просись к нам в город в прокуроры. Я слышал, что тебя многие знатные господа жалуют, так это тебе тотчас сделают. Наживи себе там хороших защитников, да и приезжай сюда, тогда весь город и уезд по нашей дудке плясать будет. Рассуди сам, как этого места лучше желать и покойнее. Во всех делах положися на меня, а ты со стороны ни дай ни вынеси будешь брать жалованье, а коли будет ум, так и еще жалованьев под десяток в год получишь. Мы так искусно будем делать, что на нас и просить нельзя будет.[14] А тогда, как мы наживемся, хотя и попросят, так беда будет не велика, отрешат от дел и велят жить в своих деревнях. Вот те на, какая беда! для чего не жить, коли нажито чем жить; то худо как прожито чем жить, а как нажито, этого никто и не спросит. Пожалуйста, послушайся меня, добивайся этого места. Ты ведь уже не маленькой робенок, можно о себе подумать, чем век жить. Отцовское-то у тебя имение стрень брень с горошком, так надобно самому наживать, а на мое и не надейся, ежели меня не послушаешься, хотя ты у меня и один наследник, но я лучше отдам чужому, да только такому, которой себе добра хочет. Ежели ж послушаешься, то при жизни моей укреплю [15] все тебе. Смотри ж, я говорю наобум, а ты бери себе на ум. Прощай, Иванушка, пожалуй подумай о сем хорошенько и меня уведомь. Остаюсь дядя твой.

P. S. При сем посылаю к тебе вирши, которые писал на нас прокурор наш. Прочитай их и после рассуди, что прибыльняе, вирши марать, иль деньги собирать? Он нас бранит, а мы наживаемся и говорим: брань на вороту не виснет.

Присланная ко мне от дяди притча напечатана будет в следующем листе.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ III. МАИЯ 12 ДНЯ

ПРИТЧА

Два вора

Что есть во свете воры,
О том не входят в споры;
А кто противное сей точной правде скажет,
Того вовек он не докажет,
Как только то.
А что?
Что есть разбойники, мошенники и плуты,
Но лишь покроем не одним,
Иные в золоте и титлами надуты,
Другие в серяках [16] и с именем простым.
О двух таких ворах я басенку скажу
И перьвое в стихах искусство покажу.
Был вор простой
И хаживал всегда пешком и в серяке;
Доходы он сбирал не в городе, не в съезжей, [17]
А на дороге на проезжей.
Другой
Чиновный был, и тьмы имел он в сундуке
Червонных и рублей,
Которые сбирал с невинного народу;
Такую моду
Он брал с бессовестных подьячих и судей;
Но наконец попались оба
В приказ:
Обеим строг указ,
Обеим кнут грозит отверсти двери гроба.
Судьи калякают: не столько лих большой,

И оправляют[18] вора;
Подьячи говорят: не столько лих меньшой
И оправляют вора;
Обеим сторонам указы правота.
Читатель! будь хоть ты решителем их спора,
Скажи нам, кто из них достойняе кнута?

3

Господин издатель!

Тридцатилетняя девушка гораздо меньше радуется замужеству, нежели как я, ваше сочинение напечатанное увидев, обрадовался, а ради чего, это вам скажу.

Я превеликий охотник до всяких новостей, выходящих из типографии: всякое сочинение или перевод, пока еще не покажется в свет, успеет у меня раза два, три побывать, а я, пользуясь тем, стану хорошие или худые о нем разносити вести, смотря по времени и обстоятельствам и по лицу сочинителя. Которой умеет отъедаться, того оставляю в покое и ничего при нем и его приятелях не говорю, а разве по слабости человеческой вымолвлю что-нибудь за глаза: Кто без греха! и кто бабе не внук! Все люди слабостям подвержены, а я еще больше всех, а притом я человек миролюбивой, что некоторые из моих неприятелей называют трусостию, да полно, им никто не верит. И ради того убегаю всегда от таких разговоров, в которые вмешиваются руки; буде же по счастию моему попадется сочинитель безответной, тогда я ради исправления ближнего недели две по всему городу о нем рассказываю истории, а все это происходит от маленькой слабости, что я ничьих не люблю хвалити сочинений. Мне и славные русские трагедии кажутся ничего значущими.[19] Я, как человек весьма знающий и судья словесных наук, — это достопочтенное наименование подарено мне от самых искренних моих приятелей, — тысячи в них нахожу погрешностей,* словом, как бы кто хорошо ни написал, только не добьется от меня, чтобы я, вместо худо, сказал хорошо, и кто что ни говори, а я все-таки стану продолжати свое искусство, то есть шептать на ухо, что то-то и то-то худо, а таких людей на Руси много, которые, сами ничего не зная, мне верят и слова мои ко прославлению моего имени и своего невежества проповедывают, несмотря, что их за то называют невежами. Из чего

* В противность мнения общего скорее соглашуся назвати хорошо переведенною комедиею, Зятя и Тестя[20] и подобных оной, нежели похвалити такие трагедии, кои похваляются одними только невежами.

следует, что нужно только сперьва прослыть разумным, а после что ни болтай, так всему удивляться будут.

Я несколько позаговорился и отошел от того, о чем намерен был к вам писать, да полно, это со мною не в перьвой случается раз. И как ли я ни помню, что во многом глаголании несть спасения, только не могу никак от того удержаться. И когда завистники мои говорят, что я пишу очень пространно, на то им отвечаю так: Лучше мне написати, что излишнее, нежели пропустить нужное. Но полно, глухие проповеди слышать не могут! а чтобы и вы, г. издатель, не подосадовали, что письмо мое несколько будет длинновато, ради того хотел было все это написать в предисловии,[21] также и причины, побудившие меня к вам писать сие письмо; словом, о всем подробно вас уведомить, но один мой приятель уверял меня, будто к письмам предисловий не пишут, и хотя его в том я и послушался, однако ж и теперь думаю, что он ошибся. Мне кажется так: ежели предисловии могут приносити пользу, так их и при письмах надлежит писати; ежели ж они бесполезны, так и нигде не надлежит их писать. Как бы то ни было, только предисловии кажутся мне за весьма необходимой придаток. Вот конец первой части моего письма или вступления, а теперь приступлю ко другой части.

Позволение имети с вами переписку меня обрадывало, ибо вы, по издании перьвого листа вашего журнала, мне весьма полюбилися, а притом трутней я всегда любил. Итак вознамерился не только что имети с вами переписку, но и познакомиться, ради чего я вам себя опишу, а вас, по описанию вашему, я довольно знаю.

Несколько тому миновало месяцев, как вступил я на двадцать осьмой год от моего рождения и в такое короткое время успел всех перекритиковать, перебранить, себя прославить, у других убавити славы, многим женщинам вскружить головы, молодых господчиков от ревности свести с ума и вырость без мала в два аршина с половиною. Лице имел я очень смуглое, но с того времени, как начал притираться китайским порошком, стал гораздо белее, а станом похож на астронома. По сему описанию хотя и не похож я на красавца, однако ж есть люди, кои говорят, будто я очень не дурен и как это мне не неприятно, то я и отдаю справедливость их вкусу. Некоторые называют их льстецами, но я этому не верю.*

Как ли я телесными дарованиями ни беден, но, напротив того, душевными обогащен со излишеством. Разум мой от многих

* Надлежит приметить, что я в описании своих телесных достоинств весьма чистосердечен.

знатоков почитается не только что острым, но пылким, здравым, твердым и основательным, и без самохвальства могу сказати, я его имею столько, что, оставя про себя сколько надобно, могу излишним наделити человек около десятка.* Я опричь русской грамоты почти ничему не учился, но все знаю, выключая русской азбуки, которую тогда я не доучил, а после не имел времени, ибо начал упражняться в письменах.[22] А ради того и поныне не знаю, где ставятся ѣ и е, і и и, где а! и ах! и тому подобное, и где какие препинании,[23] для чего, вместо запятой, часто ставлю удивительную и вопросительную,[24] а двоеточие при всяком слове, ибо мне кажется, что всякое слово от другого отделяется и тем разрезывает мысль, но это безделица! Что же касается до душевных добродетелей, то, не польстя себе, могу назватися оных прибежищем, из чего следует, что науку, знать самого себя, я лучше всех знаю.

Наконец сообщаю вам, г. издатель, что я автор, да и такой автор, которой уже слишком шесть лет марает бумагу.[25] И как ли я своих сочинений и переводов[26] в печать издал еще ни мало, но однако ж имею очень много готовых ко печатанию, и которые, сказать по правде, все книги полезные. Я некоторые из них наименую, чтобы вы имели лучшее понятие о сочинителе по сочинениям, а о сочинениях по сочинителе.

Окончание сего письма в следующем листе.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ IV МАИЯ 19 ДНЯ

Окончание письма

I. Наука быти льстецом, или правила, по которым очень скоро можно приходити в милость у больших бояр, зараженных самолюбием, с предисловием в 12 частях. II. Способ, как сделаться автором, на двух страницах без предисловия. III. Способ, как содержать беседу в беспрерывном веселии, или собрание моих разумных разговоров,

---

* Благопристойность удерживает, а самолюбие, свойственное нам, разумным людям, заставляет меня сказати, что человека два, три не мелких моим живут разумом; однако ж я этого в разгласку не пущаю, чтобы они за то на меня не осердилися. Лучше оставить их в заблуждении, а мое все-таки останется при мне; умный всегда умен, хотя молчит, хотя говорит.

острых слов и замысловатых шуток, в 4 частях,* и еще много неоконченных, из которых одна комедия, может быть, скоро и в свет покажется, она называется Мот вразумившийся.[27] Пиеса предорогая, сделана детушевым вкусом. Да ежели сказать истину, так она и великого мне труда стоила, ибо я непременно должен был в предисловии написать исторический и критический розыск о перьвоначальных театрах, о всех упадках оных и возвышениях, также и причины, побудившие меня сие писать и какого от того ожидаю успеха; словом, о всем читателей уведомить, не исключая и того, что будут говорить о моей комедии, когда ее на театре представят, ибо я многое узнаю наперед за тем, что верное делаю исчисление. Она с предисловием и с наставлением, как оную должны актеры представляти, в двух частях. Вот какой я автор!

Г. издатель! вы имеете полное описание моих качеств и достоинств, посему надеюсь, что я, конечно, годен в число ваших корреспондентов. А! если вы прямо меня узнаете, так вы, конечно, прямо меня и полюбите, ибо многие того искали, но я во всем разборчив, почему и друзей имею очень немного. Я ожидаю вашего ответа; если он будет по моему желанию, то сообщу к вам столько писем и сочинений, что вы и в три года их не перепечатаете. Итак, перо мое прославит и меня и вас и заставит умолкнуть всех нынешних писцов. Я наперед восхищаюсь, как мы прославимся! А! мы уже, конечно, прославимся! Прости, г. издатель, и верь, что я вас прямо полюбил. А! верьте моему слову, оно достойно того. Во ожидании же вашего ответа пребуду вам

неизвестным *** [28]

Неизвестного мне господина [29] в корреспонденты к себе не принимаю и прошу, чтобы он впредь своих сочинений не присылал. Не напечатал бы я и сего письма, если бы не был уверен, что такой характер достоин осмеяния и презрения. Кто хулит всех и все, тот вреден обществу, а кто хулит известные славные русские трагедии, тот почитаться должен невежею во словесных науках. Наконец сообщаю присланную ко мне эпиграмму.

ЭПИГРАММА

Осьмым тебя, мой друг, все чудом почитают;
Пречудные в тебе два свойства обретают.
Тогда как ты молчишь,

---

* Сия книга ежедневно увеличивается, ибо я всякой вечер записываю то, что днем говорил. И как я такие острые слова говорить великий мастер, то уповаю умножити сие издание до 12 частей.

Премножество ума найти в тебе все чают;
Но лишь раскроешь рот, и только заворчишь,
То круглым все тебя невеждой величают.

С того времени, как начал я издавать сей журнал, получил и получаю множество писем и сочинений в стихах и прозе. Труд мой в том только состоит, чтоб избирать из них лучшие и сообщать публике. Следующие ведомости получил я от неизвестной мне особы со обещанием, что он впредь оные ко мне сообщать будет. Я вношу их со удовольствием, ибо сочинение сие есть нового рода, почему надеюсь, что оно беспристрастным читателям будет не неприятно, а тем, которые станут сие относить к лицам, сообщаю следующие стихи:

Язвлю тебя? молчи, ведь я не именую;
Кричишь: не я, да ты являешь совесть злую.[30]

4

ВЕДОМОСТИ[31]

Из некоторого приказа

Явилось порожнее место, которое в год две тысячи рублев безгрешного приносит дохода. Надобно знать, что сие место требует человека разумного, ученого и прилежного, ибо от него блаженство и жизнь великого числа людей зависит. Трое домогаются сего места.

Первой из них дворянин без разума, без науки, без добродетели и без воспитания, хотя он во младых еще летах записан был в службу, но оной, живучи у матери между нянек и шутих, никогда не исполнял, а доставал чины чрез предстательство, преимущественно пред теми, которые служили. Душ за ним тысячи две, но сам он без души. Короче сказать, все достоинство сего молодца в том только и состоит, что он дворянин и родня многим знатным боярам.

Второй искатель места есть дворянин же, но родством ни с каким случайным бояриным не связан. Поведения доброго, разума хотя не пылкого, однако наукою подкрепленного. Служит в полках и хотя отменного ничего не сделал, но, по крайней мере, исполняет свою должность с прилежностию. Знает человечество, из подвластных себе наказует только винных, крестьян своих не грабит, живет не роскошно и по мере своего дохода, купцов по примеру других дворян не обманывает; словом,

дворянин сей человек порядочный и хотя он к важным должностям не вовсе годится, однако благополучно бы было наше отечество, ежели бы таких дворян гораздо побольше у нас завелось.

Третей проситель места, по наречию некоторых глупых дворян, есть человек подлой, ибо он от добродетельных и честных родился мещан. Природной его разум, соединенной с долговременным и в России и в чужих краях учением, учинили его мужем совершенным. Мало таких наук, которых бы он не знал или о которых бы он не имел понятия; защитник истины, помогатель бедности, ненавистник злых нравов и роскоши, любитель человечества, честности, наук, достоинства и отечества, верной друг, благоразумной отец, безмятежной сосед, рассмотрительной и беспристрастной судья. Во всех местах, куда он от правительства был определяем, оставлял примеры разумного своего поведения; благополучны были те люди, которыми он повелевал; неустрашимы были те солдаты, которыми он предводительствовал, и неприятель всегда разбит, с которым он сражался. Покрытой ранами и содержа себя одним жалованием, никогда не негодовал на свою скудость, но сносил ону без роптания: словом, он показал собою, что не порода, но добродетели делают человека достойным почтения честных людей. Не просил бы он и упомянутого выше места, ежели бы здоровье его позволяло долее служить в армии или ежели бы он не был в состоянии подвластных сему месту учинить благополучными и восстановить их от раззорения, в которое приведены были бывшим судьею.

Читатель! угадай: глупость ли подкрепляемая родством с боярами или заслуги с добродетелью наградятся?

Из гостиного двора

На гостиной двор приехала в корете с двумя назади лакеями богато одетая женщина; из множества золотых и серебряных сеток купила два мотка и заплатила деньги, а другие два укравши, тихонько под асалоп [32] спрятала. Купец это видит и, как ковалер учтивый, при случившемся в лавке народе, боярыню обесчестить не хочет. Боярыня поскакала домой, а купец за нею. От просителя челобитная подана, а от судьи определение не так, как в приказах, тотчас последовало. Боярыня купцу не только волосы выщипала и глаза подбила, да еще и кожу со спины плетьми спустила. Ништо тебе, бедной купец! Как ты честной злородной человек осмелился назад требовать своей сетки у благородной воровки? Благодари еще боярыню, что бесчестья с тебя не взяла. В самом деле, не великая ли милость купцу сделана?

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ V МАИЯ 26 ДНЯ

5

Господин Трутень!

Второй ваш листок написан не по правилам вашей прабабки.[33] Я сам того мнения, что слабости человеческие сожаления достойны, однако ж не похвал, и никогда того не подумаю, чтоб на сей раз не покривила своею мыслию и душею госпожа ваша прабабка, дав знать на своей стр. 140, в разделении 52, что похвальнее снисходить порокам, нежели исправлять оные. Многие, слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к оному человеколюбия. Они говорят, что слабости человекам обыкновенны и что должно оные прикрывать человеколюбием; следовательно они порокам сшили из человеколюбия кафтан, но таких людей человеколюбие приличнее назвать пороколюбием. По моему мнению, больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, который оным снисходит или (сказать по-русски) потакает и ежели смели написать, что учитель, любви к слабостям не имеющий, оных исправить не может, то и я с лучшим основанием сказать могу, что любовь к порокам имеющий никогда не исправится. Еще не понравилось мне перьвое правило упомянутой госпожи, то есть, чтоб отнюдь не называть слабости пороком, будто Иоан и Иван не все одно. О слабости тела человеческого мы рассуждать не станем, ибо я не лекарь, а она не повивальная бабушка, но душа слабая и гибкая в каждую сторону покривиться может. Да я и не знаю, что по мнению сей госпожи значит слабость. Ныне обыкновенно слабостию называется, в кого-нибудь по уши влюбиться, то есть чужую жену или дочь, а из сей мнимой слабости выходит: обесчестить дом, в который мы ходим и поссорить мужа с женою или отца с детьми; и это будто не порок? Как построжее меня о том при досуге рассуждают, назовут по справедливости оный беззаконием. Любить деньги есть та же слабость; почему слабому человеку простительно брать взятки и набогащаться грабежами. Пьянствовать также слабость или еще привычка, однако пьяному можно жену и детей прибить до полусмерти и подраться с верным своим другом. Словом сказать, я как в слабости, так в пороке не вижу ни добра ни различия. Слабость и порок, по моему, все одно, а беззаконие дело иное.

На конце своего листка ваша госпожа прабабка похваляет тех писателей, кои только угождать всем стараются, а вы, сему

правилу не повинуясь, криводушным приказным и некстати умствующему прокурору[34] не великое сделали угождение. Не хочу я вас побуждать, как делают прочие, к продолжению сего труда, ниже[35] вас хвалить; зверок по кохтям виден. То только скажу, что из всего поколения вашей прабабки, вы первый, к которому я пишу письмо. Может статься, скажут г. критики, что мне как Трутню с Трутнем иметь дело весьма сходно, но для меня разумнее и гораздо похвальнее быть Трутнем, чужие дурные работы повреждающим, нежели такою пчелою, которая по всем местам летает и ничего разобрать и найти не умеет. Я хотел было сие письмо послать к госпоже вашей прабабке, но она меланхолических писем читать не любит, а в сем письме, я думаю, она ничего такого не найдет, от чего бы у нее от смеха три дни бока болеть могли.

Покорный ваш слуга
Правдулюбов.[36]

9 маия 1769 года.[37]

6

Статьи из Русского Словаря *

Украсить голову по французски. О приведении в совершенство сея науки Франция несколько лет прилагает попечение. И хотя в Париже заведена Академия Волосоподвивательной науки, изданы в народ печатные о том книги, но однако ж и по сие время так же, как и философия, в совершенство не пришла, из чего следует, что быть совершенным волосоподвивателем так же трудно, как и философом, да и науки сии одинакие, одна украшает голову снаружи, а другая внутри, а что к первой ныне больше прилепляются, тому причиною мода. Да сие и весьма справедливо: украшенная снаружи голова гораздо почтеннее украшенной внутри, потому что мы всегда хвалим, почитаем и удивляемся тому, что прежде другого лучшим нам покажется. А в том и никакого нет сомнения, что хорошо завитые волосы скорее ума приметить можно; волосы снаружи, а ум внутри.

Украсить разум науками. Встарину думали, что для украшения разума науками надлежит целой жить век, то есть посвятить себя наукам, отстать от всех должностей в обществе, век учиться и быть проповедыванием добродетели согражданам своим, а наконец и самому себе в тягость, из чего сделали пословицу: Век

* Сии статьи продолжаться будут не по азбучному порядку, но как они ко мне сообщаются.

живи и век учися. Но молодые наши дворяне, увидя ясно невежество предков своих, из сего заблуждения вышли и из старого правила сделали новое: Неделю учися и век живи. Сему правилу многие следуют, ибо не учась ничему, но только мимоходом прочитав книги, о всех науках рассуждают и спорят, отчего и писателей показалося много, а особливо стихотворцев. Один славной российской стихотворец[38] сказал о себе, что он, писав стихи десять лет, после все их пожег, чрез это и сделался он образцом во многих родах стихотворства, а в некоторых и неподражаемым. Но молодые наши стихотворцы нашли кратчайшую к Парнасу дорогу; по их мнению, надлежит только знать, что мужеский стих в 12, а женский в 13 стоп, а потом в неделю сделаться можно стихотворцем и трагическим и комическим, и наконец всяким, не делая пустых исследований, что хорей, что ямб, дактиль и проч., лишь бы были рифмы. Вот скорое просвещение какую приносит пользу! А за сие скороспелое в науках знание, должны мы благодарностию господам французам: мы все от них перенимаем, их дворяне давно сие делают, и наши начинают.

Как ли ни: новопроявившееся слово, которого ни во всем священном писании, ни во всех светских сочинениях славных наших авторов нет. Из чего следует, что пишущий ныне как ли ни, вместо как ни, гораздо разумнее тех писателей, которые до сего времени по-русски писали, несмотря на то, что остроумные сочинении с как ни устроевают наше сердце и питают разум, а издании с как ли ни смеяться заставляют. По моему мнению, изобретатель как ли ни достоин такого же почтения, как изобретатели пороха, печати и арифметики, ибо сие слово весьма много спомоществует к приобретению богатства, а именно тем, что если его почаще употребить в каком сочинении, то книга вдвое толще будет, следовательно вдвое и дороже продана быть может.[39]

7

ЭПИТАФИЯ[40]

Не проходи отнюдь не воздохнув, прохожий,
Сего столба:
Здесь сшиб пол рожи
И часть большую лба
Сего же имени зарытый здесь мудрец,
Столб глупых стихачей, наставник и отец:
Сей столб на этот столб бежав споткнулся,

Упал,
Вскричал
И больше не очнулся.
Прохожий, возгласи: сколь щедра к нам судьба!
На месте одного, мы видим два столба!

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ VI. ИЮНЯ 2 ДНЯ

8

ВЕДОМОСТИ

В Санктпетербурге

Из Мещанской

Есть женщина лет пятидесяти. Она уже двух имела мужей и ни одного из них не любила, последуя моде. Достоинствы ее следующие: дурна, глупа, упряма, расточительна, драчлива, играет в карты, пьет без просыпу, белится в день раза по два, а румянится по пяти. Она хочет замуж, а приданого ничего нет. Кто хочет на ней жениться, тот может явиться у свах здешнего города.

Из Литейной

Змеян, человек неосновательной, ездя по городу, кричит и увещевает, чтоб всякой помещик, ежели хорошо услужен быть хочет, был тираном своим служителям, чтоб не прощал им ни малейшей слабости, чтобы они и взора его боялись, чтоб они были голодны, наги и босы и чтоб одна жестокость содержала сих зверей в порядке и послушании. В самом деле Змеян поступает с своими рабами, как проповедует. О человечество! колико ты страждешь от безумия Змеянова! и если б все дворяне пример брали с сего чудовища, то бы не было у нас кроме мучителей и мучеников. Однако благоразумный Мирен не следует мнению Змеянову и совсем отменно[41] с подвластными себе обходится. Ежели Мирен не наилучших в России слуг имеет, так, по крайней мере, не боится, чтоб он ими был проклинаем.

Из Москвы

Один посредственной дворянин, но любящей свою пользу больше общественной, имел крепостного человека, преискусного миниатурного живописца.[42] Искусство сего живописца велико, но доходы, которые он получал за свои труды, весьма были малы. Причина тому та, что он холоп и русской человек, ибо в Москве есть обыкновение русским художникам платить гораздо меньше иностранных, хотя бы последние и меньше имели искусства; словом, доходы сего живописца за его содержанием весьма малый составляли оброк его помещику. Помещик, как человек благоразумной и такой, который в рассуждении своих доходов, арифметику учил только до умножения, рассудил за благо сего живописца продать. Живописец купил бы сам себя, но не имел денег. Некоторой знатный господин, достойной за сие великого почтения, о том проведав и увидев его работу, купил его за 500 рублей и избавил его от неволи для того, чтобы сему достойному художнику дать свободу. Сей господин старается, чтобы живописца приняли в Академию Художеств. Ежели сие сделается, то он ему откроет путь ко снисканию счастия. Вот пример достойной разумного, знатного и пользу общественную лябящего господина! Дай бог, чтобы таковых наукам и художествам меценатов в России было побольше!

Из Ярославля

Здесь все удивляются воздержности московских писателей. Известно, что почтенная наша старушка, Москва, и со своими жителями во нравах весьма непостоянна: ей всегда нравилися новые моды, и она всегда перенимала их у петербургских жителей, а те прямо от просветителей в оном разумов наших господ французов. В нынешнем 1769 году лишь только показалася в свет Всякая Всячина со своим племенем, то жители нашего города заключили то, что и это новая мода. И как Москва писателями сих мелких сочинений весьма изобильна, то надеялись, что там сии листки выходить будут не десятками, но сотнями. Ради чего фабрикант здешней бумажной фабрики[43] велел с поспешением делать великое множество бумаги, годной к печатанию, а между тем отправил своего приказчика на почтовых лошадях в Москву для подряду. Но он и мы все обманулись: в Москве и по сие время ни одного такого из типографии не вышло листочка, да и печатанные в Петербурге журналы читают немногие. Старый, но весьма разумный наш мещанин, Правдин, о сем заключает, что Москва ко украшению тела

служащие моды перенимает гораздо скорее украшающих разум и что Москва так же, как и престарелая кокетка, сатир на свои нравы читать не любит.

Из Кронштата

На сих днях прибыли в здешний порт корабли: 1. Trompeur[44] из Руана в 18 дней; 2. Vetilles[45] из Марсельи в 23 дни. На них следующие нужные нам привезены товары: шпаги французские разных сортов, табакерки черепаховые, бумажные, сургучные, кружевы, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякие, так называемые галантерейные вещи; перья голландские[46] в пучках чиненые и нечиненые, булавки разных сортов и прочие модные мелочные товары, а из петербургского порта на те корабли грузить будут разные домашние наши безделицы, как то: пеньку, железо, юфть, сало, свечи, полотны и проч. Многие наши молодые дворяне смеются глупости господ французов, что они ездят так далеко и меняют модные свои товары на наши безделицы.

Молодого российского поросенка, которой ездил по чужим землям для просвещения своего разума и которой, объездив с пользою, возвратился уже совершенно свиньею, желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города.

Молодой дворянин, идучи по Материальной улице против некоторого дома засмотрелся на окошко, в которое смотрели три прекрасные девушки и выронил свое сердце; кто объявит о поднявшем оное, тому дастся награждение, соответствующее щедрости молодого дворянина, сына судейского, и недавно приехавшего из своего поместья для поминовения своего родителя и проживать нажитое покойным судьею имение.

Старой лицемер, слушая обедню, увидел девушку лицом прелестную. Он, держа в руках молитвенник, во всю обедню не спускал глаз с помянутой девушки, примечая, с прилежанием ли она молится, и находясь в таком положении нечаянно с носа сронил очки и потерял; кто оные поднял и принесет в его квартиру, тому за труды, из любви к ближнему, даст он письменное

наставление, как жить на свете, а паче всего в рассуждении женщин, сих прелестных сирен, усыпляющих наши чувства и разум.

ПОДРЯДЫ

Для наполнения порожних мест по положенному у одной престарелой кокетки о любовниках штату,[47] потребно поставить молодых, пригожих и достаточных дворян и мещан до 12 человек, кто пожелает в поставке оных подрядиться, или и сами желающие заступать те убылые места, могут явиться у помянутой кокетки, где и кондиции им показаны будут.

В некоторое судебное место потребно правосудия до 10 пуд; желающие в поставке оного подрядиться, могут явиться в оном месте.

Молодому рифмотворцу потребно здравого рассуждения, знания и искусства столько, чтобы достало на все те сочинении, которые он расположился писать; желающие поставить и взять ниже просимых цен, а у него купить прилежания и охоты к стихотворству, могут явиться в его квартире.

ПРОДАЖА

За вексельной иск, описанное и оцененное в 14 р. 57¾ к. оставшее после покойного судьи Правдолюбова стяжание, состоящее в верности к отечеству, нелицеприятии, правосудии, истинном понятии законов, милосердии о бедных и здравом рассуждении, имеет быть продано с публичного торгу, ибо наследников ко оному стяжанию из всей его родни не явилось; желающие покупать, могут явиться у акциониста,[48] которой продавать будет.

Недавно пожалованной воевода[49] отъезжает в порученное ему место и для облегчения в пути продает свою совесть; желающие купить, могут его сыскать в здешнем городе.

КУРС ДЕНЬГАМ

У Кащея[50] по 12 рубл. в год на сто.
У Жидомора[51] по 16 руб.
У мелких ростовщиков по 10 коп. на рубль в месяц.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ VII. ИЮНЯ 9 ДНЯ

—

9

Господин издатель!

Вы ленивы, да и я не прилежен, а притом имею желание прослыть, буде не творцом, то по крайней мере издателем. Чего ради прилагаю при сем присланную ко мне из деревни от приятеля грамотку, которую, если вы заблагорассудите, можете напечатать, а если вам не вздумается, то в следующем листочке дать знать, по каким причинам она тиснению предана быть не может. Простите, господин издатель, что в сем рукописании не наблюдено русское правописание; причина тому та, что у нас на Руси весьма мало таких переписчиков, кои бы право писать разумели, да я и сам, сказать матку правду, не зело поучен, а притом и лень проклятая не допустила меня прочесть за переписчиком. Прощай, г. издатель; я, право, никогда так много не трудился, как сегодня дернул меня черт с тобой разболтаться.

Ваш доброжелатель
И. Прямиков.

10

Государь мой!

Приехав в деревни для препровождения там наступающего лета, старался я познакомиться с моими соседами, и правда, между ими нашел я много людей разумных и честных, упражняющихся в домостроительстве, почему и уповал все время пребывания моего препроводить там весело. Но сия блаженная жизнь, которою я наслаждаться уповал, была прервана следующим образом. В том же уезде, где мои деревни, живут в отставке два родные брата В е р т я е в ы; и правда, никто толь приличного со нравом своим прозвища не имеет, как сии господа, ибо они, забывая честь, законы и благопристойность, вертят дела по своим прибыткам; одним словом, они ябедники, обидчики и грабители. Вам же, государь мой, не безызвестно, что мне досталася после покойной свойственницы моей, деревнишка. Один из сих господ, проведав, что я человек не хлопотливой и приказных дел не люблю, старался часть оных присвоить, но как он покойной свойственнице моей роднею не

бывал, то, дабы иметь какую-либо привязку, одну из свойственниц покойницыных, которая хотя никакого права к сим деревням не имела, а притом была без ума, что известно всем соседам, привез в город и там взял с нее купчую, а по сей-то купчей и старался лишить меня принадлежащего мне имения. Поверьте, государь мой, что ничто так меня не беспокоило, как сии хлопоты, от которых бы я конечно не избавился, если бы не защитил меня граф Р..., мой благодетель, который, узнав о сем, писал к нашему губернатору, а я, таким способом избавясь от сего душевредника, расспрашивал одного соседа, как они могут жить с такими ябедниками, каковы господа Вертяевы. На что он мне ответствовал, что это еще малейшего их бездельничества опыт, что они для прибытка никого не щадят, что за несколько пред сим некоему небогатому дворянину досталось по наследству сорок душ. Младший из Вертяевых, узнав о сем, призвал сего дворянина и говорит так: «Деревни эти хотя тебе и принадлежат, однако ты, конечно, их не получишь, ибо ты человек, приказных порядков не знающий, а я для твоей бедности по этому делу хождение иметь буду, но как мне за тебя повеенным быть стыдно, то дай мне закладную, а я, выхлопотав оные деревни, закладную тебе выдам». Добросердечный старик почел сие особливым знаком его к себе милости и, ни мало не размышляя, дал требуемую закладную, по которой господин Вертяев, записав за себя деревню, владеет спокойно, а бедный старик с печали, ибо он кроме сей деревни имел только 5 душ, преселился в то жилище, в котором чужих душ никто не желает, оставя после себя четверых сыновей и одну дочь, кои в такой живут бедности, что едва дневное имеют пропитание. Сей поступок толь чувствительно меня тронул, что я трех меньших сыновей, ибо старший болен и служить не может, отослал к племяннику моему в Петербург, дабы он их по приличеству записал в службу, а большего здесь взял в свое призрение. Из сих двух кратких повестей рассудите, государь мой, коль много властвует прибыток над ябедническими душами, что они для одного загона земли [52] не токмо любовь к ближнему, но и самый страх божий забывают. Сии-то и сим подобные бездушники приятную деревенскую жизнь напояют ядом, ибо в прочем, по моему мнению, с приятностию деревенской жизни ничто сравниться не может: там встают рано не для того, чтоб просидев 3 или 4 часа над убором головы, и отягчив оную салом и пудрою, шататься по передним комнатам знатных бояр, но для того, чтоб пользоваться приятным утренним временем, присматривать за своим домостроительством и примером своим, служителей своих поощрять к трудам. Там нет огромной музыки,

но вместо оной пользуются поселяне приятным пением птиц; нет там великолепных садов, украшенных статуями и водометами, но вместо оных прекрасные рощи, зеленые луга, испещренные цветами, и протекающие по оным журчащие по камешкам источники увеселяют взор и приводят на память златый Астреин век. Впрочем, уверяя, что при всех случаях не премину уведомлять вас о деревенских наших обстоятельствах, пребуду,

Государь мой,
Ваш покорный слуга ***.

11

ЭПИТАФИИ

I

Здесь спит моя жена:
Во век пусть спит она
К покою своему
И моему.[53]

II

Прохожий! воздохни у места ты сего:
От мужа своего,
Тирана и злодея,
Во днях цветущих лет
Оставивши сей свет,
Несчастная Пентея,
Жизнь каторжну имея,
Ушла
И лишь под камнем сим убежище нашла.

ЭПИГРАММА

Не в том, завистливой, богатство состоит,
Чтоб много душ имети за собою:
Сундук мой пуст стоит,
Но я богат перед тобою;
Доволен я имением своим,
И не хочу владеть сокровищем твоим.

Издатель Трутня обещался публике,[54] во своих листках не сообщать иных, как только ко исправлению нравов служащие

сочинении, либо приносящие увеселение. О сем, по сие время всевозможное он прилагал попечение и уверяет, что и впредь брани, не приносящие ни пользы, ни увеселения, в его листках места имети не будут. Ради чего, издалека и с улыбкою взирает он на брань Всякия всячины, относящуюся к лицу г. Правдулюбова, ибо сие до него, как до чужих трудов издателя, ни по чему не принадлежит, а только с нетерпеливостию желает он узнати, как таковые наполнении сих весьма кратких недельных листков благоразумными и беспристрастными читателями приняты будут.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ VIII. ИЮНЯ 16 ДНЯ

Издатель Трутня, во утешение Всякой всячине, своей современнице,[55] не хотел напечатать сего письма, но по справедливости не мог он в том отказать г. Правдулюбову, тем паче, что он от Всякия всячины отдан на суд публике; итак, благоразумные и беспристрастные читатели сей суд по форме или и без формы, как им угодно, окончать могут. Оправдание г. Правдулюбова здесь следует.

12

Господин издатель!

Госпожа Всякая всячина на нас прогневалась и наши нравоучительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуметь не может, а сия вина многим нашим писателям свойственна.

Из слов, в разделении 52 ею означенных, русской человек ничего иного заключить не может, как только, что господин А. прав, и что госпожа Всякая всячина его критиковала криво.

В пятом листе Трутня ничего не писано, как думает госпожа Всякая всячина, ни противу милосердия, ни противу снисхождения, и публика, на которую я ссылаюсь, то разобрать может. Ежели я написал, что больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, кто оным потакает, то не знаю, как таким изъяснением я мог тронуть милосердие? Видно, что госпожа

Всякая всячина так похвалами избалована, что теперь и то почитает за преступление, если кто ее не похвалит.

Не знаю, почему она мое письмо называет ругательством? Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная, но в моем прежнем письме, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нет ни кнутов, ни виселиц, ни прочих, слуху противных речей, которые в издании ее находятся.

Госпожа Всякая всячина написала, что пятый лист Трутня уничтожает. И это как-то сказано не по-русски; уничтожить, то есть в ничто превратить, есть слово, самовластию свойственное, а таким безделицам, как ее листки, никакая власть не прилична; уничтожает верьхняя власть какое-нибудь право другим. Но с госпожи Всякой всячины довольно бы было написать, что презирает, а не уничтожает мою критику. Сих же листков множество носится по рукам; итак, их всех ей уничтожить не можно.

Она утверждает, что я имею дурное сердце потому, что, по ее мнению, исключаю моими рассуждениями снисхождение и милосердие. Кажется, я ясно написал, что слабости человеческие сожаления достойны, но что требуют исправления, а не потачки, и так думаю, что сие мое изъяснение знающему российский язык и правду не покажется противным ни справедливости, ни милосердию. Совет ее, чтобы мне лечиться, не знаю, мне ли больше приличен или сей госпоже. Она, сказав, что на пятый лист Трутня ответствовать не хочет, отвечала на оный всем своим сердцем и умом, и вся ее желчь в оном письме сделалась видна. Когда ж она забывается и так мокротлива, что часто не туда плюет, куда надлежит, то кажется для очищения ее мыслей и внутренности не бесполезно ей и полечиться.

Сия госпожа назвала мой ум тупым потому, что не понял ее нравоучений. На то отвечаю, что и глаза мои того не видят, чего нет. Я тем весьма доволен, что госпожа Всякая всячина отдала меня на суд публике. Увидит публика из будущих наших писем, кто из нас прав.

Покорный ваш слуга
Правдулюбов.

6 июня 1769 году.

13

Господин издатель!

Чистосердечное ваше о самом себе описание мне весьма нравится, чего ради я от доброго сердца хочу вам дать совет: в вашем Трутне печатаемые сочинении многими разумными и знаю-

щими людьми похваляются. Это хорошо, да то беда, что многие испорченные нравы и злые сердца имеющие люди принимают на себя осмеиваемые вами лица и критикуемые вами пороки берут на свой счет. Это бы и не худо, ибо зеркало для того и делается, чтобы смотрящиеся в него видели свои недостатки и оные исправляли. И то зеркало почитается лучшим, которое вернее показывает лицо смотрящегося. Но дело в том состоит, что в вашем зеркале, названном Трутень, видят себя и многие знатные бояре. И хотя вы в предисловии своем и дали знать, что будете сообщать не свои, но присылаемые к вам сочинении, однако ж, злостию напоившие свои сердца люди ставят это на ваш счет. Вот что худо-то! Мне очень будет прискорбно, ежели кто на вас за то будет досадывать, а каково иметь дело с худыми людьми и знатными боярами, я уже искусился. Я доживаю шестой десяток лет и во всю мою жизнь имел несчастие тягаться с большими боярами, угнетавшими истину, правосудие, честь, добродетель и человечество. О, г. издатель! сколько я от них претерпел! Смело сказать можно, что лучше иметь дело с диким тигром, нежели с сильным злым человеком; тот со всем своим зверством и лютостию отнимает только жизнь, а последний оной не отнимает, но отнимая душевное спокойствие и крепость, приводит дух во изнеможение так, что иногда подасадуешь за то, на что написано: Не ревнуй лукавнующим, ниже завидуй творящим беззаконие. Но полно, ныне таких бояр немного. Жаль, что надобно солгать, ежели сказать, что их совсем нет! Что ж делать! В семье не без урода. Надобно и за то благодарить бога, что их немного. Вместо старых, есть ныне из молодых господ такие, которые, важных не имея дел, упражняются в безделицах и пред малочиновными людьми показывают себя великими министрами в малых делах, недостойных ни чина их, ни имени. Употребляя при том непростительные уклончивости, ласкательства, потачки и непозволительные хитрости, а все это для какой ни на есть безделицы или по слепому повиновению своим страстям и пристрастию к какой-либо вещи. Надобно желать, чтобы они способны были к важным государственным делам и прилежны ко исполнению оных так, как к малым, тогда бы они принесли превеликую пользу обществу. Намнясь при мне один такой придворный не господин, да еще господчик, говорил о вашем Трутне весьма пристрастно; надлежит сказать, что он имеет доброе сердце, но некоторая слабость им очень сильно владеет, почему он говорит и делает только то, что связано с выгодами его слабости. Сей господчик говорил следующее: «Не в свои, де, этот автор садится сани. Он, де, зачинает писать сатиры на придворных

господ, знатных бояр, дам, судей именитых и на всех. Такая, де, смелость, не что иное есть, как дерзновение. Полно, де, его недавно отпряла Всякая всячина очень хорошо, да это еще ничего, в старые времена послали бы его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства русского владения, но нынче, де, дали волю писать и пересмехать знатных и за такие сатиры не наказывают. Ведь, де, знатной господин не простой дворянин, что на нем то же взыскивать, что и на простолюдимах. Кто, де, не имеет почтения и подобострастия к знатным особам, тот уже худой слуга. Знать, что, де, он не слыхивал, что были на Руси сатирики и не в его пору, но и тем рога посломали,[56] а это, де, одни пустые росказы, что он печатает только присыльные пиесы. Нынче, де, знают и малые ребята этот счет, что дважды два будет верно четыре, а сверьх того в его, де, сатирах ни соли, ни вкуса не находят. Гораздо бы было лучше, ежели бы, де, он обирал около себя и писал сказочки или что-нибудь посмешняе, так как другие писатели журналов делают; так бы такое сочинение всем нравилось и больше бы покупали, так бы, де, ему больше было прибыли, а от этого журнала наверное, де, он не разбогатеет». Итак, г. издатель, совет вам даю следующий: не слушайте сего господчика, не обирайте около себя вздоров и не печатайте; нам они и так уже наскучили. И публика не такой худой имеет вкус, чтобы худое больше хорошего хвалила, но, следуя благоразумию, продолжайте печатать такие пиесы, какие мы по сие время в Трутне читали, но только остерегайтесь наводить свое зеркало на лица знатных бояр и боярынь. Пишите сатиры на дворян, на мещан, на приказных, на судей, совесть свою продавших, и на всех порочных людей; осмеивайте худые обычаи городских и деревенских жителей; истребляйте закоренелые предрассуждении и угнетайте слабости и пороки, да только не в знатных, тогда в сатирах ваших и соли находить будут больше. Здесь английской соли употребление знают немногие, так употребляйте в ваши сатиры русскую соль, к ней уже привыкли. И это будет приятнее для тех, которые соленого есть не любят. Я слыхал следующие рассуждении: в положительном степене, или в маленьком человеке в о р о в с т в о есть преступление противу законов; в увеличивающем, то есть в среднем степене, или средостепенном человеке в о р о в с т в о есть порок, а в превосходительном степене, или человеке, по вернейшим математическим исчислениям в о р о в с т в о не что иное, как слабость. Хотя бы и не так надлежало, ибо кто имеет превосходительной чин, тот должен иметь и превосходительной ум, и превосходительные знания, и превосходительное просвещение: следовательно, и пре-

ступление такого человека должно быть превосходительное, а превосходительные по своим делам и награждение и наказание должны получать превосходительное. Но, полно, ведь вы знаете, что не всегда так делается, как говорится! Письмо мое оканчаваю искренним желанием успеха в вашем труде, и чтобы мой совет принес Вам пользу, а издание ваше всем знатным господам чтобы так нравилось, как нравится оно семерым знатным боярам, которых я знаю.[57] Сии господа читать сатиры великие охотники и, читая оные, никогда не краснеют для того, что никогда не делают того, от чего, читая сатиры, краснеть должно. Впрочем, с удовольствием всегда есмь

К вашим услугам готовый
Чистосердов.

Там, где я нахожусь.
Июня 6 дня 1769 года.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ IX. ИЮНЯ 23 ДНЯ

14

ВЕДОМОСТИ

В Санктпетербурге

С Васильевского острова

Злонрава в превеликой грусти и слезах препроводила целый год, ожидая возвращения своего супруга; наконец, ко утешению ее скорьби он возвратился. Друзья его, обрадовавшись его возвращению, все к нему съехались. Злонрава от радости была почти без ума, но час спустя муж ей в чем-то попротивуречил, она рассердилась, проклинала день своего рождения и час ее с ним брака и чтобы в другой перnum родиться раз, то посылала она любезного своего супруга к чорту. Супруг не успел еще от прежнего в дороге оправиться беспокойства и для того в такой дальний ехать путь не осмелился, хотя жена и поминутно его туда отправляла. Друзья его, удивясь такой перемене, спрашивали ее: для чего она в отсутствие мужа своего всегда о нем плакала, а по приезде его так скоро с ним поссорилась? Она отвечала: о том-то я плакала, что не с кем было мне браниться.

Из Конной улицы

Старушка лет осмидесяти, одна из тех, которые питаются подаянием добросердечных граждан, шла мимо дома некоторой кокетки и, увидя ее у окна, остановилась и стала просить милостины. Госпожа сказала ей: как тебе не стыдно, старушка, так таскаться и питаться таким худым промыслом; неужли ты не сыщешь себе другого пропитания? — Ежели бы я имела, сударыня, деньги, так бы, конечно, постыдилась промышлять моим ремеслом, но лучше бы принялась за ваше, ибо летами меня вы, конечно, не моложе, а лицу моему так же, как и вашему, помогли бы искусные докторы. Ведь сударыня, продолжала старушка, деньги-та деньгами же достают. Боярыня осердилась, хлопнула окном и старушке ничего не подала. Старушка пошла и сквозь зубы заворчала: теперь то я узнала, что когда просишь милости, тогда правды говорить не надлежит.

Из Офицерской улицы

Прелеста, молодая госпожа, сидя у окна, увидела разносчика с апельсинами и приказала его кликнуть. Разносчик пришел. Боярыня десяток апельсинов за полтину сторговала и начала чистить, а между тем, желая над ним пошутить, стала у него спрашивать: женат ли ты? Женат, сударыня, и троих уже имею детей. Боярыня спросила: бывают ли между крестьянами мужья рогоносцы? — А между господами бывают ли, сударыня? — Как не быть, сказала госпожа, и у меня есть муж. Так как же, сударыня, быть тому меж крестьянами, что делают господа, отвечал крестьянин. Нас приказчик за это бы рассек, ежели бы мы что стали у господ перенимать, нам только велят работать. Да ведь за женою усмотреть мужу никак не возможно, сказала боярыня, если она что захочет делать. Ваше дело господское, вы это по себе больше нашего знаете, сударыня, отвечал разносчик почесавшись. А где живет вам муж? — На своей половине, отвечала госпожа, а я здесь на своей. — Да разве вам в одной-то половине тесно, сударыня? — Не очень бы было тесно, но это по моде. — Чему ж дивиться, сударыня, что ваш муж за вами усмотреть не может, когда вы так от него далеко живете. — Дурак, перехватила смеючись госпожа, ведь я это не про своего говорила мужа. Так виноват, сударыня, сказал крестьянин, также усмехнувшись, я не растолковал и думал, что вы говорите про своего мужа. Боярыня разносчику пожаловала два рубли и отпустила.

Из Коломны

Забылчесть дворянин, находясь в некотором приказе судьею, трудами своими и любовию к ближним нажил довольное имение. Он имел попечение о пропитании одних и в то же время раззорял других подобных себе по образу, а не по делам, тварей; его следующими описывают красками: неправосуден, завистлив, пронырлив, прибыткожаден, скуп, жестокосерд к бедным, злоязычник, ябедник и крючкотворец, а жена его, как сказывают, толста, глупа и проч., короче сказать, оба они составляют сокращенное хранилище пороков. Он подчиненным своим ничего не приказывает, не сказав во святой час и не прочитав молитву пресвятой троице, водки никогда не пьет, хотя бы то было и в гостях, дела подписывает перекрестясь, говоря: честный де крест на враги победа, несмотря, что те его враги бывают иногда законы, истина, правосудие, честь и добродетель, ибо он часто вершит дела против законов и истины; от таких беспокойств он и супруга его занемогли. Доктор прописал в рецепте для г. судьи добрую душу и честь, а для супруги разум, сколько оного потребно для судейской жены, но судья говорит: на такие, де, ненужные расходы не нажил я еще денег

Из Твери

Недавно пред сим через наш город проехал молодой дворянин, обучавшийся в некотором славном немецком университете разным наукам. Он о том городе рассказывал нам чудеса. Мещанин наш Чистосердов спрашивал у него о нравах того народа, о узаконениях, о обрядах их ярмонок, и о проч., но он ни на что не мог порядочного дать ответа. Мещанин потом спросил его, чему он там обучался? Дворянин ответствовал: философии. — А что такое философия? — Философия не что иное есть, как дурачество, ответствовал ученик славного университета, а совершенной философ есть совершенной дурак. — О! так вы с превеликим оттоле возвращаетесь успехом, сказал мещанин, ибо я нахожу вас совершенным философом. Дворянин, усмехнувшись, отвечал: Сократ, славной в древности философ, говаривал о себе, что он дурак, а я о себе того сказать не могу, потому что я еще не Сократ. — Об вас это другие скажут. — А знаете ли вы, спросил дворянин, какая розница между ученым дураком и неученым? — Всеконечно знаю, сказал мещанин: розница между ими та, что ученые дураки гораздо больше делают вреда государству. И разошлись, дворянин поехал в путь, а мещанин нам сказал: видите, братцы, что и в славных немецких университетах разума не продают.

* * *

Судья некоторого приказа покривил весы правосудия: он в том не виноват, а виноват подрядчик, который на судейскую сторону так много положил кулей с мукою, что правосудие против такой тягости устоять не могло; желающие те весы починкою исправить из своих материалов, могут явиться в том приказе.

Прокурор Правдулюбов с судьею Криводушным в одном сидит судебном месте. Судья заразился известною, под именем акциденции,[58] болезнью, и для того в решении дел часто с прокурором бывает несогласен. Прокурор, опасаяся дальнейших от того следствий, чрез сие объявляет, что, ежели сыщется искусной в лечении сих болезней лекарь и сего судью вылечит, тому за труды даст он награждение из собственных денег, ибо судья о лечении сей болезни и слышать не хочет; желающие помянутого судью пользовать могут явиться у прокурора Правдулюбова немедленно.

В некотором приказе был судья: он, служа в военной прежде службе, привык взяток не брать, почему и сделавшись судьею не переменился. Он вершил дела по законам, не толкуя оные вкриво; весы правосудия в его время ни кулями с хлебом, ни мешками с деньгами покривлены не были. Все удивлялись его ополчению противу искушателей, и, наконец, большие судьи его правосудие почли гордостию, думая, что он не берет для того, что не дают больше. Гордость его наказали отрешением его от того места; он о том и не тужил. На место его посажен другой судья, в котором ни малой нет гордости. Он берет взятки, не яко взятки, но яко подарки. Весы правосудия в его руках, а указы в его устах, ибо они говорят то, что прикажет судья. Итак, в том месте, где сидел голубь, сидит ныне ястреб, о чем для сведения и объявляется.

Ростовщик, прозванный Жидомором, отдает из процентов деньги под ручной заклад, которой бы вчетверо занимаемой суммы стоил, а сверьх того заимщик, чтобы не позабыть числа, когда возмет деньги, должен в той сумме дать вексель, проценты по полушечке только в день на рубль;[59] кто хочет занимать деньги, тот может у него явиться.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ X. ИЮНЯ 30 ДНЯ

15

Г издатель!

Целую неделю у меня денег не было[60] ни полушки, но вчера ввечеру один честной человек прислал мне червонец, которым он мне был должен. Вы не поверите, как я обрадовался, увидя сей блестящей металл, я не мог им налюбоваться, повертывал его в своих руках, клал в кошелек, вынимал опять, и смотря пристально, приметил, что он был обрезан. Ах, бедненькой! вскричал я, ты побывал уже в жидовских руках: — по закону моисееву обрезывали только самих жидов, но они по новейшему своему обычаю обрезывают все червонцы, которые к ним попадают в руки. Жалость объяла мое сердце, вообразя мучении бедного червонца, при обрезывании претерпенные, и будучи оттого вне себя, вскричал: О! если б ты, дорогой червонец, со мною мог говорить, ты бы, конечно, рассказал мне, как на свете ты обращался и как переходил из рук в руки? Но он был безгласен. Я пришел в досаду и говорил: немилосердая природа! почто ты дала глас ласкателям, кои сладостными речами в сердце вливают яд? Почто не безгласны красавицы: оне настоящие сирены, оне пленяют нас нежными словами, обольщают взор своею красотою и ввергают нас в презлейшие напасти. А злато, сей драгоценной металл, без коего разрушилося бы все на свете, ты, жестокая, уподобила несмысленной и бессловестной твари. Оно бы подавало нам нужные советы, учило бы, как его употреблять, конечно, оно бы было лучшим нашим наставником, ибо, когда, и быв бессловесно, освобождает нас от презренной бедности, коей терзания несноснее адских мучений и злее самой смерти, дает нам разум, чины, почтение и возводит иногда на высочайшие степени, восстановляет мир в государствах, возвышает, низвергает — словом, оно все может... Ах, природа! как ты несправедлива!.. От сильного волнения я ослабел, пришел в забвение и заснул. Но хотя утомленные члены и вкушали сладость покоя, однако сон не истреблял смущения из моих мыслей. Я те же повторял слова..., но вдруг радость и удивление подали отраду моему сердцу, желание мое исполнилось, червонец начал говорить:

Что ты от меня услышать хочешь? Я довольно ведаю, что люди не любят слушать, когда говорят им правду, но я лесть

презираю. Повесть моя тебе покажет, сколько вы непостоянны и что на свете все превратно. Когда меня взяли со дна Пактола,[61] коего прозрачные струи протекали в Лидии, тогда люди не столько еще были жадны ко злату, как ныне, один только Крез собирал сокровища, а большая часть его подданных упражнялися в трудах и наслаждалися спокойною жизнию. Я был положен в природном моем виде в сокровищах крезовых и долгое время не видал никого из смертных, кроме стражей; наконец, увидел премудрого мужа Солона и слышал разумный его ответ надменному богатством своим Крезу и почитающему себя счастливейшим из смертных, он говорил: Никто до смерти счастливым себя назвать не может. Сие сбылось: я видел побежденного Креза, влекомого на казнь, а сокровища его оставленные на расхищение победителям. Тогда в перьвой раз я попался в руки немилосердого ваятеля: он меня несказанно мучил огнем и своими орудиями и, наконец, сделал из меня медаль, на коей изображалось падение лидийского царства и победа персидского монарха Кира. Я был в кировых руках, потом перенесен в чертоги персидских царей, где с другими медалями и драгоценными вещами лежал до самого того времени, как Александр Македонской последнего персидского царя Дария победил и соделал конец персидской монархии. Я не попался в руки победителей: одна персиянка, жившая в царском доме, или любя медали, или из сребролюбия, зарыла меня в землю со многими драгоценностями и, конечно, хотела после употребить в свою пользу. Но по определению судьбы я в виде медали и другие со мною положенные вещи весьма долго были сокрыты в земных недрах, и я за счастие себе почитал, что остался в покое ни мало не желая видеть свет, коего превратность довольно мог приметить из падения немалых областей. Однако судьба, всем управляющая по своенравию, захотела разрушить мое спокойство, коим я многие столетия наслаждался. Меня вырыл один алхимист и, любуясь моей древностию за тем, что вы редкость любите, хотел меня везти в кабинет к какому-то королю. Но как все люди непостоянны, то и мой алхимист, раздумав далеко везти древнюю медаль, взял меня и расплавил. Я принужден был терпеть несноснейшие мучения, ибо он изыскивал, как мое золото отлично от нынешнего и огнем, и водою, и всем, что ему приходило на ум, меня пробовал, наконец, не нашед ничего, оставил моих товарищей медалями, а меня сделал простым куском золота, продал жиду, которой, везучи очень далеко, привез во Францию. Жители сей страны мне были незнакомы, и одежда оных казалась весьма отлична от лидийской, персидской и македонской. Израильтянин продал меня французскому золотых

дел мастеру. Я не мог надивиться, с каким искусством продавец по ветхому, а купец по новому законам друг друга обманывали. Сей мастер был весьма хитр на выдумки и такие делал вещи, о коих я прежде и понятия не имел. Я видел все крезовы сокровища, все великолепии персиян, однако не знал, что такое называют галантереями, но новый мой хозяин о всем ведал и умел делать все модные вещи. Не пробыл я еще и двух часов у сего француза, как увидел пришедшего к нему щеголя: у него волосы были всклочены и сделаны из них разные кудри и осыпаны каким-то белым порошком; я после сведал, что вы, жители нынешних времен, сие называете пудрою и что ни одна разумная голова без ней обойтись не может. Одним словом, платье его, разное кривлянье и беспрестанная говорливость меня удивили, и его бы, конечно, почли шутом в Лидии, любезном моем отечестве, о коем я уже более и не слыхал. Он заказал моему хозяину сделать самую модную золотую табакерку и дал женский портрет, которой велел в нее вставить. Сие дело касалось до меня: я опять стал терпеть мучение, прибавили ко мне много смеси и сделали из меня табакерку, кою хозяин называл самою модною. Я тогда еще не понимал, что такое мода, да и ныне точно не знаю, или вы модою называете управляющую вами глупость? Щеголь тотчас прилетел, схватил меня в руки, и поднимая плеча, ужимая губы, и махая руками, кричал страстным голосом, что я неоцененная табакерка для того, что во мне портрет его любовницы. Не знал я и того, что называли любовницыным портретом: но, наконец, сведал, что то было изображение лица той женщины, с которой любовник чаще бывает вместе, нежели с другими, больше с нею говорит, более ей лжет и чрез все происки старается ее обмануть. Французской щеголь, припрыгнув раза три, приткнув свои губы к сему портрету и расплатясь с золотарем, влез в ящик, сделанной на четырех колесах, или, по вашему, в карету, и приехал домой. Все, что ни представлялось моим глазам, казалось мне очень странно и смешно. Я сначала всему дивился, но, наконец, рассмотря все подробно, перестал удивляться модным вещам и сравнивать их употребление с древними мне известными обычаями, а стал вникать во нравы моих хозяев, коих у меня не мало перебывало.

Сей первой мой хозяин с утра до вечера ездил по городу и волочился за всеми красавицами, однако не подумай, что он их долго любил, ибо на неделе раза по два он переменял портрет, которой в меня вставливался, и мне иногда было досадно, что он на место прекрасного вставливал портрет дурной, но что о сем и говорить, известно всем непостоянство сих господ. Мой хозяин был притом и страстной игрок и, по несчастию, проиграв

все деньги, схватил меня дрожащими руками, уронил на пол, расшиб портрет, а меня согнул. Осердясь еще более на свое несчастие, поставил меня на карту в половинной цене и проиграл с оника.[62]

Выигрывшей меня, видя, что я не могу отправлять прежней должности, и имея бриллианты, велел сделать серьги. Меня употребили в сию работу, раздробили на части и, вставя каменья, сделали две серьги: половина моего существа сгорела, а остатки остались у мастера. Вот я стал опять в новом виде: серьги вдела в уши кокетка, и я было радовался, что, быв столь близко ушей такой женщины, могу слышать все речи, кои ей беспрестанно шептали на ухо мужчины. Но после узнал, что то были такие маловажности, которые не стоят того, чтоб о них и говорить, однако довольно мог приметить, что ежели волокиты обманывают женщин, то и кокетки их обманывают еще гораздо больше.

Если подробно описывать всю мою жизнь, то произойдет великая книга; знайте же, что, быв серьгами, был в ушах женщин разных нравов, был у жеманных, у простеньких и мало у разумных. После сего, выломав каменья из сих серег, употребили в складень,[63] а из меня художник сделал маленькую печать, на коей было изображение купидона. Поверите ль, что в сем виде я перебывал более, нежели во ста руках: то служил волокитам, которые запечатывали мною все свои мнимые вздохи, слезы и отчаянье, то снимали меня с их часов красавицы и употребляли на такие же дела, то слуги и служанки, украв меня, продавали новым хозяевам. Наконец, я состарилась, изогнулась, попала в Голландию и сделали из меня червонец, в котором виде я иногда и в один день руках в двадцати перебывал. Для окончания же моей повести, кою сколько ни сокращал, но она была довольно велика, скажу, что привез меня сюда курьер и вчера проиграл на биллиарде вашему знакомому, которой меня к вам прислал.

Сей сон меня удивил, и я проснувшись написал его и послал к вам г. издатель, если сей бред вам понравится, то его напечатайте; если же нет, то издерите или сожгите: судьбину его оставляю на вашу волю.

Слуга ваш
N. N.

22 июня.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XI. ИЮЛЯ 7 ДНЯ

16

СКАЗКА

Игрок, сделавшийся писцом[64]

Когда-то игроку пришел рассудок здравой,
На путь стать правой
И карточное ввек покинуть ремесло;
В тогдашнее число
Он умствовал, хвалился,
В нем доброй дух явился
И нудил сей порок попрать.
С того часа игрок закаялся играть,
Свалил с себя такое бремя
И сделался писец,
Наружу выводил дурных дел многих время,
Описывая страсть к игре, и, наконец,
Припутал игроков тут целое беремя,[65]
Показывая им себя за образец,
Наставя этому несчетно племя
Строк,
И так игрок
Предупредил злой рок,
Не картам стал платить оброк,
Как в прежни годы,
Сыскал дорогу сам сбирать доходы,
Не, против банка шед, фортуной рисковал,
Не карты тасовал,
А с оника верняй по сотне убивал.
Но мы не говорим, как с счастьем он сдружился;
Мы знаем только то: писать вооружился.
Лишь в руку взял перо,
Откуда полилося
И злато и сребро,
Откуда набралося
Не малое добро!
Уж ритор мой высоко
Вздымает горду бровь,

Уже подъемлет око
На нежную любовь.
Пришла зараза вновь.
Его вспылала кровь.
Какою роскошью ему дни полны стали!
Какие случаи к веселью подавали!
Любовники часов сих лучше не желали,
Всечасно вместе быть,
Всечасно говорить,
Он видит страсть свою красавицею внятну
И слышит речь к себе из уст ее приятну.
Сколь много смертный сей благополучен был!
В какой у счастия сладчайшей неге жил?
Противных случаев в то время не бывало,
Тем счастие его совсем избаловало,
И что дурного в нем ни есть,
Все то потщились произвесть
Любовь, достаток, честь.
Они его переродили
И возгордили,
Пудов десятком всех дурачеств наградили;
Не помня о своей ни мало он судьбе,
Подумал в этот раз не меньше о себе,
Что сын он Феба,
А Фаэтонт [66] за гордость свержен с неба
Писателю сему случился рок,
Подобно строг,
Чуть не был свержен он с своей степени
За то — не делай счастью пени;
Но это не порок.
Вот приключение из сих, что узрим строк:
Вне града дом стоял, дом всех родов веселья,
Где время проводить удобно от безделья;
В один день был тут бал,
Писец на всех таких веселиях бывал,
И тут он быть случился!
А то, читатели, я вам сказать забыл,
За свой рубль всякой тут хозяин был
И чем хотел, то тем и веселился.
Один писатель сей казаться важным тщился,
Чресчур бодрился.
Веселые свою игорку завели,
Угадывать рубли,
Тут все, кто денежки имели

И ту игорку разумели,
Играть подсели.
Но помните ли, что я выше доносил:
Мой ритор твердо как не брать карт в руки клялся,
Да слова не сдержался,
Совету своего рассудка не спросил;
Жар прежний ко игре опять в него вселился.
В груди зашевелился.
Он клятву всю свою тут вмиг перекусил,
Играть пустился,
Великим счастием себя и в этом льстил,
Да сотни полторы немедленно спустил.
Безделки по его доходу он лишился,
Однако не стерпел,
Еще играть хотел,
В кармане денег нету,
Он брал у всех своих приятелей монету,
И эту
Всю тож спустил,
Привязан стал к игре он снова
И чувствовал досад тьму проигрыша злова.
Краснел,
Бледнел,
Имея зверски взгляды,
Рвал карты он с досады,
И стал с лица
Похож на мертвеца!
Но где на проигрыш искать управы,
Имеют игроки рассудки здравы,
У них свои уставы,
Превозмогая жар и хлад,
И стыд, и глад,
Пускаются в игру без денег на заклад.
Писатель важной сей в то время правил
Порядок игрока,
Его не дрогнула рука,
Часы на карту ставил,
Но тот, который банк метал,
Устал,
Часов играть не стал,
И с места встал,
Откланялся, отговорился.
Писец вздурился,
Писец вскружился,

Писец озлился
И расхрабрился,
Гнев лютый ощущал,
Ценити[67] игрока пустился,
Игрок молчал,
Писец бранился,
Игрок спущал
И в шутку все слова писцовы обращал,
Да рок сие не так скончал.
Присловица у нас в размолвке всякой:
Красна брань дракой;
Побоища и тут себе рок в жертву ждет;
Писец сердит слывет,
Да силы нет,
Игрок его сильняе,
Да он смирьняе.
Писец,
Хоть был хитрец,
Хоть был мудрец,
Умел и лепетать, бормочут как в Париже,
Да ростом ниже,
А тот игрок
Довольно был высок,
И прихватить ему писца за кудри ближе,
Но ритор мой сего не рассуждал,
Приметить было можно с виду,
Досадой он пылал
Отмстить желал
Свою обиду,
И на соперника отважно наступал,
Его клепал
И, как смола ко платью,
Льнул;
Так он своей гордяся знатью,
Слова ко игроку все гнул,
Сыскал словцо, кольнул;
Какою ж статью
Ту речь употребил?
А вот: он игрока, сказал, когда-то бил!
Надул игрок тут губу,
Представил рожу грубу
И сделал брань сугубу!
Хоть в сказке бредят ложь, а я вам здесь не лгу,
Игрок не захотел остаться в сем долгу.

Ответ его: «ага! так видно
Без драки нам не можно обойтись,
Я не оставлю так с тобою разойтись,
Знай, это для меня ни мало не обидно,
И не намерен я за то пенять,
А дерзость я твою хочу теперь унять,
И есть мне вот резон к тебе прибраться,
С тобой подраться;
Ты, сказываешь, бил меня давно,
Чему не можно статься,
Да это все равно;
Ты в мыслях бил меня и лежа на постеле
А я здесь в самом деле
Тебя поколочу,
Чем должен я тебе, то тем и заплачу,
И станем оба мы друг другом биты,
И будем мы с тобою квиты».
Тут подлинно игрок уж больше не шутил,
И не были слова его пустые,
Он ритора схватил
За кудри не простые,
За кудри подвитые
Нагнул,
Палчищею по нем стегнул,
Чем так его пугнул,
Что ритор мой вздрогнул!
Потом, о, случай жалкой!
Игрок карал его нещадно палкой, —
Тяжелая рука
Махала не слегка
И сделала ему и спину и бока
Подобно пуху, —
Умалил несколько спесивого в нем духу.
Писцу была
Месть эта не мала,
Вредна довольно,
Побит он больно.
Не нарушай свою впредь клятву своевольно!
Игрок к побоям сим еще прибавил зла,
Под страхом запретил ему того ж жезла
Сим впредки не хвалиться.
Писец толь строгою судьбой
От сих поноснейших побой
В другую света часть изволил удалиться.

ВОЗДАЯНИЕ

Победу одержал над ритором игрок,
Попутал ритора, конечно, гневный рок,
Что он переступил об картах свой зарок.
Мы в утешение побитого героя,
  Прикрасу новую состороя
  И новомодного покроя,
        Из вин, червей,
        Бубен, жлудей
      И всей картежной масти,
      Возьмем по равной части,
 А, вместо лавр, к тому на каждый позвонок,
        Приткнем кленок
 И соплетем сему побитому венок.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XII. ИЮЛЯ 14 ДНЯ

17

ЭПИГРАММА

Очистил секретарь свои от взяток руки; [68]
      Не знал, что делать с скуки.
«Долга треть, — мыслит он, — до жалованья ждать.
      Так чем же скуку провождать
        Гулящею порою?
      А вот чем: карточной игрою».
Такое ремесло приказных не рука:
Узрел он своего упадок кошелька.
Смутился секретарь и что начать не знает.
        Он карты проклинает
И в горести сказал: «Иль с голоду мереть...
        Велика ль наша треть?
          Куда ее потянешь,
      Коль взятки брать не станешь?»

17а

СКАЗКА

Стыд хулителю [64]

Не в давны времена, не в прежни годы,
Но в сей златый наш век,
Прославился один ученой человек.
Вы спросите тотчас, какой он есть породы?
На то скажу в ответ:
Ни лет,
Ниже примет
В записке нет;
Не знаю я, он млад иль сед,
Иль внук иль дед,
Да в том и нужды нет;
Нам дел его потребен след.
Ученой сей, каким-то роком,
Втирался ль боком,
Тянулся ль блоком,
Взмостился мыслию на Геликон!
И тут, как посвящал свой труд он музе,
Пригрезился ему приятной сон,
Что будто он
Уже со Талией [69] в союзе,
Не зрит ни в чем себе препон.
Мечтание сие еще б продлилось
Да самолюбие в него вселилось,
Перервало сей сон.
Ученой, заразясь таким пороком,
Взирать на всех стал гордым оком.
Сверх силы труд, а он стремится к славе течь,
Введеньем в речь
Слог самой новой моды,
И делает доводы [70]
На все похвальные писателей дела,
Что важность в них мала,
Он их современник и рассуждает точно,
В чем мысль не далека,
Что писано слегка
И что чресчур порочно,
Да только хулит всех заочно,
А в очи нет:
Он знает свет.
К похвальному его такому дару

Пристала ложь под пару.
Он спутником своим ее нарек
И сей подпорой стал ученой человек.
Но слава тем его не помрачится,
У нас хвала
На всякие дела,
В каком бы роде ни была,
Не все по хорошству, по счастию случится;
Подобно и хула
Чему помчится,
Не все по дурноте, —
Иной бывает раз и по несчастью;
Все в свете суете
Подвержено живет. Да чем же? горькой частью
Случается сие такой напастью,
Какая вещь ни будь, да кто побольше нас
Похулит раз,
Пускай то хулить не годится,
Но он желает так,
То может на его случилось смак.
Чему ж дивиться,
Одно лишь слово он изволь употребить,
Охотники к тому найдутся подсобить.
От этого хула родится
И не замедляся повсюду расплодится;
Одни в угодность тут
К хуле прильнут,
Хулу к хуле приложат,
Хулу хулой помножат
И пустят правдой в свет;
Другим до истины ни мало нужды нет;
Невежи на людей глаза лишь взводят
И с их речей хулу находят;
А третьи могут слух подобный расселить,
Завистники, чтоб тем себя повеселить:
Завистник ничего не может похвалить.
Какому ж от сего быть можно плоду,
Когда политика вошла здесь в моду?
Есть род хулителей еще чудняй сего,
Об них промолвить не в обиду,
Учеными почесть их льзя [71] изо всего,
Да только с виду,
А дале разобрать,
То выйдет, что они умом нездравы,

В том ищут славы,
Что портит нравы,
Или ясняй: иных стремятся презирать,
Других хулой марать
И претворять
Нежнейший цвет в негодну краску,
Иль на красавицу надеть дурную маску.
Сказал бы вам на то побаску,
Да думаю, она пойдет в разгласку,
Хулители тотчас к ней сделают привязку,
И даст сердитой трусу таску.
Мне разум говорит, изволь-ка помолчать
И не ворчать,
Да то вещать,
В чем сказки сила,
А сказка о делах ученых доносила.
Читатель скажет мне: умел, де, ты зачать,
Умей и окончать.
А я не обробею,
Похвастаться не смею,
А дар имею,
Словцо свое сдержу,
Ученой мой заснул, его поразбужу,
Что приключилось с ним, потребно это ведать:
Приехал в гости он обедать,
Какой гостям живет прием,
Известно это всем;
Хозяин гостю рад, просил садиться
И не гоститься.[72]
Беседа тут была
Довольно весела,
И были многие между разумных споры,
С красавицами всем приятны разговоры.
Ученой в спор вплелся,
Спор новой начался,
Разумные тогда к ученому подсели,
Послушать все хотели
Его рассказ.
Тут на ухо ему был рока глас:
Ты приступаешь к спору
В такую пору,
Когда уж многим стал знаком Парнас.
Так, милости твоей ученой не в указ,
Поберегись в сей раз!

Ученой гласа не внимает,
Тщеславием пылает,
Оспорить всех желает,
Он речью речь плодил,
Там Лирика[73] хвалил,
Тут хулил Драмматиста,[74]
Хулы нанес ему пуд с триста
И в грош его стихов поставить не хотел.
Вот речь, какую тут ученой вел:
Писатель сей тех самых ниже,
Которые теперь последними в Париже,
Не только нас...
В тот час
Один из тех гостей сему учену мужу
Разумной положил предел
И вывел тем его все знание наружу.
Сей гость ученому из Лириковых дел
Две строфы лучшие по памяти прочел.
Тогда хвалами,
Ученой до небес
Те строфы превознес,
Других же называл творцов ослами;
Еще гость строфу тож немедленно прочел,
Ученой лучшею из всех сию почел.
Она была изрядна в самом деле,
А он хваля ее колико силы в теле,
Сказал: «она еще важняе прежних двух,
Не поражает ли ума сей строфы слух?
Не восхищает ли тем дух?
Нельзя сыскать ни в чем подобна слога чиста!»
«А эта строфа Драмматиста!»...
Сказал гость вдруг
Сему учену мужу;
Он сделал тем ему в крови велику стужу,
Гнев, ярость, злоба, стыд
Совсем ученого переменили вид;
Ужасно зреть, как он на гостя разъярился,
Но со стыдом тотчас от глаз их скрылся.

Хулитель! эта баснь тебе предполагает,
Не хуль и не хвали отнюдь того,
Чего
Твой ум не постигает.

18

Господин издатель!

Хочу вас уведомить о двух великих важностях, огромные несчастия в себе заключающих. Ужас поразил мое сердце, как только я перо взял в руки для уведомления вас об оных. Крепись, г. издатель, не допускай к сердцу твоему отчаяния, оно слабым только душам прилично. Теперь приуготовь твой дух ко вниманию лютейшего несчастия... Еще вторично прошу, укрепи твое сердце и внимай: Бургомистр города Б... весьма разгневался на своего короля. Другое злополучие еще хуже того: некто в Москве на некотором мосту [75] прежде стихи свои продающий, сюда прибыв, ваши листки называет безделицами, в себе ни разума, ни забавы не имеющими. Ах! его критика столько разумна и вам вредна, сколько бургомистров гнев королю опасен! счастие, на которое как-то он налез,[76] так его ослепило, что ныне равного себе в разуме не видит. Однако ж некоторые на рифмах бредни, им из разных чужих лоскутков сшитые, многие похваляют, может статься, не приметив, что в них ни цвет к цвету, ни мысль к мысли, ни разум к делу не подобраны. Кто хочет увидеть сию правду, тот пусть прочтет Пегазу прекрасный нашим стихотворцем сочиненный дифирамв.[77]

Я не знаю, как то здешний воздух весьма противен аглинскому. Там умные люди с ума сходят, а здесь рассудка не имеющие разумными представляются. Кто может на римфах сказать байка, лайка, фуфайка, тот уже печатает оды, трагедии, элегии и проч., которые, а особливо трагедию г. *,[78] недавно напечатанную, полезно читать только тому, кто принимал рвотное лекарство, и оно не действовало. Здесь лягушка надувшись может говорить слону, что он ростом весьма мал. Подобное сему я нашел в некотором журнале в 24 и 25 неделе.[79] В сем журнале не знаю кто-то таковой сердится, что много журналов печатается. Видно, что соки его ума уже высохли, когда он басни о козленке и прочие из итальянской Венерониевой грамматики печатает,[80] однако ж говорит про других, что они, не зная, что писать, чужие журналы повторяют. При всем том, он на вас гневаться немалую имеет причину. Ваши журналы сделали то, что его листочков почти никто не покупает, а ему на новый разжив деньги надобны.

В упомянутом журнале еще при досуге некто бредит следующее: отец многих имеет детей, однако не всех равно любит, и что подобным образом и журналы публикою равно любимы быть не могут. Он отчасти сказал правду, узнав оную из опытов на свой счет, однако из того сравнения заключать не надлежит,

что когда его и матери его[81] журналы явились в свет, то другим оных издавать не надлежало. Я уверен, что он сам своему нравоучению не последует, и ежели будет иметь от жены своей одного или двух любезных сынков, то наверно тем не будет доволен, но станет стараться и о сочинении других. Теперь увидите, г. издатель, как за сие письмо господа критики своими сатирами на нас вооружатся, но я сего не опасаюсь, да и вам бояться не советую.

Слуга ваш N. N.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XIII. ИЮЛЯ 21 ДНЯ

19

Господин издатель!

Ты охотник до ведомостей, для того сообщаю тебе истинную быль: вот она. У некоторого судьи пропали золотые часы. Легко можно догадаться, что они были не купленные. Судьи редко покупают; история гласит, что часы по форме приказной с надлежащим судейским насилием вымучены были у одной вдовы, требующей в приказе, где судья заседал, правосудия, коего бы она, конечно, не получила, если бы не вознамерилась расстаться против воли своей с часами.

В комнату, где лежали часы, входили только двое, подрядчик и племянник судейской, человек приказной и чиновной. Подрядчик ставил полные два года в судейской дом съестные припасы, за которые три года заплаты денег дожидался. Правда, имел он на судью вексель, но помогает ли крестьянину вексель на судью приказного, судью, может быть, еще знатного? Редко вексель действие имеет, где судьи судью покрывают, где рука руку моет, для того что обе были замараны. Подрядчик, хотя невеликой грамотей, однако про это знает, и для того пришел просить судью о заплате долгу со всякою покорностию, и в то-то самое время часы пропали. Племянник судейской, хотя мальчишка молодой, но имеет все достоинства пожилого беспорядочного человека, играет в карты, посещает домы, где и кошелек опустошается и здоровье увядает. Не было собрания мотов вне

и внутри города, где бы он первой между прочими бездельствами пьян не напивался. Правосудию он учился у дяди, которого, пришедши поздравить с добрым утром, украл и часы, о коих дело идет.

Худой тот судья, которой чрез побои правду изыскивает, а еще хуже тот, которой всякие преступления низкой только породе по предубеждению приписует, как будто бы между благорожденными не было ни воров, ни разбойников, ни душегубцев. Случающиеся примеры противное доказывают, и один прощелыга, обращающейся довольно в свете, утверждает, что больше бездельства и беззакония между дворянами водится, нежели между простым народом, называемым по несправедливости подлостью. Подлой человек, по мнению его, есть тот, которой подлые дела делает, хотя б он был барон, князь или граф, а не тот, которой, рожден будучи от низкостепенных людей, добродетелью, может быть, многих титлоносных людей превосходит.

Кто добродетелью превысит тьму людей,
Не знает славнее породы тот своей.

Судья, хватившись часов и не находя их, по пристрастию рассуждает про себя так: «Я хотя и грабитель в противность совести и государских указов, однако сам у себя красть не стану; племянник мой так же не украдет: он человек благородной, чиновной, а пуще всего мой племянник. Других людей здесь не было; конечно, часы украл подрядчик, он подлой человек, мне противен, я ему должен». Заключил, утвердился и опредлил истязывать подрядчика, хотя сего делать никакого права не имел, кроме насильственного права сильнейшего.

Г. издатель! Видно, что сей судья никогда не читывал книги о преступлениях и наказаниях (des delits et des peines), которую бы всем судьям наизусть знать надлежало. Видно, что он никогда не заглядывал в те указы, кои беспристрастным быть повелевают. Рассуждая по сему и по многим другим подобным судьям, кажется, что они такие люди, кои уреченные [82] только часы в приказах просиживают, а о прямых своих должностях, как о сирском [83] и о халдейском языках, не знают. О просвещение, дар небесной, расторгни скорее завесу незнания и жестокости для защищения человечества!

Уже страдает подрядчик под побоями судейскими, и плети, отрывая кожу кусками, адское причиняют ему мучение. Чем больше невинной старается оправдать себя клятвами и призыванием бога во свидетели, тем сильнее виноватой повелевает его тиранить; чем больше подрядчик просит, плачет и стонет, тем

безжалостнее судья усугубляет его мучение. Бедной подрядчик, чувствуя свою душу, приближившуюся к гортани и скоро из уст выйти хотящую, не имея силы больше переносить мучения, принужден был, наконец, признаться в похищении часов судейских и чрез то прекратил чинимую над собою пытку.

Не столько любуется щеголиха новомодным и в долг сделанным платьем, в коем она в первый раз на гульбище под Девичий монастырь для пленения сердец поехала, не столько радуется господчик С т о з м е й,[84] когда ему удастся сделать вред кому-нибудь из тех, коих он для глупой своей любовницы по пристрастию ненавидит, не столько восхищался З л о р а д[85] при представлении гадко переведенной своей комедии, не столько веселится монах, когда случится ему светское что-нибудь сделать, как порадовался наш судья подрядчикову мнимому воровству, ибо он уповал не только не заплатить того, чем он подрядчику был должен, но еще подрядчика сделать себе должным. В самом деле, в ту ж минуту со всем судейским бесстыдством наблюдатель правосудия сделал следующее предложение подрядчику: «Если ты не согласишься тотчас изодрать моего векселя и не дашь мне на себя другого в двух тысячах рублях, то ты будешь за воровство свое в трех застенках и сослан на вечную работу в Балтийской порт.[86] Все сие с тобою исполнится непременно, я тебя в том честным, благородным и судейским словом уверяю. Но если сделаешь то, чего от тебя между четырех глаз требую, то будешь сей же час свободен и твое воровство не пойдет в огласку, а для заплаты двух тысяч рублей даю тебе сроку целой год; видишь, как с тобой человеколюбиво и христиански поступаю; иной бы принудил тебя заплатить и пять тысяч рублев за твое бездельство, да еще и в самое короткое время».

Истерзанной подрядчик, обливаяся слезами и произнося все на свете клятвы, старается сколько можно доказать свою невинность, и признание в краже, говорит он, учинил для того, чтоб избавиться хотя на минуту несносного мучения; уверяют, что не только не может он заплатить в год двух тысяч рублей, требуемых неправедно, но что все его имение почти в том и состоит, чем его превосходительство ему должен, что, получивши сей долг, располагал он заплатить положенной на него государев и боярской оброк, а потом себе, жене и малолетным своим детям нужное доставить. От сих слов пылает наш судья гневом и яростью и невинного подрядчика в свой приказ, яко пойманного вора и признание учинившего, при сообщении отсылает. Весьма скоро отправляются дела в тех приказах, в коих судьи сами истцами бывают, и редко случается от прочих судей противоречие в том, что одному из них надобно, хотя бы то было совсем

несправедливо. Собака собаку лижет, и ворон ворону глаз не выклевывает. В тот же самой день определение подписано было всеми присутствующими, чтоб допрашивать подрядчика под плетьми вторично, и в тот же самой день сие бы исполнено было, если бы к счастию подрядчика не захотелось судьям обедать, ибо был второй пополудни час и если б на другой день не было вербного воскресения, и по нем страстной и святой недель, в коих не бывает присутствия.

Подрядчик, заклепанной в кандалы и цепь, брошенной со злодеями в темной погреб, плачет неутешно, а с ним купно рыдают жена его и дети; слезы его тем обильнее текут, чем больше уверен он во своей невинности, а вор, племянник судейской, в то самое время рыская по городу, присовокупляет без наказания к прежним злодействам еще новые бездельства. Украденные часы проиграл он некоторому картошному мудрецу, которой со всеми своими в картах хитростями бедняе еще русских комедиантов. Картошной мудрец заложил их на два дни одному титулярному советнику, которой по титулярной своей чести и совести только по гривне за рубль на каждой месяц процентов берет. Советник продал их в долг за двойную цену одному придворному господчику, которой имеет в год доходу три тысячи рублей, а проживает по шести, надеясь, что двор заплатит все его долги за верную и ревностную службу, которая состоит в том, что, будучи дневальным, роздаст иногда кушанье, да и то непроворно и неопрятно. Придворной господчик подарил их своей любовнице, всеми чувствами его ненавидевшей, которая в неделю святой пасхи отдала оные, вместо красного яица, прокурору того приказа, где содержался подрядчик, чтоб г. прокурор постарался утеснить ее отца, от которого она убежала.

По прошествии праздников заседании в приказах начался, и день для подрядчикова истязания и освобождения, наконец, настал. Судьи съехались, подрядчик к мучению был уже приведен, как прокурор, приехавши после судей и удивившись раннему их съезду, вынул часы для проведания времени. Судья истец и другие присутствующие тотчас узнали украденные часы и без всех справок положили, что подрядчик оные продал той особе, от которой их прокурор получил, а чтоб подрядчика доказательнее в воровстве обличить, то отправили секретаря у оной госпожи взять расписку в покупке часов у подрядчика, коего между тем начали под побоями допрашивать о следующем: «не был ли кто из богатых купцов с ним в умысле? Не крадывал ли он и прежде сего? Кому продавал краденные им вещи? и пр.». Расспросы сии делались, как сказывают, для того, чтоб из безделицы сделать великое дело, которое бы, может быть, никогда

не вершилось и чтоб ко оному припутать зажиточных людей, от коих можно бы было наживаться.

Покамест секретарь о путешествии часов осведомлялся, подрядчик мучимой насказал то, чего никогда не делал, и допросы, в трех тетрадях едва умещенные, показали ясно, сколь много лишнего в приказах пишут, что не всегда нужны побои ко изысканию злодеяния и что один золотник здравого судейского рассудка больше истины открывает, нежели плети, кошки[87] и застенки.

Удивились судьи, когда секретарь донес и доказал, что часы у дяди своего украл племянник, а читатель беспристрастной удивится еще больше тому, что приказной секретарь не покривил душою и поступил совестно, но паче всего должно дивиться решению судейскому с тем мотом, которой украл часы, и с невинным подрядчиком, дважды мучимым. ПРИКАЗАЛИ: вора племянника, яко благородного человека, наказать дяде келейно, а подрядчику при выпуске объявить, что побои ему впредь зачтены будут.

Повесть сия доказывает, г. издатель, что ничего нет для общества вреднее глупых, корыстолюбивых и пристрастных судей, на которых прошу тебя написать такую колкую сатиру, чтобы они все, устыдившись своего невежества, старались быть таковыми, какими им быть повелевают честь, совесть и государские законы.

Покорный твой слуга
N. N.

Москва 1769 году.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XIV. ИЮЛЯ 28 ДНЯ

20

Надпись к роще его превосходительства Льва Александровича Нарышкина*[88]

Не гордость сей лесок прекрасный представляет,
Не кедр, не лавр его, не пальма составляет,
Березок и кленков приятнейшая смесь

* Надпись поставлено для того, что у многих новых стихотворцев простые стихи называются надписями; итак, чтобы не сделать с ними в том разности, назвал и я свои стихи надписью.

Природы простоту собой являют здесь
И тению места прекрасны покрывают,
Под коею ручьи извившись протекают.
Во влаге чистых вод синеют небеса,
Изображаются кудрявы древеса,
Там роза на свои приятности взирает,
Зефир любуяся в листках ее играет,
Зеленые луга, прекрасные цветы
Изобразили всей природы красоты.
Прохожий, ежели от солнечного зноя
Убежища себе желаешь и покоя,
В лесочек сей склонись с пути и в месте сем
Увидишь прямо ты прекраснейший эдем.

21

ПРОХОЖИЕ[89]

Прохожих трое шли пешком:
Один с рожком,
Другой с мешком,
А третий с посошком.
Тот в рог трубил всей силой,
Другой под голосок унылой
Подладя пел,
На русском песню пел языке;
Последней в такту шел
И горло драл, басил, хрипел.
Пришли к другой музыке,
Котора на воде: габои, флейты тут,
Волторны и фаготы,
Игральщики на них в руках держали ноты;
Певцы поют,
Пловцы плывут,
Гребцы гребут,
Прохладно ветер дышет,
От солнца жар не пышет.
По брегу кучами ходил, гулял народ,
Французов, немцев разный род,
Купцы, подьячие и, словом, всякий сброд
В колясках и пешками.
Мои прохожи мужики,
Прямые дураки,
Зовут все женские корнеты треушками,

А музыкальные орудии рожками.
Вот, Ванька, — говорил товарищам один, —
Игранье то в рожки не так, как ваше.
На то другой: рожки тут лучше, Анкудин!
Замысловато в том не так, как дело наше.
Последний им: нет, мой имеет господин
Рога, так эдаких в пять раз покраше!
И есть не три, не пять, а всех десятка с два.
  Великие рога, их держат ножки,
Рога середние и маленькие рожки.
Што, слышь ты, не смудрит боярска голова!
Однако не в пронос, чур, вам мои слова,
Так наша глупа речь быть сталась такова!
  Куда бояра-те живут прохладно,
  И, што ни сделают, у них все ладно.
  Наделали рогов, трубят в них складно.
    А труд, спроси-ка, чей?
    Рожечных ковачей.
  Я думаю, они, когда рога ковали,
  Не пот, да кровь свою ручьями проливали
  По дням и по ночам.
          По их речам
    Им стоит та работа
    Увечья, а не пота,
А все боярыне припала в том охота,
     Да пусть то как ни есть,
    Помещице рога забава,
    А барину от них и честь
          И слава.

22

Господин издатель!

Пламя войны и между сочинителями возгорелось.[90] Вооружились колкими своими перьями г. писатели, вашему Трутню в прошедший вторник немалое было бомбардирование.[91] Всякая всячина добрый вытерпела залп,[92] Адскую почту атаковала какая-то неизвестная партия.[93] Что касается до моих бесов, то я на оных наступающего уверить могу, что ему их бояться никакой причины нет, когда он человек честный, ибо добродетельного человека не только мои бесы, но и весь настоящий ад добродетели лишить не может. Я бы сему их неприятелю советовал истребить из мыслей то суеверие, которое, как он сам пишет, от младолетства при нем обитает, и когда он о делах по

свойству их, а не по названию рассуждать захочет, то может статься имя бесов не столько ему будет противно.

Что касается до пасквиля,[94] который был прислан некоторым писателем для напечатания, который ему назад отослан и который носится по многим рукам, то я оный, если когда-нибудь явится в свет, с прочими сего рода сочинениями, предаю на суд публике, которую я, считая за судью справедливого, потому, что читатель обыкновенно меньше бывает пристрастен, нежели писец, уверен, что клевета от истины весьма справедливо будет отделена и останется при своем хозяине. Известно всем, что и между сочинителями бывают люди разных свойств: есть писатели благородные, достаточные и нищие; последние, будучи разумом весьма скудны, всего алкают и злятся на тех, кои рассудком достаточнее их. Я не только имена сих известных мне моих клеветников здесь умалчиваю, но и ниже какими-либо околичностями публике их лица означивать буду, ибо я намерен только доказать мою справедливость, а не бранить публично других.

Ни одно почти разумное сочинение не было без критики. Ювенала критиковал Повзаний ткач, Горация Витрувиев архитектор, сочинителя Телемака разбранил Фаидит, который был у Собиса лакеем, однако Телемак на веки будет Телемаком, а Фаидит писателем презренным, как о нем написал славный Рамзей, которого нижеозначенные о Фаидите слова,* весьма приличны и моим злобным критикам.

Я с моей стороны уверяю публику, что не буду впредь оную беспокоить ответами на ругательства злобою на меня устремляемые, зная, что сего рода писателям чем-нибудь надобно наполнить свои листки, я же с людьми сей шерсти не только перебраниваться, но и какое-нибудь иметь с ними дело почитаю за стыд.

Покорный слуга Б. К.

---

* Рамзей, известный в учености муж, о Фаидитовой критике написал следующее: On n'ytrouve par tout que mauvaise foi, la profonde ignorance de l'auteur, critiques fausses, injures grossieres, fades plaisanteries, chicanes pueriles et on eût pu dire à l'auteur ce que l'illustre M. Rousseau a dit à un homme de pareille trempe:

...Et nouvel Erostrate
A prix d'honneur tu veux te faire un nom.

То есть: в сем сочинении ничего найти не можно, кроме лжи, величайшего невежества авторова, несправедливых критик, грубых обид, подлых насмешек и ребяческих привязок, так что можно о сем писателе сказать то, что написал славный Руссо о некотором писателе ж сего рода

Ты новый Еростpат.
Бесчестием своим быть хочешь всем известным.

Господин Б. К. Бомбардирование, сделанное в прошедшей вторник моему Трутню, мне не страшно, да уповаю, что и г. Всякой всячине сделанной залп никакого вреда не причинит, ибо в сию против нас войну ополчилося невежество. В письме господина Д. П.[95], напечатанном в и То и се, написано, что госпожа Всякая всячина выжила из ума. Хотя бы это было и подлинно, то я бы и тогда сказал, что гораздо славняе дожившему с пользою и с рассудком до глубокой старости лишиться ума, нежели родиться без ума. Но сей глубокой древности во Всякой всячине никто еще не приметил. Что ж касается до моего Трутня, в котором, по мнению господина Д. П., ничего нет, кроме язвительных браней, ругательства, и что во оном в наивысочайшем степени блистает невежество, на то скажу: пусть и То и се похваляется господином Д. П. и подобными ему; меня это не прельщает потому, что мое желание стремится заслужить внимание беспристрастных и разумных читателей.

23

ЗАДАЧА

Читатели! прошу решить сию задачу:
Кто дара не имев, а пишет наудачу, —
Умен или дурак?
За прародительски страдая кто грехи,
Марает без стыда прегнусные стихи, —
Умен или дурак?
Кто в полустишии речь целую ломает,[96]
И пишет то, чего и сам не понимает, —
Умен или дурак?
Кто, отроду не быв со музами знаком,
Дерзает воспевать качели с семиком, —[97]
Умен или дурак?
Кто ползает весь век, а мнит, что он летает,
И вздорные стихи без разума сплетает, —
Умен или дурак?
Кто в прозе и в стихах наставил столько слов,
Которых не свезут и тысяча ослов, —
Умен или дурак?
Кто прозу различить с стихами не умеет,
Пред светом хвалится, что все он разумеет, —
Умен или дурак?
Кто в сказках написал сорок нам, да ворон
И вздумал о себе, что будто он Скаррон, —

Умен или дурак?
Кто хвалит сам себя, а прочих всех ругает
И в сем одном свое искусство полагает, —
Умен или дурак?

РЕШЕНИЕ

Возможно ли, чтоб тот разумно написал,
Кто вместе с молоком невежество сосал,
И кто в поэзии аза в глаза не знает,[98]
Уже поэмы вдруг писати начинает.
По мненью моему писатель сей таков,
Как вздел бы кто кафтан, не вздев сперва чулков,[99]
И если это так,
Конечно, он дурак.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XV. АВГУСТА 4 ДНЯ

24

Племяннику моему Ивану, здравствовать желаю![100]

На последнее мое к тебе письмо, слишком год дожидался я ответа, только и поныне не получил. Я безмерно удивляюся, откуда взялось такое твое о родственниках и о самом себе нерадение. Мне твое воспитание известно: ты до двадцати лет своего возраста старанию покойного твоего отца соответствовал. Он из детей своих на тебя всю полагал надежду, да и нельзя было не так: большой твой брат, обучаяся в кадетском корпусе светским наукам, чему выучился? Ты знаешь, сколько он приключил отцу твоему раззорения и печали. А ты, под присмотром горячо любившего тебя родителя, жил дома до двадцати лет и учился не пустым нынешним и не приносящим никакой прибыли наукам, но страху божию; книг, совращающих от пути истинного, никаких ты не читывал, а читал жития святых отец и библию. Вспомнишь ли, как тебе тогда многие наши братья старики завидовали и удивлялися твоей памяти, когда наизусть читывал ты многих святых жития, разные акафисты, каноны, молитвы и проч., и не только мы простолюдимы, но и священной левитской чин[101] тебе завидовал, когда ты, будучи еще сущим птенцом

шестнадцати только лет, во весь год круг церковного служения знал и отправляти мог службу? Куда это все девалося? Всеконечно создатель наш, за грехи отец твоих отъял от тебя благодать свою и попустил врагу нашему, злокозненному диаволу, искушати тебя и совращати от пути, ведущего ко спасению. Ты стоишь на краю погибельном, бездна адской пропасти под тобою разверзается, отец диаволов, разинув челюсти свои и испущая из оных смрадный дым, поглотить тебя хочет, аггели мрака [102] радуются, а силы небесные [103] рыдают о твоей погибели. Ежели то правда, что я о тебе слышал, сказывали мне, будто ты по постам ешь мясо и, оставя увеселяющие чистые сердца и дух сокрушенный услаждающие священные книги, принялся за светские. Чему ты научишься из этих книг? Вере ли несомненной? без нее же человек спасен быть не может. Любве ли к богу и ближним, ею же приобретается царствие небесное. Надежде ли быти в райских селениях, в них же водворяются праведники? Нет, от тех книг погибнешь ты невозвратно. Я сам грешник, ведаю, что беззакония моя превзыдоша главу мою, знаю, что я преступник законов, что окрадывал государя, раззорял ближнего, утеснял сирого, вдовицу и всех бедных судил на мзде, и короче сказать, грешил и по слабости человеческой еще и ныне грешу почти противу всех заповедей, данных нам чрез пророка Моисея, и противу гражданских законов, но не погасил любве к богу, исповедываю бо его перед всеми творцом всея вселенныя, сотворившим небо, землю и вся видимая, всевидящим оком, созерцающим во глубину сердец наших. О ты, всесильный, вселенныя обладатель! Ты зришь сокрушение сердца моего и духа, ты видишь желание следовать воле твоей, ты ведаешь слабость существа нашего, знаешь силу и хитрость врага нашего, диавола, не попусти ему погубити до конца творение рук твоих, посли [104] от высоты престола твоего спутницу твою и святыя истины, премудрость, да укрепит та сердце мое и дух ослабевающий. Сказано: постом, бдением и молитвою победиши диавола; я исполняю церковные предания, службу божию слушаю с сокрушенным сердцем, посты, среды и пятки [105] все сохраняю, не только сам, но и домочадцев своих к тому принуждаю. Да я и не принужденно, но только по теплой вере и еще прибавил постов, ибо я и все домашние мои во весь год, окроме воскресных дней, ни мяса, ни рыбы не ядим. Вот каково, кто читает жития святых отец! мы во оных находим книгах, что неоднократно из глубины адской пропасти теплые слезы и молитвы возводили на лоно Авраамле,[106] а ты сего блаженства лишаешься самопроизвольно. Разве думаешь, что когда ты не вступишь в приказную службу, то уже и согрешить не можешь? Обманываешься, дружок: и

в приказной, и в военной, и в придворной, и во всякой службе и должности слабому человеку не можно пробыти без греха. Мы бренное сотворение, сосуд скудельный,[107] как возможем остеречься от искушения; когда бы не было искушающих, тогда кто ведает, может быть, не было бы и искушаемых! Но змий, искусивший праотца нашего, не во едином живет эдемском саде: он пресмыкается по всем местам. И не тяжкой ли это и смертной грех, что вы, молодые люди, дерзновенным своим языком говорите: за взятки надлежит наказывать, надлежит исправлять слабости, чтобы не родилися из них пороки и преступления. Ведаете ли вы, несмысленные, ибо сие не припишу я злобе вашего сердца, но несмыслию? Ведаете ли, что и бог не за всякое наказывает согрешение, но, ведая совершенно немощь нашу, требует сокрушенного духа и покаяния? Вы твердите: я бы не брал взяток. Знаете ли вы, что такие слова не что иное, как первородный грех, гордость? Разве думаете, что вы сотворены не из земли и что вы крепче Адама? Когда перьвый человек не мог избавиться от искушения, то как вы, будучи в толикократ его слабяе, коликократ меньше его живете на земли, гордитеся несвойственною сложению вашему твердостию? Как вам не быть тем, что вы есть? Удивляюся, господи, твоему долготерпению! Как таких кичащихся тварей гром не убьет, и земля, разверзшися, не пожрет во свое недро, стыдяся, что таковых в свет произвела тварей, которые вещество ее забывают. Опомнись, племянничек, и посмотри, куда тебя стремительно влечет твоя молодость. Оставь сии развращающие разумы ваши науки, к которым ты толико прилепляешься, оставь сии пагубные книги, которые делают вас толико гордыми, и вспомни, что гордым господь противится, смиренным же дает благодать. Перестань знатися по-вашему с учеными, а по-нашему с невежами, которые проповедуют добродетель, но сами столько же ей следуют, сколько и те, которых они учат, или и еще меньше. К чему потребно тебе богопротивное умствование, как и из чего создан мир? Ведаешь ли ты, что судьбы божии неиспытанны, и как познавать вам небесное, когда не понимаете и земного? Помни только то, что земля еси и в землю отъидеши. На что тебе учитися речениям иностранным, язык нам дан для прославления величия божия, так и на природном нашем можем мы его прославляти, но вы учитесь оным для того, чтобы читать их книги, наполненные расколами противу закона: они вас прельщают, вы читаете их с жадностию, не ведая, что сей мед во устах ваших преобращается в пелынь[108] во утробах ваших; вы еще тем недовольны, что на тех языках

их читаете, но чтобы совратить с пути истинного и незнающих чужеземских изречений, вы такие книги переводите и печатаете; недавно такую книгу видел я у нашего прокурора. Помнится мне, что ее называют К ****[109]. Безрассудные! читая такие книги, стремитеся вы за творцами их ко дну адскому на лютые и вечные мучения; из сего рассуждай, ежели в тебе хотя искра божия осталась. Какую приносят пользу все ваши науки, а о прибыли уже и говорить нечего! Итак впоследние[110] тебе пишу: ежели хочешь быть моим наследником, то исполни мое желание, вступи в приказную службу и приезжай сюда, а петербургские свои шашни все брось. Как ты не усовестишься, что я на старости беру на свою душу грехи для того только, чтобы тебе оставить, чем жить. Я чувствую, что уже приближается конец моей жизни, итак делай сие дело скоряе и вспомни, что упущенного уже не воротишь. Ты бы, покуда я еще жив, в приказных делах понаторел, а после бы и сам сделался исправным судьею и моим по смерти достойным наследником. Исполни, Иванушка, мое желание, погреби меня сам; закрой в последние мои глаза и после поминай грешную мою душу, чтобы не стать и мне за тебя на месте мучения, проливай о грехах моих слезы, поминай по церковному обряду, раздавай милостыню, а на поминки останется довольно, о том не тужи, ежели и ты не прибавишь, так, проживши свой век моим, оставишь еще чем и тебя помянуть. Итак мы оба на земли поживши, по своему желанию, водворимся в место злачно, в место покойно, идеже праведники упокоеваются. Пожалуй, Иванушка, послушайся меня, ведь я тебе не лиходей. Я тебе столько хочу добра, сколько и сам себе. Прощай.

Остаюсь, дядя твой ****

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XVI. АВГУСТА 11 ДНЯ

25

ВЕДОМОСТИ

В Санктпетербурге

Из большой Садовой улицы

Стозмей,[111] житель нашей улицы, ежедневно упражняется во следующем: в 12 часу пополуночи просыпается и, вставши с постели, чешет голову, отказывает своим заимодавцам, занимает

вновь и между тем допускает к себе искателей его милости, которая всегда состоит во обещаниях, расспрашивает у них, что в прошедшей день в городе нового случилось, а им рассказывает, что там-то он того-то подсмеял, в другом месте острое сказал слово, в третьем, пользуясь глупостию хозяйскою, подговорил хозяйку и возил ее прогуливаться, в четвертом хозяина до того довел, что он начинает о Добросердове думать худо, которого за то только ненавидит, что все единогласно утверждают, что Добросердов умняе его любовницы и что он сие дело так искусно произвел, как только должно самому великому политику оное сделать. Слушатели из учтивости начнут выхвалять его добродетели и остроту разума, а Стозмей, улыбаяся, и вправду думает, что он умен. После сего читает местами русских авторов, прославившихся своими сочинениями, и чтобы и тут показать остроту своего разума, ради того он их критикует, не думая того, что хула его истинной славы сих авторов повредить не может. Рассуждает о теятральных действиях, удивляется худым распоряжениям и сказывает, как бы он сделал, ежели бы те дела от него зависели.[112] Одевшись ездит к Перекрасе, своей любовнице, и ей то же рассказывает, а потом упражняются оба в разных изобретениях, касающихся до повреждения доброй славы тех людей, коих они ненавидят. После мыкается по городу и производит в действо утвержденные в их тайном совете предприятии. Смучает всех, кого только может и чрез всякие два часа ездит навещать свою Перекрасу. Сему удивляться не надлежит, ибо Стозмей имеет полдуши и полсердца, а другие половины отдал он своей любезной, а та со сна, забывшись, вместо его, Стозмеево сердце и душу отдала другому своему любовнику. С того-то самого времени и стал он так малодушен, что для любви не щадит ни чести, ни добродетели. В 2 часа пополуночи приезжает домой и ложится спать. Вот все его упражнение! Со всем тем Стозмей утверждает, что полезняе его для государства никого нет.

Из I Российской армии

У нас старое по-старому, а вновь ничего; мы турков гоняем, а они от нас бегают и ныне так далеко ушли, что нам и гонять некого. Итак, мы с нетерпеливостию ожидаем того дня, в которой будем обедать в Хотине, а, пообедавши хорошенько и напившись турецкого кофе, безмерно хочется нашим солдатам посмотреть, каково ужинает турецкой везирь. У нас в армии так мало о турках и татарах думают, что один офицер, пришедши из фрунта в полатку по прогнании крымского хана, хотел допи-

сывать последнее явление сочиняемой им трагедии [113] и как некоторое положение по причине неприятельского нашествия он позабыл, то рассердясь выбранил татар и сказал: видно, что хан за тем только и приходил, чтобы мне помешать писать, а не помощь подавать Хотину.

Из Москвы

Подряд любовников к престарелой кокетке, напечатанной в трутневых ведомостях, [114] многим нашим господчикам вскружил головы, они занимают деньги и, в последней раз написав, В роде своем не последней,[115] с превеликим поспешением делают новые платья и прочие убранства, умножающие пригожество глупых вертопрашных голов, а по совершении того, хотят скакать на почтовых лошадях в Петербург, чтобы такого полезного для них не пропустить случая.

Из Каширы

В нашем уезде есть дворянин: он имеет за собою три тысячи душ, получает шесть тысяч рублей годового дохода и живет так, как научил его покойной родитель. В селе, где он живет, церковь деревянная построена еще прадедом его по возвращении из похода. Дом господской дедушка его построил было на время, но они так в нем обжились, что нового и по сие время не построили, ибо батюшка сего дворянина отягощен был делами, а именно: пил, ел и спал; а сынок к строению не имеет охоты, но вместо того упражняется в весьма полезных делах для пользы земных обитателей, ибо он изыскивает, может ли боец-гусь победить на поединке лебедя, ради чего выписывает из Арзамаса самых славных гусей и платит за них по 20, по 30 и до 50 рублей за каждого, имеет бойцов петухов. Содержит великое число псовой охоты и ежегодно положенной на него соседями за помятие их хлеба оброк платить бездоимочно. Ездит на ярмонки верст за 200 весьма великолепно, а именно: сам в четвероместном дедовском берлине в 10 лошадей и еще 12 колясок, запряженных 6 и 4 лошадьми, исключая повозок и фур с полатками, поваренною посудою и всяким его господским стяжанием. Свиту его составляют люди весьма отборные, в 4 колясках сидят по 2 шута, в 3 по 2 дурака, а в берлине он, да священник его духовник, в прочих же экипажах собаки, гуси и петухи бойцы. Прошлого года ездил он в Москву, чтобы сыскать учителя пятнадцатилетнему его сыну, но, не нашед искусного, возвратился и поручил его воспитание дьячку своего прихода, человеку весьма дородному.

Со всем сим роскошным житьем он проживает не больше ежегодного своего дохода. Дворянин сей говорит, что из всей его фамилии разумняе его не бывало. Может быть, это и правда, ибо дворянин наш лгать не охотник.

Из Кронштата

На сих днях в здешний порт прибыл из Бурдо[116] корабль, на нем, кроме самых модных товаров, привезены 24 француза, сказывающие о себе, что они все бароны, шевалье, маркизы и графы и что они будучи несчастливы во своем отечестве по разным делам, касавшимся до чести их, приведены были до такой крайности, что для приобретения золота, вместо Америки, принуждены были ехать в Россию. Они во своих рассказах солгали очень мало, ибо по достоверным доказательствам они все природные французы, упражнявшиеся в разных ремеслах и должностях третьего рода.[117] Многие из них в превеликой жили ссоре с парижскою полициею, и для того она по ненависти своей к ним сделала им приветствие, которое им не полюбилось. Оное в том состояло, чтобы они немедленно выбрались из Парижа, буде не хотят обедать, ужинать и ночевать в Бастилии. Такое приветствие хотя было и очень искренно, однако ж сим господам французам не полюбилось, и ради того приехали они сюда и намерены вступить в должности учителей и гофмейстеров молодых благородных людей. Они скоро отсюда пойдут в Петербург. Любезные сограждане, спешите нанимать сих чужестранцев для воспитания ваших детей! Поручайте немедленно будущую подпору государства сим побродягам и думайте, что вы исполнили долг родительской, когда наняли в учители французов, не узнав прежде ни знания их, ни поведения.

Себелюб,[118] славной волокита, на сих днях пришед ко своей любовнице, нашел ее в превеликой задумчивости; она приняла его весьма холодно, ласки ее исчезли, и притворство, которое она до того дня употребляла, оставила и начала с ним говорить весьма грубо, ибо она в тот самой день вступила в новые обязательствы. Себелюб поражен был неожидаемою сею новостию и, как обыкновенно страстные и ревнивые делают любовники, начал упрекать ее неверностию и выговорил все, что в такие говорится минуты, очень грубо. Госпожа смеялась во время его бешенства, но как он замолчал, то она без всяких околичностей ему сказала, чтобы он к ней в дом больше не ходил. Себелюб, оказав ей все свое презрение, пошел со двора,

но лишь только вышел за ворота, то начали его терзать все страсти, презрение, ревнивость, раскаяние, а любовь привела его во отчаяние. Он принял намерение заколоться, но, идучи по улице, выронил нож из кармана и потерял; кто оный поднял и принесет в его квартеру, тому дастся награждение, состоящее из писем бывшей его любовницы, ибо он непременно свое намерение хочет исполнить.

ПОДРЯДЫ

Некоторому судье потребно самой свежей и чистой совести до нескольких фунтов; желающие в поставке оной подрядиться, а у него купить старую его от челобитческого виноградного и хлебного нектара перегоревшую совесть, которая, как он уверяет, весьма способна ко отысканию желаемого всеми философического камня,[119] могут явиться в собственном его доме.

———

Недавно пожалованный прокурор отъезжает во свое место и по приезде желает он развесть редкое в том городе растение, именуемое цветущее правосудие, хотя воевода того города до оного растения и не охотник, чего ради потребен ему г. прокурору искусной садовник; желающие вступить во оную должность могут явиться у г. прокурора немедленно.

ПРОДАЖА

У г. Искушателева продается сочиненная им в пользу юношества книжка, под заглавием Атака сердца кокеткина, или краткой и весьма ясной способ к достижению сердец прекрасного пола, ценою по 5 рубл.

———

Обман, славной и искусной лекарь, сочинил книжку под заглавием: Тайные наставления, по которым безобразная женщина может совершенною сделаться красавицею; оная книжка продается в его доме по 10 рубл.

———

В тайном г. волокит совете апробованной проект о взятии сердец штурмом, сочинения г. Соблазнителева, продается у переплетчика любовных книг по 2 рубл. экземпляр.

———

Наставление о добропорядочной жизни молодым людям, напечатанное в 1748 году, и еще другие подобные оной книге раздаются безденежно, ибо оных никто не покупает

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XVII. АВГУСТА 18 ДНЯ

26

Господин издатель!

Сообщая вам несколько портретов, прошу оные поместить в вашем журнале, а что они сего достойны, в том уверяет вас та, которой все мужчины говорят: у ж е с т ь, к а к м и л а.[120]

27

ПОРТРЕТЫ

I

Я, всем мила.

II

С е м и л, пригожей молодец, весьма разумен и довольно учен, жаль, что он во всех влюбляется, впрочем, его можно назвать человеком.

III

С т о з м е й, лицом нехорош, станом нескладен, умом небогат, а богат злостию сердца ко вреду ближних.

IV

С е й лицо имеет не противное, складной стан, одевается нехудо. С е й был бы изрядной человек, если бы не соглашался на все чужие мнения и тем самым себе иногда не противоречил.

V

Ж и д о м о р желает иметь у себя деньги всего государства и не держать из них [121] ни полушки.

VI

Некто всякой день за обедом напоминает всех своих родственников, друзей и знакомых и, выпивая по рюмке вина за здоровье каждого, говорит: сего дружество от меня требует.

VII

Я хорош, разумен, честен, добродетелен, а прочие нет.

VIII

Ты дворянин не беззнатной, довольно умен и богат, но ты весьма горд.

IX

Он привык о всех говорить худо, он во всех все видит пороки, а в себе ни одного.

X

Тот часто делает дурачествы оттого, что всегда задумывается.

XI

Этот говорит обо всем и ничего не знает.

XII

Вот кто разумной и добродетельной господин. Он делает всем добро, кому только может. Он думает, что разум дан ему для оказания услуг государству, знатной чин для защищения утесненных, богатство для вспоможения бедным и что он для того родился человеком, чтобы всем подобным себе быть полезным. Он все сие и исполняет. Благодарность ко изображению его следующие написала слова: Вот кто, украшение знатных бояр и друг человеческого рода.

P. S. Я послала к вам сии портреты на образец, у меня еще их много, если они вам понравятся, то я вам все с охотою сообщу, а чтобы вас уверить, что я на людские пороки теми же смотрю глазами, которыми гляжу и на свои, ради того поставила свой портрет прежде всех.

28

К г. издателю Трутня [122]

Издатель! многие глупцы тебя ругают,
За тем что твари те и разум отвергают;
Ты должен сонмище вралей всех презирать,
Никто не запретит бумагу им марать,
Разумной Вертопрах [123] с Пантеею [124] свидетель,
Какой им дар писать парнасской дал владетель,
Но думают они, что всех тем веселят,
И забывают то, что музы не велят
Несмысленным творцам врать мерзкими стихами.
Нельзя сие назвать злословными речами;
Когда писание издаст на свет печать,
То должно за себя ему и отвечать.
Почесть терновником нельзя прекрасну розу,
Так Сумарокова хулить стихи и прозу.
Все плавно, хорошо, он первый здесь у нас,
Известна лишь ему дорога на Парнас.
Но если по грехам без смысла врет писатель,
То вздор его терпеть не должен и читатель,
Когда печатной бред за деньги я купил,
Кто может приказать, чтоб я его хвалил?
Л **,[125] с своим худым ты слогом и невольным,
Читателя зови хоть сто раз благосклонным [126]
И в предисловии хоть в ноги поклонись
Иль за сии слова со мною побранись,
Что худо пишешь ты, всегда скажу я смело,
Что А! на место Ах! успеха не имело,
Что как ли ни твоих нигде не напишу
И против истины во век не погрешу.
Хотя бы на меня злость с завистью зияла,
За то, чтоб сатира пороков не являла,
И все б напасти вдруг стремились на меня,
Я ночи никогда не дам названья дня,
Ласкать чиновным я и знатным не умею,
Бездельство, ябеду и злость хвалить не смею
И белым черное нигде не назову.
Возможно ль соловьем почесть сию сову,
Которая в лесу всех криком заглушает?
Подобно и худой писец не утешает,
Потея сто раз в день не дойдет до того,

Чтоб в прозе иль в стихах творения его,
Что вышло хорошо и не было бы мерзко.
Но спросят у меня, зачем пишу так дерзко,
И где я смелости такой пример видал?
Гораций, Боало, Луцили, Ювенал
Порочных сограждан всю гнусность представляли
И путь к холмистому Парнасу открывали;
Они, скажу в ответ, мне подали пример,
Для них оставлен мной Виргилий и Гомер,
Не следую стопам мужей толико славных,
В эпическом стихе не видано им равных,
А слабо пишучи я вышел бы глупец.
Похвал я не пишу за тем, что я не льстец.
Нет склонности писать элегии, эклоги
И кроме сатиры не вижу я дороги,
По коей без стыда мне можно бы итти;
Однако же не льщусь быть славен в сем пути,
За тем, что я в стихах имею лишь начало
И вижу сам, что в них погрешностей не мало,
Но для того хочу сатирою начать,
Что хочется свои мне силы испытать.
Надеюсь, что меня в погрешностях исправят,
Когда на критики ответ писать заставят,
А ежели еще начнут меня бранить,
То могут тысячу хороших слов родить.
Нередко вить стихи родятся от досады,
А впрочем никакой не требую награды.

29

Господин издатель!

Чорт меня дернул приняться за самое разорительное упражнение, а именно: за стихотворство. Я сочинил сказки в стихах и хотел их напечатать, но от меня за напечатание требовали денег прежде напечатания. Вам, г. издатель, без сомнения известно, что люди моего промысла деньги почитают редкостию, а еще больше те, которые от стихов пропитание имеют. Итак поневоле принужден я был авторство свое на время оставить письменным. Я искал долгое время, кто бы у меня книжку мою купил, наконец, нашел книгопродавца; я пришел к нему с авторским подобострастием и просил его, чтобы он книжку мою купил и напечатал. Г. автор, сказал он мне, знаете ли вы, что платить деньги за напечатание стихов также прибыльно, как и платить за

папские индульгенции. Я опытами узнал, что стихами расторговаться никакой нет надежды, однако, видя вашу нужду, — примолвил он, — я ее возьму, да и то с следующим договором: напишите письмо к г. издателю Трутня и просите его, дабы он в своем журнале поставил известие о продаже вашей книжки. Его журнал покупают ныне больше всех, следовательно и узнают о вашей книжке многие. У нас, сказал он, и книги покупают по моде.

Г. издатель, вот причина моей просьбы; итак, прошу вас, напечатайте приложенное известие в вашем журнале и тем избавьте меня от наклада, ведь вы знаете, что с печатными стихами и не в мою пору плачут; рассудите же, что будет делать со своими стихами?

Ваш покорный слуга А.[127]

30

ИЗВЕСТИЕ

В Луговой миллионной у переплетчика г. Веге продается новая книжка, под заглавием: Сказки в стихах,[128] по 25 коп. экземпляр.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XVIII. АВГУСТ 25 ДНЯ

31

ВЕДОМОСТИ

В Санктпетербурге

Из Большой улицы

Некто, житель нашей улицы, упражняется в сочинении проекта о наложении пошлины на все сочинения худых наших стихотворцев и негодных прозаистов и хочет оной поднести на рассмотрение и утверждение самому Аполлону. Собираемую сумму определяет он на содержание бедных ученых людей. Некто уверяет, что от наложения сея пошлины двоякая для государства произойдет польза.

С Парнаса... 1769 года[129]

Здесь все в великом замешательстве: славные стихотворцы, обезображенные худыми переводами, чрезвычайно огорчились и просили Аполлона о заступлении. Все музы, прославленные в России г. С.,[130] приходили ко своему отцу и со слезами жаловалися на дерзновение молодых писателей: Мельпомена и Талия [131] проливали слезы и казались неутешными.[132] Великий Аполлон уверял их, что сие сделалось без его позволения и что он для рассмотрения сего дела повелит собрать чрезвычайной совет, а между тем показал Талии новую русскую комедию ***, сочиненную одним молодым писателем.[133] Талия, прочитав оную, приняла на себя обыкновенной свой веселой вид и сказала Аполлону, что она сего автора со удовольствием признает законным своим сыном. Она и записала его имя в памятную книжку в число своих любимцев.

Оттуда ж от 1 августа

Смятение на Парнасе и поныне еще продолжается. Все с нетерпеливостию ожидают собрания совета и окончания сего замешательства. На сих днях великому Аполлону подал челобитную Пегаз, в которой просит об отставке.[134] Как скоро сия челобитная будет помечена,[135] то мы ее сообщим.

Из Москвы

Б е з р а с с у д, житель нашего города, помещался в уме, прочитав книгу Р а з г о в о р ы о м н о ж е с т в е м и р о в.[136] Сему удивляться не надлежит, ибо Б е з р а с с у д воспитан был под присмотром старушки, которая все известные простонародные басни о сотворении мира в самом еще младенчестве ему затвердила. Б е з р а с с у д, достигнув совершенных лет, не достиг, однако ж, ни совершенного ума, ни истинного о вещах понятия. С летами его суеверие и невежество приходили в совершенство. В таком-то состоянии прочитал он Ф о н т е н е л л я; на всякой странице находил он не ясные о системе мира предложения, но тьму непроницаемую и удаляющуюся от его понятия. Он вострепетал, читая, что звезды подвижные суть такие же миры, каков и наш, что солнце стоит, а земля ходит, огромность висячих над нами тел и что оные один вокруг другого, а все совокупно с землею и с нами так скоро вертятся около солнца, его поразило; куда он ни ходил и где ни сидел, везде казалось ему, что какойнибудь мир оборвался и весь земной шар стремится расшибить

в пыль, то представлялось ему, что планета, сбившись со своего пути, зацепила землю и отбросила оную к солнцу и что мы уже пылаем; иногда казалось ему, что он видит землю вертящуюся, и для того хватался за что попадалось, чтобы не упасть; словом, Фонтенелль и последние безрассудова ума отнял крошки: он не выходил из комнаты, не пил и не ел целые три дни; напоследок, лишившись совсем ума, ездит ныне ко своим родственникам и знакомым и прощается, сказывая, что он в висячие отправляется миры для проповеди и что он там, яко у непросвещенных людей, всеконечно за веру пострадает.

Миловида намерена разыграть любовную лотерею, в которой весь выигрыш в одном билете, а прочие все пустые. Число пустых билетов не определяется, ибо оные по числу охотников к розыгрышу сей лотереи будут прибавлены или убавлены; выигрыш составляет цену любви. Раздача билетов начнется с 1 числа сентября месяца по всякой день в доме госпожи Миловиды, где и цена оным будет объявлена.

Некоторой стихотворец,[137] по довольном самого себя рассмотрении, нашел, что он во всем с славными нашими стихотворцами равняться может, чего ради о том чрез сие для сведения и объявляет, чтобы его никто ниже тех стихотворцев не считал и неведением не отговаривался.

ПОДРЯДЫ

Издателю Трутня для наполнения еженедельных листов потребно простонародных сказок и басен,[138] ибо из присылаемых к нему сатирических и критических пиес многих не печатают, а напечатанные без всякого стыда многие принимают на свой счет и его злословят за то повсеместно; желающие в поставке помянутых сказок подрядиться и взять не свыше рубля 25 коп. за сто, могут явиться в его доме.

ПРОДАЖА

Плоды невежества, глупости и самолюбия некоторого сочинителя [139] продаются в его доме повольною ценою.[140]

ОТЪЕЗЖАЮЩИЕ

Троекратно за взятки отрешенной судья добивался места с повышением чина, но, по несчастию, просил он о том такого господина, которой прежние его грабительства имел еще в свежей памяти и оные почитал истинным беззаконием, чего ради он ему в прошении отказал. Судья, огорчась сею несправедливостию, отезжает во свое поместье ко утеснению бедных своих соседей.

Профессор карточных азартных игр поссорился с полициею и для того отъезжает в Москву.

Chicaneau,[141] природной француз, находившейся у некоторого господина в' должности управителя, отъезжает в Москву для приискания себе другого места, а управительское принужден он был оставить для того, что требовали от него исправных счетов, а француз сей арифметики не учился.

Оставной канцелярист, живший здесь для хождения за делами, отъезжает в Москву и хочет вступить там в должность поверенного, а здесь ему стряпчим быть заказано по некоторой причине; во утверждения сего запрещения он был здесь высечен плетьми.

Fripon,[141] гасконец, приехавший сюда с новою лотереею, отъезжает в Москву; здесь ему не очень понравилось за тем, что мало игроков, хотя лотерея сия и весьма расположена искусно, а именно: что, кроме безделиц, выиграть ничего не можно.

ИЗВЕСТИЕ

Второе издание Трутня и ко оному первой лист с гридированным виньетом продается в Луговой миллионной у переплетчика г. Веге по прежней цене.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XIX. СЕНТЯБРЬ 1 ДНЯ

32

Господин издатель!

Самое негодное дело быть стихотворцем. Пропади вовек охота ко стихам, названным еще божественным гласом; надобно над ними ломать голову, гоняться за рифмами, считать все слова по стопам и за весь труд не получить ни малой награды. Я вижу, что от премерзкой прозы подьячие наживаются, медики, умножая число умерших, получают хорошую плату от живых, а рецепты пишут без стоп и без рифм, ласкатели за одне глупые речи награждаются; одним словом, все люди, кроме стихотворцев, имеют прибыль. Я не очень давно достиг до сего здравого рассуждения и теперь удостоверен, что по определению неисповедимых судеб и славные стихотворцы должны жевать зеленые лавры и питаться только сею не очень вкусною пищею. Прочтем повести о всех стихотворцах и увидим, что, хотя они в восторге летали под небесами или отдыхали на земле, всегда завистники их ругали, злобные люди готовили им пагубу и очень малое число людей кормили их похвалою; вся их жизнь была наполнена стихотворческими несчастиями. Да иначе и быть не может, сам бог стихотворства довольно был несчастлив и сносил бедства и труды, все Овидиевы превращения [142] наполнены его злоключениями.

Аполлон, будучи еще во утробе своей матери, не имел нигде убежища. Бедная Латона, нося его во своем чреве, была гонима яростною Юноною и на всем земном шаре нашла только один остров, на коем родила несчастливые двойни, но в то же время весь остров за столь похвальное страннолриимство был покрыт водами, и все жители были превращены в лягушек. Не успел еще Аполлон достигнуть юношеских лет, как из адских пропастей вышел ужасный Пифон и стремился его поглотить. Аполлон его победил, но возгордевшегося сего победителя победил слабой Купидон, представя ему Дафну, которую Аполлон не мог смягчить своими божественными стихами и нам, бедным смертным, подал худой пример смягчить стихами жестокосердие красавиц. Дафна была превращена в дерево, а Аполлон должен был терзаться любовным мучением. О, Купидон! сколь велико

твое гонение на стихотворцев! Овидий, Анакреонт, Феокрит, Катул, Проперций, Тибул, Петрарк тобою были мучимы, и нежные Сафо и Сюз [143] принуждены были воздыхать. Вот сколько славных стихотворцев терзались любовным пламенем; так, конечно, и навеки сей предел уставлен. Я сам сие испытал и ничего не мог получить за стихи от своей любовницы, да и впредь лишился надежды.

Купидонов гнев на Аполлона еще далее простирался: он показал ему Коронису и сделал его счастливым, однако не надолго. Корониса была прекрасна и все имела совершенства, но ужасная была кокетка. Аполлон, нося лучезарный венец, не хотел носить рогов и, пылая ревностию, пронзил изменницыно сердце и скоро после того восстенал, терзая себя за свое мщение. Он вынял из ее утробы Эскулапа и, думая, что он его сын, имел о нем родительское попечение и сделал его медиком, не таким, которой бы прописывал смерть во своих рецептах и обирал деньги, но таким, что из челюстей смерти освобождал смертных. Однако на таковых людей и в те времена досадывали: наследники проклинали Эскулапа, когда вылечивал стариков, кокетки бранили, когда не хотел морить их мужей, и мужья негодовали за то, что не освобождал их от старых жен. К совершению своей пагубы Эскулап, желая услужить Диане, воскресил Ипоплита; за сие рассердился на него Плутон, пожаловался Юпитеру и бедного Эскулапа Юпитер поразил громом. Сей пример доказывает нам, что худо иметь дело с знатными. Эскулап — бог, но погублен сильнейшими его богами.

Смерть Эскулапова была несносным ударом Аполлону, и я не упомню, сколько он написал хороших элегиев, однако знаю, что, как раздраженной стихотворец, он побежал к циклопам и всех их перебил за то, что ковали громовые стрелы. Аполлонов гнев сколько ему был вреден, столько и подражателям его, стихотворцам; не редко и они были гонимы за свои сатиры. Наказание же его состояло в том, что Юпитер, лиша его всех божественных чинов, сослал на землю, где Аполлон принужден был сносить стихотворческую бедность. Пришел он к Адмету и, думая найти себе место при царском дворе, обманулся во своем чаянии; редко придворные знают цену стихотворства: его почли сумасшедшим, которой бредил стихами. По счастию его, имевший смотрение за стадами взял его в пастухи, и Аполлон принужден был такою низкою должностью доставать себе хлеб. Однако же и пася стада, увеселял своими стихами обитателей лесов и полей и произвел эклоги и идилии, но не долго наслаждался сею спокойной жизнию. Меркурий, ходя в то время по греческим полям,

упражнялся в своем ремесле и старался заслужить имя защитника воров. Сей проворной бог, надев на себя пастушье платье, пришел к Аполлону и, притворясь, что будто слушает со вниманием его стихи, пробыл до самой ночи, а в ночь отогнал лучших у него овец. Всходящая заря уведомила Аполлона о его несчастии, и он, боясь наказания за свою неосторожность, ушел и, проходя лидийские поля, остановился на горе Тмоле и, соглася свой голос с лирою, прельщал пением нимф, сатиров и всех полевых богов. Пану стало сие досадно: он вступил с Аполлоном в спор о первенстве и избрал судьею Мидаса, царя той области. В обиду Аполлону, которая весьма несносна стихотворцам, Мидас предпочел ему Пана. Аполлон, приставив ему ослиные уши, пошел во Фригию, где вместе с Нептуном, которой также был изгнан, приняли на себя вид каменьщиков и строили Троянские стены. Жаль, что ныне Аполлон не каменьщик, а то я знаю многих русских стихотворцев, кои пишут только ему в досаду, но в каменьщиках были бы ему хорошими помощниками. Богу стихотворства и в сем ремесле не было удачи: неблагодарный Лаомедонт не заплатил за работу, однако Аполлон тем утешился, что взят был обратно на небо.

Не подумайте же, чтоб он и там был счастлив, ибо я умолчиваю о Фаэтонтовой смерти, которая ему была чувствительна, и не хочу говорить о презрении, которое он сносил от Венеры. Сия богиня, оказывая свою благосклонность всем богам и многим смертным, была сурова и несклонна к одному только Аполлону; одним словом, во всех аполлоновых должностях много беспокойств. Ему должно в виде Феба вставать рано и объезжать вокруг весь свет. Когда на Олимле бывает собрание, все боги упиваются нектаром, а он, промачивая рот ипокренскими водами, должен воспевать в стихах падение гигантов и похвалы роскошным богам. Да и на Парнасе нет покою от девяти муз, которые, имея разные вкусы, вечно [144] беспокоят своего правителя.

Вы теперь видите, г. издатель, что мое мнение справедливо и что я разумно сделал, оставив стихотворство. Я не знаю, не хлопотливо ли и ваше упражнение, а мне кажется, что и издатели не больше стихотворцев получают выгод, хотя несчастной Аполлон и никогда не был издателем еженедельных листов.

Слуга ваш
N. N.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XX. СЕНТЯБРЬ 8 ДНЯ

33

Г. издатель!

Некогда читал некто следующую повесть:[145] у некоторых моих сограждан, говорит сочинитель, нет ни одной такой склонности, коя бы более притягала мое удивление, как неограниченное их самолюбие. Обыкновенный к тому повод бывает невежество и ласкательство.

Если бы сие самолюбие было ограничено и хорошо управляемо, оно бы могло быть очень полезно для тех, кои теперь оным обеспокоены.

Для чего человек, который заражен самолюбием, для чего, творит сочинитель, не берет он книги в руки? Он бы тут много увидел, чего ласкатели никогда ему не говорят.

Все самолюбивые много раз и многими были во книгах осмеяны; самолюбивый, конечно, их не читает за тем, что он с приятностию привык слушать льстецов, бесстыдно во глаза его похваляющих. Если бы сей человек, если бы вздумал такие новости читать, то бы сие для него было гораздо полезнее, как мнении, что такий-то не так пишет, как он, или что такая-то безмерно в последней комедии хвалила то, что ему не нравится, или что она намерена шить платье, коего покроя он терпеть не может, или что многие хвалят те сочинения, кои не согласны с его умоначертанием, или, что осмеливаются тогда писать, когда он пишет, или, наконец, что все то худо, что не по его и ему не нравится. Такий самолюбивый угнетает разум и обезнадеживает всех, чем-нибудь быть надеющихся. Его умоначертание наполнено самим только собою, он не видит ни в ком ни дарований, ни способностей. Он хочет, чтобы все его хвалили и делали бы только то, что он повелевает, другим похвалу терпеть он не может, думая, что сие от него неправедно отъемлется, и для того требует, чтобы все были ласкатели и, таскаяся из дома в дом, ему похвалы возглашали, что, однако, есть грех.

Читав сие, понял он причину, для чего сперьва тысячами некоторые листы охотно покупали. Хотите ли оную узнать? Боюся сказати, прогневаются; одно желание посмеяться самолюбию авторскому к сему поощряло.

Ему пришло на ум еще новенькое, со временем составить он хочет книгу, всякий вздор, в которой все странные приключении

напишет всего города, и надеется получить от того великий барыш; например:

Такий-то на сей неделе был у своей родни и передавил все пироги,[146] данные некоторой простодушной старушке в подаяние; такий-то всякий день бранится со своими соседями за колодезь; [147] такий-то там-то приметил, что все девицы кладут ногу на ногу очень высоко; [148] тот-то насмешник подсмеял одну женщину, велев ей для усыпления читать сочинении такого мужа, который за полезные переводы заслужил от всех похвалу и благодарность [149] и что от той насмешки весь город хохотал целую неделю на счет насмешника.

Эдакий-то в досаду Мусе Фалии [150] не перестает марать и перемарывать свои комедии и непостижимыми своими умоначертаниями отягощать актеров.

Тот показывает, якобы он единоначальный наставник молодых людей и всемирный возглашатель добродетели,[151] но из под сего смиренного покрова кусает всех лишше Кервера.

Этот перекрапывает на свой салтык статьи из славного аглинского Смотрителя и, называя их произведением своего умоначертания, восклицает: и мы, яблока, плывем,[152] и прочая, и прочая, и прочая!

Чрез сие он надеется удовольствовати всех читателей, показывая себя таким доброхотным человеком, кой более печется о поступках и делах ближнего, нежли о своих собственных. На все же те куски (piece),[153] кои шепчеть бы только на ухо должно, употребить хочет он печать самую крупную, дабы и без очков читать оные можно было, а паче, чтоб сии откровения угодность делали старушкам, знав, что их обыкновенная говорливость скорее распространит сии слухи, а наипаче молодым людям положат они на ум то, чего бы знать им не надлежало и что до них не следует.

Сведав сие, я думал, что мне непростительно было утаить сие важное от вас, г. издатель, известие и от ваших читателей.

Слуга ваш...

34

Г. издатель!

По сие время не видали мы еще,[154] как только мимоходом в ваших листах ничего на ласкателей, на сих ядом дышащих чудовищей противу благосостояния государства, на сих подлых тварей, которые для своего прибытка обольщеваемых ими вельмож отвращают от благотворения. Они сирены, обольщевающие и усы-

пляющие чувствия истинного человечества. Я не буду вам описывать, сколько они бесчестны и сколько наносят вреда государству, за тем, что я вас прошу написать на них сатиру, но скажу только, что они у нас и добродетельнейших похищают вельмож. Пожалуйте, г. издатель, потрудитесь хорошенько описать их подлые ухватки и, если можно, пристыдите их. Сию язву надлежит или прекратить, что кажется весьма трудно, ибо она распространилася не только во прихожих, но и во внутренних комнатах знатных вельмож, или разве всем сделаться льстецами, кто хочет свое сыскать счастие.

Ваш слуга Огорченной.

Г. Огорченной! писать сатиру на сих людей надлежит, справясь с силами телесными; итак, я вам не могу еще ни обещать, ни отказать. Ожидайте сего от времени.

35

Г. издатель!

Скажите, за что вы все, господа издатели журналов, бранитеся? разве не можно писать, не делая вам бесполезных и нам неприятных браней, или задумали вы спорить о первенстве? так, пожалуйте, сие оставьте на наше решение, мы знаем, кто пишет хорошо и кто худо, ведаем, кого хвалить и кого хулить надлежит. Мы гораздо вас скромняе, а вам на что одному говорить о другом, что тот всех бранит, а другому о том, что тот обещается исправлять пороки, но не держит слова. Вы оба правы и оба виновати. Оставьте это все, я вас прошу, для вас сие будет похвальняе, а для нас и полезняе и приятняе. Вы все разные имеете способности; пусть один из вас проповедывает добродетель и пишет наставления, а другой пусть осмеивает пороки и, писав сатирические сочинении, исправляет нравы; третей пускай рассказывает сказки и тем забавляет малосмысленных людей; [155] следуя сему, вы все упражняться будете по своим способностям. Вот вам мирные договоры, согласитесь их подписать и исполнять; исполняя сие, вы все будете полезны и нам милы; мы вам по окончании ваших трудов скажем спасибо. Буде же не так, то, право, всех назовем дураками. Послушайтесь, это вам от доброго сердца говорит

Милосерд.

36

НАДГРОБНАЯ[156]

Под камнем сим лежит певец преславный россов,
Гомеру, Пиндару подобный Ломоносов,
Эпическим стихом прехвально возгремел
Великого Петра число великих дел
И к удивлению всего пространна света
Воспета лирою его Елисавета,
Но, к сожаленью, смерть тогда его взяла,
Когда б свидетелем он был гремящей славы
Премудрой матери российския державы
И воспевал ее божественны дела.

Сия надгробная надпись прислана ко мне от неизвестной особы.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXI. СЕНТЯБРЬ 15 ДНЯ

37

Г. издатель!

Ко мне приехал брат, находившийся во всю нынешнюю кампанию в 1 армии. Вчерась мы с ним были в гостях; гости по обыкновению расспрашивали его о новостях, случившихся в нашей армии, он им ответствовал, как знал. Все гости радовались славным успехам нашей армии и желали скоряе окончания сей войны. Старичок в мундире, слушавшей все сие со вниманием, брату моему сказал: я думаю, друг мой, что бедненькие наши солдаты дрожат от страха, когда подвели их так близко к неприятелю; ободрить их некому, офицеры почти все робята молодые и в походах не бывалые. Я помню, продолжал трусливой старичок, что и мы сами, в тридцати верстах от янычар стоя, тряслися. У меня и теперь сердце обливается кровию, и волосы дыбом становятся, когда вспомню янычар, с открытою грудью бегущих и со отчаянным лицом всех саблею поражающих.

Они подобны диким зверям; при мне семь гранодеров моей роты воткнули в янычара по штыку, но он и тогда все-таки во-

круг себя всех рубил, и я насилу от него мог уйти, а, кажется, я-таки детина и сам был непромах. О! они очень проворно саблею действуют, а шеи у них, проклятых, такие толстые, что одним взмахом никакой сильной человек перерубить не может. Короче сказать, сии варвары рождаются на погубление только человеческого рода. Брат мой, усмехнувшись, старичку ответствовал: наши молодые офицеры и, по-вашему, бедненькие солдаты лучше вашего, сударь, знают цену неприятелей своего отечества. Не турки на нас, но мы на турок наводим страх и ужас. Солдаты наши янычар, спагов,[157] арнаутов [158] и всех неприятельских солдат презирают. Нет у нас ни одного солдата, которой бы не хотел с янычарами драться. Наши солдаты привыкли стоять, а неприятельские бегать, и ради того мы их всегда побеждаем и прогоняем. Старые наши солдаты за стыд ставят бояться турок. Недавно молодого из рекрут солдата, оробевшего за тем, что он еще в первой раз был в огне, упрекал старой солдат и сказал ему: когда ты так оробел от турок, что ж бы ты сделал, стоя против пруссаков, а мы и тех побеждали. Еще один молодой офицер, которому дедушка его натвердил, что турок бояться надлежит пуще диаволов, отрубив янычару голову, и после товарищам своим сказал: не знаю, чтобы сказал мой дедушка, когда бы он сие увидел. — А что вы скажете о неприятельских пушках? Перехватил старой слуга робости, они так длинны и так далеко стреляют, что мы в десяти верстах от них насилу укрывались; нынче, я чаю, они еще даляе стреляют за тем, что я верно слышал, будто у них все пушкари какие-то европейские христиане.[159] Экие проклятые, проливают кровь христианскую за босорманов, а у турок и без них армия втрое нашей больше. Я думаю, что им за то и во аде места не будет. — Не опасайтеся, сударь, брат мой, смеючись, сказал: во аде для них места будет очень довольно. Правда, что неприятельские пушки стреляют на дальное расстояние, но нашей артиллерии действие гораздо превосходняе по многим причинам, и ревность наших солдат не допускает их так удаляться от неприятеля, как вы удалялися. Мы часто под самыми стоим пушками и их не боимся, ибо неприятельские пушкари стреляют наудачу. Армия неприятельская хотя и очень многолюдна, но в их армии больше ног, а в нашей больше рук. Всякой наш солдат, когда принимается за ружье, тогда уже и думает о победе и, имея в одной руке за истину обнаженный меч, а в другой лавр и горя ревностию, среди огня твердят: чего убоимся? Бог и Екатерина, наша матерь, с нами и врагов своих и завистников нашему блаженству на всяком месте побеждают. Надобно желать, чтобы сия

славная солдат наших ревность всегда горела, как ныне; тогда, наверно, Стамбул потрясется. Главное нам от наших неприятелей беспокойство в том только и состоит, что они по ночам долго не дают нам спать, ибо они с превеликим криком и шумом просят о заступлении бога, по нас их самих побораюшего. Старичок не мог надивиться перемене людской, и со стыда за тем, что все гости беспричинной его робости смеялись, тихонько уехал.

Г. издатель! я к вам сие сообщаю для напечатания, пусть его прочтут все старички и старушки, внучат своих турками стращающие.

Ваш покорной слуга Я.

38

Г. издатель!

Я не знаю, отчего[160] во многих вкралося предрассуждение, что русские ничего так хорошо делать не могут, как иностранные. Я видал, как многие, впрочем, разумные люди, рассматривая разные вещи русскими мастерами деланные, хулили их для того только, что оне не иностранными деланы мастерами. А незнающие и иностранные вещи, когда скажут им нарочно, что они русские, без всякого знания по одному только предрассуждению или еще и по наслышке хулят. Намедни сие случилося, и я вам это сообщаю для напечатания: пусть увидят все, до какой глупости иногда пристрастие нас доводит. Одному моему приятелю надобно было шить платье; мы ему советовали, чтобы он на то платье взял сукна ямбургской фабрики, уверяя его, что те сукна, в доброте и в цветах ни чем аглинским сукнам не уступают, не говоря, что они аглинских ценою дешевле, но он и слушать того не хотел, чтобы русские сукна были добротою равны аглинским. Он был тогда не очень здоров и для того просил меня, чтобы съездил я на гостиной двор и взял ему образцы аглинских сукон. Я поехал, и как мне сие предрассуждение всегда казалося смешным, то захотелось мне уверить моего приятеля в его несправедливости. Я взял образцов аглинских сукон и ямбургских и, положа в одну бумажку, показал моему приятелю, сказав, что это аглинские сукна; он выбрал ямбургские и, любуяся их добротою, шутил надо мною, говоря, что он ямбургские сукна тогда покупать будет, когда они таковы же будут добротою, как аглинские. Послали за весьма искусным портным, показали ему образцы. Я ему потихоньку сказал, что тут одни аглинские, а другие ямбургские, чтобы он выбрал из них аглинские. Портной,

рассматривая белое и палевое ямбургское сукно, сказал, что они аглинские. Я внутренно радовался их ошибке, и после, взяв ямбургское сукно, отдали портному. Портной через два дни принес платье, приятель мой оное надел и был весьма доволен. Наконец я ему объявил его ошибку; портной сказал, что сии сукна между собою добротою так близки, что и различить почти невозможно, а приятель мой тому верить не хотел. Я отдал ему излишние деньги, ибо ямбургские продаются по 3 руб. по 75 копеек, а аглинские той же доброты по 5 рублей. Приятель мой, наконец, согласился поверить, но после сказал: ямбургские сукна хотя и хороши, однако ж столько не проносятся.

Г издатель! сколько нашей братьи, которые понаслышке о вещах судят. Желательно бы было, чтобы сие предрассуждение искоренилося и чтобы наши русские художники и ремесленники были ободрены и равнялися во всем с иностранными, чему примеров мы уже видели довольно.

Слуга ваш **

39

Г. издатель!

В некоторых приказах показался новой способ брать взятки. Челобитчики или ответчики бьются с судьями и секретарями о заклад таким образом: например, истец хочет, чтобы беззаконное его требование было решено в его пользу; итак, он с судьею спорит, что к такому-то числу это дело в его пользу не решится, а судья утверждает, что решится. Заклад всегда бывает по цене того дела, и почти всегда сии заклады выигрывают судьи. Г. издатель, я вам сие сообщаю для напечатания. Сие, без сомнения, дойдет до рук судей закладчиков, может быть, они устыдятся, сего только я и желаю; впрочем, будьте уверены, что я пребываю вам

доброжелателем,
П. С.[161]

Москва, 1769 года
августа 27 дня.

P. S. Подобные сим известия я и впредь вам сообщать буду, ибо ваш журнал мне весьма полюбился.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXII. СЕНТЯБРЬ 22 ДНЯ

40

СТИХИ

Александру Андреевичу Беклешеву на смерть брата его подполковника Арсения, убитого при одержанной российским войском над турками победе у Хотина августа 29 дня 1769 года

Велика, Беклешов, сия тебе утрата,
Лишился своего любезного ты брата,
Лишился купно в нем ты друга своего.
Оплачь, мой друг, оплачь умеренно его,
Пролей о нем из глаз источники ты слезны,
Скажи впоследние: прости, мой брат любезный, —
И более сего ты слез своих не лей,
Ты сердце мужеско в напасти сей имей,
Давай с рассудком ты сию природе плату
И буди мужеством своим подобен брату.
Хотя его судьба жизнь кратку отняла,
Но прежде показав в нем храбрые дела.
Пускай бы он еще на свете сем остался,
Пускай бы в старости глубокой он скончался,
Начто желати нам, начто должайший век?
Не летами велик, делами человек;
Коль бедствия теснят, волнуют дух наш страсти,
И всякий час грозят нам разные напасти,
И коль необорим на свете рок ничем,
Не лучше ль кончить жизнь, как кончил он, — с мечем!
Представь перед собой ты брата и героя,
Сражавшегось среди ужаснейшего боя,
Представь, как он врагов смертельно поражал,
Представь, как враг пред ним в смятении бежал,
Имеючи в себе он душу толь геройску,
Оставил славу тем и честь российску войску,
Оставил память он бессмертну по себе,
Оставил купно честь и роду и тебе.

Василей Майков

41

СТИХИ

Пример-майору Юрью Богдановичу
г. Бибикову [162]

Тобою, Бибиков, нам весть привезена,
Что сила агарян [163] российской попрана,
Что наша молния в странах противных блещет
И что наш сопостат, бежа, ее трепещет.
О вестник радостный прехрабрых россиян!
Ты сам участник был разбитья агарян,
Хотя ты малой войск был части предводитель,
Над многим ты числом остался победитель.
Твой враг перед тобой бежати принужден.
Я храбрость сим твою прославити пылаю,
И вот чего тебе, еще тебе желаю,
Подобен будь тому, кем Вернер побежден.[164]

В. Майков.

Г. сочинителю сих стихов не мог я сделать более угождения, как поместить его стихи в следующем листе, ибо они мною получены сентября 13 дня, то есть тогда, когда уже минувший XXI лист был отпечатан. Впрочем, свидетельствую ему мою благодарность за сообщение оных; похвалу ему за оные сплетать не мог за тем, что сие исполнить оставил господам читателям.

42

Несмыслу богатому, но глупому дворянину, бывшему в отставке, пришла охота итти в штатскую службу. К чему ты вознамерился, скудоумной человек, когда ты не умеешь управлять собою и подвластными тебе крестьянами, то как можешь ты быть судьею, которому разум и науки необходимо нужны. Останься в своей деревне, где ты, хотя неразумнейший, однако перьвый человек. Но дураки всегда упрямы и разума себе, по крайней мере, три пуда лишние приписывают. Собравши с крестьян вперед за два года оброк, приезжает с полными мешками в Петербург доставать себе выгодное место. Уже знакомится с камердинерами знатных бояр, дарит их и просит, чтоб он представлен был их превосходительствам. Топтавши долгое время передние, стал, наконец, знаком во многих домах. Бояра начали с ним говорить и увидели, что он глуп, однако, по дво-

рянству и по богатству ласкают и приветствуют. Уже молодец наш в знатных домах и в вист и в ломбер играет, хотя всякой день рублев по сотне проигрывает, однако, внутренно радуяся, думает, что место, которое он непременно чрез новых приятелей достанет, наградит ему все убытки. Несмысл просит о месте. Всякой боярин обещается ему от всего сердца служить, но притом думает, что Несмысл с ума сошел и ни к какому делу не годится. Отставной наш помещик, слыша лестные обнадеживании, восхищается от радости, однако не долго нарадуешься, бедной человек! Видно, что ты еще не знаешь обманчивого языка бояр знатных. Проходит уже пять месяцев, дворянин наш места не получает, но только что проигрывается и проживается. Первых денег уже не стало, Несмысл, надеяся на обещании мнимых своих милостивцев, закладывает в банке деревню, но и те деньги приходят к концу. Несмысл начал уже на бояр сердиться, а бояра начали почитать его скучным и несносным. Он проклинает теперь бояр, несмотря на то, что он должен был бранить прежде всего свою глупость. Что ж, наконец, сделалось? Дворянин наш, не получивши места, едет на сих днях опять в свою деревню возвращать убыток с крестьян своих, а прожитые двенадцать тысяч рублев показали ясно двору и городу, что г. Несмысл совершенной дурак.

43

Г Трутень!

Все вы, господа издатели, чудные люди: бранитесь и сами не ведаете за что, а тем лишь только занимаете свои листки, которые, как сказываете, издаете для нашего увеселения. Пожалуй, будь хоть ты поумняе, не пиши браней и не ответствуй на них; тебе гораздо больше соделает это славы и тем-то ты одним и победишь своих бойцов, а вместо того издавай попрежнему присылаемые пиесы, а то ведь с того времени, как завелася у вас перяная междуусобная война,[165] вы многим делаете обиду, а между прочим и мне. Я прислал к вам песню моего сочинения, а вы ее и поныне еще не напечатали. Итак, если захочется вам в следующем XXII листе ответствовать на брань, то вместо того напечатайте мою песню, чем вы одолжите

Вашего слугу
В...

ПЕСНЯ

Жить во счастье без помехи,
Радости вкушать и смехи,
Горести не ощущать, —

Жизнь такая есть блаженна,
Но любовника разженна
Не умеет обольщать.
  Я довольняй был бы той судьбою,
  Если б мог почаще быть с тобою.
На тебя когда взираю,
Я охотно презираю
Роскошь мира всю сего.
Красотой твоей прельщаться,
Ею в страсти восхищаться
Ставлю выше я всего.
  Но довольняй был бы той судьбою,
  Если б мог я быть любим тобою.
О когда бы ты, прекрасна,
Учинилась мною страстна,
Преклонясь к любви моей!
Счастие сие приятно,
Было б лестняй мне стократно
Счастья всех земных царей.
  Но довольняй был бы той судьбою,
  Если б съединился я с тобою.
Таковой блаженной части,
К услажденью нежной страсти,
Не ласкаюсь получить,
Но когда б мне дорогая,
Равной страстию пылая,
Вздумала себя вручить
  Ах! доволен был бы сей судьбою:
  Сколько б радостей вкусил с тобою?

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXIII. СЕНТЯБРЯ 29 ДНЯ

44

Г. издатель!

Больных телом всегда бывает много, а больных душою еще больше. Перьвые пусть лечатся у тех особ, которые имеют позволение большую половину ими пользуемых методически и систематически морить, а последние, если угодно, могут пользоваться следующими рецептами, которые прошу напечатать, буде оные

вам будут не противны. Я уверяю, что сии рецепты никакого никому не причинят вреда для того, что я по сие время ни охоты, ни случая не имел подобных себе убивать тварей, ибо я ни доктор, ни аптекарь, ни пристрастной судья и ни глупая повивальная бабка, но г. издателя

всепокорный слуга
Лечитель.[166]

45

РЕЦЕПТЫ

Для его превосходительства г. Недоума[167]

Сей вельможа ежедневную имеет горячку величаться своею породою. Он производит свое поколение от начала вселенной, презирает всех тех, кои дворянства своего, по крайней мере, за пятьсот лет доказать не могут, а которые сделалися дворянами лет за сто или меньше, с теми и говорить он гнушается. Тотчас начинает его трясти лихорадка, если кто пред ним упомянет о мещанах или крестьянах. Он их в противность модного наречия не удостоивает ниже́ имени подлости, а как их называть, того еще в пятьдесят лет бесплодной своей жизни не выдумал; не ездит он ни в церьковь, ни по улицам, опасаяся смертельного обморока, которой непременно, думает он, с ним случится, встретившись с неблагородным человеком. Вот для чего сей вельможа, подобясь дикому медведю, сосущему свои лапы, сделал дом свой навсегда летнею и зимнею для себя берлогою, или, лучше сказать, он сделал дом свой домом бешеных,[168] в котором, отдавая себе справедливость, добровольно заключился. Затворник наш ежечасно негодует на судьбу, что определила она его тем же пользоваться воздухом, солнцем и месяцем, которым пользуется простой народ. Он желает, чтобы на всем земном шаре не было других тварей, кроме благородных, и чтоб простой народ со всем был истреблен, о чем неоднократно подавал он проекты, которые многими ради хороших и отменных мыслей были похваляемы, а многими были опорочены для того, что изобретатель, для произведения в действо своей выдумки, требовал наперед трехсот миллионов рублей. Вельможа наш ненавидит и презирает все науки и художества, почитает оные бесчестием для всякой благородной головы. По его мнению, всякой шляхтич может все знать, ни чему не учася; философия, математика, физика и прочие науки суть безделицы, не стоящие внимания дворянского. Гербовники и патенты, едва, едва от пыли и

моля спасшиеся, суть одне книги, кои он беспрестанно по складам разбирает. Александрийские листы, на которых имена его предков расписаны в кружках, суть одне картины, коим весь дом его украшен, короче сказать, деревья, чрез которые он происхождение своего рода означает, хотя многие сухие имеют отрасли, но нет на них такого гнилого сучка, каков он сам, и нет такой во всех фамильных его гербах скотины, каков его превосходительство. Однако г. Недоум о себе думает противное и, по крайней мере, в разуме великим человеком, а в породе божком себя почитает; а чтобы и весь свет тому верил, ради того он старается не чрез полезные и славные дела от других быть отличным, но чрез великолепные домы, экипажи и ливрею, несмотря, что он для поддержания своей глупости проживает уже те доходы, кои бы еще чрез десять лет проживать надлежало. Для излечения г. Недоума от горячки.

Рецепт

Надлежит больному довольную меру здравого привить рассудка и человеколюбия, что истребит из него пустую кичливость и высокомерное презрение к другим людям, ибо знатная порода есть весьма хорошее преимущество, но она всегда будет обесчещена, когда не подкрепится достоинством и знатными к отечеству заслугами. Мнится, что похвальняе бедным быть дворянином или мещанином и полезным государству членом, нежели знатной породы тунеядцем, известным только по глупости, дому, экипажам и ливрее.[169]

46

Для некоторого судьи [170]

Старайся знать потребные для твоего знания науки; без них ты никогда не будешь уметь правильных делать заключений и догадок. Человеколюбие и бескорыстие должны перьвыми быть путеводителями твоего сердца. Берегись невежества глупых господчиков и дерзости, с которою они обо всем решительно, но неправильно судят, беги праздности и лености, беги самолюбия, приличного только худым авторам, а паче всего убегай пристрастия бессовестного Стозмея; оно есть враг чести, добродетели и истинного человечества. Когда ты все сие истолчешь в порошок и пересыплешь им свое сердце и мозг, тогда будешь судия — отец, судия — истинный сын отечества, а не судия палач.

47

Для некоторого военного человека

Когда ты перестанешь гордиться чином, презирать мещан и крестьян за тем только, что они бесчиновны, бесчеловечно увечить себе подчиненных, когда ты станешь исправлять их ласкою и своим примером, а не строгостию и мучительством, когда ты возьмешь по целому фунту следующего, а именно: любви к отечеству, желания ко истинной славе, благоразумной неустрашимости, знания в военном искусстве, покорности к начальникам, снисхождения к подчиненным и терпения в нужных случаях, тогда по справедливости достоин будешь тех лавров, коими герои украшаются.

48

Г. Самолюб[171] несколько лет страждет самолюбием по той причине, что он стихотворец. Сия болезнь ежедневно в нем увеличивается, а чрез то сильное у него волнение бывает во крови и обыкновенной бред. Он иногда говорит о славном нашем российском стихотворце г. С., сравнявшемся в баснях с Лафонтеном, в эклогах с Виргилием, в трагедиях с Расином и Вольтером и оставляющим свои притчи неподражаемым примером для наших потомков, что он между русскими писателями то, что был Прадон между французскими. Такой бред он тогда обыкновенно повторяет, когда его стихи не похвалят. От сей болезни ему следующей

Рецепт

24 зол. благоразумия 48 лот. знания произрастений, именуемых: знать свою цену 2 фун., уметь отдавать другим справедливость 2 фун., воды из ипокренова источника 3 фун.; сие все, положа, варить и после, вместо обыкновенного питья, давать пить больному до совершенного излечения. Между тем всякие четверть часа надлежит ему смотреться в волшебное зеркало, которое показывать будет достоинствы хулимого им стихотворца и собственные его недостатки. Если ж и сие не поможет, тогда болезнь сия останется неизлечимою.

49

Начеркал[172] сочинил вздорную пиесу и вздумал, что он может равняться со всеми славными комическими авторами. Сие произошло от пристрастия и самолюбия; с тех пор не терпит он сочинителя новой комедии за то только, что его пиеса хорошо написана и что она всеми разумными людьми похваляется. Наконец, от перьвых болезней приключилась ему новая опаснейшая прежних: он стал злоязычник и всех тех ругает, кто не похвалит его сочинений. От той болезни

Рецепт

Всякой день должен он читать свою пиесу по два раза, сличая с тою, которую он обокрал, и продолжать оное чтение три месяца, что произведет в нем отвращение от той его пиесы; тогда увидит он свои недостатки, и самолюбие уменьшится, злоязычество же, произшедшее от самолюбия, есть болезнь неизлечимая.

Продолжение рецептов в следующем листе.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXIV. ОКТЯБРЯ 6 ДНЯ

РЕЦЕПТЫ

50

Простосерд недомогает болезнию, именуемою слепая доверенность. По причине сей болезни судит он о всех по себе, всем верит и думает, что люди не могут быти злыми за тем, что добрыми сотворены. Сие мнение часто ему плачено было худо, но он и тогда говаривал, что сие делалося по слабости человеческой, а не по злому намерению вредить ближним. От такой его опасной для него болезни прописан следующей

Рецепт

На всех людей смотреть в волшебной лорнет, показывающей сердца с ним говорящих людей. Сие от той болезни его, конечно,

излечит, но притом должен он употреблять свое добросердечие, отчего и сделается честным здоровым человеком.

51

Незрел вспылчив, имеет бегучие мысли, но не совсем основательные, а сердце кажется, что доброе. По такому его нраву с ним случаются следующие болезни: от безделицы покраснеет, взбесится и в состоянии сделать всякое дурачество в своей запальчивости, а иногда он смеется тому самому, за что бесился и в доброй час сносит наивеличайшие обиды. Бегучие мысли заводят его под небеса, но, дошед до своих границ, низвергают в заблуждение, и тогда он сердится сам на себя. Во гневе не попадайся ему ни слуга, ни собака, ни лошадь: он всех перебьет. Когда же спокоен, то добросердие его всеми видимо: оказывает услуги по всей возможности не только что своим приятелям и знакомым, но в состоянии одолжить и такого человека, которого видел не более двух раз и не знает иногда, как его зовут, отчего часто претерпевал убытки. Сему болящему следующей

Рецепт

Не полагаться на свои мысли и при начатии каждого дела подробно рассматривать свою способность и силы. В запальчивости своей пить ему холодную воду и продолжать до тех пор сие питие, доколе сам не начнет смеяться своему дурачеству. От излишнего же добросердечия потребно ему золотников 12 недоверчивости.

52

Для некоторого купца [173]

Ваша милость имел случай с помощию подкупленных тобою бояр, судей и подьячих набогатиться от откупов и подрядов, или лучше сказать, от разорения народного. Хотя наполнил ты мешки свои серебром и золотом, но, видно, не наполнил ты головы своей разумом, презирая науки и почитая за грех читать светские книги; ты стараешься выйти в другой свет, в коем ты не родился, а именно: ты добиваешься быть дворянином и иметь чины, сыновей женить на дворянках, а дочерей выдавать за дворян. Желать надобно, чтоб сие сбылося, ибо ничто не вылечит

так скоро твоей алчности к чинам и дворянству, как то раскаяние, когда новые твои сродники все твое, без совести нажитое имение, промотают.

53

Для г. Безрассуда

Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне, а что такое крестьяне, о том знает он только по тому, что они крепостные его рабы. Он с ними точно так и поступает, собирая с них тяжкую дань, называемую оброк. Никогда с ними не только что не говорит ни слова, но и не удостоивает их наклонением своей головы, когда они по восточному обыкновению пред ним по земле распростираются. Он тогда думает: Я — господин, они — мои рабы; они для того и сотворены, чтобы, претерпевая всякие нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправным платежом оброка; они, памятуя мое и свое состояние, должны трепетать моего взора. В дополнение к сему прибавляет он, что точно о крестьянах сказано: в поте лица твоего снеси хлеб твой.[174] Бедные крестьяне любить его, как отца, не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут. Они работают день и ночь, но со всем тем едва, едва имеют дневное пропитание, за тем что насилу могут платить господские поборы. Они говорят: это не мое, но божие и господское. Всевышний благословляет их труды и награждает, а Безрассуд их обирает. Безрассудной! разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собою, во образе крестьян, рабов твоих? разве не знаешь ты, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком? Вообрази рабов твоих состояние, оно и без отягощения тягостно; когда ж ты гнушаешься теми, которые для удовольствования страстей твоих трудятся почти без отдохновения, они не смеют и мыслить, что они человеки, но почитают себя осужденниками за грехи отец своих, видя, что прочие их братия у помещиков — отцов наслаждаются вожделенным спокойствием, не завидуя никакому на свете счастию, ради того, что они в своем звании благополучны,[175] то подумай, как должны гнушаться тобою истинные человеки, человеки — господа, господа — отцы своих детей, а не тираны своих, как ты, рабов. Они гнушаются тобою,

яко извергом человечества, преобращающего нужное подчинение в несносное иго рабства. Но Безрассуд всегда твердит: я господин, они — мои рабы, я — человек, они — крестяне. От сей вредной болезни

Рецепт

Безрассуд должен всякой день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином.

54

Для госпожи Смех

О ты! которая, будучи пятидесяти лет, стараешься казаться осмнадцатилетнею; ты, которая всякой день пять часов просиживаешь перед зеркалом, в котором учишься косить разнообразно глаза свои, делать ужимки, бросать взоры нежные, страстные, застенчивые, горделивые, печальные и отчаянные. Ты, которая чрез смешение разных красок, порошков и умываньев представляешь глазам нашим не естественное лицо свое, но маску распещренную. Не пора ли тебе, сударыня, образумиться и не делать из себя, с позволения сказать, смешной дуры. Леты прелестей твоих протекли и оставили в доказательство того на лице твоем морщины, в кои никто уже больше не влюбится, не изволишь ли полечиться и принять следующее лекарство: оставь неприличное тебе жеманство, брось румяны, белилы, порошки, умываньи и сурмилы, которые смеяться над тобою заставляют. Храни, по крайней мере, хотя в старости твоей благопристойность, которой ты в молодости хранить не умела, и утешай себя напоминанием прошедших своих приключений. Поступя таким образом, не будешь ты ни смешна, ни презрительна.

ИЗВЕСТИЕ

В сухопутном шляхетном кадетском корпусе у переплетчика Тидцелиуса продается новонапечатанная книжка под заглавием: описание древнего славянского языческого баснословия,[176] каждый экземпляр на белой бумаге 17 коп., а на простой 15 копеек.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXV ОКТЯБРЯ 13 ДНЯ

55

Г. издатель!

Я уверен, что вы ненавистник пороков и порочных и что вы не следуете мнению утверждающих, что порочного на лицо критиковать не надлежит, но вообще порок, да и то издалека и слегка. Я не ведаю, какой они от таких дальных околичностей ожидают пользы. Известно, что признание во своих слабостях и пороках самому себе делают весьма немногие; кто сам себе признается во своих проступках, тот ежели не совсем исправляется, так, по малой мере, борется со своими страстями, и тому, по мнению моему, потребны наставлении, а не критика. Другие, кои больше самолюбивы и ослеплены страстями, критику, на общей порок писанную слегка, от его действий весьма удаленную, тотчас совращают на лицо другого; такой тогда еще более ищет причин удалить оную от себя, нежели как критик, его пороки критикующей, искал от его лица удалиться. В таком случае обыкновенно много помогают ласкатели, ибо, ежели бы кто стал критиковать поступки знатного господина, тогда ласкатели, бесстыдно предупреждая его признание, тотчас сыщут невинное лицо, на которое совратят критику. Невинный тогда страждет, а порочный насмехается своим пороком в лице другого. Вот все, чего от таких критик ожидать надлежит. Правда, что и ваше правило, в рассуждении критики, от ласкателей мало помогает. Но тут страждет критик, если увидят, что критикованное лицо точно те имеет пороки; тогда хотя и признаются, но утверждая, что критик весьма злобной человек. Впрочем, мое мнение весьма с вашим согласно, что критика на лицо больше подействует, нежели как бы она писана на общий порок. Например, я много раз видал, что когда представляют на театре Скупого,[177] тогда почти всякой скупой в театр смотреть ездит. Для чего же? для того, что он думает тогда о каком ни на есть другом скупяге, а себя, наверное, тогда не вспомнит. Когда представляют Лихоимца,[177] тогда кажется, что не все скупые на Кащея смотреть будут. Меня никто не уверит и в том, чтобы Мольеров Гарпагон писан был на общий порок. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок; осмеянной по справедливости Кащей современем будет общий подлинник [178] всех лихоимцев.

Я утверждаю, что критика, писанная на лицо, но так, чтобы не всем была открыта, больше может исправить порочного. В противном же случае, если лицо так будет означено, что все читатели его узнают, тогда порочный не исправится, но к прежним порокам прибавит и еще новой, то есть злобу. Критика на лицо без имени, удаленная поелику возможно и потребно, производит в порочном раскаяние; он тогда увидит свой порок и, думая, что о том все уже известны, непременно будет терзаем стыдом и начнет исправляться. Я вам скажу на это пример. Один молоденькой писец [179] читал много книг и, следовательно, видел, что худых писцов не хвалят. Но, однако ж, ему пришла охота к писанию, он сочинил пиесу, ее начали хвалить, хотя и видели его недостатки, но на перьвой случай хотели его теми похвалами ободрить, надеяся, что ежели он хорошенько вникнет, тогда и сам свои недостатки увидит. Другие поступили с ним искренняе. Они объявили ему его погрешности и недостатки, но он похвалы почитал от истины происходящими, а критику от злобы и зависти. Ободренной писец и поощренной ко продолжению своих трудов, скоро начал себя равнять со славными писателями, а потом и вечной похвалы достойных авторов начал ругать. Друзья его остерегали многократно, но он утверждал, что они ошибаются. После начали его критиковать на общее лицо. Говорили ему, что ежели в сочинении случатся эдакие погрешности, так это порок; он на то соглашался, но в своих сочинениях тех погрешностей не видал и не исправился. Он не переставал себя хвалить, а других ругать до того времени, как показалися на него другие критики; не мог уже он ошибиться, что те на него были писаны. Он спрашивал у друзей своих, правильны ли критики, на него писанные, и так ли он худо пишет, как те утверждают. Они признались, что весьма правильно. Его это тронуло. Он перестал писать и ежели не совсем исправился, так, по крайней мере, исправляется. Ибо он начал признаваться, что он и сам ведал, что пишет он худо, но, надеяся когда-нибудь исправиться, в том упражнялся; но как скоро приметил, что он не успевает, так скоро и перестал писать; что он писал по одной только охоте и что он никогда не думал, что это его metier.* Вот вам пример; ежели станут утверждать, что сей писец от тех критиков не исправится, о том я спорить не буду, но и не поверю, чтобы он исправился общею критикою. Наконец, сообщаю вам, г. издатель, описание бессовестного поступка одного чиновного

* Metier, по-русски ремесло, и тут вымолвлено тем писцом ошибкою, но такую ошибку, кажется, можно простить: ибо не весьма легко человеку, равнявшемуся со славными авторами и весьма самолюбивому, признаться, что он пишет худо.

человека с купцом. Пусть увидят, достоин ли он критики, и пусть скажут, что он бы общею критикою на бездельников исправился.

Пролаз, человек чиновной и не последней мот, был должен одному честному купцу по векселю. Срок пришел. Купец требовал денег, а Пролаз не отдавал, надеяся, что купец, по знакомству с его приятелями, просить на него не будет.[180] Купец, по многократном хождении, наконец, вознамерился вексель отдать в протест и по нем взыскивать. Но Пролаз нашел способ с ним разделаться без платы денег. Случилося им быть вместе в гостях, купец подпил, и Пролаз не упустил его поразгорячить, что он ему денег не отдаст и что ежели он будет и просить на него, так ничего не сыщет. Купец после сего Пролаза выбранил, а Пролаз, ничего ему не отвечая, сказал: милости прошу прислушать, и на другой день подал челобитную. Наконец, вместо бесчестия,[181] взял обратно свой вексель с надписью, что по оному деньги получены, да для наступившей зимы [182] супруге своей не худой на шубу мех. Пролаз долгом поквитался, а купец, за то, что плута назвал бездельником, потерял свои деньги.

Пожалуйте, г. издатель, поместите мое письмо в ваших листах. Вы одолжите тем вашего слугу

Правдулюбова.

56

Г издатель!

При нынешнем рекрутском наборе по причине запрещения чинить продажу крестьян в рекруты и с земли до окончания набора, показалося новоизобретенное плутовство. Помещики, забывшие честь и совесть, с помощию ябеды [183] выдумали следующее: продавец, согласясь с покупщиком, велит ему на себя бить челом в завладении дач,[184] а сей, имев несколько хождения по тому делу, наконец, подаст обще с исцом мировую челобитную, уступая в иск того человека, которого он продал в рекруты.

Г. издатель вот новой род плутовства; пожалуйте, напишите ко отвращению сего зла средство.

Москва,

1769 года октября 8 дня. Ваш слуга П. С.

Это не мое дело.[185]

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXVI. ОКТЯБРЯ 20 ДНЯ

57

Для г. Скудоума

Скудоум, сынок приказного человека, грабившего целой свет, имеет следующие болезни: он презирает свою, почтения достойную супругу, которая не только что его сделала счастие, но и всей Скудоумовой фамилии, а Скудоум, не чувствуя ни малой к ней благодарности, таскается по всему городу и влюбляется в таких, с коими обхождение наносит бесчестие. Друзей иметь не может затем, что много если месяц с кем знается, а то точас сыщет причину поссориться. И, следуя наставлениям одного пооглядевшегося в свете бродяги, пользующегося его малоумием, лазит по голубятням, гоняет голубей, держит петухов, кои бьются между собою, и кормит разного роду мерзких собак. Славные авторы заключены у него в шкапе красного дерева с разбитыми стеклами, от частого чтения моль половину их переела, а остатки покрыты пылью. Вот какая участь авторам, попадшим в руки невежи. От сих болезней следующей

Рецепт

Как все Скудоумовы болезни происходят от недостатку разума, то потребно ему принимать всякой день по 10 золотников здравого рассуждения, по 8 унций охоты к чтению хороших авторов и беспрестанно нюхать порошок, прочищающей толстые перепонки, наросшие на его мозгу.

58

Г. издатель!

Из ваших сочинений приметил я, что вы к состоянию крестьян чувствительны. Вы о них сожалеете вообще: похвально, но коликого ж достойны сожаления те, кои во владении у худых помещиков! Я к вам сообщаю отписки одного старосты к его помещику и помещиков указ к крестьянам; вы из того усмотреть можете, как худые помещики над крестьянами данную власть употребляют во зло и что такие господа едва ли достойны быть рабами у рабов своих, а не господами.

Слуга ваш Правдин.[186]

59

Копия с отписки [187, 188]

Государю Григорью Сидоровичу!

Бьют челом *** отчины твоей староста Андрюшка со всем миром.

Указ твой господской мы получили и денег оброчных со крестьян на нынешнюю треть собрали: с сельских ста душ сто двадцать три рубли двадцать алтын; с деревенских с пятидесяти душ, шестьдесят один рубль семнадцать алтын, а в недоимке за нынешнюю треть осталось на сельских двадцать шесть рублев четыре гривны, на деревенских тринадцать рублев сорок девять копеек; да послано к тебе, государь, прошлой трети недоборных денег с сельских и деревенских сорок три рубли двадцать копеек, а больше собрать не могли: крестьяне скудны, взять негде, нынешним годом хлеб не родился, насилу могли семена в гумны собрать. Да бог посетил нас скотским падежом, скотина почти вся повалилась, а которая и осталась, так и ту кормить нечем, сена были худые, да и соломы мало и крестьяне твои, государь, многие пошли по миру. Неплательщиков, по указу твоему господскому, на сходе сек нещадно, только они оброку не заплатили; говорят, что негде взять. С Филаткою, государь, как поволишь? денег не плотит, говорит, что взять негде: он сам все лето прохворал, а сын большой помер, остались маленькие робятишки, и он нынешним летом хлеба не сеял, некому было землю пахать, во всем дворе одна была сноха, а старуха его и с печи не сходит. Подушные деньги за него заплатил мир, видя его скудость, а за твою, государь, недоимку, по указу твоему, продано его две клети за три рубли за десять алтын, корова за полтора рубли, а лошади у него все пали; другая коровенка оставлена для робятишек, кормить их нечем: миром сказали, буде ты его в том не простишь, то они за ту корову деньги отдадут, а робятишек поморить и его в конец разорить не хотят. При сем послана к милости твоей Филаткина челобитная; как с ним сам поволишь, то и делай; а он уже не плательщик, покуда не подростут робятишки: без скотины, да без детей наш брат твоему здоровью не слуга. Миром, государь, тебе бьют челом о завладенной у нас Нахрапцовым земле; прикажи ходить за делом, он нас здесь раззоряет и землю отрезал по самые наши гумна, некуда и курицы выпустить; а на дело, по указу твоему господскому, собрано тридцать рублев и к тебе посланы без доимки; за неплательщиков положили тяглые; только прикажи, государь, добиваться по делу. Нахрапцов

на нас в городе подал явочную челобитную, будто мы у него гусями хлеб потравили и по тому его челобитью была за мною из города посылка. Меня в отчине тогда не было, посыльные забрали в город шесть человек крестьян в самую работную пору, и я, государь, в город ездил, просил секретаря и воеводу и крестьян ваших выпустили, только по тому делу стало миру денег шесть рублев, воз хлеба, да пять возов сена. Нахрапцов попался нам на дороге и грозился нас опять засадить в тюрьму, секретарь ему родня и он нас очень обижает. Отпиши, государь, к прокурору, он боярин доброй, ничего не берет, когда к нему на поклон придешь, и он твою милость знает, авось-либо он за нас вступится и секретаря уймет, а воевода никаких дел не делает, ездит с собаками, а дела все знает секретарь. Вступись, государь, за нас, своих сирот: коли ты за нас не вступишься, так нас совсем раззорят, и Нахрапцов всех нас пустит в мир. Да еще твоему здоровью всем миром бьют челом о сбавке оброчных денег; нам уже стало невмоготу: после переписи у нас в селе и в деревне померло больше тридцати душ, а мы оброк платим все тот же; покуда смогли, так мы-таки твоей милости тянулись, а нынче стало уже не в мочь. Буде не помилуешь, государь, то мы все в конец раззоримся; неплательщики все прибавляются, и я, по указу твоему, сбор делал всякое воскресенье и неплательщиков секу на сходе, только им взять негде, как ты с ними ни поволишь. Еще твоей милости доношу, ягоды и грибы нынешним летом не родились, бабы просят, чтобы изволил ты взять деньгами, по чему укажешь за фунт; да еще просят, чтобы за пряжу и за холстину изволил ты взять деньгами. Лесу твоего господского продано крестьянам на дрова на семь рублев с полтиною, да на две избы по пяти рублев за избу. И деньги, государь, все с Антошкою посланы. При сем еще послано штрафных денег с Ипатки за то, что он в челюбитье своем, тебя, государь, оболгал и на племянника сказал, будто он его не слушался и за тем с ним разошелся, взято по указу твоему тридцать рублев. С Антошки за то, что он тебя в челобитной назвал отцом, а не господином взято пять рублев. И он на сходе высечен. Он сказал: я де это сказал с глупости и напредки[189] он тебя, государя, отцом называть не будет. Дьячку при всем мире приказ твой объявлен, чтобы он впредь так не писал. Остаемся раби твои староста Андрюшка со всем миром, земно кланяемся.

Другая отписка и господский указ помещены будут в последующих листах.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXVII. ОКТЯБРЯ 27 ДНЯ

60

Г издатель!

Я прибегаю к вам и прошу вашей помощи. В соседстве со мною оказалися болезни, от которых господа лечители тел наших отказались, говоря: не наше, де, это дело.[190] Итак, надеяся на вас, опишу вам болезни моих соседей, а вы, пожалуйте, напишите им рецепты, которые с благодарностию примет

ваш слуга
Заботин.

61

Первая моя соседка госпожа Непоседова больна припадком ездить из дома в дом беспрестанно, переносить вести, ссорить друзей, супругов и всех, кого случится. Сие делает от доброго сердца, ибо она всех любит равно; итак, если где услышит о ком слово, то уже не приминет пересказать действительно из одного сожаления. Сие ее сожаление часто производит ссоры, и для того потребен ей от сей болезни рецепт.

62

Г. Мешков имеет болезнь для своего прибытка честных людей поносить. Он обманывает всех по своей возможности; в глаза льстит, а заочно ругает, и для получения какой-нибудь вещи не щадит ни чести, ни добродетели, ни совести, ни законов. Он содержит роспись всем женщинам, с которых во Франции и Голландии собирается пошлина, знает, которая из них с кем знакома, познакомилась или поссорилась и за что. Он ежедневно рассказывает премножество новостей, хотя оные в городе и не случались, показывает себя ученым и честным человеком, критикует поступки всех граждан. Дела всякие решит, показывая свою остроту, выдумывает новые изобретения и никогда оные не исполняет. Словом, ежели бы избирать надлежало из бездельников министра, так бы лучше его сыскать было невозможно. Ему потребен рецепт.

63

Г. Злораду, думающему что слуг, ему подчиненных, ко исполнению своих должностей не чем иным принудить невозможно, как строгостию иль паче зверством и жестокими побоями. Для сей причины подчиненных ему слуг и за самомалейшие слабости и оплошности наказывает зверски. Он не говорит с ними никогда ласково, но такими словами, которые в них производят ужас. Одевает, обувает и кормит он своих слуг весьма худо, утверждая, что когда сии безумия его несчастные невольники чувствуют голод и холод, тогда ежеминутно памятуют они свое рабство, и, по его мнению, следовательно, тем побуждаются ко исполнению своих должностей. Любовь к человечеству он опровергает, но утверждает, что рабам жестокость и наказание так, как и дневная пища, необходимо нужны. Надлежит думать, что он имеет сердце, напоенное лютым зверством и жестокостию, когда не слышит вопиющего гласа природы: и рабы человеки. А нрав его весьма соответствует испорченному его воспитанию. От такой болезни надлежит прописать рецепт.

64

Г-же Бранюковой

Сия барыня поминутно бранится с друзьями, детьми, слугами и своими девками. Она не может ничего приказать, не побраня. Друзья ее или ветрены, или угрюмы, или очень скупы, или расточительны, дети упрямы, слуги и девки ленивы, воры, пьяницы, моты, картежники; словом, она так бранчива, что ежели не найдет хотя малейшей причины кого-нибудь побранить, то бранит она самое себя. От беспрерывного ворчанья часто бывает она больна разными припадками. Ей потребен рецепт.

65

Миловид думает, что все женщины должны в него влюбляться, и для того непрестанно за всеми волочится. Он и верить тому не хочет, чтобы нашлась такая женщина, которая бы в него не влюбилась. Любовь его бывает недолговременна, ибо он всем собою жертвует и мысленно всех себе приносит в жертву. От сего припадка надлежит ему полечиться.

66

Шестнадцатилетней девушке весьма хочется выйти замуж, ради того, что матушка ее часто журит и не дает воли, отчего часто бывают у нее разные припадки.

67

Глупомысл хочет непременно знатным быть господином, хотя имеет чин и весьма маленькой. Он почитает себя весьма обиженным, ибо, по его мнению, он может быть и фельдмаршалом и министром и сенатором и всем тем, что есть на свете знатно, а в самом деле Глупомысл не что иное, как дурак, и ни к каким делам не годится.

68

РЕЦЕПТЫ

I

Госпоже Непоседовой

Больная должна чаще быть дома и смотреть за своею экономиею. Тогда останется у нее гораздо меньше времени на бесполезные ее выезды, и она не сделает столько вреда и друзьям своим и самой себе, а между тем принимать ей по три порошка в день, составленных из благоразумия и истинной дружбы, которые произведут в ней побуждение ко услуге ближним и истинное дружество, основывающееся на чести и добредетели и нечувствительно вселит отвращение от вредных пересказываний.

II

Для г. Мешкова

Не мог я прописать рецепта по причине многочисленных его припадков. Для его выздоровления непременно надлежит собрать совет:[191] я не могу сказать утвердительно, но кажется мне, будто у него болезнь неизлечимая.

III

Для г. Злорада

Чувствований истинного человечества 3 лота, любви к ближнему 2 золотника и соболезнования к несчастию рабов 3 золотника, положа вместе, истолочь и давать больному в теплой воде, а потом всякой час давать ему нюхать спирт, делающейся из

благоразумия. Если ж и сие не поможет, тогда дать больному принять волшебных капель от 30 и до 40. Сии капли произведут то, что он сам несколько часов будет чувствовать рабское состояние, и после сего он, конечно, излечится.

IV

Госпоже Бранюковой

Всякой день по большому стакану давать пить воды, настоянной с благоразумием. Сие утишит беспрестанное волнение в ее крови и произведет то, что она кропотливостью своею сама будет гнушаться и после того увидит, что люди без погрешностей быть не могут и что иногда оные прощать весьма нужно.

V

Болезнь г. Миловида минуется с летами, если он не старее 30 лет. Буде же старее, то хотя болезнь сия и не опасная, но однако ж неизлечимая.

VI

Девице, желающей выйти замуж, надлежит принять до 30 горьких капель, именуемых брачные узы. По принятии сих капель, конечно, не так скоро захочет она замуж, но пожелает остаться у своей матушки.

VII

Г. Глупомысл желает невозможного и для него вредного. Сие произошло от худых мокрот,[191] усилившихся в нем при его воспитании. Для очищения его от сих мокрот, надлежит ему править благоразумие, так как оно обыкновенно благородным детям прививается в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. Если ж леты его не позволят ему сей прививки сделать, то сия болезнь едва ли излечимая.[192]

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXVIII. НОЯБРЯ 3 ДНЯ

69

СМЕЮЩЕЙСЯ ДЕМОКРИТ[193]

Ба! это тот в изорванном идет лохмотье скупяга, которой во весь свой век собирает деньги и расточает совесть; умирает с го-

лоду и холоду; которой подчиненных ему слуг приучает есть для жизни, то есть сколько потребно для удержания души в теле; которой беззаконным лихоимством везде прославился: которой наложил на себя и на прочую дворовую его скотину пост во весь год; которой зимою по однажды в неделю топит печь во своей лачуге; которой рад продать самого себя за гривну и которой накопил сорок тысяч рублей на то только, чтобы по смерти своей оставить их глупому племяннику, тому семнадцатилетнему сквернавцу, которой скупостию и бессовестным лихоимством превзошел шестидесятилетнего своего дядю, которой сам у себя крадет деньги и берет с самого себя за ту кражу штраф и которой за весь свой век не хочет жениться для того только, чтобы на содержание жены и детей не тратить излишнего дохода. О! они достойны, чтобы над ними посмеяться. Ха! ха! ха!

Кажется, что я вижу ему противоположника. Конечно, это Мот? так, он и есть. О! этот молодец не имеет пороков своего батюшки, но вместо того, заражен другими, не лучше тех. Батюшка его беззаконно собирал деньги, а сей безумно их расточат. Скупой его родитель съедал то в месяц, что бы надлежало в один день скушать; напротив того, Мот то в день съедает, что бы в год ему съесть надлежало; тот хаживал пешком для того только чтоб не тратить денег на корм лошади, а сей держит шесть корет и шесть цугов лошадей, опричь верховых и санных, для того, чтобы не наскучило в одном ездить экипаже. Тот двадцать лет таскал один кафтанишка, а Моту и в один год двадцати пар кажется мало. Короче сказать, отец всякими непозволенными средствами, лихоимством, обидою ближних и раззорением беспомощных собрал себе великие сокровища, а Мот, раззоряя самого себя, других наделяет. Оба они дураки и обеим им посмеюся. Ха! ха! ха! ха!

Вот еще ковалер, достойной смеха. Это Надмен. Он имеет знатной чин, великой достаток и малой ум; ему велено делать людей блаженными, поелику можно, но он и последнее спокойство у них отнимает. Надмен не говорит ни с кем ласково за тем, что не хочет себя до того унизить. Милостей никому не делает, но иногда обещает. Он хочет, чтобы все его искали покровительства, но под оное никого почти не принимает; а ежели бы и вздумалось ему сию милость кому сделать, так тот ничего бы не выиграл, ибо Надмен кого больше

любит, того больше и наказывает. В заключение, Надмен всех глупяе, а думает, что все его глупяе. Как над ним не посмеяться! Ха! ха! ха!

Ба! это г. Влюбчив. Что он так скоро бежит? на лице у него написана радость, он поет и прыгает; конечно, попалась ему новая любовница, он их так переменяет часто, как верхние рубашки, и точно так с ними и поступает, как с рубашками: наденет, любуется, замарает, бросит, велит вымыть, надевает еще и еще бросит, и так далее; сколько женщин, столько у него и любовниц. Впрочем, г. Влюбчив утверждает и всех уверяет, что он самой постоянной любовник нашего века. Он теперь весел, и я ему посмеюся, ха! ха! ха! — Но, полно, он жалок, он скоро будет печален. Ха! ха! ха!

Вот еще дурак, но только другого рода. Это Прост. Кажется, что он очень печален, идет, потупя голову и нахмуря глаза в превеликой задумчивости. Бедняк сей в нашем веке ищет Лукрецию,[194] нигде не находит и о том сходит с ума. Он чрезвычайно влюблен в постоянство романических героинь. Над ним часто смеются, и он иногда бывает очень забавен. Печаль его, конечно, бы Эраклида [195] тронула, и он бы заплакал, но мне хочется смеяться. Ха! ха! ха! ха! ха!

Это кто так прытко скачет? ба! Плох! Он спешит показать свою глупость в каком ни на есть знатном доме. Плох тщеславится тем, что имеет вход к знатным господам, таскается к ним сколько возможно чаще и делает в угодность их разные дурачествы, думая оказать другим свое у них могущество. Вмешивается в их разговоры и, ничего не зная, думает оказать себя разумным; он читает книги, но ничего не понимает, ходит в театр, критикует актеров и, по наслышке затвердя, спорит: этот актер хорош, а этот худ. Знатным господам рассказывает разные небылицы и старается говорить острые слова, но всегда некстати; словом, Плох старается себя уверить, что поступки его разумны, однако ж все думают, что они глупы. Ха! ха! ха!

Ханжа выступает смиренно из церькви, раздает по полушечьке бедным, его окружающим, и считает оные по четкам. Идучи читает молитвы, от женщин свой взор отвращает, обере-

гая свои очи, ибо он говорит, чтобы конечно оба их исткнул, ежели бы они его соблазнили. Ханжа грешит поминутно, но показывает себя праведником, идущим по пути, устланному тернием. Притворные молитвы, набожность и посты не мешают ему раззорять и утеснять, сколько возможно, подобных себе. Ханжа грабил тысячами, а раздает полушками. Такою наружностию он многих обманывает. Молодым людям ежечасно толкует девять блаженств,[196] но сам в шестьдесят лет своей жизни ни одинажды никоторого не успел сделать. Ханжа ходит всегда смиренно и не возводит никогда своих глаз на небо за тем, что не надеется обмануть там живущих, но, смотря в землю, обманывает ее обитателей. Ха! ха! ха!

Вот едет госпожа! она вчерась вышла замуж, а сегодня спешит на свидание с любовником. Ха! ха! ха!

Я вижу двух человек; один другого уверяет в своей дружбе и обманывает, а другой притворяется, будто тому верит и будто он не знает, как тот его поносит. Оба обманывают и оба обманываются. Ха! ха! ха!

Что это за человек бежит в таком отчаянии? А! это Ветрен. Его обманула любовница, и он хочет удавиться. Он жалок... Но вон там идет женщина, она с ним встретилась, и он свое намерение оставляет. На что ж дурачиться? Ха! ха! ха!

Вот г. Кривотолк: он торопится сделать досаду одному бумагомарателю, перетолковав написанное им в худо без малейшего основания. По несчастию, он в силах сие исполнить, но я сему дурачеству посмеюся. Ха! ха! ха! ха! ха! ха!

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXIX. НОЯБРЯ 10 ДНЯ

70

Я вам знаком, однако не скажу теперь, кто таков. Я к вам искренен... Но оставим это и поговорим о другом. Мне известно, что описание происшествий, пороками преисполненных,

и изданное в свет тиснением[197] три в себе имеет пользы: перьвая, таковые описании порочных поступков или сатиры на порочных есть зеркало всем достойным осмеяния лицам; вторая, таких сатир чтение приносит удовольствие добродетельным гражданам, ибо они, видя порочных критикуемых, над оными превозносятся мысленно не пышными титлами и богатством, но добродетельными поступками; третия приносит небольшую, но, однако ж, безгрешную прибыль сочинителям.

Я написал двенадцать пиесок стихами и наименовал каждую из них Быль, и, оные сообщая, хочу вам ими услужить. На перьвой случай я посылаю к вам две Были, и это для того, чтобы узнать ваше о моих трудах мнение. Когда же они примутся благосклонно, то и достальные к вам сообщит

ваш доброжелатель
Азазезь Азазезов.[198]

Октября 20 дня
1769 года.

P. S. Многие говорят: личные сатиры не что иное, как дерзновение и проч..., а того и не вздумают, что всякое происшествие никогда долго не бывает тайно. Сперьва говорят о том друзья, после приятели, а наконец сей слух распространится и ко всем незнакомым. Когда же новые вести из двора во двор переносить словесно не почитается неблагопристойностию, но оные еще всегда со удовольствием слушают, так для чего же их не печатать? Ведь словами рассказывают всегда язвительнее и обыкновенно ко вреду порочного; напротив того, печатные вычищены от всяких грубостей и непристойностей, имя сокрыто, и тут уже дело идет не ко вреду критикуемого, но к его пользе и исправлению, когда же и осмеивается какое-нибудь заблуждение, так и то бывает слегка и к его же наставлению.

У нас до вестей охотников очень много, а переносчиков и того больше. Но надлежит ведать, на какой конец рассказчики, услыша какую новость, о том проповедывают. В знатных домах к сему поощряют: ласкательство, раболепство и желание показать, что все порочняе хозяина, коему рассказывает, а он всех добродетельняе, а в другом доме думают то же о другом, и так далее. В средостепенных же и мелких домах к такому рассказыванью побуждает желание показать остроту своего разума.

Признаюсь, что я очень дерзко сказал о господах рассказчиках, но ты, г. издатель, думаю, за это не осердишься, когда узнаешь, что я человек, удалившейся от городских излишних учтивостей, и, живучи в деревне, говорю о всем прямо и без ла-

скательства. Я ведаю, что многие не любят, когда говорят им правду, но какая нужда льстить им человеку, привыкшему говорить истину! Древние философы суеты сего мира презирали и гнушалися богатством, а нынешние философы презирают тех, кои говорят им правду, и гнушаются бедностию. Истина нага, нет у нее денег, платья сшить не на что, следовательно, и поневоле она по-старинному философствует. Наши философы богатство перьвым почитают достоинством; кто богат, тому кланяются, того почитают, того называют разумным, и тот только имеет благородные чувствовании, а кто беден, тот подл, глуп, груб и проч. Богатство делает все, а бедность ничего.

Я из числа людей, ниоткуда помощи не имеющих, и, прожив на свете тридцать лет, насилу сыскал трех человек, знающих и чувствующих несчастии себе подобных и коих добродеяниями в пользу утесненных нет пределов или лучше сказать: нет сил моих оные по достоинству прославить. Они люди молодые, светские, возвышенные на такой почтенной степень, на коем подобные им бывают горды и затворяют свой слух от стенания бедных и беспомощных человеков, взирают завистливым оком на равных себе, раболепствуют пред знатнейшими себя и пекутся о собственной только пользе. Напротив того, мои благодетели, или, правильнее сказать, благодетели всех бедных и утесненных, снисходительны, ласковы, ставят должностию помогать помощи требующим и о благополучии их так пекутся, как о своем собственном; им подобны во всем госпожа *** и сын ее, коих добродеянии узнал я опытами.

Не подумайте, г. издатель, что сия похвала от ласкательства происходит. Нет, все, благодеяниями их осыпанные и имеющие благодарные сердца, повсеместно то утверждают, а я, искав долго случая показать свету их благодеянии и мою к ним благодарность, наконец нашел и исполнил.

71

БЫЛЬ I

Три жениха

Женихи живут в столице,
А невесты в деревнях;
Нужда сделалась вдовице
Пред постом в последних днях
С дочкой в город прокатиться,
С людьми добрыми спроситься,

Выдать замуж ей дитя.
Мало времени спустя
По приезде их в столицу,
Слух разнесся про девицу,
Что ей надобен жених.
Молодец один явился
И невесте полюбился,
Дело в лад пошло у них.
Нет препятствию тут места,
Жениху мила невеста;
Впрочем, девушка сама
Была сельского ума.
Вид у ней был самый кроткой,
Ни чему не учена,
И прямою новгородкой
Взрощена была она.
Не искал жених изрядства,
И вот что сему виной:
Он лишь только для богатства
Мнил иметь ее женой.
Уже делал он наряды,
Как есть свадебны обряды;
С тещей важно говорил,
А невесту всем дарил.
С ним невеста, веселяся,
В его волю отдалася.
Не боявшися греха,
Быть ввек верною клялася,
Целовала жениха...
Только три дни миновали,
Кои случай подавали
Им приятною судьбой
Веселиться меж собой,
Но другой жених явился
И ей столько ж полюбился.
Разбрелись глаза у ней.
Не прошло еще двух дней,
Жених третей понемножку
Сыскал также к ней дорожку,
Мысль утроилася в ней.
Нет диковинки в сем деле,
И не будет в том греха,
Что в одной у них неделе
Три столкнулись жениха.

Жених всякой к ней ласкался,
Всяк изрядным ей казался.
Обольщен ее стал зрак,
С кем вступить не знала в брак!
В ней замужством кровь кипела,
Но тут масляна приспела,[199]
Должно свадьбу отложить.
С дочкой мать поста в начале
Женихам к большой печале,
Чтоб им головы вскружить
Всех надеждой забавляют,
Сами город оставляют
И в деревню едут жить.
Женихи по сей разлуке
Провождали время в скуке,
Но из всех один жених
Был проворнее других.
Он вступил в село к невесте
Без чинов прямым лицом,
С нареченной тещей вместе
Прохлаждаться стал винцом;
Зная он ее охотку,
Сколь она пить любит водку,
За прохлад наедине
Рада жизнь скончать в вине!
Должно к этому прибавить,
Что ей трудно день пробавить
Без хмельного питейца.
Нрав в ней сделался упрямой,
Что и в праздничной день самой
Прославлять пойдет творца,
Выпив мерочку винца!..
Жених к теще тем подбился.
Что хмельное подпивал,
А невесте полюбился,
Что один все с ней бывал.
Сокращал он теще скуку,
Ослеплял вином ей зрак,
И под пьяную с ней руку
Сделал рядную на брак;
И потом, быв в духе смелом,
Приступая самым делом
Спешно к брачному узлу.
Женихи же те остались,

Потеряв то, чем ласкались,
Случай подан им ко злу!
  Но теперь здесь молвить можно
В честь героя моего,
Что проворен он не ложно,
То увидим из сего,
Многи люди есть приметны,
Что бывают в век бездетны
Из бояр и бедняков.
Сей женатой не таков:
Хоть женился и недавно,
Но уж сделал дело славно
Тем, что полгода спустя,
Родилось ему дитя.
  Пусть то всяк, как хочет судит,
Что не с ним он схож лицом,
Но дитя его ввек будет
Кликать тятей и отцом.

72

БЫЛЬ II

Модная жена

Любя супругу муж избаловал потачкой,
        Хотя и не был трус,
Однако им жена играет как собачкой...
        Страдает муж горячкой.
    Жена о сем ничуть не дует в ус,
Имея с малых лет она в амурах вкус.
    В болезни стонет муж, жена хохочет,
        Вдовой быть хочет
И мужу говорит: когда, мой свет, умрешь?
Что ж должно бы на то сказать? жена, ты врешь!
А муж ответствовал, хотя жену исправить:
Желаю я и сам давно сей свет оставить,
Когда лишь тем могу покой тебе восставить.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXX. НОЯБРЯ 17 ДНЯ

73

Копия с другой отписки

Государю Григорью Сидоровичу!

Бьет челом и плачется сирота твой Филатка.

По указу твоему господскому, я, сирота твой, на сходе высечен, и клети мои проданы за бесценок, также и корова, а деньги взяты в оброк, и с меня староста правит остальных; только мне взять нигде, остался с четверыми робятишками мал мала меньше и мне, государь, ни их, ни себя кормить нечем. Над робятишками и надо мною сжалился мир, видя нашу бедность, и дал корову, а за меня заплатили подушные деньги, а то бы пришло последнюю шубенку с плеч продать. Нынешним летом хлеба не сеял, да и на будущей земли не пахал, нечем подняться. Робята мои большие и лошади померли, и мне хлеба достать не на чем и не с кем, пришло пойти по миру, буде ты, государь, не сжалишься над моим сиротством. Прикажи, государь, в недоимке меня простить и дать вашу господскую лошадь, хотя бы мне мало по малу исправиться и быть опять твоей милости тяглым крестьянином. За мною, покуда на меня бог и ты, государь, не прогневались, недоимки никогда не бывало, я всегда первой клал в оброк. Нынче пришло на меня невзгодье, и я поневоле сделался твоей милости неплательщиком. Буде твоя милость до меня будет, и ты оботрешь мои сиротские и бедных моих робятишек слезы и дашь исправиться, так я и опять твоей милости буду крестьянин, а как подрастут робятишки, так я и доброй буду тебе слуга. Буде же ты, государь, надо мною не сжалишься, то я, сирота твой, и с малыми моими сиротишками поневоле пойду питаться христовым именем. Помилуй, государь наш, Григорей Сидорович, кому же нам плакаться, как не тебе? Ты у нас, вместо отца, и мы тебе всей душой ради служить. Да как пришло не в мочь, так ты над нами смилуйся; наше дело крестьянское, у кого нам просить милости, как не у тебя. У нас в крестьянстве есть пословица, д о б о г а в ы с о к о, а д о ц а р я д а л е к о, так мы-таки все твоей милости кланяемся. Неужто у твоей милости каменное сердце, что ты над моим сиротством не сжалишься? Помилуй, государь, прикажи мне дать кляченку и от оброка на год уволить, мне без

того никак подняться невозможно, ты сам, родимой, человек умной, и ты сам ведаешь, что как твоя милость без нашей братьи крестьян, так и мы без детей да без лошадей никуда не годимся. Умилосердися, государь, над бедными своими сиротами. О сем просит со слезами крестьянин твой Филатка и земно и с робятишками кланяется.

74

Копия с помещичьего указа [200]

Человеку нашему Семену Григорьеву!

Ехать тебе в **** наши деревни и по приезде исправить следующее:

1

Проезд отсюда до деревень наших и оттуда обратно иметь на счет старосты Андрея Лазарева.

2

Приехав туда, старосту при собрании всех крестьян высечь нещадно за то, что он за крестьянами имел худое смотрение и запускал оброк в недоимку, и после из старост его сменить, а сверьх того взыскать с него штрафу сто рублей.

3

Сыскать в самую истинную правду, как староста и за какие взятки оболгал нас ложным своим докладом? За то прежде всего его высечь, а потом начинать следствием порученное тебе дело.

4

Старосты Андрюшки и крестьянина Панфила Данилова, по коем строста учинил ложной донос, обеих их домы опечатать и определить караул, а их самих отдать под караул в другой дом.

5

Если ж в чем-либо будут они чинить запирательство, то объяви им, что они будут отданы в город для наказания по указам.

6

И как нет сумнения, что староста донос учинил ложной, то за оное перевесть его к нам на житье в село ***; буде же он за дальным расстоянием перевозиться и раззорять себя не похочет, то взыскать с него еще пятьдесят рублей.

7

Сколько пожитков всякого звания осталося после крестьянина Анисима Иванова и получено крестьянином Панфилом Даниловым, то с него, Данилова, взыскать и взять в господской двор, учиня всему тому опись.

8

Крестьян в разделе земли по просьбе их поровнять по твоему благорассуждению, но притом, однако ж, объявить им, что сбавки с них оброку не будет и чтобы они, не делая никаких отговорок, оной платили бездоимочно; неплательщиков же при собрании всех крестьян сечь нещадно.

9

Объявить всем крестьянам, что к будущему размежеванию земель потребно взять выпись, и для того на оное собрать тебе со крестьян, сколько потребно будет на взятье выписи.

10

В начавшийся рекрутской набор с наших деревень рекрута не ставить, ибо здесь за них поставлен в рекруты Гришка Федоров за чиненные им неоднократно пьянствы и воровствы вместо наказания, а со крестьян за поставку того рекрута собрать по два рубли с души.

11

За ложное показание Панфила Данилова и утайку свойства других взять с него, вменяя в штраф, сто рублев и его перевесть к нам в село *** на житье, а когда он просить будет, чтобы полученные им неправильно пожитки оставить у него и его оставить на прежнем жилище, то за оное взыскать с него, опричь штрафных, двести рублев.

12

По просьбе крестьян у Филатки корову оставить, а взыскать за нее деньги с них, а чтобы они и впредь таким ленивцам потачки не делали, то купить Филатке лошадь на мирские деньги, а Филатке объявить, чтобы он впредь пустыми своими челобитными не утруждал и платил бы оброк без всяких отговорок и бездоимочно.

13

Старосту выбрать миром и подтвердить ему, чтобы он о сборе оброчных денег имел неусыпное попечение и неплательщи-

ков бы сек нещадно; буде же какие впредь явятся недоимки, то оное взыскано будет все со старосты.

14

За грибы, ягоды и проч. взять с крестьян деньгами.

15

Выбрать шесть человек из молодых крестьян и привесть с собою для обучения разным мастерствам.

16

По исправлении всего вышеписанного ехать тебе обратно, а старосте накрепко приказать неусыпное иметь попечение о сборе оброчных денег.

N. B.*** 201

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXXI. НОЯБРЯ 24 ДНЯ

75

Г. издатель!

Г. Спорщик, мой приятель, недомогает странным припадком; пожалуйте, пропишите ему рецепт. Болезнь его следующая: он от природы весьма слабого сложения, но повреждает свое здоровье еще больше беспрестанным смехом и спорами. Во всю свою жизнь он только два имеет упражнения: спорит, часто и сам не ведая о чем, и беспрестанно смеется. Многие на него за то серживались, а иногда дело доходило до того, что и бить его хотели, но, однако ж, не ведаю для чего, всегда ему прощали. Ежели не удастся ему кого переспорить, тогда тотчас повернется прочь на каблуках и скажет: это дурачество. Вот его болезнь; постарайтеся, г. издатель, его от оной вылечить, вы тем одолжите человека благодарного и

Вашего слугу Ф. А.

76

Для г. Спорщика

Рецепт

Для унятия беспрестанного смеха больному давать нюхать спирт, делаемый из благоразумия и здравого рас-

суждения, и употреблять оное, сколько возможно чаще. Сие прочистит его мозг и, следовательно, даст распространиться стесненному его рассудку, после чего смеяться будет он, когда потребно. Для утоления же охоты ко спорам давать ему в холодном чаю по 30 горьких капель в день. Капли сии именуются истинное о вещах понятие. Сие нечувствительно охоту ко спорам уменьшит, и больной выздоровеет.

77

Г. издатель!

Вчерась я был в гостях у одной госпожи; там нашел я премножество гостей обоего пола, а между прочими были две гостьи, кои наиболее притягивали мое удивление. Одну назову я Прелестою, а другую Нелепою. Перьвая одарена душевными и телесными дарованиями весьма изобильно; лицо у нее весьма приятное, голос и телодвижении трогающие, а поступки ее заставляли всех оказывать ей почтение. Она разумна и скромна, короче сказать, я в ней видел совершенную девицу. Другая была ее противуположница. Представьте себе одну из тех женщин, кои называются кокетками и кои хотят тем нравиться, что производят в беспристрастных людях к ним отвращение. Это будет точное изображение Нелепы. Сия женщина хотя и не имела лица отвратительного, но точно такие имела поступки. Она кривлялась и жеманилась разными манерами, о всем спорила, кричала и хохотала изо всей силы. Все ее усмешки, на мужчин страстные взгляды, разговоры, телодвижении, — словом, все это было некстати и ей несвойственно. Она атаковала попеременно то того, что другого мужчину и думала их прельщать, но вместо того многие ей смеялись. В заключение должно прибавить, что разум у ней из плохих и она, когда ни зачинала говорить, ясно показывала свое невежество.

Вот, г. издатель, два одного рода сотворения, оба заставляющие удивляться природе: перьвое, что так хорошо сотворено, а другое, на что сотворено.

Прелеста разумом и тихими поступками заставляла всех там бывших чувствовать и оказывать ей почтение, а Нелепа невежеством и кокетством ежели не во всех, так, по крайней мере, во мне одном произвела отвращение. Надобно сказать, что были там и такие гости, коим Нелепа нравилась, но почтение, от них ей оказываемое, не может быть долговременно. Наконец, прошу вас, г. издатель, посоветуйте всем нашим девицам сле-

довать примеру Прелесты, и чтобы они всячески остерегались поступок Нелепы; тогда они прекрасный пол учинят достойным обожания.

Слуга ваш
Правомысл.

Москва,
1769 года, ноября 1 дня.

78

БЫЛЬ III

Муж и жена

Охотник в карты муж играть,
Над картами потеет,
От карт не богатеет,
Скудеет.
Охотница жена с любови дань сбирать,
Сбирая дань потеет,
Трудом сим не скудеет,
Трудом сим богатеет.
Супругу муж свою подозревал,
Увещевал
Сие отринуть дело.
Жена ему на то сказала смело:
Теперь я зрю сама,
Что нет в тебе ума.
Когда б не я пеклась о нашей денег трате,
Так был бы уж давно ты, муж мой, в магистрате.[202]

79

Г. издатель!

Скажите мне, хорошо ли я провожу свое время, а оно проходит у меня во следующем: встаю я поутру иногда рано, иногда поздо, но это все равно, за тем, что я ничего не делаю, а разве что-нибудь от скуки поговорю с тем, кто у меня случится. После того одеваюсь и хожу со двора обедать, где, посидев немного, ежели покажется мне скучно, уезжаю в другое место. После обеда иногда играю в карты, но как мне и это наскучило, за тем, что всегда проигрываю, то и в карты играть перестаю. Говорят, что будто я оттого всегда и проигрываю, что не знаю ни одной обстоятельно игры и что надобно этому учиться, а учиться не могу: мне это будет очень скучно. После карт доходит дело до ужины,[203] и я, отужинавши, прихожу домой и

ложуся спать. Я позабыл вас уведомить, что я по утрам смотрю толкование снов, и которой день для меня означится счастлив или несчастлив, по тому я свои поступки и располагаю. Впрочем, книг я никаких не читаю за тем, что тетушка моя мне сказала, что в светских книгах много ереси.

Вот все мое препровождение времени. Оно весьма скучно, да что ж делать, я это сношу великодушно. Я хотел было вас еще кое о чем уведомить, но мне и это показалося уже очень скучно, итак последнее вам скажу слово: прости.

80

Г. издатель!

За что вы на нас прогневались,[204] что целые четыре недели не видали мы ни одного листа. Если вы на кого осердились, так чем же виноваты мы прочие и за что нас беспричинно лишать удовольствия читать ваши листы. Пожалуйте, прервите ваше молчание и начните попрежнему свой журнал издавать, вы многим сделаете удовольствие, а особливо мне

г. издателя покорный слуга,
Беспристрастный читатель.

Г. Беспристрастный читатель, признаюсь, что я пред вами неправ и слова своего, чтобы всякую неделю издавать листы, не сдержал, но я не совсем в том виноват. Я бы охотно сообщил вам причины, меня к тому принудившие, но для избежания хлопот я о том умалчиваю; во удовольствие ваше листы попрежнему издаются; впрочем, для меня весьма лестно слышать, что беспристрастному читателю мое издание угодно и приносит удовольствие.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXXII. ДЕКАБРЯ 1 ДНЯ

81

РАЗГОВОР

Я и Трутень[205]

Я

Г. Трутень! пожалуй, скажи, с каким намерением издаешь ты свой журнал?

Трутень

С тем, чтобы принести пользу и увеселение моим согражданам.

Я

Очень хорошо, намерение препохвальное. Но ты какой от того ожидаешь пользы?

Трутень

Польза будет велика, если только я заслужу внимание и похвалу разумных и беспристрастных читателей и благоволение знатных господ и покровительство.

Я

Первое отчасти исполняется; что ж надлежит до последнего, то не думаю, чтобы ты имел в том успех. Ведаешь ли, полно, ты, друг мой, кто и чем заслуживают благоволение знатных господ и покровительство?

Трутень

Конечно, ведаю: те, кои говорят им правду, показывают их слабости и нечаянные проступки и от оных их остерегают. Наконец, все те, которые приносят пользу отечеству, всегда заслуживают их покровительство и защищение.

Я

Худо же ты их знаешь. Напротив твоего мнения, покровительство некоторых господ заслуживают только те, кои им угождают, каким бы то ни было средством, позволенным или непозволенным; защищение — те, которые льстят их слабостям, выхваляют бесстыдно во глаза тех, коих внутренно почитают скотами; тех, кои прославляют их добродетели, милосердие, кротость, или кто к чему пристрастен, удивляются стройности их тела хвалят телодвижении и, словом, те, кои других бесстыдняе, а говорящие им истину и показывающие их слабости всегда бывают ненавидимы и обыкновенно слывут невежами, грубиянами и злонравными людьми. Теперь рассуждай, что тебе надобно писать, когда хочешь заслужить их покровительство.

Трутень

Так, по твоему мнению, в знатных господах нет ни единого добродетельного человека?

Я

Есть, только мало таких, которые помнят истину, любят добродетель и не позабывают, что они такие же человеки, как и те, кои их бедняе, и что они в знатные возводятся достоинства для того только, чтобы больше могли делать благодеянии человечеству, помогать бедным и защищать утесняемых, а таких и очень мало, кои могут остерегаться ядотворного языка льстецов.

Трутень

Да ведь и знатные господа такие же, как и мы, человеки и, следовательно, тем же подвержены слабостям. Так как же ты хочешь, чтобы они не делали ни малейших погрешностей; дорога, по коей они идут, гораздо скольщае нашей и, следовательно, чаще и претыкаются. По твоему мнению, знатной господин должен быть больше человека.

Я

Нет; я хочу, чтобы он был только человек, но человек, поелику отличен от прочих знатностию своего сана, потолику бы отличался и добродетелию, чтобы, восходя на степень знатности, не позабывал, что те бедные, от коих он отличен, осталися еще такими ж бедными и что они требуют его помощи, так же как и он сам требовал, в подобном находясь состоянии; чтобы не затворял своего слуха от просьбы бедных и тем не скучал, что он может делать добро; чтобы старался о благосостоянии государства больше, нежели о самом себе, и чтобы не откладывал того до завтра, что ныне может сделать, ради того, что нужда времени не терпит.

Трутень

Очень хорошо; ты хочешь, чтобы они пеклися о благосостоянии других, лишаяся своего, чтобы, других покоя, сами беспокоилися, короче сказать, памятуя других, себя позабывали; на таком основании, кто пожелал бы знатного достоинства? Сие бы преимущество лишало выгод жить для себя, и какая бы польза тогда была в знатном чине?

Я

Та, что они утешаться могут тем, что они возведены на такой степень, что могут делать другим добро, чем малочиновные и бедные люди утешаться не могут. Не малая ли это отличность, что он признан добродетельнейшим многих подобных ему

человеков и могущим делать добро. Вот что прямо добродетельного человека утешать может.

Трутень

Так неужели думаешь ты, что все знатные господа похожи на описанных тобою? Ежели ты так думаешь, так очень много ошибаешься. Посмотри на О..., П..., Н..., С..., В..., Ш..., Б..., В.. [206] Не считая прочих добродетельных господ. сии одни должны обратить тебя на другие мысли...

Я

Я не спорю, что сии господа, тобою наименованные, столько добродетельны, как ты сказываешь, но для чего не именуешь ты мне тех, кои, восходя на степень знатности, совсем забывают человечество; бывают горды, неправосудны, завистливы, пристрастны и множество других приобретают пороков вкупе со знатностию.

Трутень

Да разве малочиновные и бедные не имеют тех же пороков? Перестань, мой друг, винить одних знатных; все люди слабостям подвержены, но розница между ими та, что в бедных людях не так их проступки приметны, за тем, что знатной господин, на вышнем стоя степене, привлекает на себя всех внимание и от такого великого числа судей его поступок не может укрыться. Надеешься ли ты, ежели будешь знатным господином, ты, которой в нынешнем твоем состоянии почитаешься добродетельным человеком, не иметь пороков, тобою ныне ненавидимых...

Я

Я не хочу и боюсь желать знатного чина для того, чтобы не лишиться спокойствия и человечества, коим ныне наслаждаюсь.

Трутень

Ты видишь, что я прав, утверждая, что во всяком звании есть много людей и добродетельных и порочных; итак, перьвые заслуживают по справедливости похвалу, а другие критику; что исполняя,[207] не думаю, чтобы мое издание никому не нравилось и чтобы все меня за то злословили.

Я

Однако ж многие тебя злословят и говорят, что ты злонравной человек, что ты никого не щадишь и что в твоем издании, кроме ругательства, ничего нет.

Трутень

На весь свет и сама не угодит природа; так можно ли мне надеяться, чтобы мое издание всем нравилось, довольно и того, что оно некоторым нравится. Нет ничего, что бы не было подвержено критике. Пусть критикуют, однако ж бы не ругали. Если ж и к тому найдутся охотники, так я и за то сердиться не буду.

Я

Тебя бранят только те, кои сами заслуживают брань, и ты сего опасаться не должен. Впрочем, мне бы хотелося с тобою поговорить о другом, но теперь не могу долее с тобою пробыть.

Трутень

Мне и самому досадно, что разговор наш не тем кончится, чем бы я хотел.

Я

В другой раз мы с тобою поговорим побольше, а теперь прощай.

Трутень

Прости.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXXIII. ДЕКАБРЯ 8 ДНЯ

82

СМЕЮЩЕЙСЯ ДЕМОКРИТ

Нарцис, влюбяся во свою красоту, не перестает сам себе нравиться и не отходит прочь от зеркала. По его мнению, все мужчины, не удивляющиеся его прелестям, смертельно согрешают, а женщины, кои в него не влюбляются, суть без ума. Он недавно из-перед туалета, за которым просидел целой день, завивая волосы, притирая лицо, чистя зубы, румяня губы, подмазывая брови и проч.; прелестные его волосы имеет счастие чесать новомодной французской парикмахер и за то получает по 30 рублей в месяц. Исправной сей француз ставит ему разных

сортов пудру и помады, за что награждается весьма щедро; при чесании за ту же цену уверяет Н а р ц и с а, что он подобных его волосам ни во Франции, ни в России не видывал. Н а р ц и с для умножения своих прелестей не щадит ни притираньев, ни душистых вод.[208] И теперь, одевшись, прикалывает весьма искусно сделанной пучек цветов и едет на бал. Я следую за ним же и вижу его там. Он с мужчинами разговаривает весьма гордо, поминутно смотрится в зеркало и поправляет свои цветы. Говорит только о своих над прекрасным полом победах и не может пробыть ни минуты в той комнате, где по малой мере нет трех зеркал. Н а р ц и с обыкновенно садится так, чтобы он во всех зеркалах себя мог видеть, и часто, забывшись, кидает на себя в зеркале страстные взгляды и воздыхает. Старается иногда острые говорить слова, но в 23 года его жизни не сказал еще ни одного, за тем, что ему всегда мешают. Н а р ц и с из всех душевных добродетелей прославляет свою щедрость, и подлинно она чрезмерна потому, что он красоту свою всем городским жителям показывает безденежно и через то их не разоряет. Словом, Н а р ц и с на своей красоте сходит с ума, тем ему все смеются, и я ему посмеюся. Ха! ха! ха! ха!

———

Посмотрите на этого негодяя; это судья З а б ы л ч е с т ь. Он, не взирая на строгость указа о лихоимстве, со всех челобитчиков не только сам под разными видами, но и подчиненных ему своим примером взятки брать поощряет. Он выдумал, по его мнению, безгрешной способ брать взятки, а именно: чтобы те дела вершить по прошествии двух часов пополудни, ибо, де, говорит он, жалованье государево получаю я за то, чтобы быть в присутствии только до двух часов, а когда, де, пробуду я и третей час, тогда это сделаю не по указу, но по дружбе с челобитчиком, а тот по дружбе за то подарит. Какие же это взятки? Это, говорит он, подарки. Теперь подписывает он за 200 рублей определение о выдаче одному челобитчику 2000 рублей, законно ему принадлежащих, и сам себя уверяет, что это безгрешно и против законов и против совести, п о н е ж е[209] скоро будет бить три часа; какое скаредное крючкотворство! Ха! ха! ха!

———

Вот еще люди, достойные осмеяния; двое из них судьи, а третей секретарь. Во всех присутственных местах обыкновенно

секретари делают то, что приказывают им судьи, а здесь то делают судьи, что приказывает секретарь. Один судья не противоречит ему для того, что ни в какие не входит дела, а подписывает все те определении, кои секретарь пометит, другой, напротив того, хотя и не подписывает дел, не читавши, но за сию осторожность взятки с секретарем делит пополам и для избежания в таком случае хлопот, так же, как и первый, ему никогда не противоречит. Здесь судьи — худые секретари, а секретарь был бы хорошей судья, если бы не расточил свою совесть. По таким обстоятельствам, если челобитчик захочет, чтобы его дело было решено, то непременно должен прежде на свою сторону склонить секретаря, в противном же случае дело его не решится. Ха! ха! ха! ха!

Я вижу в театре двух в ложе дам. Они сидят спокойно и ожидают начатия комедии. Спокойствие их нарушается, к ним вступает изрядно одетой мужчина, и они все, увидев друг друга, приходят в замешательство. Кавалер сей один из числа тех ветреных мужчин, которые влюбляться во многих женщин и их обманывать не только почитают за ничто, но и находят еще в том удовольствие. Бедняк сей не ожидал, чтобы две его любовницы, которых он ложными клятвами и притворным постоянством обманывал порознь, случилися тут обе вместе. Он надеялся тут найти одну и с нею поговорить, а после хотел побывать и у другой, но, увидя их вместе, пришел в такое замешательство, что не знал, с которою начать разговор. Смелость его и обыкновенная таким мужчинам живость, предками нашими наглостию называемая, его оставили. Бледнеет, краснеет и, кажется, будто уже и раскаивается. Госпожи совместницы [210] тотчас сие приметили и, каждая скрывая свою досаду, принялися над господином волокитою шутить. Язвительные их насмешки усугубляют его замешательство. Сие зрелище достойно, чтобы все ветреные мужчины на оное взирали и остерегалися подобных приключений. Обезмолвленной волокита собирает свои силы, начинает перед госпожами извиняться. Но что сии извинении возмогут сделать! Обиженная таким образом любовница лишь в пущую запальчивость приходит. Волокита при сем извинении одной любовнице больше оказывает почтения и, кажется, будто пред нею больше хочет оправдаться. Сугубо обиженная любовница воспламеняется ревнивостию, видя совместницу свою, себе предпочитаемую, близ себя. Она обращает острой свой язык не

на изменившего ей любовника, но на свою совместницу, торжествовать начинающую. Осыпает ее язвительными насмешками. Вдруг возгорается война. Любовницы досадою, ревнивостию и злобою воспламеняются. Не древние на брань ополчаются амазонки, храбростию своею греков устрашавшие. Не смертоносные из колчанов своих извлекают стрелы. Две любовницы, женщины нашего века, выдергивает из шиньонов[211] своих длинные булавки и мгновенно ими друг друга поражают. Обе поединщицы приходят во исступление, злоба паче возгорается, удары повторяются, и любовник от места удаляется. Храбрые наши героини, переколов друг другу и руки и бока и истощив свои силы, не победя соперницу, удивляются своей крепости. Стыд, что все на них свои обратили взоры, заступает место злобы и на лице их показывается. Они встают со своих мест и удаляются, а я во след им посмеюся. Ха! ха! ха!

Что за человек с таким вниз по лестнице бежит стремлением? А! это любовник, удаляющейся от места сражения его любовниц. Он приходит в партер и становится к другой стороне от той, где были его любовницы. Он раскаивается во своем поступке и подает надежду, что он исправится и будет постоянняе. Он опасается, чтобы его не приметили. Наконец, спокойствие к нему возвращается, но он и тогда взор свой на другую сторону обращает. С ним встречается взор девицы лет осмнадцати. Она прекрасна, и любовник наш видел ее один раз и с нею говорил. Они друг друга узнают и начинают разговор. Волокита, избавясь от одной опасности, вдается в другую; он в красавицу влюбляется и помалу страсть свою ей открывает. Она не хочет слушать, он клянется и, наконец, доводит до того, что она его выслушала, она принимает на себя веселой вид и, улыбаяся, хочет ему ответствовать. Волокита восхищается мечтою, самолюбие ему льстит, он уже почитает себя счастливейшим из смертных, но девица ему ответствует: хоть три дни, сударь, посвяти памяти оставленных и обиженных тобою любовниц, а потом открывайтесь другой, а не мне, ибо я, быв очевидным свидетелем вашего постоянства, верить не могу. Ищите женщину меня легковерняе. Она начинает смеяться, и волокита удаляется, неся с собою образец ветреных любовников. Ха! ха! ха!

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXXIV. ДЕКАБРЯ 15 ДНЯ

83

СУДЬБА

О смертный! бесплодно стараешься изыскивать тот способ, коим бог управляет светом. Вечно ты, коль бы много не силился, не постигнешь своим разумом, имеющим пределы, как премудрое божество устроивает дела человеков. Ты при всех обращающихся в свете делах минувшего, ни последующего не видишь. Следственно, суетно домогаешься знать, для чего сие так, а не инако произошло? Бог правосуд в своих положениях, коих ты никогда не уведаешь. Если желаешь ведать причины судеб смертных, довлеет быть тебе богом. Взирай лучше благоговейно правлению тому, которого ты причины знать тщишься. Научайся из представленного тебе здесь примера, которой доказывает, что в свете ничего не делается случайно.

Некогда один из праведных мужей, стоя на горе пред богом, просил об откровении ему вечного совета, определяющего жребий человеков. Услышал он голос, повелевающий ему смотреть на подгорную плоскость, где увидел воина, едущего верьхом к текущему там источнику, из коего он напившись, продолжал свой путь. Едва лишь уехал, мальчик, прибежав от стада к сему ж ручью, нашел потерянной кошелек с деньгами, которой он взяв, побежал к стаду. Потом к сему ж источнику при помощи своего костыля приполз весьма дряхлый старик, которой, напившись воды, сел отдыхать. Дрожащая его голова принудила его лечь на приятную зелень, на коей он, при журчании вод покоясь, забывал тягость глубокой своей старости. Как только засыпать он начал, то помянутый воин, возвратясь, требовал от него потерянного своего кошелька с деньгами. Старик со слезами клялся, что не находил никакого кошелька. Воин грозил ему смертию, если не отдаст требуемых денег. Наконец солдат, разгорячась, заколол невинного старика до смерьти.

Праведный муж, смотря на такое позорище, пал от жалости на землю, но вдруг услышал глас: Теперь познавай божеское правосудие, исследывающее деяния человеков. В крови утопающий сей старик убил некогда злодейски отца того мальчика, которой нашел здесь кошелек с деньгами.

Перевел И. М.[212]

84

Г. издатель!

Вчерась я, по обыкновению моему,[213] пришел в трактир обедать. За столом сидели мы только чегверо, я с моим приятелем и двое агличан, и все разговаривали, о чем кто хотел. Агличане о политических делах, а я с приятелем говорил о городских новостях, а между тем ели. В половину обеда вошли в нашу комнату два человека, один одет так, как обыкновенно городские купцы одеваются, а другой чисто, но однако ж приметить было можно, что сей человек из приказного рода. Купец подошел к трактирщику и спрашивал у него, что он возьмет за обед, чтобы накормить хорошенько восемь человек? Трактирщик спросил у него, кто будет обедать. Приказной служитель, не дав выговорить купцу, сказал, у его милости завтре здесь обедать будет Правосудие. Он вознамерился его потрактовать,[214] понеже дело его имеет быть вскорости предложено к слушанию, того ради и подлежит помянутое Правосудие трактовать весьма богато, а я, г. трактирщик, вас его милости рекомендовал. Трактирщик сказал, что с других бы он взял и больше, но когда будет у него кушать только Правосудие, то он возмет по два рубли с человека, опричь напитков. Купец пришел во изумление и спрашивал, сколько же надобно напитков, чтобы Правосудие совершенно употчивать? Трактирщик отвечал, что он наперед этого сказать не может, но что по окончании стола подаст ему самой верной счет. Купец спрашивал после цену вин и больше двух часов торговался, наконец, хотя и воздыхаючи, однако ж отдал двадцать рублей в задаток и приказал приготовить хорошей обед. Мы приметили, что купец отдавал деньги с великим сожалением, и из того заключали, что он сие делает по нужде. По выходе их трактирщик и мы на счет их посмеялися довольно. Приятель мой и я весьма любопытны были видеть заказанной для Правосудия обед, и мы уговорились притти туда на другой день. Сегодня в 12 часов пошли мы в тот трактир, мы хотели обедать в одной комнате, но трактирщик нам униженно доносил, что сего ему никак сделать невозможно, но он во удовольствие наше назначил нам побочную комнату, из которой мы все видеть и разговоры званых гостей слышать могли. Купец бедной суетился и бегал, чтобы поскоряе все было приготовлено и как возможно получше, но, однако ж, как возможно и подешевле. Как скоро стол был накрыт, то купец вышел на крыльцо и почти целые два часа стоял на часах, ожидая прибытия своих гостей. Мы также ожидали их с нетерпеливостию, ибо мне хотелось узнать,

в каком виде придет Правосудие на купецкой обед. Наконец, купец почти без памяти вбежал в назначенную для приему его гостей комнату и спрашивал, все ли готово, гости изволят ехать, и опрометью побежал встречать. Мы оба с приятелем устремили свой взор туда, откуда должно итти Правосудие. Наконец, оно показалось нам, но в каком же виде? в виде нескольких секретарей и прочих приказных служителей. У сего Правосудия глаза не были завязаны,[215] они ими смотрели на стол, для них приготовленной, по нескольких обнадеживаниях, что купецкое дело решено будет скоро. Сели они за стол, и я увидел, что Правосудие кушало изрядно. Один из них из поставленной перед него бутылки налил рюмку и только что хотел пить, как почувствовал, что Правосудие тем оскорбляется, когда трактирщик, вместо бургонского, поставил ординарное вино. Купец, услыша сие, с крайним огорчением переменил ординарное на бургонское и тем удовлетворил Правосудие. После начали пить здоровьи всех гостей шампанским, венгерским и прочими хорошими и дорогими винами, не позабыли тут и скотов Правосудия, их здоровье также пили аглинским пивом. Купец, подавая каждую бутылку, испускал вздох. Наконец, вздумалось им выпить по бокалу благополучного окончания купецкого дела, и встали из-за стола. Тут начали играть на бильярде а лагер.[216] Правосудие положило было с каждой персоны по нескольку империалов своих денег, но случившейся тут приказной крючок тотчас стал тому противоречить и сказал: понеже почтенной сей купец звал обедать на свой кошт, того ради и эта игра должна по Правосудию быть на его кошт, между тем купцу шепнул на ухо, что это самое удобное время. Купец на сие согласился, они начали играть, а между тем почасту пили. Мы, увидя, что Правосудие так хорошо играет, что проиграть никогда не может, и как я страстной охотник до бильярда, то боялся, чтобы и нас не обыграло, и для того из трактира вышел. При выходе нашем приметил я, что Правосудие начинает уже шататься.

Слуга ваш Г. П. Р. Т.

ИЗВЕСТИЕ

Еженедельное сочинение Трутень продолжаться будет и на будущей 1770 год, чего ради чрез сие сообщается; ежели кто пожелает иметь сие сочинение на белой бумаге, то могут получить от переплетчика Веге билеты, заплатя за весь год, на любской бумаге 2 рубл., на александрийской 3 рубл.; раздача сих билетов будет до 25 числа сего месяца, а после того на белой бумаге получать будет невозможно.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXXV ДЕКАБРЯ 22 ДНЯ

85

Каковы мои читатели

Славен под бременем к бессмертию ведущих дел пребывает неутомим, изливает бесчисленные благодеяния на всех ему подчиненных, взирает не на состояние людей, но на заслуги; ему те любезны, кои других добродетельняе. Истина, добродетель и милосердие пребывают с ним неразлучны. Мыслит, как философ, и хочет, чтобы подвластные ему люди наслаждалися блаженством златого века; словом, он хочет, чтобы сии твари были человеки. Делам его удивляется весь свет за тем, что другой, малейшее из многочисленных его великих дел соделав, почел бы себя достойным бессмертия, но он думает, что еще мало сделал для пользы человеков. Редкой дар делать бессмертные дела и думать, что еще мало сделал! Славен кротостию и милосердием все покорил себе сердца, ему надобно только желать, они все сделают, чтоб только ему угодить. Славен между важными делами читает и мои листы, но я не ведаю, что он о них думает: малейшую его похвалу почел бы я стократно больше похвал многих тысяч людей!

Зрелум хвалит хорошие сочинения, но оным не удивляется, ибо дуракам одним свойственно дивиться, а просвещенному Зрелуму и подобным ему разумным людям ничто удивительно быть не может; следовательно, их похвала лестняе всех похвал несмысленных читателей.

Несмысл хвалит Трутня для того, что слышал, как его хвалили в двух или трех домах.

Завистлив хулит мой журнал; сие и не удивительно, ибо он все хулит, окроме своих сочинений.

Безрассуд поносит меня за то, что в моих листах изображено состояние крестьян; ему и хвалить меня нельзя для того, что строгостию своею или, лучше сказать, зверством больше других утесняет ему подчиненных рабов.

Нарцис бранит меня за то, что я написал его портрет, и говорит: Я бы, может быть, его похвалил, если бы он отдал мне ту справедливость, которую я сам себе отдаю.

Зараза разумна, хороша, жива и весела, она читает мои листы и танцует.

Миловида, при пленяющей всех красоте, одарена острым разумом. Она часто смеется описанным в Трутне портретам, и ей он нравится.

Прелесте мои листы нравятся, а особливо те места, кои осмеивают женщин; сие доказывает, что она не делает того, что подвержено критике. Сия похвала лестна.

Перекраса говорит, что Трутень был бы несравненной журнал, если бы не трогал женщин, ибо, говорит она, женские слабости всегда извинительны.

Нелепа хвалит Трутня, а всего ей приятняе то, что он печатан со украшением.

Разумная Постана, читая мои листы, рассуждает здраво и беспристрастно судит; она хвалит то только, что заслуживает похвалу, я сим доволен.

Р о з а читает листок Трутня и говорит с своим любовником, следовательно, читает и не понимает. Ей ни хвалить, ни хулить невозможно.

Н а р ц и с а читает мои листы, но рассуждать о них не имеет времени, ибо все ее мысли наполнены только ее красотою.

В е т р е н хулит мой журнал за тем, что все описания волокит и ветреных любовников берет на свой счет, а женские портреты ставит на счет своих любовниц.

В л ю б ч и в хулит Трутня и говорит, что сей журнал самой вздорной и недостойной чтения. Он и действительно его не читает, а хулит для того только, что две его любовницы бранят сие издание.

Х у д о й с у д ь я многое в Трутне хвалит, но не хвалит того, что написано на худых судей.

С и л е н, сказывают, рассуждает здраво, когда не пьян, но как всякой день винные пары отягчают его голову и затмевают рассудок, то ни хулы, ни похвалы от него вовеки не дождуся.

Ч у ж е м ы с л хвалит и хулит всегда по чужому мнению, со всеми соглашается, а противуречит только тем, о коих несправедливости его другие сильняе уверят. Он часто при чтении восхищается и тотчас, когда другие станут хулить, соглашается, что то худо; следовательно, он сам не чувствует. Ему все люди и все в свете вещи попеременно кажутся и добрыми и злыми. Ч у ж е м ы с л достоин сожаления, потому что лишен рассуждения. Но что ж делать? Родитель, его воспитывая, не положил в него нималого основания к рассуждениям, и он так возрос.

Своенрав иногда меня хвалит, а чаще бранит за тем, что некоторые листы ему не нравятся; одни, говорит он, писаны очень вольно, а другие очень воздержно, словом, он почти всегда находит написанное не так, как бы ему хотелося. Виноват ли я, когда не так, как Своенрав, думаю? Ему не одни мои листы не нравятся, он иногда входит в политические дела и их критикует для того только, что не он их учредил. Своенраву многое не нравится, и он сам также многим не нравится.

Самолюб недального разума, следовательно, и писать хорошо не может. Я ему читал свой журнал, он слушал, и лишь только я окончил, то начал мне рассказывать о своем сочинении; он наполнен о самом себе хорошими мыслями, следовательно, о других ему некогда и думать.

Высокопар наполнен воображением о своей превыспренней учености. Взирает с презрением на всех писателей; по его мнению, он только один достоин всеобщей похвалы и что он давно уже заслужил бессмертную славу. Сие утверждают и все преданные ему животные, давшие клятвенное обещание превозносить до небес его пухлые сочинения. Высокопар хулит Трутня, не бравши в руки ни одного листа. Он со многими сочинениями так поступает, но что о нем и говорить? Его невозможно исправить и вывесть из заблуждений. Он вовеки будет думать, что во всем пространном свете он один здраво рассуждает, имеет высокие мысли и пишет разумно и прекрасно.

Суевер златой век, в коем позволено всем мыслить, называет железным веком и утверждает, что сие означает скорое преставление света.

Лицемер много в моих листах находит хорошего, но жалеет, что напечатаны некоторые сочинения, по его мнению, противу закона и что тем только Трутень и обезображен.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXXVI. ДЕКАБРЯ 29 ДНЯ

86

Каковы мои читатели

Вертопрах читает мои листы, сидя перед туалетом. Он все книги почитает безделицами, не стоящими его внимания; как же ожидать мне, чтобы Трутень казался ему полезною книгою? Однакож Трутень иногда заставлял его смеяться. Он его почитает забавною книгою и для того его и покупает. Вертопрах, повертевши листки в руках и которые заслужат его благоволение, те кладет он на туалет, а прочие употребляет на завивание волос. Если же в котором покажется ему описан знакомого человека портрет, то такие листочки возит он с собою и рассказывает, что это на такого-то написано. Вертопрах сие делает для того, что любит на счет других посмеяться, и для того только и приклепывает, а издатель за сие страдает.

Жидомор утверждает, что Трутень очень хорош и что сия книга самая преполезная, но сожалеет о том, что дорого продается. Жидомор хочет подавать представление, чтобы для пользы народной Трутня раздавали безденежно. Он бы и сам не покупал моих листов, как они ему ни нравятся, если бы не нашел способа весь год читать только за четыре копейки. Жидомор сделал сие таким образом, перьвой лист купил и заплатил деньги, а в другую неделю, прочитав перьвой лист, принес к переплетчику тот лист назад и уверил его, что он ошибкою дал ему тот лист вместо второго, и так далее; сим способом читает все листы и денег не платит.

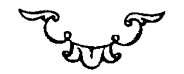
Злорад, читая мои листы, всегда меня ругает за то, что будто я одинажды списал его портрет и напечатал. Злорад сей, человек весьма злобный, не знает человечества, груб, жесток, горд пред своими подчиненными и низок до подлости пред начальниками своими. Он на всех злостию дышет и называет скотами помещиков, кои слуг своих и крестьян не считают скотами, но поступают с ними со всяким милосердием и кротостию, а я назову тех скотами, которые Злорада назовут

человеком, ибо между им и скотом гораздо более сходства, нежели между скотом и крестьянином. По его мнению, и скоты и крестьяне равно сотворены для удовольствования наших страстей. Злорад и теперь еще меня бранить начинает, но пусть он бранит, меня это не трогает, я похвалы его не требую.

Скудоум читает мои листы с великою жадностию и удивляется остроте моего разума. Но что ж ему нравится? То, чего он не понимает или что и мне самому не нравится. Его похвалу я почитаю хулою. Господа читатели, вы знаете, много ли у нас таких благосклонных, как Скудоум, читателей.

Я бы мог еще десять листов наполнить описанием моих читателей, но сие оставляю, а скажу только то, сколько у меня читателей, столько и разных мнений о моем издании. Итак, может ли многим людям, разные вкусы имеющим, угодить один человек? сие оставляю на ваше решение; в дополнение к сему скажу, что целые восемь месяцев слушал я похвалу и хулу весьма беспристрастно. Намерение мое при издании сего журнала было то, чтобы угодить вам, любезные читатели, сколько возможно. Если я в сем успел и сделал хотя некоторому из вас числу угодность, то довольно награжденным себя почту за труд мой. Мое самолюбие не так велико, чтобы сими безделками льстился заслужить бессмертную славу. Нет, я уверен, что сие оставлено к чести нашего века прославившимся в России писателям, г. Сумарокову и по нем г. Ломоносову, их сочинениям потомки наши удивляться будут. Притчи г. Сумарокова, как ныне беспримерны, так и у потомков наших останутся неподражаемыми, а Трутень и прочие подобные же ему безделки ныне есть и впредь останутся безделками ж.

Конец первой части



Опасно наставленье строго,
Где зверства и безумства много.

Прит. г. Сумар.

ТРУТЕНЬ

1770 г.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ДВОРА ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ КАМЕРГЕРУ
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА ОБЕР-ПРОКУРОРУ
И ОРДЕНА СВЯТЫЯ АННЫ КАВАЛЕРУ
ВСЕВОЛОДУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ВСЕВОЛОДСКОМУ,[1]
МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

Милостивый государь!

Принося вашему превосходительству сию книжку, стыжуся и досадую сам на себя, что она так мало вас достойна. Если бы даровании мои равны были моему желанию, то была бы она наилучшая, но они слабы, а велико к вам мое почтение. Оно велико и искренно, однако ж не знатность вашего чина во мне оное производит, но ваши добродетели, ибо знатный господин, не имеющий душевных добродетелей, столько же мал в моих глазах, как и последний гражданин, не имеющий оных. Не чины человека украшают, но добродетели, чины принуждают к наружному, а добродетели вперяют искреннее почтение. Не лесть сию слабую жертву вам посвящает, но искренность: к перьвому ни сердце, ни язык мой неудобны. Итак, принося вашему превосходительству сию книжку, приношу только глубочайшее и искреннее почтение, с которым пребуду навсегда

Милостивый государь!
Вашего превосходительства
всепокорнейшим слугою
издатель Трутня.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ I. ЯНВАРЯ 5 ДНЯ

1

В новой год новое счастие [2]

Присловица старинная, но и поныне у всех на языке. Все счастия ищут, редкие находят, а прочие сетуют. Всякой представляет его себе во особливом виде. Жидомор ищет оного в великом богатстве, Пышен в великолепии, Горд в раболепстве ему подчиненных, Влюбленой во своей любовнице, и проч.: я сообщу моим читателям несколько примеров.

Прост воспитан худо, но природа одарила его изрядным понятием. В юных летах он читал премножество любовных романов и набил ими свою голову. Прост влюблен и думает, что он счастливейший человек из всех смертных, ежели любовница его подобным же горит к нему пламенем. Всякая ласка, приятной взгляд его восхищают; словом, Прост все счастие полагает во своей любовнице. Сие счастие не может быть долговременно, и Прост, конечно, обманывается. Нынешняя любовь весьма далека от любви наших предков. Многие женщины нашего века не почитают преступлением одного любить и шестерых обманывать и говорить, что истинная любовь требует от любовника веры или слепой доверенности, то есть видеть и быть слепу. Модные любовники так и поступают: они притворяются, будто во всем верят своим любовницам, хотя думают совсем противное. Они иногда попущают себя так, как искусные министры, обманывать для того только, чтобы способняе изведывать обстоятельствы. Откуду произошло основание сих правил, я не ведаю, но знаю только то, что от подобных происшествий вошло в обыкновение говорить, что женщины гораздо хитряе мужчин. Я оставляю господам читателям решить, тот ли хитряе, кто думает, что обманывает, и обманывается, или тот, который попущает себя обманывать и обманывает, а только то скажу, что Прост в городе счастлив не будет, пусть ищет он своего счастия в отдаленных от городов обиталищах.

Жидомор произошел от благородной крови, а имеет в себе кровь в тысячу раз подляе всех подлых крестьян, по мнению некоторых. Он был судьею в некотором нажиточном приказе в то время, когда грабительствы и взятки почиталися подарками; следовательно, разоряя многих, нажил он довольное имение и умножил бы оное так, как и стон бедных и беспомощных людей,

еще более, ежели бы сияющая во всю пространную Россию на престоле истина не извергла сего бездельника с места, определенного правосудию; его отрешили от оного, но он еще нашел способ утеснять сограждан своих. Начал беззаконно нажитые им деньги отдавать взаймы и собирать беззаконные проценты, поставляя свое счастие во умножении богатства, несмотря, что он не имеет ближных наследников и что сам он не проживает ни десятой доли получаемых ежегодно процентов. Словом, ежедневно прилагая беззаконие к беззаконию, часто жалуется на правление за то, что запрещено брать проценты выше указных. Жидомор счастие нашел, но беззаконно; следовательно, всякой честной человек оному завидовать не будет.

Пышен имеет великое богатство, но употребляет его весьма худо. Вместо вспоможения бедным и других християнских заповедей, требующих исполнения, покупает ежегодно премножество дорогих корет, имеет премножество лошадей, лакеев, экипажей, и проч. Стол ежедневной у него бывает на 40 приборов, а садятся за стол по 15 человек. Пышен всем, что имеет, не доволен, он свое счастие полагает в том, чего иметь не может. Желание непозволенное и невозможное редко исполняется! Пышен для придания себе большей пышности хотел бы иметь богатство всего света. Сего счастия иметь он не может, а я ему желаю, чтобы он научился пользоваться тем, что имеет, он бы, конечно, был счастлив.

Сутяга непозволенными средствами при откупах и подрядах нажил довольное имение. Умирая за копейку, по всякой день умножает свое стяжание, но притом поминутно воздыхает и говорит, что он несчастлив, что детям его останется весьма мало, что он обижен и что все бездельники счастливы, а несчастлив только он один. Сутяга счастлив быть не может за тем, что он, имея счастие в руках, не умеет им пользоваться.

Но можно ли исчислить все желания, всякой желает счастия по своим склонностям. Большая половина того желает, чего никогда получить не могут; они не будут счастливы. Наслаждаются счастием только те, кои довольны тем, что они имеют, желании их ограничены. Они желают того, что нужно к их благоденствию, а не к удовольствованию их прихотей. Надобно желать, чтобы они были удовольствованы, например: Честен получает тысячу рублев годового дохода, проживает 750, а остальные употребляет в пользу бедных. Ежели Честен желает большего стяжания, то желает для того только, чтобы больше мог делати добра другим.

Наконец, следуя обыкновению, пожелаю я моим читателям в новый год счастия.

Вельможам

Будьте любимы вам подчиненными и простым народом. Располагайте свои поступки и дела так, чтобы они почитали вас предстателями в их нуждах и заступниками, а не считали бы вас тиранами, отъемлющими их благоденствие тогда, когда с престола истины щедроты на них реками изливаются. Будьте добродетельны, тогда вы бедных утеснять не помыслите, делайте им добро по должности всем без изъятия, а не по пристрастию и пекитеся о благосостоянии их больше, нежели о своем. Не слушайте льстецов, они, обольщевая вас, пользуются вашими слабостями и силою вашею других утесняют, а утесняемые почитают то ударом руки вашея. Они вам говорят, что вы добродетельны. Лгут; они сами за глаза больше других поносят, сказывают, что все удивляются вашей щедроте, что вы не отказываете в их нуждах, они вас обманывают и называют дураками. Убегайте их, они яд, они желчь, наполняющий горестию сладкую вашу жизнь.

Продолжение в следующем листе.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ II. ЯНВАРЯ 12 ДНЯ

Будьте сами судиями своих поступок, весьте свои дела на весах беспристрастия, вы увидите, сколь они бесстыдны и сколько вы обманываетесь. Вот ваше счастие! Добродетельный человек вашего звания, конечно, назовет себя счастливым, если он сие исполняет, а исполнять вам сие не трудно, ибо бедной человек и то в знатном добродетелию почитает, когда не делает он ему зла.

Средостепенным

Состояние ваше требует, чтобы вы были любимы и знатными людьми и бедными. Вы содержите между высокостепенными и низкостепенными средину; итак, перьвым говорите всегда правду без грубости, показывайте им погрешности их, отдавайте почтение их добродетелям, а не чинам и справедливость их поступкам. Не поносите их за невинные проступки, ибо слабость свойственна человекам. Не льстите им никогда и чрез то не старайтесь входить в их милость, таковое счастие долговременно быть не может. Низкостепенным напоминайте их должности и поощряйте

ко исполнению оных своим примером. Наконец, приуготовляя себя к вышним степеням, приуготовляйте и добродетели, нужные сему состоянию. Весьте свои способности справедливо и потому желайте высших достоинств. Приучайте себя заранее сносить тягость знатной степени. Она блистательна снаружи и потому-то вас прельщает. Будьте искренны и с перьвыми и с последними. Наживайте друзей в настоящем звании, но таких, которые бы и по получении вами знатных достоинств необиновенно всегда говорили вам правду, чтобы они были столько добродетельны, чтобы вы могли от них заимствовать; если же вы не сыщете таких, то не сыщете счастия, хотя и будете на вышнем степене, ибо знатной редко имеет верного друга.

Мещанам

Желаю трудолюбия и праводушия.

Бедным

Добродетелей приличных их состоянию и чтобы знатные их не угнетали; вот их счастие!

Поселянам

Я желаю, чтобы ваши помещики были ваши отцы, а вы их дети. Желаю вам сил телесных, здравия и трудолюбия. Имея сие, вы будете счастливы. А счастие ваше руководствует ко благосостоянию всего государства.

Наконец, пожелаю я и себе в новой год нового счастия. Чего ж я пожелаю? Г. читатель, отгадай. Я желаю, чтобы желание счастия моим согражданам было им угодно, чтобы издание мое принесло пользу и чтобы меня не ругали.

2

Г. издатель!

Покорно прошу напечатать приложенное письмо, вы тем одолжите весьма благодарного человека.

P. S. Надлежит вас уведомить, что я не нашел способа вручить мое письмо к той особе, в которую я влюбился. Если ж вы его напечатаете, то оно, конечно, дойдет до ее рук, ибо я знаю, что она ваши листы читает.

P. S. Я и позабыл было вас уведомить, где я в перьвой раз увидел мою красавицу. В последнюю комедию была она в театре вместе с большею своею сестрою и с одним молодым мужчиною, которой, по моему заключению, или брат ее был, или муж боль-

шей сестры, ибо, по его с ними разговорам, не мог я подумать, чтобы он которой-нибудь из них был любовником. Прелестница моя была тогда так, как и большая сестра, в черном платье. Боже мой! Г. издатель, не могу вам изъяснить, ни вы не можете себе вообразить вдруг столько прелестей, коими любезная моя была преисполнена. Представьте себе девицу лет шестнадцати, у которой лицо... глаза, наполненные огнем... нос, губы, щеки, белизну, румянец... Нет, я не могу изъяснить и описать подробно ее прелести; словом, все, описанное мною, есть слабое начертание ее прелестей. Из сего рассудите, мог ли я быть нечувствительным, видя ее; я вам еще больше скажу. Я сидел в побочной подле ее ложе и слышал ее разговоры... какой это голос! Г. издатель, я вне себя... боюсь, не любовник ли ее, сидевшей с ними мужчина... может быть, она уже любит... Нет.. уверьте ее, г. издатель, что намерении мои честны, что я влюблен в нее до безумия, что от нее зависит сделать меня наиблагополучнейшим или злосчастнейшим человеком... я не знаю ее имя, но она меня вспомнит, когда прочтет мое письмо, я во всю комедию не спускал с нее глаз.

3

Государыня моя!

Увидя вас в театре, почувствовал я прежесточайшую страсть. Нет, сударыня, я в вас смертельно влюбился. Вы тому, конечно, не удивитесь, ибо всех смертных нашего пола участь, увидя вас, влюбляться, вы на то родились, чтобы вас обожали. Но, может быть, из всех я один взял дерзновение о том объявить. Вы меня приметили, я сидел подле вашей ложи. Вы, разговаривая с вашею сестрицею, ненарочно положили руку близ меня... какая это рука, я бы тысячу раз согласился умереть, чтоб только мог ее поцаловать.

Сударыня, я бы желал, чтобы вы ничего не имели, кроме ваших прелестей, я бы, отдав вам сердце мое и руку, поверг к стопам вашим все мое богатство, без вас меня оно отягощать будет; словом, я не могу без вас жить. Соизволение ваше на брак сделает меня наиблагополучнейшим человеком, а презрение лишит меня жизни.

Влюблен.

P. S. Если сие признание заслужит ваше внимание, то постарайтесь, сударыня, в будущую комедию сесть в ту же ложу... Я сего ожидать буду вместе с приговором моей жизни или смерти.

Г. Влюблен. Есть русская пословица: не спрося броду, не суйся в воду. Кажется, она бы должна вас остеречь от вашей ошибки. Вы увидели молодую девушку в театре, в нее влюбились и открываетесь, не сведав прежде, кто она и есть ли у нее отец и мать. Вы объявляете, что ваши намерения честны. — Верю. Но вы не знаете, в своей ли власти ваша любезная и может ли согласиться с вами на брак. Не малая была и та с вашей стороны ошибка, что вы подписали подлинное свое имя, я ее исправил, утаив оное. Вы должны иметь некоторую надежду, если молодой мужчина брат вашей любовницы; если ж нет, то не ручаюсь. В немалое меня удивление привело и то, что вы говорите, будто богатство ваше будет вам в тягость, если не исполнится ваше желание. Я поверил бы сему, когда бы вы сие сказали по прошествии двух месяцев. Что ж принадлежит до описания телесных достоинств вашей красавицы, то сие подтверждает, что вы горячо влюблены. В подобных случаях господа любовники частенько лгут. Но я сожалею, что вы, описывая телесные дарования, ни слова не упомянули о душевных достоинствах. Я бы желал, чтобы и они также были хороши, как перьвые.

Я уверяю девицу ***, что г. Влюблен подлинно влюбился в нее до безумия, письмо его то доказывает. Намерении его честны, и так желал бы я исполнения оных.

4

ИЗВЕСТИЕ

Если кто соблаговолит какие сочинения или переводы поместить в Трутне, те могут присылать оные к переплетчику Веге с подписанием: Г издателю Трутня.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ III. ЯНВАРЯ 19 ДНЯ

5

Г. издатель!

В прошлом годе послала я к вам несколько портретов,[3] вы их напечатали, и я тем была довольна, но не довольна тем, что вы не сказали мне во ответ ни одного слова, хороши ли они или

худы. Молчание в таком случае весьма худой ответ! Я поняла ваше мнение, то есть, что они вам не понравились, и из того заключила, — не прогневайтесь, ежели скажу правду, — что вы не весьма хорошей имеете вкус. В вашем Трутне напечатаны были сочинении и хуже моего. А мое, по чести скажу, почти всеми мужчинами похваляется, или, по меньшей мере, теми, которые знают, что это я писала. Вы тотчас скажете, что они льстят. Может быть, но вы разве не знаете, что нам это приятно? Я наверное скажу, что всякая из нас скоряе осердится, если некстати скажут правду. А когда приятно и умеючи льстят, тогда хотя и скажет: ты мне льстишь, однако ж без сердца. Короче сказать, я на вас сердилась и ужесть как вас и вашего Трутня бранила, называла грубияном, и проч. Не послала бы я к вам и этого письма, если бы не уверил меня один мой знакомой, что вы тою болезнию, которая не только нам, но и многим знатным господам не нравится, заражены с самого младенчества, что с летами вашими она умножалась и что это ваше к неучтивой истине пристрастие происходит оттого, что вы не довольно обращались во свете, что не имели времени разобрать обычаи наших совремянников и, следовательно, следуя обычаям предков, не умеете угождать нам. Услышав это, тотчас перестала на вас сердиться и послала к вам мое письмо и приложенные портреты; напечатайте их и сделайте мне ответ, да не позабудь, г. издатель, что я женьщина, а притом еще и та, которой многие мужчины говорят: Ужесть как мила.

P. S. Мне сказали, что вы хорошо пишете надписи,[4] ежели это правда, так, пожалуйте, потрудитесь под каждым портретом оную написать, я вам за то очень буду благодарна.

6

ПОРТРЕТЫ[5]

I

Мужчина лет тридцати, разумен, учтив и приятен. Говорит красноречиво, умеет хвалить, следовательно, сам он всем нравится, а особливо любим красавицами и знатными господами, да и нельзя не так, он умеет всем говорить приятное. Мужчина этот очень счастлив, довольно богат и имеет хорошей чин, а все это получил разумом. Если не переменит он своего поведения, то надеяться должно, что будет знатным человеком.

*

Надпись[5]

Льстец

***

II

Говорят, что Чистосерд разумен и учен и что он честной человек, но этого никто не примечает, а приметна всем грубость его и неучтивство. Чистосерда почти никто не любит, он многим досаждает, и его часто бранят.

Часто говорит правду

***

III

Девица лет шестнадцати одевается щегольски, во всем имеет хорошей вкус, разумеется, в нарядах; старается быть с мужчинами, часто смотрится в зеркало, женьщин почти всех пересуживает, а мужчин часто хвалит. Книг не любит, но, вместо того, превеликая охотница до больших бесед, театральных позорищ и маскерадов и везде с перьвого взгляда всем нравится.

Красавица

***

IV

Беспрестанно говорит о войне, рассказывает о сражениях, в которых он находился. За всякую безделицу сердится и, разгорячась, тотчас грозит шпагою.

Трус

V

Везде и почти беспрестанно говорит о стихах и всех критикует.

*

Стихотворец

VI

Женьщина лет сорока без мала, хулит всех молодых девушек, говорит, что оне очень ветрены, худо одеваются, вольно обходятся, и проч. Она почти всегда говорит, что она уже старуха и что она часто смеется шалостям молодых людей. Однако ж между тем часто посматривается в зеркало, поправляет свои уборы и, когда молодой мужчина скажет ей, что она еще молода, хороша, приятна, одевается по вкусу и проч., за то она не сердится, но, улыбнувшись, скажет: шутишь.[6] Большую часть своих лет препроводила она в спанье и перед туалетом; следовательно, выключа сие, и в подлинную она еще робенок.

Устарелая кокетка

***

VII

Во всех все видит пороки, а в себе ни одного, всех критикует, сказывает наставлении и по возможности старается исправлять, но сам редко исправляется.

Проповедник и сатирик

***

VIII

Одевается по моде, низко кланяется, говорит ласково и учтиво, часто улыбается, всем обещает, редкому исполняет, в глаза всякого хвалит, а за глаза бранит, проживает больше, нежели получает и всему на свете завидует.

Прид[ворный] господин

***

IX

Молодец, лицом недурен и неглуп, имел веселой нрав и живые поступки, в беседах душою собрания почитался и, словом, во всех между молодыми людьми веселостях был перьвой, но

с некоторого времени совсем переменился: стал задумчив, скучен и иногда не только другим, но и самому себе тягостен бывает. Поступки его не имеют уже прежней живости, но вместо того видна робость и смятение и часто в задумчивости отвечает не то, о чем спрашивают.

Влюблен

N. B. По-дедовски.

***

X

Девица лет осмнадцати, лицом недурна, не глупа, не самолюбива, не своенравна, умеет отдавать справедливости другим и самой себе, охотница до словесных наук, любит рассуждать и, разговаривая с другими, тягости и скуки собою не делает. Ей приятно, когда мужчины отдают ей справедливость, но тотчас рассердится, если приметит, что ей хотели польстить.

N. B. Чуть, чуть было не позабыла я уведомить вас, г. издатель, что сия девица имеет нехудой вкус и одевается изрядно по моде и к лицу.

Надпись

Если не ошибаюсь, так это

ВЫ САМИ

Милостивая государыня, на перьвое ваше письмо не ответствовал по трем причинам. I. По достоинству ваше сочинение похвалить не смел, за тем что я к прелестному полу имею почтение. II. Опасался я его похвалить много за тем, чтобы вы не сочли меня льстецом и III, что я всегда молчу, когда нечего говорить.

На второе ваше письмо ответствую также по трем причинам. I. Сделать вам угодность, исполнив ваше требование. II. Чтобы вы не осердились и не стали меня опять бранить, если бы я не ответствовал, и III сказать, чтобы вы ныне и впредь ожидали похвалы от читателей, а не от меня. Впрочем, за сообщение вашего письма я весьма благодарен. Я бы просил вас сообщить ко мне описание пороков, свойственных вашему полу, но опасаюсь отяготить вашу скромность.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ IV. ЯНВАРЯ 26 ДНЯ

7

Г. издатель!

Кому-то вздумалось всклепать на меня, будто я неблагодарное имею сердце, а я в этом на тебя шлюсь, г. издатель, ты меня не меньше других знаешь. Прошу покорно меня в этом оправдать. — Да как это ты сделаешь? А вот как: напечатай приложенные при сем стишки, они докажут несправедливость людей, меня оклеветать старающихся, и подтвердят, что я есмь

Благодарной.[7]

Г. Благодарной! То, на что вы жалуетесь, есть так обыкновенно, что в таком случае я бы письменно и не пожаловался, надлежит только согласовать свои поступки с правилами честности и добродетели. Оклеветатели на честных людей всегда нападают больше и делают то иногда для своей пользы, а иногда для того только, чтобы поговорить насчет других. Сию язву искоренить трудно! Вы говорите, что я вас знаю, — может быть, но вы подлинного своего имени не подписали, почему я и не мог вас узнать, нижé по тому знаку, что вы Благодарной человек. Я поручусь, что мои друзья все люди честные и благодарные. Сим только счастием по сие время и пользуюсь!

Во удовольствие ваше стихи помещаю, тем паче, что они вас оправдают, как вы уверяете.

8

СТАНСЫ

Врагов[8] прогнать
И град нам их отдать[9]
Благоволившу богу,
А днесь премудра наша мать
Ко подданным своим явила милость многу,[10]
И в самый сей благополучный час
Стал радостный у нас
Повсюду слышен глас,
Судьбина многих обновилась,
Премена в них тогда и вне и внутрь явилась,
Сорадовались им все их друзья;
Сорадовался тож премене двух и я,

Которых почитаю.
Я сил не обретаю
Тогдашнее мое все чувство изъяснить!
Но чтоб не укоснить,
Я свету то вещаю,
Что в сердце ощущаю.

*

Когда прешла сомненья тень
И наступил желанный день,
Я, друга своего зря в счастии толиком,
Что он переступил с степени на степень,[11]
Во удовольствии я был тогда великом.

*

Другого ж видя, я от радости весь млел,
Как освященный он мундир надел.[12]
Приятнейшим его дух чувством наслаждался,
Он жребия себе дождался,
Которым так давно ласкался.

*

Как ни был кто сему безмерно рад,
Но в удовольствии не может с тем сравниться,
Кой первому есть друг, последнему же брат.

*

А я ко всем троим усердием пылая
И искренне желая,
Чтоб долог был их век,
Чтоб дни подобные с собою влек,
А больше то всего, чтоб не поспешно тек,
Дабы могла судьба их счастие исправить
И во избытке их в дни поздные оставить.

9

Г. издатель!

Я сообщаю к вам для напечатания несколько песен, в них нет ни пользы обществу, ни увеселения — это я сам знаю. Однако ж я надеюсь, что вы несколькими страницами пожертвуете для того человека, которой вас о том просит и которой еще тот в себе имеет порок, что он

Нетерпелив.[13]

10

ПЕСНЯ I

На голос:
Достигнувши тобою
Желанья моего.

*

Любовь меня пронзила
Несчастною стрелой,
Всех радостей лишила,
Резруша мой покой.
Всечасно воздыхаю,
Я рвуся и страдаю,
Отрады малой нет,
Мне весь противен свет.

*

Родилась я несчастна
Для нестерпимых бед;
Почто я стала страстна,
Когда надежды нет
Весельем наслаждаться,
Любезным восхищаться,
Его всечасно зреть,
В любви взаимной тлеть?

*

Судьба нас разлучает
И мучит обоих,
Мой вид его смущает,
Он зрит в глазах моих,
Что мучуся всечасно,
И знает, что напрасно
Разженны в нас сердца,
Коль мукам нет конца.

*

Что делать в злобной доле
И чем тоску прервать?
Иль в тягостной неволе
Мне должно жизнь скончать?
Любезной мой мне верен,

Мой жар к нему безмерен,
Но должно нам страдать
И слезы проливать!

11

ПЕСНЯ II

К Д. М.

*

Когда судьба велела
Тебя мне полюбить,
Душа моя хотела
Тобою одною жить,
Тобой одной прельщалась
И тем лишь огорчалась,
Что мне не вечно жить,
Не вечно и любить.

*

Разлука не грозила
Горячности моей,
Ты грудь мою пронзила
Приятностью своей,
Ты сердце услаждала,
Ты нову жизнь давала
И прелести своей,
И нежности моей.

*

И если разлучиться
Мне должно, полюбя,
Пусть все со мной случится,
Покину я тебя,
Расстануся с тобою,
Но дух возьму с собою,
Которой я любя
Похитил у тебя.

*

Тебе свой дух оставлю,
Пусть рок играет мной,
Я сердце мук избавлю,
Прельщаяся тобой.

Ты будешь мной прельщатьс̄я,
Не станем оба рваться,
Ты будешь жити мной,
Я стану жить тобой.

В любовниках желанье
Единое горит,
Приветство и вздыханье
Всю дальность прелетит.
К тебе мой вздох помчится,
С твоим соединится,
Коль сердце чье горит,
На все оно летит.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ V. ФЕВРАЛЯ 2 ДНЯ

12

ПЕСНЯ III

К Д. М.

На голос:

Напрасно лишь стараюсь
Я страсть свою таить.[14]

*

Отчаянье с тоскою
Терзают страстной дух:
Расстанусь я с тобою
И с радостями вдруг.

*

Не будет мне отрады
На свете в жизнь сию:
Твои любезны взгляды
Пронзили грудь мою.

*

Дражайшая, тобою
Навеки я пленен

И в век судьбиной злою
Спокойствия лишен.

*

Ах, можно ль, не вздыхая,
Сказать тебе прости?
Не плача, не страдая,
Не можно то снести.

*

Хоть тяжко разлучиться
Навеки с жизнью сей,
Но тягостней лишиться
Возлюбленной своей.

*

Когда ж мой стон и мука
Угодны злой судьбе,
Свершись скорей, разлука,
Я дух предам тебе.

*

Тебе, моя драгая,
Я сердце посвятил
И, ввек тобой пылая,
Тебе я буду мил.

И ежели я буду
Навек забыт тобой,
Любви не позабуду,
Но в гроб снесу с собой.

*

13

БЫЛЬ IV

Супругу муж любя, желал всегда быть с ней
Во всяко время;
Супруге было то тяжело бремя,
Желала, чтобы к ней
Был муж похолодней;
Любовь его супружня мучит,
Супруг присутствием своим ей скучит.

Она, не видя с ним веселых дней,
Всей силою старалась
На время от себя его поотлучить
И вольность получить,
Чтоб страстную любовь иному облегчить.
Перед мужем притворялась
И так,
И сяк,
Как может вобразить об этом всяк,
И мужу говоря она чистосердечно:
«Я вижу то давно, что болен ты, конечно,
Что всяку ночь, когда ты очень крепко спишь,
Прежестоко храпишь;
Итак, представь себе, что мы подвластны року,
Вообрази, что ты боль чувствуешь жестоку,
Любезной мой супруг и дорогой мой муж!».
А муж хоть был здоров и дюж,
Да сам себе не верит
И думает он так: «жена не лицемерит
И правду говорит»,
Что цвет в лице его не свеж, и сам он зрит;
По слабости своей так точно рассуждает,
Супруге угождает
И боль предупреждает.
Искусного врача велел к себе призвать,
Стал лекарь по рублю на всякой день клевать,
Больного посещая,
Лекарствами его здоровье изнуряя
И сущую ему горячку приключая.
Хоть выдумка сия была и хороша,
Да мало барыша:
Супруга в горе
Прибегла к способу другому вскоре,
Больному начала советы подавать:
«Коль сможешь ты, мой муж, хоть чуть вставать,
То лучше всякой день по разу проезжаться,
А нежель все лежать
И немочь умножать».
Муж должен и сего был правила держаться,
Изволил проезжаться.
Что ж вскрылось, наконец, из случая сего?
А вот идет молва народного здесь гласа,
Что вышла та болезнь наверх главы его,
И сделалась на лбу его прикраса.

14

БЫЛЬ V

Имея девушка с природы чувство нежно,
Стараяся прилежно
Природу раздражать,
Кокеткам подражать,
Их правила держаться,
По моде наряжаться,
Собою же она удобнее пужать,
А нежель заражать.
Продолговатый лик, на коем цвет смугленек,
Немножко лик рябенек,
Немножко рот кривенек,
Немножко ум слабенек,
А вообще сказать прямым словцом,
Чресчур дурна лицом,
И это не привязка.
Не знавшему ее,
Увидя в перьвый раз подумать льзя сие,
Что то на ней надета маска,
А девушка себе такую дурноту
Считает в красоту,
Но рок, колико можно,
Дал ей о том узнать, сколь мненье это ложно;
И вот то было как: тут гость или жених,
Когда бывал у них,
Слуга, которому за оным ездить должно,
Когда узреть ее случай ни находил,
Он глаз своих с нее в то время не сводил,
И как она его взор всякой час встречала,
То не иное в том, как склонность, заключала
И на сие молчала.
Не стало сил ее в незнанье пребывать,
Ей должно было то молчание прервать;
Вернейшей нянюшке всю тайну открывает,
Что сведать от слуги она желает
Причину взглядов всех его,
И для ради сего
Велела
Усердной сей рабе
Привесть его к себе
Под видом дела.
И та минута ей казалася долга,
Котора подождать слугу ей оставалась,

Она в задумчивость вдавалась,
Услужника ль найдет себе или врага?
Предстал пред ней слуга.
Какое вображенье!
Ее стал полон ум
Приятных дум.
Вдруг сердце у нее пришло в движенье,
Не знала, что начать,
А время коротко, нельзя молчать,
И как против себя она ни вооружалась,
Но радость на лице у ней изображалась,
Смущало дух ее присутствие его:
Волненье таково
Она имела,
В ней кровь кипела,
Она робела,
Она хрипела
И обладать собой в то время не умела;
В смятении к слуге простерла речь сию:
«Я позволение, мой друг, тебе даю
Открыть мне мысль свою,
А я тебе божуся,
Что я не рассержуся,
Какую в этом ты утеху находил,
Что часто на меня глаза свои взводил?
Неужто я тебе приятною кажуся?
Ах, я стыжуся!..
Возможно ль, чтоб тебя пленил мой зрак?
Слуга сей был хотя и не дурак,
Да правды он держался,
К тому же испужался,
А больше что в делах амурных был простак;
Ответствовал ей так:
«Сударыня, нельзя пред вами мне таиться,
Я искренне готов открыться,
Исполню ваш приказ,
Что против вашего лица я становился,
Причина та тому, что я всегда дивился,
Сколь в знатных и простых домах, где ни бывал,
Я сколь каких из женщин ни знавал,
Верховых девушек, боярышен, крестьянок,
Грузинок, персианок,
Но с роду не видал по самой этот раз
Нигде дурняе вас».

15

ИЗВЕСТИЕ

Сухопутного шляхетного кадетского корпуса у переплетчика Тидцелиуса продается новонапечатанная книга под заглавием Иосиф, поэма, сочиненная г. Битобе,[15] каждый экземпляр 1 рубль двадцать пять копеек.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ VI. ФЕВРАЛЯ 9 ДНЯ

16

Г. издатель!

Не поверишь, радость,[16, 17] в какой ты у нас моде. Ужесть как[17] все тебя хвалят и все тобою довольны. Я сама много раз от московских наших щеголих слыхала, что тебе пред всеми дают преимущество, а я твоего Трутня ни на какие книги не променяю. После покойного старичка, моего батюшки, досталось мне книг очень много, только, по чести,[17] я ни одной не беру в руки. Божусь тебе, что, принявшись за одну, провоняла было сухою моралью; об заклад бьюсь, что ты не отгадаешь, какие это книги? — всё Феофаны[18] да Кантемиры, Телемаки,[19] Роллени,[20] Летописцы[21] и всякой эдакой вздор. Честью клянусь, что я, читая их, ни слова не разумела. Один раз развернула Феофана и хотела читать, но не было мочи; не поверишь, радость, какая сделалась теснота в голове,* а что надлежит для твоего Трутня, то, по чести, я никогда не устаю его читая, ужесть как хорош! Теперь я все сказала, что надлежало до тебя, выслушай же, радость, и мою просьбу.

Батюшка покойник, скончавшись третьего года, избавил меня от ужасных хлопот и беспокойства. Ты удивишься, как я тебе скажу: у вас в Петербурге и в голову никому это не входило. Послушай, да не засмейся, уморишь,[17] радость! я принуждена была смотреть за курами — ты хохочешь, потерпи пожалуй. — За курами, за гусями и деревенскими бабами — ха! ха! ха! Рассуди, радость, сносно ли благородной дворянке смотреть за эдакою подлостью. Я не к тому рождена, но

---

* Модное слово.

батюшка мой, покойной старичок, все-таки на своем поставил. Он воспитал меня так худо, как хуже трудно и придумать. Я знала только, как и когда хлеб сеют, когда садят капусту, огурцы, свеклу, горох, бобы и все то, что нужно знать дураку приказчику. — Ужасное знание, а того, что делает нашу сестру совершенною, я не знала. По смерьти батюшкиной приехала в Москву и увидела, что я была совершенная дура. Я не умела ни танцовать, ни одеваться и совсем не знала, что такое м о д а. Вот до какой глупости отцы, подобные моему, детей своих доводят! Поверишь ли, г. издатель, мне стыдно тебе признаться: я так была глупа, что по приезде только моем в Москву узнала, что я хороша, — рассуди теперь, как меня приняли московские щеголихи. Они с головы до ног меня засмеяли, и я три месяца принуждена была сидеть дома, чтобы только выучиться по моде одеваться. Ни день, ни ночь не давала я себе покоя, но, сидя перед туалетом, надевала карнеты, скидывала, опять надевала, разнообразно ломала глаза,[17] кидала взгляды, румянилась, притиралась, налепливала мушки,[22] училась различному употреблению опахала,[23] смеялась, ходила, одевалась и, словом, в три месяца все то научилась делать по моде. Мне кажется, ты удивляешься, как могла я в такое короткое время всему да еще и сама научиться? Я тебе это таинство открою, послушай: по счастию, попалась мне одна французская мадам, которых у нас в Москве довольно. Она еще до просьбы моей предложила мне свои услуги, рассказала мне, в каком я нахожусь невежестве и что она в состоянии из меня сделать самую модную щеголиху. Вот какое из нас французы делают превращение, из деревенской дуры в три месяца сделать модную щеголиху для человека невозможность, а французы делают. Какою благодарностию должны мы французам, они нас просвещают и оказывают свои услуги и тогда, когда их не требуем. Лишь только вышла я из рук моей учительницы, то и показалася в собрании. На меня уже другими глазами смотрели, я познакомилась со многими девицами и науку мою совершенно выучила. Скоро после того услышала, что и меня называют модною щеголихою. Сколько я тогда радовалась, уморить ли тебя? — В тысячу раз больше, как радовался батюшка мой, получая в году тысячу четвертей хлеба с своего поместья. Тогда-то узнала я, что мы и с хлебом и с деньгами нашими без французов были бы дураки. Они еще дешево продают о нас свои попечении. Услыша лестное о себе мнение, не пропущала я тогда ни комедии, ни маскерадов, ни гульбищей, везде я поспевала. Ты, радость, можешь рассудить, что девка осьмнадцати лет, которая от всех слышит: м и л а к а к а н г е л! тотчас наживет себе завистниц; со мною точно

так и сделалось. Меня стали снова пересмехать, но уж из зависти, видя, что молодые мужчины толпами за мною бегают. На всю злость московских щеголих и ласки молодых мужчин смотрела я с холодностию. Многие молодчики в любви мне открывались, но я смеялась — я еще больше делала, сказать ли? — я дурачила их, сколько хотела, а они не сердились. Наконец, попался мне молодчик хорош, как ангел, умен и притом щеголь. Он в меня влюбился до безумия, и я к нему почувствовала, не знаю, что-то отменное от прочих. Я восхищалась, видя его на маскерадах, он летал, как ветер, когда он танцовал, и везде, где я ни бывала, находила тут и его. Несколько времени было это мне приятно, а после безотвязностию своею он мне и наскучил. Я вознамерилася его позабыть и слово свое сдержала. После сего молодчиков с десяток пробовали свое счастие, но я и с ними точно так же поступила.

Вот обстоятельствы, в которых я нахожуся. Дай, радость, мне хорошенькой совет: так ли мне поступать, как начала, или и самой в кого-нибудь влюбиться. Пожалуй, ангел мой, напиши мне поскоряе ответ, да не умори меня: я его с нетерпеливостию буду дожидаться и прежде пока его не получу, не скажу тебе, кто я такова. Мне хочется и тебя помучить. Прости, радость!

P. S. Ужесть, как хочется, чтобы совет твой поспел к нашим маскерадам.

В Москве,
ноября 25 дня
1769 года.

17

Государыня моя! я человек чистосердечной, итак, не прогневайтесь, ежели скажу, что поступки ваши совсем мне не нравятся. Послушайте искреннего совета! оставьте их, они унижают вашу красоту. На что прелестное ваше лицо, я разумею из письма вашего, на что его различными намазывать красками? Глаза ваши блистают, может быть, огнем, на что вы их коверкаете? — мода и тут замешалась! Еще вас прошу, оставьте сие несвойственное вам искусство: прекрасного не можно прекраснее сделать, но разве безобразнее, превеликую делаете вы честь своей учительнице! если все они ту только делают пользу, так они совсем для нас не нужны. Оставьте все искусство и дайте в себе удивляться делам природы. Вы не захотите, может быть, следовать моему совету для того, что боитесь скуки; не опасайтесь, сударыня, г. сочинитель Всякия всячины[24] обещался предписать вам упражнении, следуйте только им, вы скуки чувствовать не будете. Наконец, советую вам читать и хулимые

вами книги, хотя изредка. Советую также побольше иметь почтения к памяти вашего родителя. Впрочем, за хорошее ваше о Трутне мнение я бы вас благодарил, если бы похвала сия была умеренна и справедлива, но вы предпочитаете моего Трутня таким славным сочинителям, у которых недостоин я отрешить ремень сапог их;[25] итак, от принятия сей похвалы прошу меня уволить.

Письмо г. Правдолюбова напечатано не будет.[26] Оно задевает Всякую всячину и критикует господина сочинителя за то, что от критики свободно.[27] В том же письме г. Правдолюбов делает рассуждение о всех еженедельных сочинениях минувшего года и полагает им цену, нападает также своею критикою на некоторую переводную в стихах поэму,[28] и проч. Я сообщаю г. Правдолюбову, что подобных сему писем и впредь печатать не буду.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ VII. ФЕВРАЛЯ 16 ДНЯ

18

Из дюжины новых былей[29]

БЫЛЬ VI

Неудача

Мы рассудок сей имеем
И то твердо разумеем,
Что есть худо, что добро,
Что есть злато, что сребро,
Но не все творим мы благо,
Люди нрава есть инаго,
Просто молвить — нрава злаго,
Иго то стремятся несть,
Отчего страдает честь,
Иль в обман вдаются смело
На бессовестное дело,
Приключать другим напасть,
Иль в вине находят сласть,
А дурняй всего есть красть.

*

Тщетно я доводы трачу,
Склонность ставить злу виной,
Я скажу про неудачу
Вам прелестницы одной
И прелестницы такой,
Каковой поступки редки;
Та по правилам кокетки,
Прямо жизнь свою вела,
Волокит не отметала,
Нежну страсть для них питала.
В своей юности цвела
И тем только утешалась,
Чтоб быть склонною ко всем;
Принимати не гнушалась
В знак подарков тем и сем;
Не избегла в жизни плача,
Волокит хоть был содом,
В них была ей неудача,
Не могла скопить тем дом.

Скоро век сей пременился,
Некто модницей пленился,
Не убогой молодец,
Не пыткой чресчур хитрец,
Он на брак тотчас склонился,
На манерщице женился,
Можно молвить за проклад,[30]
Не жену нашел он, — клад!
Зря к себе ее приятство,
Ей себя и все богатство
Простодушник сей вручил,
Лишь того не получил,
Чтоб верна была супруга.
Ей нужна других услуга,
Избрала иного друга,
Сим она полезла в знать,
В совершенны вступя леты,
Зачала кокетка брать
Уж не деньги, не портреты,
Что ж такое? Туалеты.
Но к потокам горьких слез
Рок дни младости унес,
Часть драгую пременяет,

Ей любовник изменяет.
О ты, светска суета!
Стала модница не та:
Ко искусству прибегает,
Ей и то не помогает,
Поувяла красота.

*

Что ж начать? нельзя сердиться
На судьбину никому,
Должно было покориться
Ей рассудку своему.
Новой доле не пеняет;
Приходя во славу вновь,
Она девушек склоняет
Ко любовникам в любовь.
Не избегла в жизни плача,
Ей и в том мала удача,
Ее все благодарят,
Да не все ее дарят.

*

Как подьячей в гневе лютом
Негодует на указ,
Что поставлен в нем он плутом
И претит брать взятки с нас,
Так манерщицу терзает
Потерянье юных лет.
Больше тех часов уж нет,
Кто б прислал ей туалет.
Страсть ей нова грудь пронзает,
Тмит рассудок, как туман,
Уже модница дерзает
Прибирать все в свой карман,
Что бы в руки ни попалось,
У нее бы то осталось.
Промысл сей легок, все мнят
И искусников не чтят.
О сем модница не мыслит,
Прибыль многу в этом числит,
Ищет опыт сей явить,
Где б ей руку обновить.
Опыт сей когда случился,
Я об том не известился,

Может, было в генваре,
Может, в марте иль в июне,
Ну, пусть было хоть в июле,
На гостином на дворе.
Тут купцам у нас в прибавку
И француз имеет лавку,
А уж это и давно
Для бояр не все равно.
Пленены они французским
И гнушаются всем русским;
Так не диво, что туда
Чаще ездят господа,
Сколько ради покупанья,
Вдвое больше для свиданья.

*

В сей то лавке случай был
Решить трудную задачу,
Рок манерщице судил
Показать свою удачу;
Тут с любезной некто был,
С тою вместе, кем он страстен
И в которой не несчастен.
Щеголь сей сперьва любил
Эту модную кокетку,
А потом, влюбясь в брюнетку,
Ей не только изменил,
Но помочь себе склонил.
О нрав женьщины послушной!
Ты почтение нашла,
Дружбой сей великодушной
Всех влюбленных превзошла.
Льзя к ее огромной чести
Здесь сказать без всякой лести,
Не прехвальны ль то дела?
Быв любовницей прямою,
Но любовнику к покою
Собой жертвовать могла,
Вознеслася тем и паче,
Не противяся судьбе,
Зря возлюбленного в плаче
О иной, не о себе.
Сколько слез ни уронила,
Но ее к нему склонила,

Подала случай иметь,
Им взаимной страстью тлеть.

*

Тут сойдясь она мнит точно,
Что за труд он подарит,
А он мнил, что то беспрочно,
Больше нужды в ней не зрит.
Что ж начать в слезах и плаче,
Ввек тужить о неудаче,
Но грусть скоро уменшит,
Как намеренье свершит.
Исчисляя все поступки,
По порядку вел дела,
Что под образом покупки
Тут манерщица была.
Всяку вещь она торгует,
Смотрит все, о всем толкует,
Как порядок купли есть,
Но, забыв немножко честь,
Вещь которую держала,
Ту в руке своей зажала,
Наш парижец сколь ни смел,
Но почтение имел,
Хоть и видел все то дело,
Как кокетка нечто смело
Вдруг изволила склюнуть
И в карман себе воткнуть,
Он не ставил ей то в кражу,
Что искал свою пропажу.
Вот пришла теперь беда,
Должно треснуть со стыда!
Она руку наклонила,
Табакерку уронила,
Француз тотчас подхватил,
Сам с боярами шутил.
Но, о часть, достойна плача.
Ей и в этом неудача.
Что ж осталося зачать:
Пред французом замолчать.
Тут супруг, увидя диво,
Кражу в жениной руке,
Слов пяток сказал учтиво
На французском языке;

Не парижцу он пеняет,
Но супругу извиняет,
Руку об руку потер,
И сказал: votre serviteur.
Не хотя с французом драться,
Он спешил домой убраться,
Со женой уходит вон,
Сделав вежливой поклон.

19

ИЗВЕСТИЕ

Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в книжной лавке у переплетчика Тидцелиуса продается новая книжка под заглавием: Счастливое семейство.[31] Сказка, ценою по 30 копеек.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ VIII. ФЕВРАЛЯ 23 ДНЯ

20

Чензыя, китайского философа, совет, данной его государю [32]

Для правления государственного необходимо должно знать и исполнять следующее:

I

Полезные государству твоему учреждении полагай твердо. Сердцу твоему и рассудку основанием да будет истина. Чти предания мужей, отличных как добродетелию, так и разумом. Взирай на образцы благоразумных прежних правителей и, не склоняясь на беспутные предложении, не помрачай дел своих бесполезными новизнами. Тщись государство твое соделати блаженным так, как было оно во времена трех похвальных веков. Если учреждении твои будут легкомысленны и, следовательно, нетверды, то ведай, что не только государство свое не исправишь, но и самого тебя исправить трудно будет. Знай, что не было от века такого государя, который бы не желал благополучия своим подданным, но немногие достигли до исполнения оного, а сие ради того, что государи часто бывают легковерны и

окружают себя льстецами, следовательно такие не могут знать истинного состояния своих подданных, посему не могут они ни полезных делать учреждений, ни искоренять злоупотреблений, ни наказывать преступников, ни награждать добродетельных для того только, что чужими смотрят глазами. Один имел желание подданным своим соделати блаженство, но не знал способов ко исполнению своего намерения. Другой рачительно начинал, но обленялся окончивать. Третий, предавшись порокам, ни самого себя исправить, ни подданных своих благополучными соделать не мог. Иной, обременен будучи различными предложениями и добрыми и худыми, не знал и того, за которое приняться.

II

Поручай государственные дела во правление мужам достойным, ибо одному тебе в пространном твоем владении ни всего узнать, ни исправить невозможно. Сего ради имей при себе надежных пособников, людей избранных, добродетельных и благоразумных, на коих бы ты мог положиться без всякого сомнения. Все великие государи наиглавнейший труд поставляли во изыскании таких людей, а находили их посредством осторожного и прозорливого только избрания. Чрез осторожное избрание познавали они добродетели, качествы и состояние избираемого, а узнав, верили без сомнения; имевши же к нему дозеренность, поручали всякие дела в полновластие и имели таких людей в великом почтении. Будь, государь, уверен, что осторожным избранием много сыщешь людей честных, разумных и поверенности твоей достойных, но, нашед, имей их в полной доверенности и почтении. Наконец, ведай, что честный человек ко исполнению своей должности доверенностию привлекается паче награждения. Тысячи примеров доказывают, что министры, полководцы и градоначальники всегда больше оказывали искусства и усердия в тех делах, кои поручаемы были им в полномочие, и с лучшим оные оканчивали успехом, нежели как когда они были ограничены. Великих людей бывает немного, но, когда они есть, таковых почитай своими путеводителями, слушай разумные их советы и исполняй предложения их с твердостию, хотя бы они и не угодны были страстям твоим. Сии нужные тебе пособники, если увидят, что труды их не тщетны, тогда попечении их о благополучии твоих подданных усугубятся, они о блаженстве их пещися будут, как о своем собственном, и будут государственные дела рассматривать так, как домашние. При таких людях видны будут хищники и лукавцы, презренны льстецы и обманщики, наказаны грабители и беззаконники и, наконец, все хит-

рости и пронырства будут бесполезны. Тогда ободрятся добродетельные, поощрятся трудолюбивые, наградятся честные, наконец, и не хотящие по нужде будут прилеплятися ко истине, тогда-то воссияет во днех твоих правда, исчезнет беззаконие, и искоренятся законопреступники. Блаженны будут твои подданные, и ты сто крат блажен будешь, когда узришь таковые дела рук твоих, дела, достойные бессмертия. Вот к чему руководствует прозорливое твое испытание способников твоих!

Если ж избрание твое будет не осторожно, но случайно, тогда не будешь знать совершенно тобою избранного; не совершенно ж зная, не можешь ему во всем верить. Если будешь к нему иметь недоверенность, тогда не можешь на него твердо положиться; не твердо на кого полагаешься, того ты мало уважаешь, а кого ты мало уважаешь, тому окружающие тебя не делают почтения, а, наконец, дойдет он и до народного презрения. С любимцами государскими поступает народ точно, как с модными товарами.

Наконец, представлю тебе состояние того вельможи, к коему не имеешь ты полной доверенности. Он, видя твою к нему недоверчивость, всегда колеблется мыслями, не ведая, угодно ли тебе будет его предложение. Он не смеет оказывать своего в делах знания и искусства, опасаясь, чтобы ты не почел то хитростию. Мало оказываешь ты ему почтения, он бывает тогда робок и на себя безнадежен; не поручаешь ты ему дел в самовластие, он думает, что ты его подозреваешь, тогда он оберегает себя и не смеет оказывать своего к тебе усердия, опасаясь и твоего гнева и завистников, ибо они для своей пользы легко его тогда свергнуть могут.

III

Во все важные должности так, как и в большие и малые судьи и градоначальники избирай людей ученых и просвещенных и памятуй, что благоразумные государи благоденствие и добрые обычаи в подданных своих вводили посредством людей, науками просвещенных. Ты все повелеть можешь своим подданным, все силе твоей покоряются, подобно сильному ветру, все низвергающему, но не можешь только повелеть быть добрыми, к сему потребно не могущество, но воспитание, науки и добрые примеры. Если возлюбишь ты науки, будут их любить и окружающие тебя, а народ все то почитает, что ты любишь. Итак, благосостояние государства зависит от тебя и избранных тобою людей. Без сего же все твои старании будут тщетны. Пусть подданных своих обогатишь прибытками, пусть защитишь от

неприятелей, пусть будут они во всем изобильны, но они и тогда не будут еще вкушать истинного благоденствия.

Перевел с китайского языка
Не знаю кто.

Видя благоразумное правление нашея великия государыни, ее о подданных попечении и неусыпные труды, ее учреждении о вкоренении добрых нравов, о введении наук и художеств, ее прозорливое избрание властей правительствующих, ее правосудие, ее щедроты, реками изобильно на всех изливаемые, и, словом, все ее бессмертные дела видя, можно смело сказать, что когда бы китайский философ ныне жил, то бы не написал сего совета своему государю, а советывал бы ему в храм вечности ийти по стопам великия Екатерины.

21

Г. издатель!

Я приметил, что все наши молодые дворяне, путешествующие в чужие земли, привозят только известии, как там одеваются, пространное делают описание всем увеселениям и позорищам того народа, но редкой из них знает, на какой конец путешествие предприниматься должно. Я почти ни от одного из них не слыхал, чтобы сделали они свои примечании на нравы того народа или на узаконении, на полезные учреждении и проч., делающее путешествие толико нужным. Мне это совсем не нравится, лучше совсем не ездить, нежели ездить без пользы, а еще паче и ко вреду своего отечества. Для сей-то самой причины вознамерился я путешествовать во своем отечестве, дабы прежде узнать обычаи своих единоземцев. Я недавно был в двух наших городах и сделал на оные примечании; если будут они вам угодны, то я к вам для напечатания их сообщу, а теперь ожидаю, как вы на то отзоветеся.

Ваш покорный слуга
Путешественник.[33]

Г. Путешественник! естьли примечании ваши могут принести пользу читателям, то с удовольствием помещены будут в моих листах. Я ожидаю их с некоторою надеждою.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ IX. МАРТА 2 ДНЯ

22

Г. издатель!

Нужда заставила[34] меня иметь к вам прибежище, я приехал в ваш город для необходимых моих нужд. Но сколько я удивился обычаям некоторых ваших сограждан; живучи в деревне, вел я весьма спокойную жизнь и никогда не воображал себе, чтобы люди находили удовольствие в том, когда они без всякой причины делают другим обиды. У нас в деревнях не без обидчиков, но наши обидчики сносняе ваших, наши непозволенными хитростями и происками отнимают у соседей земли и проч., а ваши городские стараются отнимать честь. Деревенские хотя беззаконно, однако ж получают прибыль, а ваши не получают никакой пользы, окроме удовольствия болтать ко вреду ближнего. Наши обидчики беззаконные грабители чужого имения, а ваши бесчестные люди. Я не знаю, как вы о том думаете, но я думаю, что наши обидчики сносняе ваших, я скоряе соглашусь потерять имение, нежели честь. Бедной, честной и добродетельной человек, ежели не у вас в больших городах, так, по крайней мере, у наших деревенских жителей найдет себе всегда прибежище, а бесчестный по справедливости достоин презрения. Сколь вредны ваши обидчики, я это, по несчастию, испытал собою. Не успел я в здешнем городе прожить месяца, как услышал, что обо мне носится молва, будто я проиграл в карты четыре тысячи рублев империялами; меня это удивило: все знающие меня побожатся, что я в карты не играю. Сколько мне это было ни чувствительно, однако ж я, по совету некоторых моих друзей, презирал сию молву. Они мне сказывали, что в вашем городе многие заражены болезнию, именуемою б е с п о л е з н о е б о л т а н ь е. Они мне разделяли ее на многие части[35] и рассказывали то, чего я еще и не слыхивал. Я было успокоился и думал наслаждаться веселостями, которых в вашем городе нашел я очень довольно. Но злость и болтливость лишили меня сего удовольствия. Я услышал еще, начали говорить, будто я в малое время нажил более десяти тысяч долгу. Начали клеветать на меня во всех местах, и я, по несчастию, принужден был слышать, что во многих местах начали о мне говорить худо; я ни до кого не имею дела и не стараюсь иметь знакомства ни с знатными господами, ни с ветреными молодыми вашими дворянами для того, что сии знакомствы опасны. Посему-то и думал я, что

до меня никто дела иметь не может, и радовался, что сим способом проживу по моему желанию весьма спокойно, но меня оного лишают. Я принужден был разведать, откуда произошли сии слухи, и, наконец, узнал, что они прямо вышли от злобы одной и кокетства других женщин. Злонрава* не могла терпеть, когда меня хвалили, и завидовала моему состоянию. Вот, г. издатель, причина, побудившая ее к тому предприятию, которое она с успехом и исполнила. Я не верил, когда мне сказывали, что злобная женщина опасняе всякого чудовища, но думал, что сей пол гораздо нашего нежняе и потому гораздо чувствительняе; что они, имея нежные сердца, никогда не вступают в подлые клеветы, но я очень обманулся. Я узнал, что если женщина кем огорчится, тогда все в состоянии сделать, лишь бы удовольствовать свое мщение. Меня больше всего то удивляет, что я сим госпожам не только ни малой никогда не делал обиды, но и ни малейшего никогда не делал неучтивства, ибо, как я выше сказал, что я всячески того убегаю. Я от природы весьма тихого сложения и притом доброе имею сердце; так рассудите, может ли человек таких свойств делать другим обиды? Как бы то ни было, только госпожа Злонрава происками своими двух госпож, известных городу ветреным своим болтанием и кокетством, до того довела, что они повсюду те плевелы на меня разносили. Одна говорила, что я игрок, другая, что я мот и что я уже больше должен, нежели сколько имею. Г. Назойлова, одна из двух моих новых благодетельниц, кажется, особливое имеет искусство делать вред ближним, ибо она одна острым своим языком в одну неделю успела объявить всему городу всклепанную на меня небылицу, и я отвсюду принужден был слушать сии язвительные для меня известии. Вот, г. издатель, причина, побудившая меня к вам писать; дайте мне совет, как мне оправдаться от той небылицы, которую на меня всклепали, а трудившимся о распространении сего слуха, пожалуйте, припишите несколько наставлений, чтобы они от такого бесчестного поступка впредь остерегались и невинных людей чтобы не злословили, но, следуя благопристойности, упражнялися бы в приличных их полу должностях. Я ожидаю вашего ответа с нетерпеливостию, постарайтеся исполнением моей просьбы и внесением моего письма в ваши листы одолжить человека благодарного, который называется

Несчастной.[36]

---

* Злонрава. Это не подлинное ее имя, но я поставил его для того, что оно точно означает характер той женщины, которая своим старанием и двух других женщин побудила на меня клеветать.

P. S. Это не подлинное мое имя, но оно показалося мне приличным моему состоянию. Я тогда перестану называться Несчастным, когда мои дела позволят мне отсюда выехать.

23

Г. Несчастной! Злословие во многих местах так употребительно, что поступок трех госпож, вами описанной, меня не удивляет. Болезнь сия весьма прилипчива, ею и многие, впрочем, добрые люди страдают. Вы объявляете, что ваши обидчицы злословили вас без всякой причины и что сие проистекает от кокетства, и просите, чтобы я написал им наставлении. — Г. Несчастной, вы требуете совсем невозможного. Нет таких ни наставлений, ни средств, коими бы кокетку можно было удержать от злословия. Надобно отдать сим госпожам справедливость, что когда начнут они кого злословить, то злословят уже прямо по-мастерски. Совет мой вам состоит в следующем: 1) Презирайте своих клеветниц и будьте уверены, что честные люди сим слухам не поверят, ежели они не справедливы. 2) Старайтесь жить добродетельно и честно, чрез сие вы останетесь навсегда в хорошем мнении у добрых людей и еще клеветниц своих довольно накажете, ибо злые люди всегда завидуют спокойству честного человека.

24

Письмо г. Просящего за приятеля, подписанное из Стрелиной Мызы [37] и с приложенными стихами, напечатано не будет. Оно содержит в себе сатиру, не знаю на какого иерея,[38] весьма не важную, но весьма пространную, так что едва достало бы моего листка на напечатание оного. Благопристойность не позволяет его напечатать. Впрочем, я прошу г. Просящего за приятеля, чтобы он посоветовал своему приятелю прочитать Эпистолы г. Сумарокова. Они ему будут весьма полезны. Г. С[умароков] всем молодым людям, имеющим охоту к стихотворству, дает весьма дружеский совет:

О вы, которые стремитесь на Парнас,
Нестройного гудка имея грубый глас,
Престаньте воспевать, песнь ваша непрелестна,
Когда музыка вам прямая неизвестна.

ниже:

Нельзя, чтоб тот себя письмом своим прославил,
Кто грамматических не знает свойств, ни правил
И, правильно письма не смысля сочинить,

Захочет вдруг творцом и стихотворцом быть.
Он только лишь слова на рифму прибирает,
Но соплетенный вздор стихами называет.

и ниже:

Склад басен должен быть шутлив, но благороден,
И низкий в оном дух к простым словам пригоден,
Как то де ла Фонтен разумно показал
И басенным стихом преславен в свете стал,
Наполнил с головы до ног все притчи шуткой
И, сказки пев, играл все тою же погудкой.
Быть кажется, что стих по воле он вертел,
И мнится, что, писав, ни разу не вспотел:
Парнасски девушки пером его водили
И в простоте речей искусство погрузили

и проч.

Письмо г. Презреволна Страхозыблева и с приложенными притчами и загадками также напечатано не будет. Мне рассудилося и его отслать к Эпистолам г. Сумарокова.

ИЗВЕСТИЯ

Сухопутного шляхетного кадетского корпуса у переплетчика Тидцелиуса продается История Дон-Кишота ла Манхского[39] II. часть по 80 коп.

В Луговой Миллионной у переплетчика Веге продается собрание разных песен[40] часть I по 75 копеек.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ X. МАРТА 9 ДНЯ

25

Г. издатель!

Я много раз бывал обманут, много проигрывал, наконец, проиграл дедовские серебряные шанданы,[41] у меня остались одни только щипцы;[42] на сей случай сочинил я стихи, которые можете напечатать, если заблагорассудите.

СТИХИ

Шипцы! на вас я взор смущенный обращаю,
Тоскую и хочу я с вами рассуждать,
Но чтоб моим словам красу и силу дать,
То будьте вы герой, я лиру настрояю
И ваши подвиги вселенной возглашу.
Откуда ж мне начать, у вас самих спрошу.
С того ли времени, как были вы рудою
И, чтоб иметь жену, Адам отдал ребро?
Я знаю, и тогда вы были серебро.
Или с тех пор, как все покрылося водою [43]
И судно чудное стояло на воде? [44]
Я мог бы вас своим умом найти везде,
От вас ответу нет, родились вы безгласны;
Так должен рассуждать о вас я сам с собой.
Начну с тех пор, когда вы мне даны судьбой,
Тогда не ведал я, что мы страстям подвластны,
Бесчувственно на всех красавиц я взирал
И в гневе паролей [45] проигранных не драл.
Имея вас, имел серебрены шанданы;
Я с полным кошельком не знал, что бедность есть
И что для прибыли забыта в свете честь;
Мне были все друзья, усердны и преданны.
Теперь обманут стал любовницей своей,
Познал друзей, родню и знатных я людей:
В обманах все живут, мечта нас всех пленяет,
Все тленно, наша жизнь проходит так, как сон,
Несчастливый в бедах пускает жалкой стон,
Счастливый в роскошах вседневно утопает,
Сей суетности я был сам слепый свидетель.
Блаженство смертных всех едина добродетель!

26

Раскаяние во грехах половину заслуживает прощения. Вы чистосердечно признаетеся во своих пороках, чем исправили половину сделанного вами худа, но надлежит вам постараться и о исполнении другой половины, то есть отстать от игры. Если и сие исполните, то вы, по справедливости, заслужите похвалу. Тот, кажется, больше будет осторожен, кто согрешил и покаялся, нежели как тот, который еще не согрешил. Старайтесь приобресть то блаженство, которое вы изъясняете вашим последним стихом, тогда вы будете спокойны, не завидуя ничьей участи.

27

Господин издатель!

В прошлогоднем вашем Трутне[46] напечатана была эпитафия покойному г. Ломоносову в стихах, чем, по справедливости сказать, вся публика была довольна, почему не сомневаюсь я, что и приложенная присем тому ж великому мужу надгробная надпись в прозе ныне в вашем журнале во удовольствие публике предана будет тиснению. Она вырезана в Италии на мраморном в честь его воздвигнутом от мецената наук монументе, которой поставлен на его гробе в Троицком Александроневском монастыре с следующими латинскою и российскою надписями.

Viro celeberrimo,

MICHAELI LOMONOSOW,

Kolmogorodi nato, anno MDCCXI.
Augustae Russiarum Imperatricis Consiliario status,
Academiae Scientiarum Petropolitanae
Professori Publico ordinario,
Holmensis et Bononiensis socio,
qui ingenio excelluit, et artibus
patriae decus eximium:
Eloquentiae, Poeseos
et
Historiae Patriae praeceptor.
Metri Russici institutor, Tragaediarum
in Vernacula Autor.
Primus Musivi operis in Russia pictor
autodidactos.
Praematura morte Musis atque Patriae
feriis Paschatos MDCCLXV scriptis
et
operibus oblivioni ereptus.
Talem civem gratulans Patriae obitum
eius lugens Michael comes a Woron-
zow posuit.

В память славному мужу
МИХАИЛУ ЛОМОНОСОВУ,

родившемуся в Колмогорах
в 1711 году,
бывшему статскому советнику,
Императорской Санктпетербургской Академии
Наук
Профессору,
Стокгольмской и Бононской [47]
Члену,
разумом и науками превосходному,
знатным украшением отечеству служившему,
красноречия, стихотворства
и
Истории Российской учителю,
Муссии [48] первому в России без руководства
изобретателю, —
преждевременною смертию от муз и
отечества на днях святыя Пасхи
1765 году похищенному.
Воздвиг сию гробницу
Граф Михайло Воронцов,
славя Отечество с таковым гражданином
и горестно соболезнуя о его кончине.

28

Видя надлежащую достоинствам славных писателей отдаваемую справедливость, не можно воздержаться, чтобы не отдать справедливую похвалу покойному его сиятельству графу Воронцову. Монумент, воздвигнутой его тщанием и иждивением в честь имени покойного г. Ломоносова, возвестит позднейшим потомкам состояние словесных наук нашего века; может быть, поступок сей меж нашими потомками произведет благородную и похвалы достойную зависть. Меценаты того времени будут завидовать его сиятельству, что он жил в нашем веке, а писатели также будут завидовать, ежели не будет у них таких меценатов. Но ко прославлению России и к чести нашего века да умножатся таковые писатели, какого мы видели в покойном г. Ломоносове и какого видим г. Сумарокова. Делам их справедливую отдавали похвалу и ныне отдают славнейшие европейские писатели, а к распространению в России словесных наук да умножатся подобные его сиятельству меценаты и да истребятся ободряющие

глупых писцов, делающих посрамление нашему времени. Любезные читатели, к вам теперь я обращаюсь! научайтесь паче всего отдавать справедливую похвалу достоинствам и не соблазняйтеся похвалять безделицы, а еще паче и равнять с писаниями двух славных российских писателей.

29

ИЗВЕСТИЕ

У переплетчика Веге, живущего в Луговой Миллионной, продается Виргилиевой Энеиды перьвая книжка, переводу г. Санковского, по 25 коп. экземп.; у него же продается Канон Пасхи в стихах, предложенный г. Рубаном, по 8 коп. экземпляр.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XI. МАРТА 16 ДНЯ

30 [49]

Г. издатель!

Журнал наполнен ваш и критик и сатир,
Сии стишки вам кстати,
Предайте их печати,
Чтоб вышла в мир
Хулельщицам упрека.
Столкнулося таких
Две пары щеголих,
На неповинного клевещут человека:
Одна ему своя,
Да как? .. не знаю я,
А три ей помогают
И вообще ругают,
Хулу плетут
И мотом чтут,
И что колико можно
Всклепать безбожно,
На человека ложно,
То вымыслить они
Потщилися одни.
Подруга так подруге

Сказала на досуге:
Родитель лишь его в последний раз дохнул
И вечным сном заснул,
Скончался, —
В их доме начался и плач и стон,
Сынок свои стопы направил вон,
С двора умчался
И повстречался
С таким же, сам каков,
С одним из игроков.
Почтенья не храня к родителю он мертву,
В гостях у щеголей
Четыре тысячи рублей
Все чистым золотцем принес вдруг картам в жертву.
Слова сии хотя не клей,
И не прильнули,
Однако же кольнули!
Напраслину сию невинной зря
И жалобу творя
В сем горестном страданье,
Но все не в оправданье.
К нему рок видно лих,
Не переможет он четырех щеголих.

В сей крайности велит вступиться честь за друга,
И вот ему моя услуга;
Хулельщицам его я молвлю вопреки:
Когда докажут всем прямые знатоки
И видоки
Ложь эту очевидно,
Не будет ли тогда, сударыни, вам стыдно?

31 [49]

К невинному

Когда нет способа избавиться клевет,
Так мой совет:
Все колкие слова, хоть то и щекотливо,
До времени сносить, сколь можно, терпеливо.
Пускай в напраслине пострадждет честь,
Не предавайся в месть.
Разумной говорит писатель справедливо:

Пустые клеветы,
Пройдут они, как все проходят суеты...
А я, не думая равняться с сею знатью,
Скажу хоть точно то ж своею только статью:
Невинному вреда
Не много приключится.
Со временем сама неправда обличится,
И небыль, как вода,
Удобна только сделать лужу.
Подобна клевета лишь баснь одну сплетет,
Но после все минет
И выйдет, наконец, вся истина наружу.
У нас
Довольно есть проказ,
Переговорщиц куча,
Нашла на одного подобна этой туча,
Им только сей скачок
Попал на язычок.
Они, что вздумать льзя, все то в хулу вплетали,
Всеместно клеветали,
Вседневно хлопотали,
Всечасно щекотали,
Всечасно хохотали,
Да, наконец, устали;
Пресеклись их слова,
Исчезла вся молва,
Им стыд один остался,
Невинный оправдался.
Подобно и у сих
Отборных щеголих
И рты и языки когда-нибудь устанут,
И сами перестанут
И больше клеветать не станут,
И так престань о сем, Д...., ты жалеть.
Терпи! терпеньем льзя напасть преодолеть.

32

Г. издатель Трутня!

Нет средства, чтобы не писать сатир на подьячих, сия тварь весьма несносна честным людям. Самое бездельное дело наделало мне множество хлопот: нужда мне была, чтоб в Москве в*****[50] подписали мою подорожную. Я, изготовясь совсем к отъезду, зашел туда, думая, что в четверть часа могу быть

отправлен, однако весьма обманулся в своем чаянии. Пришед в Коллегию, спросил, у кого такие дела; сторож, отставной солдат, бывшей в походах при перьвом императоре, с почтенными усами и стриженою бородою, ввел меня в большую комнату, где все стены замараны чернилами и в которой навалено великое множество бумаг, столов и сундуков, подьячих, оборванных и напудренных, т. е. разного рода человек 80. Многие из них драли друг друга за волосы, а прочие кричали и смеялись. Столь странное зрелище привело меня в удивление, я спрашивал, зачем тут такая драка, и насилу мог доведаться, что так наказывали приказных служителей за разные их несправности.

Дожидался я часа два, чтоб сии господа успокоились; после того подходил ко многим, дабы узнать, что мне делать. Насилу нашел дневального, у которого сии дела; он мне гордо сказал: Подождите, не бывал дежурной. Я говорил: мне сказали, что это вы, сударь. Он засмеялся и сказал мне: я дневальной, это правда; однако, дневальной и дежурной не все одно. Наконец, после многих насмешек научили меня, что дневальной есть канцелярист, а дежурной регистратор, теперь я это знаю, а прежде не ведал ни об одном из сих животных. Дожидался дежурного, которой сказал, что о сем, де, надлежит учинить представление господам присутствующим и как они соблаговолят. Дожидался и присутствующих и, ходя по разным мытарствам и слушая бесконечные завтра, обыкновенные ответы докучливым челобитчикам, с превеликим трудом получил милостивое решение, не могши без того обойтись, чтоб не заплатить за труды моим почтенным докладчикам.

Прости, г. И[здатель], я отправился в свой путь, сделав клятвенное обещание не входить ни за чем в места, определенные для правосудия.

Слуга ваш
N. N.[51]

Из Москвы,
февраля 9 дня
1770 года.

33

Г. издатель!

Обстоятельствы мои не позволили мне на нынешний год продолжать еженедельного моего издания под заглавием Смеси; я его окончал, но по окончании получил я письмо от неизвестной мне особы, которое обще и с моим к писавшей ко мне ответом к вам сообщаю, прося оные поместить в ваших листах. Я на-

деюсь, что вы в просьбе моей не откажете, тем паче, что мы во весь минувший год жили весьма мирно. Письмо мое оканчиваю желанием лучшего успеха в ваших трудах, нежели какой мы по сие время имели.

Ваш покорный слуга
Бывшей и[здатель] Смеси.[52]

34

Г. издатель Смеси!

Я поражена почти, так сказать, вашим неистовством. Можно ли, сударь, чтоб я и не нарицала толь гнусным словом ваш отказ, что вы сделали в листе 40-м Смеси. Вы будете смешны, ежели станете следовать вашему намерению. И ежели не станете доказывать свету удовольствия, какое он, а, по малой мере, я почерпала из вашей Смеси, то, кажется, сие непростительно вам. Следуйте ж рассудку, я верю, что ты с ним рожден, и для меня миляе нет, как видеть Смесь. Сие толь лестное название пленяет меня всякой раз. О! Я ничего не желаю, как видеть Смесь еще. Я и мне подобные гораздо больше станут чувствовать обязанности к вам, чем больше покажетесь вы влюбчивы в ваше беспечие, без прозорчивости тех мыслей и тех подлых душ, что всякую картину берут за свой портрет.

Не краски нужны вам, в них часто лесть и ложь,
Перо острите вы, и Смесь свою им множь.

Услужница ваша
Любоправдова.[53]

Воронеж, 4 генваря
1770 года.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XII. МАРТА 23 ДНЯ

35

Ответ г. издателя Смеси

Госпоже Любоправдовой

Я сам поражен, сударыня, всеми кривыми толками о моей Смеси. Можно ли поверить, что иные хвалят то, чего слабой их рассудок понять не может; другие ругают, что говоришь

правду; *********[54], что овладевшее ими предрассуждение препятствует им следовать истине. Самое ваше письмо, наполненное хвалою или хулою, то же почти доказывает, оно писано прямо подьяческим слогом, и все в нем можно толковать двояко. Но что мне нужды до того, что вы в насмешку Смесь называете лестным названием: я знаю, что смесь добродетелей прелестна и похвальна, а смесь пороков, покрытая кокетством или педантством, гнусна и заслуживает презрение. Итак, видите, что смесь может быть разумная, почти не сделает скучным своим многоглаголанием, то оканчивая сие скажу, что также и Смесь, как местоимении вы и ты, не может быть хороша, и сие всякой видит в ваших стихах, которыми окончали вы свое письмо.

36

Господин издатель Трутня!

Я влюблена в ваш журнал, он мне ужесть как мил, разумеете ли вы меня? статься не может, чтоб вы не разумели; я об вас всегда лучше думаю, вы причиною, что я тружусь над сочинениями, а старание мое в том оттого только происходит, чтобы войти к вам в любовь. Нет больше для меня удовольствия, как читать ваши листы. Поверишь ли, радость, сколько повстречалось мне того, что случилось незадолго пред концом нынешнего десятилетия. Всего больше приятны мне ваши портреты, представить себе не можешь, сколько иные похожи на людей мне знакомых, я их при них читала, как же они бесились... и сколько я хохотала! Дорого бы я заплатила, чтобы все ваши листы наполнены были такими портретами и чтобы стихов в них совсем не было: стихи мне не нравятся, я не касаюсь чести господ сочинителей, не говорю, что они дурны, но похвалить их не могу, потому что я женщина, боюсь погрешить против справедливости. Как же жалки мне бедняжки, мелкие стихомаратели, они карабкаются туда же, куда идут и славные стихотворцы. По грехам нашим они нынече расплодилися так, как в пустом саду крапива. Все называют крапиву корнем подьячих, но, по справедливости, и стихотворцев можно уподобить сей траве. Не дотрагивайся до крапивы, она обожжет; не серди стихотворца, он напишет сатиру. Эту тварь надобно всегда ласкать, как человека нужного, угождать, как человеку больному, а иногда и объявление их любви принимать без огорчения.

Признаюсь, радость, что я заслуживаю стихотворческую ненависть, но меня обнадеживает только то, что они обо мне не узнают, кто я такова, да пусть бы и узнали, пускай пишут, что

угодно, я сама скажу им мои пороки. Я нескромна, ветрена, люблю все новые моды, страстна к театральным позорищам, а больше еще к маскарадам и ужесть как ненавижу беседы, несносны они мне для того, что наши сестры-переговорщицы только и делают, сошедшись вместе, что кого-нибудь пересуждают, несмотря, что они сами заслуживают осмеяние, а я этого терпеть не могу. Ненавижу также скупость, мотовство, зависть, карточные игры, ревнивых мужей, неверных жен, ветреных любовниц и любовников; ужесть как гадки мне все те, кои много о себе думают. Я знаю много таких людей, и они-то подали мне материю сочинить исторические картины: я написала сперьва две, а теперь, радость, уже их у меня целые шесть написаны. Ты скажешь, можно бы в это время сочинить и больше; это правда, да подумай, ведь я женщина, так довольно, что я и столько могла сделать. Я не знаю, как и с теми показаться, посылаю и робею, боюсь, что с таким сочинением не понравлюсь — ужесть как это воображение меня мучит. Я не могу себе представить, как я перенесу противной от вас отзыв, он мне всякого отказа страшняе... Ах! не умори меня и не отыми надежду в молодой сочинительнице.[55]

Р. S. Нет сомнения, чтобы почерк женских рук вам не примелькался, но мой вы еще в перьвой раз теперь видите; так может быть, чего и не разберете, об этом вас прошу прилежнее постараться, но не переправлять ничего, что, может быть, покажется вам нескладным, пусть эта погрешность останется на моей стороне.

КАРТИНЫ

I

Сия картина изображает мужчину низкого происхождения, которой нашел случай приплестись в родню знатной фамилии. На правой стороне видны все нажиточные места, вокруг которых он, по милости своих родственников, терся. На левой его кладовая, заваленная почти вся сундуками, шкапами и мешками с деньгами: он наполнил ее всякими непозволенными средствами, а именно грабил и захватывал насильно чужое добро, брал на сохранение и не отдавал назад, а паче всего нажил он то лихоимством. Тут еще изображается несколько вдов, сирот и беспомощных, они его просят с заплаканными глазами и с распростертыми руками, и кажется, что они все хотят вымолвить: помилуй, покажи правосудие! Но он со спокойным видом всегда говорит им: завтре. Над кладовою его надпись: сие добро, посредством моего умишка, мне бог дал.

Живописец, писавший сию картину, не позабыл вдали изъяснить брошенные на пол изломанные весы, означающие правосудие, и так же истину поверженную.

КАРТИНА
II

Представляется вдовушка лет двадцати — ужесть как недурна! — наряд ее показывает довольно знающую свет, подле нее в пребогатом уборе сидит согнувшейся старик, в виде любовника: он изображен отягченным подагрою, хирагрою, коликою, удушьем и, словом, всеми припадками, какие чувствуют старички при последнем издыхании. Спальна и кабинет сей вдовушки скрывают двух молодых ее любовников, которых она содержит на иждивении седого старика в должности помощников. Она делает это для облегчения старости своего возлюбленного.

КАРТИНА
III

На оной означен Худосмысл, имеющий знатной чин, довольной достаток, невелик только ростом и не тонок, летами около шестидесяти. На одной стороне означается его служба, где видно с самых младых лет беспрерывное его за красным сукном заседание, под сим надпись: худой был человек, худой есть судья и умрет еще хуждшим. На другой стороне картины означается приезд к нему гостей и вид внутренних его покоев: покои сии наполнены почти ломберными столами, за коими хозяин с гостями играет в карты, над ним надпись: не умом, да деньгами. Вдали от сего виден Худосмысл между своими служителями, один из них стоит перед ним с сердитым лицом, изображающим непослушание, другой скидает с него платье с пренебрежением, а поодаль сего означен вид управительских двух покоев, в них видно богатство, состоящее в сундуках с деньгами, в шкапах с серебряною посудою и столиках с фарфором, часами, табакерками и тому подобным. Надлежит заметить, что в покоях помещичьих ничего подобного сему не означено.

ИЗЪЯСНЕНИЕ

Не Худосмысл господин над людьми своими, а господа над ним его люди, всякой лакей смеет ему противуречить, отговаривать и доводить до того, чтобы он был всегда в их повеле-

ниях; только что они не секут его, да и он их сечь не смеет, а для сего подлый народ Худосмысла и называет: то-то господин, то-то отец, люди у него, как в раю живут!.. Только Худосмысл у людей своих живет, как на каторге.

Продолжение в следующем листе.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XIII. МАРТА 30 ДНЯ

КАРТИНА IV

Маска представляет женщину тихую, добродетельную, показывающую жалость об всяком пришедшем в несчастие человеке. Чувствительность ее о бедных видна тем больше, что при слушании о несчастных катятся ручьями слезы у нее, а в прямом виде изображается эта женщина самолюбивою и сребролюбивою, ее окружают несколько человек в разных видах. Она на неимущих взирает гордо, а раболепствует ничего не значущим, будучи сама чиновна. К одной стороне надпись: «Сия женщина ко умножению своей славы всем бедным помогать берется, а не собою, да знатными, кои ей знакомы; она выпрашивает у них на дворянок неимущих платье и деньги, чего, однако ж, никому никогда не отдает». А под сим видно, как она жалует тем бедным, вместо выпрошенного платья, свои ветхие обноски, ставя их цену, а деньги дает им в долг и берет с них обязательство. Здесь означается, как она запрещает накрепко тем бедным ходить в те домы, где она платье и деньги на них получила.*

КАРТИНА V

В худоубранном платье представлен мужчина, не имеющей никаких достоинств или такого, что бы притягало искать его дружбы, кроме [того], что он человек. Тут сотовариществуют ему его знакомые и несколько домашних. Речь его к ним следующая: «Не могу от знакомств отбиться, они мне даже что в тягость. Все во мне ищут, все меня почитают, все ласкаются быть

---

* По левую сторону сей картины оставлено место на другую половину истории, коя еще сочиняется

мне друзьями!... А господин С... О! он для меня все сделает, что бы я ни сказал ему, он меня отменно любит» Позади же сего видно, как сей высокомысл сам во всех ищет, а об нем все думают так мало, как не можно меньше.

КАРТИНА
VI[56]

Между множеством обоего пола людей видна женщина лет около пятидесят, однако не так дурна, чтоб за хорошие подарки какому щеголю не могла еще понравиться. Она окружающих ее женщин толкает прочь, сердится и от них отворачивается, а к мужчинам всякого сорту показывает ласку, дает им знак, чтоб они подошли к ней, и досадует, что они противятся. Позади ее двое мужчин, не худо одетых, на нее указывают. Вопрос одного: кто она такова? Ответ другого: Безумнова.

Ну, радость, вот сочинения моего картины; каковы они? скажи мне... Нет, не говори лучше ничего, ежели они дурны.

37

Госпожа молодая сочинительница! боязнь ваша в рассуждении отсылки вашего письма ко мне была напрасная. Ваше сочинение так хорошо, что я бы желал таковые получать чаще, но, по несчастию моему, редко сие случается. Если вы будете ко мне и впредь подобные сему сообщать сочинении, то я вам буду весьма за то благодарен. Впрочем, я бы желал, чтобы вы к молодым стихотворцам имели побольше снисхождения. Наконец, должен я перед вами извиниться, что не совсем вашу просьбу исполнил.[57] Несколько причин с моей стороны меня бы в том оправдали, но я о них умолчу, вы сами догадаетесь.

38

НОВОСТЬ

На нашей памяти и верно в нашем веке
Случилось дело по суду.
Судья не мог узнать души в том человеке,
О коем я здесь речь веду.
Он был военной,
Неправильно просил в суде, но был богат.
Сговорчивой судья тому и рад,
Что по своей привычке повседневной
Он, челобитчиков любя,
Поможет ближнему, не позабыв себя;

Итак, судья берет то дело с уговором,
Чтобы женился он на дочери его,
За тем и за труды не просит ничего.
Наш воин, будто бы пленясь прелестным взором
Судейской дочери драгой
И быть того желая роду,
Дабы принять Фемисину породу,[58]
Кричит, стучит ногой,
Клянется, наконец, и небом и землею,
Что хочет быть в родне с судьею.
Судья, не знав весь умысел его,
Сам дело разбирает,
Не бережет здоровья своего,
Кривит душой, чернит, моргает
И в пользу воина решит.
Но бедный наш судья без прибыли грешит;
Не жалко ль то, послушайте, что сталось.
Сие я думаю ни разу не случалось
Во весь наш век,
Чтобы судья напрасно льстился,
Но обманул его военной человек,
Не дал и за труды и не женился.

39 [59]

Г. издатель!

Есть люди, которые говорят, что Трутень 1770 года нерадивее Трутня 1769. В прошлом годе он не только что издавал отборные пиесы, но и присылаемые к нему исправлял и своим хорошим вкусом и остроумием из худых писателей делал хороших авторов. А ныне все соболезнуют, все рыдают и вопиют, о плачевная перемена! Трутень, славной Трутень стал нерадив, не смотрит за наборщиками, лютыми врагами всех авторов. Они так портят письмена, попадшие к ним в руки, что читатель, потея и ломая свою голову, скорее ослепнет от неусыпного прилежания в изыскании смысла, нежели поймет мысль автора. А бедной автор, как чадолюбивой отец, терзается досадою и разрывает родительское сердце, взирая на безобразие своих трудов, любезных чад своих.

*

В смущении творец труды свои читает
И, зря, что сам писал, того не понимает,
Бледнеет, сердится, судьбу свою клянет

И, губы окусав, сивуху с горя пьет.
Потом, как злой Зевес берет гремящи стрелы,
Он в гневе, взяв перо, разрушит все пределы,
Начав с российским здесь Виргилием[60] р ы г а т ь,
Издатель! вот все то, что мог тебе сказать.

40 [59]

Сочинителю сего письма во ответ ничего теперь не скажу, пусть он изволит потерпеть, а со временем я его уведомлю о многом особливым письмом.

41

ПЕСНЯ

Куда свой взор ни обращаю,
Везде напасти мне грозят;
Утех себе не предвещаю,
Беды несчастного разят.

*

Болезни сердце отягчают,
Во мне волнует хладна кровь,
Меня мучения терзают,
Ведет в отчаянье любовь.

*

Не зрят глаза мои любезной,
Увы! я с нею разлучен,
Вздыхай, терзайся, лей ток слезной,
Несчастной, ты навек пленен.

*

Ты тяжким бремем жизнь считаешь,
Ты вянешь, твой бледнеет вид,
Ты, мысля о драгой, страдаешь,
И мысль сия, как гром, разит!

*

О вы места! места любезны,
Где часть души моей живет!
К вам путь являют токи слезны,
Что всякой час несчастной льет.

*

Теперь от вас я удаляюсь
И стражду, продолжая путь,
Любовью пагубной терзаюсь,
Стеня, тягчу вздыханьем грудь.

*

Рази, разгневанна судьбина,
О смертной час, скорей теки!
Приди, желанная кончина,
И жизнь несносу пресеки.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XIV. АПРЕЛЯ 6 ДНЯ

42

Господин издатель!

Отъезжает любовник, оставляет верную свою любовницу, какой прежалостной вид изобразить должна картина! Любовница держит любовника в своих объятиях, он целует ее руки, страстные взоры их устремлены друг на друга. Сладчайшие минуты, но минуты и самозлейшие, она видит пред собою обожаемый ею предмет, но видит его в последний раз, разлука твердится в уме ее, жестокое мучение наместо утехи она ощущает, лютейшею горестию покрыто лицо ее, слезы, лиющиеся беспрерывно из глаз у ней, окропляют ее любовника, орошают и то место, где сидят они. Ах! г. издатель, какая это жалость! какие вздохи, какие речи, страдания их всего изъяснить не можно. Вот следствии толь страстной и толь постоянной любови, любовь кажется преисполнена сладостей, а ежели рассмотреть ясно, то найдется, что любовь больше преисполнена досад и печали, нежели утехи.

Я посылаю вам сочиненные на сей случай стишки для того, что любовь ныне у нас завелася большею частью модная, что значит: увидеть, влюбиться, получить склонность и тотчас сделаться неверным, а еще моднее: влюбляться и изменять раз по сту на день, а эдакая любовь почитается уже за редкость, так и прошу, чтоб сие напечатать.

*

Нежалостливый рок все радости кончает!
Любовника в страну далеку отлучает,
Любовнице напасть и муку приключает.
Уже она собой не может обладать,
Ничто не может ей в тоске отраду дать,
Да как не рваться ей и как ей не страдать,
Течение слезам по воле отворяет
И горести своей ничем не умеряет,
Она в нем верного любовника теряет!
Колико тяжело в неволе быть кому,
Тяжеле во сто раз любовнику сему,
Он чувствует всю скорбь по сердцу своему,
Но следовать своей ему судьбине должно,
Расстаться навсегда, расстаться с ней не ложно,
И этого никак переменить не можно!
Мучительно сие любовнице снести,
Мучительней еще, любя без всякой льсти,
Услышать от него в последний раз: прости.

43

Господин издатель Трутнев! [61]

Я ужесть как на тебя зла: я табой взбешена, ах! радость, какой ты несносный человек, па чести этого я не вабражала, возможна ли што тебя ништо не может удержать ат такой склонности, какая тебе не делает чести, ты мне кажешься пахожим в этам на женьщину из наших сестер: не уймешь какетку от амуров, манерщину от нарядов, а тебя от переправок чужих сочинений. Это, радость, очень гадка! простила бы я твою переправку, когда бы ею сочинение мае было исправлено, а то позволь тебе сказать: оно испорчено! ты, радость, нывыразумел мысли живаписицы: она в первай картине изобразила толька праныpства подлого человека, какой может не выше секлетаря был, а ты его пажаловал судьею. Другая испорчена ж, да еще-таки с милости. А в третей у ней представлен Худасмысл с надписью: каков был с молоду худой резолют [62] в делах приказных, таков поныне, такаву видна и умереть ему, што и есть пряма Худасмысл. А ты его назвал худым человекам и худым судьею из чего разуметь можна: бессовесного, грабителя и неправосудного... Худасмысл правда что судья, да он толька эта имя на себе носит, а дела делает его секлетарь и другие судьи таварищи. Ты, радасть, поумничал, да некстате. А ином уж я и не гаворю, што из женскава слога сделал ты подьяческай, наставил ни

к чему: обаче, иначе, дондеже, паче. Мы эдаких речей ничуть не пишем, у мужчин они в употреблении, а у женщин нет. А я чаю как в паследних трех картинах, так и падавно нечево ждать добрава, каких я думаю наставил ты там жучек в епанечках.[63]

В этам письме нет прежней маей ласки, да кто виноват, ты своими переправками сделал эту во мне перемену. Уймись, радость! в пративном случае напишу я на тебя сатиру и буду жаловаться твоей прабабке.[64]

44

Государыня моя, госпожа молодая сочинительница!

Ежели бы получил я ваше письмо вчерась, то бы дошло у нас до превеликой ссоры. Вы чрезвычайно горячи, да и я также, сверьх того я взбешен был одною женщиною,[65] так немудрено, ежели бы и вам сделал грубой ответ, чего, по справедливости, вы и достойны. Но нынче я весел, и ваше письмо попалося мне в доброй час, итак, читайте следующей ответ.

Я, сударыня, не ведал, что вы самолюбивы, хотя и ведал из письма вашего, что вы женщина. Вы объявили себя молодою сочинительницею; итак, за нужное почел малые ваши погрешности исправить. Вы жалуетесь, что я женской ваш слог испортил и сделал подьяческой. — Уведомьте меня, сударыня, что вы разумеете под словом женской слог; то ли, что женщинам и в писаниях погрешности прощать надлежит, или только то, что ваше письмо написано слогом женщины, неправильно говорящей и, с позволением вашим, свойств и правил русского языка не знающей. На то вам скажу, что вы поразгорячась сказали лишнее. Другое ваше письмо я издаю в печать точно так, как его получил. Наконец, сказываете, что я лишился вашей ласки. — Неудивительно, сударыня, я знаю ваш пол. Есть между вами особливой род, называемой кокетки, они, сударыня, поминутно — нет, не скажу. Вы, конечно, их сами знаете. Я опасаюсь, не из числа ли их и вы, ибо никто так скоро рассердиться не может, как кокетка, когда при ней другую женщину хвалить станут, или скажут, что она не к лицу одета. Итак, сударыня, ежели вы из числа их, то я, лишась вашей ласки, тужить о ней не стану. Окончание вашего письма состоит в угрозах, что вы, написав на меня сатиру, будете жаловаться моей прабабке, — но у меня ее нет, а если написать вам будет нужно, то сообщите ко мне, я ее верно напечатаю.

45

УТЕШЕНИЕ

г. Любоправдовой [66]

Я Любоправдову с ответом поздравляю
И сожаление об оной изъявляю,
Что за стихов своих нескладно ремесло
От Смеси причтена в подьяческо число;
То правда; ты, мой свет, ошибку учинила,
Некстати ты и вы в стихе соединила,
Однако ты себя печалью не тревожь,
Остри свое перо и больше вздор свой множь.

На день рождения красавицы NN

21 марта 1770

Весны приятное начало
С твоим рожденьем воссияло,
Красавица! во граде сем.
О коль в прекрасно время года
Тебя произвела природа,
И сколько счастлива ты тем,
То каждому понять удобно,
Лицо твое весне подобно,
Приятности в нем блещут все,
Любви начальница, Киприда,
Что славна красотою вида,
Твоей завидует красе.

*

Ты равной духа красотою
С небес одарена судьбою
В благополучнейший сей день.
Твои поступки благородны,
К наукам ум твой превосходный
Из малолетства есть вперен,
Ты добродетель почитаешь,
Пороки гнусны презираешь
И купно следующих им.
Честными ты людьми любима,
Живи же вечно невредима
С драгим супругом ты своим.

К вензловому имени[67] *красавицы, вырезанному на хрустальном кубке*

Здесь блещет на стекле особы имя той,
Что добродетелью славна и красотой.

ИЗВЕСТИЕ

У переплетчика Веге продается книжка: Славенские древности, или приключения Славенских князей,[68] часть I, на белой бумаге 45 коп., на простой 40 коп. каждой экземпляр.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XV. АПРЕЛЯ 13 ДНЯ

46

Господин Трутень!

Кой чорт! что тебе сделалося? ты совсем стал не тот, разве тебе наскучило, что мы тебя хвалили, и захотелося послушать, как станем бранить? так послушай. — Ну, да полно, шутки в сторону. Пожалуй, скажи, для какой причины переменил ты прошлогодней свой план, чтобы издавать сатирические сочинении? Ежели для того, как ты сам жаловался, что тебя бранили, так знай, что ты превеликую ошибку сделал. Послушай ныне, тебя не бранят, но говорят, что нынешней Трутень прошлогоднему не годится и в слуги и что ты ныне так же бредишь, как и другие. Надобно знать, что хулы есть разные: одни происходят от зависти, а другие от истины; итак, я советую лучше терпеть перьвые, нежели последние. Что тебе нужды смотреть на то, что говорят другие: знай только сам себя. Пожалуй, г. новой Трутень, преобразись в старого и будь любезным нашим увеселением, ты увидишь, что и тебе от того больше будет пользы, а то ведь я чаю, ты, бедненькой, останешься в накладе. Мне сказывал твой книгопродавец, что нынешнего года листов не покупают и в десятую долю против прежнего.[69] Пожалуй, послушайся меня и многих со мною, а буде не так, так прощай, Трутень, навсегда.

Тот, кто написал.

Апреля 6 дня
1770 года,
В Санктпетербурге.

47

Господин издатель Трутня!

Мне кажется, что тебя избаловали похвалами, почему ты и вздумал, будто всякой вздор, да лишь бы напечатан был под заглавием Трутня,[70] то примется читателями, равно как и хорошие сочинении, в нем напечатанные. Ежели ты так думаешь, так поверь,* что ты много ошибаешься. В прошлогоднем твоем Трутне большая часть сочинений были очень хороши и им отдавали справедливость, например: ведомости, портреты, рецепты, твой Демокрит, некоторые пиески в стихах, также и многие письма в прозе, заключающие в себе столько остроты и соли, сколько хорошего вкуса, здравого рассуждения и чистоты русского языка. Нет нужды, и боже меня сохрани, чтобы я стал говорить, будто ты целил в них на известные тебе лица. Довольно того, что твои сатиры очень хороши. Я не скажу, чтобы совсем не было подобных прежним сочинениям и в нынешнем твоем Трутне, но скажу по чести, что они в нем так редки, как были редки в прошлогоднем худые. Этого кажется довольно, ты видишь, что я говорю искренно; итак, не сомневаюсь, что ты воспользуешься моим советом и будешь в выборе пиес поразборчивее. Прости, г. издатель!

Услужница ваша
Не отгадаешь кто.

48

Подобных сим я получил еще четыре письма, в коих во всех приносится инде с ласкою, а инде с бранью на меня жалоба мне же самому. Говорят, меня избаловали похвалами. Прошлогодней Трутень хорош, нынешний дурен, гадок. — Господа читатели! господа читатели, остановитесь хоть на минуту! За что вы на меня гневаетесь? прошлого года кричали вы, что в моем издании кроме ругательства и брани, подлых мыслей и проч. ничего нет,** и за то меня бранили; браните и ныне за то, для чего нет в нынешнем издании подобных прежним сочинениям. Милости-

---

* Я не скажу **радость**, для того, что тебя ныне приличнее назвать **печалью**, ты, мой свет, очень достоин, чтобы хорошенько побранить тебя, но, однако ж, я еще потерплю.

** Смотри **и То и Се** и **Всякую Всячину**, еженедельные сочинения 1769 года, в которых брани мне написано очень много. Во **Всякой Всячине**, правда, что она относится к лицу г. **Правдулюбова**, но в **и То и Се**, без рассуждения и без причины, прямо на мое лицо, что хотя и не походит на П. . . . . .[71] но я. . . .

вые государи! скажите ж мне, кто из вас говорит правду и кого я должен слушать? Если правы последние, так за что меня бранили перьвые? Если ж правы перьвые, то не стыдно ли бранить меня последним? Я знал и прежде, что на всех угодить невозможно, а ныне узнал то опытом над самим собою.

Итак, господа читатели, не прикажете ли сказать, что прошлогодней Трутень большею частию нравился вам для того, что это было еще ново, но по прошествии года все еженедельные сочинении вам наскучили. Не с одними ими вы так поступаете, всякая новость вас прельщает, а потом и наскучит. Ежели так, то не прикажете ли всякой месяц переменять заглавия. . . Наконец, оставляю вас рассуждать по произволению, оставьте только меня в покое, я вас не трогаю, не браните ж и вы меня.

49

Г. издатель!

Скрепи свое сердце! Я поразить тебя намерен! Несчастной! ты не ведаешь своей горести. Послушай, да не заплачь, не пролей реками слез твоих, ныне и без того грязно. Ну! укрепись и выслушай. Прабабка твоя, госпожа Всякая всячина, скончалась.[72] Это еще скрывают, но через неделю о том узнают все. Бедной сирота! ты остался у нас один. Что я вижу? ты плачешь! Не плачь, бедняжечка, а мы, право, не заплачем. Во утешение твое, сочиняю я твоей прабабке похвальное слово и как скоро оное окончу, то к тебе его сообщу. Ах, бедной Трутень! как ты мне жалок! Не умри и ты, ибо многие видят в тебе смертельные признаки. Добро, вы, читатели, всех издателей перепоморили,* экие варвары! Ну прости, голубчик мой Трутень, миленькой Трутень, пожалуй, береги себя, не простудись, ныне еще погода не очень хороша. Прости, сироточка, живи невредимо на многие лета. Сего желает.

С превеликой печали о кончине твоей прабабки, право, позабыл как меня зовут.

За сожаление благодарствую, печаль о кончине Всякой всячины хотя и велика, однако ж не такая, чтобы я позабыл, что мы все смертные. Впрочем, много милости. . .[73]

---

* У меня есть приятель ремеслом один из тех, которые людей морят. Он меня за подлинно уверял, что моровое поветрие на издателей точно от того сделалося, что они всегда бранились, а причиною тому были читатели, ибо они своими письмами их ссорили

50

Господин издатель!

Давно хотелося мне с тобой познакомиться, но недосуги мои не допущали, а ныне привлекает к тому необходимость. Мне нужны твои советы. Пожалуй, будь со мной откровенен, я малой, право, доброй, и со мною ужиться в согласии очень легко. А ты хотя и не совсем мне полюбился, однако ж приметить я мог, что ты человек доброй. Много ты имеешь слабостей, да и я также, а, может быть, еще и одинакие; как же быть, ведь мы человеки, часто случается, что делаешь то, чего бы и не хотел сделать, но оставим это. Я приступлю к делу. Я вознамерился в нынешнем году издавать Модное ежемесячное сочинение[74] и посвятить его красавицам. Но прежде захотел спросить у тебя совета искреннего: ты уже другой год около этого промысла трешься, так, конечно, все узнал; итак, пожалуй, скажи мне, не хлопотно ли это и не надобно ли мне будет с кем-нибудь ссориться. Это меня пуще всего стращает, ибо я до ссор не охотник. Совет твой решит мое сомнение, а я буду либо настоящим издателем, или останусь только вашим слугою и будущим издателем модного сочинения.

Господин будущий издатель Модного сочинения!

Я вам не могу дать иного совета, как только, чтобы вы о будущем своем издании посоветовали сами с собою. Хлопот издателям довольно и еще и заботы, а временем и убытка, но заглавие вашего издания от последнего вас, конечно, избавит; ссоры также бывают; впрочем ежели вы такой доброй человек, то я бы хотел вас иметь своим товарищем, может быть, вы своим заглавием периоди[че]ские сочинении опять введете в моду у читателей.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XVI. АПРЕЛЯ 20 ДНЯ

51

Господин издатель!

Говорят, что скупость не глупость. Правда, ежели сию пословицу взять в настоящем смысле, то она весьма справедлива и много в себе заключает доброго, но в противном случае многие

люди ей следуют слепо, не входя в смысл ее. По мнению моему, произойдет то, что скупость превращается не только что в глупость, но и сделается гнуснейшим пороком, а щедрость в хитрость, затем что скупость наводит ненависть, а роскоши приобретают друзей.

При сей нравоучительной речи взбрела мне на ум женщина, которая, ежели б только какая-нибудь академия имела нужду в профессоре скупости, то, верно, могла бы в сем училище заступить место первейшего. Я уверен, что бы она учеников своих научила, как полушку делить на шестнадцать частей. Может быть, ты ее узнаешь, когда я тебе ее опишу.

Она женщина лет уже не молодых, с косую сажень без полуаршина в вышину, а в плечах от большого жира четверти в полторы без осьмой доли; глаза составляют большую часть ее лица, а нос по пропорции ее вышины двадцать четвертое разделение, руки на подобие анатомических называемых препаратов, налитых воском и высушенных, по которым положение кровяных и прочих сухих жил распознавать научаются, только сии превосходняе потому, что без трудов операторских от наблюдаемого ею хорошего диэта течение крови ясно видеть можно. Платье она носит такое, которое сама собственными трудами себе доставляет, говоря, что ни один портной по ее нраву сшить не может. Скупает ветошки от торговок, кои их продают куклодельницам, а на рубашки себе скупает полотно небеленое от крестьян, приезжающих из деревень, ценою аршин в шесть копеек с полушкою и, чтоб подешевле обошлось, после сама отбеливает.

Зимой сидит дома на часах при деньгах, сказываясь всегда больною, отвращая тем к себе от гостей посещения, и собирает приход наистрожайше без упущения за наймы покоев от жильцов, которые деньги платят наперед, а ежели по случаю кто чего в месяц не доживает, то вычету из забранной суммы не бывает, а летом только к тем друзьям ездит, кои сады имеют, и беспокоит их своими просьбами, чтоб ее снабдить теми и семи овощьми, которые подороже, а иногда сводит тесную дружбу с разносчиками всякой зелени чаркой водки, чтобы уступка на товар поболе была.

Надобно знать, что она имеет мужа, которого годовой доход заключал прежде сего несколько тысяч рублев, а ныне хотя менее, но токмо еще с достатком, отчего он себе и нажил изрядной каменной дом, из-под которого каменной фундамент выломан, а наместо его подкачены сундуки, наполненные деньгами, по той причине, чтобы, во-первых, занятую кладовую палату очистить и отдать в наем, а, во-вторых, чтоб избавиться от похитителей сего сокровища. Я имел в той части города, где она

живет, дело и, вздумавши, что я ее мужу должен поклоном за его посещение, пошел к нему для засвидетельствования моей учтивости. По несчастию моему, был стол накрыт, когда я в покой вошел, и по усильной просьбе сожителя сей экономки я никак от обеда отговориться не мог; итак, я должен был, следуя благопристойности, к вящему моему неудовольствию быть за столом свидетелем упадающих слез плачущей хозяйки о моем присутствии, вздохам, жалобам о дороговизне и произносимому стону о ее бедности, а паче сокрушению о одной тогда в кухне разбившейся каменной тарелке. Кушанье же походило на весьма походное или на степное, а не на городское, и, вместо сытости, я набрался более голоду и, пришедши домой, принужден был настоящим образом обедать.

Ежели же ее позовут в гости обедать, то она желудочной магазейн впредь до такого для нее опять торжественного дня наполняет следующим образом. Стесненной во время пребывания дома шнурованием запасной двор распространяет тогда в гостях широким корсетом, за столом сидя еще развязывает и отпускает и так без всякой невозможности на долгое время у себя дома сыта бывает, набравшись наилучшими кушаниями.

Когда же чрезвычайность такая случится, что она от гостей не скроется, а примет их благосклонно, то ежели с большим принуждением чаю подать велит, всякого и заведомо спрашивает, как кто жалует пить, с прикускою или нет, и тотчас напоминает дороговизну сахара и сама дома у себя не инако пьет, как с прикускою, в гостях же весьма наблюдает довольную сладость в чайных чашках.

Г. издатель, я описал вам только малую часть поступок сей женщины, и потому судите о ней, чего она достойна. Я бы сам вам о том сказал, но боюсь, что, может быть, это вам не понравится; итак, прекратя сие, остаюсь

Ваш покорный слуга,
Ненавистник зла.

52

СТИХИ

На смерть
Федора Александровича Эмина,
Российской истории писателя,
последовавшую в Санктпетербурге 18 апреля 1770 года,
писанные к его другу

К тебе, кой дружбы был Эминовой искатель,
Пишу печальной стих, ты будь мне сострадатель,

Прими участие в тоске моей души,
О смерти днесь его со мною потужи.
Я знаю, что его ты другом почитался,
И знаю, что скорбишь, что с ним теперь расстался.
Жаленья нашего сей есть достоин друг
За множество его оказанных заслуг,
Во время краткия своей на свете жизни
Он нашей описал деяния отчизны,
От отдаленнейших начавши самых лет,
С которых только мог Россию ведать свет,
Что Нестор написал, что предал Ломоносов,
Татищев [75] и Хилков,[76] писцы дел древних россов,
И множайших других писание мужей,
На коих шлется он в Истории своей,
Старался он сводить и привести в согласность,
Доказывая их одних с другими разность.
По вычислениям исправным всех времен
Ученой свет ему тем много одолжен,
Он сих его заслуг вовеки не забудет,
Бессмертная ему за труд сей слава будет,
И будет сожалеть, что так в короткой век
Его полезну жизнь свирепой рок пресек.
Но что жалеть о том, чему помочь не можно,
Нам вслед его итти, хоть рано ль, поздно ль должно,
Хотя природа наш дух к жалости влечет,
Коль пред глазами зрим печальной мы предмет.
Умерший всем нам сей приятель есть свидетель,
Мы, дружбу вспомнивши его и добродетель,
От жалости себя не можем воздержать,
Но что ж осталось нам, осталось лишь сказать:
Прости навек, Эмин, прости, наш друг любезной,
Ты будешь вечно жив чрез труд твой, всем полезной.

53

Господин издатель!

Всякая всячина простилась, и То и Се в ничто превратилось, Адская Почта остановилась, а Трутню также пора лететь на огонек в кухню, чтоб подняться с пламенем сквозь трубу на воздух и занестись сам не знаю куда, только чтоб более людям не быть в тягость и не наскучить своими рассказами. Что за вздор! долго ли и впрямь читать одно да одно, все Трутня да Трутня! Сколько денежек ни выдавай, а другого не ожидай, как посмотришь на листок, так все заглавие одно носит имя.

Что нужды до содержания, когда не разное именование, вы бы все, сколько вас ни было, старались лучше о выдумках, чтоб, по крайней мере каждой месяц. . нет, долго, каждую неделю переменить именование своего издания. Удивительно, право, как вы по сие время еще не переняли поступки красавиц, которые бы вам хорошим образцом в таком случае служить могли. Представьте себе только, сколь тонок их вкус, оне никогда не делают то, что с переменою не сопряжено, так как же такое бесконечное племя издания читать без скуки, которые свое звание не переменяют. Нет, я вам чистосердечно признаюсь, что я давно об них и слышать не хочу. Сперва я было-таки листков с десяток без троякого прочитания не оставлял, да и во сне про них видал, а ныне ужесть как несносны, да и скучно об них ведать, что оне в свете есть. Ну, прости, мне не досуг больше писать, пора мне ехать в ряды и купить. я сам не знаю, что.

Ваш покорный слуга
Вертопрах.[77]

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XVII И ПОСЛЕДНИЙ

АПРЕЛЯ 27 ДНЯ

54

ПЕСНЯ

Не знала я, что пагубна любовь
Несчастных мучит и терзает,
Я чувствую, зо мне волнует кровь,
И дух томится и страдает
В любви такой,
Ах, все смущает,
Отнят покой.

*

Нигде уж для меня веселья нет:
Оставлена моим неверным,
Противна жизнь, и неприятен свет
Уж навсегда очам сим слезным.
Рассталась я,

Ах, ввек с любезным,
Несчастная.

*

Почто изменника я своего
Еще любезным называю?
Забыл меня, забуду я его:
Но ах! почто не забываю
Льстеца сего? —
Нет... Обожаю
Еще его.

Любезен он и мил моим очам,
Хотя мне сделался неверен,
И сердца я другому не отдам,
Ах! пламень мой безмерен,
Себя гублю,
Ах! будь уверен —
Тебя люблю.

*

Навек в моем ты сердце впечатлен,
Оно всегда тобой пылает:
Навек несчастную ты взял во плен,
Лишь о тебе она вздыхает,
К тебе горит
И лобызает
В уме твой вид.

*

Ах, сжалься ты, жестокой, надо мной!
Смягчись моими ты слезами,
Приди ко мне и возврати покой...
Или постигнута бедами
Ввек жизнь моя,
И ввек судьбами
Сраженна я?

55

Г. издатель Трутня!

Я и многие со мною имеем справедливую причину на тебя да еще на г. издателя Смеси жаловаться. Вы своими шутками причиняете нам убыток: не подумайте, чтобы я жалел о тех

деньгах, которые платил за ваши листы, боже меня сохрани от такой несправедливости, я всегда скажу, что мы за оные платили деньги с превеликим удовольствием, ибо получали от того пользу и увеселение. Выслушайте ж мою жалобу, она истинно справедлива, вы критиковали, не знаю, какого-то стихотворца, может быть, и весьма справедливо, да дело-то в том состоит, что вы его, как говорится, задели за живое. Он на вас разгневался, как раздраженной стихотворец, пылал яростию и желал отмстить свою обиду. По несчастию общему всех читателей, это случилося в то самое время, когда сей стихотворец издавал в печать книжку своего перевода.[78] Тут-то он себя удовлетворил, ибо к книжке, состоящей менее трех листов, написал на четырех листах предисловие, в котором пространно утверждал, что критикующие люди злые, а критики их неосновательные, что они в силу указов дарованную вольность умам употребляют во зло, осмелясь критиковать человека, достоинствы свои совершенно знающего, что он те критики, яко неистояробеснующихся молодичей,[79] малыми своими душевными добротами и слабоблещущими пылинками острого разума воспроизжелавших посверкать, соблаговоляет уничтожать и презирать и что он на них ни единого не будет ответствовать слова, но, забывшись, исписал четыре листа, наполня из предсердия его исходящим ругательством, не позабыв притом прикрыть сие завесою благочиния. А все это почти за одно словцо: Р ы г а т ь. Вам шутки, а нам убыток, ибо за двадцати пяти копеечную книжку принуждены мы платить по пятидесяти копеек. Словцо это показалось и в новом вашем Трутне, что все предвещает, что мы опять напрасной убыток нести будем, а книгопродавец без предисловия той книжки не продает. Итак, прошу вас, г. издатель, пожалуйста, оставьте его в покое, не рыгайте новоизобретенными его нелепыми изречениями и тем не причиняйте нам убытка. О сем просит

покорный ваш слуга
Я в своем доме.

Москва,
1770 года
в апреле месяце.

56

Письмо г. с печали позабывшего свое имя и при нем сообщенное на погребение В с я к и я в с я ч и н ы похвальное слово, так же как и прочие присланные ко мне письма, некоторые в стихах сочинении и м о л о д о й в Р о с с и и п у т е ш е с т в е н н и к [80] напечатаны не будут, ради того, что Трутень, с превели-

кой печали по кончине своих современников, и сам умирает. Надлежит заметить, что поколение еженедельных 1769 года сочинений с ним пресекается.

57

РАССТАВАНИЕ ИЛИ ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАНИЕ С ЧИТАТЕЛЯМИ[81]

Против желания моего, читатели, я с вами разлучаюсь; обстоятельствы мои и ваши обыкновенная жадность к новостям, а после того отвращение тому причиною. В минувшем и настоящем годах издал я во удовольствие ваше, а, может быть, и ко умножению скуки, ровно пятьдесят два листа, а теперь издаю 53 и последний, в нем-то прощаюсь я с вами и навсегда разлучаюсь. Увы! как перенесть сию разлуку? Печаль занимает дух.. Замирает сердце. Хладеет кровь, и от предстоящего несчастия все члены немеют. Непричесанные мои волосы становятся дыбом, словом, я все то чувствую, что чувствуют в превеликих печалях. Перо падает из рук. . . . Я его беру опять, хочу писать, но оно не пишет. Ярость объемлет мое сердце, я бешусь, бешенство не умаляет моей скорби, но паче оную умножает, но я познаю мою ошибку, перо еще не очинено, я бросил его опять, беру другое и хочу изъявить состояние души моей, но печаль затмевает рассудок, с какою скорбию возможно сравнить печаль мою, не столько мучится любовник при вечном разлучении со своею любовницею, не столько бесился подьячий, как читал указ о лихоимстве, повелевающий им со взятками навсегда разлучиться, не столько печалится иезуит, когда во весь год не продаст ни единому человеку отпущения грехов или когда при последнем издыхании лежащего человека уговорит в пользу своей души лишить наследников своего имения, пустить их по миру, а имение, беззаконно им нажитое и награбленное, отдать им в чистилище, будто бы тем учинить возмездие и чтобы омыть скверну души его, но больной сей выздоровеет и переменит свое намерение, не столько страдал Кащей, когда неправедно захваченное им стяжание законно отдано, кому оно принадлежало, не столько бесится завистливой Злорад, когда при нем другие похваляются, или когда он кого ругает и ему не верят, не столько терзается стихотворец, когда стихи его не похваляются, не столько бесится щеголь, когда портной испортит его платье, которого он с нетерпеливостию ожидал и в котором для пленения сердец хотел ехать в Екатерингоф на гулянье, или когда ему парикмахер волосы причешет не к лицу, а он хочет ехать на свидание; не столько мучится и кокетка, когда любовник ее

оставляет и предпочитает ей другую женьщину или когда ее не хвалят... Нет, печали всего света с моею сравниться не могут! Я пишу мою скорбь и опять вычерниваю, буквы мною написанные кажутся малы и, следовательно, не могут изъяснить великость оныя. Я черню и перечерниваю, засыпаю песком, но ах! вместо песошницы я употребил чернильницу. Увы! источники чернильные проливаются по бумаге и по столу. Прозорище сие ослабляет мои чувства... Я лишаюся оных. падаю в обморок.. упал на стол, замарал лицо и так лежу.. Чернильной запах, коснувшись моего обоняния, возвращает мою память.. открываю глаза... но при воззрении из глаз моих слезы проливаются реками и, смешавшися с чернилами, текут со стола на пол. В таком положении нечаянно взглянул я на читателей, но что я вижу? Ах, жестокие! вы не соболезнуете со мною? на лицах ваших изображается скука... Варвары, тигры! вы не проливаете слез, видя мою горесть? так-то вас печали других трогают? теперь неудивительно мне, что при представлении трагедии в самом печальном явлении, на которое сочинитель всю полагал надежду и надеялся, что весь партер потопите слезами, но, увы, ни у единого из вас не видно тогда было ни капли слез; жестокие! вместо пролития слез вы тогда зевали, будто бы было вам то в тягость. Так-то награждаете вы труды авторские? но почто бесплодно терять слова, окамененных ваших сердец ничем невозможно тронуть! Я заклинаю себя наказать вас за вашу свирепость... бешенство мною владеет... так я вас накажу. но. на что колебаться, слушайте приговор вашего наказания: впредь ни единой строки для вас писать не буду... Вы приходите во отчаяние... нет нужды, ничем вы меня не смягчите, и слово мое исполнится. Я столько ж буду жесток, как вы. Прощайте... Слушайте, читатели, я хотел было сочинить двенадцать трагедий в том вкусе, о которой трагедии недавно я упоминал, двадцать комедий, пятнадцать романов... но вы ничего этого не увидите. Читайте... Ну, прощайте неблагодарные читатели, я не скажу больше ни слова.

ИЗВЕСТИЕ

Которые платили деньги переплетчику Веге за весь год Трутня и получили от него билеты, те могут достальные деньги по расчету от него получить обратно, а которые билеты получили не от него, те должны возвратить тем, от кого оные получили.

ПУСТОМЕЛЯ

1770 г

ПУСТОМЕЛЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ СОЧИНЕНИЕ
1770 ГОД МЕСЯЦ ИЮНЬ

ПИСЬМО К НКЛ: ЛКСВЧ: ЛДЖНСКМ:

Любезной друг!

Удивишься ты, когда узнаешь, что в отсутствие твое судьба, или лучше сказать, моя слабость сделала меня автором ежемесячного сочинения; я и сам не меньше твоего тому удивляюсь, но дело уж сделано. Я не ведаю, хорошо ли будет окончание моего труда, но знаю то, что ежели оно будет худо, то в бытность твою здесь не сделал бы я сему начала: дружба твоя ко мне и редкое чистосердечие меня от того отвратили бы. Я избрал тебя, любезной друг, своим меценатом и посвящаю первой месяц начальных трудов моих; естьли понравятся они тебе, то я уверен, что понравятся и многим: хорошей твой вкус, знание во словесных науках и беспристрастие в том меня удостоверяют. Но достанет ли тебе время на прочтение сей безделки? Ты сражаешься с неприятелями нашего отечества; ты будешь участником тех славных лавров, коими прехрабрые российские воины по справедливости увенчаются. Слава дела ваши возвестит позднейшим потомкам и удивит их. Нет, любезной друг, не трать времени для безделки, оно драгоценно; всякая минута умножает вашу славу. Продолжай ревностно пещися о исполнении твоей должности; имей в памяти примеры храбрых и славных людей и подавай собою примеры. Посвяти услуги твои и самого себя премудрой и великой монархине, истинной матери подданных своих, в пользу твоего Отечества; преодолевай врагов: ты Россиянин, сего ко преодолению и ко приведению их в ужас довольно. Наконец, естьли останется свободная минута

от исполнения твоей должности, то посвяти ее нашему дружеству. Вспомни, что я навсегда

верный твой друг С. П.[2]

ИЗВЕСТИЕ

Ежемесячное сочинение, под заглавием Пустомели, выходить будет каждого месяца к 15 числу и продаваться в луговой Миллионной у переплетчика Веге по 25 копеек экземпляр в бумажном переплете. Естьли кто пожелает во оном издании поместить письма или сочинении, те могут оные сообщать к помянутому переплетчику с надписанием: Господину сочинителю Пустомели.

ПУСТОМЕЛЯ

1

То, что употребил я вместо предисловия

Тысяча желаний, набившиеся в мою голову, затмевают рассудок, так что я не знаю, которое прежде удовольствовать и чем начать: вот каково в перьвой раз сделаться автором! Пустого писать не хочется, а хорошее скоро ли придумаешь? Мне и самому несносны те авторы, которые сочинении свои начинают вздором,[3] вздором наполняют и оканчивают вздором. Пишут все, что ни попадется; спорят, критикуют, решат и, запутавшись в мыслях, изъясняются весьма неясно: тут следуют у них сухие шутки, будто оставляют темные места на догадку читателя; но ежели сочинитель по чистой совести захочет признаться, то скажет, что и сам он того не понимает; и так останется истинная причина, что яснее не мог того написать. Многие ныне принимаются писать, думая, что хорошо сочинять так же легко, как продавать снурки,[4] серьги, запонки, наперстки, иголки и прочие мелочные товары, коими щепетильники [5] торгуют в деревнях и меняют оные на лапти и яицы, но они обманываются. Щепетильнику нужно только трудолюбие и несколько ума для различения хороших товаров от худых, ибо и продаются оные людям не гораздо просвещенным, то есть таковым, каковы наши крестьяне и крестьянки. Но чтобы уметь хорошо сочинять, то потребно учение, острой разум, здравое рассуждение, хорошей вкус, знание свойств русского языка и правил грамматических и, наконец, истинное о вещах понятие; все сие вместе есть искусство хорошо писать и в одном человеке случается весьма редко, ради чего и писатели хорошие редки не только у нас одних, но и в целой Европе. Кто пишет, не имевши дарований и способностей,

составляющих хорошего писателя, тот не писатель, но бумагомаратель. По несчастию нашему, у нас много таких писцов, кои, напечатав пять страниц худого своего сочинения, принимают на себя название автора, будто бы авторство зависело от типографии. Типография за деньги печатает книги, но ума не продает: кто пишет наудачу, тот грешит против здравого рассудка; таких грешников не только у нас на Руси, но и во Франции много.* Они пишут все, что с ними ни повстречается, хватаются за все, начинают и никогда не оканчивают, затем что не имеют цели своим желаниям. Что нравится им, то, думают они, понравится и всем. Но это уже чересчур много обижать читателей, будто они хорошего отличить не умеют от худого. Сказывают, что самолюбие не только что с хорошими писателями, но и с мелкими бумагомарателями неразлучно; а некоторые уверяют, что оно и тогда прилипает, когда еще они намереваются быть писателями; но я сего не утверждаю, а скажу только, что самолюбие есть болезнь самая прилипчивая и для писателей опасная. Я исследовал самого себя и думал, что я не самолюбив, но меня одна госпожа, которую я очень много почитаю, уверила, что я обманулся:[6] и подлинно, я после узнал, что погрешности в чужих сочинениях мне гораздо приметнее, как в своих, может быть, оттого, что критиковать легче, нежели сочинять, как некоторые утверждают, но я этому не совсем верю и думаю, что правильно и со вкусом критиковать так же трудно, как и хорошо сочинять. Впрочем, чистосердечие осталось во мне и поныне, ибо я тотчас соглашусь и поверю, кто скажет мне, что я написал худо, но, кажется, тому поверю больше и лучшего о том человеке буду мнения, который похвалит. Я еще скажу: самолюбие прилипчивая болезнь. Писать еще лишь только начинаю, а критиковал уже многих. — Но я, заговорясь, удалился от своей цели. Говорить и заговариваться, переходя из материи в материю, есть одна из моих слабостей. Читатель! тебе надобно к этому привыкать: в продолжение моего издания нередко это случаться будет. Ну, г. читатель! теперь я стал автор; может быть, захочешь ты прежде всего узнать мое имя; однако ж не жди, чтобы я тебя об оном уведомил. Сколько хочешь, сам думай, отгадывай, разведывай и трудись, мне до того нужды нет. Многие из вас столько жадны к новостям,[7] сколько подьячие ко взяткам, щеголи и щеголихи к новым модам и кокетки к волокитству, и столько легковерны, как ослепленные любовники. Вы часто

---

* Может быть, скажут мне, что я и сам годен в число сих грешников; не поспорю, но скажу в ответ, что я на свои слабости так же смотрю, как и на чужие.

о сочинениях судите по сочинителям, а некоторые из вас и не читавши, но по одному только слуху делают неправильные заключении; итак, польза моя требует, чтобы я имя свое утаил. Не знавши оного, как скоро прочтешь ты десять строк моего сочинения, то наверное заключишь, что я писатель на третьей статьи; может быть, подумаешь, что я человек знатной, следовательно критиковать не осмелишься; ты подумаешь, может быть, что я — но нет, этого не скажу,[8] а оставлю на твою догадку. Естьли ж бы узнал мое имя, то, может быть, и переменил бы свое намерение и, вместо почтения, начал бы меня уничтожать.[9] Сносно ли это автору? автору новому, да и такому, которой предприял прославиться во всех концах пространной России? Современем будут удивляться моим сочинениям, станут их превозносить похвалами, будут покупать с превеликою жадностию и за дорогую цену; скажут: это преславное сочинение, которого автор нам неизвестен, заслужи. Потише, потише, г. автор, умерь свой восторг, помолчи и оставь это на догадку читателей. Не уподобляйся без нужды тем несносным самохвалам, которые выпрашивают, или лучше сказать, отягощая слушателей чтением своих сочинений, похвалу из них вымучивают и после проповедают, что они до небес оными превознесены были. Пускай завистники из всей силы кричать будут, что твое сочинение вздор. — Ты этому не верь; пусть бедные писатели со слезами просят, чтобы их из милосердия не критиковали, и пусть испрашивают они у читателей благосклонного принятия трудов своих: тебя не такая ожидает участь, и для того поступай с читателями отменно.[10] Прими на себя важной вид, подобной тем авторам, которые, не больше десяти строк написав, отнимают первенство у всех прежде их прославившихся творцов. С первой строки приведи читателей своих в удивление и, не дав им опомниться, пользуйся их смятением, повелевай ими по своему желанию, приказывай им бегать вослед за парящим твоим разумом: пусть будут они гоняться по всем местам за летучими твоими мыслями. Естьли ж ты сам начнешь уставать, то поймай Пегаса и, седши на него, разъезжай по своему желанию; мучь его, сколько угодно, он будет тебе покорен. Но ежели, паче чаяния, он попротивится и тебя не пустит сесть, то. но этому быть не можно. Когда все несмысленные рифмотворцы сего бедняка мучат, то как он осмелится противиться тебе? тебе, который предприял овладеть всем Парнасом? Забудь, что не умеешь ты ни одного сплесть стишка; что нужды, что не знаешь ты правил стихотворства? Пиши прозу и научись только прибирать рифмы, ты и тем себя прославить можешь. Многие в стихотворстве не больше твоего знания имеют, но со всем тем

пишут трагедии, оды, элегии, поэмы и все, что им вздумается; короче сказать, естьли тебе Пегас попротивится, то поймай его за гриву, оборви крылья, сядь насильно и поезжай прямо на Парнас, сделайся властителем оного, перемени все по своему желанию и определи новые всем должности. Аполлона за худое правление накажи, определи его парнасским комиссаром у приему всех сочинений новых твоих стихотворцев; наказание велико, но он того достоин. Сам сядь на его место, возьми лиру и греми по своему желанию; что нужды, складно или нет, лишь только не жалей своих рук, греми громче, удивляться, конечно, будут. Муз распоряди другим порядком. Плаксивую Мельпомену одень в платье из трагических листов, в одну руку дай ей чернилицу с пером, вместо кинжала, а другою прикажи чаще размахиваться, бить себя по лицу и беспрестанно кричать: Ах! увы! погибло все! Вместо венца на голову прикажи комиссару своему написать ей эпитафию. Сим способом будет она смешить, а не плакать заставлять. Талию. ! О! эту насмешницу надобно хорошенько помучить, до сего времени она всех осмеивала; но ты сделай так, чтобы все, на нее глядя, смеялись. Платье сшей ей гаерское, в руку вместо маски дай ей вызолоченой пузырь с горохом и заставь читать Л** комедии,[11] которых она терпеть не может и которые ее, конечно, измучат. Обезьяну ее не позабудь поставить к ней поближе, и чтобы она сколько возможно больше коверкалась и тем смешила народ. Вот самое лучшее средство комедию превратить в игрище![12] Каллиопу сделай приворотником; украшения все с нее оборви, она их ныне не достойна; эпические стихи вырви из рук ее и брось; вместо трубы, дай ей рожок и прикажи наигрывать повести о троянских витязях.[13] Естьли ж захочешь ты отвратить посещении, которые тебе, как новому воеводе, непременно прочими богами сделаются, то прикажи ей читать одну из новых пиес, она, конечно, всех гостей рыганьем своим отгонит: ибо с некоторого времени Каллиопа стала весьма обжорлива.[14] Клио пусть ходит по гостиному двору,[15] рассказывает купцам разные истории и тем себя кормит. Эрату хотя бы и надлежало совсем отставить, но чтобы не сделать ей беспричинной обиды, то оставь ее для приманки, пусть новые твои стихотворцы будут за нею волочиться и станут писать элегии. О! они так ее взбесят, что она, конечно, сама попросится в отставку. Уранию совсем отставь и вели питаться мирским подаянием. Эвтерпа и Терпсихора, обе девки добрые, правда, что одна очень задумчива, но другая, напротив того, всегда весела. Оставь их обеих для себя; только до того времени без жалованья, пока не выучатся, перьвая играть на

волынке, а другая плясать в присядку. Полиминию пожалуй в копеисты и прикажи переписывать набело все свои сочинении. Славных авторов сделай разносчиками, прикажи им по всем местам продавать свои сочинении и выхваливать их сколько возможно больше; им к этому уже не привыкать. Слепого Гомера из жалости сделай хоть вахмистром при Парнасской канцелярии: этот бедной старик в разносчики не годится. Виргилию, наклавши полной мешок нелепых изречений, прикажи ходить по рынку и продавать их повольною ценою. Пегаса назови щепетильником и прикажи продавать по деревням билетцы, эпиграммы, загадки, эпитафии, песенки и прочие мелочные стихотвореньицы. Ну, г. автор! теперь ты весь Парнас оборотил вверьх дном: осталось только одно славное дело сделать. Все правилы стихотворства и грамматики уничтожь: это только пустое затруднение. Позволь писать всякому, кто как хочет и что взбредет на ум; ты увидишь, что у тебя стихотворцев будет во сто тысяч раз больше, как у старого Аполлона; комиссара твоего взбесят, завалят сочинениями и сделают тебе новой Геликон: лишь не накладывай на вранье пошлины. Впрочем, не худо будет, ежели ты Ипокренскую воду превратишь в чернилы, новым твоим рифмотворцам великое тем сделаешь облегчение. Наконец. да где ж мой читатель, и что он делает? А! он не посмел за мною следовать и, оставшись в Петербурге, заснул. Подожди, я тотчас тебя разбужу. Читатель! Но, увы! Я и сам проснулся и сделался из Аполлона простым писцом: такое превращение несносно! А причиною сему ты, читатель; ты помешал мне наслаждаться приятною мечтою. Скажешь, что все это вздор! согласен; но мало ли подобных сему вздоров ты хвалил? так поступи, пожалуй, и с моим так же. Желать того, чего не можно получить, и возвышаться выше своей сферы есть слабость общая всех человеков. Все люди бредят, но бредят только во сне, а молодые писцы имеют дар бредить и въяве. Теперь узнал ты, читатель, каково иметь дело с молодым писателем и его восторгом. Я начал писать предисловие, в котором должен был уведомить о том, что́ буду сообщать в моем издании, но, заговорясь о том, совсем позабыл; я бы должен был ошибку мою исправить и хотя теперь о том тебя уведомить, но боюсь обещать море, чтобы после не вылилась лужа; итак, всего лучше о том не сказывать. Естьли захочешь читать мое издание, так читай, пожалуй, то, что будет написано; естьли ж тебе не понравится, так не читай: в моей власти состоит писать, а в твоей читать или нет. Ты поступай в том по своему благорассуждению, а меня оставь следовать моему: кажется, что сим средством можно прожить нам бессорно.

Титульный лист первой книжки журнала «Пустомеля». (Увеличено).

2

Часто бывает, что люди впадают в пороки по одному добросердечию, но среди самых преступлений праводушие их сияет, и великость духа оказывается; следующее приключение послужит сему примером:

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Добронрав, новгородский дворянин, из поколений Стародуровых, поселившихся в тот город еще при царе Иване Васильевиче Грозном на место побитых дворян, имел около четырех тысяч рублев годового дохода и был один из числа тех, кои называются хлебосолами, которые по добросердечию имением своим жертвуют увеселению друзей своих, часто забывая самого себя, и, стараяся помогать бедным, доходят нередко до беднейшего состояния, в каком были те, коим они помогали. Добронрав полагал удовольствие в том, чтобы быть вместе с друзьями своими. Дом его наполнен был всегда соседями, не только ближними, но и отдаленными дворянами и дворянками того уезда: роскошь и веселие всегда к себе привлекают, а отгоняет скука и бедность. Частые пиры и угощении сделали то, что Добронрав почитался увеселением всего новгородского уезда. Впрочем, веселая жизнь не помешала ему Добросерда, сына своего, воспитать так, как воспитывают детей своих благоразумные отцы нашего времени. Добросерд от природы одарен был красотою души и тела, имел острой разум, тихой нрав и благородную осанку; все сие красоту его лица еще больше украшало. Отец старался природные его даровании изострить учением и приумножить хорошим воспитанием, для чего выписывал из Петербурга людей известных разумом, учением и добропорядочным поведением ему в учители. Он не следовал примеру многих безрассудных стариков, которые детей своих обучают по-французски и по-немецки для того только, чтобы они на чужих языках могли болтать с праздношатающимися французами и немцами, удалившимися из своего отечества, может быть, для того только, что за беспорядочное свое и распутное житье честными и разумными людьми были презираемы. Но следуя благоразумию, употреблял остроту сына своего в собственную его пользу, в пользу отечества и в свое утешение; обучал его иностранным языкам для того, чтобы мог чтением славных авторов просветить разум и украсить память. Добросерд помощию своих наставников в скорое время обучился трем языкам: французскому, аглинскому и немецкому. Прочел почти всех славных авторов, получил

истинное о вещах понятие посредством логики и физики; обучался с прилежанием математике, истории и географии; последней особливо для того, чтобы совершенно знать положение областей своего отечества и соседственных с ним держав, ведать силу их и недостатки. Знал сокращенно деянии наших предков, хотя тогда печатной Российской истории еще и не было,[16] наставлен был в познании христианского закона и истинном богопочитании, удален от суеверия, делающего в мыслях разврат; короче сказать, Добросерд научен был всему тому, что нужно знать человеку, приготовляющему себя к вышним степеням, так что по справедливости почитался украшением и примером всех молодых дворян их уезда. Добронрав не мог довольно нарадоваться любезным своим сыном и, усмотря, наконец, что он в учителях уже нужды больше не имеет, наградил их богатыми подарками и, осыпав благодарностию, отпустил обратно. Надлежит теперь упомянуть о склонности Добросердовой к одной девице их уезда. Миловида была богатая дворянка и жила по кончине своих родителей под присмотром тетки. Девица сия при прелестях ее лица одарена была острым разумом, довольно научена, тиха, скромна и добронравна. Сходство их нравов при частом свидании произвело взаимное друг к другу почтение и отличность от прочих; и подлинно они были сотворены один для другого. Они друг друга любили, но не смели один другому объявить своей страсти и довольствовались самыми невинными забавами, препровождая время в разговорах. Каждой из них уверял сам себя, что не любовь побуждает их желать частых свиданий, но отличные от прочих душевные свойства; но они оба были еще молоди. Сие происходило до того времени, как Добронрав, исследовав по примеру благоразумных отцов склонности сына своего, вознамерился определить его в военную службу. Он, написавши просительное письмо к одному своему милостивцу, бывшему тогда знатным при дворе вельможею и которого милости купил он не за дешевую цену, отпустил его в Петербург, сделав прежде многие нужные наставлении и богатой пир для его отъезда. Добросерд во время пиршества имел весьма много времени быть вместе с Миловидою, и которое хотел он употребить в свою пользу, сделав открытие о своей страсти, но, говоря много, не сказал ничего. Так-то обыкновенно случается, когда любовь основывается на чести; почтение и боязнь, чтобы не оскорбить свою любезную, превращается в застенчивость. Они обо всем могут вольно говорить, кроме своей страсти; но сия застенчивость ныне уже из употребления выходит: ветреные молодчики при перьвом свидании успевают открывать страсть свою и чрез двенадцать часов о том позабывают.

Наконец, гости начали разъезжаться, и Миловида при прощании с Добросердом сказала: вы поедете в Петербург, веселости тамошние, конечно, истребят из памяти вашей... Нет, вскричал он, ничего не истребит из мыслей моих... Но ему помешали говорить, и он простился; глаза его то окончали, что язык начал. На другой день, простясь с любезным своим отцом, Добросерд поехал в Петербург. По приезде был он у господина*** и подал ему письмо. Он принял его весьма учтиво и обещал знатность свою употребить в его пользу. В скором после того времени Добросерд, быв на экзамене, получил офицерской чин, определен в полк и отпущен на год к отцу своему по просьбе его милостивца. Добросерд его благодарил. Господин*** уверял, что он ничего приятнее не делает, как то, о чем его просит Добронрав; что он никогда не позабудет его к себе одолжений... Но г.*** говорил сие для того, что Добронрав был еще богат; итак, Добросерд, откланявшись весьма учтиво, пошел домой и скоро потом отправился к своему отцу. В бытность его в Петербурге не мог он себя приучить ни к обращениям, ни к увеселениям городским; перьвые казались ему притворны, а последние принужденны. Был на маскерадах, удивлялся вольным обхождениям городских женщин, и сие больше умножило страсть его к Миловиде. Одни театральные позорищи понравились Добросерду: он почитал театр истинною школою не только для молодых людей, но и для стариков, в которой нужные всем наставления преподаются, и для того не прогуливал ни одного представления. Не следовал он примеру молодых людей, которые в театр за тем только ходят, чтобы посмеяться; но рассматривая с прилежанием, нужное замечал и по выходе исследовал сам себя, как строгой судья, не имеет ли какой слабости, которые того дня публично были осмеяны. Сим средством театральные позорищи обращал он в свою пользу; одно только его удивляло, что почти всегда представляли Привидение с барабаном,[17] Скапиновы обманы,[18] Лекаря поневоле,[19] Жорж Дандина,[20] Новоприезжих,[21] Мнимого рогатого,[22] Принужденную женитьбу[23] и подобные сим смешные комедии, и во время представления часто сердился, слыша беспрестанные рукоплескании и смех; но сего он решить не мог, не ведая истинной тому причины. Добросерд к отцу своему приехал в самой тот день, когда он праздновал его рождение и имел у себя премножество гостей, в числе которых и Миловида была с теткою своею. Добронравова радость, увидя сына, была чрезмерна; гости все принимали во оной участие, а Миловида при входе его почувствовала неизвестное ей самой движение: радость и стыд, попеременно на лице ее показываясь,

сделали ее еще прекраснее. Отец, узнав, что сын его пожалован чином, усугубил свою радость, возобновил пиршество, а гости удовольствием своим оное приумножили. Во всем собрании царствовало тогда веселие, одни любовники чувствовали досаду, что не могут говорить свободно. Добросерд, нашед свою любезную сто раз прекраснее, разумнее и добродетельнее, скоро сыскал и удобной случай быть с нею наедине, ибо гости, упражняясь веселием, оставили ему употребить те часы в свою пользу. Он не мог уже долее бороться со своей страстию и для того, по некотором молчании, объявил любовь свою самыми короткими, но при том и сильнейшими словами, и заключил тем, что без нее он счастлив быть не может. Миловида была искренна и притворства, свойственного многим городским женщинам, не знала, которые при первом открытии всегда оказывают себя упорными, чтобы тем усугубить страсть и больше воспламенить своих любовников, но, следуя сердечным движениям, призналась, что она всякому на свете счастию предпочитает счастие быть его женою. Не можно описать восхищения Добросердова; сто раз целовал он руку своей любовницы и беспрестанно твердил, что она из всех прекраснейшая, а он наисчастливейший человек из всех смертных. Миловида ласки его платила своими: она говорила, что Добросерд для нее драгоценнее всего на свете. Добросерд еще бы сто раз переговорил сказанные им слова, думая, что он то говорит еще в перьвой раз, естьли бы гости приходом своим ему не помешали. Любовникам в начале их любви часы кажутся минутами, но гости хотя и были веселы, хотя минуты считали рюмками, однако ж скоро приметили, что их там не было, и для того-то к ним и пришли. Старой новгородской дворянин, прозванием Исподдолбни,[24] один из бывших гостей, отягча голову свою больше других радостными парами, увидя их вместе, вскричал: какая прекрасная пара! наш уезд может похвалиться, что имеет двух красавцев; я бьюсь о бокале вина, продолжал он, что они друг друга любят и что они рождены один для другого. При слове л ю б я т Миловида лицо свое покрыла румянцем и тем прелести своего лица еще умножила, а Добросерд, не могши собою владеть, вскричал: Вы, сударь, заклад ваш выиграли; я люблю Миловиду и льщусь, что и ею любим. После того подошел к отцу своему и просил его о позволении, хотя самыми учтивыми, однако ж и сильными выражениями, и заключил тем, что он без Миловиды жить не может... Ежели так, сказал отец его с веселым и довольным лицом, так надобно постараться, чтобы ты остался жить. Добронрав не медля предложил Миловидиной тетке о их бракосочетании и просил ее усильно, чтобы она на сие согласилась. Осто-

рожна, это было ее имя, с превеликою учтивостию отвечала, что она за особливую честь почитает быть в свойстве с Добронравом и иметь племянником Добросерда, но что она ни в какие обязательствы прежде вступить не может, пока не решится дело о деревнях, составляющих почти все Миловидино наследство. Дело это правое, продолжала она, и мы с племянницею надеемся, что правосудие сделает ее богатою невестою в нашем уезде... Какое препятствие! вскричал Добросерд, можете ли вы, сударыня, для приданого ожидаемого мною счастия меня лишать! Согласитесь на мое благополучие: Миловида и без приданого драгоценнее всех сокровищ в свете; не корыстолюбие просит вас о сей милости, но искренняя любовь... Но ты, любезной Добросерд, еще молод, сказала Осторожна, ты еще не ведаешь, что чем жарче любовь, тем она скорее простывает, когда нет тех соков, которые ее питают и которые у нас богатством называются; любовь в бедности есть сугубое мучение для чувствительных сердец; ты теперь не думаешь о будущем, но взираешь только на настоящее. Боже мой! вскричал Добросерд, ябеда не только что отнимает у людей спокойствие, но и любви препятствует! Никто не мог склонить Осторожну на другие мысли, сколько о том не трудились, наконец, условились помолвить их в тот же день, а свадьбу отложили до решения дела. Любовники, не могши получить лучшего, и тем были довольны. Добронрав перьвой налил кубок вина и выпил за их здоровье, а гости с превеликою охотою ему последовали. Пиршество окончалось, и гости разъехались. Добросерд ожидал решения дела с нетерпеливостию. Между тем Добронрав с своим сыном и друзьями, а Добросерд с отцом и Миловидою препровождали время очень весело, и неприметно прошло около семи месяцев, но в то время спокойствие их нарушилось. Добросерд получил ордер явиться немедленно к полку и итить против неприятеля. Он начал собираться, уведомил о том Миловиду и узнал, сколь тягостно расставаться с любезным отцом и с любовницею. Сердце его боролося долго; наконец, должность одержала победу над любовию, и он вознамерился с ними разлучиться. Не любочестие от отца и его любезной отвлекало, но подданническая должность ибо естьли бы Добросерд по примеру других захотел остаться, то, имевши друзьями знатных бояр, легко бы мог сие сделать. Может быть, что бы он и поколебался, естьли бы Миловида, делая насилие сердцу своему, в том его не подкрепляла. Добродетельная девица легче ста нравоучителей сердце своего любовника утвердить может. Поезжай, говорила она ему, куда зовет тебя должность, заплати ревностным оныя исполнением государю за награждение тебя чином; посвяти ему и отечеству себя

во услуги: мы всем должны им жертвовать, подражай моему примеру; я приношу ему жертву сто крат драгоценнее своей жизни; я отпущаю тебя... может быть, на смерть! .. Она не могла продолжать, слезы полилися из глаз ее, любовь, наполнявшая сердце Добросердово, в ту минуту претворилася в любочестие; они по нескольким разговорам простились. Добронрав, бывши свидетелем сего разговора, проливал слезы. Он целовал обеих их, сделал многие наставлении своему сыну, и, наконец, с пролитием слез разлучились. Добросерд поехал в путь, наполня сердце свое храбростию и желанием себя прославить, чтобы тем больше еще достойным учиниться обладания Миловидою, а она, выпустя его из глаз, дала вольное течение слезам своим.

Продолжение сего приключения в следующем месяце.

ВЕДОМОСТИ

Из Константинополя

Никоторой народ не был приведен до такой крайности, чтобы торжествовал успехи неприятельского против себя оружия, но у нас сие делается. Оружии, коими до сего времени турки врагов своих поражали и которые возвещали наводимой ими на всю Европу ужас, ныне только нас самих приводят в трепет и возвещают народное несчастие. Неизвестно, по какой ложной политике, при всякой одержанной неприятелями над нами победе, Диван [25] делает торжество, но народ обманам сим не верит. Всякой выстрел из пушек серальских [26] умножает всенародное уныние и напоминает предстоящую нам погибель; письменные известии, получаемые из армии, от народа тщательно скрывают, но ему повседневно из армии приходящие солдаты сказывают истину. Они, возвещая храбрость неприятельскую и смертоносное действие их орудий, сделали то, что в Константинополе о победе над россиянами и думать не смеют. Слово Российской солдат наихрабрейшего турка приводит в трепет, и в армию никто больше итить не хочет. Янычары, до сего времени для получения золота во всякую опасность ввергавшиеся, ныне оное презирают. Ни султанской гнев, ни деньги, ни проклятие, муфтием [27] налагаемое на тех, которые не пойдут в армию, не делает их храбрыми. Повсюду говорят о падении Турецкой монархии; народ во отчаянии бродит по улицам и вопиет: Проснись, Магомед, мы все погибаем! но совсем неизвестно, где он теперь и что о народе своем промышляет. Турки точно в такое же бедственное россиянами приведены состояние, в какое турками за несколько сот лет приведены были

греки. Янычары Магомеда призывают на помощь, но сабель из ножен не вынимают.

Оттуда ж

Тайные Серальские известия

Старой муфти, яко начинатель сей для нас несчастливой войны, всячески старался уговаривать янычар, чтобы они шли в армию и побеждали неприятеля; он рассыпал пред ними султанскую казну, грозил проклятием, называл их трусами, но ничто не помогло. Янычары его не слушаются. Султан за сие чрезвычайно на муфтия огорчился и недавно отправил его для набору армии [28] из тех янычар, которые служили под предводительством Магомеда султана,[29] приведшего всю Европу в трепет; может быть, он сие окончает удачнее и хотя тем воспятит неприятельские нам поражении.

Наместо старого, выбран новой муфти, которой меньше прежнего к войне имеет склонности. Он, собравши всех толкователей Алкорана, предложил им для решения самую претрудную задачу, а именно: отчего русские солдаты несравненно превосходят храбростию турок? Толкователи пришли от сего вопроса в недоумение; они очень долго потели, приискивая приличное сему в Алкоране; наконец, заключили, что храбрость сия и неустрашимость происходят от завивания и пудрения волосов. Муфти предложил сие султану и давал свое разрешение, чтобы всем янычарам обрить бороды и завивать волосы. Султан приказал немедленно требовать у министра некоторой доброжелательной нам державы,[30] чтобы он для турецкой армии выписал парикмахеров, пудры и помады; решение произвело в Серале ободрение тем паче, что по сие время ядры, пули и сабли нам не помогали; но от народа сие еще скрывают, ибо сколько Сераль на сей счастливой вымысел ни надеется, но, однако ж, страшится ввести сию перемену. Впрочем, сие почитают вдохновением святого пророка Магомеда, почему и великую на сие полагают надежду. Многие любимцы султанские начали уже тайные делать приуготовления к торжеству по получении над русскими победы.

Из некоторого европейского города [31]

Дружелюбие нашего двора с Отоманскою Портою [32] всему свету известно; естьли бы были мы посильнее и побогатее, то давно бы знаки оного свет увидел, но мы находимся в таком состоянии, что и в своих нуждах на наши руки надеемся мало,

а обороняемся всегда головами. Впрочем, по требованию Порты набираются у нас по всем местам парикмахеры и заготовляется бесчисленное множество пудры и помады, что в скором времени к блистательной Порте и отправится. Вспоможение сие не малой важности, ибо все жители нашего города не беспричинно опасаются, чтобы не ходить им с незавитыми и непудренными волосами до того времени, пока заведутся новые парикмахеры. Впрочем, во что бы сие ни стало, только двор непременно вознамерился сие исполнить. Поговаривают, что министерство наше вознамерилось к Порте отправить несколько тысяч книг о парикмахерском искусстве.

Из Москвы

Г Д.***, актер придворного российского театра, приехав к нам, столько наделал шуму, что во всем городе только и разговоров, что о нем; и подлинно, московские жители увидели в нем славного актера. Он играл в «Семире» [34] Оскольда и всех зрителей пленил. В «Евгении» [35] комедии — графа Кларандона; искусство, с каким он сей роль представлял, принудило зрителей оную комедию просить еще три раза, в чем они были удовольствованы, и в каждое представление в новое приходили восхищение; казалось, будто искусство г. Д*** по степеням еще больше возрастало. Надобно отдать справедливую похвалу и г. переводчику сей комедии, ибо он все красоты, находящиеся в подлиннике, сохранил и на российском языке. г. Д*** играл еще «Вышеслава» [36] и «Ревнивого» [37] с равномерною же от всех похвалою; а еще ожидают представления «Хорева» [38] и «Беверлея». [39] Зрители собиралися в театр в таком множестве, что многие по причине великой тесноты не могли получать билетов, естьли хотя мало опаздывали. Наконец, должно сие заключить тем, что г. Д*** московских жителей удивил, привел в восхищение и заставил о себе говорить по малой мере два месяца.

К ЧИТАТЕЛЮ

Государь мой!

Мне сказали, что вы превеликой охотник отгадывать загадки, да я и сам это же приметил; вы ни одной из напечатанных в ежемесячном сочинении, под заглавием «Щепетильника»,[40] древних загадок не оставили, чтобы не трудиться оную отгадать. Итак, во удовольствие ваше сообщаю я несколько загадок, да только не древних, а новых. Древности вам не нравятся за тем,

что вы любите новое, а сочинитель всячески обязан стараться читателю своему угождать, хотя это и невозможность. Вот мои загадки, извольте их отгадывать и пришлите ко мне решение, ежели заблагорассудится.

Загадки

I

Ласкатель бесстыдно всех знатных господ в глаза похваляет, угождает их слабостям, а за очи смеется тому, что они ему верят, а иногда и бранит их; какого за то ожидает он награждения? Отгадай.

II

Взяткохват судья, не имеющий ни совести, ни чести, вершит дела по своим прибыткам; указы толкует, как ему угодно, правосудие продает с публичного торга, бедных и беспомощных людей обижает, богатых грабит, а знатным угождает; подчиненных своих примером своим ко взяткам поощряет; чего Взяткохват за похвальные свои труды ожидает? Читатель, отгадай.

III

Вертопрах волочится за всякою женщиною, всякой открывает свою любовь, всякую уверяет, что от любви к ней сходит с ума, а приятелям своим рассказывает о своих победах, на гулянье указывает тех женщин, в коих, по уверению его, был он счастлив и которых очень много; но в самом деле Вертопрах может ли быть счастлив? Читатель, отгадай.

IV

Розиня, молодчик, имеющей самой маленькой чин, посредственной достаток и крошешной умок, влюбляется во всех знатных госпож, ходит для того на все публичные гуляньи; проходя мимо их, воздыхает, жалуется на судьбу и на их жестокость, что они не награждают постоянной его любви; но госпожи сего бедняка и в глаза не знают, хотя и издерживает он три четверти своего дохода на завивание и пудрение волос, для того только, чтобы они его приметили. Читатель, отгадай? какого названия Розиня наш ожидает?

Естьли понравились тебе, г. читатель, мои загадки, так о том меня уведомь; я и впредь подобные оным сообщать буду.

Покорный ваш слуга С. П.

ПУСТОМЕЛЯ

1770 ГОДА МЕСЯЦ ИЮЛЬ

—

ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ НКТ: КНФВЧ: ДЕМИДОВУ[41] ОТ ИЗДАТЕЛЯ ПРИНОШЕНИЕ

Милостивой государь!

Посвящая сей месяц моего труда имени вашего высокородия, намерение мое весьма далеко отстоит от ласкательства и прибытка, подлым только душам свойственного, но основывается оно на искреннем почтении ко многим похвальным вашим свойствам; ко свойствам, составляющим истинного христианина и честного человека, приносящего пользу обществу.

Нет сомнения, что добросердечие есть основанием всем душевным добродетелям, а вы одарены им в наивысочайшем степене; от него-то проистекают похвальные ваши действии, делающие честь человеку, а не от ложного мнения, основанного на хитрости уловлять человеческие сердца щедростию, как делают некоторые тщеславные люди; и не от вашего богатства, потому что есть люди, богатством вас превышающие, но они душевными свойствами перед вами толико бедны, колико богати стяжанием. Наместо добросердечия вашего, сердца их наполнены завистию и алчбою к неправедному прибытку и хищению последнего бедных стяжания. Они столько делают вреда обществу, колико делаете вы пользы; те за малое у подобных себе похищают свободу, а вы великие раздаете суммы к их искуплению. Не я это говорю, а повсеместно взывают искупленные вами от поносного ига неволи, несколько лет во оной содержащиеся, и которые свободою своею и тою пользою, которую они обществу приносить будут своими трудами, одолжены вашему добросердечию. Вопиют те юноши, которые по причине их бедности лишены были толико нужного человечеству и полезного обществу воспитания, но по счастию содержатся и воспитываются вашим иждивением; говорят те бедные, которые пользуются вашими благодеяниями, и, наконец, прославляют ваши друзья, которым вы в противность обычая нашего времени оказываете не словесные и ложные, но истинные знаки дружества.

Вот что делает честь вашему имени, славу роду и пользу обществу! Сие-то самое и было основанием моего к вам почтения, а приношение сего маловажного моего труда есть оного жертва. Я еще скажу, что ни лесть, ни подлой прибыток в сем моем действии ни малого не имеют участия, потому что я вами совсем не

известен и уповаю, что вы никогда не узнаете того, которой, имея вам почтение, останется навсегда,

Милостивый государь!
Вашим всепокорным слугою, С. П.

ПУСТОМЕЛЯ

ЗАВЕЩАНИЕ ЮНДЖЕНА,[42] КИТАЙСКОГО* ХАНА, К ЕГО СЫНУ

5

Державный небесным благословлением Хуанди! **

Все от древних времен до ныне бывшие, благоразумные и великие государи, имевшие самодержавную власть в государственном правлении, перьвою почитали должностию иметь неограниченное почтение и повиновение к высочайшему небу и подражать благим делам своих прародителей. Они при том ведали, что почитание сие и подражание должны быть от такого сердца, у коего бы основанием была истина, и что сердцу, имеющему основанием истину, надобно быть тверду и постоянну; для сего-то по государской своей должности трудились они рано и поздно и остерегали себя от всего непохвального на всяк день.

Я скажу о себе: с самого того времени, как государь, родитель мой, милосердой Хаунди Шейзу,*** для соблюдения прародительского храма и для управления пространного и многочисленного нашего государства, выбрав из всех своих сынов, удостоил меня великой сей должности и посадил на свой хуандиской престол; заботился я о врученном мне народе день и ночь; страшился, чтобы народ мой не почел меня ни ленивым, ни незнающим и недостойным государем, и для того учреждении свои и поступки располагал по делам его величества, повсеминутного воспоминовения достойного моего родителя; законы давал сходственные с его законами, ибо я был уверен, что они были премудры. Прилежно старался, чтобы во всем государстве суд был справедливой, чтобы весь народ был доволен и спокоен, а силы государственные больше бы возрастали. Не было ни одного дела, которое бы я сам не рассматривал прилежно, и не было часа,

* Отец нынешнего хана Кянь Луна.

** Царь царей.

*** Значит «святейшего праотца». Сие название оному хану дано по смерти; у китайцев есть обыкновение ханам по смерти их давать особые названии, рассуждая по делам их.

в котором бы я помнил только себя, а народ бы позабыл. Неутомленные труды, какие должны сносить государи, желающие подданных своих учинить благополучными, меня не отягощали, я трудился по своему хотению; следовательно, не были мне противны ни труды, ни частые с вельможами хлопоты, потому что всегда подавал им разные наставления. Я желал, чтобы уксуны * и глары жили постоянно и похвально; чтобы военные служили верно своему отечеству, как повелевают законы и требует должность; статские соблюдали бы порядок государственного правления — и судили бы дела по самой справедливости; пограничные и поместные начальники были осторожны, прозорливы и немздоприимны; а подданные все жили бы в согласии, спокойстве и веселии.

В 13 лет от неусыпных моих трудов истощил я душевные силы; но какие ж произрастают от сего плоды? Хотя не могу сказать, что о чем я заботился и чего желал, то все исполнилось, но могу достоверно обнадежить, что все дела приходят в желаемой порядок и точность. Сердца у людей показываются чисты, подданные, не только в окрестности здесь живущие, но и отдаленные, живут в довольствии и веселии; хлеб всякой родится изобильно, и часто проявляются благополучные предзнаменования. Не должно ли сердце мое восхищаться, видя, что все мои труды высочайшее небо благословляет!

Учредивши порядок государственного правления и восстановя мир и тишину, начал стараться о совершенстве, чтобы восстановленное утвердить навеки; но в самое сие старания моего время ослабли мои чувства, истощились силы, я отхожу от света, оставляю всех моих подданных и купно мое величество. Не было меня до моего пришествия в свет, не будет и после отшествия от света. Рождение и смерть суть одинакие выгоды. Прискорбно мне только то, что не мог я по желанию моему всего докончать, хотя порученной мне от государя, моего родителя, должности был неложным исполнителем и могу в том удостоверить в тот самой день, которого многие трепещут.

Боубай ** цинь ван, четвертый аге Хун ли, одарен от природы похвальными качествами, милосерд ко всякому и жалост-

* Ближние и дальние принцы крови.

** Боубай значит драгоценного; почтенное имя принцу. Китайские ханы обыкновенно старшим принцам дают имена почтенных, а собственными именами, кои даны в младенчестве, редко их называют для того, что называть именем у всех китайцев почитается за бесчестие. Именами называют только знатные командиры своих подкомандующих и господа слуг и всех низкого состояния людей. «Цинь Ван» значит принца первой степени. «Четвертый аге» значит четвертого по рождению принца. «Хун ли» имя собственное.

лив, учтив, почтителен и горяч к родителям и ближним. Родитель, мой государь, любил его паче всех своих внучат, воспитал при себе в собственном своем дворце и жаловал необычайно. Он несомненно надеялся, что Хун ли будет истинным наследником моего престола; о сем да будет всем известно, что я избрал и утвердил его наследником по вступлении моем на престол в осьмый месяц собственною моею рукой писанным указом, которой я тогда при вас, ваны и амбаны,* написал, запечатал и положил для сохранения в кяйцайгуне ** на высоком месте, собрав всех вас нарочно ради сего. По удостоении наследником возвел я его на достоинство цинь ванское с намерением, чтобы он, служа народу с прочими, приобык к трудам, научился правлению государственных дел и о всем, что до него принадлежит, получил бы больше знания.

Ваны и амбаны! сего избранного мною наследника возведите по мне на престол мой, памятуя, что ныне, по милости и охранению высочайшего неба, по оставшимся от наших прародителей благим законам и по моим трудам обитает во всем нашем государстве мир и тишина и такое время, в которое государь и подданные могут быть благополучны и наслаждаться веселием и радостию.

О грозных моих указах разумейте то, что выданы оные на искоренение мздоимцев, хищников, грабителей, льстецов и всяких в обществе нетерпимых людей ради поправления народных обычаев и ради удержания начальников и властителей в их должности. Памятуйте, что строгость законов употреблять надлежит только в самых крайностях, так как я это и делал. Я употреблял строгость законов по крайней необходимости, видя, что нравы людские совсем испортились, что статские судьи стали мздоприимны и лакомы, что ввели то в обычай непостыдной, коего, казалось им, и во век отменять не надлежало. Сей разврат строгость моих указов отвратила и оставила страх для будущих времен, как видно.

Что касается до прежних колиханцев, джурганских и ямунских,*** то оные сочинены были джурганскими членами неправильно и неисправно. Увидя сию неисправность, многие главы обще с верьховными вельможами я переделал; некоторые против прежнего сделал полегче, а иные построже; по прилежном в том нашем труде, утвердил я их на веки, с таким, однако ж, рассуждением, чтобы по тем главам, кои облегчены, исполнять непременно, а по тем, кои сделаны строже, поступать временно, для

* Принцы и вельможи.
** В священной зале.
*** Регламенты коллежские и канцелярские.

того что строгость употреблять должно только тогда, когда есть непорядки. Вследствие чего можете вы поступать и по прежним узаконениям.

Вельможи благоразумные! вельможи добродетельные! вы мои руки, коими восстановил я порядок в государстве, вы рамена мои, на коих носил я тягость государственного правления, памятуйте услуги, мною государству оказанные, помните ревностное мое к отечеству усердие и не оставьте тщетными все труды мои: будьте благим государя, моего родителя, намерениям подражателями, храните верность свою и праводушие, и да не возгнездится меж вами во веки злоба, ссора, лицемерие, мздоимство и потачка; о сем всевысочайшее небо при конце моем умоляю. Помогайте моему наследнику, любезному моему сыну, Хун ли, искренними вашими советами, вашим праводушием и вашею добродетелию; учините его государем мудрым и похвальным, сим вы докажете, что я не ошибся в человеке, коему престол вручил, и что не обманулся в вас, оказывая вам мое дружество, потому что вы того будете достойны. Естьли надежда меня не обманывает, то непостыдно предстану я пред души святых моих дедов и государя, моего родителя, на небесах пребывающих.

Хун ли,* к тебе теперь я обращаюсь: ты мне сын, тебя учинил я наследником престола, тебе вверил я самодержавное правление всего государства, тебя избрал я способнейшим из всех моих сынов утвердить блаженство меж подданными и водворить тот мысленной златой век, которой нашими стихотворцами описывается; даровать им покой и оградить миром и тишиною от соседственных держав. Тебя одарил я собранными предками твоими сокровищами, приобретай ими друзей искренних, тебя снабдил я основательными наставлениями: находясь в толиком блаженстве, Хун ли! не забывай меньшого твоего брата, Хун-джуя; ** помни, что он с тобою единой крови, люби его сердцем искренним, будь с ним и в трудах и во увеселениях неразлучно; дружися с людьми добродетельными, принимай от разумных и доброжелательных тебе советы и живи во весь свой век добродетельно. Не отдавайся в обман льстецам и лукавцам и не слушай развратных предложений. Уксунев *** содержи в особливой милости, береги добрых и честных людей, которые отечеству верно служат, и, наконец, ведай, что от добродетельного государева жития в государстве бывает мир и согласие, а посредством тишины соблюдается полученное от предков царствование и соблюденное может пребывать во веки нерушимо.

---

* Имя наследниково.

** Имя собственное меньшого принца.

*** Принцев крови.

Топ * Цинь Ван человек простосердечной, скромной и учтивой, а при том во всяком деле осторожной; в рассуждениях хотя не скор, однако ни в чем не ошибается.

Кенз ** Цинь Ван человек справедливой, добродетельной и премудрой, для государства весьма надобен, но по причине слабости его здоровья частые имеет припадки и потому тяжких трудов сносить не может. Ваны и амбаны! любите его и почитайте; не допускайте его до обыкновенных приказных дел, вы очень сожалеть станете, естьли он, потрудясь через силу, придет в несостояние для отправления важных государственных дел.

Алаха-битхей-да, джан-тин-би *** человек просвещенной, добродетельной и беспорочной. Он служит сердцем истинным, много трудился при милосердом государе Шендзуе в сочинении законов, а при мне на сих годах писал именные мои нравоучительные указы и мог во оных подданным моим изъяснить мои мысли; словом сказать, его услуг очень много.

Алаха-битхей-да, ортай **** непоколебим в верности к государю и отечеству, достойной государственных дел управитель. Он разобрал поместных начальников,***** дал спокойную жизнь поселянам, восстановил мир и тишину на границах; смело сказать можно, что мало таких великих людей в свете, каков есть он.

Я ручаюсь, что сии последние два человека во всю их жизнь не переменятся, и для того повелеваю сих моих вельмож удостоить по смерти местом в храме Таймиоу,****** подле моего места, дабы для оказанной мною к ним милости и по Доролоине ******* воздаваемо им было почтение и имена их славны были во всех веках.

Погребение мое отправьте так, как повелевают наши законы; синах ******** сложите по двадцати семи днях и дайте о смерти моей знать всему народу.

Государствования хуалясунь-топ ********* 13 года, осьмой луны ********** 23 числа.

---

* Правдивой.

** Благорассудливой.

*** Верьховной министр из природных китайцев.

**** Верьховный министр из природных манжур.

***** Губернаторы и воеводы.

****** Храм умершим царям и вельможам при них удостоенным. После погребения во оном храме поставляются портреты умерших и возле их лаковые дощечки, на коих подписываются золотыми литерами имена умерших.

******* Обряды при погребении.

******** Траур.

********* Хана миролюбивого и справедливого.

********** В 1735 году.

6

Самое негодное дело быть автором ежемесячных или еженедельных сочинений; я не говорю о тех почтенных авторах, которые за свои сочинении заслужили вечную похвалу; но о сих марателях, которые, следуя пословице, не учась грамоте, становятся попами. Ежели посмотреть на молодых нынешних писцов, то подумать можно, что трудняе быть посредственным сапожником, нежели автором: все обучаются тому ремеслу, в котором хотят упражняться, но безграмотные писцы учиться и знать правилы почитают за стыд. Сими-то примерами, по несчастию, завлечен я в неисходной авторства ров. С начала моего издания думал и я так, как многие господа сочинители, что ничего легче нет, как сочинять, но в продолжение узнал, что ничего трудняе нет, как писать с рассуждением. Не успел я отпечатать первого месяца моего сочинения, как уже сам стал находить в нем погрешности; стал бояться, что он читателям не понравится, что станут меня за то критиковать; но что ж из сего вышло? рассуждение изволило замолчать, а самолюбие торжествовало и в знак своей победы, вместо трофей, выдало в свет перьвой месяц «Пустомели». Он показался [43] и заслужил от некоторых благоволение; я сам слышал похвалы моему сочинению от людей знающих, не будучи им известен; они говорили: этот человек подает надежду быть хорошим писцом, слог его чист и плавен, продолжали они, но надобно ему побольше упражняться. Слыша сие, самолюбие шептало мне в уши: ты еще и большей достоин похвалы, но рассуждение кричало: неправда; однако ж я этого не слыхал. Не столько радуется мать, когда слышит похвалу своему любезному и избалованному сынку; не столько восхищается любовник, когда по трех годах бесплодного своего старания и страдания противу чаяния от любовницы своей услышит: и я тебя люблю; не столько веселится и щеголиха, когда удастся ей сделать платье по вкусу и удачно одеться и когда ей все мужчины кричали: мила, как ангел! а она, приехавши домой, станет перед зеркалом и переговаривает те же самые слова: мила, как ангел! Короче сказать, радости моей ни сравнить ни с чем, ни изъяснить не возможно. Г. читатель, ежели ты автор и ежели тебя когда-нибудь хвалили, так спроси ты у себя, сколь велика была моя радость. В другом месте услышал: надобно этому автору, говорили мои судьи, надобно ему побольше просвещения, впрочем, пишет он не худо. Третьи хвалили предисловие, но не довольны были сказкою. Иные хвалили сказку, но не довольны были предисловием. Еще были люди, которые говорили, на что ему мешаться в политические дела, мало ли в го-

роде новостей, которыми бы он читателям своим гораздо больше сделал угождения, нежели как ведомостями о политических делах. Иные по известному своему добросердечию ругали мои загадки, говоря, что это не загадки, но наглой вздор. Такие разные рассуждении и толки привели меня в замешательство и дали рассуждению на несколько минут торжествовать над самолюбием. Надобно угодить всем читателям, размышлял я, но что такое им сообщать? и достанет ли к тому сил моих? — Нет, нет, это невозможность. Сто раз принимался я писать и опять вычернивал;[44] что понравилось бы, по моему мнению, одним, то, заключал я тотчас, не понравится другим читателям. Горестное состояние! глупое упражнение! бесполезной и ненавистной труд быть автором без достоинств или не иметь довольно бесстыдства все написанное предлагать, одобрять и превозносить еще больше славных сочинений! Тут-то я узнал, что не всякой может быть хорошим писателем, кто только писать имеет охоту; так как не всякой тот хорошей имеет в напитках вкус, кто только пить хочет: пьяница и простое вино хвалит лучше шампанского, а самолюбивой автор и прескверное свое сочинение ставит лучше чужого совершенного. Несносное не имеющее среднего пути состояние! надобно быть или хорошим писателем и быть из зависти поминутно критикovану, или скверным и быть посмешищем всего города; слыть ругателем или дураком. Вот два награждения, которые авторы получают за свои труды. Я бесился, рвал бумагу, ломал перья... но они ли виноваты? проклинал ту несчастную минуту, в которую в перьвой раз написал: Пустомеля. Словом сказать, естьли когда-нибудь тебе, читатель, случалося быть в беседе с пустомелею, которой беспрестанно болтает, а сам никого не слушает, или с престарелою кокеткою, которая рассказыванием старинных своих любовных дел, себя утешая, наводит скуку другим и слушателей отягощает; или с трусом, которой на военной своей лире напевает все свои походы, осады городов, сражении, превозносит свою храбрость до небес, описывает робость других и удивляется нынешним обрядам, или со школьным педантом, которой иначе не умеет говорить, как силогисмами, и без «эрго»[45] ни единого не выговорит слова; или с ветреным молодчиком, которой опричь из романов о любви вытверженного ничего говорить не может; или с судьею, приказным крючком, которой и с девицами ничего иного не говорит, как о указах, приказных крючках и пытках; или, наконец, со стихотворцем, которой равняет себя со славными российскими писателями и говорит только о чищении российского языка, похвалу себе и хулу другим, и которое чищение разумные люди называют порчею российского, без порчи прекрасного наречия;

итак, естьли г. читатель с сими людьми когда-нибудь бывал, так ты знаешь, каковы они несносны, таков-то несносен был я сам себе, или еще столько, сколько несносны Талии Л*** комедии.[46] Вот, в каком был я тогда состоянии; но в самое сие время вошел ко мне незнакомой человек. Во время моего с ним разговора беспокойствие мое уменьшалося, а по выходе его и совсем успокоился. Я стал на авторство смотреть другими глазами, после того взял перо, написал, предаю тиснению и оставляю горестные авторские минуты позднейшим моим потомкам: пусть будут они со временем трудиться узнать, подлинно ли был я в таком жестоком состоянии или только выдумал; чистосердечно ли я сам про себя это написал или целил на известное мне какое-нибудь лицо; пусть будут делать заключении, какие им угодны; а я между тем опишу разговор мой с незнакомым человеком и читателю моему сообщу, только не теперь, а со временем.

7

ПОСЛАНИЕ К СЛУГАМ МОИМ, ШУМИЛОВУ, ВАНЬКЕ И ПЕТРУШКЕ

Скажи, Шумилов, мне, на что сей создан свет,
И как мне в оном жить, подай ты мне совет?
Любезной дядька мой, наставник и учитель!
И денег, и белья, и дел моих рачитель!
Боишься бога ты, боишься сатаны,
Скажи, прошу тебя, на что мы созданы?
На что сотворены медведь, сова, лягушка?
На что сотворены и Ванька и Петрушка?
На что ты создан сам, скажи, Шумилов, мне,
На то ли, чтоб свой век провел ты в крепком сне?
О таинство, от нас сокрытое судьбою!
Трясешь, Шумилов, ты седой своей главою.
«Не знаю, говоришь, не знаю я того,
Мы созданы на свет и кем и для чего.
Я знаю то, что нам быть должно век слугами
И век работать нам руками и ногами,
Что должен я смотреть за всей твоей казной,
И помню только то, что власть твоя со мной.
Я знаю, что я муж твоей любезной няньки,
На что сей создан свет, изволь спросить у Ваньки».
К тебе я обращу теперь мои слова,
Широкие плеча! большая голова,
Малейшего ума пространная столица!

Во области твоей кони и колесница,*
И стало, наконец, угодно небесам,
Чтоб слушался тебя извозчик мой и сам.
На светску суету вседневно ты взираешь
И, стоя назади, П *** [47] обтекаешь,
Готовься на вопрос — премудрой дать ответ.
Вещай, великий муж, на что сей создан свет?
Как тучи ясной день внезапно помрачают,
Так Ванькин ясной взор слова мои смущают.
Сомнение его тревожить начало,
Наморщилось его и харя и чело.
Вещает с гневом мне: «На все твои затеи
Не могут отвечать и сами грамотеи,
И мне ль о том судить, когда мои глаза
Не могут различить от ижицы аза?
С утра до вечера держася на карете,
Мне тряско рассуждать о боге и о свете.
Неловко помышлять о том и во дворце,
Где часто я стою смиренно на крыльце,
Откуда каждой час друзей моих гоняют
И палочьем гостей к карете провожают:
Но естьли на вопрос мне должно дать ответ,
Так слушайте ж, каков мне кажется сей свет.
М ** и П *** [48] довольно мне знакомы!
Я знаю в них почти все улицы и домы.
Шатаясь по свету и вдоль и поперек,
Что мог увидеть я, того не простерег.
Видал и трусов я, видал я и нахалов,
Видал простых господ, видал и генералов;
А чтоб не завести напрасной с вами спор,
Так знайте, что весь свет считаю я за вздор.
Довольно на веку я свой живот помучил
И ездить назади я истинно наскучил.
Извозчик, лошади, карета, хомуты,
И все, мне кажется, на свете суеты.
Здесь вижу мотовство, а там я вижу скупость,
Куда не обернусь, везде я вижу глупость.
Да сверьх того еще приметил я, что свет
Столь много времени неправдою живет,
Что нет уже таких кащеев на примете,
Которы б истину запомнили на свете.
Попы стараются обманывать народ,

* Ваньке поручено было смотрение над каретою и лошадьми.

Слуги дворецкого, дворецкие господ,
Друг друга господа, а знатные бояря
Нередко обмануть хотят и государя,
И всякой, чтоб набить потуже свой карман,
За благо рассудил приняться за обман.
До денег лакомы посадские, дворяне,
Судьи, подьячие, солдаты и крестьяне.
Смиренны пастыри душ наших и сердец
Изволят собирать оброк с своих овец.
Овечки женятся, плодятся, умирают,
А пастыри притом карманы набивают.
За деньги чистые прощают всякой грех,
За деньги множество в раю сулят утех,
Но естьли говорить на свете правду можно,
Так мнение мое скажу я вам неложно:
За деньги самого всевышнего творца
Готовы обмануть и пастырь и овца.
Что дурен здешней свет, то всякой понимает,
Да для чего он есть, того никто не знает;
Довольно я молол, пора и помолчать,
Петрушка, может быть, вам станет отвечать».
«Я мысль мою скажу, вещает мне Петрушка:
Весь свет, мне кажется, ребятская игрушка.
Лишь только надобно потверже то узнать,
Как лучше живучи игрушкой той играть.
Что нужды, хоть потом и возьмут душу черти,
Лишь только б удалось получше жить до смерти?
На что молиться нам, чтоб дал бог видеть рай?
Жить весело и здесь, лишь ближними играй.
Играй, хоть от игры и плакать ближней будет.
Щечи [49] его казну, твоя казна прибудет;
А чтоб приятнее еще казался свет,
Бери, лови, хватай все, что ни попадет.
Всяк должен своему последовать рассудку:
Что ставишь в дело ты, другой то ставит в шутку.
Не часто ль оттого родится всем беда,
Чем тешиться хотят большие господа,
Которы нашими играют господами
Так точно, как они играть изволят нами.
Создатель твари всей, себе на похвалу,
По свету нас пустил, как кукол по столу,
Иные резвятся, хохочут, пляшут, скачут,
Другие морщатся, грустят, тоскуют, плачут.
Вот как вертится свет; а для чего он так?

Не ведает того ни умной, ни дурак;
Однако, ежели какими чудесами
Изволили познать вы ту причину сами,
Скажите нам ее»... Сим речь окончил он,
За речию его последовал поклон.
Шумилов с Ванькою, хваля догадку ону,
Отвесили за ним мне также по поклону,
И трое все они, возвыся громкой глас,
Вещали: «Не скрывай ты таинства от нас,
Яви ты нам свою в решениях удачу,
Реши ты нам свою премудрую задачу!».
А вы внемлите мой, друзья мои, ответ:
И сам не знаю я, на что сей создан свет.[50]

8

Кажется, что нет нужды читателя моего уведомлять о имени автора сего послания; перо, писавшее сие, российскому ученому свету и всем любящим словесные науки довольно известно. Многие письменные сего автора сочинении носятся по многим рукам, читаются с превеликим удовольствием и похваляются, сколько за ясность и чистоту слога, столько за остроту и живость мыслей, легкость и приятность изображения; словом, естьли обстоятельствы автору сему позволят упражняться во словесных науках, то небезосновательно и справедливо многие ожидают увидеть в нем российского Боало. Его комедия ***[51] столько по справедливости разумными и знающими людьми была похваляема, что лучшего и Молиер во Франции своим комедиям не видал принятия и не желал; но я умолчу, дабы завистников не возбудить от сна, последним благоразумием на них наложенного.

9

ВЕДОМОСТИ

Из Константинополя

Почти никакого не видим мы средства к нашему избавлению, уж и парикмахеры нам не помогают! Недавно предложенной муфтием способ никакого не имел успеха. Янычары, услышав о введении в обычай завивания волосов, пришли в бешенство, и дошло бы до преужасного кровопролития, естьли бы заблаговременно не взяты были надлежащие к тому меры. Повседневно приходящие к нам известии о успехах неприятельского против

нас оружия умножают народное смятение. До каково несчастия Порта дошла! Уж и греки под предводительством россиян нас побеждают. Окрестности Дуная горят, Морея пылает, Дарданеллы трясутся и Стамвул трепещет. Повсюду в турецких областях российской летает орел, неся с собою ужас и смерть. Муфтий, видя бесполезность своего намерения, всех присланных к нам от доброжелательной нам державы парикмахеров приказал употребить к строению флота; неизвестно, какой и от сего успех будет, ибо весьма сомнительно, чтобы народ, приобыкшей к чесанию, завиванию и пудрению волос и к новым модам, в состоянии был сделать преграду непобедимому российскому флоту.

Оттуда ж в июле месяце

Последние два страшные нашим войскам от россиян поражения лишают нас друзей, воинов, военных снарядов и приличной до сего времени блистательной Порте гордости. Янычары, приведенные в ужас, в армию против россиян итить не дерзают. Некто на сих днях подал султану выдумку о наборе войск в сералях, которая, как сказывают, и утверждена; итак, в скором времени будут набирать сии войски, и свет увидит целую армию, состоящую из женьщин; неизвестно, кто будет предводительствовать победоносными сими войсками, и в народе о том еще разные носятся слухи.

В Санктпетербурге

Недавно здесь на придворном императорском театре представлена была «Синав и Трувор»,[52] трагедия г. Сумарокова. Трагедия сия играна была по переправленному вновь г. автором подлиннику. Нет нужды выхвалять сего почтенного автора сочинений; они так хороши, что кто только их читал и кто имеет разум, те все, ему отдавая справедливую похвалу, удивляются; которые же не похвалят, тем надобно просить о отпущении своего согрешения. Что ж касается до актеров, представлявших сию трагедию, то надлежит отдать справедливость, что г. Дмитревский и г. Троепольская[53] привели зрителей во удивление. Ныне уже в Петербурге не удивительны ни Гарики, ни Лекены, ни Госсенши. Приезжающие вновь французские актеры и актрисы то подтверждают. Со всем тем нельзя пропустить, чтобы не заметить слабость и пристрастие к французам одного господина, которой во время представления сей трагедии, когда г. Д. и г. Т. зрителей искусством своим восхи-

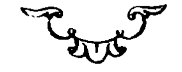
щали, он воздыхаючи сказал: «Жаль, что они не французы; их бы можно почесть совершенными и редкими в своем искусстве». Через несколько дней, когда представлена была французская пиеса, то сей господин не мог воздержать ни чрезмерной радости и восхищения, ни также чрезмерного и смешного своего пристрастия, делая похвалу французским актерам; и хотя комедия играна была смешная, однако ж он собою гораздо больше делал смеха.

10

ЭПИГРАММА

г. Кондратовича[54] *к г. издателю Трутня*

Что ты, Трутень, напечатал? будто воевода[55]
Совесть продает, что легша есть в пути выгода?
Здесь он! и уж не поедет, с воеводства быв сменен;
Ибо бывший под командой каждый оным огорчен;
Есть указ о воеводах: не сменять естьли мир просит;
Миром же сей был не прошен; и сменен; здесь вести носит.
За добро ведь не сменяют; начудесил знатно он;
Будет век без воеводства, хоть всем отдает поклон.



ЖИВОПИСЕЦ

1772 г

ЧАСТЬ I

НЕИЗВЕСТНОМУ Г. СОЧИНИТЕЛЮ КОМЕДИИ О ВРЕМЯ[1]

ПРИПИСАНИЕ[2]

Государь мой!

Я не знаю, кто вы, но ведаю только то, что за сочинение ваше достойны почтения и великия благодарности. Ваша комедия о Время троекратно представлена была на императорском придворном театре и троекратно постепенно умножала справедливую похвалу своему сочинителю. И как не быть ей хвалимой? Вы первой сочинили комедию точно в наших нравах, вы первой с таким искусством и остротою заставили слушать едкость сатиры с приятностию и удовольствием, вы первой с такой благородною смелостию напали на пороки, в России господствовавшие, и вы первой достойны по справедливости великой похвалы, во представление вашей комедии оказанной. Продолжайте, государь мой, к славе России, к чести своего имени и к великому удовольствию разумных единоземцев ваших, продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочинениями, перо ваше достойно равенства с Молиеровым.[3] Следуйте его примеру: взгляните беспристрастным оком на пороки наши, закоренелые худые обычаи, злоупотребления и на все развратные наши поступки; вы найдете толпы людей достойных вашего осмеяния и вы увидите, какое еще пространное поле ко прославлению вашему осталось. Истребите из сердца своего всякое пристрастие, не взирайте на лица: порочной человек во всяком звании равного достоин презрения. Низкостепенной порочной человек, видя осмеваема себя купно с превосходительным, не будет иметь причины роптать, что пороки в бедности только одной пером вашим угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками, в первой раз в жизни своей восчувствует равенство с низкостепенными. Вы первой достойны показать, что дарованная вольность умам российским употребляется в пользу отечества. Но, государь мой, почто укрываете свое имя, имя

всеобщия достойное благодарности, я никакой не нахожу к тому причины. Неужели, оскорбя толь жестоко пороки и вооружа против себя порочных, опасаетесь их злословия.[4] — Нет, такая слабость никогда не может иметь места в вашем сердце.[5] И может ли такая благородная смелость опасаться угнетения в то время, когда, ко счастию России и ко благоденствию человеческого рода, владычествует нами премудрая Екатерина: ее удовольствие, оказанное во представлении вашей комедии, удостоверяет о покровительстве ее таким, как вы, писателям. Чего ж осталось вам страшиться? Но, может быть, особенные причины принуждают вас укрывать свое имя; ежели так, то не тщусь проникнуть оных. И хотя имя ваше навсегда останется неизвестным, однако ж почтение к вам мое никогда не умалится. Оно единственным было побуждением приписанию вам журнала под названием Живописца. Примите, государь мой, сей знак благодарности за ваше преполезное сочинение от единоземца вашего. Вы открыли мне дорогу, которой я всегда страшился, вы возбудили во мне желание подражать вам в похвальном подвиге, исправлять нравы своих единоземцев, вы поострили меня испытать в том свои силы, и дай боже, чтобы читатели в листах моих находили хотя некоторое подобие той соли и остроты, которые оживляют ваше сочинение. Если ж буду иметь успех в моем предприятии и если листы мои принесут пользу и увеселение читателям, то за сие они не мне, но вам будут одолжены, ибо без вашего примера не отважился бы я напасть на пороки, а я останусь навсегда

вашим почитателем,
С[очинитель] Живописца.

П. П.[6] Хотел бы я просить вас, чтобы вы сделали честь моему журналу сообщением какого-либо из ваших мелких сочинений, но опасаюсь отвлечь от упражнений ваших. Впрочем, для меня весьма лестно получить ваш ответ.

В Санктпетербурге,
апреля 12 дня
1772 года.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 2

АВТОР К САМОМУ СЕБЕ

Ты делаешься автором, ты принимаешь название Живописца, но не такого, которой пишет кистью, а Живописца пером, изображающего наисокровеннейшие в сердцах человеческих пороки.

Знаешь ли, мой друг, какой ты участи себя подвергаешь? ведаешь ли совершенно, какой предлежит тебе труд, известны ли тебе твои свойства и твои читатели, надеешься ли всем им сделать угождение, взвесил ли ты беспристрастно свои достоинства и способности, подумал ли, что худой автор добровольно себя всеобщему подвергает осмеянию? — Ты молчишь, бедной человек! ты столько же порабощен страстям своим, как и те, которых исправлять намеряешься! — Слышу твое возражение; как оно слабо и смешно. Ты говоришь: ведь другие пишут, не больше моего имея способностей, для чего же не писать и мне, имевши столько же к писанию охоты, как и они, да еще и тогда, как все мои приятели уверяют, что я к писанию способен; ты один только упорствуешь и никогда на их не хочешь согласиться мнение. — Выслушай мой ответ, твоими же скажу тебе словами: ведь других пересмехают, для чего же ты примером их не исправляешься. Приятели твои льстили тебе или по легкомыслию, или в насмешку, или, наконец, по ложной благопристойности худое хвалить, дабы не раздражить хулимого: ты узнаешь, сколь опасны такие приятели! Я ведаю, что утвердить тебя в твоем заблуждении не великого им стоило труда. Самолюбие твое было тем удовольствовано, и ты думал так: других пересмехали и осуждали для того, что они писали дурно; я сам усматривал их погрешности, я буду стараться убегать от подобных и потому не только что не подвергну себя порицанию, но надеюсь еще заслужить похвалу. — Как ты худо себя знаешь и какое заблуждение! Все писатели так думают, все так мысленно оправдываются, все так заблуждают и все в других находят погрешности, а не видят только собственных своих. Посмотри на сего высокопарного Н е в п о п а д а,[7] он силится, напрягается, обещает гору, но всегда рождает мышь: все так о нем говорят, но он один утверждает, что все обманываются. — Бедной автор! Взгляни на сего дерзкого К р и в о т о л к а,[8] он без всякой пощады порицает сочинения всех славных писателей, показывая тем остроту своего разума, он хорошие сочинения других обращает в худые, а свои негодные поставляет разным наилучшим сочинениям славных писателей, но никто из разумных людей ему не верит, и всякой говорит: он истинной К р и в о т о л к! Какая ж причина сему Кривотолкову заблуждению? Зависть — бедной автор! Тут найдешь писателя, старающегося забавлять разум[9] своими сочинениями и производить смех в разумных читателях, но увидишь, что он больше досаждает и производит скуку, а смеется только сам — бедной автор! В другом месте увидишь Нравоучителя,[10] порицающего всех критиков и утверждающего, что сатиры ожесточают только нравы, а исправ-

ляют нравоучения, но читатель ему ответствует: ты пишешь так сухо, что я никогда не имею терпения читать твоих сочинений — бедной автор! Там сатирик [11] описывает пороки, язвит порочных, забавляет разум остротою своего сочинения и приносит удовольствие. Некоторые читатели говорят ему: ты забавен, я читал тебя с приятностию, но ты едок, я тебя опасаюсь,, а прочие кричат: он всесветный ругатель! — О бедной автор! Встречается со мною трагической писатель,[12] он сочиняет трагедию и говорит: комедия развращает только нравы и научает порокам, а не исправляет оных, такие сочинения не только что бесполезны, но и вредны. Одна трагедия имеет своею целию добродетель и научает оной и самих царей. Какая завидная участь! Но читатель ему ответствует: ежели твоя трагедия хороша, то тогда услаждает она мои чувства и питает разум, но, однако ж, ведай, что до сея пищи охотников не много, — бедной автор! Писатель комедий [13] говорит: трагедия показывает следы нравоучения тем людям, которые во оном не имеют нужды; обучать таких людей, кои или уже добродетельны, или не слушают его нравоучения, есть труд бесполезный. Напротив того, комедия приятным нравоучением и забавною критикою исправляет нравы частных людей, язвит пороки, не дает им усиливаться, искореняет их, словом, из всех театральных сочинений одна комедия полезна; но читатель ему говорит: знай, когда ты меня осмеиваешь, тогда я тебя пересмехаю, — бедной автор! Тут следует писатель, которой не сочиняет ни трагедий, ни комедий [14] для того только, что сии роды сочинений очень стары; он охотник выдумывать новое и для того пишет сочинение в таком вкусе, которой слишком за две тысячи лет откинут, ему читатель ответствует: напрасно ты трудишься, ты очень... бедной автор! Но мне еще встречается писатель: он сочиняет пастушеские сочинения [15] и на нежной своей лире воспевает златой век. Говорит, что у городских жителей нравы развращены, пороки царствуют, все отравлено ядом, что добродетель и блаженство бегают от городов и живут в прекрасных долинах, насажденных благоуханными деревьями, испещренных различными наилучшими цветами, орошенных источниками, протекающими кристалловидными водами, которые, тихо переливаяся по мелким прозрачным камушкам, восхитительной производят шум. Блаженство в виде пастуха сидит при источнике, прикрытом от солнечных лучей густою тенью того дуба, которой слишком три тысячи лет зеленым одевается листвием. Пастух на нежной свирели воспевает свою любовь, вокруг его летают зефиры и тихим дыханием приятное производят ему прохлаждение. Невинность в видах поднебесных птиц совокупляет приятное свое

пение с пастушескою свирелью, и вся природа во успокоении сему приятному внимает согласию. Сама Добродетель в виде прелестной пастушки одета в белом платье и увенчанная цветами тихонько подкрадывается, вдруг перед ним показывается, пастух кидает свирель, бросается во объятия своей любовницы и говорит: цари всего света, вы завидуете нашему блаженству! Г. автор восхищается, что двум смертным такое мог дать блаженство, и как хотя мысленным не восхищаться блаженством, жаль только, что оно никогда не существовало в природе! Творец сего блаженства хотя знает всю цену завидныя сея жизни, однако ж живет в городе, в суетах сего мира, а сие, как сказывают, делает он ради двух причин: первое, что в наших долинах зимою много бывает снегу, а второе, что ежели бы он туда переселился, то городские жители совсем бы позабыли блаженство сея жизни. Читатель ему ответствует старинною пословицею: чужую душу в рай, а сам ни ногой — бедной автор, ты других и себя обманываешь! Тут предстает перед мои глаза толпа писателей, которые то бредят, что видят.[16] Их сочинения иногда читают, но ничего им не ответствуют. — О пребедные авторы! ваша участь достойна сожаления! Но как исчислить всех? Болезни авторские, так, как и сами они, многообразны. Писатели желают быть хамелеонами, преображающимися по своему желанию и показывающимися наилучшими во всех видах, но редкие до сего достигают, а прочие же всегда в одном да и в худом показываются виде. Г. Живописец, вот картина, изображающая тебе авторов, я не входил в подробности, но начертанием одним изобразил различные роды упражнения, к коим ты себя определяешь. Я не упомянул также о сей грозной туче, на труды авторские всегда устремляющейся, о сих острых критических языках, которые даже до буквы, неправильно поставленной, писателям никогда не прощают. Что будет с твоими сочинениями, когда и славнейших писателей труды не щадятся? Тебе известно, какие свойства, дарования и способности составляют хорошего писателя, они бывают редки, но когда бывают, тогда обожают их просвещенные читатели. Итак, рассмотря себя, оставь сие упражнение. — Но ты молчишь, и я с досадою на твоем лице усматриваю непременное желание быть автором. Еще раз прошу тебя, оставь сие упражнение. — Нельзя, ты мне отвечаешь; так прости, бедной писатель, с превеликим соболезнованием оставлю тебя на скользкой сей дороге. По малой мере не позабывай никогда слов, мною тебе сказанных, что люди, упорно подвергающие себя осмеянию, никакого не достойны сожаления. Впрочем, я даю тебе совет: избери из своих приятелей друга, которой бы был человек

разумной, знающей и справедливой, слушай его критику без огорчения, следуй его советам, и хотя оные обидят твое самолюбие, но, однако ж, знай, что они будут иметь действие, подобное горьким лекарствам, от болезней нас освобождающим. Наконец, требую от тебя, чтобы ты в сей дороге никогда не разлучался с тою прекрасною женщиною, с которою иногда тебя видал: ты отгадать можешь, что она называется Осторожность.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 3

I

Приняв название Живописца и сделавшись автором еженедельных листов, нечувствительно сделался я должником всех моих читателей. Они без сомнения потребуют в каждую неделю полулиста моего сочинения: я им так обещал и почтенное авторское слово сохраню неотменно. Да для чего ж бы и не сохранить оного? — По моде нашего времени писать не трудно; благодаря бога, правая моя рука здорова, буквы чертить по бумаге научился еще с робячества. Я говорю чертить для того, что российской грамоте учился я у дьячка, которой и сам не знал никаких правил, а о грамматике и не слыхивал, следовательно, учился я искусству попугая и обезьяны, но это, разумеется, только о российском языке, которому почти и все обучаются без правил; итак, были бы только чернила, перо, бумага, так и совсем автор. О времена! блаженные времена, в которые, не учась грамоте, становимся попами![17] Некоторые ненавистники письмен нового вкуса утверждают, что ко всякому сочинению потребен разум, учение, критика, рассуждение, знание российского языка и правил грамматических. — Устыдитесь, государи мои строгие судьи, устыдитесь своего мнения, оставьте ваше заблуждение, посмотрите только на молодых наших писателей, вы увидите, что они никогда вашим не следуют правилам. Вы то проповедуете, чего не было, или что вышло уже из моды; кто же будет вам следовать? — Право, никто. По малой мере, мы, молодые люди, никогда не отяготим памяти своей ненужным знанием, да это и похвально; для чего без нужды трудиться? На что разум, когда и без оного писать можно? Что в рассуждении и критике? — все ли захватить автору, надобно и читателям что-нибудь оставить. Пропади знание российского языка, ежели и без него можно жить в большом свете, а этот большой

ЖИВОПИСЕЦЪ,
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ
на
1772 годъ
СОЧИНЕНІЕ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Титульный лист первой книжки журнала «Живописец».

свет составляют почтенные и любезные наши щеголи и щеголихи. Исчезните, правила грамматические, вы только пустое делаете затруднение. А учение. — О! эта ненужная тягость совсем брошена. — Но что я слышу! строгие, ученые и благоразумные люди негодуют, вооружаются против меня, хотят делать опровержение моим правилам: я пропал! — Но постойте, государи мои, есть у меня защитники, они за меня ответствовать вам будут. — Благородные невежды, ветреные щеголи, модные вертопрашки, на вас полагаю я надежду, вы держитесь моих правил, защищайте их, острые ваши языки к тому способны. И вы, добрые старички, вы думаете о науках согласно со мною, но по другим только причинам. Вы рассуждаете так: «деды наши и прадеды ничему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно,[18] науки да книги переводят только деньги, какая от них прибыль, одно раззоренье!». Детям своим вы говорите: «рости только велик, да будь счастлив, а ум будет». — Прекрасное нравоучение, неоспоримые доводы, новая истина открывается свету! Благоразумные старцы, премудрые воспитатели, в вашем невежестве видно некоторое подобие славнейшия в нашем веке человеческия мудрости, Ж а н Ж а к а Р у с с о; он разумом, а вы невежеством доказываете, что науки бесполезны. Какие ужасные противоположники соглашаются утвердить вред, от наук происходящий! В первый еще раз сии непримиримые неприятели р а з у м и н е в е ж е с т в о во единомыслие приходят. Прорицалище[19] нашего века, славный В о л ь т е р, познай свое заблуждение: старики наши, паче тебя тягостию лет обремененные, никогда не говорят, что на четырех ногах ходить поздно. Послушаем теперь, как молодые люди о науках рассуждают.

«Что в науках, говорит Н а р к и с:[20] астрономия умножит ли красоту мою паче звезд небесных? — Нет, на что ж мне она? Математика прибавит ли моих доходов — нет, чорт ли в ней! Физика изобретет ли новые таинства в природе, служащие к моему украшению, — нет, куда она годится! История покажет ли мне человека, которой был бы прекраснее меня, — нет, какая ж в ней нужда? География сделает ли меня любезнее — нет, так она и не достойна моего внимания. Прочие все науки могут ли произвесть чудо, чтобы красавицы в меня не влюблялись, — нет, это невозможность, следовательно, для меня все они бесполезны. А о словесных науках и говорить нечего. Одна только из них заслуживает несколько мое внимание: это стихотворство, да и оно нужно мне только тогда, когда захочется написать песенку. Я бы начал обучаться оному, да то беда, что я не знаю русского языка. Покойной батюшка его терпеть не мог, да и всю Россию ненавидел и сожалел, что он в ней родился;

полно, этому дивиться нечему, она и подлинно это заслуживает: человек с моими достоинствами не может найти счастия! То, что имею я, другой почел бы счастием, но для меня этого мало. — О Россия! Россия! когда научишься ты познавать достоинства людские!». Так рассуждает Наркис; достоинства его следующие: танцует прелестно, одевается щегольски, поет, как ангел, красавицы почитают его Адонидом,[21] а солюбовники[22] Марсом и все его трепещут, да есть чего и страшиться, ибо он уже принял несколько уроков от французского шпагобойца.[23] К дополнению его достоинств играет он во все карточные игры совершенно, а притом разумеет по-французски — не завидной ли это молодец, не совершенной ли он человек? — Читатель, скажи мне на ухо, каковы будут дети Наркисовы.

Худовоспитанник говорит: «науки никакой не могут мне принести пользы, я определил себя к военной службе и я имею уже офицерской чин. Науки сделают ли меня смелее, прибавят ли мне храбрости, сделают ли исправнейшим в моей должности — нет, так они для меня и не годятся. Моя наука вся в том состоит, чтобы уметь кричать: пали! коли! руби! и быть строгу до чрезвычайности к своим подчиненным. Науки да книги умягчают сердце, а от мягкосердечия до трусости один только шаг. Итак, пусть учатся и читают книги люди праздные, а я храбростию одной найду себе счастие». Худовоспитанник точно так и поступает: его называют храбрым офицером, похваляют, отец его радуется, что имеет столь любезного сына. Наконец, по многим храбрым его поступкам, сделал он прехраброе дело: его пожаловали бы большим чином, если бы он что-нибудь разумел, опричь науки рубить шпагою. Но тут уже смотрят на него другими глазами и говорят: он был наилучшей офицер, когда был под командою, но будет самой худой начальник. Как поверить ему полк? он ничему не учился, ничего не читал и ничего не знает. Вместо большого чина, дают ему деньги, он считает себя обиженным, думая, что когда был он хорошим офицером, то был бы еще лучшим начальником. Он идет в отставку и говорит: достоинства не награждаются. Худовоспитанник приезжает в другую неприятельскую землю, а именно во свое поместье. Служа в полку, собирал он иногда с неприятелей контрибуцию, а здесь со крестьян своих собирает тяжкие подати. Там рубил неверных, а здесь сечет и мучит правоверных. Там не имел он никакия жалости, нет у него и здесь никому и никакой пощады, и если бы можно ему было со крестьянами своими поступать в силу военного устава,[24] то не отказался бы он их аркибузировать.[25] Там отнятием неприятельских земель

служил он отечеству, а здесь отнятием оных у маломощных своих соседей делается преступником законов отечества — правильно говорит Худовоспитанник, что науки для него бесполезны, не нужны ему были в военной службе, а в отставке и совсем не годятся!

Кривосуд, получа судейской чин, говорит: «по наукам ли чины раздаются? Я ничему не учился и не хочу учиться, однако ж я судья. Моя наука теперь в том состоит, чтобы знать наизусть все указы и в случае нужды уметь их употреблять в свою пользу. Науками ли получают деньги, науками ли наживают деревни, науками ли приобретают себе покровителей, науками ли доставляют себе в старости спокойную жизнь, науками ли делают детей своих счастливыми? — Нет, так к чему же они годятся? Будь ученой человек хоть семи пядей во лбу, да попадись к нам в приказ, то переучим мы его на свой салтык, буде не захочет ходить по миру. О науки! науки! бесполезная тяжесть. О ученые! ученые! вы-то прямые дураки».

Продолжение в следующем листе.

ИЗВЕСТИЕ[26]

Сочинение сие выходить будет каждой недели во вторник по полулисту и продаваться у переплетчика Миллера, живущего в луговой Миллионной улице, в собственном доме, каждый № по 4 коп. Кто соблаговолит поместить свои сочинения в сей журнал, те могут оные сообщать к переплетчику с надписанием: г. Живописцу, но притом сочинитель сего журнала просит покорно, чтобы сообщаемые сочинения присланы были со окончанием.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 4

Продолжение

Щеголиха[27] говорит: «как глупы те люди, которые в науках самые прекрасные лета погубляют. Ужесть как смешны ученые мужчины, а наши сестры ученые — о! они-то совершенные дуры. Беспримерно, как они смешны! Не для географии одарила нас природа красотою лица, не для математики дано нам острое и проницательное понятие, не для истории награждены мы пленяющим голосом, не для фисики вложены в нас нежные сердца, для чего же одарены мы сими преимуществами? — чтобы быть

обожаемы. — В слове, уметь нравиться, все наши заключаются науки. За науки ли любят нас до безумия? наукам ли в нас удивляются, науки ли в нас обожают? — Нет, право, нет. Пусть ученая женщина покажется в ту беседу, в которой будут все наши щеголи, украшающие собою мужской пол, пусть она туда покажется, чорт меня возми, ежели там с нею хотя одно слово промолвят. А ежели она говорить начнет, то все мужчины зевать станут. Счастлива будет она, ежели случится там несколько человек ей подобных, тогда, по малой мере, хотя не умрет со скуки. Но что ж она тем выигрывает? Не больше, как назовут ее ученою женщиною, да и то такие люди, которых называют педантами — прекрасная победа! беспримерно как славна! [28] — Ученая женщина! ученая женщина фуй! как это неловко.[28] Напротив того, ежели приеду я в такое собрание, то вмиг окружат меня все мужчины. Станут наперерыв хвалить меня, один удивляется красоте моего лица, другой хвалит руки, третей стан, иной походку, тот приятность моего голоса, иной превозносит нежность моего вкуса в нарядах; словом сказать, ни одна из безделок моих, даже до булавки не останется, чтобы не была расхвалена. Все кричат: вот прекрасная, приятная и любезная женщина, вот чудесное произведение природы, вот совершенное ее сотворение, она мила, как ангел! Разумеется, что все такие слова без проводника идут к сердцу. Не успею я осмотреться, как уже тысячи найду обожателей. Один говорит, что он хотел бы быть вечно моим слугою, лишь бы мог иметь счастие всегда меня видеть. Как это много! беспримерно много, из благородного человека хочет сделаться слугою, для того только, чтобы чаще на меня смотреть и удивляться. Другой говорит, что он оставил бы престол всего света, лишь бы мог быть моим любимым невольником. — Ужасная мысль! годится хоть в трагедию, по счастью, что он еще не король, а то бы и в истину он так сдурачился. — Однако ж его до такого дурачества не допустили бы. Но как исчислить все, что говорят учтивые мужчины красавицам? ласкательствы их неограниченны, а учтивости бесконечны. Слыша это, как не восхищаться, как за учтивости не платить ласкою? Я так и поступаю: с одним поговорю, другого похвалю, на третьего брошу взгляд, поражающей его сердце, и так далее. Я ни одному ничего не обещаю, но однако ж всех их к себе привязываю. Ужесть как завидно состояние красавицы и как беспримерно жалко ученой женщины. Божусь, что я своего состояния ни на какое не променяю. Какая ж нужда мне в науках? — право никакой». Так рассуждает Щеголиха. Читатель, скажи, не правильно ли ее рассуждение?

Молокосос говорит: «я не хочу тратить времени для наук, они мне не нужны. Чины получаю я по милости моего дядюшки, гораздо еще преимущественнее перед теми, которые в науках погубили молодые свои лета. Деньги на мое содержание жалует мне батюшка, а когда не достает оных, тогда забираю в долг и мне верят. Начальники мои не только что любят меня, но еще стараются угождать мне, делая тем услугу знатным моим родственникам. В любви счастлив я и без наук, всякая красавица за честь себе почтет быть моею женою. Куда я ни приеду, везде меня ласкают, все хвалят, удивляются моей живости, превозносят остроту мою; итак, повсему науки для меня бесполезны». Читатель! прибавь от себя, как Молокососа все внутренно называют.

Волокита рассуждает так: «какая польза мне в науках. Науками ли приходят в любовь у прекрасного пола, науками ли им нравятся, науками ли упорные побеждают сердца, науками ли украшают лоб, науками ли торжествуют над солюбовниками? — Нет, так они для меня и не годятся. Моя наука состоит в том, чтобы уметь одеваться со вкусом, чесать волосы по моде, говорить всякие трогающие безделки, воздыхать кстати, хохотать громко, сидеть разбросану,[28] иметь приятной вид, пленяющую походку, быть совсем развязану,[28] словом, дойтить до того, чтобы называли шалуном те люди, которых мы дураками называем; когда можно до этого дойти, то это значит дойти до совершенства в моей науке. В беседе со щеголихами бываю я волен до наглости, смел до бесстыдства, жив до дерзости; меня за это называют резвым ребенком и хотя ударят меня по руке и скажут: перестань, ты очень дерзок, однако ж я никогда от того не краснею. Слово, я не могу владеть собою, меня в таком случае извиняет. Впрочем, всегда должен я быть ветрен и злоязычен. С которою машусь,[29] ту одну хвалю, в ней одной все нахожу совершества, а в прочих вижу только недостатки и пороки. Что нужды, ежели они их не имеют, довольно, что я тем делаю угодность моей красавице. Необходимо также должен я уметь портить русской язык и говорить нынешним щегольским женским наречием, ибо в наше время почитается это за одно не из последних достоинств в любовном упражнении. Открытие любви [30] должен я делать по новому обыкновению и никогда не допускать, чтобы в такие разговоры вмешивалось сердце. Это было бы дурачиться по-дедовски. По-нашему надобно любить так, чтобы всегда отстать можно было. Открытие делаю я всегда так, как будто это ненарочно случилось; например, рассказывая красавице о каком ни на есть любовном приключении, вдруг перерываю разговор

— э! кстати, сударыня, сказать ли вам новость? ведь я влюблен в вас до дурачества, вы своими прелестями так вскружили мне голову, что я не в своей сижу тарелке,[31] — шутишь, она мне ответствует, ужесть, как славно ты себя раскрываешь — беспримерно славно; сударыня, что мне нужды, как вы это почитаете резвостью или дурачеством, только я вам говорю в настоящую, что я дурачусь. Пусть я не доживу до Медного таза,[32] ежели говорю не правду! После такой клятвы бросаю на нее гнилой взгляд,[33] а между тем начинаю хвалить ее и тут даю полную свободу языку моему, которой, сказать истину, в таких случаях очень остер. Она часто потупляется, будто бы стыдилась слушать себе похвалу, иногда усмехается, иногда удивляется и по часту говорит: перестань шутить, ведь не утешно слушать вздор. После этого я даю свободу рукам; мне говорят: это уж и в истинную глупость, — а я далее, далее, а наконец, она и сама поверит, что это была не шутка. Потом бываем мы несколько дней смертельно друг в друга влюблены, и это называется дурачиться до безумия. Мы располагаем дни так, чтобы всегда быть вместе: в Сериньской[34] ездим в аглинскую комедию,[35] в Пестриньской[34] бываем в французской, в Колетца[34] в маскараде, в Медной таз[34] в концерте, в Сайку[34] смотрим русской спектакль, в Умойся[34] дома, а в Красное[34] ездим прогуливаться за город. Таким образом держу ее своим болванчиком[36] до того времени, как встретится другая. Вот моя наука! она без сомнения важнее всех наук, и я знаю ее в совершенстве. Пусть ученой человек со всею своею премудростию начнет при мне строить дворики,[37] то я его проучу, что он от всякой щеголихи тотчас на четырех ногах поскачет».

О великой человек! ты рассуждаешь премудро, наука твоя беспримерно славна, и ты так учен, что я от тебя падаю,[38] ты вечно посадил себе в голову вздор, как тебе не удивляться!

Читатель, с позволения твоего, не пора ли оставить рассуждения некоторых наших молодых людей о науках. Кажется мне, что я уже ими довольно тебе наскучил. Ты ожидаешь чего-нибудь поважнее; потерпи, пожалуй, все будет, только чур не сердиться.[39]

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 5

II

ОТРЫВОК ПУТЕШЕСТВИЯ В *** И *** Т ***[40]

Глава XIV

По выезде моем из сего города я останавливался во всяком почти селе и деревне, ибо все они равно любопытство мое к себе привлекали, но в три дни сего путешествия ничего не нашел я, похвалы достойного. Бедность и рабство повсюду встречалися со мною во образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. Маленькие покрытые соломою хижины из тонкого заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшие адоньи[41] хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны.

Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению, всегда находил, что помещики их сами тому были виною. О человечество! тебя не знают в сих поселениях. О господство! ты тиранствуешь над подобными себе человеками. О блаженная добродетель, любовь ко ближнему,[41] ты употребляешься во зло: глупые помещики сих бедных рабов изъявляют тебя более к лошадям и собакам, а не к человекам! С великим содроганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим руководствует!

Деревня Разоренная поселена на самом низком и болотном месте. Дворов около двадцати, стесненных один подле другого, огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломою. Какая несчастная жертва, жестокости пламени посвященная нерадивостию их господина! Избы, или, лучше сказать, бедные развалившиеся хижины представляют взору путешественника оставленное человеками селение. Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимним временем. При въезде моем в сие обиталище плача я не видал ни одного человека. День тогда был жаркой, я ехал в открытой коляске, пыль и жар столько обеспокоивали

меня дорогою, что я спешил войти в одну из сих развалившихся хижин, дабы несколько успокоиться. Извозчик мой остановился у ворот одного бедного дворишка, сказывая, что это был лучшей во всей деревне и что хозяин оного зажиточнее был всех прочих, потому что имел он корову. Мы стучалися у ворот очень долго, но нам их не отпирали. Собака, на дворе привязанная, тихим и осиплым лаянием, казалось, давала знать, что ей оберегать было нечего. Извозчик вышел из терпения, перелез через ворота и отпер их. Коляска моя взвезена была на грязной двор, намощенной соломою, ежели оною намостить можно грязное и болотное место, а я вошел в избу растворенными настежь дверями. Заразительный дух от всякой нечистоты, чрезвычайной жар и жужжание бесчисленного множества мух оттуда меня выгоняли, а вопль трех оставленных младенцев удерживал во оной. Я спешил подать помощь сим несчастным тварям. Пришед к лукошкам, прицепленным веревками к шестам, в которых лежали без всякого призрения оставленные младенцы, увидел я, что у одного упал сосок с молоком; я его поправил, и он успокоился. Другого нашел обернувшегося лицом к подушонке из самой толстой холстины, набитой соломою; я тотчас его оборотил и увидел, что без скорой помощи лишился бы он жизни, ибо он не только что посинел, но и почернев был уже в руках смерти; скоро и этот успокоился. Подошед к третьему, увидел, что он был распеленан, множество мух покрывали лицо его и тело и немилосердно мучили сего робенка; солома, на которой он лежал, также его колола, и он произносил пронзающий крик. Я оказал и этому услугу, согнал всех мух, спеленал его другими, хотя нечистыми, но однако ж сухими пеленками, которые в избе тогда развешаны были, поправил солому, которую он, борохтаясь, ногами взбил; замолчал и этот. Смотря на сих младенцев и входя в бедность состояния сих людей, вскричал я: жестокосердый тиран, отъемлющий у крестьян насущный хлеб и последнее спокойство! посмотри, чего требуют сии младенцы! У одного связаны руки и ноги, приносит ли он о том жалобы? — Нет, он спокойно взирает на свои оковы. Чего же требует он? — Необходимо нужного только пропитания. Другой произносил вопль о том, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третей вопиял к человечеству, чтобы его не мучили. Кричите, бедные твари, сказал я, проливая слезы, произносите жалобы свои, наслаждайтесь последним сим удовольствием во младенчестве; когда возмужаете, тогда и сего утешения лишитесь. О солнце, лучами щедрот своих*** озаряющее,[42] призри на сих несчастных!

Оказав услугу человечеству, я спешил подать помощь себе: тяжкой запах в избе столь для меня был вреден, что я насилу

мог выйти из оной. Пришед к своей коляске, упал я без чувства во оную. Приключившейся мне обморок был непродолжителен, я опомнился, спрашивал холодной воды, извозчик мой ее принес из колодезя, но я не мог пить ее по причине худого запаха. Я требовал чистой, но во ответ услышал, что во всей деревне лучше этой воды нет и что все крестьяне довольствуются сею пакостною водою. Помещики, сказал я, вы никакого не имеете попечения о сохранении здоровья своих кормильцев!

Я спрашивал, где хозяева того дома; извозчик ответствовал, что все крестьяне и крестьянки в поле, прибавя к тому, что когда был я в избе, то выходил он в то время за задние ворота посмотреть, не найдет ли там кого-нибудь из крестьян, что нашел он там одного спрятавшегося мальчика, которой ему сказал, что, увидев издалека пыль от моей коляски, подумали они, что это едет их барин, и для того от страха разбежались. Они скоро придут, сказал извозчик, я их уверил, что мы проезжие, что ты боярин доброй, что ты не дерешься и что ты пожалуешь им на лапти. Вскоре после того пришли два мальчика и две девочки от пяти до семи лет. Они все были босиками, с раскрытыми грудями и в одних рубашках и столь были дики и застращены именем барина, что боялись подойти к моей коляске. Извозчик их подвел, приговаривая: не бойтесь, он вас не убьет, он боярин доброй, он пожалует вам на лапти. Робятишки, подведены будучи были близко к моей коляске, вдруг все побежали назад, крича: ай! ай! ай! берите все что есть, только не бейте нас! Извозчик, схватя одного из них, спрашивал, чего они испужались. Мальчишка, трясучись от страха, говорил: да! чего испужались... ты нас обманул... на этом барине красной кафтан... это никак наш барин... он нас засечет. Вот плоды жестокости и страха, о вы худые и жестокосердые господа! вы дожили до того несчастия, что подобные вам человеки боятся вас, как диких зверей. Не бойся, друг мой, сказал я испуженному красным кафтаном мальчику, я не ваш барин; подойди ко мне, я тебе дам денег. Мальчик оставил страх, подошел ко мне, взял денег, поклонился в ноги и, оборотясь, кричал другим: ступайте сюда, робята, это не наш барин, этот барин доброй, он дает деньги и не дерется! Робятишки тотчас все ко мне прибежали; я дал каждому по нескольку денег и по пирожку, которые со мною были. Они все кричали: у меня деньги! у меня пирог!

Продолжение будет впредь.

Сие сатирическое сочинение, под названием путешествия в ***, получил я от г. И. Т. с прошением, чтобы оно помещено было в моих листах. Если бы это было в то время, когда умы наши и сердца заражены были французскою нациею, то не осмелился бы я читателя моего попотчивать с этого блюда, потому что оно приготовлено очень солоно и для нежных вкусов благородных невежд горьковато. Но ныне премудрость, седящая на престоле, истину покровительствует во всех деяниях. Итак, я надеюсь, что сие сочиненьице заслужит внимание людей, истину любящих. Впрочем, я уверяю моего читателя, что продолжение сего путешествия удовольствует его любопытство.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 6

III

ВЕДОМОСТИ

В Санктпетербурге

Из гостиного двора [43]

Купечество наше, торгующее в гостином дворе, претерпевает великое помешательство в торговле от прогуливания знатных госпож и господ по гостиному двору. Сия мода недавно вошла во употребление и купечеству нашему тем более вредна, что госпожи и господа приезжают туда в великом множестве, садятся в лавках беседовать, пересматривают все товары, какие только есть, разговаривают о нарядах и любовных делах, пересмехают всех проходящих, а между тем купцы теряют напрасно свое время. Посредственного состояния люди, видя в лавках знатных людей, из учтивости проходят мимо и не покупают нужного для своего употребления. Сии тягостные для хозяина гости, просидев часа два в лавке, выходят, а купец принужден бывает часа три прибирать разбросанные товары, которые гостям своим показывал и из которых они ничего не купили. Пришедшие для покупки товаров люди уходят домой и принуждены бывают приходить в гостиный двор раза по три за тем, что бы могли они искупить в десять минут. Гости гостиного двора переходят из лавки в лавку, ищут знакомых, находят и с ними еще садятся и разговаривают до того времени, как уже будет поздно. Купечество наше обещает от себя не малое награждение тому из модных господ, которой чрез искоренение сея моды доставит им свобод-

ную торговлю. Награждение сие, как сказывают, состоять будет в том, что вся Суровская линия, сложася с другими, сделает благодетелю своему кредит на десять тысяч рублей. Должно ожидать от сего желаемой пользы, ибо кто в состоянии вывесть сие из моды, тот не захочет потерять сию находку. Купечество же потерю свою считать будет тогда не более, как в трех тысячах рублей.

Из Милионной[44]

Здесь примечена великая перемена в продаже книг. Прежде жаловались, что на российском языке не было почти никаких полезных и ко украшению разума служащих книг, а печатались одни только романы и сказки, но однако ж их покупали очень много. Ныне многие наилучшие книги переведены с разных иностранных языков и напечатаны на российском, но их и в десятую долю против романов не покупают. Прежнему великому на романы и сказки расходу причиною было, как некоторые сказывают, невежество, а нынешнему малому наилучшим книгам расходу полагают причиною великое наше просвещение. И подлинно, благодаря бога, мы ныне так стали разумны, что не только ничему уже не хотим учиться, но и за стыд почитаем упражняться в науках, а еще и паче во словесных. Что ж касается до подлинных наших книг, то они никогда не были в моде и совсем не расходятся, да и кому их покупать? просвещенным нашим господчикам они не нужны, а невежам и совсем не годятся. Кто бы во Франции поверил, ежели бы сказали, что Волшебных сказок[45] разошлося больше сочинений Расиновых? А у нас это сбывается, Тысячи одной ночи продано гораздо больше сочинений г. Сумарокова. И какой бы лондонской книгопродавец не ужаснулся, услышав, что у нас двести экземпляров напечатанной книги иногда в десять лет насилу раскупятся? О времена! о нравы! Ободряйтесь, российские писатели! сочинения ваши скоро и совсем покупать перестанут.

Из Москвы

Свирепствовавшая в нашем городе заразительная болезнь[46] прекращена совсем премудрыми учреждениями дражайшия матери всея России и неусыпными попечениями некоторых истинных сынов отечества,[47] приносивших жизнь свою в жертву смерти для нашего избавления. Да начертает истина имена их во храмах славы и вечности! И мы паки наслаждаемся вожделенным спокойствием. О, когда бы могла так скоро истребиться другая болезнь,[48] в Москве и Петербурге укоренившаяся! Под сей

болезнию разумеем мы слепое пристрастие некоторых знатных российских бояр и молодых господчиков ко всем иностранцам. К стыду нашему сие пристрастие весьма далеко простирается. Российские ученые, художники и ремесленники ими презираются, а иностранные, хотя многие и без всяких достоинств, ими отлично принимаются, защищаются и всегда находят их покровительство. Да истребится сие вредное и никоторому народу не свойственное пристрастие, да воздастся достоинствам иностранных должная справедливость, но да ободрятся и сыны отечества и процветут в России науки, художества и ремесла и да будут презираемы все ненавидящие отечество!

Из Ярославля[49]

Ярославль известен был прежде прекрасным только местоположением и манифактурами, а ныне славится и хорошими сочинениями. В нашем городе сочиненные комедии представляются в Санктпетербурге на придворном российском театре, принимаются с превеликою от всех похвалою и почитаются лучшими комедиями в российском театре. И мы можем хвалиться, что Ярославль первый из городов российских обогатил русской театр тремя комедиями в наших нравах. Поговаривают, что и в других российских городах принимаются за сие упражнение. У нас на Руси все делается по моде, но дай боже, чтобы полезные моды почаще входили во употребление и чтобы науки и художества процветали во всех российских городах так, как в Петербурге и Москве.

Из Твери

Недавно через наш город проехал в Петербург какой-то славной Выдумщик. Он рассказывал нам о себе великие чудеса и показывал более ста выдумок, им сочиненных. Между прочими выхвалял он более всех сочинение, в котором он предлагает способ для приохочивания молодых российских господчиков к чтению русских книг. Оной в том состоит, чтобы русские книги печатать французскими литерами. Г. Выдумщик уверяет, что сим способом можно приманить к чтению российских книг всех щеголей и щеголих, да и самых тех, которые российского языка терпеть не могут. Он утверждал, что ежели эта его выдумка произведется в действо, то он надеется от сего великого успеха, потому что, по его мнению, французские буквы мягкостию своей очистят всю грубость российского языка. Сей великой человек недолго промешкал в нашем городе и поскакал в Петербург.

ИЗВЕСТИЯ

Будущего июня 10 числа, в доме г. Наркиса,[50] состоящем в Вертопрашной улице, будут разыгрываться лотерейным порядком сердца разных особ, в разные времена г. Наркисом плененные и за ветхостию к собственному его употреблению неспособные. При каждом сердце отданы будут и крепости[51] на оные, состоящие в любовных письмах и портрете. Билеты можно получать в собственном его доме, где и цена оным будет объявлена.

Недавно приехавший француз учредил для молодых благородных и мещанских детей школу, в которой преподавать будет все в карточных играх употребляемые хитрости и обманы, в каждый день от 10 пополудни до 5 часов пополуночи. Сей честный и некорыстолюбивый француз обязуется как сему, так и другим разным ко обогащению себя средствам обучать учеников своих без всякой платы. Но чтобы ученики его больше уважали его наставления и более бы имели прилежания к скорейшему обучению, то требует он только сей безделки, чтобы они играли с ним на чистые деньги. Впрочем, он клянется французскою своею совестию, что в скорое время учеников своих приведет в такое состояние, что они других обучать будут. Сей учитель живет в улице Раззорение в доме г. Бесстыднова.

Прибавление к сим ведомостям будет впредь.[52]

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 7

IV

ПИСЬМО К ГОСПОДИНУ ЖИВОПИСЦУ[53]

Государь мой!

Никогда не думал я, чтоб сочиненная мною комедия О Время таковой имела успех, каковым вы меня уверяете, а тем паче не воображал себе той чести, которую вы приписанием еженедельных ваших листов мне сделали. Комедию мою сочинил я, живучи во уединении во время свирепствовавшей язвы, и при сочинении оной не брал я находившихся в ней умоначертаний ни откуда, кроме собственной моей семьи; [54] следовательно, не выходя из дому своего нашел в нем одном к составлению забавного позорища довольно обширное поле для искусней-

шего пера, а не для такого, каковым я свое почитаю. Что до меня касается, я никаких ни требований, ни желаний не имею. Пишу я для собственной своей забавы, и если малые сочинения мои приобретут успех и принесут удовольствие разумным людям, то я тем весьма награжден буду. Напротив того, если услышу, что нет в них никому увеселения, то хотя тем, ненавидя праздность, от писания и не воздержуся, однако ж выдавать их боле не стану. Имени своего я не скрываю, но и не напишу его, дабы в первой раз не явилось оно в свете в заглавии комедий, что для меня самого было бы комедиею, а прибыли в том никому нет, Карпом ли или Сидором меня зовут. Итак, оставя сие, позвольте мне включить здесь некоторое примечание на недавно сочиненную мною комедию, названную Именины госпожи Ворчалкиной. Дошло до меня, что некоторые критики за непристойно поставляют, что господин Фирлифюшков[55] за бесстыдное словонесдержание[56] наказан палкою. Говорят они, что «как, дескать, дворянина за бесчестное дело бить палкою?». Я не стану приводить здесь, бывало ль таковое где-нибудь действие или нет; ниже́ хочу извинять поступок господина Геркулова.[57] Он действительно в обыкновенном общежитии жесток. Но себя я легко оправдать могу, сославшись на самое уложенье.[58] В нем господа критики найдут, чему за несдержание слова и за безделье люди подвергаются. Еще остается мне ответствовать вам на вашу просьбу. Вы хотите, чтоб я присылал к вам какие-нибудь сочинении, сие с охотою впредь я исполню и сожалею о том только, что на сей случай никаких у меня готовых не случилось, ибо я целые пять месяцев занят был сочинениями комедий, коих пять готовых имею[59] и некоторые из них отосланы на феатр, а прочие туда же в поход собираются... Я, впрочем, есмь,

Государь мой, ваш охотный слуга,

сочинитель комедии
О Время.

Господину сочинителю комедии О Время,[60] за полученное мною письмо, свидетельствую мою благодарность. Впрочем, я имею к нему сообщить многое и для того оставляю ответствовать особливым письмом до следующих листов.

V

Государь мой!

Я читаю ваши листы[61] с большим удовольствием, они, надеюсь я, многим принесут пользу. Живучи давно в свете, я при-

метил, что осмеяние порока умаляет силу его более, нежели иногда нравоучение, со скукою смешанное. Наипаче молодые люди пристают скорее к забавному листочку и оный читают, нежели толстой в лист книге, на которую не взглянут без негодования внутреннего или наружного, если хотя малейшее окажется им принуждение читать оную. Живой пример тому, что я говорю, имею я во своем доме. Обе мои дочери листов ваших из рук почти не выпускают с того времени, как они выходить стали. Когда же, бывало, говаривал я им по вечерам нравоучения, тогда они, или обе вместе, или по одиначке, ничего иного не делали, как только попеременно зевали, и я примечал, что наставления мои слушали они более из почтения и детского ко мне повиновения, а не для того, что бы находили они в речах моих пользу или забаву. Воспользуйтесь, государь мой, сим полезным для ваших листов расположением молодых людей, именно, я вас прошу, напишите что ни есть такое, чтобы заранее дочерей моих устрашить могло от того, если бы они, вышед замуж, похотели мужнин дом оставить, или, смотря на других, по моде с ними развестися. Представьте им в забавном слоге, сколь соблазнительны таковые разводы для общества. Опишите стыд и поношение, коим подвергается всякая жена тогда, когда порочное ее поведение побегом от мужа всем сделается известным, будет твердиться во устах целого города и будет служить содержанием разговоров на долгое время. В таком случае говорят про нее не только то, что было, но и то, чего в ней никогда не бывало. Позолотите сию горькую для девиц пилюлю и сделайте так, чтобы проглотили они ее с приятностию. Но, чтобы дерево с корня срубить разом, то, пожалуйте, введите в сии нового рода проповеди и то, что молодым девицам от одного слова любви пригожее краснеть, нежели иметь его в беспрестанном употреблении, ибо сие слово во устах их не должно быть до замужества. Скромное поведение есть дражайший дар женского пола. Скажите им, что н а х а л ы мужеского пола похожи на мухоморов между грибами: они имеют цвет видный и пригожий издали, но вблизи они вредны, и всякий разумный человек проходит мимо их или с презрением кидает. Я читал где-то, что и н а х а л к и женского пола занимают в обществе место одинакое с теми в лесу грибами, кои на тоненьких, пустых и гнилых растут ножках. Известно, что простой народ все оные роды грибов означает одним названием поганых. Вы, государь мой, изо всего сего сделайте употребление, какое за благо рассудите, но, пожалуйте, не слушайте тех, кои скажут вам, что пример поганых грибов невежлив, это была бы слабость учтиво обходиться с пороками.

Я пишу все это для предостережения моих дочерей от поганого обыкновения и для того более смотрю на чистоту и силу смысла, а не на нежность слов.

Государь мой,
покорный ваш слуга М. М.

П. П. Пропал я, господин Живописец; я думал, что дочери мои любят ваши листы для нравоучений в них содержащихся, ничего этого не бывало: они выбирают из них только модные слова и наизусть их вытверживают. Я застал, что они сии слова списывают на особом листе, все они кажутся им приятны, а наипаче сходят с ума от Медного таза[34] и беспрестанно его твердят. Дайте совет, что мне делать?

Во удовольствие ваше, полученное мною от вас письмо предается тиснению, пусть дочери ваши прочтут ваше же нравоучение в моем листе; может быть, оно покажется им приятнее для того, что напечатано оно под тем же заглавием, под которым и Медный таз поставлен. Угодить всем есть дело невозможное, чего требуете вы, за то будут досадовать другие. Вы хотите, чтобы для предостережения ваших дочерей написал я критику на тех жен, которые оставляют своих мужей; может быть когда-нибудь и удовольствую ваше желание, но притом, однако ж, с прибавлением критики на тех мужей, которые беспорядочным своим житием выводят жен своих из терпения и по нужде заставляют покинуть мужа, в котором, вместо друга, находят себе мучителя. Сего требует благоразумие и справедливость. Впрочем, я подумаю, какой вам дать совет.

VI

Господин сочинитель Живописца!

Прочитав твои листки,[62] я, право, полюбил тебя и почувствовал, сам не знаю, какую-то привязанность, может быть, оттого, что чувствия наши одинаковы. Сочинении твои мне весьма нравятся, но не тем, чем они нравятся другим, то есть не слогом, а содержанием. Какая мне нужда в красоте слога, провались красноречие, ядом льсти напоенное! Я ненавижу тех красноречивых рассказчиков, которые, обольщая слуг, обманывают нас,[63] а люблю в писателе лучше всего доброе сердце и истинную любовь к отечеству. Ты пишешь сатиры на тех людей, которых давно уже пожурить надлежало; сказать ли тебе, читая твой листок, я плакал от радости, что нашелся человек, которой против господствующего ложного мнения осмелился говорить в пе-

чатных листах. Великий боже, услыши моления осьмидесятилетнего старика, которой приносит тебе оную сердцем чистым и правдивым, к счастию нашему продли дражайшие дни премудрыя государыни... Куда бы ты попал, бедняжка, если бы эту песню запел в то время, когда я был помоложе. О время! ты протекло и не возвращайся к нам никогда. Но сказать ли тебе, друг мой: ты многих вооружил против себя, тебя злословят, так-то воздают тем людям, которые говорят правду! Но что нужды: живучи в свете, я насмотрелся на перемены людских мнений, я терпел и больше этого, однако ж все это миновалось. Не сердись за то, что люди испорченных нравов тебя поносят, друг мой, тебе это такую же честь делает, как и то, что честные люди благодарят тебя. Однако ж пиши поосторожнее, любя тебя, я сожалеть буду, если прервется твой журнал. Дай бог тебе счастье и лучший успех в твоем труде. Сего искренно желает

Осьмидесятилетней
Старик.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 8

VII

ПИСЬМО

О пользе наук и о воспитании во оных юношества, писанное покойным профессором Поповским[64] *к его превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову*[65] *при заведении Московского университета 1756 года*

Различны, меценат, к бессмертию дороги:
Иной, повергнув тьмы людей себе под ноги,
Чрез раны, через кровь, чрез кучи бледных тел,
Развалины градов, сквозь дым сожженных сел,
Отверз себе мечем путь к вечности кровавой
И с пагубой других достиг бессмертной славы;
Но плач и вопль сирот и стон оставших жен,
Родителей печаль и треск упадших стен
Гремящую трубу их славы заглушает
И ясно проникать в слух смертных воспящает.
Другой, подняв верхи ужасных пирамид
Превыше туч, где ветр и буря не шумит,

Потомству по себе мнит память тем оставить
И имя чудными громадами прославить,
Но многих труд веков, несчетных тысящ пот,
Под тягостию сей вздыхающий народ,
На вечные труды и муки осужденный
И в жертву гордости невинно принесенный,
Мучительскую тем доказывает власть,
И самолюбную изобличают страсть.
Тот мыслей хитростью и скрытностью советов
И темнотой своих сомнительных ответов
Народов дружбу рвет союзных меж собой
И возмущает их возлюбленный покой,
Чтоб ссорою других своим дать силы боле
И дале расширить отечественно поле,
Надеясь делом сим политиком прослыть
И титло мудрого министра заслужить.

*

Итак, не истинной прельщаемся хвалою,
Призраком лишь ее и тению пустою;
Не подлинная нас в делах предводит честь,
Но легкомыслие и хвастовство, и лесть:
Нам похвалою то и славою быть мнится,
Коль в нас чему-нибудь простой народ дивится.
Не мог скрыть Демосфен веселья своего,
Как женщины: вот он шептали про него.
Младенца удивить безделицей не трудно,
Пустому может он дивиться безрассудно.
Обманщик знатоком покажется наук,
Как насмеется он глазам проворством рук.
Но паче похвала нас та увеселяет,
Котора у живых вокруг ушей летает.
Что хочешь, про меня тихонько рассуждай,
Лишь только во глаза хулой не досаждай.
Аммонов жрец, дары приняв, в уме смеялся,
Когда ответ его правдивым показался
Не хитрому царю, что он Зевесов сын,[66]
Хоть изо всех богов скончался он един.
Весьма безумен Крис,[67] имея столько злата,
Что титла не купил Юпитерова брата.
Скажу про Юлия,[68] что в Риме он тиран,
Что вольность он теснит неправедно граждан,
Но меч в его руке обуздывает слово,
Отцом его признать все общество готово,

Он держит на своих отечество плечах,
Он может лишь един в колеблемых стенах
Пороки истребить, восстановить законы,
И нет, кроме его, другия обороны.
Но только слух прошел, что отчества отец
Достойный получил делам своим конец,
То льва бездушного поверженное тело
Трусливый попирал осел ногами смело.
Уж отчества отца тираном стали звать,
Доброты прежние пороками считать.
Вот как народному вверять себя языку,
Ласкательным словам, плесканиям и крику,
Где действует одна надежда или страх,
Где искренности нет, ни истины в сердцах!

*

Но что бесстыднее! Фортуну обижаем,
Как власть ее своим советам причисляем,
Что счастьем сделалось, что случай учинил,
Величеству своих приписываем сил.
Лисица петуха всего съесть не успела,
Как волка близ себя внезапно усмотрела,
Нарочно для тебя я берегу, дружок,
С тобою, говорит, последний съем кусок.
В свою влечем хвалу хоть наше, хоть чужое
И мелочь самую мы больше кажем втрое.

*

Но много ли таких мы найдем на земле,
Чтоб честность предпочли напрасной похвале,
Чтобы имели дух и сердце благородно
И не смотрели бы на мнение народно,
Чтоб не прельщалися ни суетной хвалой,
Не оскорблялись бы безумною хулой.
Чтоб совести одной и правде угождали
И на бесстрастный бы потомства суд взирали,
Где злобы, зависти, нижé потачки нет,
Где малым и большим по выслуге ответ,
Чтобы держалися во всем сего устава,
Что честь и похвала, величие и слава
Во добродетельных заслугах состоит
С любовью ко своим и прочим без обид;
Чтоб твердо верили, что все дела честные
Хоть в жизни хулятся от ненависти злыя.

Иль меньше хвалятся по существу заслуг,
Но как из бренного изыдет тела дух,
Тогда им должная цена постановится
И мрачным никогда забвеньем не затмится!

*

Ты к славе, меценат, надежней путь избрал,
Что мусы [69] возлюбил, что зреть их предприял,
Обычаям худым, растленной нашей воле
Чем можно пособить и чем исправить боле?
Сие осталося едино врачество
Душевный исцелить недуг и естество.
Прошли те времена, прошли златые веки,
Как разумом простым водимы человеки,
Не ведая наук, незлобие блюли
И от неправд себя, как яда, берегли.
Но в наш несчастный век проклятые пороки
Взошли на самый верх и степень превысокий
И некуда уже взойти превыше им,
То ж будут делать впредь, что мы давно творим.

*

Имеем от младых ногтей [70] мы свет природный,
Который нас ведет на путь блаженству сродный.
Имеем семена естественных доброт,
Которы дать могли б плоды своих красот,
Но вредные людей испорченных примеры
И в ложных мнениях погрязши лицемеры
Природу нежную младенческих умов,
Доброту красную естественных даров,
В противну сторону напрасно преклоняют:
Где был бы красный цвет, там терние взращают.
Как взрытая земля, что влагой смягчена,
Удобно внутрь себя приемлет семена,
Так ложны мнения в младой ум впечатленны
Не трудно могут быть надолго вкорененны,
Когда же пустится их корень в глубину
И отрасли свои распустит в ширину,
Когда с годами вдруг чрез возраст укрепится,
То скоро ли тогда сие искоренится?

*

Блажен, кто получив родителей честных,
Воспитан в строгости обычаев святых,

Издетска научен знать хвально что, бесчестно,
И к честности кому течение известно;
Сей радость есть отцов, надежда матерей,
Родства сей красота и честь семьи своей!
Не игры на уме и не непостоянство,
Не вкус и щегольство, пирушки и убранство,
Но польза общества, потомства похвала,
Чтоб вечность получить чрез славные дела.
Таков был Александр[71] в свои младые годы,
Пока не покорил роскошные народы!
Победы славные и тяжкие труды,
Походы дальние — ученья суть плоды:
Таков был Сципион[72] для отчества любови,
Он в жизни не жалел ни здравия, ни крови,
Но кто тому виной, что жизнь он презирал?
Родитель в том его наставил,[73] воспитал.

*

Опека добрая, прилежное ученье,
Пример похвальных дел, честное обхожденье,
Не зараженное сообществом худым, —
Все может произвесть в младенцах, что хотим.
Сие и добрую природу утверждает,
И склонную ко злу способно исправляет.

*

Но много ли таких родителей сыскать,
Чтоб честности детей старались наставлять?
Неправедным житьем, продерзкими делами
Дорогу им ко злу показывают сами;
Когда ты, деньгами обклавшися, дрожишь,
Полушки нищему одной не уделишь,
Надеешься ль, чтоб сын не знал к богатству страсти,
Чтоб бедных искупал из скудости напасти,
Когда насильственно обидят немощных,
Без всякой жалости смотря на слезы их,
Когда их образом теснишь бесчеловечным,
То сын твой будет ли, то зря, мягкосердечным.
Ты в роскошах уснул, во сладостях погряз,
Друзьям и недругам ты лжешь на всякий час,
А хочешь, чтоб был сын воздержен и умерен,
Чтоб тайну сохранил и в слове был бы верен.
За то же ремесло, за кое и отец,
Примается и сын, смотря на образец.

Купеческий сынок смышляет, как взять втрое,
Смекает, как продать за целое гнилое,
О картах и дитя с слугами говорит,
Которого отец над оными сидит.
Как язва, так пример пороков переходит
И, заразив отцов, детям болезнь наводит.

*

В том крепость дивная, божественный в том дух,
Который, таковы соблазны видя вкруг,
Но к оным во младых летах не поползнется
И от прельщающих приман сих отречется.
Сей возраст мудрые толь свято люди чтут,
Такую честь ему по правде отдают,
Что дом тот почитать за храм велят священный,
Где отрок есть, в уме еще не совершенный,
И ничего чтобы не делать перед ним,
Что стыдно было б нам соделать пред другим,
И чтобы ничего при нем не говорили,
За что б нас правильно другие осудили.

*

Язычники нам сей оставили закон.
В какой, о небо, стыд нас всех приводит он,
Что, будучи святой мы верой просвещенны,
Имеем сей закон в забвенье погруженный
И, к службам хитростным приучивая псов,
Наставить не хотим к полезному сынов!
На вас, родители, потребуют отчета,
Что ваших жизнь детей позором стала света
И что в беспутствах дни свои ведут они,
Причиною тому лишь только вы одни!

*

Когда кто от детей почтения желает,
Тот: я отец твой! им всегда напоминает.
Но чем они должны тебе, иль что зрят свет,
Но их испорчен нрав, и свет их сей клянет,
Иль что вскормил ты их, как были малолетны,
И в сем уста твои должны быть безответны,
Природа и закон не только что своих
Воспитывать велит младенцев, и чужих,
И самы варвары к ним не жестокосерды,
И звери лютые ко детям милосерды.

На Ромулов с горы и Ремов плач сошла
Волчица и сосцы младенцам подала.
Тогда ты их отец и присный [74] их родитель,
Когда им в детстве был наставник и учитель,
Когда ты разум их ученьем просветил
И к добродетели дороги им открыл,
Без коей самая жизнь мука и досада
И коя в самых нам несчастьях есть отрада,
Когда их научил зло с благом различать,
Держаться истины, пороков убегать.

*

Сие родителей о детях небреженье
Чрез собственное ты об оных попеченье [75]
Стараешься теперь исправить, меценат!
Един ты обще всех приял в опеку чад,
Представив мудрый твой совет петровой дщери,
В Минервин храм [76] отверз российским детям двери
И случай подал им свой разум просвещать,
Познанием наук себя обогащать.
Бессмертная твоя к отечеству заслуга
Не увядет, пока земного станет круга,
Не на тщеславии основана она, —
На пользе истинной людей утверждена,
Россиянам она приятна и полезна,
Похвальна от чужих и варварам любезна,
Сей истинной хвале ничто не повредит,
И зависть оную и злоба подтвердит.
Ни в жизни ты притворств в хвалах не опасайся
И славы по конце правдивой дожидайся,
Деяньем сим всегда себя увеселяй
И лучшия хвалы ты в жизни не желай.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 9

VIII

Mon coeur, Живописец!

Ты, радость, беспримерной автор — по чести говорю, ужесть, как ты славен, читая твои листы, я бесподобно утешаюсь, как все у тебя славно: слог расте-

ган, мысли прыгающи — почести скажу, что твои листы вечно меня прельщают, клянусь, что я всегда фельетирую[77] их без всякой дистракции.[78] Да и нельзя не так, ты не грустен, шутишь славно и твое перо по бумаге бегает бесподобно. — Ужесть, ужесть, как прекрасны твои листы! Но сказать, вокруг нас,[79] ты много должен мне — уморить ли, радость? Ведь мнение-то Щеголихино[80] ты у меня подтяпал — ха! ха! ха! — Клянусь, спроси у всех знакомых они тебе скажут, что я всегда это говаривала — но ничего не значит. Признаюсь, что я и сама много заняла из твоих листов. Пуще всего ты ластишь[81] меня тем, что никак со мною не споришь, а особливо, когда говорил о науках, ты это так славно прокричал — чорт меня возьми! — как книга. А при том ты всегда стараешься оказывать нам учтивости, не так как некоторый грубиян,[82] сочиня комедию, одну из подруг моих вытащил на театр — куда как он много выиграл? Я чаю, он надеялся, что все расхохочутся до смерти, ан право никто из наших сестер и учтивых мужчин и не улыбнулся, а смеялись только... Он хотел нас одурачить да не удалось. Ужесть как славно он забавляется над бедным мальчиком Фирлифюшковым, со всем тем подобные ему люди останутся всегда у нас в почтении, а его Дремов[83] никогда не выдет из дураков. Если б узнала я этого автора, то оттенила бы сама его бесподобно. Я никак на него не сердита, он меня никак не тронул, однако ж я сама не знаю, за что я его никак не могу терпеть. В первой его комедии[84] я сама до смерти захохотала, ужесть как славно шпетил[85] он наших бабушек, а эта комедия такую сделала дистракцию и такую грусть, что я поклялась никак на именины не ездить. Правда ты и сам зацепился, но это шуткою, а за шутки мы никак не сердимся; напротив того ты бранишь одних только деревенских дураков да и беспримерно ужесть как славно ты их развернул в 5 листе твоего Живописца.[86] — Ты уморил меня, точь в точь выказал ты дражайшего моего Папахина.[87] — какой это несносный человек! Ужесть, радость, как он не ловок выделан, какой грубиян! Он и со мною хотел поступать так же, как с мужиками, но я ему показала, что я не такое животное, как его крестьяне. То-то были люди, с матушкою моею он обходился по старине. Ласкательства его к ней были, брань, пощечины и палка, но она и подлинно была того достойна: с эдаким зверем жила сорок лет и не умела ретироваться в свет. Бывало он сделает ей грубость палкою, а она опять в глаза ему лезет, беспри-

мерные люди! таких горячих супругов и в романах не скоро набежишь. Ужесть как славны! Суди, душа моя, поэтому, в какой была я школе, было чему научиться! По счастью скоро выдали меня замуж, я приехала в Петербург, подвинулась в свет, разняла глаза и выкинула весь тот из головы вздор, которой посадили мне мои родители, поправила опрокинутое мое понятие, научилась говорить, познакомилась со щеголями и щеголихами и сделалась человеком. Но я никак не ушла от беды: муж мой в уме очень развязен, да это бы и ничего, чем глупее муж, тем лучше для жены, но вот что меня терзает до невозможности: он влюблен в меня до дурачества, а к тому ж еще и ревнив. Фуй! как это неловко, муж растрепан от жены, это, радость, гадко! О если б не помогало мне разумное нынешнее обхождение, то давно бы я протянулась. Сказать ли чем я отвязываюсь от этого несносного человека? Одними обмороками. — Не удивляйся, я тебе это растолкую: как привяжется он ко мне со своими декларасьёнами[88] и клятвами, что он от любви ко мне сходит с ума, то я сперва говорю ему отцепись, но он никак не отстает, после этого резонирую,[89] что стыдно и глупо быть мужу влюблену в свою жену, но он никак не верит, и так остается мне одно средство упасть в обморок. Тогда суется он по всем углам, старается помогать мне, а я тихонько смеюсь, ужасно, как беспримерно много помогают мне обмороки: божусь! тем только и живу, а то бы он меня залюбил до смерти, бесподобной человек! Подари, радость, хорошеньким советом, что мне с ним делать. Он до того темен в свете, что и спать со мною хочет вместе — ха! ха! ха! Можно ли так глупо догадаться! Шутки прочь, помоги мне, ты знаешь, радость, что от этого можно тотчас получить ипохондрию.[90] Пожалуй, не задержись с ответом, я на тебя опущаюсь и буду ожидать его с беспримерным нетерпением. Прости, радость!

P. S. Услужи, радость,[91] мне, собери все наши модные слова и напечатай их особливою книжкою,[92] под именем Модного женского словаря,[93] ты многих одолжишь, и мы твой журнал за это будем превозносить. Только не умори, радость, напечатай его маленькою книжкою и дай ему вид, а еще бы лучше, если бы ты напечатал вместо чернил какою краскою. Мы бы тебя до смерти захвалили.

За краткостию времени, я никакого не могу дать вам совета. Потерпите, может быть, кто-нибудь из читателей моих оный вам сообщит. Что ж касается до собрания Словаря, то охотно бы вам тем услужил, если бы сообщили вы мне все слова, в нашем наречии употребляемые.

IX

Государь мой!

После деда моего нашел я записки, из которых сообщаю к вам маленькую выпись, и если она внесена будет в ваши листы, то продолжу по временам присылать, а если не внесете, то за излишно почитаю далее сим вас утруждать. Что предаю на ваше благорассуждение.

В порочных сердцах любовь пороком обращается; напротив того, в добродетельных душах сия страсть перерождается в добродетель.

Человек, не имеющий постоянства, счастливым надолго быть не может.

Скажи дочери своей, чтоб она научилась быть чистоплотною прежде, нежели примется за щегольство.

Не смейся пороку ближнего, пока не испытаешь себя, не имеешь ли сам его, в противном случае сам смешон будешь.

Скажи мне, с кем обходишься, я скажу тогда, каков ты.

Не смейся громко при людях, коим ты должен оказывать почтение.

Не становись задом, молодой человек, пред теми, кои выше тебя чином и старее тебя летами.

Имей к людям уважение, если уважаем быть хочешь.

Не пропускай мимо ушей правил, по коим устроить можешь свое поведение, но размышляй об них, авось-либо и тебе они пригодятся.

Что ни предпримешь, старайся достигнуть в том до некоторого искусства, по крайней мере.

Праздность мать всем порокам.

Скука первородная дочь праздности.

Леность, трусость и нерешимость ни к чему в свете не годятся.

Храбрость, терпение и великодушие все в свете преодолевают.

Ложь всякая оказывает подлость души лгуна.

Не толкуй в худую сторону слов беззлобных.

Не толкуй сыну о роде его, говори ему о добродетелях, без которых унизит он свое рождение.

Молодой человек, не слушающийся своих начальников, никогда не научится повелевать с разумом.

Где точности нет, тут нет и исполнения.

Жалка под старость всякая красавица, которая век свой ни о чем ином не размышляла, как о красоте своей; сия подруга обманчива, ее покинет, свет ей покажется пуст тогда; она была самдруг,[94] а останется одна с пустою головою перед зеркалом, в котором уже отрады нет: грустно.

Не принимай с сердцем, что в шутку говорено.

Самая лучшая участь для женщины есть честь.

Если женщина желает быть в почтении, то должна она умерять свои желания, любить своих родителей и жить в добром согласии с мужем и его роднею.

Чем более споришь с дураком, тем более открываешь его дурачество.

Если ты невинен, то защищай смело свою невинность.

Если ты виноват, то винись скорее: упрямством умножишь и вины и беды.

Чем богатее за женой приданое берешь, тем более увеличиваешь иго свое.

Чтоб дела твои шли с успехом, надобно, чтоб ты об них сведом был.

Тот, кто в праздник все пропьет, должен на завтра поститься.

Человек никогда лучше, как по потере, не узнает цены того, что он имел.

Если не хочешь, чтоб пороки твои пересчитаны были, то не заставь никого ждать себя: те кои ждут, всегда перебирают пороки тех, коих долго ожидают.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 10

X

ОПЫТ МОДНОГО СЛОВАРЯ

Щегольского наречия

А

Ах! в щегольском наречии совсем противное от прежнего приняло знаменование.[95] Прежде сие словцо изъявляло знаки удивления, сожаления и ужаса: первое его знаменование было всем полезно; старики показывали им свою досаду и удивление,

любовники свою страсть, а стихотворцы более всех употребляли его во свою пользу, наполняя почасту одними ахами целое полустишие. Но щеголихи всех их лишили сего междометия, переменив его употребление. В их наречии Ах большею частию преследуется смехом, а иногда говорится в ироническом смысле, итак удивительный и ужасной Ах переменился в шуточное восклицание, да это и давно пора было сделать: непросвещенные наши предки охотники были плакать, а мы больше любим смеяться; старинные наши девушки, и под венцом стоя, плакали, а нынешние смеются, да притом же старый Ах поплакал довольно, так пора ему и посмеяться.

Примеры употребления старого и нового Ах

Ах, какой он негодной человек, он не любит свою жену, несмотря на то, что она разумна, добронравна, домоводна, хороша и сама его любит. Ах, как жалка его бедная жена!

Ах, как я сожалею об этом мальчишке, покойной его отец был мне друг и честной человек, он воспитывал его по долгу родительскому очень хорошо, научил его всему, вкоренял в него благонравие, честность и учтивость, да труды его были и не напрасны, покуда находился он под его присмотром. Я и теперь еще помню, как бывало плакивал этот старичок от радости, что имел столь завидного сына. Но нынешнее обхождение совсем его испортило и сделало наглым и дерзким повесою. Я и сам прежде радовался, когда бывал он у меня, а ныне и в дом его к себе не пускаю. Ах, как портит молодых людей худое сообщество, если они, по несчастию, в него попадают. Ну, ежели б бедной мой друг воскрес и увидел ныне своего сына, Ах, сколько бы он пролил слез, но не от радости, а с печали.

Ах, я погиб! моя жена изменяет мне. . . она меня больше не любит! Ах, в каком я мучительном нахожусь состоянии. Каким опытам, каким доказательствам и каким клятвам поверить можно, когда ее были ложны. Любовь ее ко мне была беспредельна, ежечасно видел я умножающуюся ко мне ее горячность, поминутно видел новые ласки и я вкушал наисладчайшее удовольствие быть любиму страстно, — но Ах! все это миновалось, и осталось мучительное только одно напоминание моего блаженства. О проклятое вольное обхождение, ты одно могло

отнять у меня жену! Ах, как я несчастлив, что не могу позабыть сию неверную!.. О женщины, женщины, вы меня больше не обманете!

Мужчина, притащи себя ко мне, я до тебя охотница. — Ах, как ты славен! Ужесть, ужесть, я от тебя падаю! Ах... Ха, ха, ха.

Ах мужчина, как ты не важен!

Ах мужчина, как ты забавен! ужесть, ужесть, твои гнилые взгляды и томные вздохи и мертвого рассмешить могут. Ах, как ты славен, бесподобной болванчик! — Ну, если б сказала я тебе: люблю, так ведь бы я пропала с тобою. — По чести, ты бы до смерти меня залюбил, — не правда ли? Перестань, радость, шутить, это ничуть не славно.

Ха, ха, ха: ах монкьор,[96] ты уморил меня: он живет три года с женою и по сю пору ее любит! Перестань, душенька, это никак не может быть: три года иметь в голове своей вздор. — Ах, как это славно! ха, ха, ха, необретаемые болванчики! — Ах, как он славен, с чужою женою и помахаться не смеет — еще и за грех ставит! Прекрасно, перестань шутить, по чести, у меня от этого сделается теснота в голове. — Ах, как это славно! ха, ха, ха. — Они до смерти друг друга залюбят. — Ах мужчина, ты уморил меня.

Б

БЕСПОДОБНО, БЕСПРИМЕРНО. Оба сии слова то ж имели знаменование у предков наших, как и у нынешних щеголих, с тою только разницею, что употребляют их не одинаково или, лучше сказать, и совсем в противном смысле. Из

приложенных здесь примеров усмотреть можно, что оба сии слова в русском наречии употребляются в одном прямом, но в щегольском наречии они часто говорятся и в ироническом смысле. Итак, употребление сих слов сделалось гораздо обширнее, да это и не худо, предки наши во всем очень были скупы, они всему, так как и умствованию своему, полагая пределы, но благодаря бога, мы избавились от сего гнусного порока. С того времени, как начали думать, что познаем себя, мы во всем стали тороватее наших предков. Тесные пределы нам не нравятся, и мы во всем любим свободу, даже до того, что и кафтанов и юбок узких не носим, а узкие маньки * совсем брошены и оставлены для употребления простому народу. Ныне в превеликой моде все вольное, покойное и широкое.

Примеры

Я был вчерась в гостях у Дремова [97] и там нашел многих из его соседей, и хотя беседа наша была не многочисленна, однако ж, весела, ибо там находились все люди разумные, степенные и веселые. Большую часть времени препроводили мы в разговорах, особливо рассуждали многие очень хорошо о худом воспитании детей, и я утверждал, что ежели у кого дети худы, так те должны жаловаться на самих себя, потому что или нерачиво их воспитывали, или слепою любовию ко детям сами их избаловали. Дремов в этом был со мною согласен и сказывал в пример собственное свое с детьми обхождение. Все его хвалили за разумное детей воспитание, и мы так весело провели время, что я давно не чувствовал подобного увеселения. А притом хозяин и хозяйка столько были нам рады, что не знали, как нас употчевать, и нам всякое у них кушанье казалось сахаром, да на это и присловица есть: был у друга, пил воду, но лучше неприятельского меду. Пуще всего полюбилися мне дети Дремова, как они хорошо воспитаны! к родителям почтительны, к старшим и знатнейшим себя учтивы, к равным ласковы, к бедным снисходительны и милостивы, в разговорах их видно просвещенное науками рассуждение, и они так умели всем угодить и усладить беседу, что все гости, смотря на них, не могли довольно нарадоваться, а я теперь еще от того в восхищении! О, когда бы мог благословил меня воспитать так же и моего сына, какое бы в старости чувствовал я утешение! И мы единогласно заключили, что как сам Дремов примерным отцом, так и его дети по справедливости должны почитаться примерными молодцами.

---

* Манька по старинному, а по нынешнему муфточка.

Бесподобные люди! — Она дурачится по-дедовски и тем бесподобно его терзает, а он так темен в свете, что по сю пору не приметит, что это ничуть не славно и совсем неловко, он так развязан в уме, что никак не может ретироваться в свет.

Перевод сего примера*

Редкие люди! Она любит его постоянно, а он совсем незнающ в щегольском обхождении и не разумеет того, что постоянная любовь в щегольском свете почитается тяжкими оковами, он так глуп, что и сам любит ее равномерно.

Беспримерное маханье! Он посадил себе в голову вздор, а у нее вечной в голове беспорядок.

БОЛВАНЧИК. Предки наши, оставя прелесть идольского служения [98] из презрения ко своим кумирам, называли их болванами,[99] а деды наши, гнушаясь прежним суеверием, означили дураков наименованием болвана в таком смысле, что дурак, так как и болван, наружное только с человеком имеет подобие. Но ни первые, ни последние никогда не употребляли сего слова в уменьшительном степене, а всегда говорили в положительном — болван, и в превосходительном — болванище. Сия честь, чтобы грубые брани переделывать в приятные наименования, оставлена была почтенным нашим щеголихам. Они откинули положительной степень болвана и превосходительной болванища, а вместо тех во свое наречие приняли в уменьшительном степене болванчика и чтобы более сие слово ввесть во употребление, то рассудили сим наименованием почтить любовника и любовницу. Мужья и жены сим лестным названием не иначе могут пользоваться, как разве между собою будут жить по щегольскому нынешнему обыкновению. Сия благоразумная щеголих наших

---

* Мне рассудилося некоторые из примеров со щегольского наречия перевесть на общий наш язык, я не следовал точности слов, но держался смысла.

осторожность имела желаемый успех, ибо для получения лестного названия болванчика многие мужья и жены переменили старое обхождение на новое щегольское и от сего произросли уже желаемые плоды, чему примеров очень много. Напротив того, есть еще и такие пристрастные к старым обычаям супруги, которые не позабывают изречения: а жена да боится своего мужа, и хотя они толкуют сие изречение неправильно и принимают оное совсем в противном смысле, однако ж хотят лучше называться болванами, нежели болванчиками, хотя, впрочем, болванчик слуху гораздо приятнее болвана. Трудно бы было сделать правильное заключение о произведении слова болванчик, если б кто этого потребовал, ибо, ежели произвесть его от болвана, кумира, то это было согласно с французским употреблением idole de mon ame, кумир моея души, так как это употребляется во всех французских романах и любовных письмах, но это произведение весьма удалится от того смысла, в каком по щегольскому наречию любовь принимается. Итак, остается произвесть его от последнего болвана, дурака. Сие произведение, кажется, гораздо свойственнее щегольскому наречию, потому что это гораздо ближе к дурачеству. См. Дурачество.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 11

XI

Государь мой!

Прошу покорно приложенные здесь письма сообщить в ваш журнал. Я вдругорядь[100] постараюсь что-нибудь лучшее прислать. Человек я хотя не дальнего разума, однако, обращаясь в здешнем городе, много узнала. Впрочем, есмь

Любительница Живописца
Сахородного двора
М. С.[101]

XII

Государь мой!

Листочки ваши с великим удовольствием я читаю и от вторника нетерпеливо вторника ожидаю. Я вам откровенно признаюсь, что они дурные привычки, начинавшиеся во мне вко-

реняться от частого с ненавистниками наук и с порабощающими всю свою жизнь единой праздности обхождения, совсем истребили. Если теперь приведу себе на мысль заочные их друг друга осуждения, как они весят чужие малые пороки, не смотря на свои, которых и перевесить за множеством трудно, и множество других их беспорядков, то не могу без величайшего сожаления взирать на все их суетные убранства и мнимые их чести, почитаемые мною главнейшими источниками, из коих сердца их напаяются ненавистью к наукам, любовию к праздности, омерзением к добродетели, желанием к мерзкостию исполненным делам. Сии единые обезображивающие совершенства человека чудовища затмевают изящество разума и душу, на блаженнейший конец устроенную, мерзят. Сии самые чудовища сделали, что госпожи здешние листочков ваших бегают, как заразы, одни из зависти, покупая оные, жгут, другие с досады оными волоса завивают, иные называют вас сумасшедшим, бедняком, просиживающим целые ночи в соплетении сумасбродных лжей, чтобы достать себе чрез то пропитание; другие типографию, которая предает тиснению ваши листочки, ругают и жалуются, что она ничего не смотрит [102] и что повидимому скоро вся подлость сделается писателями [103] и все предавать будет печати. Нет уж, сударыня, говорила мне одна барышня, здесь вовсе свету подражать не знают, а все то испортили училища да ученые люди, куда ни посмотришь везде ученой человек лишь сумасбродит и чепуху гонит. Посмотри, сударыня, как в других государствах все люди просвещены, какие хорошие учреждения, живут, с кем хотят, любят, кого желают, а здесь противно тому лишь только твердят, живи с мужем, люби его же. Вот какой рассудок, продолжала она, по их речам, если муж и состареет, то все его люби, для меня же это, сударыня, несносно, я девица, однако, пятой десяток в спокойстве проживаю,[104] и никто уж мне не скажет: живи с одним и люби одного.

Я сперва опасалась, чтоб не потревожить ваших мыслей такими их терзаниями, но напоследок, приведши на память себе ваш здравой рассудок, решила тем свое сомнение. Я, приемля участие в столь полезном для общества деле, прошу вас, не взирая на все такие их роптания, продолжать сей достойный вас труд, за которой всяк особо вам и потомству вашему останется благодарным, плюйте на сии от ветра вертящиеся пустые мельницы, авось-либо дождемся, что дни сделаются красные и ветры стихнут. Впрочем, пребываю,

Любительница ваших сочинений
М. С.[101]

XIII

Государыня моя!

Я не могу довольно испорченному здешнего города вкусу надивиться; известные вам некоторого дерзкого Живописца сплетки все почти общество безрассудно покупает и хвалит оные до безумия. Я уже не дивлюсь старикам, что их хвалят, потому что они всегда под старость с ума сходят, но только то мне досадно, что и бедно рожденные от них дети в цветущей своей юности слепотствуют во тьме невежества, последуют против воли своей их дураческим наставлениям, а наконец девица совсем сделается не девицей, сидит, как неодушевленная статуя, боится выпустить изо рта слово, а как в модном свете обращаться, того головой не смыслит. Таковых состояние, сударыня, достойно быть от всякого оплакиваемым. Пускай лишенные старики разума войдут в рассудок, пускай оставят детей своих последовать от натуры данной им склонности, тогда ясно они увидят, что дети их не к такой науке, которую они им поневоле преподают, рождены. Чему же должно больше подражать? безрассудному ли желанию человека или врожденной в себе склонности? Не за безумие ли должно почесть, если данные нам очи обозревать все преизящные творения потупим мы в землю, устроенную для рассматривания подлым хлебопашцам? Не следует ли всему естественному вещей порядку превратиться, если органам, которыми одарены для собственной нашей пользы, мы запретим действовать? Сие-то называется дойти до крайнего невежества, а сумасшедшие старики почитают то в нашей сестре за похвальное достоинство. Впрочем, государыня моя, я Живописца столько ненавижу, что если он прийдет мне на мысль, то я с ума схожу; браню, не знаю за что, всех и сама совестью, не знаю отчего, мучусь. Остаюсь

Ваша доброжелательная, ненавистница Живописца
Р. Г.[105]

XIV

Господин Живописец!

Вы, описав столько различных умоначертаний,[106] не забудьте словечушка молвить и о тех людях, кои ищут уважаемы быть от ближнего своего, обеспокоивая того или другого неприятными вестьми, которые они называют обыкновенно: для осторожности, или осторожками. Я от сих людей на своем долгом веку не мало имел бессонных ночей до тех пор, покамест

не узнал, что и без сих ремесленников в свете жить можно и что по большей части упражняющиеся в сем ремесле не имеют другого дара обращать на себя примечание тех, в коих ласке им нужда или надобность, как перенося из дому в дом речи и взгляды и делая из оных употребление в рассуждениях и толках своих, иногда совсем противных тому, что слышали или видели. Я нахаживал и таковых бессовестных, которые сами составляли басни, о коих и никому ничего на ум не приходило, и сими лживыми выдумками меня тревожили и делывали печаль мне и беспокойство безвременное. Я в пятьдесят лет уши свои заткнул от сих в обществе вредных блох, кои сосут обыкновенно тех, которых жалом своим колют. Теперь, благодарю бога, мне за семьдесят лет, и я живу лет двадцать счастлив и благополучен без них и без их мнимых и скучных осторожек. Я поставил себе за правило исполнять долг звания моего и поступать, колико я смышлю, сходно во всяком случае с правдою, отдаваясь, впрочем, во власть создавшего мя, сплю спокоен, и никто по пустому меня не тревожит.

Слуга ваш покорный
Пустяковтоптатель.

Я благодарю госпожу М. С. за хорошее о моем труде мнение и радуюсь, что листами моими сделал ей угодность и услугу. Хотел бы я, чтобы они и многим другим принесли пользу, но это зависит уже от них самих, а не от меня. Впрочем, развратные толки девицы Р. Г. и подобных ей меня не беспокоят, пусть будут они делать заключении, какие им угодны, со всем тем останутся они в проиграше, беспристрастные читатели толкам их не поверят, а пристрастные хотя и прилепятся к их мнению, однако ж тем не совратят меня с дороги, которую я избрал.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 12

XV

Господин Живописец!

По случаю принесен ко мне прилагаемый здесь перевод, который я почел достойным, чтоб сообщить оный своим согражданам, как до них всех вообще касающийся. Вас же к сему моему намерению избрал я посредственником, прося вместить оный в ваши, всюду теперь похваляемые листы, тем больше, что

в нем виден живыми красками описанный Образ нашея повелительницы. Как далеко свет разума и добродетелей ея всеми зрится, сколь же и мы счастие свое чувствовать должны!

Ваш покорный слуга К. С.[107]

XVI

Перевод с письма господина Доминика Диодати[108] *из Неаполя 1771 года, октября 7 дня, писанного к россиянину, пославшему к нему в подарок Наказ ее императорского величества, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения*

Изъяснить едва могу, сколько ваше письмо меня обрадовало. Оно мне тем приятнее было, чем менее ожидал я его. Но нечаянную радость пресекла нечаянная смерть отца моего, которая в толикую печаль меня низвергнула, что к уменьшению сердечной моей болезни едва какое сыскать мог средство. Из сего видите вы, для чего ответствую вам позже, нежели почтение мое к вам того требовало. Всепресветлейшей вашей императрицы Наказ о сочинении проекта нового уложения получил я при письме вашем, который пребудет у меня и у всех моих вечною памятию вашей ко мне любви и дружества нашего. Вам же, коликое могу словами и сердцем обнять, приношу благодарение за такой ваш подарок. Сию ее императорского величества книгу, как скоро я получил, жадно читал и всю прочел с великим удовольствием. Но когда рассмотрел я все сочинение, премудростию везде сияющее, то чрез сие не могу вам изъяснить, сколько оно меня в удивление привело. Самая лучшая императрица, самого лучшего правления основание полагая, берет учение прав не от римлян, как все почти прочие, ниже́ из других законов бывших и ныне сущих народов, но от самой природы своих подданных, так что оное законоположение природным, а не из чужих стран взятым кажется. Хотя же она совершенную и полную власть имеет, однако законы постановляет, несмотря на самовластие, но попирая оное, ищет в том не собственной, но общей пользы. В оном от других законов и то особливое примечается, что все установления с великим человеколюбием суть сопряжены. Добродетели награждает и всех к почитанию их преразумно поощряет, исправляет погрешности и, делая всех добрыми, ту им собственно похвалу оставляет, что они учинились такими без принуждения, печется о воспитании юношества, старается о благо-

нравии и будущих граждан, от преступлений удерживает кротостию, а не по примеру Дракона, который по повествованию законы писал кровию, не чернилами; однако же кротость сия ко преступлениям поводов не подает, но наперед пресекает оные. В недостаток жителей в вашем государстве, как в главнейшее дело, остротою своего разума входит и разыскивает оный философским оком, которое, во внутренности проницая, самые малейшие вещи подробно рассматривает и, нашед толикого вреда истинные причины, государство жителями, а жителей изобилием обогатить старается. Ко приобретению же сего предуготовляет нужное: простый народ от бремени податей освобождает, на хлебопашество призирает милостиво, искусства и художества все, способствующие либо ко спокойствию, либо ко приятности жизни, восстановляет, торговлю, как прямый богатства источник, облегчает и распространяет и отвращает все, оную стесняющее. Ничего во всем не оставляет без своего рассмотрения, ничего не умалчивает, все объявляя всенародно для общего всех благополучия. Во всем увидел я премудрыя законодавицы руку, которая россиян ведет приятным путем туда, где обитает блаженство и вечное с добродетелью имеет сопряжение. Поистине, то самое теперь сбывается, что Платон говорит, когда либо философы государствуют, либо государи философствуют. Но и самому Платону что бы показалось, если бы узнал, что Наказ сей не Солоном, не Ликургом, ниже каким другим мудрецом, но Екатериною II написан, что, поистине, есть древним чудо неслыханное, нам удивления достойное, потомкам, может быть, невероятное. Ибо августейшая императрица, превзошед силы своего пола сверх вероятия всех смертных, первая без примера, новое законоположение во всем совершенное в свет издала, в котором, аки в зерцале, увидев разум ее, с кем сравнить и кого предпочесть ей, не нахожу. Все ее сочинение наполнено премудрыми примечаниями, правилами разумнейшими, сильными доказательствами и важными изречениями. Что же скажу о самом слоге, которым написано оное? Даже и в переводе латинском, самым чистым и самым красивым языком написанном, везде сияет истинный свет без ложного блеска, величество без умножения оного мнимою славою, краткость без темноты. Я, отменно почитая славнейшую российскую императрицу, не мог удержаться, чтобы сего законоположения не показать для удивления нашим профессорам, которым оно так понравилось, что все со мною купно августейшую законодавицу друг перед другом прославляют и не только хвалят, но и правлению ее желают такого блаженства, каким древность по баснословию во время сатурнова правления наслаждалась. Вы же, премудрые мужи, которым

достославная императрица поручила сочинение сего нового уложения, употребите все прилежание ваше, продолжайте труды свои и новою славою прославляйтеся, дабы вам по совершению сего дела участниками называться российского блаженства и заслужить достойную навсегда и никогда непрестающую похвалу от потомков ваших.

При сем и проч... Прибавляю только то одно еще прошение мое, чтоб вы, как начали без малейшей моей услуги меня любить, так и впредь продолжали любовь вашу ко мне. Прости, россиян украшение!

В Неаполе, 1771 года
октября 7 дня.

XVII

Господин Живописец!

Я превеликое имею желание с вами увидеться, но не знаю, где вас найти, нужда моя состоит в том, что я хочу написать мой и жены моея портреты на одной картине, и как вы в превеликой ныне в нашем городе находитесь славе, то и рассудил я просить вас о написании сея картины. Правда, что слухи о вашей работе, так как и похвалы и хулы на оную, весьма различны, но, однако ж, это меня не отвращает от моего намерения. Я узнал из опытов, что люди вашего упражнения по часту навлекают на себя хулу и негодование тем самым, что делает им славу. Никогда не позабуду я приключения с одним портретным живописцом, от которого чуть не умер я тогда от смеха. Некоторая пожилая знатная госпожа,[109] услышав о том живописце, призвала его к себе и приказала написать свой портрет миниатурною живописью: [109] живописец окончал свою работу с совершенным искусством и принес к госпоже, госпожа лишь только взглянула на портрет, то закричала с удивлением: Ах! .. каким написал он меня уродом! Это в семьдесят лет старуха! Сколько морщин, какой ложной цвет в лице! — Она подбежала к зеркалу, и глаза ее не находили никакого сходства, хотя мы все там бывшие видели, что портрет написан был весьма сходно с ее лицом. Госпожа, рассердясь, бросила портрет в камин и вместо 30 рублей заплатила живописцу только 10 и после везде его ругала и уверяла, что он пишет прескверно. Такова-то, государь мой, участь живописцев, но я удалился от своего намерения; итак, возвратясь ко оному, прошу вас уведомить меня чрез вашего переплетчика, где ваша квартира, я к вам приду и изъяснюсь с вами о пред-

лагаемом мною труде. Поверьте, государь мой, что этот труд достоин вашея кисти. Впрочем я есмь

Ваш покорный слуга
несчастной муж.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 13

XVIII

АНГЛИСКАЯ ПРОГУЛКА[110]

Прогуливаясь третьего дни по берегу, встретился я с одним из тех почтенных человеков, которые превосходительство поставляют не в пышности названия, но в доброте сердца. Сей господин со обыкновенною своею учтивостию и ласкою, свойственною только добродетельным людям, подошед, поздравлял меня с хорошим успехом живописцовых листов, уверяя притом, что они заслужили благоволение многих почтенных особ. Я начал было благодарить его за сие для меня приятное известие, но он, перервав мои слова, спрашивал, для чего я не издаю продолжения путешествия И*** Т***. — Без сомнения дошли до вас, говорил он, толки, сим листочком произведенные, но вы не должны о том беспокоиться. Правда, что многие наша братья дворяне пятым вашим листом[111] не довольны, однако ж, ведайте и то, что многие за оной же лист и похваляют вас. На всех никто угодить не может, так старайтесь, по крайней мере, угождать тем, которые во своих требованиях справедливее других. Впрочем, я совсем не понимаю, продолжал он, почему некоторые думают, что будто сей листок огорчает целый дворянский корпус. Тут описан помещик, не имеющий ни здравого рассуждения, ни любви к человечеству, ни сожаления к подобным себе, и следовательно описан дворянин, власть свою и преимущество дворянское во зло употребляющий...* Кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному вами? Кто посмеет утверждать, что сие злоупотребление не достойно осмеяния? И кто скажет, что худое рачение помещиков о крестьянах не наносит вреда всему государству? Пусть вникнут в сие здравым рассуждением, тогда увидят, отчего отстановляются и приходят в недоимку государственные поборы. Отчего происходит то, что

---

* Тут следовали многие другие упрекания, относящиеся к худым помещикам, но я их исключил, опасаясь навлечь на себя сугубое негодование.

крестьяне наши бывают бедны, отчего у худых помещиков и у крестьян их частые бывают неурожаи хлеба?*

.

Не все ли сие проистекает от употребления во зло преимущества дворянского? Когда ж неустроению сему причиною худые дворяне, то не достойны ли они справедливого порицания? Пусть скажут господа критики, кто больше оскорбляет почтенный дворянский корпус, я еще важнее скажу, кто делает стыд человечеству: дворяне ли, преимущество свое во зло употребляющие, или ваша на них сатира? Итак, верьте, примолвил он, что такие ваши сатиры не только что не огорчают дворян, украшенных добродетелию и знающих человечество, но паче еще и превозносят их. Правда, что в числе ваших критиков были и такие, которые порицали вас, будучи побуждаемы слепым пристрастием ко преимуществу дворянскому, но коль чудно и странно сие пристрастие! Как, защищать упорное такое преимущество, которым сами они и все честные и добросердечные дворяне никогда не пользуются? Я знаю еще недовольных вашим листком, но неудовольствие сих людей достойно того, чтобы вы имели к ним почтение, ибо они, не ведая вашей цели, никакого не могли по началу сделать правильного заключения и потому из любви ко ближнему более сожалели, нежели охуждали, что вы не с той стороны принялися за сию сатиру. Напротив того, бранили вас надменные дворянством люди, которые думают, что дворяне ничего не делают неблагородного, что подлости одной свойственно утопать в пороках и что, наконец, хотя некоторые дворяне и имеют слабость забывать честь и человечество, однако ж, будто они, яко благорожденные люди, от порицания всегда должны быть свободны. Сии гордые люди утверждают, что будто точно сказано о крестьянах: Накажу их жезлом беззакония,[112] и, подлинно, они часто наказываются беззаконием. Что, по их мнению

.

Мы привыкли, продолжал он, перенимать с жадностию все от иностранных, но, по несчастию нашему, почасту перенимаем только пороки их; например, когда были у нас в моде французы, то от обхождения с ними остались у нас легковерность, непостоянство, вертопрашество, вольность в обхождении, превосходящая границы, благоразумием учрежденные, и многие другие пороки. Французов сменили англичане: ныне женщины и мужчины взапуски стараются перенимать что-нибудь от англичан, все

---

* Я и тут многое выключил для сказанных мною причин в первом примечании.

английское кажется нам теперь хорошо, прелестно, и все нас восхищает. И мы, по несчастию, столь пристрастны к чужестранному, что и самые пороки их нередко почитаем добродетелию. Французскую наглость называли мы благородною вольностию, а ныне английскую грубость именуем благородною великостию духа. Я говорю это, продлжал он, не в поношение обоих сих народов, ибо всяк ведает, что французы и англичане весьма много имеют доброго, но говорю единственно в доказательство пристрастного нашего к иностранным порокам прилепления. Кто захочет в истине сего мнения удостовериться, тот пусть поогля-дится; я уверен, что он много найдет сему подобного.

Некоторые из нас удивлялися шатавшимся провинциальным английским актерам,[113] а своих имеем, которые равняются с наилучшими английскими актерами и актрисами, но, однако ж, они нам не удивительны, потому что они русские.

Когда ж все английское в такой у нас превеликой моде, то для чего любители иностранных вкусов не почитают пятый ваш листок в английском вкусе написанным: там дворяне критикуются так же, как и простолюдимы. Я сожалею, что вы в заглавии сего сочинения не написали: Путешествие, в английском вкусе написанное, может быть, что это название, вместо порицания, привело бы его в моду. О времена! О нравы! сказал сей господин, вздохнувши. После сего усильно просил он меня, чтобы продолжение путешествия и сие его рассуждение напечатал я в моих листах под названием Английская прогулка. Сколько ни отговаривался я от сей просьбы, но, однако ж, убежден был уверениями его, что сие рассуждение не будет противно дворянам истинно благородным. Итак, в удовольствие его я сообщаю и то и другое, прося притом извинения, что выключил нечто из его рассуждений: это показалося мне необходимо нужным.

XIX

Государь мой!

Не знаю, как в Петербурге, а у нас в Москве много вам чести делают ваши листочки. Что касается до меня, я о том только и думаю, чтоб они у меня были в полном собрании, и потому, что я не из тех числа, у коих пустые сказки преимуществуют пред благонамеренными сочинениями, и потому, что я весьма услаждаюсь, когда те произрастения, коими другие места в великой своей славе изобилуют, нахожу и на наших полях. Желал бы я, чтоб Россия, любезное мое отечество, меньше имела нужды

в типографических товарах, выписываемых по милости иностранцев! Если какое находит она препятство к тому, чтоб нарещися ей за превосходные свои совершенства несравненною под солнцем страною, то другого нет, кажется, как сей токмо недостаток. Как вы думаете, господин Живописец? Извинительны ли те, кои при всем том, что их и природа расположила, и науки уготовили, и известность воздаяния поощряет в сходственность их способностям трудиться, только что других критикую? Мне кажется, лучше бы им быть слушателями критики, а не произносителями. Обуздайте слабость свою, о вы, наук питомцы, и признайтесь, что тех дней, кои вам осталось доживать, едва станет на заглаждение и одной вашей лености. Время приступить к лучшему, а особливо, что никакого нет сомнения, будут ли ваши упражнения уважены, когда монаршеская щедрость ко вступлению во оные еще и приглашает вас. Смотрите, чтоб тот источник, который составляет и славу вашего имени, и награду трудов ваших, со временем не затворился. Извините меня, государь мой, что я это, на вашей кафедре ставши, прокричал.

Ваш усердный слуга
Прошу не прогневаться.[114]

P. S. Прошу меня уведомить, не противно ли будет вам, если я почаще к вам буду писать. Я бы недурным был в вашем искусстве подмастерьем, если позволите мне сообщать вам мои фантазии.

Июля 2 дня 1772 года,
из Москвы.

Продолжение путешествия, другое письмо г. п р о ш у н е п р о г н е в а т ь с я и на оные ответ сообщены будут в следующем листе.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 14

XX

Продолжение

ОТРЫВКА ПУТЕШЕСТВИЯ В *** И *** Т ***

Глава XIV

Между тем солнце, совершив свое течение, погружалось в бездну вод, дневный жар переменялся в прохладность, птицы согласным своим пением начали воспевать приятность ночи, и сама природа призывала всех от трудов к покою. Между тем,

богачи, любимцы П л у т о в ы,[115] препроводя весь день в веселии и пированиях, к новым приготовлялися увеселениям. Люди праздные, скучающие драгоценностию времени, потеряв сей день бесполезно, возвращались на ложе свое спокойными и радовались, что один день убавился из их века. Худый судья и негодный подьячий веселились, что в минувший день сделали прибыток своему карману и пролили новые источники невинных слез. Волокиты и щеголихи, препроводя весь день в нарядах, скакали на берег* [116] для свиданья. Ревнивые супруги и любовники затворялись во своих покоях и проклинали вольное обхождение. Устарелые щеголихи воспаляли великое число восковых свеч и, устроя лице свое различными хитростьми, торжествовали восхождение престарелыя луны, своея благотворительницы, которая бледным своим светом оживляла увядшие их прелести. Игроки собирались ко всеночному бдению за карточными столами и там, теряя честь, совесть и любовь ко ближнему, приготовлялись обманывать и раззорять богатых простячков всякими непозволенными способами. Другие игроки везли с собою в кармане труды и пот своих крестьян целого года и готовились поставить на карту. Купец веселился, считая прибыток того дня, полученный им на совесть, и радовался, что на дешевый товар много получил барыша. Врач благодарил бога, что в этот день много было больных, и радовался, что отправленный им на тот свет покойник был весьма молчаливый человек. Стряпчий доволен был, что в минувший день умел раззорить зажиточного человека и придумать новые плутовства для раззорения других по законам. А крестьяне, мои хозяева, возвращались с поля в пыли, в поте, измучены и радовались, что для прихотей одного человека все они в прошедший день много сработали.

Вошед на двор и увидев меня в коляске, все они поклонились в землю, а старший из них говорил: Не прогневайся, господин доброй, что нас никого не прилучилося дома. Мы все, родимой, были в поле: царь небесной дал нам ведро, и мы торопимся убрать живо,[117] покуда дожжи не захватили. По сёсь день господень все-таки у нас, родимой, погода стоит добрая, и мы почти со всем господским хлебом управились, авось-таки милосливой спас подержит над нами свою руку и даст нам еще хорошую погоду, так мы и со своим хлебишком управимся. У нашего боярина такое, родимой, поверье, что как поспеет хлеб, так сперьва всегда его боярской убираем, а с своим-то, де, и з в о л и т б а я т ь, вы поскорее уберетесь. Ну, а ты рассуди, корми-

* Надобно думать, что это путешествие писано в то время, когда прогуливание по берегу было в моде.

лец, ведь мы себе не лиходеи: мы бы и рады убрать, да как захватят дожжи, так хлеб-от наш и пропадет. Дай ему бог здоровья! Мы на бога надеемся: бог и государь до нас милосливы, а кабы да Григорей Терентьевич также нас миловал, так бы мы жили, как в раю. Подите, друзья мои, сказал я им, отдыхайте: взавтра воскресенье, и вы, конечно, на работу не пойдете, так мы поговорим побольше. — И, родимой! сказал крестьянин, как не роботать в воскресенье! Помолясь богу, не што же делать нам, как не за роботу приниматься, кабы да по всем праздникам нашему брату гулять, так некогда бы и роботать было? Ведь мы, родимой, не господа, чтобы и нам гулять, полно того, что и они гуляют.[118] После чего крестьяне пошли, а я остался во своей коляске и, рассуждая о их состоянии, столь углубился в размышления, что не мог заснуть прежде двух часов пополуночи.

На другой день, поговоря с хозяином,* я отправился во свой путь, горя нетерпеливостию увидеть жителей Благополучныя деревни: хозяин мой столько насказал мне доброго о помещике тоя деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных.[119]

XXI

Господин Живописец!

Я имею честь сообщить к вам письмо, писанное мною ко графине Прасковье Александровне Брюсовой,[120] которое прошу покорно включить в издаваемые вами в свет листы. Вы, государь мой, приняв на себя звание Живописца, имеете, по всеобщему почти признанию, звание Живописца удачливого, и описываемые вами лица изображают нам точь в точь черты, кои перо ваше изображать предприемлет. Но как не всегда картины пороков приятны для общества, то позвольте мне, государь мой, осмелясь сообщить вам сочинение мое и начать тем описанием, которое должен был сделать достоинствам тоя особы, к которой мое приложенное письмо писано. Оно мало изображает все дарования, коими она обладает, но я предоставляю воздать им всю ту плату, каковыя она достойна. В прочем я имею честь быть

Вашим, государь мой,
покорным слугою
Любитель добродетельных людей.[121]

---

* Я не включил в сей листок разговор путешественника со крестьянином по некоторым причинам: благоразумный читатель и сам их отгадать может. Впрочем, я уверяю моего читателя, что сей разговор конечно бы заслужил его любопытство и показал бы ясно, что путешественник имел справедливые причины обвинять помещика Раззоренной деревни и подобных ему.

XXII

ПИСЬМО К ЕЯ СИЯТЕЛЬСТВУ ГРАФИНЕ ПРАСКОВЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ БРЮСОВОЙ

Небесну красоту в твоем лице я зрю
И часто о тебе с почтеньем говорю.
Но прелести ль одне меня столь удивляют, —
Твои достоинства почтение рождают.
Что к счастию тебя судьбина возвела,
То лестно, но ты все превысить то могла,
Умея сохранить сей дар себе судьбины,
Наперсницею став второй Екатерины;
Не случаем одним велика между нас,
Великость свойством ты являешь каждой час.
Тебе подобные в великости бывают,
Но души слабые свой долг позабывают
И счастие свое употребляют в зло;
Тебя все счастие испортить не могло.
Та пышность, коя всех толь много ослепляет,
Великодушие и жалость истребляет
И, портя чувствие, порочит часто честь,
Сие чудовище под нежным видом лесть,
Которое всегда в нас гордость услаждает
И самолюбия злым ядом заражает,
Ни мало не могли поколебать твой дух,
Все льстивые слова твой не пленяют слух.
Поступок кроток твой, и честь тобой предводит,
Сей дар твоей души все счастье превосходит,
Не пышностью одной ты хочешь быть славна,
Чтя истину одну, во все ты дни равна.
Как прелести в тебе, так добродетель зрима:
Так жены славились во дни цветуща Рима.
Не Рим, Россия днесь рождает мудрых жен:
Мы славой превзошли великость всех времен.
Но что примеры мне здесь приводити тщиться,
Когда монархиня, которой свет дивится,
Котора мудростью всех смертных превзошла,
Тебя наперсницей своею избрала:
Так, чтя дела твои, дивиться им не должно,
Инакой быть тебе, конечно, невозможно.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 15

XXIII

Господин Живописец, поместите, пожалуйте, следующее письмо в ваши листы, буде возможно; содержание его, кажется, заслуживает это, чтобы вы исполнили просьбу

Вашего покорного слуги П. Р.[122]

XXIV

ПИСЬМО УЕЗДНОГО ДВОРЯНИНА ЕГО СЫНУ

Сыну нашему, Фалалею Трифоновичу, от отца твоего Трифона Панкратьевича, и от матери твоей Акулины Сидоровны, и от сестры твоей Варюшки, низкой поклон и великое челобитье.

Пиши к нам про твое здоровье: таки так ли ты поживаешь, ходишь ли в церьковь, молишься ли богу и не потерял ли ты святцов, которыми я тебя благословил. Береги их, ведь это не шутка: меня ими благословил покойник дедушка, а его отец духовной Ильинской батька. Он был болен черною немочью[123] и по обещанью ездил в Киев: его бог помиловал, и киевские чудотворцы помогли, и он оттуда привез этотканунник[124] и благословил дедушку, а он его возом муки, двумя тушами свиными, да стягом говяжьим.[125] Не тем-то покойник свет будь помянут; он ничего своего даром не давал: дедушкины-та, свет, грехи дорогоньки становились. Кабы он, покойник, поменьше с попами возился, так бы и нам побольше оставил. Дом его был, как полная чаша, да и тут процедили. Ведь и наш батько Иван, кабы да я не таков был, так он бы готов хоть кожу содрать: то-то поповские завидливые глаза, прости господи мое согрешение! А ты, Фалалеюшка, с попами знайся, да берегись; их молитва до бога доходна, да убыточна... Как отпоешь молебен, так можно ему поднести чарка вина, да дать ему шесть денег,[126] так он и доволен. Чего ж ему, прости господи, ведь не рожна?[127] Да полно, нынче и винцо-та в сапогах ходит,[128] экое времячко, вот до чего дожили, что и вина своего нельзя привезть в город,[129] пей, де, вино государево с кружала,[130] да делай прибыль откупщикам. Вот какое рассуждение! А говорят, что всё хорошо делают; поэтому скоро и из своей муки нельзя будет испечь пирога. Да что уж и говорить, житье-то наше, дворянское, нынече стало очень худенько. Сказывают, что дворянам дана вольность,[131] да чорт ли это слы-

хал, прости господи, какая вольность? Дали вольность, а ничего не можно своею волею сделать, нельзя у соседа и земли отнять, в старину-то было нам больше вольности, бывало отхватишь у соседа земли целое поле, так ходи же он да проси,[132] так еще десять полей потеряет, а вина, бывало, кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню места.[133] Коли воевода приятель, так кури смело в его голову: то-то была воля-та! Нынче и денег отдавать в проценты нельзя, больше шести рублей брать не велят, а бывало, так бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нет-ста, кто что ни говори, а старая воля лучше новой. Нынче только и воли, что можно вытить из службы да поехать за море,[134] а не слыхать, что там делать: хлеб-ат мы и здесь едим, да таково ж живем. А из службы тогда, хоть и не вольно было вытить, так были на это лекари: отнесешь ему барашка в бумажке,[135] да судье другого, так и отставят за болезнями. Да уж, бывало, как приедешь в деревню-та, так это наверстаешь: был бы только ум, да знал бы приказные дела, так соседи и не куркай.[136] То-то было житье; ты, Фалалеюшка, не запомнишь этого. Сестра твоя, Варя, посажена за грамоту, батько Иван сам ей начал азбуку в ее именины; ей минуло пятнадцать лет: пора, друг мой, и об этом подумать, ведь уж скоро и женихи станут свататься, а без грамоты замуж ее выдать не годится: и указа самой прочесть нельзя. Отпиши, Фалалеюшка, что у вас в Питере делается: сказывают, что великие затеи. Колокольню строют и хотят сделать выше Ивана Великого, статошное ли это дело; то делалось по благословению патриаршему, а им как это сделать. Вера-та тогда была покрепче, во всем, друг мой, надеялись на бога, а нынче она пошатнулась, по постам едят мясо и хотят сами все сделать, а все это проклятая некресть делает: от немцев житья нет! Как поводимся с ними еще, так и нам с ними быть во аде. Пожаласта, Фалалеюшка, не погуби себя, не заводи с ними знакомства, провались они, проклятые! Нынче и за море ездить не запрещается, а в Кормчей книге[137] положено за это проклятие. Нынче все ничего, и коляски пошли с дышлами, а и за это также положено проклятие; нельзя только взятки брать, да проценты выше указных: это им пуще пересола; а об этом в Кормчей книге ничего и не написано: на моей душе проклятия не будет: я и по сю пору езжу в зеленой своей коляске с оглоблями. Меня отрешили от дел за взятки; процентов больших не бери, так от чего же и разбогатеть. Ведь не всякому бог даст клад: а с мужиков ты хоть кожу сдери, так не много прибыли. Я, кажется-таки, и так не плошаю, да что ты изволишь сделать: пять дней ходят они на мою работу, да много ли в пять дней сделают; секу их

нещадно, а все прибыли нет, год от году все больше мужики нищают, господь на нас прогневался, право, Фалалеюшка, и ума не приложу, что с ними делать. Приехал к нам сосед Брюжжалов и привез с собою какие-то печатные листочки[138] и, будучи у меня, читал их. Что это у вас, Фалалеюшка, делается, никак с ума сошли все дворяне, чего они смотрят, да я бы ему, проклятому, и ребра живого не оставил. Что за живописец такой у вас проявился, какой-нибудь немец, а православной этого не написал бы. Говорит, что помещики мучат крестьян, и называют их тиранами, а того, проклятой, и не знает, что в старину тираны бывали не крещеные и мучили святых: посмотри сам в Чети Минеи,[139] а наши мужики ведь не святые, как же нам быть тиранами? Нынче же это и ремесло не в моде, скорее в воеводы добьешься, нежели во.[140] — Да полно, это не наше дело. Изволит умничать, что мужики бедны, эдакая беда, неужто хочет он, чтобы мужики богатели, а мы бы, дворяне, скудели, да этого и господь не приказал, кому-нибудь одному богатому быть надобно, либо помещику, либо крестьянину: ведь не всем старцам в игумнах быть.[141] И во святом писании сказано: Друг другу тяготы носите и тако исполните закон Христов,[142] они на нас работают, а мы их сечем, ежели станут лениться, так мы и равны — да на что они и крестьяне: его такое и дело, что работай без отдыху. Дай-ка им волю, так они и не ведь что затеют. Вот-те на, до чего дожили, только я на это смотреть не буду, ври себе он, что хочет, а я знаю, что с мужиками делать *.

О, коли бы он здесь был, то-то бы потешил свой живот, все бы кости у него сделал, как в мешке. Что и говорить, дали волю, тут небось не видят, и знатные господа молчат; кабы я был большим боярином, так управил бы его в Сибирь. Эдакие люди за себя не вступятся! Ведь и бояра с мужиками-та своими поступают не по-немецки, а все-таки так же по-русски, и их крестьяне не богатее наших. Да что уж и говорить, и они свихнулись. Недалеко от меня деревня Григорья Григорьевича Орлова,[143] так знаешь ли, по чему он с них берет: стыдно и сказать, по полтара рубли с души, а угодьев-та сколько, и мужики какие богатые, живут себе, да и гадки не мают,[144] богатее иного дворянина, ну, а ты рассуди сам, что от этого прибыли, что мужики богати, кабы перетаскал в свой карман, так бы это

* Я нечто выключил из сего письма: такие мнения оскорбляют человечество.

получше было, эдакой ум, то-то, Фалалеюшка, не к рукам эдакое добро досталось. Кабы эта деревня была моя, так бы я по тридцати рублей с них брал, да и тут бы их в мир еще не пустил; только что мужиков балуют. Эх! перевелись-ста старые наши большие бояра: то-та были люди, не только что со своих, да и с чужих кожи драли. То-то пожили да поцарствовали, как сыр в масле катались, и царское и дворянское и купецкое, все было их, у всех, кроме бога, отнимали, да и у того чуть тако не отни. — А нынешние господа, что за люди, и себе добра не хотят. Что уж и говорить: все пошло на немецкой манер. Нутка, Фалалеюшка, вздумай да взгадай да поди в отставку, полно, друг мой, ведь ты уже послужил, лбом стену не проломишь, а коли не то, так хоть в отпуск приезжай. Скосырь твой жив и Налетка,[145] мать твоя бережет их пуще своего глаза; намнясь Налетку укусила было бешеная собака, да спасибо, скоро захватили, ворожея заговорила. Ну, да полно, и было за это людям. Сидоровна твоя всем кожу спустила, то-то проказница, я за то ее и люблю, что уж коли примется сечь, так отделает, перемен двенадцать[146] подадут: попросит небось воды со льдом, да это, нет ничего, лучше смотрят. За сим, писавый,[147] кланяюсь. Отец твой, Трифон, благословение тебе посылаю.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 16

XXV

Господин живописец!

Я имею у себя родственника, молодого человека, который под присмотром родителей своих вырос в деревне, а теперь время приходит ему, оставя свое уединение, вступить в службу, следовательно и в свет. Отец его, после Ставучанской баталии[148] пошел в отставку, удалился от света и сыну своему кроме сей войны ни о чем не рассказывал. Но как все подвержено переменам, то не избежал от сего правила и смысл некоторых слов, а сии перемены обыкновенно делаются там, где большое общество обитает. Известно ж, сколь худо войтить в люди, не будучи сведому о нравах того общества, в котором обращаешься. Я предприял по долгу родства предварить его истолкованиями тех слов, которых значение обычай переменил в нынешние времена, а, предприяв сие, рассудил поступить и далее, чтоб не только воспользовался оными младый мой родственник, но и другие подобные ему. Сие делаю я отчасти, чтоб видеть себе

благодарность, отчасти следуя тому правилу, которое предписует, что живущие в свете праздно тягчат только землю [149] и не пользующие себе подобных не отличаются от скотов. Мне не хочется быть во счете реченных,[150] ибо я живу весьма праздно, служу обществу одним именем, получаю чины и жалование, езжу в мое место лишь только для того, чтоб исполнить единый вид моея должности и тамо, где надлежит упражняться в делах мне порученных, я разговариваю о вчерашнем дне, о моих деревнях, о детях и лошадях, дабы скорее препроводить часы упражнения. Товарищи мои весьма согласны со мною, и так без малейших споров все дела каждый день отлагаем мы до завтрея. Но чтоб сделать пользу подобным моему родственнику, воспитанному в деревне, изъяснением переменного смысла некоторых слов, я за лучший способ нахожу просить вас, Живописец, печатать в ваших семидневных листах те письма, которые буду писать к моему родственнику и из коих первое теперь к вам прилагаю.

Покорный ваш слуга
Доброхотов.[151]

XXVI

1 ПИСЬМО К ПЛЕМЯННИКУ

Любезный племянник! я получил от отца твоего письмо, в котором уведомляет меня, что он вознамерился с тобою расстаться и отпустить тебя в службу. Прежде, нежели вступишь ты во свет, потребно тебе иметь некоторое понятие о светской жизни, хотя отец твой и много раз сказывал о Ставучанской баталии и о всех турецких походах, однако ж, со всем тем, ты весьма мало знаешь науку света. Я некогда был в равных с тобою обстоятельствах и собственным опытом узнал, сколь худо вступить в свет, не зная оного. Вступая в свет, тебе не воспользует сведение о турецких походах, ибо во свете не одни турки будут тебе неприятели, ты найдешь неприятелей гораздо больше внутри своего отечества [152] и часто между ближних своих приятелей, и для того намерен сделать тебе некоторое понятие о свете. Ты, приехав из деревни, не только не будешь знать нравов и сердец людских, но и значение слов некоторых тебе будет неизвестно, хотя б ты самые те слова слыхал от воеводши и от подьячего с приписью.[153] Тебе отец твой часто твердил, что у подьячих много есть крючков, но у светских людей ты найдешь их еще больше. Для сего я вознамерился истолковать тебе значение некоторых слов, но, чтоб сделать порядок, я буду толковать тебе слова жо алфавиту: теперь начинаю с буквы А, а потом дойду и до других.

А! Есть междометие восклицательное, изъявляющее радость. Между знающими свет и политику людьми оно произносится обыкновенно с веселым лицом, с отверстыми глазами, с небольшим возвышением головы, с некоторым наклонением тела и с движением рук, изъявляющим объятие. Узрев такую встречу, ты, конечно, подумаешь, что тот, который это сделал, увидев тебя весьма обрадовался и что он тебя любит, однако, подумая так, ошибешься, потому что у людей, знающих свет, это значит совсем противное твоему мнению, например:

Ежели, увидя тебя, кто ни на есть из твоих именуемых только приятелей скажет: А, мой любезный друг! как я рад, что тебя увидел, потом возьмет тебя за руку, немного пожмет и поцалует и в ту и в другую щеку, это будет значить, что он тебя или бранил недавно, или идет куда-нибудь бранить тебя, а если ни того, ни другого нет, так, по крайней мере, или выведать что-нибудь хочет, или имеет до тебя нужду, ибо когда б не было ничего сказанного, то поклонился бы он тебе весьма холодно и молча от тебя пошел прочь.

Ежели встретит тебя игрок со оным восклицанием, то будет значить, что он хочет с тобою подружиться и, употребя все, что только возможно, обыграть тебя.

Ежели девушка сделает тебе таковую встречу, это значить будет, что она знает о твоем богатстве и изрядной фамилии и что она хочет выттить за тебя замуж и после украсить голову твою скотским убором, дабы в фамилию твою присовокупить мирское подаяние.

Когда замужняя женщина, повстречаясь с тобою, вскричит А!, это знак, что она хочет тебе понравиться, после обобрать тебя, а, наконец, осмеять и одурачить.

Ежели судья встретит тебя с таким же восклицанием, тогда ведай, что ему хочется, чтобы ты завел какую тяжбу и чтобы ему можно было сорвать с тебя взятки.

Когда начальники твои, встречая тебя, кричать будут А!, то тут есть двоякое значение. В устах холостого человека сие восклицание значит, что он хочет на твой счет повеселиться, а женатых желание в том состоит, чтоб женился на их дочере.

Ежели большой господин, увидя тебя, употребит сие восклицание, то ведай, что это всего опаснее. Это А! имеет двоякое значение, или хочет он, чтобы ты переносил ему вести, или, чтоб, ослепя тебя своими ласками, употребить в какие ни есть интриги и в случае неудачных следствий жертвовать тебя своему избавлению, а без сего, живучи в свете, весьма редко случится, чтобы кто с тобою ласково стал обходиться.

Вот все, что значит между просвещенных людей восклицание А! Теперь, зная подлинное сего слова значение, в поведении твоем следуй своему рассудку. Я оканчиваю это письмо истолкованием единого сего восклицания, а впредь буду сообщать изъяснение других слов.

XXVII

ПИСЬМО

Его сиятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову[154] *от некоторого духовного лица из Москвы поздравительное с новым 1772 годом и благодарительное за его ревность и усердие, принятое ко отвращению бывшей в Москве моровой язвы 1771 года*

Оставя, ваше сиятельство, Москву, оставили в сердцах всех ее жителей наичувствительнейшее сожаление о разлучении с вами. Вашими отличными добродетелями и благодеяниями всех души не могли не быть плененными. Вы, пребывая с нами, исполнили все то, что составляет верноотечественный[155] дух. Вы соответствовали должности честного человека, оказав ближним своим толь великие знаки человеколюбия. Вы, по справедливости, заслужили имя ревностного гражданина, принося свое счастие на жертву общему благополучию и подвергая себя той опасности, от которой своих сограждан избавили. Вы своим примером доказали долг истинного христианина, сохранив те правила, на коих основывается закон божий и любовь к роду человеческому. Вы своим повиновением, исполняя высочайшие повеления августейшия нашея самодержицы, изъявили новый опыт той верности, которою прямые сыны отечества обязаны своим монархам. Вам должно отдать честь величайшего ироиства[156] потому, что вы не имели ничего себе предметом, кроме блаженства своих сочленов, ни ценою, кроме сохранения их жизни. Сократ видел и оплакивал несчастие своего отечества, а вы, узрев печальную Москву, отерли слезы ее обитателей и возвратили прежнее их благосостояние. Сим образом вы отличили себя от обыкновенных человеков, сим обязали все общество, которое не остается к вам без признания. Та ж самая сила благодарности наполняет и мои чувствования. К открытию оных подает мне побудительную причину самое начало нового года. Я и все вообще уверены, что с течением лет будут проистекать еще вящшие от вас для любезного отечества благотворительные услуги. Итак, со умножением времен умножится наивящшим образом всех к вам истинная благодарность и то глубокопочитание, с коим я имею честь быть навсегда.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 17

XXVIII

Господин Живописец!

Вы стараетесь выводить наружу пороки, осмеяния и презрения достойные, которых есть толикое неисчетное множество, что если бы вы и весь век свой листы ваши оными наполнять хотели, так, конечно бы, всех еще не описали.

Главные пороки подобны большим деревьям, имеющим несколько тысяч ветвий и сучков, кои паки от себя отрасли испускают.

Хотя сие и весьма трудно, однако, намерение ваше всегда похвально и многим полезно: время уже в просвещенный век наш снимати личину со порочных людей и представляти их свету таковыми, каковы они в самом существе суть. Не смотрите на досаду их, пренебрегайте злобу их, устремляющуюся на вас, продолжайте труд ваш, истина сама будет вам всегда защитою.

Я листы ваши прилежно читаю и нахожу в них, по справедливости, изрядствы, могущие исправляти порочных людей. Желательно, чтоб для споспешествования вашего доброго намерения помогали вам во описании вредных страстей добродетельми украшенные и знаниями одаренные люди, коих мы ко славе отечества нашего довольно уже имеем. Без сомнения сим услужили бы они гораздо более и лучше публике, нежели теми пустошами, какие мы от некоторых ежедневно либо письменные, или печатные видим.

Нет сомнения в том, писатели, любящие совершенно добродетель и не устрашающиеся гнева пороками объятых гонителей, конечно, сие делати начнут, а льстецы и трусы пускай молчат для того, что от них ничего доброго и ожидати не должно.

Сего рода животных так умножилось, что в некоторых знатных домах по целой их дюжине собирается, где они пороки ласкательством бесстыдно подкрепляют, хотя жалко и прискорбно смотрети, каким образом сии одаренные острым разумом и учением просвещенные люди к такой подлости приступают, которым за сие да будет пред всеми честными стыдно.

XXIX

Государь мой!

Приехавши я на сих днях из деревни, в которой препроводил несколько лет, случилось мне читать еженедельное ваше издание

под именем Живописца; общество, без сумнения, чувствует пользу от такого сочинения, в котором живо описываются пороки единственно для того, чтоб оных убегать, а притом всем тем, кто от вас ни потребует, подаются разумные советы. В рассуждении сего вздумалось мне, описав вам жалостное мое состояние, попросить вашего совета, каким бы способом излечить жену мою от мучительной болезни, называемой ревнивость, коею она одержима без всякой с моей стороны причины, и чрез то доставить бы спокойствие себе и всем живущим в околичности соседям. Я, будучи человек весьма миролюбивой, желаю, чтоб все жили в совершенном согласии. Год прошел, как я женат; при женитьбе моей ласкался я препровождать дни мои во всяком удовольствии, надеялся найтить в жене себе друга, зная, что нет на свете приятнее и дороже, как иметь истинного друга, но, к несчастию моему, не вышло так, как я располагал. Ревнивость вдруг столь сильно ее объяла, что она не токмо начала ревновать ко мне всех женщин, с коими мы имеем знакомство, но и старается еще примечать за посторонними четами. Хотя она в том и не успевает, однако, не перестает иметь подозрения и выдумывать разные сплетни, чем навлекли мы от многих, а особливо от соседей наших, на себя ненависть. Разговор ее ни в чем другом, по большей части, не состоит, как только рассказывает и делает заключения, кто кому творит какой-то кур,[157] слово, которого я до женитьбы моей не знал. Жена моя постаралась его мне растолковать, ибо, по ее мнению, всякой женщине я его делаю; одним словом, многие наши бедные соседки претерпевают от нее разные досады, как, например: рассказывала она про одну из них, что будто она ночью приходила ко мне, а не нашед способа пройтить в двери, потому что оные были заперты, пролезла сквозь трубу в печь, а из печи в мою спальну. Таковые выдумки не мало огорчают всех тех, до коих они касаются, хотя по здравому рассудку заслуживают они одно только презрение. Из сего вы видите, государь мой, что ревнивость, господствующая женою моею страсть, сколь много вредна и для нее самой, потому что дух ее всегда в смятении, а тем самым и кровь ее портится, столько же она в тягость мне и другим, почему и принял я смелость просить у вас совета, как бы мне избавиться от сей напасти, за что я вам во всю мою жизнь обязанным буду

ваш покорный слуга
80. 90.[158]

Ревнивость есть болезнь опасная; прежде полагали, что проистекает она от страстныя любви, но в наши времена узнали, что ревнивость часто бывает завесою притворства, из-под которой

удобнее производят любовные хитрости; и подлинно, это выдумано весьма осторожно, когда делают нападение, тогда следует защищаться, а не самому нападать. Рассмотрите хорошенько свои обстоятельства, посоветуйте со своим благоразумием и уведомьте меня о том, тогда я пропишу рецепт от болезни вашей супруги.

XXX

Государь мой! [159]

Я в одной книжке начитал, что разность увеселяет де. Может быть, это и в другую какую сторону относится, однако, я крепкое намерение положил стараться о переменении теперешнего моего состояния. Мне вдруг захотелось быть профессором,[160] да кажется и дельно, потому что я в этом состоянии надеюсь все то иметь почти даром, что другим достается чрез великие труды. Иные советуют мне постричься в монахи,[161] однако, вижу я, что с них до смерти не сходит черной цвет. Вы что на это скажете

Вашему покорному слуге
Прошу Не погневаться.

Мне весьма приятно получать письма г. Прошу Не погневаться, почему и прошу его о присылке оных.

XXXI

Господин Живописец!

Простите мне, что я, начав с вами переписку, начинаю делать вам выговоры, так, государь мой, вы того достойны за пренебрежение ваше островом нашим: ни мало не хотите вы на него взглянуть. Не думаете ли вы, что на нем нет ничего достойного к написанию картины вашею для меня милою кистию, если так, то вы неправо мыслите, чего бы я от вас никогда не чаял. Примите когда-нибудь труд, обойдите остров наш, вы увидите, что мы на острову, во первых, имеем своих карточных игроков, которые, в полночь разъезжаясь, довольно уже сами собою составляют изрядную картину; подите потом немного подалее, найдете вы страстных любовников, сидящих с любовницами своими под окнами, прохаживающихся, друг друга провожающих, найдете мужей с холодным духом, смотрящих на жен своих, домой с любовниками возвращающихся и гуляющих с тою, правда, только разностию, что без медных рогов,[162] в которых страна наша недостаток претерпевает. Когда б я описывать стал все то, что у нас есть достойного к малеванию вашею кистью, то

письмо мое было б весьма пространно, довольно теперь и этого к показанию вам, что вы не правы противу нашего острова. Если угодно будет когда погулять у нас, то советую часу в первом и во втором пополуночи, тогда вы увидите, что все то, что я писал, так справедливо, как и то, что я есмь

ваш покорной слуга
8 июля 1772. Новоостровской житель.[163]

P. P.[164] Если вы удостоите меня своим ответом, то чувствительно обрадован буду, а более еще того, когда позволите мне и вперед с вами иметь переписку и в некоторых делах иметь ваши советы, которые вы многим полезно преподаете.

Г. новоостровской житель! не погневайтесь и вы, когда, с позволения вашего, скажу вам, что в письме вашем много неправды: я острова не позабыл, я его очень помню, мои листы печатаются там,[165] и потому я бываю на острове довольно часто, но ни от кого никогда не слыхивал о том, о чем вы в письме вашем упоминаете; мне сказывал наборщик мой, что у вас и спать ложатся ранее нашего. Впрочем, хотя бы это и подлинно было, однако ж все это не удивительно тому, который живет в большом свете, то есть на здешней стороне; есть у нас премножество игроков, довольно мужей, с такою ж холодностию взирающих на поступки жен своих, и много жен, которые мужей своих и совсем оставляют; прощайте.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 18

XXXII

Государь мой!

Сообщите, прошу вас покорно, прилагаемую при сем записку: следствия худого воспитания, в своих листочках свету. Вы сим меня одолжите много, а отцы и матери, прочтя в ваших листочках таковые при воспитании детей неосторожности, большее будут иметь старание за ними и тем избегнут нарекания, учинят себя достойными того имени, которые многие ныне недостойно на себе носят. В прочем с любовию моею к вам навсегда есмь

вашим покорным слугою
несчастный Е***

Смоленск,
1772 года, июня 20 дня.

XXXIII

СЛЕДСТВИЯ ХУДОГО ВОСПИТАНИЯ

Отец мой, дворянин, живучи с малых лет в деревне, был человек простого нрава и сообразовался во всем древним обычаям, а жена его, моя мать, была сложения тому во всем противного, отчего нередко происходили между ними несогласия, и всегда друг друга не только всякими бранными словами, какие вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались или бы людей на конюшне плетьми не секли. Я, будучи в доме их воспитыван и имея вседневно в глазах таковые поступки моих родителей, чрезмерную возымел к оным склонность и положил за правило себе во всем оным последовать. Намерение мое было гораздо удачно, ибо я в скорое время, к удивлению всех домашних, уже совершенно выражал все те бранные слова, которые, бывало, от родителей своих слышу, а что до тиранства принадлежало, то уже я в том и родителей своих превосходил, хотя, правда, они в сем искусстве гораздо не плохи были, ибо один раз батюшка за недоимку 35 душ а матушка еще и того более бесчеловечным наказанием на . ., как узнала, что некто из крестьян перешиб ногу любезной ее собачке. Отец мой, хотя, правда, был недалекого разума, однако, разбирал понемногу Четьи Минеи и другие церковные книги; матушка же моя насмерть тех книг не любила, потому что она девицею воспитана в городе, да редко имела досуг читать и французские, потому что вседневно ходила слушать очистки крестьян,[166] во что уж батюшка мой никогда и не мешался, а только лишь бывало по приговору матушки сечет крестьян. А как я уж приходил лет под десяток и батюшка мой начал преподавать мне первые начала российской грамоты, то матушка, любя меня чрезмерно и опасаясь, чтоб от такового упражнения голова у меня не разломилась, или бы по времени не повредился я умом, всегда меня от книги отрывала и не раз за то бранивала батюшку, что он меня к тому неволил. Книга, если правду сказать, мне и самому в то время гораздо несносною казалася, и я, не приметя еще хорошо, по чему отличать А от Д, столько оную вымарал, что батюшка мой и сам почасту не распознавал букв, которые знал ли полно он и сам твердо, я сомневаюсь, ибо он, как я приметил, называл одну букву тремя званиями, но до того мне нужды мало. Матушка моя, пришедши из конюшни, в которой по обыкновению ежедневно делала расправу крестьянам и крестьянкам, читает, бывало, французскую любовную книжку и мне все прелести любви и нежность любезного пола по-русски ясно пересказывает, от сего по тринадцатом

году возраста моего родилась во мне та сильная страсть, о которой не только знать, но и говорить моих лет робятам за стыд и неприличное дело почитают. А как я от рождения моего не знал, что есть стыд, и мне про то никто не толковал, а меньше еще того разумел о неприличности, то, устремя все мысли свои к любви, коея прелести мне матушка в самых ясных словах изобразила, влюбился в комнатную дома нашего девку, обладающую всеми теми прелестьми, которые только могут пленить нежное сердце несчастного любовника, и сделался в короткое время невольником рабы своей. Таковый случай причинил немалое огорчение и самым моим родителям, но в том должны они жаловаться на себя, ибо я, не видя ни от кого хороших примеров, последовал слепо их же поступкам, развратившим мое сердце. От праздности, в которой я все дорогие своей жизни часы препроводил и которая по несмышленности мне приятною казалась, произошли все мерзости исполненные дела, а вольность сделала меня отважным и наглым на все предприятия. Я спознался с сыном одного помещика, неподалеку от нашей деревни живущего, который воспитан был не лучше моего и детина на все руки. Покрытый сединами его отец ожидал с часа на час смерти, яко убежища своего, и все предал свое сокровище в руки своего сына, которого, хотя был он еще несовершенных лет, вся деревня трепетала. От частого с ним обхождения научился я просиживать целые ночи, весьма скоро в игре, в пьянстве и в других непостоянных забавах преходящие, и был уже совершенного знания во всех карточных играх к погибели своего дома. Отец мой, разгневавшись на меня за таковые мои поступки, выгнал меня из дома и лишил законного наследства, а я, не имея средства чем себя пропитать, вдался во всякие неприличные моему роду дела и тем доставлял себе бедное пропитание. Наконец, несносные бедствия и оставшаяся во мне еще искра стыда и совести начали исправлять мои поступки и я вступил в военную службу, где нужда еще больше того меня поправила, почему ныне я живу спокоен со всегдашним сожалением о участи тех бедных, которые имеют подобное моему от родителей или наставников своих воспитание.

———

Г. Несчастной Е ***, поступки отца вашего и матери, так как и ваша в рассуждении родителей неблагодарность, достойны справедливого порицания, но вы все уже довольно наказаны. Отцы и матери, казнитеся сим примером, воспитывайте детей своих со тщанием, если не хотите опосле быть ими презираемы.

XXXIV

Господин Живописец!

Долго ли тебе устремлять гнев твой на женский пол и выдумывать нелепые лжи, обвиняя нас несносными бесчиниями. Ведай, что мы выходим из терпения и если ты не воздержишься от злословия, так берегись. — Сносно ли это, что в последнем твоем листе некоторую женщину попрекаешь ты ревнивостию, таким пороком, от которого мы давно избавились. — Заврался, мой свет, это не правда; знай, что многие жены не столько о мужьях своих думают, что бы стали к ним ревновать, и только что терпят их, а не любят — и как можно так любить мужа — не понятно, странно, смешно, уморил, ха! ха! ха! — ревновать к мужу, любить его, этого я никак не понимаю, а, может быть, твой только один острой разум проницает в чрезъестественные [167] тонкости. Видеть мужа всякой час, сидеть с ним обнявшись, говорить с ним нежно да еще и ревновать к нему — фуй, как это неловко, конечно, это какая-нибудь была сумасбродная женщина, для чего же ты ее скрываешь, такая женщина всеобщего достойна презрения. Что это за староверка, чтоб быть прицепленной к своему мужу и ревновать ко всякой, но это быть не может, нынче век просвещенной, воспитание наше беспримерно, мы мужьям нашим даем свободу знаться с теми женщинами, с которыми хотят, и довели их до того, что и они нам то же позволяют. Понимает ли пустая твоя голова, что от этого-та и происходит благополучие наших семейств и согласная жизнь наша, оттого мы и не разводимся с мужьями, а живем в одном доме, видимся в неделю по разу, ездим в комедии, прогуливаемся с милым человеком то в городе, то за городом. Такая бесподобная вольность может ли нас когда-нибудь противу мужей приводить в огорчение: нет, в листе твоем описанная ревнивость есть твоя глупая выдумка, и для того-то я сим письмом многих оправдать вознамерилась. Мы знаем, что письмо о ревнивости писал ты сам, а не посторонней. Нет ныне таких мужей, которые бы такой вздор описывать захотели и беспричинно бы стали злословить жен своих таким гнусным пороком, которой давно уже истребился. Прощай.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 19

XXXV

Господин Живописец!

Будучи всегдашним читателем похвалы достойных ваших листов, вижу я со удовольствием, что вы стараетесь в оных общеполезные делать наставления. Множество описали вы нам пороков, за которые иные вас благодарят, а большая часть людей вас злословят, из чего видно, что большая часть сих объята пороками и нравоучениям внимати не хотят. Добродетель во ушах слышится им некиим странным названием, в одно ухо влетающим, а в другое вылетающим без всякого в них действия. Но как бы то ни было, намерение ваше хорошо, не взирайте на их толки, угодить на всех не можно, добродетель не есть вещь модная, продолжайте только ваш труд, авось-либо придет такое время, в которое иные поправиться вздумают, а прочие пороков остерегаться будут. Ведая, что есть дело невозможное, чтоб вам на мысль пришли вдруг всякого рода человеческие заблуждения для внесения в ваш журнал, предприял я вам для того в оном по одному случаю учинить вспоможение вольным переводом. Не приметил я, чтоб вы где-либо упомянули о кофегадательницах,[168] и удивительно, как сии женщины по сю пору вашего примечания избежали, хотя они и столь много служат ко посрамлению человеческому и, следовательно, давно уже достойны надлежащего описания.

Быв недавно свидетелем предсказаний такой женщины, нахожу себя в состоянии оную точно описать. Кофегадательница есть такая пожилая тварь, которая честным образом более уже пропитания сыскать не знает или не хочет честно кормиться. Иная кофегадательница не имеет на теле цельного платья, ходит в раздраных лоскутьях, а вся таких старух шайка есть сборище побродяг, которых почитать должно извергами[169] человеческого рода.

Такие кофегадательницы, не имея довольно смелости что-либо похищати, дабы им не быти при старости истязанными и не умерети с голоду в остроге, выдумали хитрое искусство обирати деньги у простосердечных людей, не будучи обвиняемы от градоначальства каким-либо похищением. Они обманывают людей, не умеющих мыслити, что могут предсказывати все из кофейных чашек. Когда такую Кивиллу[170] приказывают позвать, то предлагают ей вопросы, например: Скупягина вопрошает,

кто украл серебряную ложку?[171] Бесплодова, будет ли она иметь детей? Страстолюбова, верно ли любит ее полюбовник? Щеголихина, скоро ли умрет ее муж-картежник, и так далее. Тогда должно сварить кофий, и сие уже само по себе разумеется, что поднесут ей большие две чарки водки, чтоб возбудити сим в ней более предсказательного духа. Потом нальет почти половину чашки густого кофию и болтает его кругом, иногда с важным, а иногда с пронырливым видом, троекратно, чтоб кофий внутри повсюду пристал. Между кофегадательницами есть еще и в том несогласие, надлежит ли после троекратного болтания дуть в чашку или нет; те, кои показывают себя верными угадчицами, сие делают, утверждая тем, что предсказательное дыхание частицы кофия в чашке определяет значущие изображения. После сего ставит чашку обернутую на стол, чтоб кофий из нее вылился, поворачивает ее еще два раза, дабы троекратным движением ничего незначущий кофий вон выбежал, чтоб предсказательные части кофия в чашке одни прилипшими остались. По учинении сего поднимает чашку вверьх и в нее смотрит. Вопрошающие особы стоят перед сею отгадчицею, пребывая между страха и надежды. Наконец, отверзает она рот свой и предсказует, например: вор, похитивший ложку, имеет черные волосы. Вопрошающая отвечает — так, это правда. Я знала уже давно, что Ванька вор. Чашкогадательница получает полтину, иногда рубль и более, смотря по важности отгадываемой вещи, и потом уходит домой.

По выходе гадательницы, вопрошавшая призывает Ваньку, приказывает принести плети или батожье,[172] спрашивает его, куда он девал ложку, приказывает, чтобы он немедленно признался. Ванька божится, клянется и уверяет ее, что он ложки не крадывал, но божбам его не верят. Боярыня его ругает, и лицо его, кажется ей, изобличает его в покраже, Ваньку секут без пощады, долго он терпит напрасное мучение и говорит правду, но, наконец, начинает лгать. Он признается в покраже ложки, сказывает, что ее продал и пропил — с кем, спрашивает боярыня — с Андреем, соседским слугою — так, кричит госпожа Скупягина, я никогда не ошибаюсь, вы оба давно казались мне ворами. Скупягина посылает к соседке, просит ее, чтобы и она также наказала своего слугу; Андрей также говорил правду, но, наконец, побоями и его принудили лгать. Скупягина Ваньку своего еще наказывает отнятием жалованья и кормовых денег, чтобы возвратить свою пропажу и то, что заплачено кофегадательнице. Ванька из доброго человека, по нужде, становится вором, окрадывает свою госпожу, уходит, проматывает, попадается, его отдают в приказ,[173] покраденное пропадает, а Ваньку,

яко вора, посылают в каторгу. Скупягина, лишася ложки, лишается и Ваньки.

Здраворассуждающие люди не инако верят, как что сие кофейное предсказание имеет такое же основание, как и в святые вечера ставящиеся кучки соли, литье олова и воска. Впрочем, потребно на сие только половина ума человеческого, чтоб понимать, что все такие колдовки сущие обманщицы. Вопрошающие особы болтливы и для того объявляют такой кощунье [174] наперед все свои чаяния, а она располагает свои ответы всегда по сим мнениям и лишь только объявит общественный ответ, который стократным образом толковати можно, то и выводят они его по своему чаянию, удивляясь пророчествующему дару сея ворожеи. Итак, весьма легкий способ есть посрамити такую женщину: представь ей вопрос и ничего более с нею не говори, ни прежде, ни после, так увидишь тотчас глупую ее ложь. Одна женщина вопрошала в то время, когда она хотела вытти замуж, счастливо ли будет ее замужество? На что такой ответ последовал: ты скоро выдешь замуж, муж твой будет своеобычливый человек и проживет с тобою только двенадцать лет. У тебя будет четверо детей. Однако из сего оного не вышло ничего. Ожидаемое замужество рушилось, и эта женщина еще долго незамужнею пребыла.

Другая вопрошала, скоро ли умрет муж, на что ей ответствовано было, что муж ее через полгода умрет, почему госпожа, восхищаясь радостию, тайно с другим сделала заговор, чтоб по прошествии полугода вытти замуж. С нетерпеливостию она ожидала того блаженного часа, в который изыдет душа из тела ненавидимого ее мужа. День предписанный наступил, и муж ее в оный был веселее прежнего и поныне еще, к несказанной печали неверныя своея жены, живет. Не знаю того, есть ли в других местах такие гнусные ворожеи, буде их нет, так весьма досадно, что у нас в городе столько просты и глупы, что их терпят. Во многих домах есть свои особливые угадчицы. Некоторые ежедневно на кофий гадают и при каждом случае для укрощения суеверного любопытства ищут прибежища к такой ворожее, а в некоторых домах бывает она еще и важнейшею тварию; приходит ли она в знатный дом, то скрывается с нею госпожа или кто иной в особую комнату, чтоб не подвергнуться опасности или посмеянию, буде хозяин человек разумный. И тако естественный человеческий разум сказывает каждой почитательнице ворожей, что она в сем случае весьма безрассудно делает, инако бы не для чего было опасаться и стыдиться, если бы предсказания ее были на истине основаны.[175]

Когда бы такие вздоры были только во обыкновении между простым народом, так, чтоб только простолюдим искал себе во-

просами у сих ворожей помощи, то бы я не принял труда сего и описывать. От простого народа ничего лучшего и не ожидают, как опытов крайния глупости и сумасбродного суеверия. Но, поверите ль вы, государь мой, этому, что многие из знатных и многие из средних особ толь много состояние свое посрамляют и ведут себя в сем случае так же, как и глупая чернь. Люди, от коих, по малейшей мере, здравого человеческого ума чаять долженствовало, суть так просты, что дозволяют себя обманывать таким бабам! Это несносно. Я мог бы вам целый лист госпож, девиц и мужчин предъявить, кои при приключившихся случаях за кофейницами посылают. Мне знакома одна барыня, которой такая кофейница еженедельно рублей 15 стоит. И если это долее продолжится, так, поистине, должно между порядочными домашними расходами считать еще и жалованье кофейнице. Сколь часто благородная особа черни уподобляется, столь часто заслуживает она и посмеяние всех честных и умных людей, и как бы женщина знатна ни была, однако делает себя презрительною, если она кофейнице доверенность и тайность сообщает.

Иногда ясно, что предвещание из кофейных чашек есть живой обман, которой к тому же еще столь глупо выливается, при котором предвестница не показывает ни разума, ни остроты, то можно ее представить себе женщиною, пропитывающеюся от глупейшего дурачества простых людей. Сие пропитание, поистине, легко и сносно, ибо один дурак находит всегда больших дураков, ему удивляющихся. Кофегадательница достойна омерзения и гнева, потому что она есть обманщица, однако все те, кои дозволяют себя ей обманывать, достойны еще больше сего презрения. Когда человек обманут бывает весьма тонким и замысловатым обманщиком, то сожалеет его всякой. Но как требует та особа, чтоб об ней сожалели, когда ее обманывает побродяга простым образом, не имеющая здравого ума? Я не могу довольно сильных найти выражений, чтоб сказать, сколь бесконечно глупою кажется мне та особа, которая кофейнице удивляется, яко духами повелевающей и знающей проницати сокровеннейшие тайности, которых и самый ученейший человек испытати не в состоянии.

Ежели бы кофейницы не делали иного вреда, кроме выманивания лжами своими денег, так можно бы подумать, что свет хочет быть обманут, итак, да будет он обманут. Но она есть более сего сатана, более сего несчастию заводчица в человеческом роде, нежели как думают. Сия проклятая тварь причиною, что невинные люди приходят в подозрение, она восставляет недоверие, ссоры и несогласия. В доказательство сего намерен я только привесть два примера. Некоторый муж, коего я далее опи-

сывать не хочу, был к жене своей ревнив. Он пошел к кофейнице и приказал отгадывать о честности своей жены. Кофейница уверила его, что жена ему неверна. С того времени муж сей, как бешеной, с женою своею поступает. Бедная жена, что б ни делала, как бы она невинность свою не доказывала, ничто ей не помогает. Она есть и пребудет в глазах его бракопреступницею, для того что кофейница так ему отвечала. В другом доме нечто было украдено, спрашивали у нее и по ответам ее заключили, что похититель есть тот человек, который в том доме имеет знакомство. С того времени почитают его вором, повсюды его таким злословят и в дом к себе не пускают, однако я знаю, по особливым известиям, что совсем иной человек сие преступление учинил.

Тщетно бы было чрез основание здравого ума тех, кои верят кофегадательницам, приводить к разуму человеческому, ибо они свой собственный потеряли. Однако надлежит таким людям помыслить, что христианину весьма неприлично производить такие чародейства. Они в просвещенных обществах никогда не терпелись, и ежели бы во времена Саула, когда он еще был в здравом уме, были такие ворожеи, то с ними равная же бы судьба воспоследовала, как и с чародейницею во Ендоре.[176]

Ежели вы сие описание напечатаете, то, может быть, сим откроете глаза некоторым господам и госпожам, так что они сами прежним своим заблуждениям дивиться станут. Впрочем, довольны бы мы были, когда бы сим откровением поправились они и оставили бы такое сумасбродное кофегадание.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 20

XXXVI

ВЕДОМОСТИ

в Санктпетербурге

Из гостиного двора

В ведомостях Живописцевых артикул,[177] из гостиного двора поставленный, во многих благородных особах на сего дерзкого газетьера[178] справедливое произвел негодование. Во оном артикуле упомянуто, будто многие знатные господа и госпожи без всякия нужды приезжают в гостиный двор, ходят из лавки в лавку, перебирают ненужные им товары и тем будто отгоняют купцов посредственного состояния, а чрез то, по его мнению, при-

ключают вред в торговле нашей. Кажется, никакой нет нужды уверять наших читателей, что все газетьеры ведомости свои почасту наполняют разными выдумками и ложью, это всякому известно, и мы не ответствовали бы на сию очевидную ложь, если бы не старались оправдать себя пред знатными господами и госпожами в том, что сей артикул поставлен без нашего согласия. Мы больше имеем попечения, нежели как думают, о сохранении господской доверенности к нашей совести, она нам столько ж нужна, как им кредит наш, к их имению. Впрочем, мы немного будем иметь труда опровергнуть лжи, сим газетьером рассеиваемые, и начнем с первого.

Прогуливание знатных господ и госпож по гостиному двору не только что не делает торговле нашей вреда, но еще и прибыль приносит; без сего кто бы покупал в большом количестве выписываемые и привозимые к нам многие французские безделицы, которые расходятся ныне в великом множестве. Без сего с кого бы могли мы брать четверную цену, отпущая в долг товары? Опричь сего, прогуливание и ту приносит нам прибыль, что когда госпожи соберутся в лавке и с нами милостиво разговаривают и изволят шутить, тогда и мы, будто шутя, показываем какие-нибудь завалявшиеся безделицы, прося при том, чтобы их как-нибудь ввели в моду. И часто случается, что от таких безделок получаем прибыли гораздо больше, нежели как от самых лучших товаров. Когда приезжают к нам любовник и любовница, тогда мы наперехват стараемся звать их к себе в лавки, тогда, не щадя трудов своих, сами стараемся показывать всякие товары и перебираем все куски: от сего имеем мы превеликую пользу, ибо в такое время у любовниц превеликое бывает желание покупать, или лучше сказать, брать всякие нужные и ненужные товары, а за сие желание учтивость любовников платит нам всегда наличные деньги. В таком случае, господа любовники весьма мало с нами торгуются, а госпожи любовницы, хотя и говорят почасту: Ах, как это дорого, ужасно! нет, я этого не возьму, я бы хотела это купить, но это чересчур дорого, но мы не пужаемся таких оговорок, потому что я бы хотела это купить, но это чересчур дорого, как сказывают, на любовном языке значит: ежели ты не скуп, так заплати за это деньги. И мы так применились к таким двоесмысленным словам, что из требуемой цены ни копейки никогда не уступаем, говоря притом: это, сударыня, очень дешево, другому бы я за такую цену не уступил, а его чести уступаю для того, что он всегда соизволит покупать товары на готовые деньги, а при том, милости-

вая государыня, мы умеем разбирать людей и знаем, с кого какую просить цену, поверьте чести моей, что его милость копейки даром не бросит. Тут мы все трое усмехнемся, а господин тотчас станет уверять госпожу, что это не дорого, и, заплатя деньги, скажет: он детина совестной, обманывать не станет. Между прочим, в Живописцевых ведомостях упомянуто, что госпожи, сидя в лавках, пересмехают проходящих, но и это никакого не делает нам вреда, ибо многие дворянки, не весьма далекие в модном свете, и также мещанки, почитая такие лавки наполненными модными товарами, всегда к нам приходят и покупают товары. Но, чтобы избежать насмешек от модных госпож, то приезжают они на гостиной двор обыкновенно в такое время, когда не прогуливаются. Что ж касается до обещанного в Живописных ведомостях награждения тому, кто бы вывел из моды прогуливание по гостиному двору, то кажется, что сие и не заслуживает нашего опровержения. Впрочем, у нас в гостином дворе слух носится, будто купечество наше тому, который напишет на сего газетьера сатиру, обещает награждение, состоящее в благосклонности тех господ и госпож, которые сей артикул взяли на свой счет и на Живописца прогневались.

Из Москвы

Модное наречие петербургских щеголих многим нашим девицам вскружило головы. Все такие модные слова, в Живописце напечатанные, оне вытвердили наизусть и ввели во употребление, но при том чувствуют еще во оном наречии великой недостаток, почему хотят посылать нарочного поверенного, который будет стараться все слова, в модном наречии употребляемые, собирать и сообщать к нам в Москву. Сим способом надеются наши девицы до такого же дойти совершенства в помянутом наречии, как и петербургские щеголихи. Впрочем, надлежит отдать справедливость нашим жителям, что в переимке новых мод оне должны почитаться не последними.

ИЗВЕСТИЯ

Некто из молодых господ, умеющий жить во свете, одеваться по моде, чесать волосы с вкусом, танцовать прелестно и петь французские арии с наилучшими манерами, третьего дня ехал в наилучшей своей аглинской карете, запряженной шестью прекрасными лошадьми, и, проезжая мимо гостиного двора, обронил кредит;[179] кто оной поднял и возвратит сему господину, тому обещает он покровительство свое при дворе.

Некоторой даме не последнего класса, во время прогуливания ее по гостиному двору, от некоторого молодого дворянина сделано любовное предложение, почему для сведения его объявляется, что ежели он говорил это не в шутку, то, справясь бы с ежегодными своими доходами, явился в собственном сея госпожи доме, о котором ему объявлено и который куплен ею на имя судьи Кривосудова.

ПОДРЯДЫ

Некоторому молодому господину потребен секретарь,[180] который бы умел сочинять комедии и писать стихами песни и другие мелкие стихотворения. Но при том требуется, чтобы сей человек был трудолюбив и скромен до чрезвычайности; сие особливо для того, что сей господин писанные секретарем его сочинения хочет выдавать за свои собственные. Кто пожелает вступить в сию должность, тот может явиться в собственном сего господина доме, состоящем в Тщеславной улице.

Некоторому знатному родом и заслуженному, по его мнению, господину потребно до двенадцати молодых, неглупых, проворных и умеющих вкрадываться дворян. Он обещает содержать их на своем иждивении, а должность их состоять будет в том, чтобы сии молодые люди проповедывали повсеместно милосердие к бедным сего господина, которого, однако ж, он не имеет, его любовь к отечеству, о которой не имеет он и понятия, и приписывали бы ему всевозможные добродетели. Сим способом надеется он прийти в любовь ко всем и получить чины, которых он, по знатности своего рода, давно имеет право требовать. Желающие вступить в сию должность могут явиться у него самого в собственном его доме, построенном из корыстей, полученных прапрадедом его под Чигирином.[181]

Престарелый Селадон[182] хочет иметь у себя во услужении прекрасную и молодую девушку, должность ее состоять будет в том, чтобы по утрам и вечерам подавала ему шоколад. Напротив того, обещает он ей ежегодное богатое содержание с тем, чтобы сия девушка весьма была исправна во своей должности и с таким притом примечанием, чтобы она никогда и никому не давала из той чашки, из которой будет он сам пить, ибо сей

дворянин в таком случае весьма завистлив и разборчив. Кто хочет вступить в сию должность, та может явиться у господина Селадона немедленно, ибо, по моде нашего времени, надлежит ему сие неотменно сделать.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 21

XXXVII

Возлюбленному о Христе брату радоватися! [183]

Аще и не вем тя, кто еси, господине честный, обаче [184] егда узрех во обители нашей у единого от старец твои ежеседмищные [185] листы, абие уразумех, яко ты печешися очистити злонравие грешников, ово явными, ово сокровенными обличеньми. Дерзай ревнительно истины и не премолчи, ведяще, яко все, еже начертал еси, угодно показася и всей зде сущей братии. Возрадовася о труде твоем и пречестный отец игумен наш. Обаче нецыи окрест нас живущии повелеша написати к тебе сице: ты, кто еси судяй чуждему рабу, им же бо судом судиши, себе осуждаеши, таяжде бо твориши судяй. Мы же ничесоже противу тебе дерзаем рещи, яко и сам ты являешися чтити священный чин духовный и весь причет церковный. Аще же что возмниши написати во обличение иноческого жития, блюди себе, да не како... Но кое благодарение воздати можем православным праотцем нашим, иже умудришася положити жилище наше во оградех! При сем молим тя, господине честный, ополчитися противу кощунствующих, от них же некоего видех аз толико бесчинна, яко веземшу ему стклянницу вина церковным гласом дерзновенно воспети о ней сицевое блядословие, возвеселитеся пьяница о стклянице и уповает на вино.[186] Виждь како изменити дерзнуша сынове церкве душеспасительная словеса ея! Но больша сих узриши, аще отверзеши очи твои на дела законопреступников. Мнози бо от нечестивых юношей

Прочее, господине честный, не престаем моляще твое благоутробие, да нечто превозвестиши и в нашу пользу, сиречь еже умножитися подаянию во обитель нашу. Сего ради благоговейне целуют тя во первых отец игумен с братиею, та же особо бывшие иногда отец келарь, отец казначей, отец эконом, отец разничий, отец уставщик, отец гробовый,

отец конюшенный, отец крепостный, отец трапезенный, отец рухлядный, отец чашник, отец площадный, отец будильник, отец подкеларник, отец смиренный и прочии их же не веси, вси целуют тя лобзанием святым. Аз же есмь

недостойный богомолец твой
Тарасий.

XXXVIII

Пречестный отец Тарасий! [187]

Послание твое, еже угодно тебе показася начертати ко мне, аще и недостойному толикия благости и грешнику сущу, аз получих и егда прочтох его, абие положих е на скрыжали сердца моего, да вразумлюся и поучуся словесем твоим по внегда ходити ми по стопам заповедей твоих. Но оле безумия нашего, поучати бо токмо навыкохом, а не поучатися. Всяк аще и юн сый, дерзновенно укоряет брата своего и затыкает ушеса своя, егда рекут ему: ты кто еси судяй. Возведи, премудрый старец, очи твои окрест тебе и виждь братию твою. Семо поучают, а идеже поучаются? Онде исправляют, и где исправляются? Не исправятся убо поучаемые, дондеже не исправятся поучающии. Но блюду себе, по словеси твоему, да некако... Прочее не престаю моля твое преподобие, да устроиши вся на пользу души моея, можеши бо вся, елико же восхощеши. Исповедую бо пред всеми, яко грешник есмь, и не имам иное, что принести тебе, токмо сердце чисто и дух сокрушен. Та же со смирением реку тебе словеса священная: удобее есть вельбуду проити сквозе иглины уши, неже богату внити в царствие небесное. Но да не возмнят нецыи, яко кощунства единого ради начертах словеса сия: ей, измлада не навычен есмь сему и не явлюся николи же греху сему причастен. Воистину николи же до кончины дней моих, аминь. Целует тя

недостойный Живописец.

XXXIX

Господин Живописец!

Что мне делать? Хочется писать, да не знаю, за что приняться: кажется мне, что мог бы я написать все, но однако ж по сие время не написал еще ничего. Не подумайте ж, что я не имею способностей к писанию, напротив, я их имею, но это проис-

ходит оттого, что я весьма разборчив и чувствителен к моей славе. Стихов я не пишу для того, что русской язык не способен к стихотворству, я бы писал их на французском языке, но по несчастию Волтер, Расин и многие другие писатели родились прежде меня, а как дарования свои и способности вешу я всегда на весах беспристрастия, то и увидел, что превзойти сих писателей я не могу, а равенства я не терплю ни в чем. Что делать, когда я так поздно в свет родился! Ради сего хочу писать по-русски прозою, но только еще не решился, в каком роде сочинений мне упражняться. Писать сатиры по моему чину низко, писать любовные сочинения поздно по моим летам, к трагедии я не имею склонности, оперы мне не нравятся, пастушеских сочинений [188] я не люблю, для поэмы я по сие время не избрал еще хорошего содержания; итак, остается мне писать комедии — но могу ли я писать их и чего мне ожидать? Все похвалы, которые бы, по справедливости, принадлежали только мне одному, давно уже истощены, не знаю, какому-то сочинителю комедии О Время, Именин, Вестниковой.[189] — Сносно ли это! Я бешусь и прихожу во отчаяние! Вот, сударь, до чего мы дожили, вот какой вкус в комедиях утверждается: русской, русской — какая глупость! Французской театр постарее нашего, так нам ли принятое ими переменять и может ли русской человек, не закрасневшись, осмелиться подумать, что он может в чем-нибудь поровняться со французом? О вы из русских чиновных дворян обожающие французов, ежели вы, впрочем, и глупы, однако ж вы достойны великого почтения за то одно, что вы удивляетесь французам. Впрочем, я имею средство отомстить и тебе и всем хвалителям комедии О Время, ведайте, что я напишу комедию на сего автора и на всех вас и ежели ее здесь не представят и не напечатают, тогда переведу ее на французской язык, пошлю на парижской театр, пусть ее там представят, а ежели им угодно будет, так хоть и напечатают. Сим средством я отомщу обиженную мою честь, а ежели и сего не удастся мне сделать, так, по крайней мере, пропущу здесь в городе слух, что это сделано. Это немудрено, ведь я умел же распустить слух, будто в Париже сочинена комедия на одного здешнего боярина, которого я не могу терпеть, и будто ее представляют на Булеваре.[190] Берегитесь моего мщения и знайте, что ежели я за что примусь, так уже, конечно, сделаю. Прощай, ответа ко мне не пиши, я его читать не буду.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 22

XL

Господин сочинитель Живописца!

В 12 листе вашего еженедельного сочинения напечатан перевод с письма одного неаполитанца к его другу россиянину. Сие побудило меня сообщить к вам перевод с письма его величества короля прусского, писанного ко всепресветлейшей нашей самодержице и истинной матери нашего отечества. Часть письма сего уже напечатана пред Наказом ея величества, напечатанным на российском и греческом языках. Нет сомнения, что оный перевод всякий верный сын отечества прочтет с радостным восхищением, ибо для россиянина нет приятнейшего удовольствия, как видеть прославляему благотворительницу своего блаженства. Прежних государей дела прославляли стихотворцы и витии, а делам великия Екатерины удивляется король, король великий, король философ, и пишет им похвалу. Сообща сей драгоценный подарок в ваше еженедельное сочинение, я пребываю

вашим слугою

XLI

ПЕРЕВОД С ПИСЬМА

его величества короля прусского, писанного к ея императорскому величеству Екатерине великой

Из Потсдама от 26 ноября 1767 года

Государыня, моя сестра!

Я должен начать благодарением вашему императорскому величеству за оказанную вами мне благосклонность сообщением вашего сочинения о законах. Позвольте мне вам донесть, что такое сообщение мало имеет примеров во свете, и смею сказать, государыня, что ваше императорское величество есть первая императрица, посылающая такие дары, какий я получил. Древние греки, оценители достоинства, обожали великих людей, оставляя всегда первое место законодавцам, которых почитали истинными благодетелями человеческого рода, они постановили бы ваше императорское величество между Ликургом и Солоном. Я начал, государыня, чтением драгоценного вашего сочинения, а чтоб рассуждать об нем с меньшим предубеждением, то вообразил я себе, что оно проистекло от пера неизвестного. И признаюсь вам, государыня, что я был восхищен не токмо правилами

человечества и кротости, содержащимися в законах, но и порядком соединения понятий, великою ясностию и точностию, которые царствуют в сем творении, и обширными сведениями, разлиянными во оном повсюду.

Представя себя, государыня, на вашем месте, тотчас я понял, что каждая земля требует особливых уважений, принуждающих законодателя снаравливать народному разуму, подобно, как садовник должен соображаться со свойствами земли своея для способнейшего выращения ея прозябений.[191] Есть виды, которые ваше императорское величество довольствовалися токмо нарещи и на которые настоять воспрещало вам благоразумие ваше. Наконец, государыня, хотя я и не ведаю совершенно свойство народа, управляемого вами с толикою славою, но столько удостоверен, что ежели будет он управляем премудрыми вашими законами, то будет блаженнее всех народов во свете. Но как, ваше императорское величество, желаете знать мое мнение о сей материи, то и скажу вам оное необиновенно: [192] добрые законы, составленные на правилах, начертанных в Наказе вашем, государыня, имеют нужду в юрисконсултах, дабы исполняемыми быть в пространных ваших областях, и думаю, государыня, что по учиненном вами благе в законодательстве остается только вам сделать Академию Прав, для научения во оной людей, определенных к должности судейской и стряпческой.[193] Сколь бы просты ни были законы, но бывают случаи толь недоумительные, дела толь запутанные и темные, где надобно извлекать истину из самыя глубины и кои требуют стряпчих и судей приобыкших, дабы распутать оные. Вот, по чести, все то, что я могу сказать вашему императорскому величеству, впрочем, государыня, сей вверенный мне драгоценный монумент ваших трудов и рачительности будет сохраняем, яко самая редкая вещь в моей книгохранительнице.[194] Но если б что-нибудь могло увеличить мое почитание к вам, государыня, то разве одно благо, творимое вами бесчисленному народу. Приймите с обыкновенным вашим благоволением уверения о высокопочитании, с коим пребываю и проч.

Фридерик.

XLII

ПЕРЕВОД С ПИСЬМА ГРАФА СОЛМСА[195] К ЕГО СИЯТЕЛЬСТВУ ГРАФУ ПАНИНУ[196]

от 5 декабря 1767 года

Я поспешаю сообщить вашему сиятельству письмо, которое король мой государь прислал в ответ на письмо, отправленное от ея императорского величества при Наказе о составлении

Нового Уложения в России, повелевая мне оное чрез вас представить ея императорскому величеству, причем прибавляет собственною своею рукою в присланном ко мне письме.

Я читал со благоговением сочинение императрицы и не хотел сказать ей всего того, что я об оном думаю, для того что могла бы она подозревать меня в ласкательстве, но вам могу сие сказать, не оскорбляя ея смиренномудрия, что сие сочинение есть мужественных и крепких сил и достойное великого человека. История нам повествует, что Семирамида[197] повелевала воинством, королева Елисавета[198] почиталася искусною в политике, императрица королева[199] явила много твердости при восшествии своем на престол, но ни одна еще жена не бывала законодательницею. Сия слава предоставлена была российской императрице, которая ее, конечно, достойна.

под сим подписано: Фридерик.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 23

XLIII

НАДПИСЬ

На положение Екатериною великою пред надгробие Петра I флага, взятого у турок на Архипелаге августа 29 дня 1772 года

Приникни, Петр, с небес, воззри на гроб твой ныне
И предстоящей там внемли Екатерине,
Она с тобой делит побед своих плоды,
Священны чтя твои для пользы всех труды,
Тебя зиждителем российска флота славит
И славы в том своей тебя началом ставит,
Тебя виновником своих считая благ,
У неприятеля отъятый ею флаг
Перед стопы твои усердно полагает
И жертвой сей твое столетие[200] венчает.

Соч. В. Р.[201]

XLIV

Господин Живописец!

Признаюсь, что я на вас весьма роптал, когда увидел в ваших листочках и то письмо, которое ко мне отец мой писал. Я тогда стыдился за порог выйти: мне казалось, будто всякий думает то же самое и обо мне, что об отце моем, и я боялся, чтобы не стали указывать на меня пальцами. Но теперь я очень сердит на моего отца, и потому досада моя на вас окончалась, и заступила благодарность ее место. Я сообщаю к вам письма, одно от отца моего, другое от матери, а третье от дяди и четвертое, мною в ответ на их письма написанное.[202] Пускай разум их откроется свету, пусть в мое отмщение посмеются им люди и пусть свет узнает, каких свойств

Ваш усердный слуга
Фалалей

XLV

Сыну моему Фалалею

Так-то ты почитаешь отца твоего, заслуженного и почтенного драгунского ротмистра, тому ли я тебя, проклятого, учил и того ли от тебя надеялся, чтобы ты на старости отдал меня на посмешище целому городу? Я писал к тебе, окаянному, в наставление, а ты это письмо отдай напечатать. Погубил ты, супостат, мою головушку, пришло с ума сойти! Слыханное ли это дело, чтобы дети над отцами своими так ругались! Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтение к родителям, в силу указов, велю высечь кнутом, меня бог и государь тем пожаловали, я волен и над животом твоим, видно, что ты это позабыл! Кажется, я тебе много раз толковал, что ежели отец или мать сына своего и до смерти убьют, так и за это положено только церковное покаяние. Эй, сынок, спохватись! не сыграй над собою шутки, ведь недалеко великий пост, попоститься мне не мудрено, Петербург не за горами, я и сам могу к тебе приехать. Ну, сын, я теперь тебя в последний раз прощаю, по просьбе твоей матери, а ежели бы не она, так уж бы я дал тебе знать себя. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись, ведь ежели ты окажешь еще какое ко мне непочтение, так уж не жди никакой пощады, я не Сидоровне чета, у меня не один месяц проохаешь, лишь бы только мне до тебя дорваться. Слушай же, сынок, коли ты хочешь опять прийти ко мне в милость, так просись в отставку, да приезжай ко мне

в деревню. Есть кому и без тебя служить, пускай кабы не было войны, так бы хоть и послужить можно было, это бы свое дело, а то ведь ты знаешь, что нынча время военное, неровно, как пошлют в армию, так пропадешь ни за копейку. Есть пословица: богу молись, а сам не плошись, уберись-ка в сторонку, так это здоровее будет. Поди в отставку да приезжай домой, ешь досыта, спи, сколько хочешь, а дела за тобой никакого не будет. Чего тебе лучше этого? За честью, свет, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будет есть. Пусть у тебя не будет Егорья,[203] да будешь ты за то поздоровее всех егорьевских кавалеров. С Егорьем-то и молодые люди частехонько поохивают, а которые постарее, так те чуть дышут: у кого руки перестреляны, у кого ноги, у иного голова, так радостно ли отцам смотреть на детей изуродованных, и невеста ни одна не пойдет. А я тебе уже и приискал было невесту. Девушка не убогая, грамоте и писать умеет, а пуще всего, великая экономка: у нее ни синей порох[204] даром не пропадет, такую-то, сынок, я тебе невесту сыскал. Дай только бог вам совет да любовь, да чтобы тебя отпустили в отставку. Приезжай, друг мой, тебе будет чем жить: опричь невестина приданого, я накопил довольно. Я и позабыл было тебе сказать, что нареченная твоя невеста — двоюродная племянница нашему воеводе, ведь это, друг мой, не шутка: все наши спорные дела будут решены в нашу пользу, и мы с тобою у иных соседей землю обрежем по самые гумна: то-то любо, и курицы некуда будет выпустить.[205] Со всем будем ездить в город, то-то, Фалалеюшка, будет нам житье, никто не куркай. Да полно, что тебя учить, ты ведь уже не малой робенок, пора своим умком жить. Ты видишь, что я тебе не лиходей, учу всегда доброму, как бы тебе жить было попригоднее. Да и дядя твой, Ермолай, чуть тако не то же ли тебе советует, он хотел писать к тебе с тем же ездоком. Мы с ним об этом поговорили довольно, сидя под любимым твоим дубом, где бывало ты в молодых летах забавлялся: вешивал собак на сучьях, которые худо гоняли за зайцами, и секал охотников за то, когда собаки их перегоняли твоих. Куда какой ты был проказник смолоду! Как, бывало, примешься пороть людей, так пойдет крик такой и хлопанье, как будто за уголовье[206] в застенке секут, таки бывало, животики надорвем от смеха. Молись, друг мой, богу, ума у тебя довольно, можно век прожить. Не испугайся, Фалалеюшка, у нас не здорово, мать твоя, Акулина Сидоровна, лежит при смерти. Батько Иван исповедал ее и маслом особоровал. А занемогла она, друг мой, от твоей охоты: Налетку твою кто-то съездил поленом и перешиб крестец, так она, голубушка моя, как услышала, так и свету божьего не взвидела, так и повалилась! А после, как опом-

нилась, то пошла это дело разыскивать и так надсадила себя, что чуть жива пришла и повалилась на постелю, да к тому ж выпила студеной воды целой жбан, так и присунулась к ней огневица.[207] Худа, друг мой, мать твоя, очень худа, на ладон дышет, я того и жду, как сошлет бог по душу. Знать что, Фалалеюшка, расставаться мне с женою, а тебе и с матерью и с Налеткою, и она не лучше матери. Тебе, друг мой, все таки легче моего: налеткины щенята, славу богу, живы! авось таки которой-нибудь удастся по матери, а мне уж эдакой жены не нажить. Охти мне, пропала моя головушка, где мне за всем одному усмотреть! Не сокруши ты меня, приезжай да женись, так хоть бы тем я порадовался, что у меня была бы невестка. Тошно, Фалалеюшко, с женою расставаться, я, было, уж к ней привык, тридцать лет жили вместе, как у печки погрелся! Виноват я перед нею: много побита она от меня на своем веку, ну, да как без этого, живучи столько вместе и горшок с горшком столкнется; как без того! я крут больно, а она не уступчива, так, бывало, хоть маленько, так тотчас и дойдет до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была. Учись, сынок, как жить с женою, мы хоть и дирались с нею, да все таки живем вместе, и мне ее теперь, право, жаль. Худо, друг мой, и ворожеи не помогают твоей матери, много их приводили, да пути нет, лишь только деньги пропали. Засим писавый кланяюсь, отец твой Трифон, благословение тебе посылаю.

Прочие письма и ответ к г. Фалалею помещены будут в следующих листах.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 24

XLVI

НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА 20 СЕНТЯБРЯ 1772 ГОДА[208]

Ко счастию всего российского народа
Произвела тебя, о Павел, в свет природа!
Осьмнадцать лет уже прошло, как ты рожден,
Премудрость возлюбив от самых ты пелен,
От мудра мантора[209] вкушал учений сладость;
Он, добродетельми твою украсив младость,
По матерним стезям дни жизни детской вел,

Чем всех и каждого любовь ты приобрел,
Во юношеский ты вступая возраст ныне,
Гряди, великий князь, во след Екатерине,
Божественным ея велениям внуши
И впечатлей в себя дары ея души,
Она ведет тебя на степень совершенства,
России ты один по ней[210] предмет блаженства,
К тебе и к ней горят всех верностью сердца:
В ней матерь зрит, в тебе Россия ждет отца.

Соч. В. Р.[210]

XLVII

Свет мой, Фалалей Трифонович!

Что ты это, друг мой сердечный, накудесил, пропала бы твоя головушка, ведь ты уже не таперь знаешь Панкратьевича,[211] как ты себя не бережешь, ну кабы ты, бедненькой, попался ему в руки, так ведь бы он тебя изуродовал пуще божьего милосердия. Нечего, Фалалеюшка, норовок-ат у него, прости господи, чертовской, уж я ли ему не угождаю, да и тут никогда не попаду в лад. Как закуралесит, так и святых вон понеси. А ты, батька мой, что это сделал, отдай письмо его напечатать, ведь ему все соседи смеются: экой, де, у тебя сынок, что и над отцом ругается. Да полно ведь, Фалалеюшка, всех речей не переслушаешь, мало ли что лихие люди говорят, бог с ними, у них свои детки есть, бог им заплатит. Чужое-то робя всегда худо, наши лучше всех, а кабы оглянулись на своих деток, так бы и не то еще увидели. Побереги ты, мой батько, сам себя, не рассерди отца-то еще, с ним и чорт тогда уже не совладеет. Отпиши к нему поласковее, да хоть солги что-нибудь, ведь это не какой грех, не чужого будешь обманывать, своего родного, и все дети не праведники, как перед отцом не солгать. Отцам да матерям на детей не насердиться: свой своему поневоле друг. Дай бог тебе, друг мой сердечной, здоровье, а я лежу на смертной постеле, не умори ты меня безвременно, приезжай к нам поскорее, хоть бы мне на тебя насмотреться в последней раз. Худо, друг мой, мне приходит, нечего, очень худо, обрадуй, свет мой, меня, ты ведь у меня один одинехонек, как синей порох в глазе, как мне тебя не любить, кабы у меня было детей много, то бы свое дело. Заставай, батька мой, меня живую, я тебя благословлю твоим ангелом,[212] да отдам тебе все мои денжонки, которые украдкою от Панкратьевича накопила, ведь для тебя же, мой свет, отец-ат тебе несколько дает денег, а твое еще дело детское, как не полакомиться,

как не повеселиться, твои, друг мой, такие еще лета, чтобы забавляться: мы и сами смолоду таковы же бывали. Веселись, мой батюшка, веселись, придет такая пора, что и веселье на ум не пойдет. Послала я к тебе, Фалалеюшка, сто рублей денег, только ты об них к отцу ничего не пиши, я это сделала украдкою, кабы он сведал про это, так бы меня, свет мой, забранил. Отцы-та всегда таковы, только что брюжжат на детей, а никогда не потешат. Мое, друг мой, не отцовское сердце, материнское, последнюю копейку из-за души отдам, лишь бы ты был весел и здоров. Батька ты мой, Фалалей Трифонович, дитя ты мое умное, дитя разумное, дитя любезное, свет мой умник, худо мне приходит, как мне с тобою расставаться будет, на кого я тебя покину? Погубит он, супостат, мою головушку, этот старый хрыч когда-нибудь тебя изуродует. Береги, мой свет, себя, как можно береги: плетью обуха не перебьешь, что ты с эдаким чортом, прости господи, сделаешь. Приезжай, мой батька, к нам в деревню, как таки можно, приезжай, дай мне на себя насмотреться, сердце мое послышало, что приходит мой конец. Прости, мой батюшка, прости, свет мой, благословение тебе посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна, и нижайший, мой свет, поклон приношу. Прости, голубчик мой, не позабудь меня.

XLVIII

Любезному племяннику моему Фалалею Трифоновичу от дяди твоего Ермолая Терентьевича низкой поклон и великое челобитье и при сем желаю тебе многолетного здравия и всякого благополучия на множество лет, от Адама и до сего дне.

Было бы тебе вестно, что мы по отпуск сего письма все, слава богу, живы и здоровы, тако ж и отец твой, Трифон Панкратьевич, здравствует же, только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать, больно трудна: что подымешь, то и есть, а сама ни на волос не поворохнется. Вчерась отнялись у нее и руки и ноги, а теперь, чай уж, и не говорит, и при мне-та так уж через мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоим ангелом, да Фарсульской богородицей,[213] а меня Неопалимой.[214] Ну, брат племянник, мать-то твоя и перед смертью не тароватея стала! Оставила на помин душе такой образ, что и на полтора рубля окладу [215] не наберется. Невидальщина какая! у меня образов-та и своих есть сотня места, да не эдаких, как жар, вызолочены, а эта, брат, Неопалима, подлинно что не опалит, и окладишко весь почернел, бог с нею! Спасибо хоть за то, что она в полном уме исповедалась и маслом особоровалась, хоть и умрет, так уж по-христиански. Дай бог всякому такую кончину! Да и тут,

Фалалеюшка, кабы не я, так бы разве глухою исповедью[216] исповедывать. Уж я ей говорил: эй, Сидоровна, исповедайся, веть уже ты в гроб глядишь, так нет-ста, насилу прибили. А как приспичило, так давай попа, да уж за то в один день трижды исповедалась. Знать, что у нее многонько грешков-то скопилось. Приводили и ворожей, нечего, спасибо твоему отцу, не поскупился, да ничего не помогли. А после исповеди привели было еще одного, да уж и Сидоровна сама не захотела напрасно тратить деньги. Кому жить, Фалалеюшка, так будет притоманно[217] жив, а кому умереть, тому и ворожеи не пособят. Животом и смертью бог владеет. Аще, ежели ему угодно будет прекратить дни ея, то приезжай погребсти грешное тело ея. Да и кроме того нам до тебя есть дело. Ну, Фалалеюшка! ведь матушка твоя скончалась, поминай, как звали. Я только теперь получил об этом известие, отец твой, сказывают, воет, как корова. У нас всегда бывает так: которая корова умерла, так та и к удою была добра. Как Сидоровна была жива, так отец твой бивал ее, как свинью, а как умерла, так плачет, как будто по любимой лошади. Приезжай, друг мой, Фалалеюшка, приезжай, бога ради, поскорее, хоть ненадолго, а буде можно, так и вовсе. Ты сам увидишь, что тебе дома жить будет веселее петербургского. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебе присоветую, сиречь к приказным делам, да только где похлебнее,[218] на приклад,[219] в экономические казначеи[220] или в управители дворцовых волостей или куда-нибудь к подрядным, либо таможенным делам. В таких местах кому ни удалось побыть, так все, бог с ними, сытехоньки стали. Иной уже теперь и в каменных палатах живет, а которые ни одной души за собою не имели, те уже нажили сотни и по две—три. Не в пронос[221] сказать, о нашем Авдуле Еремеевиче, хотя он не долго пожил при монастырских крестьянах, да уж всех дочек выдал замуж. За одной, я слышал, чистыми денежками десять тысяч дал, да деревню тысяч в пять. А не совсем-таки раззорился, бог с ним, про себя еще осталось. А кабы да его не сменили, так бы он и гораздо понагрел руки около нынешних рекрутских наборов. Знать, что тех молитва дошла до бога, которые в эту пору определились. Не житье им, масляница. Я бы ста и сам не побрезгывал пойти в эдакие управители. Перепало бы кое-что и мне в карман: кресты да перстни все те же деньги, только умей концы хоронить. Я и поныне еще все стареньким живу. Кто перед богом не грешен, кто перед царем не виноват? не нами свет начался, не нами и окончается. Что в людях ведется, то и нас не минется. Лишь только поделись, Фалалеюшка, так и концы в воду. Неужто всех станут вешать? в чем кто попадется, тот тем и спа-

сется. Грех да беда на кого не живет? Я и сам попался было одиножды под суд, однако дело-то пошло иною дорогою, и я очистился, как будто ни в чем не бывал. Но кабы ты сам сюда приехал, так бы мы обо всем поговорили лучше на словах, а писать-то страховато, неровно кому попадется в руки, так напляшесся досыта. При сем в ожидании тебя остаюсь дядя твой

Ермолай ***.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 25

XLIX

Господин Живописец!

Я уже ваших листочков не читаю, да и покупать их более не намерен. Правда, мне должно признаться пред всеми, а вам предо мною, что содержание моего письма для вас, а паче еще для вашего состояния не очень приятно будет, ибо из оного не можете вы для себя никакой другой пользы ожидать, как только того, что вы всякую неделю четыре копейки из ваших доходов потеряете. Сохрани бог, если бы все ваши благосклонные читатели согласились на таковые предложения, тогда бы, конечно, я вам не советовал собирать сокровища вашею кистью, однако я осмеливаюсь с некиим пророческим духом вас в том уверить, что ваши читатели, кои из мещанства и купечества,[222] не отрекутся и впредь платить вам дань за описание глупостей и пороков нынешнего века. Что ж касается до дворянства, то я в некоторых, предвижу для вас более вреда, нежели пользы, и больше ущерба в ваших доходах, нежели приращения оных. Не громовый ли то удар будет для вас, когда я вам чистосердечно открою, что купленные мною двадцать листов вашей живописи преданы уже от парикмахера моего на всесожжение! Признайтесь сами, не представляется ли в сию же минуту вашим глазам тот жестокий пламень, поядающий творения ваши! Однако, прошу вас, государь мой, дружески, соберите в сем случае все силы ваши и выслушайте мужественно причины, побудившие меня ко уменьшению ваших семидневных сборов.

Я прихожу по знакомству в некоторый дом, во оном благородная девица, которая, по мнению других, а не по моему, весьма просвещенна, раскладывает по всей комнате свое платье и уборы, но

что я увидел: чепчики, манжеты, булавки, новые башмаки и самые ее волосы одеты в Живописца! Тогда я сам в себе сказал. Итак, ты, господин Живописец, служишь всем вещам сея красавицы общим покрывалом или епанчею! Другий раз случилось мне притти к одному молодому придворному, и лишь чуть только успел я выговорить два или три слова, как вдруг появился портный с новым вышитым камзолом и начал его униженно просить о десятилетнем еще долге, но господин, вместо платы, сказал ему в ответ: друг мой, ведь я тебе только за шинели и сертуки остаюсь полторы тысячи должен, а прочее все в коротком времени получишь. Потом начал он кричать: малой, подай чистой бумаги для камзола, но малой, не запинаясь, отвечал, что нет во всем доме ни лоскутка бумаги. Провались твоя голова, закричал господин, ты всякий день мне все одну проповедь читаешь, все нет да нет. — Так подавай те листочки, что лежат за печкою. Слуга тащит оттуда, но что? разодранного Живописца! Итак, государь мой, не погневайтесь, я видел вашего Живописца у разносчиков в корзинках, получал его с пудрою и с помадою, однако сего еще не довольно. Последние два приключения причинят вам гораздо чувствительнейшие удары. Прошедшей недели нужда заставила меня навестить одну модную госпожу, которая хотя редко бывает больною, однако никогда здоровою. А сия губительная болезнь погубила и Живописца. Ибо кто бы к сей госпоже ни пришел, и в какое бы то время ни случилось, то увидит всяк у нее превеликую кучу лекарств, служащих ей повседневною пищею. Здесь я, государь мой, изобретаю то, чего иный и в десять лет изобресть не мог. Любопытное мое око ко крайнему вашему неудовольствию открыло, что каждая бумажка, хранящая жизнь сея госпожи, есть Живописец и что все оные не иное что суть, как изувеченные Живописцы! Признайтесь, государь мой, легко ли вам сносить таковые насильства и станет ли еще сил ваших прочесть следующее приключение? Ибо что до меня касается, то я прихожу здесь в такую робость и бессилие, что не могу нижé глаз моих обратить на следующие строки, и одно только перо мое говорит за меня и мыслит и пишет. А дело вот в чем состоит.

Давно уже пылал я желанием сыскать себе друга, но друга богатого, пригожего и, если можно, разумного и женского пола. Петербургские свахи за несколько времени проповедуют уже имя, нрав и добродетели мои. Третьего дня пришедши одна из сих посланниц сказала: ну, теперь дело сделано, — одну половину брака сооружила я, а ты совершай другую. Я вас у одной приезжей барыни, имеющей у себя прекрасную Елену, описала честным дворянином, степенным, в любовных хитростях невин-

ным агнцем, притом, что вы не картежник, не мот и бережете каждую копейку, как глаза, словом, я вас называла петербургским чудом и российским Фениксом.[223] Да упоминала ль ты о том, сказал я ей, что я не только дворянин, но дворянин еще с именем, ибо я ученый дворянин. Сей-то пункт, был ее ответ, и оставила я нарочно для вас самих. Она деревенская барыня, так вы можете как ее, так и дочь ее легко и лучше меня о том уверить. Итак, совершайте благополучно начатое мною дело. Сия деревенская барыня дает за дочерью двести душ, а она нас завтра к себе ожидает! На другий день, то есть вчерась, одевшись я благопристойно, не позабыл также по обыкновению моему и Живописца в карман положить, ибо я его для того всякий день с собою носил, что если случится в ком-нибудь какий порок приметить, то я вынув его из кармана и сыскав пристойную для сего страницу, прошу, не угодно ли ему прочесть нечто из Живописца. Таким образом пришедши я к сей барыне старался сколько сил моих стало, во первых уверять ее в том, что сваха моя есть сущая христианка и что она ей о моих качествах и за мои деньги самую истину говорила, после начал я приближаться к важному моему намерению и вступил в разговор об учености. Сударыня, сказал я ей: самое важнейшее упражнение жизни моея состоит в чтении книг, ученых людей почитаю я больше всего на свете. Не изволите ль знать российского Рабнера,[224] то есть господина Живописца? Он составляет новые картины и, изгоняя из сердец наших пороки, преселяет их на оные, а душу нашу одним только добродетелям предоставляет. Кровь моя, отвечала она, запрещает мне иметь знакомство с мастеровыми [225] людьми. Чей он человек, из господских ли он, или из купеческих? И вы знаетесь с ним? Конечно, сударыня! Я имею честь называться его приятелем. Не подлость ли то, вскричала она с презрительною улыбкою, знаться и дружиться с художниками [226] и живописцами! Да ты и сам не Хамов ли внучек? [227] Сударыня, ответствовал я, извините меня, вы, конечно, ошибаетесь в имени Живописца, которое употреблено только для заглавия книги, а сочинитель сам имеет совсем другую фамилию и есть не только дворянин, но еще ученый дворянин, то есть, который книги пишет. Я же называюсь его приятелем для того, что не только читаю, хвалю и ношу с собою его сочинения, но хочу еще, подражая его примеру, и сам прославиться изданием книг. Тогда она, оборотясь ко мне спиною и захохотав, говорила к своей дочери: я еще в первый раз от роду слышу, что и дворяне бывают ученые. Благодаря бога, в нашей фамилии не было еще ни за одним такового художества, и никто ни книжником, ни скорописцом не бывал, и я скорее

согласилась бы отпереться от родни, нежели дочь мою выдать за ученого. Потом, оборотясь ко мне, сказала: друг мой, не погневайся, у меня двери всегда будут для тебя заперты, а теперь для выходу твоего давно уже отворены стоят, и я лучше советую тебе убираться в царство живописцов и там искать своей невесты. Ибо в нашем отечестве исстари положено: для дворянина шпага, для стряпчего перо, а грамота для попов.[228]

Я, приметя в ней деревенское и грубое невежество, приводил ей в пример князей, графов, баронов и великое множество знатных дворян, которые себе науками вечную славу заслужили. Однако она столь упорно в своем мнении стояла, что не хотела и самого глупого сержанта променять на десять ученых дворян. Наконец, домашние примеры открыли ей глаза, и будучи насилу убеждена, что чрез ученость дворянская кровь ни мало не повреждается, сказала мне: однако избирай любое, или, чтоб я у тебя ни одной книги не видала, не исключая и благородного Живописца, или прошу не знать моего дома. В первом случае имеете вы и дочь и двести душ и меня, вместо матери вашей, притом открою тебе в деревне моей новый ученый свет, то есть как за сохою ходить и как из каждыя души золото делать; напротив того лишаешься ты всего. Признаюсь, государь мой, что я при сих словах остолбенел и, не могши ничего говорить, просил только себе двадцать четыре часа на размышление. Господин Живописец! поудержите, бога ради, отмщение ваше за сожжение двадцати листочков, ибо то учинено в первом жару и в крайней задумчивости, а теперь при таковых обстоятельствах потребен мне ваш совет, совет, от которого зависит все мое благополучие, скажите, что должен я здесь предприять? Во ожидании от вас скорого и полезного для меня совета, остаюсь вашим приятелем

дворянин с одною душею.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 26

L

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ НА ПРИОБРЕТЕНИЕ БЕЛЫЯ РОССИИ 1772 ГОДА[229]

Совместница богов, пример земных царей,
Рожденна смертным в честь, достойна олтарей,
Котора россам днесь блаженство излизает,

О ты, в ком божество свет целый признавает,
Монархиня, прими усердну песнь мою,
Устами россов я хвалу тебе пою.

*

Гремяща лирою пиитов древних муза
Искала в вымыслах согласного союза,
Но мы без вымысла Олимпа и богов
Довольно прославлять тебя имеем слов.
Твоя премудрость нас и слава восхищает,
И истина сама сей слог мой украшает,
Се новый плод твоих премудрых видим дел!
Как Рим в цветущи дни величеством гремел
И простираючи владения пределы
Законы всем давал и удивлял свет целый,
Так ты, блаженная российская страна,
К той славе мудрою рукой возведена,
Гремишь победами, законами сияешь,
К державе новые пределы присвояешь,
Величество твое блистает и растет
И счастью твоему завидует весь свет.

*

Воззри на ужас сей, что ты одолевала.
Колико стран своим ты войском покрывала!
Какие трудности встречалися, тьмы бед,
Какое множество неслыханных побед!
От северной страны средьземныя пучины [230]
Узрели веющь флаг второй Екатерины.
От Невских струй, где хлад сжимает воды льдом,
Сражает фракиан [231] богини росской гром,
Пленяет Грецию и казнь неверным мещет,
Стамбул российского оружия трепещет.
Там войска часть прошед поверьх Кавказских гор,
Страшит пленением Понт черный и Босфор,
Везде покорены окрест Дуная грады,
Везде поражены восточны мириады,
Кагул бессмертную хвалу тебе гласит,
Во всех концах земли Чесмесский бой гремит,
И россов мужество твердят средьземны волны,
Бендеры ужасом еще от грома полны,
Херсонец, наконец, противиться престал
И с робостью к стопам Екатерины пал.

*

Я вижу славу здесь россиян и победы,
Повсюду зрю врагов окровавленны следы,
Зрю Одризийския[232] бродящия луны[233]
Питомцев, ищущих к спасению страны,
Ужасный вопль врагов и стон земли внимаю
И победителей всю славу понимаю.
Зрю копья и щиты в трепещущих руках,
Погибнувших тела, в толпах бегущих страх,
Герои севера их гонят и сражают,
Плоды своих побед повсюду умножают.
В толпы ужасные противных[234] мещут смерть,
От грома страшного колеблется вся твердь,
Трепещет воздух весь, земля и море стонут,
Противных тысящи в волнах кровавых тонут,
Не воды во струях, но кровь рекой течет,
И погибающим нигде спасенья нет.
Где смерть летающа несчастных поражает,
Там гнев стремление в героях умножает.

*

Не бронью облечась Вулкановых трудов,
По предвещанию победы от богов,
Как греки некогда сражалися при Трое,
Российски воины являют храбрость в бое,
Единым мужеством открывши к славе путь:
Надежда оных меч, Эгида тверда грудь,
О множестве числа они не рассуждают,
К венцам побед текут и всюду побеждают.

*

Не гидру ль прямо зрю в сей бедственной стране,
Которой горести коснуться должно мне,
Которая врагов, сколь гидра глав, рождала,
И только лишь одних Россия побеждала,
Вседневно новые являлись вместо их
И обращали в ад спокойство дней своих!
Но челюсть адскую геройство победило
И, гидру поразя, народы усмирило:
Спокойство наконец там царствует теперь,
И к благоденствию отверста оным дверь.

*

А ты, счастливый край, о Белая Россия!
Твой глас услышал бог от высоты святыя,

Стенание твое и слезы прекратил,
Наперснице своей тебя он покорил,
Ликуй! ты обще днесь с той будешь цвесть страною,
Котора славится законом и войною,
Где кровию твоя багрилася земля,
Там будут жатвою покрытые поля,
В спокойстве Могилев воздвигнет новы стены,
И Шклов почувствует блаженство сей премены,
Двина, Днепр и Нева согласно днесь текут,
Мне мнится, так они, волнуяся, рекут:
«Мы равное несем веселие в пучины,
Мы обще славим днесь дела Екатерины,
Мы все принадлежим равно богине сей!».
О мать величия! краса земных царей!
Коль должен свет твоей премудрости дивиться!
Кто может в древности с тобой в делах сравниться,
Сей свет еще до днесь монарха не имел,
Блаженство кто б страны равно с тобой возвел,
И Рим, и Персия, и Спарты, и Афины,
Все уступают честь делам Екатерины.
Законодавцев ли в пример себе возьмем,
В тебе, монархиня, премудрость их найдем,
Ты начертала нам божественной рукою
Скрижали, к благу нас ведущи и покою,
Блаженство здесь цветет, восставлен правый суд,
Но счастье россиян есть твой, богиня, труд.

*

Завоевателей представя и геройство,
Мы видим, что твоей души великой свойство
Повсюду превзошло героев древних дней.
Представим ли себе щедроту мы царей,
Твои нам милости являют повсечасно,
Что россы матерью тебя чтут беспристрастно.
Но счастье россиян и паче славно тем,
Что добродетели мы в сыне зрим твоем,
Он верные сердца россиян восхищает,
Наследие твое надеждой украшает,
Твоя, монархиня, премудрость в нем видна.
О коль счастлива ты, российская страна,
Преславной матери достойного зря сына,
И в Павле будет век сиять Екатерина.

*

О слава севера! богиня росских стран,
Великий дух тебе на то судьбою дан,
Чтобы вселенной ты была во удивленье,
В защиту бедственных, героев в прославленье,
Чтобы победами российская страна
Сколь истинной была ко славе взведена,
Чтоб славе свет твоей нигде не знал границы,
И солнце гордое с блестящей колесницы,
Бразды все попустив стремительных коней,
Прейти не возмогло предел хвалы твоей,
Чтобы лучи его где свет ни освещали,
Твое величество во всех местах вещали,
И бесконечное число твоих побед
Решилось тем, чтоб стал тебе покорен свет.

П. П.[235]

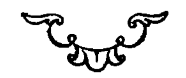
LI

НА ДЕНЬ КОРОНОВАНИЯ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ЕКАТЕРИНЫ II ИМПЕРАТРИЦЫ И САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ 22 СЕНТЯБРЯ 1772 ГОДА

Монархиня! в сей день тебя Москва на троне
Впервые видела в порфире и короне,
В сем образе тебя теперь Петрополь зрит
И память дня сего торжественно творит.
В одиннадцатый раз вся росская держава
И наибольшая земного круга часть,
Где лавроносная твоих оружий слава
Тебе приобрела трофеи, дани, власть,
Там разны племена и разные языки,
Различным образом устроив празднеств лики,
Сей торжествуя день, твои щедроты чтут
И искренни мольбы к творцу вселенны шлют,
Да продолжит твой век на свете вожделенный
И да подаст тобой народам мир блаженный!

Соч. В. Р.[201]

конец первыя части



ЖИВОПИСЕЦ

1772 г.

ЧАСТЬ II

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 1

I

РЕЧЬ К ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, ГОВОРЕННАЯ ЕПИСКОПОМ АНАТОЛИЕМ[1], ВОЗВРАТИВШИМСЯ ИЗ АРХИПЕЛАГА 1772 ГОДА ОКТЯБРЯ 7 ДНЯ

Всемилостивейшая государыня!

Созерцая освященное лице вашего императорского величества, чувствую радость, коя ощущаема сердцем, неизреченная устами, вижду предо мною все красоты мира собранные в едино. Се то средоточие славы, которое на подобие солнца кажется недвижимо, но лучи свои по всему свету простирает! Се кивот исшедшего во всю землю закона! Се Екатерина! О, кто мне даст битийство, соразмерное милостям, кои я приял и приемлю от руки монаршей. Кто устроит мой язык, да возглаголю слово царице, моей матери? Что денница миру, то восход твой на трон был моей жизни. Я сидел во тьме и внезапу облиста мя свет велий. Узник стал свидетель чудес твоих на водах многих. Я узрел корабли твои между рассеянными по Архипелагу[2] островами, на подобие островов, колеблющиеся и тысящьми медных гортаней могущество твое морю и туркам возвещающие. Стоял на хребтах их, среди героев священник и счастием твоим осенял к победам твоих мореходцев. Мал во братии моей, посреди церкви на далеких брегах, громом твоего имени раздающихся, пел тя и во храме сердца моего, дондеже есмь, пети не перестану. Не умру несчастлив. Смерть закроет старцу очи, Екатерининою славою насыщенные, славою и купно ея лицезрением. Се верх моего благополучия! Но что воздам блаженства и дыхания моего виновнице, кроме единого желания: да будет, монархиня, жизнь твоя столь долголетна, сколь она без сравнения нужна России; да будет здравие твое толь невредимо, коль одолжения твои

вселенной велики. Яко же роса Аермонская нисходит на горы Сионские,[3] так да снидет на тя с небес благословение. Жив господь вседержитель, и кто на ны? живы Екатерина самодержица и Павел всероссийский наследник, привергающиеся же ко стопам их во веки не погибнут.

II

Господин Живописец!

Пожалуйте, поместите прилагаемый здесь перевод из книги: Утренние размышления королевские, сочиненные его величеством королем прусским,[4] и если он понравится, то я и прочие статьи сея книжки сообщать вам буду. Я есмь

ваш Я.

III

О СЛОВЕСНЫХ НАУКАХ[5]

Я употребил всю возможность, дабы прославиться во словесных науках, и был в том гораздо счастливее кардинала Ришелье,[6] ибо, благодаря бога, я уже слыву писателем, но между нами сказать, люди ученые есть род проклятый и народ несносный по своему тщеславию, горд, презирающ вельмож, но жадный ко знатностям, тиран во своих мнениях, враг непримиримый, друг непостоянный, жестокий во обращениях своих и почасту льстец и порицатель во единое время. Бывал такий стихотворец, который отказался бы и от моего королевства, ежели бы принужден был за то пожертвовать двумя только прекрасными своими стихами. Впрочем, они люди нужные для государя, который хочет царствовать самодержавно и притом любит свою славу. Они раздают чести, и без них не можно приобресть никакого твердого прославления. Итак, надлежит их ласкать по необходимости, а награждать по политике. И как ремесло сие удаляет нас от упражнений достойных престола, то я сочиняю тогда только, когда нет лучшего мне дела. А чтобы иметь несколько в сем труде легости, то я содержу при моем дворе некоторое число сих блистающих разумов, которые приемлют на себя труд объяснять мои мысли. Ты видел, с какою отличностию принимал я господина Аламберта[7] в последнем его путешествии; я его всегда просил к моему столу и только что хвалил его. Ты сам удивлялся тем великим отличностям, какие оказывал я сему писателю. Так поэтому не ведаешь ты, что сего философа слушают в Париже, как прорицателя,[8] и что он только что и говорит о моих дарованиях и добродетелях и повсюду утвер-

ждает, что я имею все свойствы истинного героя и великого государя. Впрочем, не мало для меня лестно слышать похваляема себя с разумом и тонкостию, и правду тебе сказать, надобно мне много их еще иметь, чтобы сделаться нечувствительным к похвалам. Я сам чувствую, что все мои дела того еще не заслужили, но Аламберт столь был вежлив, когда сиживал со мною, что никогда не открывал своего рта, как только, чтобы говорить мне приятные слова. Волтер не имел этого свойства, и для того я его выгнал. Я вошел в некоторое почтение у Мопертия,[9] но внутренно я его боялся, потому что не был я надежен, что бы мог ему завсегда оказывать такое же добро, и притом ведал совершенно, что одним червонцем меньше навлек бы я на себя две тысячи авторских уязвлений. Впрочем, рассмотря все хорошенько и получа мнение моей Академии, заключил, что двое таких острых разумов одним воздухом питаться не могут. Я позабыл было тебе сказать, что посреде наивеличайших моих несчастий никогда не упускал я платить исправно ежегодные награждения ученым людям. Сии философы тотчас преобратят войну в наиужаснейшее безумство, коль скоро коснется она до их кошелька.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 2

IV

На сих днях получил я писание, скрепленное любопытным зрителем,[10] которое гласит тако:

О граждане, граждане! ищите прежде денег, а потом добродетели![11]

Юпитер предложил некогда во всеобщем собрании богов, что он человеков больше нежели всех зверей любит и для того намеряется сделать всех их благополучными. Сие предложение подтвердив, они общим согласием поручили Аполлону о том пещися. Для произведения сего в действо послал Аполлон семь мус, а двух из них оставил при себе, дабы не вовсе остаться во одиночестве. Каждая из сих семи мус имела у себя на плечах ящик, в котором находились средства для человеческого благополучия. Первая несла разум, другая добродетель, третия здравие, четвертая долгоденствие, пятая чувственное увеселение, шестая честь, а последняя наполнила свой ящик златом.

Все они вместе сошли с своей горы и пошли прямо в один город, в котором тогда была ярманка. Всяк признавал их не инако, как бы за волдайских девушек,[12] и великое множество купцов к ним набежало, а наипаче весьма великое число молодых мужчин окружило их, и для того вознамерились они провозгласить свои товары. Первая кричала: государи мои, покупайте разум — эй, разум — разум! Все вы кажетесь мне иметь в нем великую надобность. Купите разум, так и не будет вам нужды покупать других товаров у моих подруг. Покупайте разум — право, это редкой товар! Вдруг все зрители начали хохотать, говоря: куда как эта утешна девка, жаль только, что она уже не молода! Муса, видя, что у ней никто ничего не покупает, пошла по всем улицам, крича опять: кто купит разум. Но как и сие ничего не пособило, то вознамерилась пойтить по домам и, пришедши в один знатный дом, сняла с плеч ящик и на земь постановила, ибо великое количество разума начало уже ее весьма отягощать. По несчастию, в то время ссорилась госпожа оного дома с своим мужем и колотила всю челядь. Она, увидя Мусу, спросила ее с свирепым видом: что за женьщина? Сударыня, сказала она ей, я хочу спроситься, не соизволите ли купить разума. Купите заблаговременно, так послужит он вам в нужде. Я, может быть, не скоро в другой раз приду в ваш дом, а мой товар вашей особе весьма кстате, ибо вы столь любезный и прелестный вид имеете, что, я признаться должна, вы ни в чем не имеете недостатка, как только в разуме. Пошла к чорту, закричала госпожа, ты, конечно, хочешь меня дурачить! Никак, сударыня, я хочу вас избавить от дурачества, ибо я продаю разум. Тогда госпожа схватила с ноги башмак и не преминула бы разбить оным у бедной мусы ящик с разумом, если бы сия благим матом не убралась со двора. Лишь чуть успела она оттуду унесть ноги, как бежал за нею надсмотрщик товаров и кричал: бродяга, что у тебя в ящике, ты должна пошлину заплатить. — Это разум, сударь, к вашим услугам. Разум, отвечал надсмотрщик, разум... что это за товар? Я, кажется, и сам торговал, пока еще не сделался надсмотрщиком, и сию должность, не хвастаясь, отправляю уже тридцатой год, однако, не могу припомнить, чтобы когда сии товары приходили в наш город. Итак, я запечатаю твой ящик, пока не осведомлюсь, не принадлежит ли разум к запрещенным товарам. Надсмотрщик побежал и представил о том таможенному начальству, на что и последовало решение, чтобы немедленно торговщицу сию выгнать из города. Ибо, по мнению судей, имели они довольно уже разума, гражданам же оный был бы бесполезен и выше их состояния, притом было бы совсем противу благоразумия и по-

литики нынешнего века дозволить вывозить деньги из государства [13] за таковые товары. Таким образом вытолкали сию мусу из города под запрещением, чтобы впредь она никогда во оный не возвращалась.

Другая, имевшая для продажи добродетель, кричала равным образом по всем улицам, однако не нашла ни одного купца, ибо все единодушно про нее думали, что она не при своем разуме. Наконец, один старик, муж, исполненный премудрости, вздохнув несколько крат, жалким голосом сказал ей: душа моя, твой товар в отечестве нашем не в моде. Некоторые наши... утверждают, что он чресчур ветх, а наши молодые госпожи почитают все те уборы смешными, которые бабушек их украшали. Итак, не худо сделаешь ты, когда сей напрасный труд для тебя вовсе оставишь. Моды у нас переменяются. И то, что мы за сто лет добродетельною женою называли, именуется ныне благородною, высокородною, превосходительною или сиятельною госпожею. По счастию муса имела в своем ящике терпение, которым ополчась, новые получила силы для перенесения своих сокровищ обратно в свое жилище.

Третия, провозглашающая здравие, хотя и нашла несколько покупщиков, однако все почти из них такие люди были, которые или французскими романами или американскими припадками [14] так сильно изнемогали, что уже никак не можно было и пособить им. По несчастию, в самое то время явился позорищу площадный лекарь,[15] и тогда все больные, оставя мусу, говорили: полно, оставим ее и пойдем к сему врачу, который всех знатных господ и госпож исцеляет. Коль многих он женщин своими живыми водами избавил от сердечной болезни или, лучше сказать, от любовной чахотки, усиливающейся от частых и многоличных перемен, а сия глупая женщина предписывает только нам простую пищу, брачную любовь да ключевую воду. Тогда муса принуждена была закрыть свой ящик, и едва излечились два человека ее лекарствами, ибо никто не хотел сохранить предписанный себе от нее порядок трезвыя жизни.

Вдруг появилась четвертая муса и кричала: долгоденствие. Лишь только она сие один раз выговорила, то воспоследовало с площадным лекарем почти то самое, что некогда с Гомером, то есть здоровые и больные, его оставя, бросились к мусе, продающей долгоденствие. Некоторые богачи готовы были уступить за то половину своего имения, но не могши к ней сквозь народ продраться просили полицейского офицера послать на их счет за десятскими, чтоб чернь сию разогнать. Дражайшая муса! говорил тогда осьмидесятилетний старик, благодарю небо! Я приобрел себе кровавым потом до шести

сот тысяч рублей, и хотя то такое иго для меня крушиться день и ночь о безопасности сего малого моего стяжания, однако мне не хочется еще умереть, ибо я в крайнюю горесть прихожу, когда вспомню, что дети мои по смерти моей расточат потом нажитое. Итак, милостивая государыня, чего вы требовать изволите за то, чтобы жизнь моя еще на восемьдесят лет продолжилася? Восемьдесят тысяч рублей, отвечала муса. Восемьдесят тысяч рублей! — правду ли вы то говорите? восемьдесят тысяч! — Не можно ли уступить за восемь тысяч, ведь надобно же живучи помышлять и о жизни. Государь мой, сказала муса, вам должно знать, что деньги, выручаемые за мои товары, определены единственно на прокормление разумных и добродетельных людей, находящихся в крайней скудости, и, следовательно, я в рассуждении сих бедных ничего уступить не могу. Ах, что много, то много, сказал старик, возьми, я придам еще сто рублей, что сделает 8100 рублей и все чистою серебряною монетою. Прошу, милостивая государыня, подумать. — Что тут еще много думать, вскричал другой богач и, вынув свой кошелек, сказал, вот вам восемьдесят тысяч рублей. — Весьма изрядно, государь мой, сказала ему муса, я рада вам служить, однако я должна вам напомнить, что вы будете сожалеть о своих деньгах, если вы у моих трех больших сестер не купили разума, добродетели и здравия. Ибо без сих вещей лекарства мои или вовсе ничего не пособят, или будут только вам причинять беспрестанные мучения, отчего и жизнь ваша будет вам в тягость. Да где ж сии три сестры? спросил богач. Поищите только их, оне чаятельно еще в городе. Богач приказал их по всем домам искать, вестники разосланы были, чтобы спрашивать их по деревням, однако нигде их сыскать не могли.

К пятой мусе, провозглашающей у в е с е л е н и я, бросились толпами молодые женщины и мужчины, жаждущие сих товаров, и с таким стремлением, что ее сшибли с ног, и она, упав, разбила свой ящик. Тогда с превеликою жадностию хватали увеселения и оные дружка у дружки с толиким насилием из рук вырывали, что ничего целого не осталось. Имеющие же у себя маленькие оных отрывки досадовали, что им всего не досталось, а завистию истаевали, что прочие удержали у себя то, в чем первые еще недостаток имели. Муса негодовала на людей за их неистовое стремление, которое единственно причиною, что увеселения их испорчены, ибо она хотела им уступить оные добровольно и без малейшего повреждения.

Шестая из сих мус кричала ч е с т ь, тогда народ с толикою наглостию бросился за сим товаром, что от чрезмерныя тесноты произошла драка, а от драки и самое убийство. Вскоре подо-

спевшая стража привела мусу в безопасность и избавила ее от сверкающих мечей, подъемлемых над ее главою. Во время сего неистового волнения жителей, отперши она не приметно свой ящик, вынула оттуда истинную честь и наполнила оный пустыми только титлами. Сие учинив, вскричала, о, люди, я вас усильно прошу, будьте несколько скромны и ведайте, что истинная честь сама собою к вам придет. Однако они, несмотря на ее просьбу, преодолели стражу, разломали ящик и сражались меж собою, не щадя и жизни, за пустые только титлы, находящиеся во оном. Что до меня касается, то я весьма дивился, увидев меж ими и тех людей, кои обыкновенно проповедовали о едином только смиренномудрии, а крайне изумился, узрев превеликую толпу благородных и неблагородных, притом не весьма достаточных и обер-офицерских дочерей, слезно просящих себе у мусы зажиточных и случайных супругов [16] и которые бы из высокородных [17] или, по крайней мере, не меньше высокоблагородных [18] были. Муса, посмеваяся толь глупому их поступку, размышляла в себе, пускай глупые бегают с одними только титлами, а я хочу истинную честь опять вручить Аполлону, да увеличит он сам ею того из смертных, который всех их достойнее будет. В сих мыслях, посмотрев несколько на меня с приятным и веселым видом, оставила она город, как нечаянно нашла меньшую свою сестру, которая деньги носила, лежащую без чувств у градских ворот. Тогда возопила она: увы! любезнейшая сестрица, что сделалось с тобою? Колико соболезную я, нашед тебя в толь горестном состоянии! Наконец, умирающая муса, пришед несколько в себя, с тяжким вздохом произнесла: — ах! сколь я счастлива, что вижусь еще с тобою, ты возвращаешь жизнь мою, которую я было почти потеряла. Никогда я себе вообразить не могла, чтобы человеки столь безумны были. Ступай, сестрица, . . . удалимся от сих уродов. . . дай мне убежище, ибо я всеминутно в опасении, дабы они опять на меня не напали. Да что же они тебе сделали? Представь себе, отвечала она, тысячу волков, томимых чрез восемь дней гладом и меж коих бы человек, несший на плечах агнца, попался, так имеешь ты живый образ того, что мне с моим денежным ящиком случилось. Ибо лишь чуть только я в градские ворота вошла и сказала, что я деньги несу и хочу оные давать имеющим в них надобность, то тьма людей меня покрыла. Находившиеся в жилищах из окошек стремглав валились, придворные с лентами и ключами, остановив вдали свои кареты, пешком бежали, тысящницы вдовы [19] и богатые девицы с прежалким воплем повергали к стопам моим просительные бумаги, стихотворцы и ученые бездыханны летели с Еликона [20] с одами и посвящениями высоких своих творений,

словом, всех чинов и состояний градские жители стекались ко мне со всех четырех сторон и, повергнув меня с моим денежным ящиком на землю, оный разбили. Тогда они все хватали... рвали... а чего в руки захватить не могли, то хватали ртом и зубами. Наконец, не нашедши уже ничего более в ящике и на земле, сорвали с меня одежду, обыскивали в карманах и пороли платье. Тогда, бросив меня почти бездыханну и мертву, те, коим ничего не досталось, начали у других насильно отнимать, а чрез то вступили в толь жестокое междоусобие, что ни единый оттуду с целою головою не ушел и чем более кто себе денег захватил, тем больше он израненным и изувеченным остался. Боги, получив такое от мус известие и узнав, коль алчно человеки ищут увеселений, чести и богатства, твердо положили жаловать впредь сими тремя вещами тех только, кои имеют разум и добродетель. Но исполнен ли потом сей приговор, или и поныне еще в недействии остался, о том не могу я заподлинно уверить.

Любопытный зритель.

P. S.[21] Сказуют, что ему Любопытному зрителю одна муса подарила превеликие два штофа разума, а другая, продающая честь, пожаловала его достоинствами, то есть честностию и скромностию.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 3

V

Сообщаемое мною в листах моих слово на всерадостное выздоровление от болезни его императорского высочества в 1771 годе[22] хотя и было тогда же напечатано, но я по желанию многих из моих читателей повторяю оное тиснением. Да твердятся тьмократно во устах россиан слова, его высочеством изреченные: мне то мучительно, что народ беспокоится моею болезнию, и да пребудут они всегдашним заветом его любви ко всем верным сынам отечества.

VI

СЛОВО НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА 1771

Настал конец страданию нашему, о россиане! Исчез страх, и восхищается дух веселием. Се Павел, отечества надежда, драго-

ценный и единый залог нашего спокойства, является очам нашим, исшедши из опасности жизни своея, ко оживлению нашему; боже сердцевидец, зри слезы, извлеченные благодарностию за твое к нам милосердие, а ты, великий князь, зри слезы радости, из очей наших лиющиеся. Любезные сограждане! Кого мы паки зрим! .. Какая грозная туча отвлечена от нас десницею всевышнего! Единое о ней воображение вселяет в сердце ужас, ни с чем несравненный, разве с радостию, коею ныне объемлется дух наш.

Среди веселых восклицаний твоих, дражайшее отечество, дерзаю и я возвысить слабый глас мой. Изображу тебя с Павлом оживотворенное и колико будет сил восхвалю его добродетели и твое блаженство. Если нет витийства в моем слове, не жалею о том. Истина простым повествованием довольна бывает, и я, по крайней мере, исполню долг гражданина и удовлетворю желание моего собственного сердца.

Ты не будешь отлученна от слова сего, о великая монархиня, матерь чадолюбивая, источник славы и блаженства нашего! Ты купно страдала с Павлом и Россиею и вкушаешь с ними днесь общее веселие. С начертанием их состояния изображу чувствие и твоей добродетельной души, а изъявя оное, подам свету пример великий.

Когда вселенная обратила с удивлением на Россию свои очи, когда слава побед наших гремела во всех пределах света, когда потомки Чингисхановы, сих древних утеснителей России и победителей света, подъемля к Екатерине длани своя, отвращали очи и сердца от гордого врага ея, тогда внезапное смущение вселилось в восхищенные радостию сердца наши. Слух о Павловой болезни,[23] еще в самом начале ее, подобно пламени лютого пожара из единого дома в другий пронесся мгновенно. В единый час ощутили все душевное уныние. Еще большая опасность была непредвидима, еще в цветущей Павла юности крепость тела его сопротивлялась бодрственно первому устремлению болезни, но не взирая на сие, невольный трепет объял всех сердца и души. Толь сильно есть усердие добрых граждан к государям своим! Тогда Екатерина, великая и в самой печали своей, возмутилась нетерпением зрети сына своего. Спешит она оставить то приятное уединение,[24] куда некогда Петр, созидая град свой и Россию, приходил от трудов принимать успокоение. Сражаясь с скорбию своею Павел узрел идущую к себе государыню и матерь, и некую новую крепость ощутила душа его. Самая болезнь укротила в тот час свое стремление, как будто бы, терзая сына, хотела пощадити матернее сердце, но судьбы превечного восхотели на некие часы поставить Россию при самой бед пучине. Страна, удивляющая землю и дающая ей ныне зрелище великое и слав-

ное, сам господь отвлек тебя от края сей пучины! Велико счастие твое, но и напасть ужасная грозила. Воспомяну о ней, да больше ощутим, колико небеса Россию защищают.

Возможно ли без трепета воспомянуть те лютые часы, в кои едва не пресеклась жизнь толико драгоценная, жизнь толь многим народам нужная? И как не ужасаясь привести себе на мысль те самые минуты, в кои носящие гром тучи разверзалися над россами? Уже лютость болезни побеждала и крепость Павлову и старания мужей, просвещенных наукою и усердием. Вострепетала Россия, неизреченный ужас объял души, и жестокая печаль пронзила всех сердца. Самый народ, вечно льсти не знающий и всегда носящий на лицах сердец своих зерцало, самый сей народ стенал и проливал слезы. Колико тяжких воздыханий восходило к небесам! Коликим молениям внимал всевышний! Никогда искреннее оных не могут люди приносить творцу своему. Иной, обремененный летами, воздев на небо слабые руки: «Боже праведный, вопиет горестно, то ли твой предел, чтоб глубокая старость огорчалась, видя увядающую юность, и чтоб мне суждено было терзаться о том, чем позднейшие потомки должны быть оскорблены. Не моя, но Павлова жизнь потребна к счастию детей моих». Иной в первых младенчества летах, в сей прекрасной весне человеческого века, не зная зла и доселе не ощущая горести, зрит матерь свою в слезах, извлекаемых опасностию Павла, обращает на нее невинные взоры, утешает ее младенческою ласкою, но, видя горесть ея непрерываему, сам унывает, плачет и будто чувствует, что в те часы угрожает ему собственная напасть его. Иной в крепости лет своих, истинный сын отечества и усердный сердцем к Павлу, познав опасность предстоящую и возмутясь духом, устремляется к другу своему: «Трепещи, вопиет ему, гибнет отечество наше, Павлова жизнь едва ли не в отчаянии, и что с нами будет, когда его лишимся!». Не хотяй верити толь грозной вести, друг его хочет и себя и его утешити: «может быть, бог к нам милосерднее, отвечает ему, может быть, страх больше. . .». — «Не сумнись и ужасайся, прерывает тот речь его, удар, конечно, близок. Я видел Павлова наставника,[25] сего почтенного мужа, умеющего толь много владеть движениями сердца своего, я видел его стеняща и сокрывающа слезы своя. Когда Панин рыдает о Павловой опасности, Россия должна пролить источники слезные».

В толь лютые часы для истинных россиан какое нежное и великое зрелище представляется очам нашим! Терзаемая скорбным чувствием сердца своего, пронзенная нежнейшею любовию к сыну, достойному таковыя матери, Екатерина вступает в те чертоги, где Павел начинал уже упадать под бременем болезни

своея. Приближается к нему, зрит измененные черты его лица, бледнея простирает к нему трепещущую руку. Тогда Павел, возвед утомленные очи и видя пред собою страждущую матерь, забыл свою болезнь, и в ту минуту страдание ея стало единою его скорбию. Собрав оставшие силы, приносит он к устам своим руку возлюбленныя матери, лобызает ее нежно. Екатерина хощет утешити сына своего некими словами, но рыдание прерывает слова ея. Уже не в силах она удерживать более скорби своей во внутренности сердца, едва не предается всей своей горести, но, воззрев на предстоящих своих подданных, пораженных сим зрелищем, хощет она из любви и жалости к ним одолети самое природы чувство, мгновенно отвращает от них слезящие очи, остановляет рыдание и старается сокрыть от них и лютое свое страдание и опасность жизни Павловой. Сее свойство великия души! Се пример земным владыкам! Блаженна та страна, где царь владеет и сердцами народа и своим собственным.

Продолжение в следующем листе.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 4

Продолжение

Но, пришед от страждущего сына в те свои чертоги, кои часто зрят тебя, великая монархиня, размышляющую наедине о благе народа твоего, когда уже ничей вид не принуждал тебя скрывать скорби внутри сердца твоего, когда уже могла ты воздать природе горестную дань и когда ничто не воспрещало тебе рыдать и размышлять, каким лютейшим чувствиям предалась тогда душа твоя. Какие реки слез полилися из очей твоих! Матерь Павла и народа своего, ты зрела первого при конце жизни, а другого при конце блаженства, дарованного ему премудростью твоею... Ужасное воображение, извлекающее навсегда слезы из чувствительных сердец!

Отвращая удар толико грозный, Павел противоборствовал болезни крепостию духа. Ослабели его телесные силы, но душевные не уменьшились. Он знал, что с сохранением жизни его сопряжено истинное благо народа, им любимого и ему усердного. Он знал, что сие едино, кроме человеческой любви к жизни своей, налагало на него особливый долг одолевать болезненное чувство величеством души. С какою твердостию, с каким мужеством исторгал он себя из челюстей смерти, вознесшей на него острую косу. Спокоен в мучении, никогда нетерпением не раздра-

жал он болезни, и в те часы, когда душа его едва не оставляла терзаемого тела, в те лютейшие часы являл он те же самые добродетели, которые обык творити в крепости сил своих. Благочестие, богу толь любезное и возвышающее к нему души смертных, обитало в его сердце, возбуждало в нем надежду, ободряло его силы и преклоняло небеса на помощь его. Кротость нрава ни на единый миг не прервалась лютостию болезни. Каждый знак воли его, каждое слово изъявляло доброту его сердца. Да не исходят вечно из памяти россиан сии его слова, изшедшие из сердца и прерываемые скорбию: «Мне то мучительно, говорил он, что народ беспокоится моею болезнию». Таковое к народу его чувство есть не ложное предзнаменование блаженства россиан и в позднейшие времена. . .

Но ты,[26] который благим воспитанием вселил в него сие драгоценное нам чувство, муж истинного разума и честности превыше нравов сего века, твои отечеству заслуги не могут быть забвенны. Ты вкоренил в душу его те добродетели, кои составляют счастие народа и должность государя! Ты дал сердцу его ощутить те священные узы, кои соединяют его с судьбою миллионов людей и кои миллионы людей с ним соединяют. Коликими ранами сердце твое было уязвлено во время Павловой опасности! Любя его нежно, насадя в душе его добродетель, просветя познаниями разум его, явя в нем человека и уготовляя государя, сносно ль было видети тебе приближающуюся минуту, в которую ты мог расстаться с ним навеки! Воспомни те часы, когда обращены были взоры твои на страждущего Павла, когда, терзаясь сам душевно, орошал его слезами, держал его в своих объятиях, прижав к трепещущей груди своей и ожидал последнего конца жизни драгоценной. Не сами ль небеса тогда подкрепляли тебя для Павла и отечества!

Наконец, о радость неизреченная, о счастие, избавившее россиан от погибели! наконец, прошла безвредно страшная туча, гремевшая над нами. Превечный с высоты престола своего, взирая на слезы и моления Екатерины, на добродетели болящего, на вопль и стенания многочисленного народа, подвигся о людях своих на милосердие. Велением его ангел смерти, летящий к наследнику престола российского, остановил страшное свое течение. Здравие, сей дражайший людям дар небесный, возвращенно стало Павлу. Воссиял прекрасный день по часах толико мрачных. Тяжкие стенания пременяются во гласы радости. Оживотворенная Россия возносит к небесам благодарные моления, и сие чистое приношение веселящихся сердец, проницая пределы неизвестные, достигает до самого творца вселенныя и преемлется от

него с тою благостию, с которою внимал он воздыханиям россиан.

А ты, торжествующая ныне возвращение к жизни возлюбленного сына, матерь нежная, монархиня великая, ты, которой добродетели и моления были предстательми пред творцем за создание его, тобою правимое! Ты, благодаря десницу, восставившую Павла, возрадуйся днесь всем сердцем своим. Се он, се твой достойный сын, о коем ты страдала, в ком душа твоя обитает, которого любовь к тебе ни с чем на свете несравненна. Приими его в свои объятия, пролей радостные слезы. Он жив и будет вечно твоим утешением и будет славою народа, к обеим вам усердного.

К тебе, великий князь! возвращенный от небес россианам, к тебе, виновник общия радости, обращаю мое слово. Торжествуй и восхищайся веселием сердечным. Воссылай благодарение к вышнему всех благ источнику, который, отторгнув тебя от врат смерти, явил чрез то вселенной, что ты им на свет произведен для счастия и самых будущих веков, но чем лучше возможешь изъявить свое признание оживотворившему тебя, как исполнением законов его, который есть вся сила и безопасность законов человеческих? Сохраняй вечно в своем сердце сей новый опыт нежнейшия любви, который матерь твоя и государыня изъявила тебе, страдая с тобою купно. Да будет премудрость ея вождем твоим, дела ея правилом, кроткая душа ея великим тебе примером. Люби своих россиан. Ты не можешь сомневаться, государь, о их к тебе усердии, измеряя оное по тем горестным чувствам, которые терзали нас во время опасности жизни твоея. Сии страшные минуты, в кои лесть умолкает и царь и раб равно судимы бывают, сии минуты открыли тебе сердца и души каждого гражданина. Люби их столько, сколько сам ты им любезен. Позволь, о государь, вещать тебе гласом всех моих сограждан.[27] Сей глас прознесет тебе некие истины, достойные твоего внимания. Буди правосуден, милосерд, чувствителен к бедствиям людей, и вечно в их сердцах ты будешь обитати. Не ищи, великий князь, другия себе славы. Любовь народа есть истинная слава государей. Буди властелином над страстями своими и помни, что тот не может владеть другими с славою, кто собой владеть не может. Внимай единой истине и чти лесть изменою. Тут нет верности к государю, где нет ее к истине. Почитай достоинства прямые и награждай заслуги. Словом, имей сердце отверсто для всех добродетелей и будешь славен на земле и угоден небесам.

О россиане! если б Павлова судьба зависела от нашего к нему усердия, то б не оставалося на свете ни для него, чего желать, ни нам, чего страшиться. Беспредельно сие усердие наше, равно как и небесные к нам благодеяния. Не само ль божество возвратило

ныне жизнь тому, кто для наших жизней толико нужен? Без сомнения, оно даровало нам его залогом нашего блаженства, Екатериною устрояемого. Велико сие блаженство наше. Целый свет на него с удивлением взирает, или паче Екатерина обращает на нас очи целого света. Премудрость ею руководствует, успехи следуют делам ея, победы увенчевают ее лаврами, и славою ея славится Россия. В ней имеем мы настоящее благо наше, а в Павле надежду будущих блаженств. Потщимся, любезные сограждане, потщимся навсегда быти их достойными. Не пощадим ничего для них и для отечества. В том состоит истинный долг наш. О, коль любезен нам сей долг, с коим и польза и слава наша вечно сопряженны!

VII

НАДПИСЬ К РЕКЕ ВОЛГЕ[28], СОЧИНЕННАЯ В ВЕНЕ НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ Г. КОЛЛАРОМ,[29] БИБЛИОТЕКАРЕМ КНИГОХРАНИТЕЛЬНИЦЫ ЦЕСАРСКОЙ, 1772

Торжественны валы кати, о Волга, пышно,
Со славою твое повсюду имя слышно.
Минерву[30] сверьх твоих носила ты зыбей,
Где больше мудрости питомцев[31] было с ней,
Чем древле Греция чрез столько лет рождала,
Коль веки многие ученьем процветала;
Дунай[32] и Тибр,[33] свой бег пред Волгой уклони,
Вы славы таковой в свои не зрели дни.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 5

VIII

На прошедшей неделе получил я с почтового двора письмо следующего содержания.

Слушай-ка, брат Живописец! на шутку что ли я тебе достался? Не на такого ты наскочил. Разве ты еще не знаешь приказных, так отведай, потягайся. Ведомо тебе буди, что я перед Владимирской поклялся и снял ее, матушку, со стены, в том, что как скоро приеду я в Петербург, то подам на тебя челобитье в бесчестье. Знаешь ли ты, молокосос, что я имею патент, которым повелевается признавать меня и почитать за доброго, вер-

ного и честного титулярного советника, ведаешь ли ты, что и в подлости*[34] есть присловица: не пойман не вор, не поднята не... А ты, забыв законы духовные, воинские и гражданские, осмелился назвать меня якобы вором. Чем ты это докажешь? Я хотя и отрешен от дел, однако ж не за воровство, а за взятки, а взятки не что иное, как акциденция. Вор тот, который грабит на проезжей дороге, а я бирал взятки у себя в доме, а дела вершил в судебном месте; кто себе добра не захочет? А к тому же я никого до смерти не убил, правда, согрешил перед богом и перед государем: многих пустил по миру, да это дело постороннее, и тебе до него нужды нет. Как перед богом не согрешить, как царя не обмануть, как у него не украсть? грешно украсть из кармана у своего брата, а это-то дело особое, у кого же и украсть, как не у царя, благодаря бога, дом у него, как полная чаша, так хоть и украдешь, так не убудет. Глупой человек, да это и указами за воровство не почитается, а называется похищением казенного интереса. А похищение и воровство не одно: первое не что иное, как только утайка, а другое преступление против законов и достойно кнута и виселицы. Правда, бывали и такие примеры, что и за утайку секли кнутом, блаженной памяти при ***[35] это случалось, но ныне, благодаря бога, люди стали рассудительнее и за реченную утайку кнутом секут только тех, которые малое число утаят, да это и дельно, не заводи дела из безделицы. А прочих, которые приличаются в утайке больших сумм, отпущают жить в свои деревни. Видишь ли ты, глупой человек, что ты умничаешь попустому. Кто тебя послушается? Я помню, как один господин, в бытность мою у него, рассуждал о тебе так: он, де, делает бесчестье всем дворянам, пиша эдакие письма, что, де, подумают иностранные об нас, когда увидят, что у нас есть дураки, плуты

.

Понимаешь ли ты, что и верить этому не хотят, что есть бессовестные судьи, бесчеловечные помещики, безрассудные отцы, бесчестные соседи и грабители управители. Что ж ты из пустого в порожнее пересыпаешь? Мне кажется, брат, что ты похож на постельную жены моей собачку, которая брешет на всех и никого не кусает.[36] А это называется брехать на ветер, по нашему, коли брехнуть, так уж и укусить, да и так укусить, чтобы больно да

---

* Подлыми людьми, по справедливости, называться должны те, которые худые делают дела, но у нас, не ведаю по какому предрассуждению, вкралось мнение почитать подлыми людьми тех, кои находятся в низком состоянии.

и больно было. Да на это есть другие собаки, а постельным хотя и дана воля брехать на всех, только никто их не боится. Так-то и ты пишешь все пустое, кто тебя послушается или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законов, определяющих казнь за преступление. Слыхал я от одного моего соседа историю, как один греческой мудрец сказал, увидя что — да, полно, ведь не все надобно говорить, об ином полно, что и подумаешь. Ну, брат маляр, образумился ли ты?[37] Послушай, хотя ты меня и обидел, однако ж я суда с тобою заводить не хочу, ежели ты разделаешься со мною добрым порядком и так, как водится между честными людьми. Сделаем мировую, заплати только мне да жене моей бесчестье, что надлежит по законам, а буде не так, то по суду взыщу с тебя все до копейки. Мне заплатишь бесчестье по моему чину, жене моей вдвое, трем сыновьям недорослям в полы[38] против моего жалованья, четырем дочерям моим, девицам, вчетверо каждой, а к тому времени, авось-либо, бог опростает мою жену и родит дочь, так еще и пятой заплатишь. Видишь ли, что я с тобою поступаю по-христиански, как довлеет[39] честному и доброму человеку. Смотри не испорть этого сам и не разори себя. К эдаким тяжбам мне уже не привыкать, я многих молодчиков отделал так, что одним моим, жены моей и дочерей бесчестьем накопил трем дочерям довольное приданое. Что ж делать, живучи в деревне, отставному человеку? Чем-нибудь надобно промышлять. Многие изволят умничать, что живучи в деревне можно, де, разбогатеть одним домостроительством и хорошим смотрением за хлебопашеством, да я эдаким вракам не верю. Хлеб таки хлебом, скотина скотиною, а бесчестье в головах. Да полно, что об этом и говорить, на такие глупые рассуждения нечего смотреть: которая десятина земли принесет мне столько прибыли, как мое бесчестье? нет-ста, кто что ни говори, а я-таки свое утверждаю, что бесчестьем скорее всего разбогатеть можно. Есть и такие умники, которые проповедывают, что бесчестье брать бесчестно, но пусть они скажут мне, что почтеннее, честь или деньги, что прибыльнее, честь или деньги, что нужнее, честь или деньги? Коли есть деньги, так честь нажить не трудно, а с честью, право, не много наживешь денег. Так-то, брат, я рассуждаю, да я думаю, что и многие хотя и не согласятся на сие словами, но в самом деле моим же правилам следуют. Итак, рассудя хорошенько, пожалуй, послушайся меня и не заводи тяжбы, так мы и останемся приятелями, а это нет ничего, что ты меня выбранил: брань на вороту не виснет, лишь бы деньги у меня были в кармане. А, притом, постарайся уговорить племянника моего Фалалея ***, чтобы он пошел в отставку и приезжал в деревню. Видно, что ты с ним

приятель, потому что он отдает тебе все отцовские и материнские и мои письма для напечатания. Засим остаюсь

доброжелатель Ермолай.[40]

Октября 22 дня
1772 года,
из сельца Краденова.

IX

КАРТИНА ИЗ САМОЙ ДАЛЕЧАЙШЕЙ ДРЕВНОСТИ[41]

Аппеллес,[42] или правильнее сказать, Аппелл, ведая беду, в какую он впал чрез оклеветание, написал следующую картину: с правой стороны сидит человек с предлинными ушами почти подобными Мидовым[43] и простирает руку ко Клевете, идущей издали. Подле него стоят две жены, Незнание или Невежество и Подозрение, с другой стороны идет Клевета, прекрасная женщина, но весьма гневна и разгоряченна, гнев на челе ея весьма ясно приметить можно. В левой руке держит большую горящую свечу, правою влечет за волосы юношу, подымающего руки на небо и богов в невинности своей свидетелями призывающего. Впереди идет бледный, безобразный с острыми глазами человек, подобный истощенному от долговременной болезни, зависть на лице его живыми красками изображена, за нею следуют другие две женщины, как приборщицы Клеветы, из них одна Ловитву, другая Обман представляет. После следует печально облеченная жена, которую Раскаянием называют: она со слезами и со стыдом оглядывается на последующую ей Истину.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 6

X

ПЕРЕВОД VIII. БОАЛО ДЕ ПРЕЕВОЙ САТИРЫ[44] НА ЧЕЛОВЕКА

Из всех животных, что на воздухе летают,
Что плавают в водах и землю населяют,
От человека мы глупее не найдем,
Хотя весь запад, юг, всток, север обойдем.
Как, скажут мне, и червь, кой травы поядает,

И жаба мерзкая, что в блате погрязает,
Свинья, змея, сова иль муха, что жужжит,
Возмогут ли они людей умнее быть?
Ученой голове сия мысль будет дика;
Мне скажут: человек всех тварей есть владыка,
Поля, луга, леса даны во власть ему,
И смысл от бога дан ему лишь одному.
Что разум дан ему, ту правду признаваю,
Но что глупей он всех, то паки повторяю.
Изрядно, мне рекут, в сатире так писать
Для слышателей тех, что любят хохотать.
Но прежде докажи неправильны угрозы;
Согласен, дайте ж мне ответы на вопросы:
В чем мудрость состоит, всегда чтоб равну быть,
В день страха не робеть, тщетой себя не льстить,
В душе, которая так мерно поступает,
Как толстый сельский поп по лестнице ступает,
Но равенство сие, что мудрыми творит,
Кто меньше всех скажи, как человек хранит.
Презренны муравьи, накрывши дрязгом домы,
Сокровищем весны свои наполнив кромы,[45]
Лишь только северной холодной ветр дуть стал
И лист на дол с дерев поблеклый пометал,
Закроются тотчас, однако ж без печали
Питаются плодом, что летом собирали,
Довольны пищею и жребием своим,
Не нужны пышные дворы и платья им,
Зимой суровости стихий им не ужасны,
И всех и каждого их мысли суть согласны.
Но в лучшем свете сей разумный человек
То мыслью, то другой мятется целый век.
Его нетвердый дух меж тьмы забот летает,
Не ведая того, чего он сам желает,
Сегодни нравно то, что за день отметал.
Чтоб я жену себе когда-либо поял
И чтобы я в число тех глупых записался,
Которым Молиер в комедиях смеялся;
Нет, есть и без меня довольно дураков,
За месяц говорил, не помню, кто таков.
А с десять дней прошло, попался в те же сети;
Жениться вздумал он, ему жена и дети
Милее золота и камней и сребра,
Лишь только бы была она лицом добра.
Таков-то человек, белит и вдруг марает,

Что к вечеру хвалил, то утром проклинает,
Несносен всем другим, себе наскучит сам,
Меняет мысли так, как моды волосам,
Третьего дни просил в судьи, вчера сел в лавке,
Сегодни в шишаке,[46] а завтре в камилавке.[47]
Однако посмотри, когда парами он
Наполнясь и в мечтах вдается в сладкий сон,
Он мнит, что тварей всех на свете основанье
И от руки его зависит все созданье,
Он, как животными, мнит быти властелин.
Кто ж спорит в том, кричит, всему я господин,
Но что нам до того, как было, так и буди,
Боится ль волк людей в лесу, иль волка люди?
Иль заяц, устрашась охотничьих рогов,
Бежит в поля, в луга и в горы из лесов.
Сей мнимый властелин, царь грозный над скотами,
Какими утеснен сам строгими царями,
Там гордость и сребро, и злоба, и любовь
Терзают дух его и всю тревожат кровь!
Лишь только сладкий сон смыкает томны очи,
Уж скупость, встань! кричит, ах, нет мне, скажет, мочи.
Нет, встань, еще кричит, ступай, куда, зачем?
Се чрез моря идут с купецким кораблем
В Японию искать скудельного фарвору,[48]
За перец, за инбирь иметь с народом ссору.
Нет нужды, скажешь мне, и так уж я богат!
В богатстве меры нет, ступай, ступай, кричат,
Его с умком нажить, кто прямо силу знает,
Тому ни грех, ни честь, ни совесть не мешает,
Не смотрит, сыт ли он и мягко ль спать ему,
Он раб, не господин богатству своему,
Лишь только стережет, тронуть его не смеет
И в доме ни слуги, ни кошки не имеет,
Он хлеб невеянной для дешевизны ест,
Чтоб грош сберечь, теперь готов в удавку лезть.
Но посмотри, кому в наследство он сбирает,
Тот в гроб его уже давно впихнуть желает,
Чтоб, овладев сребром, что властвует тобой,
Насытить щегольством роскошной разум свой,
Не ехать же нельзя, матросы уж готовы,
Но если разорвешь и скупости оковы,
Тогда тщеславие рассудок помрачит
И силою из недр спокойства извлачит,
Но тысячи смертей и лютых бед отправит,

Зла рока по стезям отваг искать заставит,
В проломы устремясь, на пули, на штыки,
Желая лишь внестись в печатные листки.
Не смехом, скажут мне, да шуткою иною,
Порок был сей всегда иройской похвалою;
Ты скажешь, Александр[49] дурак такой же был,
Тот зверь, что Асию[50] всю в пепел превратил,
Которому к житью все мнилось быть не вместно,[51]
Владея светом всем, еще казалось тесно.
Тщеславный сей родясь своей землицы царь,
Он ею правил бы, как добрый государь,
Когда бы, возгордясь, не вздумал богом быти
И, как бы не имев главы где подклонити,
Скитаться не пошел, ведя везде войны,
И тем не разорял все дальныя страны.
Он счастливым бы был, когда б те домы[52] были
Тогда, что ныне есть, где б в разум приводили
Людей, всадив его заранее туда,
Избавили бы свет толикого вреда!
Но что нам в сих речах излишно распложаться
И страсти всех людей описывать стараться,
Их порознь отличать, давать им имена,
Уж каждая из них без нас изъяснена.
Посмотрим лучше то, что доброе в сем веке
И что полезно есть на свете в человеке:
Посреди он градов им созданных живет,
Где добронравие с порядками цветет.
Им там учреждены скиптр, власти и короны,
Хранится правый суд и строгие законы,
Но много и таких на свете сем людей,
Где нет порядочных законов и судей,
Где друг друга едят и кровь сосут народа,
Там тщетно вопиет на небеса природа,
Исшедшая из недр единыя земли
И равной во гробу подверженная тли.
Видал ли кто когда, чтобы львы львов терзали
Иль волки на волков разбоем нападали,
Чтоб тигр от гордости подобных тигров рвал,
Иль аспид[53] аспида по злобе убивал,
Либо чтоб меж собой вели войну медведи,
Иль коршун коршуна ловил себе для снеди,
Либо, чтобы слоны, поссорясь меж собой,
За лес иль за луга имели смертный бой.
Нет, нет, сей страшный зверь, хоть лютостью пылает,

Но образ свой, в другом увидя, почитает.
В союзе меж собой живет всех зверей род,
Чужд ябед, волокит, ссор, происков, хлопот.
Орел, хоть властвует над птицами другими,
Но не тязается [54] он с братьями своими.
Лисица хоть полна коварным плутовством,
Но кормит равных ей приказным мастерством.
Оленья самочка во время скотска сходу
Для слабости самца не просит с ним разводу.
Козлы за то козла не поведут в допрос,
Что многих он один в их стаде любит коз,
И на овцу баран за то в суде не просит,
Что плод не от него его супруга носит.
У всех скотов один любови есть предмет
И срамных никогда у них свидетельств нет.
По счастию они приказных тяжб не знают,
Но все во обществе спокойно обитают,
Храня один закон простых врожденных прав,
Чтут ближнего любовь за свойственный устав.
Один лишь человек, враждуя сам с собою,
За славу чтит убить себя своей рукою,
То мало, что ему вдохнул искусства ад
Железо изострять, готовить ближним яд;
Так было надобно к несчастию вселенной
В разврат привесть закон, с небес благословенной,
Учителей искать, в толк глубоко входить
И множеством их книг смысл правый затемнить,
А горее всего тех возносить хвалами,
Что рассевают злость красивыми словами.
Постой, ты скажешь мне, сердиться тут за что?
Подвержен страсти всяк, не спорит в том никто.
Созданье человек на свете благородно,
И размышляет всяк своим умом свободно.
Иной нам весь включил обширной шар в компас,
Другого к дальнейшим звездам проникнул глаз,
Тот таинств нам открыл естественных причины,
Сей показал пути в безвестные пучины.
Но кто и пустоши [55] бесплодны говорит,
Тот здравого ума в других не повредит,
Подобно как моря в волнении бывают,
Но бури доброго пловца не устрашают,
А скот учения не может понимать,
Он Академии не смыслит и назвать,
Ученого они и имени не знают,

Художеств и наук они не почитают,
Безвестен им юрист, философ, богослов,
Врач, звездочет, писец лиц, действий и стихов,
Которы общества людские украшают
И коих за труды повсюду уважают.
Повсюду? но спроси ума ты своего,
Он знал ли что, когда, иль вовсе ничего,
Но не равно ль все чтут в текущем ныне веке?
По знанию ль наук судят о человеке?
Коль хочешь, чтоб к тебе всяк знатный господин
Поутру на поклон ходил, послушай, сын!
При старости отец так начал увещанье,
Брось книги и примись за нужное познанье.

Окончание в следующем листе.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 7

Продолжение

БОАЛО ДЕ ПРЕЕВОЙ САТИРЫ

Скажи мне, почему у нас за рост платят,
Берут по двадцати, а я б взять больше рад!
Так нечего учить, ты уже в совершенстве,
О коль в великом жить имеешь ты блаженстве!
Лишь только разум свой в сем званьи утверди
И всех прибыльщиков [56] искусством превзойди.
Знай место, где вину побольше есть расходу
И сколько с табаку и с соли в год доходу,
Туда впери свой ум, будь армянин иль жид,
Грабитель, веролом: забудь и грех и стыд,
В злый щедрости порок попасть остерегайся,
Но сок и из сухих вытягивать старайся!
Законодателей тем мудрость посрами,
Что право, то криви, что криво, то прями
И всеми образы щечи [57] казну народну,
Увидишь, как найдешь дорогу сим свободну,
Везде, где только ты ни вздумаешь пойти,
Все будут для тебя отверстые пути,
Увидишь, как тогда ученые соборы
Похвальных книг тебе намечут целы горы!
И до небес тебя хвалами вознесут,

Ироям и богам там места не дадут,
Высокой прозою, богатыми стихами,
Французским, греческим и русским языками,
Докажут и в глаза бесстыдно самому,
Что корень ты и столп ученью их всему,
В богатстве всяк премудр, всезнающ в млады годы,
Ему открылися науки от природы,
Заслуги, разум, честь собой в него влились,
И добродетели с ним вместе родились,
Красавицам он мил, большими почитаем
И от завистников богач не презираем.
Хоть гадок, но в нем все находят красоту,
Другой пригож, но чтут дурным за нищету.
Так мытар [58] наставлял сыновню скользку ногу
К богатству наступать на скорую дорогу.
Да часто и такой бывает вдруг богат,
Кто только и ума, что знает вычитать,
А ты над вивлией [59] потей, пока угодно,
В пространном море сем ищи мелей бесплодно,
И таинства ее сокрыты проницай,
Калвина,[60] Лютера [61] в догматах уличай,
Причины разбери церковных разделений
И в ясность облеки старинных мрак учений,
Дабы на старости трудов твоих сей плод
Такому поднести из счастливых господ,
Который за твое книг темных изъясненье
Сквозь зубы проворчит тебе благодаренье,
Но буде большую желаешь честь достать,
Брось критики, стихи и книги сочинять
И будь ласкателем большому господину,
И тем себе ищи и счастия и чину,
За карточным столом и день и ночь сиди
И быть в том знатоком стараний не щади.
Ко счастию сея вернее нет дороги,
Игрою нажились на свете люди многи,
Игрою богачей вступили на степень:
Не знающий играть мудрец, не что как пень,
Хотя бы знал он все художества, науки.
Ученых голова полна, но пусты руки,
Итак, отстав наук, признали, наконец,
Что всяк ученый муж естественный глупец.
Ученый муж глупец, не ври, пожалуй боле,
Сказать так о себе в твоей бесспорной воле.
Ответом сим ты мне тревожишь стройность дум,

Но сей ли муж, скажи, имеет здравый ум,
Который нас своим ученьем просвещает,
Но сам пристойности ни в чем не наблюдает,
То пишет, что на мысль не набредет ему,
И редко здравому последует уму,
Который всякой день ему напоминает,
Что в стихотворстве он успехи уж теряет,
Что с летами его престал уж пылкой жар
И что поэзии он сим бесчестит дар.
Стремяся юную страсть обновить бесплодно,
Все предприятие его уже не годно,
Но он такой совет не только чтоб принять,
Но паче как влечет стихи на зло писать,
Чтучи их всякой день в восторге сам великом,
Соседей и друзей тревожит шумным криком,
Столь зол, как будто бы его стал мучить бес,
Домашни все его бегут из дому в лес.
Осел, каков ни есть, к чему уж он родился,
Безмолвно в том своей судьбе и покорился,
Шальным не бегает, чрез свой нескладный рев
В дубровах не глушит приятный птичек пев,
Хоть в нем рассудка нет, да впрямь идет стезею;
Один лишь человек и в день слеп со свечею,
Рассудком предводим, но делает не то,
И все, что делает, не знает сам на что,
Все нравится, все нет, должит и оскорбляет,
Вдруг весел, вдруг уныл, вдруг пьян, вдруг трезв бывает,
И в мыслях он своих то гонит, то бежит,
Вверх взносит, вержет вниз, то бьет, то сам убит;
Но виданы ль скоты такими дураками,
Чтоб были смущены подобными мечтами
Или боялися в зазорном месте быть,
Иль верили, что вран им может зло творить.
Видал ли кто, чтоб зверь себе порол сам чрево
Нам в жертву принестись, иль чтил за бога древо
И так, как от творца и суши и воды,
Дней ясных иль дождей молил взростить плоды,
А скот людей видал стократно в заблужденьи,
Что богом чли прямым свои рукотвореньи,
Видал, как вознесли бездушную змею
И ждали с трепетом от ней судьбу свою,
Видал, как по брегам прославленного Нила
С кадилы и свещи искали крокодила,
Но скажешь ты, к чему постылой сей пример,

Что служит древность здесь с неистовством их вер.
Как можешь доказать толь гнусными словами,
Что б муж ученый был безумен пред ослами.
Осел из всех скотов преглупейший есть скот,
В побоях и трудах влекущий свой живот.
Ругание одно сатиру заключает.
Осел, о чем он нас смеяться заставляет,
Ругаются над ним, но ежели б хоть раз
Он мог то изъяснить, что думает об нас,
И если б небеса, стараясь нас прославить,
Склонилися осла рассказывать заставить,
Что только про себя смекает он теперь,
Чего б не насказал тогда язычный[62] зверь?
Что ныне думает он внутренно с собою,
Когда то улицей приходит, то другою
И видит множество бесящихся людей,
То в черном, то в цветном одетых щеголей,
Что скажет, как узрит большие те поруки,
Что здравым яд дают, в свои принявши руки,
А после бегают за смертью по пятам
Некстати помогать бездушным уж телам,
Что ж молвит, посмотри в ученые соборы,
Где вдруг за И ж и ц у[63] до драк доходят споры,
Что будет думать он, на светской глядя суд,
Как с церемонией убить кого ведут,
Какие бы он нам дал сильные уразы,[64]
Когда бы в день суда привесть его в приказы:
Он издали уже услышит шум и крик,
Увидит собранный там ябедников лик,[65]
Увидит стряпчески и писарски ухватки,
Как с правды и со лжи берут бесстыдны взятки,
О ежели б осел язык тот получил,
Которым он во дни Адама говорил,
Тогда б почтил людей прямыми дураками,
Без зависти б сказал всем внятными словами:
Доволен быть ослом желает он во век,
И небо да не даст, чтоб был он человек.

XI

ПОХВАЛА УЧЕБНОЙ ПАЛКЕ[66]

«Дубовые листки в почтеньи древле были,
Их на главах вожди и воины носили,
Но палке в наши дни довлеет вящша честь,

Она виновница чудес великих есть:
Она крестьянина в солдата превращает,
Она в упорного послушный дух вселяет,
Она трусливому отважность подает,
Она злонравного на добрый путь ведет,
Она ленивому вперяет в ум прилежность,
Она из молодцов выводит вредну нежность,
Она влагает страх, почтенье и любовь,
Она сгустевшую жидит в составах кровь,
Она пушит тела, мягчит стверделши кости,
Она гасит в сердцах воспламененны злости,
Она сжимает рот, привыкнувший к вину,
Она прямит и в крюк согбенную спину,
Она от воровства отводит дерзку руку,
Она невежливым дает учтивств науку,
Но всех ее похвал не можно описать,
Она в солдатстве всех благоустройствий мать».
Так некто рассуждал начальник сотни воев,[67]
Великий, думаю, охотник до побоев,
Который говорит, что ставит он в ничто,
Когда кому велит отвесить палок сто.
А если на кого и впрям сердит бывает,
Тому до тысячи ударов продолжает,
Но ежели кому пожалует пять сот,
Того уже совсем не помещает в счет.
Тут бывшая одна рекла ему особа,
Но много ль палкою прибили вы до гроба?
Не помню, матушка, сей рыцарь отвечал,
Но я раппорт всегда исправный подавал,
Когда кто волею господнею скончался:
Десяток, мню, еще из сотни жив остался.
Сегодни два из них просились в лазарет,
Лечить исписанный узорами хребет,
А три отчаянно лежавши в гошпитали,
Как слышал я вчерась, опять здоровы стали,
Безмерно мне сия приятна весть была,
Затем что столько мне жизнь воинов мила,
Что всякой раз, когда их бить повелеваю,
Обильны из очей слез токи испущаю.
Услышав то, сказал тут бывший господин,
Поэтому прямой отечества ты сын.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 8

X [68]

ПЕРЕВОД [69]

Г. Живописец!

Я теперь Неудобо-разумо-и-духодеятелен! Прошу я вас, г. м.,[70] именем всея нашея дружбы, приказать хотя за мой кошт выпечатать сие слово большими, а если можно и красными еще буквами: оно есть новое и высокое изобретение осьмагонадесять столетия, а я, имея счастие быть оного первым творцом и знаменателем, хочу оное предать потомкам от рода в род и на множество веков. Впрочем, дабы избавить всех строителей новороссийского языка от излишних и суетных трудов, то я верною им в том порукою, что оного слова не находится ни в славенских книгах, ни в старинных летоисчислениях, ниже и в самых едкостию древности обетшалых рукописях, а собственно начертано оно неистребимыми знаками на скрыжалех моего сердца. Чрез сие предварительное уведомление желаю я освободиться навсегда от ученого прения и многообразных толков, сверьх сего предоставляя себе только одному право винословствовать [71] об оном, могу неукоризненно и во всякое время в разговорах и сочинениях моих изображать свойство душевного и телесного моего состояния одним только выражением: то есть, что я Неудобо-разумо-и-духодеятелен!

Да что ж оное значит, всеконечно,[72] спросите вы меня? На сие ответствую, что я то ощущаю только во внутренности моей, изобразить же оного на словах никак не могу. Так же я ни мало не понимаю, относится ли оное больше к разуму или к духу, принадлежит ли к числу болезней или к другим каким сокровенным действиям душевным, а знаю только то, чего оное не означает. Например, если бы кто назвал меня, но порознь, туманным или прискорбным, или пасмурным, всегда в сообществе молчаливым, всем недовольным и на все негодующим, или всеминутно стенающим, погруженным в глубокую задумчивость и в черную тень дум или бы захотел меня выхвалить самыми модными петербургскими словами, то есть назвать меня страждущим сердечною болезнию, или ипохондриею, то я бы всеми сими, хотя и блистательными, однако порознь мне приписываемыми титлами ни мало не был доволен. Напротив того, единое слово Неудобо-разумо-и-духодеятелен всего мне на

свете милее, и оно все выше реченные достоинства в превосходном степени и в одно время замыкает в себе. Притом, гораздо похвальнее, ежели я представлю собою главу или испещренный вертоград всех петербургских ипохондриков, нежели когда только называться буду притворным, или, что все равно, простым ипохондриком.

Но уже приступаю к решению другого вопроса, то есть каким образом взошел я на сей степень престранных дум и чувствований. Общее и повсеместное есть правило, что каждый ищет себе подобного, ибо равные мысли, единообразный нрав и сходные чувствования притягивают, так сказать, одного к другому. Кто не знает, что сраженные жестоким наветом всегда обращаются и беседуют с подобными только себе, несчастного любовника сердце неприступно всем веселиям и утехам мира, но когда равною судьбою гонимой уверяет его, что нет во свете для любви ничего невозможного, что, наконец, и самые непреклоннейшие сердца смягчаются и любовным истаевают пламенем, тогда некий приятный луч новыя надежды и отрады вливается в душу его. Следовательно и я, имев честь служить почти с полгода в чине простого ипохондрика,[73] во всем подвластен был тому же закону. Ибо для ипохондрика нет во свете ничего увеселительнее, как видеться повседневно и быть вместе с ипохондриками. В следствие сего закона глубокомысленное наше общество благоволило учредить каменный берег[74] всегдашним нашим сборищем. Признаюсь, г. м., что я по вступлении в новый чин, то есть в ипохондрию, первые два или три месяца почти не сходил с берега, и когда я на целый свет уже равнодушным оком взирал, тогда один только берег утешал еще печальную мою душу. Представьте только себе двадцать или, по крайней мере, десять совершенных ипохондриков, собравшихся в единое место, вообразите себе их наружный пасмурный вид, странные, а часто ужас наводящие телодвижения и слова, прерываемые всеминутно воздыханиями, то глубоким отчаянием, и скажите без всякого ласкательства, есть ли какое в свете сего прелестнее позорище? — Правда, чтоб видеть сие явственнее еще, потребно самому иметь и очи и чувства ипохондрические, но я, благодаря бога, будучи оными всещедро одарен, надеюсь представить вам самую живейшую картину тех лиц и особ, с коими я на берегу часто обращался. Один, например, произносит громко хулу и клевету на свое отечество, называет оное неблагодарным, что оно, забывая его достоинства, которые в его записной книжке им самим и весьма изящными красками изображены, и не взирая на все его чины, снисканные ему то ближними, то искренними, то усильными просьбами, считает его без разбора наряду со другими.

Другий проклинает свое рождение, жизнь и судьбу, возносит жалобу к пустыне, морям и дремучим лесам, уверяет их лиющимися слезами, что дни его премененны в смертельный яд и что он твердо уже вознамерился итить искать себе дружбы и любви со зверьми, а не с человеками, ибо обожаемая им повелительница — повелительница, которая по искусству своему

. преобратила его своим непостоянством в дурака, иный, севши на безмолвный камень и потупив очи в землю, беседует с нею: о ты, свидетельница моих мучений — им не будет уже конца — не будет для меня в жизни сей никакой отрады — итак, тщетно я тебя тягчу — уготови мне здесь прохладный одр, — где прискорбный мой дух, гонявшийся за прелестною тению несклонныя любви, навсегда успокоится. — А ты, прекрасная дщерь, поразившая некогда сердце мое твоею добродетелию, проходи иногда мимо сени моей, воззри хотя единожды кротким и жалостию растворенным оком на то злачное место, в котором храниться будет прах мой, посвященный твоим достоинствам в жертву и горящий к тебе вечною любовию! * Вот, государь мой, какими я разительными видами почти вседневно, ходя по берегу, наслаждался. — Я, каждый раз видя пред собою сих ничем неизлечимых страстотерпцев и внимая толь печальному отзыву, производимому их жалобами и воздыханием, точно представлял себе, что природа, изъявляя свое сожаление о моем состоянии, сама издавала эхо сие, таковым сладким мечтанием довольно напитавши чувства и душу мою, возвращался в дом с превеликим удовольствием.

Однако есть ли что на свете постоянное и может ли человек вожделенною вещию долгое время наслаждаться? — Никак, полгода был я ипохондриком, а четвертый уже месяц тому назад, как я принужден сделаться Неудобо-разумо-и-духо-деятельным.[75] Вы, может быть, г. м., от кого-нибудь слыхали, в котором угле города я живу, или положим, что я, может статься, живу недалече от Сергиевской улицы,[76] так не должно ли мне переходить мосток, чтобы добраться до каменного берега? [77]

Продолжение будет в следующем листе.

---

* Здесь предложил я все роды модной ипохондрии, проистекающие из трех главных источников, то есть из тщеславия и самолюбия, или из несклонности, впрочем, весьма добродетельныя красавицы, либо из непостоянства развратных мужчин и женщин. Прочие все ипохондрики и ипохондрицы не заслуживают ниже имени сего на себе носить и принадлежат большею частию к шайке недозрелых сумасбродов, нежели к нашему темноумствующему лику.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 9

Продолжение

Но сего мостка уже нет на свете. — Четвертый месяц тому назад, как и развалин его не вижу, но четвертый месяц и тому, как мне пресечен путь к месту моего увеселения и купно господствовавшей во мне ипохондрии. — Первые три недели жил я весьма спокойно и тихо, то есть приказав людям одинажды навсегда, чтобы всем приходящим навестить меня сказывали, что меня дома нет, и, запершись один в своей комнате, находился от радости вне себя, что я избавился от ненавистного мне людского сообщества. Притом, углубясь в сии забавные для меня мысли и не говоря ни с кем с утра до вечера ни слова, бегал в глубокой задумчивости по комнате с обнаженною шпагою. Но и сея утехи скоро я лишился! — Ибо, будучи однажды престрашными сновидениями угрожаем, пробудился я от сна и, всхватясь вдруг, бросился за шпагою, но — не нашед ее на своем месте, начал из всея силы кричать: шпага — малой, люди — ах! шпага моя — повеса — где шпага моя? Тогда слуга, как молния, прилетев ко мне, сказал с притворным видом, пожалуйте, сударь, успокойтесь — шпага отнесена ввечеру для починки. Для какой починки? бездельник — вы, конечно, все согласились на жизнь мою. Но нет, плут, не удастся вам совершить умышленное вами бесчинство. Само небо отдает вас теперь в мои руки. Подавай платье — я сию ж минуту бегу исполнить над вами праведное мое мщение. Виноват, сударь, упавши к ногам, говорил он мне, вчерась ввечеру приходил сюда хозяин с какими-то людьми, весьма похожими на бородобреев, однако я их к вам не впустил, и они, объявив мне о вашем весьма опасном состоянии, приказали, чтобы я неотменно прибрал у вас шпагу. Государь мой! не понимаете ль вы, куда дело клонится? — Притом я ссылаюсь на ваше праводушие, не всяк ли имеет право быть веселым по своей воле, кто же может отнять у человека право и печалиться, сколько ему угодно? Сие-то право, врожденное всем и каждому, произвело во мне чрезмерный гнев, и я почти без памяти на малого кричал: злодей — изменник, ты, конечно, подкуплен. Как ты осмелился, негодный, лишить меня той вещи, которая всякий час охраняет жизнь мою. Пойдем только, друг мой, в полицию, кошки [78] тамошние, поговоря несколько часов с твоею спиною, откроют всю правду. Помилуй, батюшка, кормилец, — возопил слуга, я, право, для того сие учинил, что мне показалось, да и хозяин мне то же самое твердил, будто вы, сударь, немножко помешались. Как я поме-

шался и в чем? — Нет, сударь, я хотел инако сказать, что вы помутились мыслями. — Молчи, бездельник, я ни одной кости в тебе живой не оставлю. Кто приставил тебя лазутчиком или гадателем сокровенного моего беспокойствия? Нет, плут, заговор ваш скоро выйдет наружу, сейчас мне платье. Как я несколько в кабинете замедлил и выдумывал, как бы хитро поговорить с полицейскими, то малой не преминул уведомить о том хозяина, а сей также успел созвать на свой двор несколько соседей, и лишь чуть только появился я на крыльце, как все вдруг попались мне, будто ненарочно, навстречу. Все ли в добром здоровье, поклонясь, хозяин спросил меня. Слава богу! выговорил я с потупленными глазами. Да вам какая нужда слышать о здоровье или о смерти моей? Хозяин, притворясь, якобы не слыхал моего ответа, опять спросил учтиво, куда вы так рано изволите итить? В полицию, отвечал сурово, в полицию, чтобы или мосток сделан был, или, чтобы шпагу мою назад мне возвратили. Тогда все они, бросившись ко мне, всячески меня молили, чтобы я по причине мостка не ходил туда, представляя мне, что полиция давно уже о том знает, но для того мостка не делает, что какая-та. . ., будучи так же обязана содержать сей мосток, не соглашается еще по сие время к постройке оного, а на ее где ты будешь искать? [79] И для того опасно докучать полиции, чтобы она, осердясь, не наложила сего бремени на нас самих. Что же касается до вашей шпаги, то она, сказал хозяин, у меня, и я вам оную в целости сам принесу.

Я, будучи с природы миролюбив и незлобив, согласился тотчас на все, однако спустя несколько времени узнал к крайнему моему ущербу, что я уступил им очень много. Ибо, пришедши однажды, малый сказал: не прикажете ли покупать дрова, теперь последний уже им привоз. Хорошо, отвечал я, поди и сторгуй сажен с тридцать. Но слуга вскоре обрадовал меня ответом, что дров сажень с перевозом продается по рублю, а поелику за неимением мостка надобно их кругом обвозить, то извозчики от сажени еще хотят в прибавку иметь по сороку копеек. На сем-то месте, г. м., сделался я в первый раз Неудобо-разумо-и-духодеятельным. И здесь вся ипохондрия в миг исчезла! но великое несчастие бывает часто причиною великих дел, и крайняя нужда делает человека наилучшим изобретателем. Я вдруг, став как будто некиим новым светом озарен, велел малому выпросить у хозяина и тех соседей, коим я, по их просьбе, сделал не малое одолжение, две длинные и толстые доски, потом, достав оные, приказал моим людям приделать у каждой доски по обеим сторонам на пять пальцев вышиною края. Совершив благополучно таковыя редкие и неслыханные махины, велел

я оные на том месте, где прежде мосток был, так положить, чтобы колеса у роспусок[80] по сим жолобам катиться могли. И как лошадей, по моему искусству, не за чем было переправлять, то, вместо оных, перетягивал я роспуски взад и вперед посредством двух канатов. Таким образом, сторговав дрова по рублю, провозили оные прямо к моим вышеописанным жолобам, а здесь, отложив лошадей,[81] прицепляли к роспускам канат, перетягивали их через жолобы, потом тащили на двор и, сбросив там дрова, опять переправляли роспуски на другую сторону посредством другого каната. Работа сия по моему учреждению так хорошо и безостановочно происходила, что в один день все дрова на двор перевезены были.

Вот вам, г. м., толкование на слово: Неудобо-разумо-и-духодеятелен. Правда, я, может быть, чрез оное и другие какие еще важные вещи разумею, однако полного его содержания не намерен я открывать свету.[82] Славным изобретателям и великим людям в искусстве свойственно сохранять некоторые тайности по жизнь свою для одних только себя. Впрочем, не могу не упомянуть о том, что при переправке дров случилось напоследок со мною. Люди, живущие около меня, услыша о толь необычайном и странном деле, мало по малу стекалися к сему месту и, увидев меня там, что я все учреждаю и повелеваю всеми, начали меж собою перешептывать: это, конечно, француз — видишь, как они умны. Другие, напротив того, спорили: нет, это не француз, это немец, которого недавно выписали, а в отдаленной от меня толпе дошло было и до драки, потому что они твердили, это ни француз, ни немец, а конечно наш какой удалой. — Теперь и русские, слава богу, научились, — другие ж или от злости, либо по упрямству грубо отвечали: нам и не дожить до того, чтобы русской когда такую хитрость выдумал. Я, осердясь на сих последних бездельников, вскричал: ступайте домой, невежды, я вас палкою, зачем вам драться, я точно русской. Притом, уверяю вас, что иной русский разум гораздо превосходнее бывает заморского, но поелику оный не имеет еще столько уважения и ободрения, как иностранный разум, то он часто оттого тупеет. Я для того прошу вас, г. м., напечатать мое письмо для уверения всех, что и русские умы, так как и иностранные, могут производить в свет важные и славные дела. Остаюсь.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 10

XI

Г Живописец

Недели с две тому, как приехала я сюда из Москвы и, начитав в здешних ведомостях, что в луговой Миллионной продаются какого-то Живописца листочки, по природной моей к живописи склонности, тотчас послала их купить. Но в какое удивление я пришла, нашед в них не любовные картинки, но поношения и клеветы противу прекрасного пола! Видно, что ты, друг мой, родился в какой ни есть сибирской деревушке, вскормлен и выучен беспутной твоей живописи, а если бы хотя один твой глаз во Франции побывал, так ты бы, конечно, поострее глядел на свои руки и, пишучи женское лицо, употреблял бы к тому нежных только цветов краски, а не темные и мрачные, так, как теперь делаешь, не знаю ошибкою или умышленно. Нет, дружок, даром тебе это не пройдет — где это слыхано, чтоб живописец написал женское лицо темными красками? — И бабушка твоя Всякая всячина, как говорят здешние женщины, того не запомнит, а ты видно на выскочку.[83] — Полно и того, что твоя братья по невежеству своему не умеют иногда и бородавки утаить, а ты вздумал еще и худыми красками нас описывать. Признайся ж сам, заслуживаешь ли ты трудами своими от нашего пола благодарность? Видно, что ты еще не знаешь, что кто не умеет женскому полу угождать, того и за человека не почитают. Через кого наживаются портные и перукмахеры? [84] Скажи, не через нас ли? Через кого происходят добрые люди и в чины, как не через нас? Кто выгоняет из молодых людей задумчивость, как не мы? [85] Кто вперяет воспитанным в непросвещении дворянам понятие о модах, как не мы? .. А ты, такая мелкая на свете тварь, уродуешь наши лица. — Пора, право, пора тебе, дружок, опомниться. Напиши-ка два или три хорошенькие портретца, да только поскорее, ан и не тот станешь человек. Тебя будут звать для снимания портретов во все знатные домы, а ты, с легкой моей руки, станешь богатеть да наживаться. Вот тебе прямая дорога ко счастию! Кинь, дружок, старинные темные краски, они, если по совести сказать, глаза колют, так будешь всему женскому полу во все будущие роды и роды приятен. А теперь все щеголихи и новомодные женщины, право, так тебя боятся, как робяты азбуки. Так-то, дружок. Отпиши же, радость моя, в твоих еженедельных листочках, как тебе покажется мой

совет — тебе же лучше будет, — а я изготовлю тебе между тем в подарок.

Доброхотное сердечко.[86]

Государыня моя, я бы хотел сделать вам угодность изображением вашего прекрасного лица самыми нежнейшими красками, но не в силах сие исполнить, потому что ласкательство есть претрудная для меня наука и я никогда не имел склонности следовать ее правилам. Я соглашаюсь на ваше мнение, что ни один живописец не придет в моду у прекрасного пола, а может быть и у нашего, который ласкать не умеет — это неоспоримая истина, да и то так же правда, что я никогда сему ремеслу не обучался. Живописцев нашей братьи в здешнем городе много, так вы можете сыскать из них одного по своему желанию. Если вы имеете прелестное лицо и приятный стан, то загляните только ко дв. . .[87] вы найдете там многих живописцев по вашему вкусу, или познакомьтесь с каким стихотворцем. Вы уведомляете меня, что всякая щеголиха боится меня так, как робята азбуки: я тем и доволен, робята, боявшиеся азбуки, пришед в совершенный возраст, всегда раскаиваются в том, может быть — но ведь я вас еще больше рассержу. Прощайте, сударыня.

XII

Государь мой!

Сколько во Франции почитают Боало де Прея, а в Германии Рабнера, столько здесь разумные люди похваляют Всякую всячину, Трутня и вашего Живописца, их потомка. Да как и не хвалить таких сочинений, которых предмет, повидимому, есть тот, чтоб осмеивать пороки, а добродетель представлять в блистательном ее виде. Надобно бы, кажется и мне, чтоб любовь к ближнему была самым первым основанием всех наших дел. Но мы видим иногда в свете и совсем противное тому. Когда поедем за море, то и там увидим, что в злобных сердцах попеременно действует то ненависть, то мщение. Честолюбие повсюду требует себе жертвы. Одно в хулу по истине изреченное слово, а клеветником до целой речи распложенное, лишает иногда не токмо чести, но и пропитания. В дугу согнувшаяся спина поспешно приближается к знатным чинам и богатству. За нею следует тихими стопами лукавством преисполненная голова, сплетающая себе венок из того самого терния, которым ближнего коснулась.

Окинем глазами своими улицы: тут увидим раззоренных вдов и сирот, оплакивающих день своего рождения, отцов, клянущих непокоривых и строптивых своих сыновей, матерей, раздраженных распутством дочерей, детей, поносящих хулами родителей своих за то, что стараются старинным поведением заградить им стези к развращению. Зайдем хотя мимоходом и в домы, в одном увидим голые стены: домашние уборы, так как и другие пожитки, все уже к месту прибраны, а полы усыпаны карточными листами, в другом молодых дворян, разговаривающих о великолепии французских мод, в третьем пожилых людей, обще между собою советующихся о исправлении нравов детей своих, в четвертом любовника, с ума сходящего и на судьбу жалующегося, что попустила оспинам так сильно лицо его обезобразить, в пятом престарелого человека, который морщины лица своего белилами заглаживает, а седину пригожим перуком покрывает. Посмотрим еще и на блистающие златом кареты: за одною идут раззоренные купцы, просящие о уплате долгов, им ответствуют с негодованием завтре, за другою выходят со двора в ветхих рубищах крестьяне, прося об отсрочке до другого времени оброка, которого они за крайнею своею бедностию теперь заплатить не могут, им говорят грозным голосом не можно, перед третиею рядом стоят челобитчики, просящие о решение своих дел, и получают в ответ теперь не время, они кланяются в пояс и отходят.

Nec si miserum Fortuna Sinonem
Finxit, vanum etiam mendacemque finet.[88]

Счастлив бы был воистину всякий народ, если бы, выходя из тьмы неведения и жестокосердия, во первых, перенимал добродетели, а потом науки, художества и промыслы того народа, от которого заимствует свое просвещение. Но и то надобно сказать, что ничто в начале совершенным быть не может. Главные пороки повсюду уже искореняются, а мелкие выйдут, может быть, со временем из моды. Сего, как видно из ваших листочков, желаете и вы, господин издатель Живописца. Итак, я возбуждаем будучи тем же желанием, каким и вы, не премину, по сыновней любви к отечеству своему, совокупно с вами открывать пороки сограждан моих и об оных уведомлять вас в письмах моих, которые прошу покорно вносить в листочки ваши, дабы я чувствовал хотя то утешение, что наблюдения мои в пользу общества предаются тиснению. А между тем, в ожидании вашего на то согласия, остаюсь

отечеству своему всякого блага
желающий россиянин.

Прошу сообщать ваши примечания, они мне приятны, а у читателей спросите сами, каковы они им покажутся.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 11

XIII

ИЗВЕСТИЕ ПОЛУЧЕННОЕ С ЕЛИКОНА

или дополнение ко второму листу вторыя части Живописца[89]

Будучи я однажды в то уединенное и тихое состояние приведен, в котором смертные, оставя иногда на несколько мгновений мир сей, входят в самих себя, прелетают мысленно жизнь свою, делаются над собою судиями и, по долговременном исследовании нашед, что они большею частию страждут от клеветы и ненависти, ищут своего утешения в одной только невинности, произносил следующую жалобу: великий боже, что есть благороднее человека в его творении, но что и ужаснее быть может его обхождения с нами? Уверяй его, сколько хочешь, разными опытами и услугами о своем благонравии и честности, вкрадывайся в его сердце до тех пор, пока уже он собственною честию ручается за твою добродетель. Но лишь чуть только в нем маленькая искра неудовольствия воспламенилась, вдруг затмевается имя твое; ты делаешься ненавистным ему предметом, и он не видит уже в тебе ничего хорошего, как будто бы возможно было, чтобы человеческие добродетели в одном мгновении и по воле недоброхотства превращались в пороки или в самое ничтожество. О суетная жизнь! продолжал я мою жалобу, коль великолепно блистают алтари твои, коль бесчисленны твои обожатели и коль тьмократны их падения! Стремлению таковых размышлений дал я на несколько времени свободу и переходил из одной мысли в другую до тех пор, пока нашел для себя во оных некое душевное спокойствие. Тогда бросился немедленно в постелю и едва только сомкнул глаза, как нечаянно приятный и необычайный сон овладел слабыми моими членами. Но душа, которая во своем владычестве никогда не усыпает со всеми силами и, подобно недремлющему ни день ни ночь кормчему, всегда имеет верных стражей или пекущихся о благосостоянии бренного ее жилища, либо действующих всеминутно по естественному и нравственому течению, была во мне против обыкновенного столь сильно поражена некиим тайным предчувствованием, что

хотя я и действительно объят был глубоким сном, однако все мне казалось, будто приготовляюсь в дальную дорогу.

Сие предчувствование сбылось действительно со мною. Ибо спустя несколько минут прелетаю я земной шар и все поднебесные области, преселяюсь в жилище бессмертных, коего величество и небесный блеск восхищают дух мой, но оставшееся еще во мне чувствование человечества вселяет в меня сердечное сожаление о бывшем моем смертном жребии. Итак, говорил я сам себе, итак, конечно, ты уже навсегда расстался с земными жителями! Ты не будешь иметь того нежнейшего удовольствия, чтобы друзьям и врагам твоим сказать в последний раз: п р о с т и. — Жалостию растворенные слезы, кои из глаз моих, как будто из двух источников, лилися, последовали за каждым словом. Прости, говорил я, дражайшее человечество! прости на веки и прими сей плач, яко чистейшую дань, приносимую тебе от меня в последний раз. Потом будучи некоею невидимою силою ободрен, вдруг почувствовал в себе, якобы со слезами моими купно и все слабости человечества во мне померкли. С сего времени начал было я, как казалось, с холодностию и равнодушием взирать на земное величие, чины, достоинства и на все оного ветшающие красоты и, утушая мало по малу привязанность к бренности, наслаждался новым блаженством. Но вдруг, представив себе весьма несправедливый поступок моея с м е р т и, не мало тем огорчился. Как! вскричал я вспыльчиво, мне один раз в жизни моей и то неволею случилось подумать только о суетности и злых наветах мира сего, причем весьма я отдален был от того, чтобы желал умереть, однако немилосердая П а р к а против воли и чаяния пресекла нить дней моих. Нет, таковый поступок сколько для меня неприятен, столько оный несправедлив и непростителен. Коликое множество в свете есть таких людей, которые чрез целую жизнь свою и не понимают, что они живут. Сколько есть и таких еще, кои хотя то и весьма явственно понимают, однако делами своими не заслуживают жить и на одну минуту. А о тех и упоминать не хочу, кои при изъяснении своея любви хотя тысячу раз угрожали себе ядом, кинжалами и другими неминуемыми смертями, однако и по сие время все еще в добром здоровье находятся. Сии-то роды людей составляют, так сказать, зрелую жатву для смертныя косы, ибо они, и живы будучи, уже почти во гробе лежат. За что же меня так насильно и противу желания лишать жизни?

Как я, в сии размышления углубясь, в превеликой находился задумчивости, то вдруг услышал приятные восклицания, производимые ликом, приближающимся ко мне. И каким сладчайшим восторгом стал я поражен, увидев грядущих ко мне духов, оде-

тых в белое женское одеяние и стократно повторяющих: это он, это он — это любопытный зритель, описатель нашего путешествия. Я, будучи внезапу из глубокия печали в чрезмерную радость преселен, пребыл недвижим, точно соображая себе, что я, конечно, странствую во сновидениях. Вдруг все они, окружив меня, с ласковым и пленяющим видом говорили ко мне: пожалуй, не беспокойся, отряси всю печаль свою и ведай, что ты видишь теперь пред собою наилучших твоих приятельниц, мы те мусы, которых ты весьма много одолжил описанием твоим несчастного нашего по земли странствования. Сколько я сначала ни старался принять на себя веселый и свободный вид в моих разговорах, однако каждое слово изъявляло некую принужденность и доказывало им явственно о моем смятении. Они, приметя во мне внутренное волнение духа, пресекающее слова мои, всячески меня просили, чтобы я как честный человек, не утаивая ничего, открыл им точную причину моего беспокойства. Государыни мои, отвечал я тогда, как мне не досадовать? я, живши на земле, заготовил было несколько дюжин разных проектов, и если бы все оные произведены были в действо, то, конечно, нажил бы я себе богатство, высокие чины, а, может быть, и бессмертное имя. Ибо я твердо было положился написать, по крайней мере, несколько сатирических книг и посредством оных изгнать все пороки из отечества моего, но едва успел сочинить три или четыре сатиры, как сверх чаяния лишился жизни. О смерть! ты не взираешь ни на что, ты разрушила все мои надежды! По выслушании моея речи никак не могли они удержаться от смеха, потом ласково мне сказали: из всех твоих желаний видно, что ты и поныне еще смертный, поверь нам, что ты еще не умер, итак, не о чем тебе крушиться, ты жив и будешь жив надолго. А что ты теперь в наших местах находишься, то мы тебя нарочно сюда на малое время призвали. Во первых, мы почли за долг благодарить как тебя, так и г. Живописца, за изрядное описание нашего земного странствования, во вторых, зная довольно, сколь ты стараешься о знании человеческого сердца и сколь беспристрастно рассуждаешь о земных вещах, охотно желаем уведомиться чрез тебя, какой это род людей метрессы,[90] и каким образом они у вас заведены. Нам доводилось несколько крат читать в полном собрании сочинения некоторых просвещенных французов, в которых метрессы превозносятся хвалами, что они избавляют мужчин от тяжкого ига, то есть брачного союза, и возвращают человеку первобытную его вольность, но мы с крайним отвращением слушали такові нелепые заключения. Потом одна из тех двух мус, кои оставались при Аполлоне и которая, как я уведомился, представляет

образ верныя и целомудренныя супруги, приступив ко мне поближе, говорила: я должна признаться, что я больше всех желала увидеться с тобою и открыть тебе мое неудовольствие в рассуждении нынешних женщин. Будучи я главою и покровительницею женского пола, имею долг больше всех пещися о их целомудренности, верности и святости брака, почему все списки добродетельных женщин всех народов и веков у меня хранятся. Посмотри же на список нынешнего полустолетия, а наипаче последних годов и признайся чистосердечно, много ли найдешь теперь Лукреций. Вот тебе моя роспись, прочти ее прилежно. — Ну... сколько нашел Лукреций? Извините, сударыня, я право здесь...

Продолжение будет в следующем листе.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 12

XIV

Почтенный господин издатель Живописца!

Недавно приезжим из Петербурга в наши места, одним не без знати дворянином, привезенное ваше новое издание нашим городским и деревенским окольным дворянам очень полюбилось: как женщины, так и мужчины на перерыв оное хвалят без усталости, говоря: «то-то разумной Живописец! он так малюет хорошо своими красками нынешние развратные светские обычаи новоманерных петербургских щеголей и щеголих, что никто еще, кроме его, пороков их так живо не изображал. Прямо честной и разумной человек, достоин всякой похвалы и почтения. Дай бог, чтоб он подоле продолжал свое издание, несмотря на тех развратных кривотолков, которые, пороча добродетель, прилепляются к порокам, авось либо исправит перенятое нашими молодыми господичами у иностранцев нововыдуманное обхождение, противное честному житию и благопристойности, чтоб и наши дети от них тем же, опаснее моровой язвы, поветрием не заразилися, подражая во всем им».

Я не знаю того, от искренности ль молодые наши дворяне и дворянки ваше издание хвалят, или из почтения к своим старым родственникам, боясь их раздражить. Видно, что и наша украинская молодежь с настоящего пути свихнулась, не хуже ныне стала вашей петербургской, кажется и вашу бы перещеголяла, но та беда, что живут в деревнях с родителями и явно

боятся прежние наши обычаи на ваши новые светские переменить, коих доброту с похвалою нередко нам проповедывают приезжие от вас в том искусные знатоки, а наши деревенские вертопрахи и вертопрашки, развеся уши, рассказы их с прилежанием слушают и, кое-что переняв, тайком оному подражают. Вот, почтенный господин издатель, мнение наше украинское о вашем похвальном труде.

Мне ж ваше издание тем приятнее показалось, что вы, принимая ото всех присылаемые к вам всякие сочинения, помещаете оные в листах своих; сим обнадеясь, посылаю при сем к вам украинские ведомости, получаемые мною от окольных мест, с таким условием, если оные достойны быть помещены в вашем издании, то прошу поместить; если ж покажутся в чем противны, то издерите оные на завивку ваших волос, чрез что узная из следующего и впредь присылкою тех не отречется, пребывающей к вам навсегда с отличным почтением

Почтенный господин издатель,
ваш покорный слуга
Хуляков.

От 8 ноября 1772 года,
из Украины.

УКРАИНСКИЕ ВЕДОМОСТИ

1772 года из Полтавы октября от 27

На сих днях проявилась у нас новость; когда кто из молодых здешних благородных мужчин и женщин что говорит, то при произношении новоманерных петербургских слов несколько пришепетывают и картавят. Случилось третьего дни одному магистратскому судье у здешнего знатного жителя быть на пирушке, где было великое множество молодых благородных обоего пола дворян, которые инако не разговаривали, как новым петербургским щегольским наречием и притом пришепетывали и картавили, говоря, так, де, нежнее, коего он инако узнать не мог, выключая последних слов, когда б ему оного не растолковала его родственница, будучи уже в том сама довольно искусна. Она своему старому родственнику объявила, что сие новое щегольское наречие с нежным произношением привезено из Петербурга одним приезжим молодцом, между другими довольно знатным в нынешнем светском вольном обхождении и что он так честен, что все оного правила безо всякой платы им показал, желая в таком искусстве более себе умножить сотоварищей.

Из Голтвы от 25 октября[91]

Одна здешняя госпожа в преужасном находится бешенстве. Причину сей болезни приписуют тому, что бывшие у ней последние полюбовники за бесчинные похабства ее презрели. Лекари того города в излечении оной отказались, потому что они не знают и имени сей болезни, да и лекарства к исцелению оной не имеют. Муж, сердечно свою жену любя, объявляет, если кто ее от такой болезни вылечит, тому он уступает в награждение за труд половину истертого в любовных делах ее сердца, предоставляя другую половину себе.

Харьков от 2 ноября

Его сиятельство любезный наш граф Гальяков, по благополучном прибытии из отъезжего поля в здешний город, изволил дать всем здешним обоего пола дворянам знатной ужин и бал и всему бывшему у него тогда собранию изволил объявить: если кто желает поставить его сиятельству новую нынешнего последнего манера совесть на место прежде бывшей у него, а ныне пришедшей в ветхость, то уступает тому он в награждение самой лучшей доброты родовое хвастовство.

ПОДРЯДЫ

Почтенному как насмешеством, так и грубиянством престарелому мужу потребно, вместо отнятого у него гордостью в бытность его прошлого года в К. знания в благородном и пристойном обхождении; желающие поставить сто пять пуд и взять ниже просимой цены могут являться в его доме.

Знатной украинской девице, как своею фамилиею, так и непостоянством, потребно знания в выборе женихов до тысячи аршин, а от нее взять за каждый аршин по пятидесяти аршин непостоянства.

У знатной непостоянством одной сельской госпожи желающие починить ветхое сердце могут явиться к ней в необстоятельном сельце и о цене с нею персонально договариваться.

ПРОДАЖА

У его сиятельства графа Гальякова продается ложь первого номера, самой высокой работы, весьма не дорогою ценою.

У господина Поджогина продаются насмешки и нахальство разных сортов, оптом и в розницу; кто хочет оные товары покупать, тот может явиться у него самого.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 13

XV

ПЕРЕВОД X. БОАЛО ДЕ ПРЕЕВОЙ САТИРЫ

на женщин

«Так, покидая все, Мирон,[92] любовны шутки,
Ты вправду предприял жениться через сутки?
О главном решено: ты хочешь взять гольем,
Твой тесть склоняется расстаться с сундуком.
И стряпчий твой уже составил длинным слогом
Ту запись, чтоб тебе в пленении быть строгом.
Изрядно! и пора желаньям дать устав.
В женитьбе много скук, да много и забав,
И впрям не можно жить на свете веселее,
Как быть любиму той, котора всех милее,
И слышать, как зовет, душа моя, мой свет!
И видеть вкруг себя, подобно маков цвет,
Сограждан молодых, что в домех возрастают,
Отцами оным быть мужья себя считают.
Когда тебе болезнь хоть издали грозит,
Жена уже помочь с усердием бежит,
Где бед и ждать нельзя, тут для тебя робеет
И часто преж тебя с печали помертвеет.
Не радостно ль то все, но лишь не будь таков,
Что сами жребий свой творят себе суров
И мнят, что жены их, когда при них крушатся,
Тогда наедине с другими веселятся.
Но что я вижу? ты и гневаться уж стал,

Тебе понравился, мне скажешь, Ювенал,
И хочешь так, как он, поносными словами
Сказать нам, что еще с златыми временами
Видали часто то с собой носившу стыд,
Претерпевающу премножество обид;
Что как открылись нам железные потоки,
В то ж время родились и все, что есть, пороки,
Обычай же, чтоб брак ненарушим хранить,
Металла третьего не мог времен дожить.[93]
Сей слог в его устах и силен и прекрасен,
Но я вам донесу без помощи сих басен,
Что хоть в Адамли дни[94] и прежде как жил Ной,
Продерзостная страсть во области земной
Невинность бедную свирепо утесняла,
А честность на земли однако ж пребывала.
И в те дни, как Фриней * бывало без числа,
Во целомудрии Пинелопа ** цвела,
Да так же и теперь сыскать еще возможно
Жену, долг верности хранящую неложно.
И подлинно я сам коли не обочтусь,
За трех теперь и здесь, что честны, побожусь,
Четвертая ж твоя так будет жить супруга,
Я чаю; для тебя ж, как истинного друга,
Позволь, чтоб я открыл нужнейший всех совет,
Когда желаешь ты зреть верности предмет.
Откуда б в дом тебе дорога ни лежала,
Смотри, чтоб наперед о том хозяйка знала,
Один в слезах жены обмочен в путь вступил,
Но сей премудр совет исполнить позабыл,
Приехавши нашел. . . Историю ты знаешь». —
Некстати, говоришь, Жоконду[95] вспоминаешь.
Я вижу, что мой брак хотя почти свершен,
Теперь перед тобой нашелся обвинен
И критики во власть несчастливо попался,
И хочешь, чтоб об нем я прямо изъяснялся.
Напред сего, быв млад введен тобою в свет,
Довольно видел я признаков и примет,
Каким рассказам злым нас браки подвергают;
Тут все пословицы, насмешки вымышляют,
Обманутым мужьям смеется весь народ,
И песен, что об них, пропеть не можно в год.

* Фринея, развратная женщина греческая.
** Пинелопа, уликсова супруга, целомудренная женщина.

Я видел, сколько уж о сих супругах бедных
Фонтен [96] и Молиер позорищ дали вредных.
Читал я, что Виглон [97] писал и Сент Геле,[98]
Марот [99] и Ариост,[100], Бокас [101] и Рабеле,[102]
И все сатиры те мне в мысли еще живы,
Что женских хитростей суть вечные архивы,
Но, все то собразя, однако ж признаю,
Что как ни тешит свет в рассказах жизнь свою,
Но тем не меньше брак поныне процветает,
Смеется всяк ему, а после сам желает,
И горшей иногда насмешник впав в сеть ту ж,
Бывает да и сплошь из всех счастливой муж,
И чтоб под игом сим спокойно находиться,
Зависит в выборе одном не ошибиться.
Когда к тому пришло, я больше вам скажу,
Я стар и с внутренним прискорбием гляжу
Голодную родню, которой знак являет,
Что заживо мои пожитки разделяет,
И мне уж видится, что только им мигнуть,
Что дядюшке пришло в последние дохнуть,
То, слезы распустя с притворства для народу,
Утешатся, достав располагать свободу,
А мне приятнее, по правде вам сказать,
Пока еще я жив, самих их сокрушать,
Чтоб их ласкательны надежды истребились
И слезы из их глаз прямые покатились;
Сказать ли больше вам, от слабости иль впрям,
Но мне наскучило в дому по вечерам
Сидеть с холопами, смотреть на их ливреи
И разбирать их все дурацкие затеи.
В постелю я ложусь лишь наступает ночь,
Но от меня бежит со сном спокойство прочь,
Я вижу множество плачевных приключений,
Либо в листах их чту недельных сочинений.
Отстанем от сего мы тщетна хвастовства,
Родимся и живем мы все для общества,
В уединении ж и все один с собою
И счастье наше нам бывает суетою,
И если б праотец, ребра не потеряв,
Один жил, и других с собою не видав,
Не ведаю, что он в житье своем блаженном,
Не стал ли бы молить о веке сокращенном.
Так лучше перестать: нам свет не пременить,
Хоть сколько на стихах без пользы ни плодить.

А скажут лишь, что мы знать свет не залюбили,
Что узл дрожайший, узл всей жизни осудили,
Покинем лучше свет, пускай как есть стоит,
Брак иго; но сие меня не веселит.
Во страсти человек колеблется как вети,[103]
Так должно на него узду скорей надети,
Чем больше волен он, тем больше утеснен,
А чтобы вольну быть, быть должен заключен,
И в том ему творец сам свыше помогает. —
«Толико мудрых слов мой разум не вмещает.
Мирон! ты так сей пункт учено доказал,
Что лучший предикант [104] не лучше б рассказал,
Но нечего шутить, смеяться перестанем
И рассудительно рассматривать здесь станем.
Ты брак свой совершить, конечно, предприял,
Так слушай же, позволь, чтоб я тебе сказал,
Жены, что ты берешь, житье днесь непорочно,
Я слышал, учена она тому нарочно,
Желаниям ее согласен и устав,
Но кто порукой, что не возлюбя забав
И будет у тебя в житье поползновенном
Иметь и долг и честь в храненьи непременном?
Тобою в оперы самим приведена,
Чем будет, думаешь, она заражена?
Прелестные узрев там действий представленьи
И тающих в любви ироев в восхищеньи,
Услыша весел глас, плачевен и уныл,
Твердящ, что без любви свет должен быть постыл,
Что должно ей одной, как всемогущей власти,
Как добродетели, так посвятить и страсти,
Что внедрить надобно в себя сей нежный жар,
Нам сердце, чтоб любить, дано от неба в дар.
А чтоб наукам сим придать прелестной силы,
В том авторы свое искусство истощили,
Так как ты думаешь, какой заразой [105] вдруг
Пленятся чувства все и распаленный дух?
Не поручусь я в том, чтоб возвратясь оттуды
И видевши прощен смертельный грех Гертруды,[106]
Не вздумалось и ей того же испытать,
Как льзя на мужню смерть нетронутой взирать.
Положим, что еще верна и непорочна,
Стремнин сих бегает, зараз их неприточна,
Но в обхождении со светом введена
И покушеньями везде окружена.

Ты веришь, что, ходя опасною стезею,
Не преткнется она о камень где ногою,
Что, отвращая свой от прелестей тех слух,
Что десять щеголей начнут болтать ей вдруг,
Смирение ея во век не возгордится.
Нет, нет! мне как в Клели [107] написано, так мнится,
Что полюбовник к ней, под нежным званьем друг,
Возьмется для одних позволенных услуг,
А там как достижет горячим называться,
Желаньи сметь сказать и в мыслях не скрываться.

Продолжение будет в следующем листе.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 14

Продолжение

X. БОАЛО ДЕ ПРЕЕВОЙ САТИРЫ

на женщин

Не льстись, чтоб Купидон пощаду сделал им.
Романов чтением утешатся одним,
В прелюбодейство впасть единожды довольно,
Один удар другой влечет с собой невольно,
Честь остров крутобрег, и пристаней в нем нет.
Кто вышел однова,[108] в другорядь не войдет,
И год и два тебе любезною быть тщится,
Любезна став тебе, вдруг щеголем пленится
И вслед за ним пойдет по скаредным домам,
У праздников себя велит искать друзьям,
Стыдливость Федрову [109] ребячьей называя,
За Мессалиною * бесстрашно вслед ступая,
За честь себе почтет, что 20 человек,
Для ней лишась богатств, скончали бедно век.
Счастлив еще тот муж столь дерзостной женою,
Когда она ему всегдашней срамотою
Возможет, наконец, то право даровать,

---

* Мессалина, Клавдиева супруга, известная любодейством и распутностию женщина.

Чтоб смел он от себя ее совсем прогнать,
Но что ты сделаешь, когда ей возманится
Наружным лишь одним соблазном веселиться,
Не столько для утех, как чтоб тебя дразнить
И, внутренне добра, кокеткой взлюбит слыть,
Возможешь ли тогда с покоем ты остаться,
Как будет к ней и двор и город весь съезжаться,
И всем, кроме тебя, она виной отрад,
Иному на словах, другим чрез милой взгляд,
К тебе лишь одному горда или скучлива,
С другими весела, приятна и шутлива?
Для них ты ей парчей и штофов[110] накупил,
Для них с пять пуд пошло румянов и белил,
Для них ученою во Франции рукою
Прелестно здание завито над главою,[111]
А чтоб ей и тебя когда-нибудь любить,
Не надобно тебе к ней всякой день ходить.
Ты жди, разумный муж, когда придет раздеться
И станет, как была наряжена, смотреться,
Когда красой ее в замаранны платки
Поклав, пошлет чинить пукеты[112] и цветки,
Тогда уж льзя войти, но берегись опасно,[113]
Не молви, что она расход ведет напрасно,
Но тотчас, взяв мешок, наличными платись,
А не довольну быть и взглядом не кажись,
А инако тотчас надорвется с печали,
Что красоты ея толь худу мзду прияли,
Чтоб уж на нужды ей и денег не давать.
Да где кто мог жену дешевле содержать,
5000 в год рублей кому довольно стало?
На платье на одно, конечно, то и мало;
Что скажешь так, я зрю, ты праведным признал
Роптание ея и, сжалясь, склонен стал
Позволить, чтоб брала своими уж руками
Без счету в сундуке, но целыми мешками.
И впрям на что тебе сердиться о пустом?
Но ежель бес игры к тебе вселится в дом
И заведет у ней картежную обитель,
А ты по всякой день, смотря на крайню гибель,
Увидишь весь свой дом на карту посажен,
Иль много что на две иль на три разделен!
Сколь радостно тебе смотреть, как вечерами
Жена, окружена младыми игроками,
Сама проворствует и карты разложить,

Скорее банк начать, часа не упустить,
Иль коль полиция б толь грубою вдруг стала,
Чтобы нужную сию игру всем заказала.
Тогда с фигурами пятерки придут в честь
У тех, кому еще осталося с чем сесть,
А за другим столом, не говоря ни слова,
Санпрандер[114] два часа заставит мнить инова.
Иль взбесится, не в час подкинувши туза,
Иль бросит, осердясь, и всю игру[115] в глаза.
Иль про себя ворчит, и шепчет, и вздыхает,
Что был король один и тот побит бывает,
Во упражненьи сем заря на небесах
По часту зрит ее все с картами в руках,
Тогда, и спать ложась, оставити их трудно.
Природа, мнится ей, взывает безрассудно,
Что для покою ей часов потребно пять
Напрасно без игры в постели потерять,
Но игроки еще, спаси бог, утешают,
Что вскоре и опять собраться обещают.
Таким-то образом разумная жена
Приятно провождать умеет времена.
Подобным образом случилось мать родная
Для сына, кой служил и жизнь пренебрегая,
Оставила долги, без денег, деревень,
Принудив серебра с свечой искать и в день,
Однако, кажется мне лучше раззориться,
Чем с таковой женой к несчастью съединиться,
Котора для сребра, презревши стыд и честь,
Принудит жизнь тебе прегнусну скряги весть,
Как и недавно здесь известно учинилось,
Что следующее с богатым приключилось.
Его род знатен был от кореня судей,
И сам считался он разумным у людей,
Но токмо лакомство излишне для богатства
Теряло несколько похвальные изрядства,
Однако ж стол его, хотя и без роскош,
Для воздержательных довольно был хорош,
Две лошади его изрядные возили,
Имев довольный корм, добры и жирны были.
За ними из трухи был сыт еще осел,
Да ездить дедушке[116] держался и козел.
Но как вперенные в сребро душевны очи
Жену ему избрать пеклись и дни и ночи,
А честь в сем выборе была обойдена,

То сребролюбием вся мысль упоена
В родне прославленной скупою в целом граде
Искала чучелы в девическом наряде.
Не спрашивая, как дурную ту зовут,
Он рад был только знать, в приданом что дают.
Затем все нравилось и спору не имело,
Хоть вид ее смешон, хотя обрюзгло тело,
Одета во взятых с ней с деньгами мешках,
Красней ему была Венеры во глазах.
Женился он на ней, она хозяйка стала,
Тотчас ему своим примером доказала,
Что он пред нею мот и самой вертопрах,
Он то почувствовал и грех признал в слезах,
И в покаянии желая то поправить,
Ей отдал весь расход, как хочет, так уставит.
Жаркое тот же час слетело со стола,
И булка на столе уж больше не была.
Две лошади, осел на рынке очутились,
Лакеи натощак под сумерки простились,
Бездельники они, их скучно содержать
И, чтоб избавиться, всех должно разогнать
Служанки тамо две с разбитыми щеками
Вниз лестницы летят, толкнутые ногами,
Однако, вышедши из дому на проезд,
Хвалу за то творцу взносили выше звезд.
Один лишь старичок, любимой господином,
Которой дядькой был за ним как юным сыном,
Деньжонками, что он напред сего собрал,
При старости у них в дому себя питал,
Но скучил вдруг и он, причиной стал печали,
Не мешкав и его долой с двора согнали.
Теперь уж вот одни без слуг и без детей
Остались в торжестве и на свободе всей,
А чтобы и еще без попечений жили,
То погреб с кухнею в железы заключили
И, чтоб зимой от дров убытку не иметь,
За нужно их нашли подале запереть.
С того дни то одно была их жизнь и пища,
Что муж драл, как судья, с богатого и нища
И что его жена, скитаясь по дворам,
Обманом иль займом сбирала по утрам.
Чтоб образу сему придать живого жара,
Смотри, когда идет сия драгая пара:
Увидишь тут, что муж в пыли, как чорт, зарос,

И шляпа в лоскутках висит на самой нос.
Кафтан подбит 7 раз, да сверху 3 заплаты,
Пробили догола и голени и пяты,
Камзол и обшлага, карманы и штаны
По праздникам сто раз женою чинены,
Чулки искропаны различными цветами,
И башмаков узнать не можно с чириками.[117]
Ее главы убор не подлее его,
Лишь только с чем сравнить не знаю ничего,
На юбке чуть чуть знать, что тканы были птицы,
На двух полотнищах, на третьем зверски лицы,
И то принесено пойманным купцом,
Который торговал заповедным винцом.[118]
Не молвит ли мне кто, что басню я сплетаю,
Нет, я в свидетельство весь город призываю,
Лишь имя умолчу фамилии я сей,
Довольно ведома она России всей.[119]
Другие закричат, мы сами, видя, знали,
Как сребролюбием с женой муж доказали,
Что посреди богатств беднее можно быть
От тех, что для христа принуждены просить,
Но воры, к ним пришед насытить алчны руки,
Избавили их сей несносной в жизни муки.
Несчастлив, но, однак, достойный был конец
И правильная мзда для подлых толь сердец!
О сказание сие преходит мнится меру,[120]
Но толь достойному хуления примеру
Возможно ль меньше слов в сатире занимать,
Всяк дело знай свое, мы станем продолжать.

Продолжение в следующем листе.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 15

Продолжение

X. БОАЛО ДЕ ПРЕЕВОЙ САТИРЫ

на женщин

Теперь, став казнодей,[121] равно я мышлю с ними,
Что будет что писать так красками живыми.
Троих изобразил нарочито уж, мню,

Скупую, ветрену, бесчестную жену.
Покусимся теперь за бешеную взяться,
Готовую всегда браниться, спорить, драться,
С которой муж клянет себя и жизнь, и брак.
Их дом собрание ругательства, ссор, драк,
Коль мужу даст покой хоть на одну минуту,
Тогда противу слуг поднимет брань прелюту,
И тут как примечать ея бесчинный крик,
То сколько богатит она наш вновь язык,
Коль мне их здесь собрать теперь по алфабету,
Я книгу б сочинил в прибавок Ришелету.[122]
Такая злость тебе я вижу не страшна,
Ты скажешь: хорошо она возращена;
Итак, не может быть она тебе мучитель.
Но пусть бы ей был Кир [123] вспитатель и учитель,
Не верь, чтоб девкой быв приятна и умна,
Не стала замужем несносная жена.
Случилось многажды красавицам прелестным
Подобным в кротости быть ангелом небесным,
А замуж выдет лишь, то как вселился бес:
Жилищем адовым свой сделает дом весь,
Тут гордость своего свирепства открывает
И мужа быть рабом подвластным почитает.
Оставим ей теперь всю кротость обладать,
Но ежель ей к тебе случится ревновать,
То мнишь ли, что тогда в досадном подозрений
Припомнит данные разумны наставлений,
Тогда, Алцип,[92] узришь дела ея, тогда,
Тогда умей терпеть, коли душа тверда.
Как будет всякой день, лжи новые сплетая,
Твой каждый взгляд и смех лукавым называя,
Часы твои, следы, где ходишь, примечать,
Иль чортом нарядясь, где за углом тя ждать,
Искать, хоть бы ты был за 30 замками,
И, где б ни встретился, кровавыми глазами
Не кротку Фурию, что в Изисе [124] являть,
Но Энеидину Алекту [125] представлять,
Имущую в руке свещи горящи яры,
Вспалить везде раздор и ненависть и свары.
Но что я здесь вдался в трагически дела?
Комедию возьмем, та больше весела;
Скажи мне, скучные дела те забывая
И там ревнивую с ворчаньем оставляя,
Не лучше ль для тебя та кроткая жена,

Что о пустом всегда без немощи больна,
Что месяцы лежит на пышной на постеле,
В лекарствах, хоть совсем здорова в полном теле,
По всяк день обморок ее раз пять убьет,
А более как муж к ней в комнату войдет.
Коль спросишь, отчего толь часто боль бывает,
Что обмираючи ко смерти приступает,
Никак лишилася возлюбленныя дщи?
Нет, толь великих вин болезни не ищи,
А дело состоит принудить только мужа,
Чтоб сбить с двора слугу и верна и досужа,
Иль, чтоб остановить хоть надобный отъезд,
Которой отлуча дней на пять из тех мест,
Лишил бы способа с любовником свидаться,
Но как она чрез то изволит забавляться!
О ежели бы так, в заплату [126] шутки сей,
Случилася и впрям болезнь жестока ей!
Однако ж не сердись, уж пред тремя, чай, днями
Советы держаны четырьмя докторами,
Что Эскулаповых премудростью наук
С пустым не понесут домой искусных рук,
Но в убавлении ея излишня тела,
Разумну боль дадут, которой не имела,
И презираючи других худой совет,
По правилам ее на тот отправят свет.
Блаженно царство ей, нас боже их избави,
И помощи одной врачей сих не остави,
Хотя на сей раз их охотно извиню,
Но что я речь сию напрасно так тяну.
Пора достойнейши, коль будет столько мочи,
Предметы пред твои представить ум и очи.
Да вот и кстати здесь ученая пришла,
Котора всю себя Делилям [127] отдала:
Но что у ней теперь нахмурились ресницы?
Смотрела, говорят, Кассиновы [128] таблицы,
И чтоб увериться о правости его,
Глядела за луной не спавши ничего.
Не станем ей мешать, я знаю совершенно,
Что мудрости ея днесь много порученно.
У Ломоносова [129] чрез новой микроскоп
Сегодня перед ней двенадцать будет проб,
А там Бургав [130] ея в собраний ожидает,
Явить младенец как в утробе пребывает,
Не скрытно ничего от знания сея.

А это кто, не вем [131] о имени ея,
А слышал, что она остаток тех тщеславных,
Которых Молиер явил в безумстве главных,
В наследство разум их достойно взявши весь,
Их подражателей теперь содержит здесь.
К ней вратели [132] творцы одной и прибегают
Утешиться, что их с презренья не читают.
От рода им ее наук жилище двор,
В нем всякой час и день вралей велик собор,
Тут мнимой остроты обитель утвердили,
Тут все стихи красны, лишь только б новы были,
Тут в людях вкус худой красавица бранит,
Печальна для чего, Т. Т.[133] с театра сбит,
Смеется, как шальным, кто древность почитает,
И Аристотеля с Милютиным [134] равняет,
Там в удивлении о новых о писцах,
С Виргильем каждого становит на веках.
Находит, что для ней он много здору пишет
И только изредка величеством где дышет,
А в новых тех писцах сатира что ни пой,
Кроме, что нельзя честь, ошибки нет иной.
Итак, к снисканию, дабы их похваляли,
Довольно, чтоб они мнить только написали,
Но сумасбродства те что нужды толковать,
Оставим, скажешь мне, ту глупую болтать.
Я сочиненьями во веки не пленюся
И не на авторе дурном теперь женюся.
Ты знаешь ли, что той, на ком жениться мне,
Премножество князей в Италии в родне,
Родители ж ея. . Теперь я догадался,
Зачем ты в нынешний чин столько добивался,
Тем чином ты хотел породу подкрепить,
Но сметь ли вам мое безумство объявить,
Мне ежели бы так сыскалась за горами
Жена, украшенна большими именами,
И оными гордясь я тотчас бы сказал:
Я всю твою родню и дедушек знавал,
Прославились они в великом том сражений,
Где всю империю толь чудно спас Евгений.[135]
Иные спорят в том, а я хоть соглашусь,
Однак на госпоже своей я не женюсь,
Итак, не можно мне женату быть с тобою.
Прощай, княжна, прощай со всей своей роднею
Испанских преж сего героев славных дщи,

Поди, на их полях супружества ищи,
Мой дом и одр тебе не могут быть пристойны,
Хвалю я, говоришь, твой гнев тебя достойный,
Однако ж, вспамятуй, что род мой знаменит,
Не чином, что мне дан, единым отменит,
Но оной уж давно известен здесь дворянским,
И, не бродяга быв, бароном стал курляндским,[136]
Которых всякой день, лишь бы повеял ветр,
Чорт шлет на кораблях, я, чай, из адских недр,
Но пусть бы мне, как им, в родне были портные,
А с ней считались бы и скипетры самые,
Не станет она тем, взгордяся, попрекать,
Что муж умней бы был в жену торговку взять.
Она воспитана из детства в благоговений,[137]
И так привыкла жить всегда в повиновений,
А чтоб нескладную твою мысль посрамить,
Что будто может брак ее переменить,
То знай, что, в договор вступаючи со мною,
Во первых требуют, не чванясь красотою,
Чтоб я не принуждал ей ездить шестерней
И скороходам двум бежать везде пред ней,
Чтоб в церкве для нее других с мест не толкали
И перед ней ковров больших не подстилали.
Толиких то доброт полна ея душа,
Так будет у тебя, я вижу, святоша,
Усердна у нее к творцу любовь пылает,
Однако ж, знаешь ли, что часто сокрывает
Под благочестием гордыню лишь одну.
Алцип, знавал ли ты набожную родню,
А я и описать ея отчасти знаю
И сим портретом все портреты окончаю.
Я знаю сам таких благочестивых жен,
Которых к богу дух всяк день и час вперен,
Что в добродетелях их жизнь препровождают
Одну, котору бог и люди почитают,
Что снисходительна в величестве, в венце,
Вздыхает, как Эсфирь, о вечном всем конце,
Которую самыя чтут рассудно,[138]
Теперь, я мню, тебе узнать ее не трудно.

Продолжение в следующем листе.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 16

Продолжение

X. БОАЛО ДЕ ПРЕЕВОЙ САТИРЫ

на женщин

Но, напротив того, под именем благих,
Колико кроется строптивых душ и злых,
Что под наружностью толь набожной боязни
Грех тайны сохранить стараются от казни
И, само божество заимствуя на взор,
Свободнее творят бесстудных дел позор.
Однак не жди, чтоб я хотел их здесь представить,
И лучше претерпеть, чем свету то расславить.
Кто хочет, тот читай, что Бюсси [139] написал
И что Брантом [140] с трудом весь век свой собирал,
А мне того нельзя, я скоро застыжуся,
И так, не много ли сказал, уже боюся.
Ни зверь, ни скот в своем безумстве толь жесток,
Как мнима доброта, отдавшаясь в порок.
Но лицемерство их хоть гнусно предо мною,
Однак все сносней жить для мужа с сей женою,
Как с тою, что горда от святости своей,
Где надобно молчать и слушать все у ней,
Котора, говоря о будущем блаженстве,
Надежна, что она уж в целом совершенстве,
На исповедь раз пять тем хвастать побежит,
Коль трудно от нее приходит мужу жить,
И муки, что от ней невольно он страдает,
Умильно взорами на небо воссылает,
Все знает, что писал премудрый Златоуст,[141]
Молитвенник, псалтирь умеет наизусть.
Несчастным в их бедах охотно помогает,
Больницы и тюрьмы прилежно посещает,
Объездит всякой день поутру пять церквей,
Но буде слабости ея представить ей,
Иль хочешь покорить ума достойной власти
К наряду и к игре ея беспутны страсти,
Иль роскошам ея пределы положить,
Того, поверь, тебе во веки не дожить.
Да как и требовать, она в себе рассудит:
Наставник есть у ней, пусть он ее и судит,

Теперь знать надобно, как он сие решил.
Изрядно, вот и он: как кровь в лице играет!
Живая на щеках весна днесь процветает,
А по его речам насилу он прибрел,
Да лихорадку он вчерась еще имел,
Старушка ежели б ему не пособила,
Трясавица[142] бы, мню, его сегодня била,
Однак, благодаря тем набожным душам,
Скорее лечат всех наставника женам,
А ежели ему попритчится[143] хоть мало,
Или б от сладкого яденья тошно стало,
Но тотчас целый полк на фижмах прибежит,
Одна готовит мазть, друга бульон варит,
Сыроп и алексир, крамбамбули, росоли,[144]
Плоды растущие в саду и в чистом поли,
Тельное,[145] пирожки, стерляжая уха,—
Котору жалуют набожные брюха,
Со всех сторон снесут цитроны[146] и оливы,
За тем, что на кусок они все прихотливы.
Днесь зри, как он ея сумнения решит
И путь ей в рай войти удобным учинит.
За слабости ея не глуп он, чтоб сердиться,
Но паче оправдать ее разумно тщится,
Что беспокоиться о деле толь пустом,
Смеется над твоим румяным кто лицом?
Что, скажет, что за смех? и сами то не знают,
Я вижу, лишь тебя нарочно тем пужают.
Того не пременить, что в моду введено,
Женам же больше всех то в долг положено,
Что ж пышность, говорят, видна в твоих уборах,
И каменья блестят в завистниковых взорах,
Не требует ли бог таких в тебе светил,
Конечно, когда чин твой знатным учинил.
А сильно так играть, что бы тебе велело?
Игра была всегда позволенное дело,
Не можно всякой час молиться и читать,
Играючи ж нельзя злословно помышлять,
Итак, и большая игра в хорошем мнений,
Почтена может быть как бы благотворений.
Все освещается толь чистою душой,
А что завистливы тщеславный помысл твой
Бранят, крича, что ты с своими сыновьями
Одна мнишь завладеть знатнейшими чинами,
В том должно благость им хвалить еще твою.

Нам бог не запретил родню любить свою,
Твои ж премудры все дел добрых полны дети,
Так лучше знатными чинами их владети,
Чем бы в добыче быть у подлых тех людей,
Где лошадь иль кафтан в одной цене с душей.
Пускай безбожники толкуют все во злое,
Ты о спасении твоем пребудь в покое.
 Вот так-то он ея сумнения решит,
Уверена, что к ней то ангел говорит,
Она, преклонь главу, свой дух успокояет,
Верьховной власти сей безмолвно присягает
И, заблуждения уставами храня,
Хранит все и грехи, блаженством дух маня,
А сердце таинством по всякой день питая,
Живут в нем гордость, злость и спесь и завись злая,
Наружностью одной льстясь бога обмануть,
Надеясь, что для ней отворен в небо путь.
Достойный плод трудов наставника такова!
Однако ж и еще не молвил бы я слова,
Лишь только б он пустил остаться ей при том
И не повел бы в рай прельстительным умом,
Таких утех в святом жилище наслаждаться,
Которым бесове услыша веселятся.
Однак не сноснее ль изнеженна жена,
Как та, что желчею всегда напоена,
Что до дурачества суровость простирает,
Что благочестием свой злой нрав называет,
И в самолюбии, где бога в сердце нет,
Любовью к богу чтит, чтоб ненавидеть свет.
Сама себе о всем сумнения наводит,
Вменяет все за грех и грех во всем находит;
Будь девушка сто раз и честна и верна,
Но ежели возьмет сумнение она,
Что слуги для нее учтивости являют,
То добродетели ея в том обвиняют,
Тут все разбранены и прочь с двора и с глаз,
Другие приняты на их места тотчас,
А муж, быв в городе за некоторым делом
И видев поутру свой дом в спокойстве целом,
Дивится, возвратясь часу в шестом домой,
Что у ворот слуга сказал ему: постой,
Пока я доложу. Законная причина
Взбеситься, как с двора толкают господина;
Вот это хорошо, мне скажешь ты в ответ,

Так добродетели для вас в женах уж нет,
За описания вам толь обязан много,
И Теофрастово[147] перо сколь всем ни строго,
Однако ж не могло б картин нам лучших дать,
Довольно и пора сатиру окончать.
Итак уж вы ее до суха истощили.
Ах! вы меня, Алцип, со смеху уморили,
Вы чаете, что я предмет сей иссушу?
Нет, буде все писать, я книги напишу,
Я набоженство[148] их представил здесь пустое,
Что ж было б, когда б взял намеренье лихое,
Как атеиство[149] в них восставлено явить,
Что столько же, как честь, и божество забыть,
Когда б я доказал, каким нескладным нравом,
Судьбу иль рок приняв главнейшим всех уставом,
И молнию, и гром считают за ничто,
Ругаясь коль при том, боится бога кто,
Не снисходя искать безбожниц сих до ада,
Не описал еще я той строптивой взгляда,
Которой поутру я столько же был мил,
Сколь часто к вечеру противен и постыл.
Оставил я и ту еще доднесь в покое,
Что всем в глаза лестит, имея сердце злое,
И грубиянок жен я так же не тронул,
Ни о старухе той несносной помянул,
Что уже сорок лет замужем провождая,
Любима хочет быть, как девка молодая,
Молчал я и о той, что с радости подчас
Так сыта на пиру, что мещет огнь из глаз,
И даром, что тогда склонна или податна,
Любовникам своим, однако ж, не приятна,
За тем, что буде их целует натощак,
То вонью нудит рвать, чеснок, лук и табак.
Умолчена еще мотовка записная,
Что, дом для игроков в харчевню превращая,
Такие наглости должна претерпевать,
Каких и блинница не любит принимать.
Не показал еще я злобной Тизифоны,[150]
Что, вместо надобной законной обороны,
Детей своих начнет вдруг в мерзости иметь
И с адской злобою на кровь [свою] смотреть,
Что, на мужа сердясь, на детях вымещает,
А коль он вступится, то дом весь разгоняет
И сделает пустым иль оборотит дном:

Жилище мук и слез тогда сей будет дом.
Про суеверную молчал же я упрямку
И про спесивую, про глупую мещанку,
Про ту, что с кошечкой ведет весь разговор,
Про ту, что говорит всегда, но только вздор.

Продолжение в следующем листе.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 17

Продолжение

X. БОАЛО ДЕ ПРЕЕВОЙ САТИРЫ

на женщин

Есть множество таких, но мой язык тупеет
Теперь то рассказать, что рассказать имеет:
Изрядно, вижу я умеренность твою,
Ах! лучше, скажешь мне, скончай уж речь сию,
Не мнишь ли, чтобы я, твоими льстясь словами,
Не знал, что сими ты сам мнишь сказать стихами,
Ты шутишь только тем, играючи умом,
Смеешься, резвишься и пишешь о пустом,
И то еще я мню от той смешной причины,
Как ты и всех людей назвал глупей скотины,[151]
Но, наконец, пора покинуть нам шутить,
Надлежит окончать и время заключить,
Одно лишь я скажу: взяла мою свободу
Девица умная и знатная та роду,
Пороков, кои ты явил, отнюдь в ней нет,
Но ежели б, чего мой разум не поймет,
Красавица моя со временем взбесилась,
Или из ангела вдруг в чорта претворилась,
Тогда увидишь ты, что я не загрущусь,
Тотчас скажу: ступай, и в миг с ней разведусь,
Скажу, что мне с тобой никак нельзя ужиться,
Скажу, возьми свое, мне скучило браниться.
Обеих нас ты сим от скуки свободишь?
Алцип, не вправду ль ты развод толь легким чтишь?
Ведь согласиться ей на то надлежит прежде,
Так как ты можешь быть зараней в сей надежде,
Иль веришь, чтоб она не знала, коль сладка

Утеха ей, что жизнь от ней тебе горька?
Нет, тотчас стряпчие к ней придут на соборы
И исков на тебя напишут целы горы,
За тем, что, милостью обычаев худых,
В исках пределов нет в случаях таковых,
Где стряпчим был бы корм, а дело всем им равно.
Я вижу, что тебе сие, Алцип, не нравно.
Посредники вас, мню, ты скажешь, помирят,
Посредники... ты мнишь, что уймут хлопотать!
Печаль зря у тебя на сердце и наружно,
Не иск ей надобен, твое мученье нужно,
Милей ей по суду земли осьмину взять,
Как целое село бесспорно в род достать,
Для ней указов нет, чтоб толков не имели,
И нет так старых тяжб, чтоб не помолодели,
В искусстве ябеды ей нет отнюдь концов,
Пред нею.... глуп и слаб....
Нет, брось все и ищи, чтобы тебя простила,
А инако боюсь, чтобы не разорила
Иль не наделала таких тебе хлопот,
Что будешь проклинать себя и свой живот,
Тогда в бедах раз пять похочешь удавиться,
А к горшей принужден с ней паки съединиться.

Конец

XVI

На сих днях получил я письмо со следующею надписью: à l'Auteur de journal, intitulé, le Peintre, ou jivopicétz.[152]

Господин Живописец!

Имею честь вам сообщить два сюжета, над которыми ваша живописная кисть может с похвалою показать свое искусство, прежними ея творениями довольно известное любящим действительную живопись нашим соотечественникам.*

Второй сюжет... Зять, честный гражданин, тестя своего, богатого купца, звал на именины; Живодралов не хочет зятнего пира прогулять, да полно, та беда, что к имениннику ехать не на чем; извозчику дать гривну, легче удавиться, именины прогулять, так лишный кусок дома съесть; что же сделал Живодралов? Послал записку ко своим должникам: в тот же час госпо-

* прим. Первой сюжет мне рассудилось оставить, а для чего это сделал, г. сочинитель сего письма сам может догадаться.

дин Картоелов прислал к нему кучера, купец Деньговзялов пару лошадей, а игумен Голяковский двух запятников; карета своя случилась дома, старая колымага, взятая Живодраловым у Малоденьгина вместо процентов, которых сей профессор не в состоянии был ему заплатить по шестидесять с рубля. Лошади на дворе, и люди дожидают у крыльца: вдруг дверь растворилась, Розалия, дочь Живодралова, несет лахань с водою, мать ее Фуриоза является с мочалкою, и сам Живодралов выступает за ними с мокрою тряпицею, без чулков, в тупоносых туфлях и в крашенинном синем халате,[153] который через 8 лет весь протерся спереди от его брюха: в таком порядке сия высокостепеннейшая семья приступила к сараю и вытащила из-под него старую свою колымагу на двор, где Живодралова жена мочалкою очистила колесы, а сам Живодралов тряпицею вытер карету и, вместо лака, вымазал ее свечным огарком. Потом благополучно съездил Живодралов к имениннику с чужим кучером, с чужими людьми и на чужих лошадях, наелся, напился, напировался, а дома-та кусок хлеба на завтрее остался, а гривна-та в кармане пролежала, а про домашних сказывают, что они в тот день без него забавлялись хлебцом да кваском. Однако при всем том у купца Живодралова до ста тысяч рублевиков в процентах ходит, а сын его, детина в науках просвещенный и в поступках своих достойный похвалы и любви всех честных людей, по чужим странам скитаясь, едва ежедневную пищу имеет.

Не прогневайтесь, господин Живописец, на сию мою толь грубую подмалевку, мое дело против вас учениково, я подмалевал, а ваш долг выправить.

Вам, господину Живописцу, остаюсь
готовым навсегда слугою,
Богодар Вражкани, Брынской
Правдописец.[154]

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 18

XVII

Г. Живописец!

Как мне известно, что в ваших, хвалы достойных, листах не упускаете никогда являть свету все, что оного заслуживает презрение, дабы чрез то возбудить в сердцах сограждан ваших долж-

ное отвращение к худым делам, то вы, я думаю, не пропустите случая дать знать всем мыслящим россиянам (ибо вы для них только, я думаю, пишете) о наипохвальнейшем и наиполезнейшем учреждении, о каком токмо частным людям помышлять дозволяется. Я хочу здесь говорить о недавно учрежденном Обществе старающемся о напечатании книг.[155] Статуты оного общества вам, как человеку всегда в свете обращающемуся, может быть, известны, но я, читая оные, столь много восхитился, усмотря их доброе намерение и долженствующую из оного учреждения истекати пользу для всего российского народа, что не мог удержаться, чтобы не восхотеть об оных дать знать всему свету. Между тем, как я постараюсь вам сообщить все статьи оного учреждения, намерен теперь вам поговорить о пользе оного, в рассуждении народного просвещения и о пользе его как Общества до торговли касающегося.

Правило неоспоримое государственного домостроительства[156] есть сие: стараться о процветании торговли. Сие разумеется о пространных государствах, ибо сколь торговля в таком государстве полезна, столь и более она вредна в правлении, на один или малое число городов ограниченном, что более опричь торга приводит деньги, сии измеряющие знаки народное иждивение, в обращение, и потому, что более доставляет гражданам пропитание! Не говоря о том, что чрез оный богатые люди лишаются излишних своих денег, которые бы мертвы, так сказать, были в их сундуках, если б роскошь, соплетая им новые потребности, не побуждала их покупать работы художников, равно пышность, тщеславие и чувства услаждающих, коликое число питается посредством торгу людей, дневную работу исправляющих, доставляя художникам материалы, над коими хитрая их рука исчерпывает вымыслы искусства. Что были бы без торговли фабрики, манифактуры и проч.? А общественный торг тем выгоднее для государства, что, будучи в состоянии большие предпринимать намерения, он большему числу людей доставляет прокормление. Но учреждение Общества старающегося о напечатании книг, хотя и кажется, что не подходит под сие правило, но тем полезно, что подает пример, каким образом надлежит установлять торговые общества, как производить оного дела без замешательства, как предварять неудобствам, к разрушению оные влекущим. Я не устыжусь сказать, что сие Общество посрамляет большую часть нашего купечества, не ведающего начальных правил торговли. Да научится оно оным из сего учреждения! Дай бог, чтобы, просвещая всех разумы, пример сего Общества просветил разумы наших торгующих и явил им истинные их прибытки. Сами они были бы богатее, а государство могущественнее и счастливее.

Что касается до пользы сего Общества в рассуждении просвещения разумов, то кто оную, так сказать, не ощущает? Печатание книг, соближая веки и земли, доставляя всем сведение о изобретенном и о происшедшем, есть наивеличайшее изо всех изобретений, разуму человеческому подлежащих. Что может более, коли не печатание книг, расплодить единую истину, в забвении бы быть без оного определенную, и родить, так сказать, столько же прямо мыслящих голов, как сам изобретатель той истины, сколько есть читателей? Печатание соблюдает наилучшим образом все истины, доставляет наибольшему количеству народа об оных сведение, чрез то очищает общество от заблуждений и предрассудков всегда вредных, ибо я не того мнения, чтобы оные некогда полезны быть могли, польза их бывает мгновенна, но вред, от оных происходящий, отрыгается, если могу так сказать, чрез целые веки.

Вот что я вам имел сообщить о наиполезнейшем нашего века учреждении частных людей. Пожалуй, внесите сие письмо в ваши листы, ибо сведение о таковом Обществе побудит, может быть, иных к учреждению какого другого, гораздо полезнее наших клупов,[157] ассамблей и тому подобных сходбищ. А вы, ревнители истины, продолжайте путь ваш. Вам Россия долженствовать будет

Ваш покорный слуга
Любомудров
из Ярославля.

1773 года,
февраля 28 дня.

Г. Любомудров! я помещаю ваше письмо в листах моих со удовольствием, ведая, что оно не мало послужит к ободрению учредителей Общества старающегося о напечатании книг в их предприятии. И хотя план учреждения сего мне неизвестен, однако ж я согласно с вами мышлю, что намерение сие весьма полезно для единоземцев наших. Торговля книгами, по существу своему, весьма достойна того, чтобы о ней лучшее имели понятие и большее бы прилагалось старание о распространении оныя в нашем отечестве, нежели как было доныне. Но по моему мнению, государь мой, не довольно сего, чтобы только печатать книги, как то понимаю я из наименования сего Общества, а надобно иметь попечение о продаже напечатанных книг. Петербург и Москва имеют способы покупать книги, заводить книгохранительницы и употреблять их во свою пользу, лишь только была бы у покупающих охота. Но позвольте сказать, пе-

тербургские и московские жители много имеют увеселений, есть у них различные зрелища, забавы и собрания, следовательно весьма не у великого числа людей остается время для чтения книг, а сверьх того и просвещение наше, или, так сказать, слепое пристрастие ко французским книгам не позволяет покупать российских. В российской типографии напечатанное редко молодыми нашими господчиками приемлется за посредственное, а за хорошее почти никогда. Напротив того, живущие в отдаленных провинциях дворяне и купцы лишены способов покупать книги и употреблять их в свою пользу. Напечатанная в Петербурге книга чрез трои или четверо руки дойдет, например, в малую Россию, всякой накладывает неумеренной барыш, для того, что производит сию торговлю весьма малым числом денег; итак, продающаяся в Петербурге книга по рублю, приходит туда почти всегда в три рубли, а иногда и больше. Чрез сие охотники покупать книги уменьшаются, книг расходится меньше, а печатающие оные, вместо награждения за свои труды, часто терпят убыток. Вот, государь мой, цель, куда должно стремиться намерение сего Общества, и если Общество сие будет в состоянии привести торговлю книжную в цветущее состояние, то по справедливости заслужит похвалу. Сего еще не довольно, я бы поговорил с вами о сем веществе поболее, но н е у п р и и д е ч а с.[158]

Всепресветлейшая императрица, наша всемилостивейшая матерь и государыня, все употребила, что только можно сделать государю для просвещения своих подданных, для очищения разумов и сердец их и для искоренения из оных всяких гнусных пороков и предубеждений; осталось нам самим, верным подданным ея, споспешествовать ея намерению и исполнять ея волю для собственного же нашего блаженства. И какую иную можем мы сей великой государыне за бесчисленные ея к нам благодеяния, принести жертву, достойную ея, как только действительное исполнение ея воли? Ея императорское величество учредила с о б р а н и е, с т а р а ю щ е е с я о п е р е в о д е и н о с т р а н н ы х к н и г н а р о с с и й с к о й я з ы к, и определила ежегодно по пяти тысяч рублей для заплаты переводчикам за труды их. Сим одним действием много сделалось пользы: упражняющиеся в переводах приобрели чрез сие честное и довольное приумножение своих доходов, а тем самим поощрены они ко прилеплению к наукам гораздо более, нежели как бы определенным жалованием: где должность, тут принуждение, а науки любят свободу и там более распространяются, где свободнее мыслят. Сколько же проистекло пользы от переведенных книг под смотрением сего собрания? Беспристрастный и любящий свое отечество читатель, тебе сие известно. Но сколь большей пользы ожидать надлежит

от сих книг тогда, когда посредством торговли доставляться будут они в отдаленных наших провинциях живущим дворянам и мещанам? Но о распространении сей торговли не государю, но частным людям помышлять должно.

Вот, государь мой, чистосердечное мое мнение о сей материи, о которой вы в письме своем писали!

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 19

XVIII

РЕЧЬ К ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

говоренная преосвященным Георгием,[159] *епископом Могилевским, Мстиславским и Оршанским, марта 10 дня 1773 года в Санктпетербурге в придворной церкве*

Не отринули, ваше императорское величество, когда я от епархии моей приносил слезы и жалобы, дозвольте и ныне, всемилостивейшая государыня императрица, от тех же единоверных принесть торжество духа и благодарение.

Находясь я ныне между сим народом, нахожусь, кажется, между Израилем, от Египта исходящим, между пленом Сионским, от Вавилона возвращающимся, между христианами времен Константиновых. Ибо и сей народ ныне, то, собираясь в радостные собрания, друг другу гласит: Поем господеви славно бо прославися, то хвалящеся соседам псалом оный говорит: Возвеличил есть господь сотворити с нами, быхом веселящеся, сеявшии слезами, радостию жнем, то наконец, воздевая руки к небу, восклицает новозаветную песнь: Благословен господь бог израилев, яко посети и сотвори избавление людем своим, посети нас восток с высоты.

Не я влагаю во уста сим людям таковые песни, вложила, паче же родила и в устах и в сердцах их самая причина торжества, самое избавление, вашим императорским величеством сделанное, ни в чем примерам оным древним не уступающее. Кто по истории российской и польской не знает, что и сей народ в тесноте и озлоблении 177 лет пребывал; ныне он от сей тесноты тобою,

богом умудренная государыня, аки новым Моисеем, изведен, и уже море оное червленное, кровию исповедников закрашенное, жезлом силы твоея, скипетром царствия твоего впол пресеченное, назаде осталось.

Кто оспорит, что и мы, аки плен Сион, во узах сидели? ибо бо не суть узы, коими душа, свобода ея, самое существо ея вязались, коими возбранено не просто ходить, но ходить путем спасения? Ныне сии узы, твоим, нарочно от бога на сие дело, яко новый Кир, воздвиженная императрица, повелением, решились, и уже пленники толпами, яко потоки югом к Сиону, матере своей церькве веселыми ногами текут. Кто, наконец, не поверит, что и у нас доселе были времена знойные и самый полуденный вар? Ныне настали времена прохладные, вторая Екатерина живо нам изобразила в себе равноапостола Константина. Укротились свирепевшии, примирились и побратались с гонимыми гонившии. Пасется ныне у нас, как пророк предсказал, вместе волк со агнцем, и рысь почивает с козлищем, львы приобыкшии добычею питаться, законодательницею российскою будто в другое естество превращены, вместо хищения, ядят плевы трудов своих, как и вол, и аспиды человеколюбнейшею монархинею, не знаю, как обаяны, так жало и яд свой потеряли, что и малое отроча небоязненно возлагает руку свою на пещеру их.

О измены десницы вышнего! чудное сие позорище, кто и со стороны видит, удивляется, а мы и в восторг приходим, недоумеваясь, сон ли се сладкий нам, или истинная вещь, веками желанная, но никогда не чаянная. Отсюду же пусть, кто может, рассудит и представит, какие жертвы благодарения народ сей, будто из мертвых воскресший, спасительнице своей приносит. Я одно сказати могу: доколе Моисей во устах и благодеяние Кирово в памяти иудеом, а Константин во святом почитании христианам будет, дотоле имя вторыя Екатерины во устах и образ ея, божественными красками, благочестием, премудростию, человеколюбием написанный, в сердцах свобожденному народу пребудет олтарями благоговения, всесожжениями усердия и кадилами благодарения обожаем.

Впрочем, недостойный пастырь с своею паствою, церковь сия, отложившая вретище и препоясавшаяся веселием, припадая к стопам государыни и спасительницы своея, желает вашему императорскому величеству лет моисеевых, тишины царствия константинова после побед преславных, наконец венца в небеси равноапостола. Но и на земли во вселюбезнейшем сыне вашем, не точию престола, но и добродетелей ваших преславных наследнике, да царствуеши вечно.

СТИХИ ЕГО СИЯТЕЛЬСТВУ ГРАФУ ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ РУМЯНЦОВУ[160]

на воздвижение в честь побед его обелиска пред императорским домом в Сарском селе

Румянцов! я твоих дела оружий пел,
И звук побед твоих повсюду возгремел,
И реки, и поля, и горы, и дубравы
Гласят величие твоей иройской славы:
Ты в Виссаравии[161] насеял лавров лес
И более явил ты в два года чудес,
Чем, десять лет стояв для осажденья Трои,
С богами гречески соделали ирои.
Ты равен тем вождям, чрез коих славен Рим.
Воздвигнут обелиск твоих побед мы зрим
Пред домом россиия великия Паллады,
Котора чтит тебя достойным сей награды
И, чтя достойным зреть заслуг твоих предмет,
Желает, чтоб на них взирал и поздый свет.
Доколь Кагульские и Ларгские[162] потоки
С Дунаем будут лить струи во Понт широкий,
Доколь в россиянах пребудет храбрый дух,
Дотоль иройств твоих не прекратится слух.

Сии стихи сообщены в письме к его сиятельству при следующем трестишии:

НА НОВЫЙ 1773 ГОД

И в новый год воспеть тебя готова лира:
Война ли будет вновь, иль придет время мира,
Способным ко всему тебя Россия зрит,
Находит хвал предмет в тебе всегда пиит.
Во брани ты велик и в мире будешь славен,
Намереньям твоим успех пребудет равен.

В. Р.[163]

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 20

XIX

Письмо в ответ к господину генералу-майору и кавалеру Евдокиму Алексеевичу Щербинину,[164] находящемуся со властию губернатора в Слободской губернии,[165] о заведении типографии гражданской при Харьковских училищах

Намерение вашего превосходительства о учреждении типографии при училищах Харьковских есть особливый опыт вашей прозорливости и проницания, есть дело такой особы, которая, свое внимание и попечение обращая к распространению наук и к просвещению народа, в отдаленных российских пределах обитающего, доказывает чрез то свой усердный к отечеству дух. Неопровергаемо то, что народное просвещение по всеобщему удостоверению приобретается посредством заведения потребных к тому училищ. Однако всегда оно как из источника почерпается из книг, помощию типографии в свет издаваемых. Итак, из всех учреждений, служащих к просвещению народа и к очищению вкуса ко всем знаниям, печатание книг нужных есть наиполезнейшее. Дозвольте мне коротко изъяснить мои мысли о пользе, от типографии происходящей, следующими одного из славных ученых писателей европейских словами; он говорит, что типография, собственно, есть как бы некоторая манифактура в государстве, которая оному приносит честь и прибыль. Я, сие воображая, не могу не согласиться, чтоб не споспешествовать толь благонамеряемому вашему делу. Способ только начатия оного и некоторые другие, соединенные с оным обстоятельства, могущие встретиться при самом уже действии, заставляют меня прилежно помышлять, как бы мне к оному делу приступить. Я за особливое счастие и честь почитаю о материи толь важной и для здешних мест особливо полезной обще с вами представление учинить. Так не соизволите ль приказать от себя в особливых побудительных, единственно на всеобщей пользе основывающихся выражениях изготовить оное и при письменном виде мне сообщить для донесения и от меня, кому должно с изъяснением мыслей моих, с предприятиями нашими сходственных. Я обязываюсь довольно внушить и изъяснить пользу и нужду заведения при здешних училищах типографии. Не сумнюсь, что вы сие мое мнение одобрить изволите. Однако еще без сведения вашего оставить не могу. Общее спокойствие государства и безопасность каждого гражданина в особливости требует, чтоб не дозволено было изда-

вать книги, опровержениями божьего закона наполненные, самодержавию и отечеству противные, також сочинения язвительные и соблазнительные, могущие повредить сердце и душу молодых людей, или привести невинность на злодеяние. Таковых сочинений творцы не достойны носить сие имя, а должны почитаться вредительными гадинами в обществе. В рассуждении сего по заведении типографии перьвой пункт будет предметом духовного правительства, второй преимущественно имеет зависеть от власти вашей, а над последним надзирание отдать директорам училищ. Но все то легко отвратить можно, если при учреждении типографии предписано будет, какие сочинения делать и в печать принимать, какие книги переводить, кому и как оные свидетельствовать. По моему мнению все сии обстоятельства в плане о типографии неминуемо надобно изъяснить. Я уповаю, что верьховные наши правительства не оставят вникнуть во все подробности сего дела. Сим образом изъяснив вам мои мысли, а более придав зрелому и довольному опытами изведанному вашему рассуждению, с истинным моим почтением и усердием есмь и проч.

XX

Надгробная надпись иеромонаху Симеону Полоцкому,[166] именовавшемуся в жизни Петровским, сочиненная иеромонахом и Заиконоспасского монастыря строителем Силвестром Медведевым [167] и на камне над гробом его в Заиконоспасском монастыре вырезанная

Зряй, человече! сей гроб, сердцем умилися!
О смерти учителя славна прослезися,
Учитель бо зде только он единый таков,
Богослов правой церкви, блюститель догматов,
Муж благоверный церкве и царству был нуждный,
В разуме и словесех зело неоскудный,
К проповеданию слов народу полезный,
Симеон Петровский, верным всем любезный,
За смиренномудрие был преудивляем
И за ревность к закону от всех почитаем,
Им же польза верная люди наслаждала,
Незлобие же тихость, кротость удивляла.
В нем же вера, надежда, любы [168] пребываше,
Молитва, милостыня, пост ся водворяше,
Мудрость со правдою им бысть зело храненна,
Мерность же и мужество опасно блюденна.
Многими дары богом бе преодаренный,

Непамятозлобием весьма украшенный.
Иеромонах честный, чистоты любитель,
Воздержания в слове и в деле хранитель.
Ни о чесом же ином оный промышляше,
Но еже церковь нашу мать увеселяше,
Не хоте ино, божий раб, что глаголати,
Токмо, что пользу может ближним созидати.
Ничесого же ина творити любяше,
Точию, еже богу непротивно бяше,
Иже труды и книги многи написал есть
И под рассуждение пастырям давал честь;
С церковию бо хоте он согласен быти
И мудрости противной церкве не творити,
Ибо тоя поборник и сын верный бяше,
Учением правым то миру показаше.
В защищение церкви книги он создал есть,
С пользою его венец[169] и обед[170] всяк может честь,
Вечерю,[171] псалтырь в стихах,[172] святцы рифмословны,
Вертоград многоцветный, беседы толковны.
Вся оны книги мудрый муж сей сотворивы,
В научение роду российскому явивый,
Обаче и сего смерть от нас похитила,
Церковь и царство пользы велия лишила.
Его же пользы ныне людие лишенны,
Зрите в гробе сем его кости положенны!
Душу ж он свою вручил богу всемогущу,
Иже благоволил ю дати везде сущу.
Да приимет ю творец, как свое созданье,
И исполнит оного вечных благ желанье,
Телом со избранными даст ему восстати,
С ними же в десней стране в веселии стати
И внити во вечную небесную радость,
Дабы присно там вкушать божественну сладость.

XXI

ПЕРЕВОД

с письма его величества короля прусского[173]

Его величество прусской король по возвращении своем из Мариенвердена[174] почтил командующего в Польше российского императорского генерала-поручика Бибикова[175] ответным на французском языке письмом следующего содержания:

Господин генерал Бибиков!

Когда вам прискорбно, что вы по приглашению моему в Мариенверден приехать не могли, то, конечно, и мне не меньше сожалительно, что миновал у меня случай ознакомиться с воином ваших достоинств. Я всемерно должен весьма согласиться на причину, которая побудила вас лишить меня сего удовольствия, и отнюдь не умалю моего к вам почитания, которое чрез то столь усугубилось и утвердилось, что я ни одного случая не упущу удостоверительные о том подать вам опыты. Такой генерал, как вы, умеющий жертвовать все своей должности, предостоин навсегда в моих глазах почтения, и сие есть наилучшим ручательством о почитании моем к вам и впредь, так как и об искренности, с которою молю бога, чтоб он вас, г. генерала Бибикова, во святый и достойный покров свой принял.

Фридрих.

В Постдаме,
14/3 июня, 1772 года.

Надобно знать прямую причину, почему король письмо сие писал к нему, Бибикову, а именно: его величество посланнику своему в Варшаве господину Беноа повелел пригласить генерала Бибикова в Мариенверден к осмотру войска, но его превосходительство принужден был лишенным себя видеть сея чести и удовольствия, потому что в самое то время надлежало ему исполнить некоторые указы императрицы, своей государыни, почему его превосходительство писал о сем к его величеству королю прусскому со извинением. В бытность прусского принца Генриха [176] в Петербурге сей господин генерал Бибиков был его королевскому высочеству самый любезный и всегдашний собеседник.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 21

XXII

Государь мой!

Лишь только уверился я, что примечания мои вам нравятся, то не рассуждая о том, как покажутся они читателям, тотчас принял намерение всячески стараться исполнить ваше желание. Но между тем, как стал я к вечеру прилежно рассуждать, по какой тропинке босым моим ногам, слабым зрением направляемым, способнее будет достигать сего предмета, отовсюду частым шипов-

ником заросшего, то пришел я от того сперва в задумчивость, а напоследок почувствовал в себе от тяжелых дум такое расслабление душевных и телесных сил, что, сидя на стуле, крепко уснул. Продолжавшаяся тогда в покое моем тишина весьма много способствовала к тому, что в уме моем начертался очень явственно следующий сон.

Показалось мне, будто я стою в пространной долине, окруженной каменистыми горами, которые как будто связывала простирающаяся над ними радуга: на ней златыми числами означено было 47 гр. $57^1/_2$ мин. долготы, а 59 гр. $56^1/_4$ минут широты.[177] Заходящее солнце казалось тогда стоящим над хребтами оных гор и слабо согревающим склоняющийся ко сну день. Слышимые издали весьма приятные пения, благорастворенный воздух, красота устилающих долину цветов, все сие привело меня и сонного в восхищение. В превеликом от меня расстоянии виден был великолепный и самым чистым сиянием окруженный престол, от которого происходящий глас отзывался в ушах моих так: «Внемлите, о пресмыкающиеся черви, вы, жизнь которых прерывается, как паутина, вы, вместилище души которых есть вихрем носимый прах, вы, которые быстро смотрите на землю, а не можете проникнуть песка, ее покрывающего, вы, которые возводите очи свои на небо, но густое облако приходит пред самый ваш предмет и скрывает его, внемлите, вещаю вам, и не ищите напрасно долговременных веселий и удовольствий в таком свете, где все переменам подвержено ниже благоденствия, которое в одно мгновение ока может исторгнуться из рук ваших и удалиться от вас с такою скоростию, с какою бурный ветр заносит начертанные перстом младенца на песчаном морском береге буквы. Око, трепещущее смертныя ночи, не может видеть того, что предвечным определено. Итак, ждите, суетою дышащие животные, пока переселитесь в поля вечного благополучия, в здания, бурными ветрами никогда не колеблемые, в жилища, всегдашнего удивления достойные, но помните притом, что долг ваш есть тот, чтоб богу повиноваться и заповеди его исполнять».

Выслушав со вниманием не очень приятные человеческому слуху слова сии, хотел я приблизиться ко престолу, но как скоро подумал я только о сем, то оный тотчас скрылся от глаз моих. Тогда предстал во первых зрению моему храм Славы, стоящий посреди великолепного сада, в котором много было лавровых, пальмовых и других иностранных дерев, все с разными надписями, но я разобрал только две следующего содержания: з а п р е в о с х о д н ы е к а ч е с т в а п а ч е в с е х в о з в ы ш е н ы. Они начертаны были на сродных климату нашему деревах. В нарочитом отсюда отдалении росли яблони, между листвием кото-

рых видно было плодов много, но зрелых мало. Еще подалее видел я много всяких садовых и диких дерев, но мне не можно было вблизи их рассмотреть, потому что старинная к ним тропинка вся усыпана была волчцами.[178]

Вышед из сего сада увидел я реку, по самой середине долину рассекающую и имеющую весьма чистую воду. По берегу сей реки шаталось великое множество каких-то рогатых животных, которые как будто с любопытством рассматривали в прозрачной воде собственные свои подобия и оными любовались.

Неподалеку от того места, где река сия впадает в море, усмотрел я два не очень великие, однако изрядные садика,[179] которые и переманили меня на другой берег. Подходя к ним, увидел я, что из одного везут целую телегу бесполезных трав, на место которых пронесли туда несколько мешечков хороших семян. Я спросил у идущего за помянутою телегою человека, отчего завелись в сем саду негодные травы? а он сказал мне на то в ответ: где нет худых растений, там не растут и хорошие. При входе в другой садик лежало много гибких ветвий разного рода дерев. Вошед в оной, увидел я, что муж лет семидесяти,[180] на лице которого человеколюбие, беспристрастие и прямая к пользе отечества ревность ясными изображены были чертами, выбирает самые лучшие веточки, а окружающие его малолетние дети плетут из оных разной величины веночки. Любопытен будучи знать, на какой конец плетут они так много венков, стал я просить у оного почтенного мужа решение на мое недоумение. Глядя умильным на меня оком, сказал он: «Все сии венки относим мы к стоящему на другом берегу храму Славы и кладем их к подножию оного, а чем лучше сплетены веночки, тем счастливее бывают на возрасте своем сии дети». Я приметил, что все состоящие под ведомством сего мужа дети весьма благонравны и пришед от того в восхищение сказал: благополучна та страна, где юношество к пользе государя, ко благосостоянию общества, ко преодолению господствующих в народе предрассуждений и к собственному своему благополучию хорошо воспитывается.

По удалении моем из оных садиков увидел я вдали огромные храмы,[181] но лишь только стал я приближаться к одному из них, то встретили чрезвычайно ласково как меня, так и других для богомолия идущих людей мудрецы, которые то французскими, то русскими выражениями по фисике доказывали, что солнце, луна, звезды, земля и все вообще строение мира могло получить свое бытие и без посредства божия. Многие из тех, которые твердо знали французской язык, принимали доказательства их за справедливые и, не входя во храм, возвращались домой с сердцами гордыми, памятозлобными и равномерно как на друзей, так и

недругов своих неугасимою ненавистию пылающими. Другие, напротив того, не слушали мечтательных и богопротивных их доказательств, но проходили, оглядываясь на них с презрением, во внутренность храма. С сими последними вошел и я и, имея покорное сердце к существу непостижимому для разума человеческого, безднами заблуждения окруженного, со слезами просил его, дабы обратил на путь истинный заблудших моих сограждан. Отсюда пошел я вослед за незнакомым стариком, который, идучи, тихо ворчал про себя следующее: «Неужели и во всех государствах такие произростают от наук плоды? — Никак! — Науки приносят обществу великие пользы и связывают его самыми крепкими узами здравого рассудка, они учат жить добродетельно и богу достодолжное воздавать почтение, а что люди, не исследовав еще совершенно и того, что всегда у них в глазах, желают знать и сокрытое черною завесою от слабого их зрения, тому причиною собственное их безумие. — Так, подлинно так, продолжал он, и этой заразы ни чем другим предупредить не можно, как только частым напоминанием молодым людям того, что кто бога забывает, тот верно навлекает на себя праведный его гнев».

Отстав от сего старика, вышел я на большую улицу, по которой едущие издали кареты блеском своим меня остановили. Но между тем, как кареты сии ближе подъезжали, подошел ко мне какой-то старичек и, приметя, с каким удивлением смотрю я на оные кареты, стал мне на ухо говорить: «Не думаешь ли, что разъезжающие в сих каретах щеголи все вообще богаты? Нет! этого никогда не бывало. Многие из них берут у меня деньги в долг, но очень худо платятся. Вот как знатно ведет себя иностранное купечество! Да полно и у нас то же самое будет. — Мы, старики, денежки копим, а детушки их промотают да и спасиба не скажут».

Так рассуждал сей старик, как я от прекрепкого сна стал пробуждаться, а потом сев за стол, написал к вам сие письмо, которого содержание отдаю на ваше рассуждение. Простые у нас в России люди много верят снам и предузнают по них будущее свое благополучие или несчастие. Но как они часто в том и ошибаются, то я, не требуя от простолюдимов истолкования, прошу вас покорно справиться, нет ли в каких-нибудь толкующих сны по зодиям [182] книгах изъяснения хотя на главные предметы сего моего привидения. Или не произошло ли оно от исправно и сильно действующих в душе моей понятий о добрых и худых делах, которые в знатных гражданских обществах всегда происходят? В ожидании от вас сего благоприятства остаюсь

Отечеству своему всякого блага желающий Р..... [183]

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 22

XXIII

Недавно получил я письмо от неизвестной особы с приложением письма к любителям добродетели, которое во удовольствие их здесь сообщается.

Государь мой!

На сих днях, когда я был в отлучке, принес в мой дом некакий старик надписанный на мое имя конверт, который по приезде моем распечатав, нашел письмо к любителям добродетели и при оном записку следующего содержания: Добродетельный старик! прийми труд на себя сообщить сие открытое письмо всем тем, кто любит добродетель, и испроси у них на оное ответа, который я могу чрез сего же самого старика получить. Я дух: жилище мое тебе быть известно не может. Прощай. Прочитав оную, в немалом я был изумлении и, не находя средства, каким бы образом дать об оном знать всем любителям добродетели, рассудил просить вас, чтобы вы оное сообщили в своих листочках, которые, я надеюсь, все любители добродетели читают. Я же чрез сие ваше одолжение удовольствую желание духа и останусь навсегда с покоем и с любовию моею к вам

Добромыслов.

XXIV

Любители добродетели

Удалясь я от света, удалился от оного сует и наслаждаюсь здесь вечным блаженством. Зависть, стремящаяся похитить спокойство ближнего, вражда, соплетающая сети для пагубы невинности, неправда, гонящая истину и грозящая низвергнуть ее навеки в места забвения, и другие сим подобные, на кои со ужасом добродетель взирает и с часа на час ожидает себе из них нового гонителя, совсем из сих мест изгнаны. Не видно здесь тех прихотей одного человека, для удовольствования коих тысяча в поте лица трудится и смерть жизни своей предпочитает, нет также и праздности, развращающей людские сердца и рождающей к гибели рода человеческого наглую отважность. Сатурн уже начинал за мою жизнь третий раз свое течение[184] около небесного светила, ниссылающего свои благотворные на землю лучи, а я во

все то время, наскуча жизнию, лишь примечал непостоянство времени и людей. Видел я, как пороки, вселившись в сердца человеков, гонили добродетель, видел я, как оная, воцарившись, господствовала и по некотором времени, за два года пред отшествием моим с пространного круга земли, опять была изгнана. Долгое время странствовала она по городам и, не нашед ни в одном себе пристанища, прибегнула к сельским жителям, однако и там, возненавидев ее, изгнали. Если вы все таковые устремившиеся во времена мои на добродетель гонения и к тому зараженные ядом пороков человеческие сердца и мою добродетельную жизнь приведете себе на мысль, то ни мало не будете так скорому пред нашествием пороков нечаянному моему из света отшествию удивляться. Вы знаете, сколько злость, ненавидя добродетель, старается оную притеснить и коликому несчастью невинность добродетельной души бывает подвержена. К обвинению меня злость употребила орудием развращенные ею нескольких человеков сердца, и я в короткое время был невинною оной жертвою. Возможно ли, великий боже, зло за добро воздавать и терпеть поругание над добродетелью! Какий варварский век! Какое дело человечеству несродное! Скажите, любезные мои соучастники, еще ли в сии в недре развратных сердец заченшиеся [185] ужасные чудовища, сии страшилища добродетели на свете терпимы, еще ли не явились они мерзостны пред очами человека, которого они все совершенства затмили. Убегайте, живучи на свете, убегайте сих мнимых доброт, инако зла, будьте подражателями мне, любите всякое истинное добро, да насладитеся купно со мною блаженной жизни. Наконец, прошу, уведомьте меня, что у вас делается, царствует ли добродетель и награждаются ли достойно заслуги или порокам, как и за мою жизнь, люди порабощены. Прощайте.

XXV

Г. Живописец!

Случившееся недавно со мною не последнее бы заняло место в картинах ваших, ежели бы представлено было вашею кистию, но от вас еще зависит то сделать. Я напишу, как могу, а вы, как Апеллес наших времен, можете вам только одному известным искусством оживить слабое мое изображение.

Недавно был я в одном доме, где хотя не более было шести персон (выключа тех, о которых обыкновенно мало в компаниях помнят, тут ли они или вышли, в коих числе и я, по несчастию, находился), однако вы согласитесь со мною, что оно было мно-

гочисленно, когда скажу вам, что состояло из двух модных барынь, трех нынешнего света господчиков и одного рифмотворца, особы, из коих каждая целого худого собрания стоит. Уже говорено было о модах, законах, новой. . .,[186] гостином дворе и проболтаны были целые фолианты тех отрывистых материй, о которых никак пересказать невозможно, уже стихотворческий педант толковал о необходимости купцам знать новую орфографию для подавания их счетов, без чего не могут они быть действительны, и прочитал сочинения своего несколько сот стихов, хотя и никто его не слушал, уже от бессловесия — удивительное дело в таком собрании! — начали дамы зевать, а кавалеры, посвистывая, кобениться в креслах, как вдруг сказанным, а пропо, один из них возбудил в соседе внимание и спросил, кто читал Живописца? Одна из госпож отвечала с некоторою досадою: «И, радость, какой вздор, таки ужасно, сегодня поутру читала мне его моя девушка, чего это смотрят, я-таки давно бы велела перестать писать такую пустошь». По сем изречении замолчали, и я думал, что кончится о вас речь, признаюсь, что с прискорбностию, ибо хотел ведать мнения прочих, но г. рифмотворец почел за долг возобновить материю, сказав, что он рад всем клясться, что сочинение ваше никуда не годится и что сам Аполлон, его искренний друг, засвидетельствовал, что вы пишете безо вкуса. До сего времени я и гласу не имеющие мои товарищи, коих было четверо, безмолвствовали, но один из них осмелился в похвалу вам сказать, что всего удивительнее то, что вы, не зная ни по-французски, ни по-немецки,[187] следовательно, по одному природному разуму и остроте, не заимствуя от чужестранных писателей, пишете такие листочки, которые многим вкус знающим людям нравятся. Слова сии, показавшиеся мне справедливыми, возымели совсем иное действие, нежели как я чаял, и, вместо того, чтоб снискать вам достойную похвалу, заставили раскаиваться после вымолвившего оные, ибо он ими сделал неучтивство даме, не согласуясь с ея мнением, и вооружил против себя стихотворца и молодых господ. Как скоро он сие выговорил, то все собрание громко захохотало, дама посмотрела на него с презрением, рифмач клялся снова, а господа, как будто сговорясь, в одно время вскричали, что листки ваши негодны. Ах, бог мой! сказал один из них: осмелиться писать, не зная по-французски! Сакристи! [188] вскричал другой, это быть не может! Сим не кончилось, они продолжали язвить насмешками своими вас и бедного человека, осмелившегося не у места сказать слово, чего нам, беднякам, и в подлинну в таких случаях делать не надобно, но француз, торгующий парижскими безделками на наши весьма действительные деньги, входом своим избавил вас от ругательства и подал время

убраться домой пристыженному и осмеянному моему товарищу. Я вышел скоро за ним и, идучи, думал о происшедшем, наконец, вознамерился уведомить вас тем паче, что сие и до вас касается.

Ваш доброжелатель. . .

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 23

XXVI

Господин Живописец! [189]

Недели с две тому, как приехала я сюда из Москвы и, начитав в здешних ведомостях, что в луговой Миллионной продаются какого-то живописца листочки, по природной моей к живописи склонности, тотчас послала их купить. Но в какое удивление я пришла, нашед в них не любовные картинки, но поношения и клеветы противу прекрасного пола! Видно, что ты, друг мой, родился в какой ни есть сибирской деревушке, вскормлен и выучен беспутной твоей живописи, а если бы хотя один твой глаз во Франции побывал, так ты бы, конечно, поострее глядел на свои руки и, пишучи женское лицо, употреблял бы к тому нежных только цветов краски, а не темные и мрачные, так, как теперь делаешь, не знаю, ошибкою ли, или умышленно. — Нет, дружок! даром тебе это не пройдет. Где это слыхано, чтоб живописец написал женское лицо темными красками? ты видно на выскочку.[190] — Полно и того, что твоя братья по невежеству своему не умеют иногда и бородавки утаить! а ты вздумал еще и худыми красками нас описывать. Признайся ж сам, заслуживаешь ли ты трудами своими от нашего пола благодарность? Видно, что ты еще не знаешь, что кто не умеет женскому полу угождать, того и за человека не почитают. . . Через кого наживаются портные и перукмахеры? Скажи, не через нас ли? Через кого происходят добрые люди и в чины, как не через нас? Кто выгоняет из молодых людей задумчивость, как не мы? Кто вперяет воспитанным в непросвещении дворянам понятие о модах, как не мы? . . А ты, такая мелкая на свете тварь, уродуешь наши лица. — Пора, право, пора тебе, дружок, опомниться. — Напиши-ка два или три хорошенькие портретца, да только поскорее, ан и не тот станешь человек. Тебя будут звать для снимания портретов во все знатные домы, а ты с легкой моей руки станешь богатеть да наживаться. Вот тебе прямая дорога к счастию!

Кинь, дружок, старинные темные краски: они, если по совести сказать, глаза колют, так будешь всему женскому полу во все будущие роды и роды приятен. А теперь все щеголихи и новомодные женщины, право, тебя так боятся, как робята азбуки. — Так-то дружок. Отпиши же, радость моя, в твоих еженедельных листочках, как тебе покажется мой совет — тебе же лучше будет, — а я изготовлю тебе между тем в подарок

Доброхотное
сердечко.

Государыня моя, я бы хотел сделать вам угодность изображением лица вашего по желанию вашему самыми нежнейшими красками, но не в силах сие исполнить, потому что ласкательство есть претрудная для меня наука, и я никогда не имел склониться следовать ея правилам. Я соглашаюсь на ваше мнение, что ни один живописец не придет в моду у прекрасного пола, а, может быть, и у нашего, который ласкать не умеет — это неоспоримая истина. Живописцев, нашей братьи, в здешнем городе много, так вы можете сыскать из них одного по своему желанию. Если вы имеете прелестное лицо и приятный стан, то загляните только ко дв. . . — вы найдете там многих живописцев по вашему вкусу, или познакомьтесь с каким стихотворцем. Вы уведомляете меня, что всякая щеголиха боится меня так, как ребята азбуки; я тем и доволен: ребята, боявшиеся азбуки, пришед в совершенный возраст, всегда раскаиваются в том; может быть — но ведь я вас еще больше рассержу. Прощайте, сударыня.

XXVII [191]

Господин Живописец!

Я начинаю скучать городскою жизнию, причины тому из следующего узнаете: мне лет под тридцать, я не богат и не беден, имею, или по меньшей мере, надеюсь иметь деревню. Учился я здесь иностранным языкам, которые отчасти я разумею. Вышед из школы, вступил я в службу, познакомился с молодыми людьми, из коих иные старались вводить меня в карточную игру, другие научали всяким разным мотовствам и в скором времени сделали меня некоторого рода мотом, но благодарение богу не совершенным; сверх всего того природную имел я страсть к любви, которая, может быть, и была причиною, что я к другим страстям мало имел склонности. Теперь же все то переменилось, все те упражнения, кои прежде мне казались забавны, стали мне

гнусны, не с такою уже горячностию смотрю и на любовь, потому что часто бывал ею обманут, хотя и сам нередко обманывал, но то и другое уже наскучило, прежних многих друзей совсем не знаю, испытав, что дружба их основана на каком-либо прибытке; имею токмо двух, но прямо истинных друзей, которые теперь все мое удовольствие составляют. Великие чины меня не прельщают, а доволен малым, который я имею; в таком будучи состоянии, принял я намерение, сыскав хотя беднейшую, но добродетельнейшую девицу, жениться на ней, с позволения тех, коим я должен своею жизнию, и уехать в деревню, тамо остальные дни своея жизни препровождать буду в тишине и покое. Четыре время года подавать мне будут разные упражнения и пользы. По утрам буду на поклон ходить к своим токмо полям, вечерние же собрания составлять будет малая моя семья, а переписка с друзьями приятное и полезное будет мое отдохновение. Описав теперь подробно все мои мысли, прошу вас дать мне знать, каковым вы почитаете принятое мое намерение, иные говорят, что я еще не в таковых летах, чтоб жить в деревне, другие, что стыдно быть молодому человеку в отставке, вы, государь мой, что мне скажете? Нетерпеливо ожидаю вашего ответа, остаюсь всегдашним вашим доброжелателем и покорным слугою.

Прежнее ваше поведение было худо, исправление полезно, а намерение похвально, по малой мере, мне так это кажется. Но исполните сие не прежде, как испытав себя, будете ли вы любить свою жену и не оставите ли ее, последуя моде. В отставке молодому человеку быть не стыдно, лишь бы только был таковый человек и себе и обществу чем-нибудь полезен.

XXVIII

ПЕСНЯ

Здесь пристанище покоя,
Здесь убежище сует,
Средь зимы и летня зноя
Здесь спокойствие живет;
Нет сует здесь ни заботы,
Нет градских дел ни работы,
Но здесь царствует покой.
Дружба с нами обитает,
И любовь все оживляет,

Здесь прямой век золотой.
Дружбою сердца сплетенны,
Вспомяните оный век,
Где в незлобии рожденный
Жил спокойно человек,
Тому веку подражайте,
Искренность здесь сопрягайте
С честностью в любви святой,
Дружество здесь обитает,
А любовь все оживляет,
Здесь прямой есть век златой.

*

Все веселья и забавы,
Водворяйтесь навсегда!
Злобой изощренны нравы,
Не входите никогда,
Ненависть, в век удаляйся,
Злость, отнюдь не приближайся,
Царствуй здесь всегда, покой.
Дружба в век да обитает,
Да любовь все оживляет,
Буди вечно век златой.

Сочинение Александра Фомина,[192]
Архангелогородского купца.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 24

XXIX

СТИХИ

сочиненные на случай, когда благородные девицы четвертого возраста,[193] воспитывающиеся в Новодевичьем Воскресенском монастыре, по девятилетнем своем пребывании в доме воспитания, в первый раз явилися в общество и гуляли в саду летнего ея императорского величества дворца 1773 года, мая 20 дня. Сие число есть день общего гулянья в реченном саду

Воспой приятну песнь, покоющаясь муза,[194]
И страстных лет моих ты глас возобнови,

Анакреонтова ищи в стихах союза
И нежных чувств его приятности яви.
Украся днесь себя прелестными цветами,
Воспой цвет юности ты нежными устами.

*

Цитерски грации, ко мне теперь спешите,
Подобны прелести я вам воспеть хощу,
И в сердце чувствие мне нежное внушите,
Я вашим голосом с Парнаса возглашу
Взрощенных граций здесь над невскими водами,
Плывущих в вертоград меж невскими брегами.

*

Уже с полудня Феб блистательный склонился,
И искошенный луч скользил по верху вод,
Как невских граций флот меж невских струй явился,
В сад матери своей направя быстрый ход,
Их первый выход к ней есть жертвы воздаянье,
Как давшу божеству им жизнь чрез воспитанье.

*

Не чародейственно мечталося виденье,
Как плыли пятьдесят красот между зыбей,
И не диянниных то было нимф стеченье.
На уловление стремящихся зверей,
То нимфы российския великия богини,
Прославившей себя и россов героини.

*

Между трофеями побед Екатерины,
Как враг российский зрит во круг себя беды,
Сии премудростью ея взрощенны крины,[195]
Сей цвет, сулящий нам полезные плоды,
Сии приятности, сии прелестны взгляды,
Достойны нимфами российской быть Паллады.

*

Узря их шествие, сам Феб остановился
И светозарными лучами к ним сиял,
Толикий зря собор приятностей, дивился
И жаркий солнца луч вспалить их устремлял,

Одежда белая тогда их украшала,
Невинность белизной сердец их возвещала.

*

Горящий фебов луч, одежды их касаясь,
Сквозь белый цвет к сердцам проникнуть не возмог,
Скользя по белизне и паки отражаясь,
Тем жаром он других сердца тогда возжег.
Эрот, увидя то, и Фебу так вещает:
Сия невинность жжет сердца, но не пылает.

*

Как с брегу в вертоград красавицы вступали,
Восторженным очам казалося моим,
Что ветьви древеса, одушевясь, склоняли
И на объятие стремилися в встречу им,
И нежный сам Зефир, увидя их, пленялся
И, розу позабыв, за ними вслед гонялся.

*

Сирены в сад прийти пред ними поспешали,
Оставивши свои пространные моря,
Гуляющих в саду их пеньем утешали,
Однако с завистью на сих красавиц зря.
Вокруг их собрались забавы, игры, смехи,
Чтобы умножить им приятства и утехи.

*

Стеклися ко брегам нерейды[196] и наяды,[197]
Чтобы обратно их безвредно проводить
И чтоб прельщенные красавицами взгляды
Приятностию их питать и усладить,
Все боги в оный час Эолу приказали,
Чтоб ветры колебать волн невских не дерзали.

*

И бог Невы тогда пресек воды теченье,
Покрыту тиною главу подняв из волн,
На прелести их зря, к ним чувствовал влеченье,
Возлегши на струях, он был любови полн.
Волна, что их несла, с восторгом их держала
И страстно лицы их в себе изображала.

*

И после обратясь свои стремила воды,
Чтобы себя скорей с водой морей смешать
И тамо разлившись тещи во все народы,
Им о приятностях узренных возвещать,
Да ведают враги российские и други,
Сколь важны Бецкова отечеству заслуги.

*

Твои, почтенный муж, труды пребудут громки,
И память не падет к отечеству заслуг,
Но пользу большую почувствуют потомки
И узрят, что ты сын отечества и друг.
Твои заслуги днесь тем более почтенны,
Что слава с пользой в них отечества спряженны.

XXX

СТИХИ

госпожам девицам первого возраста, воспитываемым в Новодевичьем монастыре, на присутствие их в первый раз в саду летнего ея императорского величества дома, сего 1773 года, мая 20 числа

Не нимфы ли богинь пред нами здесь предстали?
Иль сами ангелы со небеси сошли
Ко обитанию меж смертных на земли,
Что взоры и сердца всех зрителей питали?

*

Одежда белая невинность значит в них,
Но каждая их речь таланты означает,
Иль само божество иметь их научает
Невинность во сердцах и мудрость в мыслях их?

*

Как солнечны лучи, так взоры их сияют,
С красой небесною краса сих нимф равна,
С незлобием сердец невинность их явна,
Конечно, божество они в себе являют!

*

Но если смертных мы в девицах оных зрим,
Кто совершенство им такое дать старался?

О россы! луч щедрот не в первый пролиялся
Богини вашей к вам. Почто дивитесь им?

*

Минерву зрите вы в лице Екатерины,
Ей свойственно являть такие чудеса!
Под скипетром ея нет дня ниже́ часа,
Чтоб к новой радости не знали мы причины.

*

Я мню, что, зря девиц прекрасных сей собор,
Как некий новый род в них смертных примечаем,
От коих пользы мы толико быти чаем,
Сколь услаждается, их видя, ныне взор.

*

Как сад присутствием их ныне украшался,
Так будет краситься вся росская страна,
Предбудущая в них нам польза уж видна,
Не тщетно каждой, зря девиц сих, восхищался!

*

Их воспитанием исправленны умы
Всех добродетелей примеры нам представят,
Сердца испорченны и нравы злых исправят,
Сколь много должны в них Екатерине мы!

*

Чем можем мы тебе, монархиня, воздать,
За все к нам милости, ты кои изливаешь?
Вседневно более сердца ты всех пленяешь,
Достойно россы чтут в тебе премудру мать!

*

А ты,[198] усердный сын преславныя державы!
Плоды твоих трудов мы с радостию зрим
И с восхищением тебя благодарим.
Достоин чести ты, любви, похвал и славы.

ЖИВОПИСЕЦ ЛИСТ 25 и 26

XXXI

Государь мой!

Получа пред самым отъездом моим вторую часть третьего тома записок энциклопедических,[199] нашел я одну статью, которую не мог читать без восхищения. Но сие же самое произвело во мне и некоторое угрызение. Возможно ли, что мы посреди своего отечества оставляем в неведении народ о щедротах нашей премудрой государыни, между тем, как чужестранные ведомости все оными наполнены? Скорость моего отъезда препятствует мне пространно о сем объяснить, но я не мог, видев сию статью, где новый опыт милосердия ея величества, великой нашей государыни, прославляется, пропустить, чтоб не перевести ее, и сей перевод к вам сообщаю, прося вас, дабы он был включен в издаваемые вами листы.

Я имею честь быть и проч.

Перевод из записок энциклопедических второй части третьего тома

Приезжающие банкруты в Англию и Голландию не без причины заставляли опасаться, что в Петербурге восчувствовали уже подрыв известной славной конторы. В самом деле, один аглинский купец, живущий в сем столичном городе, которого товарищ в Лондоне претерпел от подрыву оной конторы, едва не был принужден отказаться от всякого платежа по торгам своим. Сей аглинский купец имел на некоторой знатной особе в России взыскать девяносто шесть тысяч рублей, но не получил оных ради того, что помянутая особа имела иск на короне гораздо в превосходной пред ним сумме. Между тем обстоятельства его требовали неминуемо денег. В такой крайности находясь, осмелился он прибегнуть ко стопам императрицы и просить высочайшего ея рассмотрения. Хотя еще дело поминаемой особы не было решено, но ея императорское величество, удостоверена будучи, что коммерция есть одна из главнейших подпор государства и что оная требует защищения и вспомоществования, благоволила тотчас выдать ему оные девяносто шесть тысяч. Сверьх сего ея императорское величество, желая предупредить, чтоб и другие купцы, живущие в Петербурге и не имеющие таковых способов, не были подвержены раззорению, соизволила при-

казать объявить всем им чрез г. Фридрихса, банкера Санкт-петербургского двора, что для предохранения их от подрыву определяется миллион рублей и что каждой может из оного брать, сколько кому будет потребно, с тем только условием, чтоб полагали некоторое довольное удостоверение на число заемных денег, или иначе объявляли правительству справедливые и верные счеты делам и долгам своим, как настоящим, так и прошедшим. Щедрота, каковую ея императорское величество оказать изволила в сем случае, служит истинным доказательством тех чувствований, кои она изъяснила в письме, писанном в Берлинскую Академию наук 1768 году. Наука моя (так сказано ею) состоит в прямом познании того, что все люди суть братия, а жизнь моя препровождена будет так, чтоб исполнение дел соответствовало знанию сему.

XXXII

ОДА ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ ЕКАТЕРИНЕ ВЕЛИКОЙ

императрице и самодержице всероссийской

Наместница всевышней власти
В владычестве земных родов,
Обширнейшия света части
Надежда, радость и покров,
Которой царством благостыня,
Котора царством ироиня,
Котору любят небеса,
Позволь, седящая в порфире,
Тебя воспети новой лире,
Престолов честь, царей краса!

*

В тот день, когда дала ты радость
Российским истинным сынам,
Эдемскую лила как сладость
Тебя жадающим [200] душам,
В тот день, на фрон как ты вступила,
Печальный север укрепила,
Трепещущий от близких бед;
Тебя и рощи восклицают,
И холмы арфами брящают;
Во мне ль равно усердья нет?

*

О! ты, котора прославляешь
Подвижников иройской дух!
Из тьмы времен нам проявляешь
О них парящий, пышный слух,
Денницы крыльями блистая,
Вселенну муса пролетая,
Царицы нашей чудеса
Возвысь, воскликни над звездами,
Ее ты более ль делами
Богов взнесла на небеса?

*

Корабль, как бурными вихрями
Отторжен, вержен от брегов,
В пучине мечет меж зыбями
Поверьх седых, крутых валов,
Усердьем дух мой восторженный
Шумит так в бездны протяженный,
Твоей богиня похвалы...
Се храм Олимпа растворился
И ум блистаньем озарился,
Внимает ветр, земля, валы!

*

В жилищах горних превысоко,
Зари превыше, грома, звезд,
Не может зреть где бренно око,
Во свете лучезарных мест,
На вечном фроне на эфире,
Тенистых радуг во порфире,
Зарниц в венце, как Феб в лучах
Сидит небесна дщерь сияя,
Рукою мраки рассевая,
В приятных мне речет словах:

*

«Возьми ты хартию нетленну
И трость безвредну от огня,
Потомкам в память незабвенну
Впиши, изобрази меня,
Предай векам мои глаголы,
Наполни рвы, стремнины, долы,
Моим речением весь мир,
Вещай: се истина взывает,

Твоей царицы процветает,
Котора краше из порфир?

*

Который правит тако царство
Во всей подсолнечной монарх,
Который кротостью коварство
Искореняет иерарх,
Кто любит тайно дать щедроту,
Кто в нас к наукам льет охоту,
Несчастных, сирых кто щадит,
Ведя войну, любя блаженство,
Кто дать законы в совершенство
И будущим векам радит?»

*

Сияющая в век планета
Без померцания лучей,
Светильник разума и света
Непреткновенный путь стезей,
Я слышу уст твоих вещанье,
Твое предвечно начертанье
Давно уже в груди моей,
Давно горит дух петь разженный,
Но где перо, скрижаль нетленный,
Да твой глагол пишу я сей.

*

Не сокрушимый мармор вечный,
Где толь обширный диамант,
Да все заслуги бесконечны,
И злато, разума талант,
И небо, зрак Екатерины,
Чрез общия предел судьбины,
Я где оставлю в век веков?
Из гор воздвигну ль обелиски?
Души ея в сравненье низки,
Она превыше облаков!

*

Чего вселенна не вмещает
И весь в себя пространный мир,
То правда в вечность восхищает
Струнами звучных, громких лир.

Дела твоей императрицы
Уже прешли верхи денницы,
И роков тлена все черты
Так книгу время не изложит,
Но в ней хвалы еще размножит,
Ея где имя впишешь ты.

*

Дерзай! и скромную ты лиру
Свою начни устроевать,
Екатерина слава миру,
О ней достойно воспевать.
О ней и камни велегласно
И вся подсолнечна согласно,
И весь послушествует мир.
Готовы громы ударяти,
Что ты напишешь, повторяти
Земля, и воздух, и эфир.

*

Исчез глагол, и свет затмился,
Сокрылся храм и божество,
Сиянья тонкий луч спустился
На все молчаще естество.
Мой дух в веселье утопает,
Что свыше силу почерпает
И голос к пению бодрит.
Внимай теперь, о ты, вселенна!
Се муса истиной вперенна,
Екатерине песнь гласит.

*

Блаженная Елисавета,
Когда по общей всех судьбе
Лишалась временного света,
Чтоб вечной свет иметь себе,
Как фрон и царство покидала
И наши души восхищала
До неприступных мест с собой,
То что за мысль она имела,
Она то наперед узрела,
Что мы утешимся тобой.

*

Но что Синай в огне дымится,
И мрачный пепел тмит зенит,
Ужасный страшный вихрь ярится,
Ревет, шумит, крушит, валит
И тучи в тучи препирает,
И дубы с корнем вырывает,
И черный воздух ими вьет,
Свирепа молния стрелами
Бежит, извившись, небесами,
Разит, крушит, палит и жжет.

*

Склонилась твердь, умолкли бури,
Прохладный легкий веет дух,
В янтарь и пурпур, и лазури
Оделись виды с златом вдруг,
Небесный свет везде сияет
И дух и взор увеселяет,
И внутрь сердец отрады льет.
Кротчайший, тихою стезею
Сошел зиждитель к Моисею
И свой ему завет дает.

*

Се образ вышнего прихода
Чтоб людям дать своим закон,
И также оного восхода,
Как ты у нас возшла на фрон!
Мы как монархиня дрожали,
Нам бездны, мнится, уж зияли,
И развивалась всюду мгла,
Доколь ты нами не царила!
Но ты всю полнощь озарила,
Как только скипетр подняла!

*

Полуднем счастья освещенный,
Ты где тогда был, град Петров;
Я мню, собою восхищенный,
Ты был превыше облаков
И сверх блестящего лазура,
От Бельта края до Амура,
Пустил свой радостный всем глас:

Россия вмиг тебя внушила[201]
И в жаркий пояс сообщила,
Что полдень в севере у нас.

*

В очах Европы удивленной
Тогда сквозь бранных мрачных туч,
Сквозь грозы, мглы вокруг стесненной,
Блеснувший Петрополя луч,
Когда вдруг солнцем появился,
То воздух бездной звезд покрылся
Во светлых российских городах;
Москва стояла тут луною
И зрела царство под пятою,
Красуясь дня сего в часах.

О, день, блаженств преисполненный
И чувственный досель нам рай!
Когда б веселья все вмещенны
В единый света были край,
Тогда б лишь тень тому явилась,
Душа чем наша веселилась
В сии пресладостны часы!
О зрелище, стремленье, клики,
В тревоге радостные лики,
В жене ирой, в бронях красы!

*

Кто се! в оружии Белоны[202]
Не Марс ли, восседший на коня,[203]
Всех царств течет надеть короны,
Без бурь, однако, и огня;
Иль Феб во образе Паллады,
Приятны в свет бросая взгляды,
Грядет златые дни ввести?
Россиян плески отвечают:
Екатериной ту взглашают,
Котора север шла спасти.

*

Но в верьх превыспренний, обширный,
Когда ты тек, планет всех царь,

Чтоб в первый раз на фрон всемирный
Воссесть и облистать всю тварь
И, злату руку простирая,
Коней крылатых управляя,
Ты так ли воздух рассекал
И так ли тек между звездами,
Как белый конь между полками
Своей нам всадницей блистал?

*

Кругом тебя тогда планеты
В таком ли светлом чине шли,
Ея сияньем как одеты,
Все вожди вслед за ней текли;
Она всех души восхищала,
Она всех очи обращала,
Влекла всех зрети на себя,
Что будет щедро править нами;
Зефир играл ее власами,
Тогда в ней Марса полюбя.

*

О вид удобь неизъясненный,
Но зримый лишь одним сердцам!
Какие доброты вмещенны
В тебе моим являл глазам,
При бодрости в лице орлицы,
В очах сияния денницы,
В бесстрашьи нежные черты,
В улыбке всюду обращенной,
Терзанье злобе дерзновенной,
Иройство в небе красоты!

*

В верхи стремящий, ангел миров,
На огненных своих крылах,
Смарагдов краше и сапфиров
Шары висящие в вихрях
В безмерном диве пролетает
И им конца не обретает,
Но в верх еще полет стремит,
Желая в быстро зряще око
Вместить и что сверх сил высоко,
Но вниз, не долетя, парит.

Моя так муса пролетает
Полки извне доброт твоих,
Но сил вместить не обретает
Души твоей великость в стих.
Когда ты церковь ограждала,
России целость утверждала
И шла собой полсвета спасть,
Небесны силы приникали
И свыше в радости взирали
На будущую россов часть!

*

Любовь к отечеству, к народу!
Ко вере ревностнейший жар,
За вас когда бы окияна воду,
Что весь объемлет земный шар,
В кровь нашу можно претворити
И в плату должно было лити,
Мала б цена сия была.
В великодушьи возвышенном,
Царица в сердце сокрушенном,
Против себя самой ты шла!

*

Отколь в тебе сия твердыня
И что сердца ты всех взяла,
Одна так в свете ироиня
Творила ль божески дела?
Я сам быть мнился исполином,[204]
Орлам [205] в бесстрашии орлином
В руках с оружием вслед тек,
Так что за власть мне дух рождала,
И чья рука сопровождала?
То выше нежель человек!

*

К тебе с простертыми руками
Так росской весь народ бежал,
Тебя все старцы с юношами,
Всяк пол, всяк чин узреть желал;
Избавь ты нас, Екатерина,
Избавь себя, закон и сына,
К тебе по стогнам несся глас
Под рушащимися звездами,

Тронись, мать, нашими слезами,
И в бога будь: спаси ты нас!

*

Но глас всевидца надо мною
Гремит и свой речет мне суд:
«Она и вы водимы мною,
Как воды, мной сердца текут,
В предвечной я писал судьбине,
Чтоб царство дать Екатерине
И чтоб погрязнул фараон,
Я ей десницу простираю
И в поздный век благословляю
Как твердь, по ней и Павлов фрон».

*

Одиннадцать днесь лет державы,
Иль паче вышних сих даров,
То столько ж мы имеем славы,
Блаженств сколь не было часов,
И миг, богиня, не проходит,
Торжеств иль благ что не приводит
Тобой в счастливу нам страну.
Войной, щедротой успеваешь
И там и здесь ты побеждаешь,
В трех светах вдруг разишь луну.[206]

*

Что ж песнь тебе принесть я смею,
И что горю еще к хвалам,
То столько твердости имею
Самим сказати небесам:
Не прежде ль молнии престанут
И громы страшные не грянут,
И буря мрачная пройдет,
И яры волны укротятся,
И зельны ветры утишатся,
Чем слава дел твоих минет.

Конец вторыя части Живописца

КОШЕЛЕК

1774 г.

ОТЕЧЕСТВУ МОЕМУ
СИЕ СОЧИНЕНИЕ УСЕРДНО ПОСВЯЩАЕТСЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Две причины побудили меня издавать во свет сие слабое творение и посвятить оное Отечеству моему: первая, что я, будучи рожден и воспитан в недрах Отечества, обязан оному за сие служить посильными своими трудами и любить оное, как я и люблю его по врожденному чувствованию и почтению ко древним великим добродетелям, украшавшим наших праотцев и кои некоторых из наших соотечественников еще и ныне осиявают. Я никогда не следовал правилам тех людей, кои безо всякого исследования внутренних, обольщены будучи некоторыми снаружи блестящими дарованиями иноземцев, не только что чужие земли предпочитают своему Отечеству, но еще, ко стыду целой России, и гнушаются своими соотечественниками и думают, что россиянин должен заимствовать у иностранных все, даже и до характера; как будто бы природа, устроившая все вещи с такою премудростию и наделившая все области свойственными климатам их дарованиями и обычаями, столько была несправедлива, что, одной России не дав свойственного народу ее характера, определила ей скитаться по всем областям и занимать клочками разных народов разные обычаи, чтобы из сей смеси составить новый никакому народу не свойственный характер, а еще наипаче россиянину, выключа только тех, кои добровольно из разумного человека переделываются в несмысленных обезьян и представляют себя на посмешище всея Европы. Таковые не только что не видят добродетелей, россиянам природных, но если бы где оные с ними ненарочно и повстречались, то, без сомнения, отвратили бы зрение свое, именуя оные грубостию и невежеством. Да сие и не удивительно, ибо мы уже давно бросили истинные драгоценные жемчуги, предками нашими любимые, яко недостойные и во Франции не употребляемые, а принялись жадно покупать ложные; но я смело скажу: если бы Франция

столько имела жемчугов, сколько имела Россия, то никогда бы не стала выдумывать бусов: Нужда и бедность мать вымыслов. А ныне развращение во нравах учителей наших столь велико, что они и изъяснение некоторых добродетелей совсем потеряли и столь далеко умствованиями своими заходят, что во аде рай свой найти уповают; но о сем пространнее поговорим на своем месте.

Второй причины не захотелось мне теперь читателю моему объявить, а рассудилось лучше оставить оную до того времени, как мы побольше с ним ознакомимся, дабы при первом с ним свидании обойтися сколько возможно миролюбивее.

Впрочем должен бы я был объяснить читателю моему причину избрания заглавию сего журнала, но и сие теперь оставляю, а впредь усмотрит он сие из Превращения русского кошелька во французской, которое сочиненьице здесь помещено будет.

Наконец, желаю читателю моему в жизни сей пользоваться древними российскими добродетелями, приобресть те, которых они не имели, и дойти до того, чтобы, если не будет он любить своего Отечества, было ему стыдно. Аминь.

ЛИСТ ПЕРВОЙ

Я недавно был в дружеской беседе, где, весьма весело препровождая время в разговорах и рассуждениях, случилось одному из приятелей моих вымолвить без всякия нужды французское слово в российском разговоре. Сие подало нам причину к рассуждению о сем злоупотреблении, вкравшемся в нас к порче российского наречия. Мы находили, что российский язык никогда не дойдет до совершенства своего, если в письменах не прекратится употребление иностранных слов; но потом сретилось новое препятствие: оное состояло в том, что если в письменах и начнут с крайнею только осторожностию употреблять иностранные речения, а будут отыскивать коренные слова российские и сочинять вновь у нас не имевшихся, по примеру немцев, то и тогда сие утвердиться не может, если не будет такая же строгость наблюдаема и в обыкновенном российском разговоре. Но чтобы рассуждение сие какую-нибудь принесло пользу, то согласились мы сделать между собою таковое учреждение, по силе которого всякой из нас, тогда бывших, за каждое иностранное в российском разговоре, без крайния нужды, вымолвленное слово пови-

нен заплатить двадцать пять копеек, а казна сия по прошествии каждого месяца должна быть собрана и отослана в Воспитательный дом[1] в подаяние. Но по прошествии несколького времени усмотрели мы, что таковая пеня для некоторых из нас (кои по привычке иностранные слова часто употребляют) будет отяготительна, то, желая облегчить оных, а учреждение сие оставить в его силе, уменьшили пеню за каждое слово до пяти копеек; а к тому прибавили, чтобы коренные российские слова, вновь отысканные или сочиненные, сообщать для напечатания к пользе любителей российского слова.

Сие, хотя, впрочем, шуточное, но, однако ж, отчасти и полезное учреждение нескольким особам уже понравилось, ибо неоспоримая есть истина, что доколе будут презирать свой отечественный язык в обыкновенном разговоре, дотоле и в письменах не может оный ни до совершенства дойти, ни обогатиться. Скажут некоторые, что не подобною сей выдумке отечественный язык до совершенства приводить и обогащать надлежит; что на сие есть особо учрежденные места, которые денноночно о том пекутся, или, по малой мере, печися долженствовали бы; что три, пять или десять человек молодых людей, и только что охотников, не более к собранию ученых, как единица к тысяче; что приступать к сему важному делу надлежит таким порядком: несколько лет думать, несколько лет рассуждать, несколько лет делать начертание, несколько лет рассматривать оный; много лет приуготовлять вещество, много лет собирать оное, много лет приводить оное в порядок, много лет делать из приведенного в порядок выписку, много лет из выписки сочинять, а потом еще более всего, много лет рассматривать и одобрять оный труд к печатанию; что надлежит трудящимся давать много жалованья, покойные квартиры, хорошие столы и прочее, дабы все сие услаждало чувства и приводило отечественный дух в сильное движение; наконец, чтобы казна прежде совершенно потеряла несколько десятков тысяч рублей, пока общество увидит несколько десятков строк сего важного сочинения, в печать изданных: но что таковое сочинение будет похвально, полезно, удивительно и принесет великую честь всему государству; подобные же нашим выдумки частных людей похожи на русскую пословицу: «Ходила синица море зажигать: моря не зажгла, а славы много наделала».

Таковым я ответствую, что я не с тем упомянул о сем издевочном учреждении, чтобы сим способом советовал приводить язык наш к совершенству, а еще менее ответствую за успех оныя выдумки, но ручаюсь за сие, что сия выдумка государству не будет убыточна и что если понравится она многим, то сим

способом хотя и мало обогатится язык российский, но много присовокупится казна Воспитательного дома. Ибо смело можно сказать, что во времена Петра Великого во всей пространной России больше [2] было людей, употреблявших в российском разговоре иностранные слова, нежели ныне в одном Петербурге не употребляющих оных. Наконец, противоречущему мне ответствую русскою же пословицею: «Не сули мне журавля в небе, а дай синицу в руки».

ЛИСТ ВТОРЫЙ

Некогда случилось мне быть свидетелем весьма странных и любопытства достойных разговоров, которые я тогда же, пришед домой, написал, а теперь оные сообщаю читателю моему, желая сердечно, чтобы оные в нем подобное моему произвели впечатление.

РАЗГОВОР I

между Россиянином и Французом

Француз. Так, государь мой, я уверяю вас, что подобного несчастия не случалось еще во всю жизнь мою. Сакр-дье! проиграть с ряда двенадцать робертов! [3] После такого несчастия жить более невозможно. Не правда ли, сударь?

Россиянин. Это правда, что проигрыш всякому человеку чувствителен, но одному более, другому менее; вы в сей раз играли несчастливо, но сие и со многими другими игроками нередко случается; счастие и несчастие в игре попеременно бывает: сегодня вы проиграли, завтре можете выиграть. Однако ж, видя вас так чувствительна к проигрышу, играть вам не советую, ибо хотя и всякий человек подвержен житейским претыканиям, но тот почитается благоразумнейшим, который больше другого управляет страстями своими. Благоразумный человек приуготовляет себя ко проигрышу прежде, пока не начнет играть: сим средством во все время игры сохраняет он равнодушие, не разгорячается и никогда того не проигрывает, чего не хотел бы проигрывать или чего заплатить не может. Что ж касается до отчаяния вашего, то, позвольте мне сказать искренно, оно вселяет в меня противные принятым мною о благоразумии вашем мнения. Я не имел еще времени коротко вызнать свойства сердца вашего; приятель мой, с коим познакомились вы в Париже, пи-

КОШЕЛЕКЪ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

СОЧИНЕНІЕ

1774 ГОДА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Титульный лист первой книжки журнала «Кошелек». (Увеличено).

сал ко мне об вас много доброго и просил, чтобы я оказывал вам услуги; я и хочу это исполнить самым делом: ваше обхождение мне понравилось, я вас полюбил, и вы найдете во мне всегда искренного вам доброхота.

Француз. Ах, государь мой! вы из отчаяния приводите меня во удивление. Какая добродетель! какое человеколюбие! и какое сердце! Сердце ваше есть сердце ангельское. Если бы вся ваша земля населена была подобными сердцами, то можно бы тогда было заключить, что она обитаема высшими от человека существами.

Россиянин. Если вы побольше узнаете мое Отечество, то сему действию моему удивляться перестанете. Россияне все к добродеянию склонны. С неменьшим удовольствием оказывают они всякие вспоможения, с каковым другие приемлют оные; и это, по мнению моему, есть должность человеческая. Надлежит делать добро не по принуждению, но по склонности сердца. Предки наши во сто раз были добродетельнее нас, и земля наша не носила на себе исчадий, не имеющих склонности к добродеянию и не любящих своего Отечества.

Француз. Ах, какая блаженная страна! вы, государь мой, в большое приводите меня удивление. С сея минуты я забываю мое Отечество; в России нашел я оное. Во Франции был я несчастлив, а здесь, по словам вашим, уповаю найти блаженство. Попечения ваши доставят мне и жене моей приличные породе нашей места. Если исполнится то, о чем вы за меня просили и в чем вас обнадежили, то я и жена моя будем благополучнейшими из смертных. Какое удовольствие научать и воспитывать детей, рожденных столь нежными и добродетельными сердцами! — Но. государь мой. Нравоучения ваши меня просветили. я в игре весьма горяч. с сего времени вы не услышите более, чтобы я когда-нибудь принялся за карты. Со всем тем. я проигрался. Бедная моя жена! увы! какую весть услышать ты должна. Я проигрался. увы!

Россиянин. Пожалуйте, не отчаявайтесь, этому пособить можно. Если вы проиграли сколько-нибудь в долг и не имеете чем заплатить, то на сей раз я могу ссудить вас деньгами. Скажите, сколько вам надобно, я тотчас вам дам оные.

Француз. О великодушный человек! Добродетель, редко имеющая примеры в моем Отечестве! Иностранному человеку, незнакомцу, такие благодеяния оказывать! Позвольте мне, дражайший друг, уверить вас, что благодеяния ваши всегда останутся в моем сердце; что рука, оные творящая, всегда будет мне любезна и что я в нужном случае кровь свою пролью со удовольствием, если то нужно будет для спасения моего друга.

Россиянин. Оставьте излишние уверения, малая моя услуга не стоит толикой благодарности. Я почитаю вас честным и благородным [4] человеком, следовательно я больше вашего должен еще радоваться, что сыскал случай обязать вас любить мое Отечество. Но скажите мне, сколько надобно вам денег?

Француз. Я стыжусь. сто рублей. Ах! как мучительно чувствительному человеку напоминание его преступлений...

Россиянин. Вот деньги, извольте их взять. Между тем расстанусь с вами на некоторое время: подождите меня здесь, я скоро сюда возвращусь.

Француз. Вы меня оставляете! Но я льщусь. ваши одолжения...

РАЗГОВОР II

между Немцем и Французом

Немец. Удивительно мне, государь мой, что вы меня не узнали; во время разговора вашего с оставившим вас человеком я нарочно смотрел, не смежая глаз...

Француз. А! любезный приятель, вы здесь? как, зачем и когда оставили вы Голландию? Расставшись с вами в Амстердаме, я никогда не уповал увидеться в Петербурге. Что касается до меня, то крайность одна могла принудить меня избрать убежище в сем городе. Родственники мои так же бесчеловечны, как и прежде: сие самое принудило меня приехать сюда с женою моею для сыскания приличных мест нашей породе.

Немец. А что касается до меня, то приехал я в Петербург, первое, чтобы увидеть сию Империю под владением премудрыя императрицы, во всей Европе славящуюся, а второе, чтобы сыскать приличную моему состоянию должность; и если мне здесь полюбится, как я по началу моей здесь бытности и не сомневаюсь, то останусь здесь на вечное житье. Ученому человеку, как говорят, целый свет отечество. Что ж надлежит до вас, то, если вы еще по сию пору мест не имеете, я могу возобновить мои вам услуги: приятель мой, купец, имеет нужду в горничной женщине, жена ваша может заступить оное, по моему одобрению, а вы с нею будете иметь комнату, для продолжения ремесла, в Голландии вами отправляемого...

Француз. Тише, тише, сударь, прошу не предлагать мне подобных услуг. В Голландии принужден я был несчастливыми моими обстоятельствами отправлять сию презрительную должность; но я рожден не для волосоподвивательной науки. Отец мой был королевской гвардии капитан, дядя родный прокурор

парламента Парижского; я и сам имел место... но любовные мои шалости навлекли на меня гнев моего дяди; я принужден был удалиться из Отечества и, скрывая подлинное свое имя, жить в Голландии; наконец, скажу вам, что вы имеете дело с шевалье де Мансонж. По сему рассудите, прилично ли мне предлагаемое вами ремесло и должность горничной женщины для моей жены.

Немец. Ха, ха, ха! что вы передо мною притворяетесь, я знаю вашу родину, вы не более, как сын стряпчего,[5] отправлявшей по смерти своего отца и во Франции ту же самую должность, как отправляли вы в бытность мою в Амстердаме; какую наклепали [6] вы родню, и на что это? Честному человеку никакое состояние бесчестия не приносит. Стыдно делать бесчестные дела: напротив того, никакого бесчестия не делает низкое состояние. Я сам сын деревенского попа, обучался в университете и, наконец, удостоен профессорства; и я никогда не вздумаю назваться бароном; но оставим это. Скажите ж мне, г. кавалер, с каким намерением вы сюда приехали и что будете здесь делать? Не думаю я, чтобы вы приехали сюда проживать только деньги; ибо я уверен, что кошелек ваш в Петербурге не изобильнее амстердамского, а там вы, помнится мне, и с ремеслом вашим и жены вашей жили очень бедно. — Да, кстати вспомнил я: в Амстердаме у вас не было жены, разве вы здесь женились?

Француз. Оставим скучные ваши вопросы. — Вы спрашиваете, зачем я сюда приехал, я вам это хочу сказать. Мне сказывали, что в России много серых куропаток: я до них великий охотник; во Франции оне дороги, так я приехал сюда их есть. Между нами сказать, в здешней земле француз не умрет от голода. — Но еще раз прошу вас, оставьте скучные вопросы, что вам нужды; в Амстердаме был я, а здесь я же, да хочу быть другой; помните, что молчание первая добродетель.

Немец. А я люблю чистосердечие; будьте уверены, что я вам зла не желаю, но поговорим откровеннее. Неужели думаете вы, что в России для голодных французов заведены магазейны? Вы обманываетесь, я уповаю, что здесь хотя и много родится хлеба, однако ж его даром не дают; надлежит трудиться, чтобы достать себе честным образом пропитание. Итак, необходимо надлежит вам приняться за какое-нибудь дело.

Француз. Да кто вам сказал, что я хочу здесь жить безо всякого дела? Я хочу вступить в должность, выслушайте, я вам расскажу. В бытность мою в Париже познакомился я с одним российским путешественником в трактире; он был молод и ветрен; мы подружились, я ему сыскал девку, он в нее влюбился и проживает свои деньги. Я решился ехать в Россию, сказал о том

ему, он мне дал одобрительные письма к одному из своих друзей. Я сюда приехал, нашел этого человека, с которым видели вы меня разговаривающего: отдал ему письма, он меня весьма учтиво принял, ввел меня в некоторые знатные домы, где я так хорошо принят, что и истинный французский маркиз не желал бы лучшего принятия. Везде меня ласкают, хвалят мое остроумие, обходятся весьма учтиво; словом, я почитал себя пресчастливым человеком; но третьего дня в одном знатном доме посадили меня играть в вист; я забылся, что у меня нет денег; счастие от меня отлучилось: я проиграл сто рублей. Мне поверили; заплатить такую сумму я не мог и был в крайности потерять навсегда тот дом, в коем я проиграл; но новый мой друг вывел меня из сего состояния, дав деньги на заплату моего проигрыша. Я опомнился и увидел, что надобно мне вступить в какую-нибудь должность; я сказал о том моему другу, он за сие взялся с охотою: меня берут в учители, жену мою также, и дают нам каждому по 500 рублей, выключая квартиры, стола и кареты; но я прошу больше, авось-либо и то удастся; ибо по случившемуся со мною в России я всего надеюсь. Из сего усмотришь, что значит француз в России. Ты, любезный мой приятель, будучи немец, рассуждаешь истинно по-немецки что будто без трудов не можно найти честного пропитания; но я француз, следовательно, за одни разговоры могу брать столько денег, что ты, со всеми своими трудами, ни в четвертую долю получить не можешь. Суди по моему приключению, какое счастие родиться на брегах Сены и иметь волшебное наименование француза, для отворения дверей во всяком месте, куда бы я ни похотел итти. Слово француз так важно, что в нем все замыкаются достоинства.

Продолжение сих разговоров будет впредь.

ЛИСТ ТРЕТИЙ

продолжение разговора между Немцем и Французом

Немец. Очень хорошо, я соглашаюсь на некоторое время верить словам вашим; но как разговариваем мы дружески и откровенно, то, пожалуйте, скажите мне, чему будете вы обучать воспитанников, поручаемых вам? Ибо, между нами сказать, вы и сами, окроме французского языка, ничего не разумеете. Сии же воспитанники, сказываете вы, знатного господина дети: то как потерпят учителя, ничего не знающего? Как поверят будущую подпору славнейшия Империи воспитанию человека неизвестного? Как не приметят, что вы, будучи учителем, сами ничего, опричь французского языка, не знаете; а в сей науке и всякой

французской сапожник не менее вашего учен. Наконец, хотя сие по существу своему есть самомалейшее в сем зло, как захотят ни за что бросать не малую сумму денег, да еще и в таких нежных обстоятельствах? Позвольте сказать откровенно, вы воспитанием своим удобнее можете развратить, а не исправить сердце юного своего воспитанника, сделаете таковым, каких, ко стыду России, видел я довольно проезжающих мою Отчизну.

Француз. Скажите ж, пожалуйте, и вы мне, как и где могли вы столько выискать вопросов, до моея должности ни мало не касающихся? Какая мне нужда, что они ни за что станут бросать свои деньги, лишь бы я получил оные. Добрые ли будут иметь склонности воспитанники мои или худые, для меня это все равно, лишь бы только воспитались они с любовию ко французам и с отвращением от своих соотечественников, а в прочем какая мне нужда. Глупо делают родители их, что поручают воспитание детей своих мне; а я, напротив того, делаю очень умно, желая получать деньги даром. Наконец, скажите мне, государь мой, по какой бы причине я не мог быть учителем? Разве на французском языке нет книг, всяким наукам обучающих? Поверьте мне, что их довольно: я закуплю оные книги и буду учить моих воспитанников и сам учиться. Ха, ха, ха. Неужели вы почитаете меня дураком, думая, что бы я не стал пользоваться толь выгодным случаем. За чужую глупость какая мне нужда ответствовать? А что надлежит до намерения моего, то оное для меня, право, весьма полезно: выслушайте, я по дружбе открою вам оное, и если будет в вас к тому столько способности, сколько я имею, тогда можете вы оным пользоваться. В должность учителя вступаю я не для того, чтобы в состоянии был вправду учить моих воспитанников; но для того, чтобы запастись деньгами, коих я теперь не имею. Накопя же несколько денег и спознавшись с молодыми российскими господчиками, а особливо с полуфранцузиками, сделаюсь я учителем и купцом. Начну выписывать французские товары; искусство мое будет оные доставлять мне беспошлинно: какие бы предосторожности ни употребляла таможня, я на всякую ее предосторожность десять имею готовых выдумок. — Положим теперь, что я получил уже мои товары; примечайте, как они мне достались дешево: пошлина не плачена, лавки для них я не нанимаю, купецких поборов не плачу и никаких тягостей их не несу. Посредством знакомства моего с молодыми людьми, буду я распродавать товары свои за наличные деньги, или, по малой мере, буду раздавать их в долг, однако ж, и оттого убытка я иметь не буду, ибо по счетам начну приписывать цену и число товаров лишние и в тех деньгах буду брать векселя. По векселям деньги верно взысканы

будут, да еще с процентами и рекамбиями.[7] Какая мне нужда в том, что посредством обогащения моего молодые люди разоряться будут? Ведь они не соотечественники мои; да если бы возможность человеческая была, так бы я и единоземца своего перехитрил. Моя философия гласит: «обманывай дурака, в том ни греха, ни стыда нет»; но оставим это: довольно сего, что в пять лет буду я иметь несколько тысяч рублей. С сими деньгами возвращусь я в мое отечество и буду жить благополучнейшим человеком. Между тем, как и самая справедливость того требует, буду ругаться орудиями, служившими к обогащению моему, как людьми, рассудка здравого и просвещения не имеющими. — Ведь справедливо во*** [8] русских людей почитают еще невеждами, варварами, или, на милость,[9] обезьянами. — Где, кроме сущих невежд, найти можно такую оплошность, чтобы вверить себя человеку, никогда ему добра не желающему, и позволить из себя все, что бы я ни захотел, сделать?

Немец (к стороне). О какая подлая душа! сердце неблагодарное и изменническое! чудовище, недостойное человеческого имени! — Однако ж, укреплюсь еще. (К французу). Вы справедливо рассуждаете. Между тем, пользуясь откровенностию вашею, хочу я сведать ваше мнение о друге, сделавшем вам толико великодушные одолжения и которого добродетельное сердце недавно превозносили вы похвалами. Скажите мне искреннее ваше о нем мнение?

Француз. Искреннее? —с охотою. Искренно сказать, я почитаю его простосердечным, легковерным и глупым человеком... Как поверил он одобрению молодого шалуна, который оставил свое отечество, для того только, чтобы в чужом шататься по трактирам и народным гульбищам и проматывать безрассудно в отечестве его нажитые деньги? Как верить всему мною сказанному о моей породе; и, наконец, как не могло прийти ему в голову, что если бы был я в самом деле такого рода, как я о себе сказывал, и имел бы хотя самомалейший верный доход, то поехал ли бы я из своего отечества и, оставя известное, стал ли бы я гоняться за неизвестным? — Из всего этого я вывожу следующее заключение, что новый мой друг не что иное, как добрая махина,[10] которую можно употреблять и в добрую и в худую стороны. А сей порок я приметил во многих единоземцах моего друга: они слишком полагаются на честность и не могут истины различить от хитрости; но притом сие весьма достойно примечания, что хотя немец и агличанин их не обманывают и обходятся с ними правдиво и честно, однако ж, они их не любят, обычаев их не перенимают и если бы те захотели их

обманывать, то никогда бы им в обман не далися; напротив того, французу открыта внутренность души и сердца русского человека; боится хитростей его, однако ж, всюду его допускает и хочет с ним всегда быть неразлучно; видит, что его обманывает, но он притворяется ему верить; знает, что тот его не любит, но сей старается обязать его услугами и доброжелательством; понимает, что он хочет над ним господствовать и управлять им по своим выгодам, а сей повинуется и притворяется того не примечающим; словом сказать, обхождение русского со французом можно уподобить человеку, порабощенному порокам, который иногда чувствует, что делает порочное, однако ж делать оного не перестает. Вот чистосердечное мое мнение, которое вы знать желали.

Немец. Последние ваши слова справедливы: но для чего ж льстите вы в глаза другу вашему? почто его обманываете и оставляете в заблуждении? Для чего пользуетесь его слабостьми? Если бы я был на месте вашем, тогда сказал бы я ему откровенно в глаза все то, что вы за глаза говорите.

Француз. Эхе, хе, хе, дорогой мой немецкой философ, ты забродишь в древность; такое великодушие в сказках только у нас описывается. Моя философия с твоею различна. Послушай, все ищут философического камня, помощию которого всякие металлы можно превращать в золото. — Не правда ли? — Знай же, дорогой мой проповедник, что камень сей в России нашел француз и в своих руках его имеет; помощию оного преобращаю я пороки свои в добродетели, а русские добродетели в пороки; или, по меньшей мере, даю оным такой вид: всякое свое слово, всякую хитрость и всякую выдумку превращаю я в золото; но, по несчастию, сии чудеса могу я творить между русскими, а если бы подобно и между другими народами удавалося чудесить, то давно бы должно было мне, французу, поставить кумир. . .

Немец. Не превозносись, мой друг, своими преимуществами: они блистанием своим подобны гнилушке, в темноте только ночной блистающей; а на российский оризонт давно уже взошло солнце, со престола своего всю Россию освещающее и благотворениями своими роду российскому от сна всех возбудившее. Пользуйся ж моим советом, не превозносись так много ночною блистательностию наружных твоих дарований и будь уверен, что разумные россияне, окроме вертопрахов, уважают уже не тебя, француза, но язык французский. Будь уверен, говорю я тебе,*** ты знаешь Лондон: ты меня понимаешь — я о сем говорить больше не хочу. Честность и справедливость требуют от меня, чтобы я вывел тебя из заблуждения и отдал бы

справедливость русским людям: выслушай меня терпеливо. Русские люди в рассуждении наук и художеств (чем вы более всего превозноситься и должны) столько ж имеют остроты, разума и проницания, сколько и французы, но гораздо более имеют твердости, терпения и прилежания; разность же между французом и русским в рассуждении наук вся в том состоит, что один после другого гораздо позже принялся за науки. Франция за распространение наук и художеств одолжена веку Людовика XIV; а в России судьбою предоставлена была сия слава Екатерине Великой, делами своими весь свет удивляющей. Если посмотреть на скорые успехи, каковые россияне в рассуждении наук и художеств оказали, то должно будет заключить, что в России науки и художества придут в совершенство гораздо в кратчайшее время, нежели в какое доведены они были во Франции. Дай боже, чтобы с таким счастием и успехом исполнялись все премудрые намерения великия императрицы российския, с каким тщанием и трудами она приводит оные к исполнению; тогда наверное паче и паче возвеличится Россия в очах всея Европы. О когда бы силы человеческие возмогли, дабы ко просвещению россиян возвратить и прежние их нравы, погубленные введением кошельков во употребление, тогда бы можно было поставить их образцом человеку. Кажется мне, что мудрые древние российские государи яко бы предчувствовали, что введением в Россию наук и художеств наидрагоценное российское сокровище, нравы, погубятся безвозвратно; и потому лучше хотели подданных своих видеть в некоторых частях наук незнающими, но с добрыми нравами, людьми добродетельными, верными богу, государю и отечеству. — Не возражай мне, что и в древние времена россияне свои имели пороки; я скажу тебе в ответ, что все народы во всякие времена имели особые пороки. Прочитай со вниманием свою историю, увидишь там варварства еще более, нежели сколько его было в России.

Продолжение сих разговоров будет в следующем листе.

ЛИСТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Продолжение разговора между немцем и французом я изготовил было уже к отсылке в типографию для печатания, но удержало меня от того полученное мною письмо. Я не смел утаить сильных выражений и доказательств в защищение моего француза, в том письме находящихся; а притом не хотелось мне

оставить писавшего ко мне письмо без ответа, чтобы не возмнил он, что возражения его справедливые и опровержены быть не могущие; к тому вприбавок немалое участие имело и желание показать читателю моему, что не злословие, но любовь к Отечеству побудила меня издать сии разговоры, которые писавшему ко мне письмо не понравились. Письмо сего французского защитника писано было российским пополам со французским наречием, как то обыкновенно у любителей французского языка водится; но я за потребное судил французским речениям быть переведенным на российский язык, ибо сим обязан тем из моих читателей, которые французского языка не разумеют; что ж касается до любителей сего языка, то они при чтении письма сего могут оные от себя прибавлять, сколько им будет угодно, а тем самым покажут они новую блистательность пылких своих разумов. Наконец, я прошу читателя моего, чтобы он, прочитав сие письмо, изволил погодить делать заключение в пользу писавшего оное до того времени, как прочитает мой ответ. Письмо же полученное мною здесь следует.

Государь мой!

Я не знаю, кто вы, да и знать сего не хочу, потому что не имею в том нужды: довольно сего, вы напечатали разговор между французом и немцем; я его прочитал; вы обидели француза, мне это не понравилось; я написал возражение и к вам сие посылаю; прочитайте, и если при чтении не закраснеете, то можете его и напечатать, или как вам угодно; а для меня все равно, то или другое; вы можете обо мне делать заключения, какие вам будут угодны, а я об вас уже сделал и мнения своего не переменю. — Чорт меня возьми! по чести моей я об вас сожалею. Вы родились в таком веке, в котором великие ваши добродетели блистательны быть не могут: ваша любовь к Отечеству и ко древним российским добродетелям не что иное, как, если позволено будет сказать, сумасбродство. Приятель мой! вы поздно родились или не в том месте, где бы вы мнениями своими могли прославиться. Время от времени нравы переменяются, а с ними и нравоучительные правила подвержены такой же перемене: ваша древняя любовь к Отечеству переменилася на новую любовь к самому себе. Перестаньте понапрасну марать бумагу, ныне молодые ребята все живы, остры, ветрены, насмешливы, вить они вас засмеют со всею вашею древнею к Отечеству любовию. Вам было должно родиться давно-давно; то есть, когда древние российские добродетели были в употреблении, а именно:

когда русские цари в первой день свадьбы своей волосы клеили медом, а на другой день парились в бане вместе с царицами и там же обедали; когда все науки заключалися в одних святцах; когда разные меды и вино пивали ковшами; когда женилися, не видав невесты своей в глаза; когда все добродетели замыкалися в густоте бороды; когда за различное знаменование...[11] сожигали в срубах или из особливого благочестия живых закапывали в землю; словом сказать, когда было великое изобилие всех тех добродетелей, кои от просвещенных людей именуются ныне варварством.* — Тут-то бы вы прославились! — Я думаю, что бы вы бедным французам не дали и Немецкой слободы в Москве; но всех бы их выгнали из государства, или еще из особенной ревности к...[13] приказали бы всех их сожечь: то-то бы было славное дело! — Но шутки в сторону: вы, государь мой, весьма смешной проповедник! Проповедуете пороки под именем добродетелей и хотите, чтобы вам верили; скажите мне, в котором ряду продается эта вера, чтобы верить тому, что мне говорят, а не тому, что я вижу? Вы стараетесь привлекать людей к тому, от чего с превеликою трудностию их отторгали: вы конечно худо поняли намерение Жан Жака Руссо, с которым он утверждал свою систиму. — Скажите мне, не хочется ли вам, чтобы путешествие в Париж, молодыми нашими дворянами предприемлемое для познания света и для просвещения своих единоземцев, запретили? Не желаете ли, чтобы науки, в Россию помощию обращения со французами с великим трудом введенные, опять оные из России изогнаны были, вместе со французами? Не того ли вы ищете, чтобы бросили французское платье, претворившее нас из варваров в европейцев? — Здесь я разумею острую и замысловатую вашу шутку о введении в Россию французских кошельков; и если я не ошибаюсь, то кажется мне, что вы разумели здесь французские кошельки [не] те, кои с некоторого времени почти все европейцы начали носить на волосах, а под именем кошелька вы разумели все французское платье, вместо старого русского употребляемое, и если это так, так вы великую имеете причину сожалеть о старом платье: ибо оно и красиво очень и покойно; в котором платье спишь, в том можно и в гости к женщинам ходить... Ха! ха! Какой вы чудак! — По чести, я нахожу вас весьма странным человеком, и подлинно еще не знаю, притворяетесь ли вы прямым русаком, или таковы и вправду; но знаю только то, что первое никакой чести вам не

* О сем, если вы любопытства имеете побольше наших прародителей, которые от великих своих добродетелей никаких книг не имели и не читали, то можете сие видеть в сочинении Абе де Ш...[12] и других подобных ему беспристрастных писателях о России: но я всех их не могу упомнить.

приносит, а последнее еще и делает вас смешным; но оставим это, а приступим к изысканию тех добродетелей, кои вы прославлять предприяли, а потом к опровержению вашего несправедливого о французах мнения.

Прославляя древние русские добродетели, вы, кажется мне, не потрудились поискать о том известия в иностранных о России писателях, но довольствовались, так я думаю, утвердиться на словесных объявлениях старожилов, которые говорят: В старину-то было хорошо жить; в старину-то были люди богаты; в старину-то хлеб родился; в старину-то были люди умны, и проч. Если же это правда, то вы несколько погрешили, потому что не все словесные известия заслуживают вероятие, но надлежит основываться на писателях, а писатели о России были иностранные, а наибольшее вероятие, по своему беспристрастию, заслуживающие суть французы; о российских же историках ни от одного француза слышать мне не случалось, окроме одной какой-то книжки Синопсис,[14] да и о той слышал я, что ее, окроме русских купцов да уездных дворян, никто не разумеет. По сему-то приметил я, что вы в российской истории не весьма сведущи; но если вам угодно, то я могу служить моим знанием; а сие знание приобрел я от путешествия в Париж, от чтения французских о России писателей и от разговоров со французами. Сей народ так прилеплен к наукам, а наипаче ко словесным,[15] что и об нашей истории прежде нас потрудились нам подать понятие и просветить наше в том невежество. Внимайте: Древняя Россия имела обитателями своими скифов или разных под тем названием диких народов. История не оставила нам известий ни о нравах их, ниже о добродетелях, но повествует только, что оный народ жаден был ко кроволитию, алчен ко грабительству, и тому подобное; а сие все весьма худое подает мнение о добродетелях их, которые вы превозносите. — Где ж вы их нашли и какие оные были? Мы не знаем. Может быть, особенные какие-нибудь о том известия хранятся в вашей Вивлиофике,* [16] но мне об оных никогда слышать не случалось.

Продолжение будет

---

* Сие мудреное слово (которого выговорить я не могу, да и написать едва мог с великою трудностию) поставил я шутя и нарочно вам в угождение: ибо оное слово, сказывают, взято из глубокой древности, и не знаю кем-то вытащено на свет: но ведаю то, что оно дерет уши, также что оно

ЛИСТ ПЯТЫЙ

Продолжение письма

Когда язычество в России пало и возникла вера христианская, тогда дикость и грубость во нравах российских хотя несколько и поуменшились; но в дополнение сей убавки родилось и возвысилось суеверие до высочайшего степени. О сих временах повествует история, что они блистали не добродетельми человеколюбивыми, но славились войнами междоусобными повсеместно, жестокостию, братоубийством, вероломством в договорах и козарством в получении сих княжеств, которые сколь ни малы были, но приобретаемы были с великими опасностьми потеряния жизни. Потом на сии раздробленные княжества татары возложили свое иго, и варвары принуждены были покориться сильнейшим их варварам. В сие пространство времени некоторые иностранные писатели ни о чем больше не повествуют, как о варварстве, невежестве и ненависти ко просвещенным европейцам. — Где же древние российские добродетели, представляемые вами к подражанию? — и здесь мы их не видим. Приступим же ко временам, по истории гораздо просвещеннейшим, и поищем сих добродетелей, ибо сия часть истории российской от времени до времени начинает показываться известною по иностранным писателям, потому что многие иностранцы начали приезжать в Россию. Царь Иван Васильевич, коего французские писатели обычно называют. . ,[17] сверг с себя иго татарское, распространил и увеличил свое владение, но нравы в России остались те же, и невежество в такой же, как и прежде, было силе. Ибо бичем, ярмом и мечем нравы никогда не исправляются. Потом при следовавших по нем царях Россия начала просвещаться и помалу

ни французское, ни русское; поставлено же оно вместо весьма употребительного во Франции и в России слова Библиотека. Библиотеку все знают, а Вивлиофики никто не разумеет. Сие рассуждение слышал я недавно от одного стихотворца: он прибавил к тому, что сия ересь недавно ввелася между писателями русскими, которых он считает только троих во всей пространной Российской империи. Эдакое изобилие! а у французов есть их по крайней мере с три тысячи. — Приметьте же сию небольшую разницу между русскими и французами, которых вы в науках почти равняете; но оставим это. Сей стихотворец рассуждал, что сия новая в письменах ересь вводится к порче, а не к поправлению языка, и что оная русскому языку совершенным падением угрожает. Я говорю это по словам его, а не по своему заключению, ибо по чести могу вас уверить, что я русских книг от роду не читывал и не имею, окроме сей: Les oeuvres de Mr. Lomonosoff. Сия книга известна под названием сочинений Ломоносовых, но я, избегая стыда, если бы в библиотеке моей русскую книгу увидели, приказал переплетчику заглавие ее поставить по французски.

оставлять дикие нравы; а сие просвещение и оставление дикости не в ином состояло, как только в том, что россияне иностранных стали почитать за человеков. — Какое просвещение! Какая редкая добродетель! — Не оную ли вы предлагаете нам к подражанию? Пройдем же сколько можно сокращеннее всех сих царей даже до Петра Великого: ибо хотя и многое мог бы я привесть из сих времен к опровержению вашего мнения, но уже мне скучилось: довольно сего, что в сии времена в России не было ни одного училища, никаких книг кроме церковных и никто из русских не знал никакого иностранного языка; в сие-то время происходило все то, о чем упомянул я в начале моего письма; тогда-то*

Скажите мне, были ли в России науки и художества, чем все просвещенные народы славятся? Были ли великие полководцы, министры, политики, галант-омы?[18] словом сказать, во всех частях наук, художеств и просвещения были ли великие люди? — Никак. Ежели же и мечтали быть их,[19] то сие уподобить можно не иному чему, как младенцу, взявшему перо в руки, который хотя и нелепо по бумаге чертить начинает, однако ж тому удивляются

Из сего усмотреть можете, что и он[20] не с той стороны принялся за просвещение нравов: ибо немцы, голландцы и агличане никогда бы нравов наших не просветили. Одним французам честь сия предоставлена была; а вы осмеливаетесь поносить сих людей, которые достойны всего нашего почтения, всея доверенности, всякия благодарности и всякого возмездия. Одно только обхождение со французами и путешествие в Париж могло хотя некоторую часть россиян просветить. Без французов разве могли мы назваться людьми? Умели ли мы прежде порядочно одеться и знали ли все правила нежного, учтивого и приятного обхождения, тонкими вкусами утвержденные? Без них не знали бы мы, что такое танцованье, как войти, поклониться, напрыскаться духами, взять шляпу и одною ею разные изъявлять страсти и показывать состояние души и сердца нашего. Если бы не переняли мы от французов приятного и вольного обхождения с женщинами, то могли ли мы без сего приятную вести жизнь. Ныне женщин взаперти и под покрывалами их лиц не держат: все оне наруже. Что ж бы мы, сошедшись в женское собрание, говорить стали? Разве о курах да цыплятах разговаривать бы стали. Женясь на закрытой покрывалом и дурно воспитанной девке, разве

* Здесь я против желания моего принужден был многое выключить из сего письма. Впрочем могу читателя моего уверить, что находились тут самые смешные клеветы, которые ненавистникам России выдумать захотелось.

был бы я счастлив? Напротив того, ныне я за несколько лет еще прежде у невесты моей могу вызнать все, как бы что у нее сокровенно ни было; и никогда иначе не женюсь, разве по любви или по склонности к деньгам. От обхождения нашего со французами переняли мы их тонкость, живость и гибкость, так что я несколько часов могу разговаривать с женщиною и верно знаю, что ей не будет скучно. За всякою девушкою я волочусь и показываюсь страстно влюбленным, а это не может быть ей противно. С женщиною средних лет я обхожусь вольно, разговариваю о всяких шалостях, сказываю о парижских обычаях, о всяких любовных новостях, смеюсь старым русским обычаям и нечувствительно могу с нею провести время. С престарелою же женщиною говорю, что она еще хороша, что я боюсь быть с нею наедине, дабы не влюбиться; словом сказать, я со всякою женщиною найду что говорить, какого бы она состояния или каких бы лет ни была, и могу, опричь жены, десять иметь любовниц и всех их обманывать; а это-то и есть душа нашей жизни! С учеными людьми и с художниками я также могу разговаривать, ибо имена нескольких французских ученых людей и художников я могу упомнить наизусть, так в одних похвалах им могу часа два, три провести. Словом, помощию обхождения моего со французами я, ничему не учась, сделался ученым человеком и могу разговаривать и критиковать дела военные, гражданские и политические, осмеивать государственные учреждения и, показывая себя все знающим, ничему не удивляться; а таковы-то точно сказывают и есть большая часть французских дворян, ибо там на все заведен порядок: учатся мещане, праздно живут дворяне, торгом государство обогащают купцы, разоряют оное откупщики, землю пашут крестьяне, а ничего не делающие и пропитания не имеющие приезжают к нам купцами, учителями, учеными.. Да мы и тем должны радоваться! Из всего этого вы легко усмотреть можете, что и в нынешнее время просвещением и хорошими нравами блистают только те, кои или путешествовали в Париж, или от самых младенческих лет здесь обращаются со французами. —

Остаток сего письма я здесь не поместил, ибо оный не что иное, как повторение похвалы французам и посмеяние русским. В конце сего письма г. мой критик забавляется, по его мнению, некоторыми глупыми русскими церемониями и утверждает, что во Франции подобного тому никогда не бывало, а заключает письмо свое тем, что Россия тогда только может называться просвещенною, когда Петербург сделается Парижем, когда русской язык будет во всех иностранных державах в таком же употреблении, как французской; или когда все наши крестьяне будут

разуметь по-французски, чему сей патриот в свободное от чесания волосов время обещается сделать проект.

ЛИСТ ШЕСТЫЙ

На прошедшей неделе получил я от неизвестной особы письмо с приложением сочиненьица под заглавием «Народное игрище».[21] В письме уведомляет он, что по случаю быв в публичном феатре, видел на оном представляемые де Тушевы и другие комедии; он находит сии комедии для народа мало полезными, сообщает пространно мнение свое о комедиях, каковые должны представляться на феатре народном, и обещает несколько таковых сочинить, чтобы сия народная забава сколько-нибудь обращалася в их пользу. На первой же случай, по мнению его, должно было сочинить пиесу, которая бы главною своею целию имела народную забаву, для чего просит он о напечатании в листах моих сего «Народного игрища». Уважая основательность и справедливость его мнения, я решился сделать ему сие угождение и думаю, что читатели мои за сие на меня не подосадуют. Впрочем, я бы весьма желал, чтобы сообщивший ко мне сию пиесу устоял в своем слове и сочинил бы несколько комедий для народа. Нет нужды в том, что в них не будут сохранены феатральные правила, лишь бы замыкалось в оных нравоучение и почаще представлялись бы примеры, к подражанию народному годные: то есть добрый слуга, честный купец, трудолюбивый хлебопашец, и сим подобные. Сие было бы весьма не худо.

Примеч. Ответ мой на письмо Защитника французов будет помещен впредь.

НАРОДНОЕ ИГРИЩЕ

Комедия в одном действии

Действующие лица

Толстосум, дворянин
Твердослов, дворянин, друг Толстосумов
Молодый Толстосум, сын старого Толстосума
Андрей, дядька молодого Толстосума
Василий, слуга молодого Толстосума
Гуляйко, сын управительский соседския деревни
Петр, студент, отправляющий должность учителя в той деревне
Борис, Глеб } крестьяне той деревни
Крестьяне и крестьянки

Действие происходит в Толстосумовой деревне

ЯВЛЕНИЕ 1

Василий один

Чудеса в свете делаются! Барин ли мой был не детина, да и тот с пахвей сшибся. Влюбился в крестьянскую девку, уехал тихонько от отца, покинул всех друзей, делает великие шалости и всякой день напивается пьян для того только, что отец этой девки великой пьяница. Сбылася с ним пословица: «Первая чарочка идет колом, другая летит соколом, а третья и сама в рот вольется». Комедия эта у нас началася не больно хорошо; дай бог, чтобы конец ее был полутче. Вся беда падет на меня, но думаю, что севоднишнее игрище сделает конец всем нашим дурачествам, или он ее. А! вот и дядька его сюда идет.

ЯВЛЕНИЕ 2

Андрей и Василий

Андрей. Как тебе не стыдно, Василей, что ты, вместо того чтобы молодого барина уговаривать и воздерживать, стараешься помогать в его шалостях. Еще бы сколько-нибудь можно было тебя извинить, когда бы у нас был не такой помещик; а это отец, а не господин. Я говорю о старом барине нашем: ты, знаешь, как он нас содержит, сколько до нас и до крестьян милостив; я много раз видал, когда он за вину кого из нашей братьи наказывал, тогда он почти плакивал. После этого не должно винить худых помещиков, потому что лихости их мы сами часто бываем причиною.

Василий. Андрей Тимофеич, ты говоришь правду, грешно не угождать доброму помещику. Я сам всегда старался делать им угодное; а что молодой наш барин уехал сюда тихонько, так в этом не я виноват. Рассуди сам, что мне делать, вить мы не знали, что он сюда собрался тихонько от отца уехать.

Андрей. Да приехав сюда не должно было ему угождать в шалостях: он человек молодой, полюбил эту девку, так и шалит эдак. А ты, будто ему в угодность, и сам всякой день напиваешься; право, это дурно, Василей. Честной слуга не только что угождать господину, но должен иногда представлять ему с учтивостию о его непорядках. Доброй господин никогда за это не прогневается, а хотя сперва и осердится, так это ненадолго; после сам признается. Я это много раз испытал, представляя старому барину; и за то-то он меня ото всех отменно и жалует. Эдакого господина не скоро найдешь, Василей!

Василий. Это правда; все мужики нашей деревни то же говорят. Как они его любят! а по нем и молодого барина также любят, хотя он им никакого еще добра не сделал. Наши кре-

стьяне как будто не крестьяне: все грамотеи; а в ином селе и поп грамоты-та не смыслит.

Андрей. Да, Василей, старой барин нарочно нанял этого студента, чтобы крестьянских ребят всех обучить грамоте: это милость господская. Смотря на наших крестьян, сердце не нарадуется, как они зажиточны: а это оттого, что барин умел их приохотить ко трудам. Ежели у доброго помещика крестьянин беден, так он на себя должен пенять: либо он ленивец или пьяница. У нас во всей деревне опричь Федула,[22] отца той девки, ни одного пьяницы нет; а из дворовых людей, не осердись, Василей, только ты один. Кабы ты поменьше пил, так бы уже давно был где-нибудь приказчиком. Ты малой проворной, неглупой, услужливой, и барин тебя жалует, да ты сам виноват..

Василий. Это правда, Андрей Тимофеич, что меня одно вино губит: покуда ни одной чарки не выпил, так его хоть бы и век не было, а как выпил одну, то уж и пропал: сколько ни подноси, так не откажусь, да еще и сам попрошу, коли редко подносить будут. Хорошо еще, что я во хмелю-то угож.. (*помолчав*) Андрей Тимофеич! ты меня пристыдил: право, я перестану пить, севоднишней день последней.

Андрей. Охотники до вина всегда так говорят: севодни в последней раз напьюсь. Право, Василей, послушайся меня, перестань пить, это для тебя же худо; а один день куда нейдет. Но оставим это, а поговорим о другом: я на твою скромность надеюсь; не сказывай ни о чем молодому барину, что ты от меня услышишь, это для его же пользы. Третьего дня я писал о всем ко старому барину, он сюда приедет скоро; ежели не сегодня, так завтра, конечно, будет. Когда же ты молодому барину об этом проболтаешься, так я боюсь, чтобы не сделал он чего-нибудь и хуже этого: надобно быть скромну...

Василий. Пожалуй, изволь: молчать-то мне не учиться; но я думаю, что они скоро встанут из-за стола: пойти было туда, не ровно чего спросят... А, слышишь ли, они идут. Подгуляли уж...

Андрей. Оставайся же ты здесь, а я пойду и теперь ему не покажусь. *Уходит.*

ЯВЛЕНИЕ 3

Молодой Толстосум, Гуляйко с балалайкою, Петр и Василий

Гуляйко играет на балалайке и поет песню:

Подпили пили две невестушки,[23]
подвеселилися две голубушки, и проч.

Петр. Перестань, перестань, эта песня не хороша; лучше по рюмке вина выпить...

Молодой Толстосум. И впрям так; Василей, подай нам вино и рюмки.

Василий. Полно, сударь, вы и так уже подгуляли.

Молодой Толстосум. Это правда: но ты зачем от нас ушел?

Василий. Я еще не обедал, сударь...

Молодой Толстосум. Так поди же да обедай скорее.

Василий. Слышу, сударь.

Петр. Только не напивайся пьян. Пьянство всего хуже...

Василий. Это видно по вас, господин учитель. *Уходит.*

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же без Василия

Молодой Толстосум. Мы уже подгуляли, а он еще не обедал, так надобно и ему дать время. Батюшка научил меня иметь к ним сожаление; мы можем подождать, пока он отобедает.

Петр. Ваш батюшка честной и милостивой человек: и я по милости его имею пропитание, а без того, бог знает, куда бы я попал.

Гуляйко. Во всем нашем околодке нет подобного ему помещика; все его хвалят и желают ему долгие веки...

Молодой Толстосум. Мне весьма приятно слышать похвалы моему батюшке. *К стороне.* Как мучительно мне, что я один милостей его недостоин! Но что ж делать! Любовь этому причиною. Постараюсь... Василей! Василей!

Петр. Эдакой пьяница, он один так потягивает винцо...

ЯВЛЕНИЕ 5

Те ж и Василий

Василий. Вы изволили спрашивать вина, вот оно; но не изволите ли лутче отдохнуть: вить вы хотели сегодня сделать игрище...

Молодой Толстосум. Василей говорит правду; ступайте, отдохните, а я тотчас за вами пойду; а к вечеру соберемся на игрище.

Гуляйко и Петр кланяются и уходят.

ЯВЛЕНИЕ 6

Молодой Толстосум и Василий

Василий. Подите же, сударь, да усните.

ЛИСТ СЕДМЫЙ

Продолжение

Молодой Толстосум. Нет, Василей, я пойду посмотреть мою красавицу, поговорю с нею, поцалую и...

Василий. Опомнитесь, сударь, что вы хотите делать. Она теперь с отцом и с матерью; да хотя бы вы и одну ее нашли, так и то было бы бесполезно: она выродок из крестьянских девок; с нею надобно любиться по-дворянски; год воздыхать, два руку целовать, три услуживать, а там если уже удастся...

Молодой Толстосум. Полно врать! Скажи мне правду, Василей, вить она хороша?

Василий. Не только хороша, да и очень хороша, сударь.

Молодой Толстосум. Ах, как она хороша! Василей, возьми эту бутылку вина себе...

Василий. Она, сударь, красавица, пыгай кабы да нарядить ее, так, как одеваются городские щеголихи, так вить она бы ангелом показалась...

Молодой Толстосум. А ежели хочешь, Василей, так возьми себе две бутылки.

Василий. Я по милости вашей и одною буду доволен: а вы, сударь, лягте да усните.

Молодой Толстосум. Я усну здесь в креслах. *Садится, поет песню:*

Не сон ли мою головушку клонит, не дрема ль валит; [24] *и потом засыпает.*

Василий. *Увидев, что молодой Толстосум засыпает, отодвигает полегоньку кресла и говорит:* Почивай с богом! *После берет стул и столик и ставит на средину феатра; на столик ставит бутылку с вином и рюмку, а сам прохаживается несколько в задумчивости, а потом говорит:* Дело наше идет хорошо, хорошо, да дурно. Пьем по-мастерски, гуляем хорошо, веселимся как надобно; ну, да как в это время приедет старой барин, так я и пропал. Как он до нас ни милостив, только спине моей за это отвечать будет, и мне после этого гулянья такое будет похмелье, что и в год не забудешь. Правду говорит Андрей, что пьянство хуже всего... Ну, да что ж делать? Я ему обещался перестать пить: и впрямь вить это дурно... Как перестану пить, так и я буду приказчиком... одно лутче другого; а приказчику пьянствовать не годится: и за крестьянами смотреть будет некогда... Право, перестану пить... *Взглянув на бутылку:* Эту бутылку пожаловал мне сам господин, так ее не грешно выпить. Ну, быть так... чему быть, того не миновать... напьюсь

в последний раз. *Подходит ко столу и говорит как будто бы был самдруг:* Василей Кандратьевич, пожалуй, садись без чинов, я подчивать не люблю... Со всею охотою, государь мой, я и сам люблю попросту обходиться. *Садится.* Это очень хорошо; в деревне какие чины. Пожалуй-ка, налей рюмку... Со всею охотою. *Наливает.* Вы налили, так вам и выпить должно... А! нет, я этого не сделаю: вы хозяин, так вы прежде должны выпить... Опять пошли чины: ну, ин, я выпью без чинов, ваше здоровье. *Выпивает, потом наливает другую и говорит:* Выпейте же и вы... Со всею охотою; покорно благодарствую. *Выпивает за другого, потом наливает еще и говорит:* А, вы человек благодарной; я люблю благодарных. Выпьем же за здоровье благодарных людей. *Выпивает две рюмки, одну за себя, а другую за другого.* Надобно выпить за ваше здоровье, Василей Кондратьевич, для того, что вы не находитесь в числе благодарных людей: я это говорю потому, что вы позабыли выпить за здоровье своей любовницы... Я только теперь хотел это сделать; вы увидите, что я имею благодарное сердце. *Наливает, а потом говорит:* Здравствуй, моя красавица, и со мною *(выпивает)*, только чтобы не было между нами третьего. Да полно што нужды, ежели она и другого полюбит? Я не ревнив... А! выпить было за здоровье ревнивых. *Наливает и выпивает.* Вся беда только в этом *(показывает пальцами рога)*, а рогоносцы прекрасные твари!... Выпить было и за их здоровье *(выпивает)*. Рогоносцев называют дураками, только это несправедливо; впрочем, состояние дурака гораздо спокойнее рогоносцева, только я ни рогоносцем, ни дураком быть не хочу... Однако ж, Василий, можно и за их здоровье выпить... С превеликою охотою *(выпивает)*. И без дураков нельзя обойтися: они не что иное, как оселок, на которой пробуют умных... Ба, ба, ба, а за здоровье умных я и позабыл было выпить *(наливает и говорит)*: Здравствуйте, все разумные люди! *(выпивает, потом наливает еще и, увидев что в бутылке ничего не осталось, смотрит на рюмку и говорит):* Сироточка, ты одна осталась; о, я до сирот очень жалостлив; не плачь, дурочка, я и тебя к тем отпущу *(поет песню):*

Чарочка каток,
покатися в роток *(а потом выпивает)*.

Ну, вот так-то, поди погуляй там. *Взявши бутылку говорит:* Бутылка без вина, как тело без души *(бросает ее и говорит):* О! поди ж к черту, я мертвых боюсь. *Встает, прохаживается и говорит*: Теперь я опять задумался... Эдакой срамец... скушно стало; ну, ин, выпей еще...

ЯВЛЕНИЕ 7

Те ж и Глеб

Глеб. *Чешет голову и говорит:* Здравствуй-ста, Василей Кандратьевич?

Василий. Здорово, Глеб. Хорошо, што ты сам пришел: барин приказал севодни собрать крестьян и крестьянок на игрище: он хочет повеселиться; так смотри же ты, собери таких, которые умеют песни петь и плясать.

Глеб. Ладно-ста, я теперь только с улицы, так пойду и всех оттоле приведу.

Василий. Ступай же поскорее, а я приготовлю чем вас подчивать.

Глеб. А мы вас повеселим, вить и у нас в деревне есть удалые головы.

Василий. То-то нам и надобно.

Глеб. А коли-ста прикажешь, так и комедь сломаем...

Василий. Какую?

Глеб. Такую же-ста, как и в Питере играют в Курасели:[25] куда, парень, там сколько народу собирается, што и видима с невидимым. — Да, правда, что и есть чего смотреть: так мудрено говорят, што и боже упаси...

Василий. Такие комедии для нас не годятся, мы гораздо лучше сделаем, когда соберем игрище; вам веселее будет, а нам приятнее. Побегай же поскорее.

Глеб. Прощай-ста, Кандратьич. *(Уходит).*

ЯВЛЕНИЕ 8

Молодой Толстосум и Василий

Василий *(посмотрев на барина, говорит):* Еще таки спит. Запеть было песню, авось либо он проснется. *(Поет песню):*

Голова ль ты, моя головушка,[26] и проч.

Толстосум *(просыпается, потягивается, смотрит и говорит):* Это ты поешь, Василей; а я думал, что собрались на игрище.

Василий. Скоро и они будут, сударь. Ежели прикажете, так я пойду и все изготовлю?

Толстосум. Ступай, ступай и приготовь все, да поскорее.

Василий. Тотчас, сударь. *(Уходит).*

ЯВЛЕНИЕ 9

Толстосум один

Голова очень болит... а все это от вина. *(Вздохнувши)* Что ж делать? Дурачества много наделал и не знаю, чем оно кончится; а знаю только то, что если я женюсь на моей красавице, то батюшко этого никогда мне не простит. Если бы не принуждал он меня жениться на дочере Твердослововой, то может быть, что бы и я этого не сделал. Принуждение часто заставляет прибегать к крайности...

ЯВЛЕНИЕ 10

Толстосум, Петр и Гуляйко

Петр. Мы уже сюда пришли; а крестьяне и крестьянки идут и поют песни.

Толстосум. Очень хорошо; садитесь.

ЯВЛЕНИЕ 11

Те ж и Василий вбегает

Василий. Еще не началось игрище? Слава богу! Я, сударь, нарочно сюда прибежал... уф! сказать вам...

Толстосум. Да что такое сделалось?

Василий. Приехали к нам в деревню два весельчака, которые и сюда скоро будут, так не будет ли какой отмены...

Толстосум. Какой быть отмене; да кто это приехал? Конечно, кто-нибудь из соседей?

Василий. Нет, сударь, не соседи. Батюшка ваш приехал и с ним Твердослов!

Толстосум. Батюшка! и с ним Твердослов!.. боязнь... стыд... что мне делать?

Василий. Примите их, сударь, хорошенько, а я побегу и прикажу прибрать корету и лошадей. Батюшке весьма приятно будет видеть, что мы и без него домом жить умеем. *Хочет уйти.*

Толстосум. Останься здесь.

Василий. Я тотчас возвращусь...

Толстосум. Будь здесь.

Василий. У меня в животе рез... я... *(Увидев, что старой Толстосум входит, говорит):* Вот то-то будет игрище!

ЛИСТ ОСМЫЙ

Продолжение

ЯВЛЕНИЕ 12

Те ж, старой Толстосум, Твердослов и Андрей.

Старой Толстосум (*к Андрею*). Я их постращаю прежде, а потом... (*Увидев Василья*) А, ты здесь, мошенник! Я нарочно приехал в деревню, чтоб поблагодарить тебя этою палкою. — Да где же сын мой?

Василий. Я, сударь, никакой благодарности от вас не требую, я и так милостию вашею доволен.

Старой Толстосум (*увидев сына*). А, недостойной сын! так ли ты платишь за мои о тебе попечения?

Молодой Толстосум (*становится на колени*). Батюшка, я сделался недостойным ваших милостей, но выслушайте терпеливо: вы хотели женить меня на дочери г. Твердослова, а я давно уже влюблен в другую и ни на какой другой жениться не могу. Батюшка, я пред вами сделал преступление, уехал от вас тайно... и... я... не хочу от вас скрывать... я завтре хотел жениться...

Старой Толстосум. На ком?

Молодой Толстосум. На крестьянской девке.

Старой Толстосум. Как? на крестьянской девке? (*к Твердослову тихо*). Он не знает еще того, что эта крестьянская девка, назначенная мною ему невеста; но я еще его постращаю. (*К молодому Толстосуму вслух*). А на дочере г. Твердослова жениться не хочешь?

Молодой Толстосум. Ничто меня к тому принудить не может!

(*Старой Толстосум и Твердослов смеются, потом Твердослов говорит тихо старому Толстосуму*).

Не мучьте его и откройте ему тайну.

Молодой Толстосум. Батюшка, вы знаете, сколько я всегда соответствовал вашим о мне попечениям, я всегда старался делать вам угодное, но теперь жестокость страсти моей делает меня ослушным вашим приказаниям. Я... все... батюшка, не будьте причиною моей смерти... отчаянный человек все...

Старой Толстосум (*заплакав, перерывает*). Добро, добро, не мучься и успокойся. Власова дочь [27] не иная кто, как дочь г. Твердослова, моего друга и назначенная мною тебе невеста.

Молодой Толстосум. Батюшка, батюшка! вы меня воскрешаете. *(Целует у обоих стариков руки).* От сего времени вы оба будете иметь во мне послушнейшего сына... Я побегу к ней и расскажу мое счастие.. но я еще сему не верю. Батюшка, объясните мне сие счастливое для меня приключение...

Старой Толстосум. Я удовольствую твое желание, но здесь не место о том говорить. Пойдемте в сад, она там: мы не хотим помешать назначенному тобою веселию, но я хочу, чтоб и все здесь бывшие были участниками нашей радости. *(К Андрею).* Теперь уже не надобен дядька моему сыну; я твоею службою во все время был доволен, а последней твой поступок еще и больше обязывает меня в твою пользу. Я определяю тебя управителем в здешнюю и в окружные оной деревни. Живи спокойно, будь мне верен и радетелен, как ты и был по сие время таковым, а на содержание твое я определяю по сту рублей в год жалованья, опричь хлеба и прочего запасу. Но как ты уже становишься слаб, то для облегчения трудов твоих даю тебе в помощники Василья, с тем чтобы ты его воздержал от вина.

Андрей *(кланяется).* Милости ваши превышают мои заслуги, но я все силы мои употреблю сделаться оных достойным; об Василье же, сударь, смею вас уверить, что он исправится от сего порока, а в прочем он всегда был вам верен. Он мне уже и обещался, что с завтре...

Василий *(кланяется).* С сегодняшнего же дни никто не увидит меня пьяного: ваши милости произвели во мне отвращение к сему пороку. *(К зрителям).* Слава богу, как гора с плеч свалила! По худому началу я не ожидал такого конца.

Конец

Господин сочинитель Кошелька!

Мне захотелось сделать небольшой подарочек в ваш Кошелек. Если он будет вам угоден, то прошу его принять и сделать из него употребление, чем одолжите приславшего оный; подарок здесь слёдует, а я остаюсь

Вашим слугою ***.

P. S. Не подумайте, что бы это было вымышленное письмо: нет, оно подлинное и ошибкою в мои руки попавшее; которое я прочитав, нашел оное достойным перевода и сообщения к вам для напечатания. Пусть земляки наши прочтут оное и полюбуются приезжим кавалером.

Из Марселии,[28] от 25 июня
1774 года.

Любезный сын!

Наконец, получа твое письмо, мой любезный сын, возвратилась ко мне надежда, которой приближавшеюся старостию я навсегда лишался. Ты находишься в Петербурге, ты француз, ты мой сын, ты всегда любил меня: после всего этого я не умру от голода. Когда был я в силах, тогда руки мои доставляли пропитание мне, твоей матери и тебе; но когда силы мои оставили меня, когда ремесло мое стало бесполезно и когда не имею я куска хлеба, тогда ты должен пропитать мою старость. Без сомнения, ты уже нашел в Петербурге прибыточное место и имеешь деньги, раздели же их, любезный сын мой, с отцом твоим: пришли мне, сколько можешь; а я тебе из Марселии ничего иного прислать не могу, кроме желания, чтобы ты поскорее разбогател и ко мне возвратился; ты требовал, чтобы я прислал тебе отсюду дворянской паспорт, но я не мог достать оного и с превеликою трудностию получил мещанской: непорядочная твоя в молодости жизнь тому причиною. Сверх того, если бы я имел деньги, то, без всякого сомнения, получил бы я паспорт дворянской, но я оных и для пропитания моего не имею! Рассуди же сам, что мне оставалось сделать. Я сторговал было паспорт после одного бедного капитана, умершего скоропостижно, но, не могши достать денег, упустил оный, а купил его сын нашего соседа бочара и с оным отправился в Петербург, чтобы вступить в военную службу. Но тебе, любезный сын, я не советую вступать в военную службу, береги жизнь свою для сохранения жизни престарелого твоего отца: ты находишься теперь в такой земле, которая по справедливости почитается французскою Индиею, то, и не подвергая свою жизнь опасности, можешь ты приобресть золота, возвратиться в Марселию и пропитать бедную мою семью. Прости, любезный сын, и помни, что отец твой из северной части света, посредством твоим, ожидает теплого ветра, чтобы продолжить свою жизнь. Желаю тебе всякого благополучия. Прости. Я есмь отец твой, и проч.

P. S. Дядю твоего Гильома, портного, третьего дни ударил паралич; рассуди сам о моей печали: болезнь его отняла у него ремесло, а у меня последнее пропитание.

П р и м е ч а н и е. По справке с достоверными историками здешних трактиров, сей приезжий француз на пределах Российской Империи произвел сам себя в шевалье д е М а н с о н ж, а по приезде в Петербург, из любви к России, унизил знатность своего рода даже до того, что к одному посредственному россий-

скому дворянину вступил в должность учителя его детей и берет за сие только по пяти сот рублей в год, да сверх того имеет стол, слугу и корету. Но как сей трудолюбивый француз имеет еще много свободного времени (ибо дети сего дворянина один пяти, а другой шести лет), то и сие свободное время употребляет он к пользе россиян; а именно, простой рульной тертой табак[29] переделывает в розовой и продает по пяти и по десяти рублей фунт.

ЛИСТ ДЕВЯТЫЙ

ОДА РОССИИ

На одержанные ею в 1770 годе победы; на совершенное истребление турецкого флота, на разбитие татарского хана и пашей, а потом и самого верховного визиря и на взятье Бендер и прочиих городов, сочиненная

А. Б.[30]

К отечеству

Я первый плод трудов России посвящаю:
Отечество! прийми сей недостойный дар;
Хотя искусства нет, я ревностью пылаю,
И славити тебя во мне стремится жар.

ОДА РОССИИ

В начале самом дух хладеет:
Рука пера не может взять;
Ум к делу приступить не смеет,
Хоть нет мне нужды вымышлять,
Хоть полн преславных действ изрядством,
Но что-то есть ему препятством!
Я вижу, что́ его страшит:
Достойно петь он не умеет —
Но что ж! К чему он так робеет?
Искусство ревность заменит!

*

Воспой, о Муса тороплива,
Воспой великие дела,
Чрез кои храбрость терпелива

Россиян к торжествам вела
И тьмы побед им даровала,
И как рука их собирала
Повсюду лавровы венцы,
Стремясь с горячностью за славой,
Разя, как прежде под Полтавой
Разили шведов их отцы.

*

Умолкни вся теперь вселенна,
И гласу моему внемли.
Не ложью баснь к хвале сплетенна
Летит промчаться по земли,
Не вымысл здесь пустой играет,
Здесь истина сама вещает,
Победоносный слыша звук,
И зря дела России громки
Гласит, чтоб ведали потомки,
От чьих Стамбул потрясся рук.

*

А ты, всех славу превышая,
Ликуй, блаженная страна,
И рог свой к небу возвышая,
Являй, что власть тебе дана
Царей земных решити долю;
И что в твою поверглись волю
Победа с счастьем, возносись.
Петра Великого ты ныне
В премудрой зришь Екатерине:
Красуйся ею и крепись!

*

Взведи свой взор ты восхищенный
Во все вселенныя концы,
И зря, как меч твой раздраженный
Везде плетет тебе венцы;
Как слава с громкою трубою
Везде предходит пред тобою,
И слух тебя где возвестит;
Как твой прегордый враг трепещет,
Зубами в злобе как скрежещет,
И как, изъязвлен весь, дрожит.

*

Коль было зренью то приятно,
Как христианский род узнал,
Что счастье к ним несешь обратно
И что тобой спасен он стал;
Оковы тяжки разрывая
И клики к небесам пуская,
Народ несчастливый течет;
Луны [31] все знаки низлагает
И долу с игом повергает,
Орла [32] лишь твоего он чтет.

*

Отечество мое драгое,
Тебя зиждитель сам хранит:
Врагов твоих лукавство злое
Самим им в пагубу кипит.
За тя сам с высоты небесной,
Блистая в славе, бог всеместной,
Грозя, твоим противным рек:
«Я сам Россию защищаю,
И коль ее я сохраняю,
То что тут может человек?»

*

Открой нам, древность отдаленна,
Народов хвальные дела;
Открой и покажи, вселенна,
Котора чем земля цвела.
Светило небеси прекрасно,
Ты, озаряя всюду ясно
От век в течении твоем,
В какой сияло ты державе,
Чтобы была подобна в славе
России, в счастье и во всем?

*

Разверзлась книга дел прешедших:
Ироев видны имена,
Противу Трои в брань пошедших,
Земных страшащих племена.
Страны обиду отомщая,
Губят противных, убивая,
И Марс реками кровь лиет.
Но чтоб единый город Трою

Повергнуть греческой рукою,
Потребно было десять лет.

*

Являя мужество иройско,
Великий Александр пошел,
Разбил несчетно персов войско
И их страною овладел,
Тем смертных устрашил породы.
Потом, соединя народы,
Монархию установил
И Греции давал уставы;
Но, чтоб достигнуть оной славы,
Двенадцать лет употребил.

*

А там в кровавом видим споре
Страшащий именем своим,
Ужасный на земли и в море,
Надменный гордостию Рим.
Судьба, не зная, что́ препоны,
Навек повергла град Дидоны.[33]
Но чтоб разрушить Карфаген
И покорить чтоб римской власти
Страну полдневной света части,
Там слишком век употреблен.

*

Еще не слыхано на свете,
Чтоб снял другой какой народ
Такой в едином токмо лете,
Как мы, с трудов военных плод.
Как древность нас ни удивляет,
Но дел подобных не являет.
Россия, ты цветешь, как крин!
Где многие потребны годы,
Чтобы прославить смертных роды,
Тебе доволен тут един!

*

Но кое вдруг виденье красно,
В восторге мя к себе влечет!
Мой дух, забывши тело страстно,
К престолу вышнего течет

И зрит всемощную десницу,
Луну сотворшу и денницу,
И там судьба ей предстоит,
А вечность с книгою своею
Стоит со страхом перед нею.
«Открой!» она ей говорит.

«Хочу я в книге сей навеки
Закон мой смертным начертать
И неисчислимо, как реки,
России счастье предписать.
Петра Великого в ней племя
Да утвердится в вечно время;
Победу я вручаю ей,
Науки в ней да водворятся;
Земных колена, преклоняся,
Да с трепетом падут пред ней.

«Любовь моя к ней бесконечна:
Великий Петр то заслужил.
В ней правда воцарится вечна:
Сие отец мой положил.
Покой и мир да будет с нею,
И зависть поперется ею;
Коварство перед ней падет.
Я ей, подобну райску крину,
В залог дала Екатерину:
Она от зол ее спасет».

*

И написав то, что хотела,
Тут божьим именем она,
Слова те с клятвой печатлела,
Дабы их чтили времена,
И с бытием бы подтверждали,
Ее персты что начертали
И что всевышний положил.
Пространство скрылося широко:
Не видит больше бренно око,
Чем дух веселье ощутил.

*

К тебе я паки обращаюсь,
Благословенная страна,
И сердцем верным восхищаюсь,
Зря в радости, что ты одна
Могла то учинить на свете,
Чего не делал Рим во цвете,
И что твоя велика власть
Провозгласит грядущу роду
И будущу по нас народу
Благополучну нашу часть.

*

Морска пучина устрашилась,
Твоих бег видя кораблей;
И сила как твоя сразилась,
То сам служил тебе Борей;
Пожаром воздух весь стесняя
И пламень в небеса бросая,
Спешил врагов твоих всех стерть.
Земля и бездна трепетала,
Когда рука твоя метала
В противный флот ужасну смерть.

*

Там солнца вид во мгле дым кроет,
В нощь страшну пременяя день:
Там огнь в валах и пене роет,
Гоня густую светом тень.
Орудий челюсти, рыгая
И смерть со смрадом извергая
Из жерл своих на сопостат,[34]
Как адский зев, их устрашают.
Враги, оцепенев, не знают,
Что гонит их до смертных врат.

*

«Что се за громы, ударяя
С такою силой, бьют в эфир?
Иль страшны молнии блистая
Стремятся разрушити мир?
Знать вся вселенна погибает?»
Срацин[35] в отчаяньи вещает:

«Сокроемся под бездну вод!» —
Нет, нет, не свет то кончит веки;
Не бог разит, но человеки. —
Се твой Орлов сжигает флот! [36]

*

Нептун грозя ко всем вещает:
«Скажите мне, кто смертный сей,
Что мой покой мутить дерзает?»
Но зря, что то был Алексей,
Сказал: «Теперь я вижу ясно,
Что я стараюся напрасно
Власть прежню в море удержать;
Когда российский флаг здесь веет
И повелителем имеет
Того, кто знает побеждать».

*

Молдавские высоки горы,[37]
Что мыслили, как зрели вы,
Что, несмотря на все отпоры,
Ни на глубоки страшны рвы,
Россияне на вас взлетали
И с вас врагов стремглав метали;
Как бегли с вас паши и хан
Себя самих не познавая,
Лишь жизнь единую спасая,
Оставя нам обоз и стан.

*

А там, поднявшись в буйстве яром,
Надутый гордостию враг
Спешит, единым чтоб ударом
Рассыпать россов всех, как прах.
«С несчетной силою моею
Сию ль я горсть не одолею, —
Сказал визирь, — и не попру?»
Сердца россиян закипели,
Сотреть гордыню полетели,
Сраженье началось в жару.

*

Как вихрь, сгущенный многим прахом,
Взвивает в воздух облака;

Или как быстрая размахом
С горы текущая река
Все то, что ей ни попадает,
Влечет с собой и попирает,
Подобно россы так творят.
Не зная слабости, ни страха,
Разят противников с размаха
И ломят все то, что ни зрят.

*

Леса от ужаса мятутся,
Стонает воздух и ревет,
Вокруг кровавы реки льются.
Трепещет твердых гор хребет.
Визирь, зря гибель, утекает
И от руки, что гром бросает,
Бежит; но та гоняет вслед.
Не сила тамо превосходна,
Но токмо храбрость благородна
Дает ироям плод побед.

*

Смотри, Стамбул, на Халильбея,[38]
От нас ушедша за Дунай,
Смотри, как он, робея,[39]
На наш воззреть не смеет край!
Внемли и, взор простря ко брегу,
Свидетелю поносну бегу,
Гляди на свой ты срам и студ; [40]
Взирай на члены раздробленны,
Смотри, как россы отягченны
Корыстию,[41] твой плен ведут!

*

Дунай, своих зря бег, стыдился
И течь там больше не хотел:
Луны вид срамотой покрылся
И весь противничий предел.
А ты, Кагул, теперь гордяся
И спешно в радости лияся,
Вещай победу, что ты зрел;
Вещай, что ею ты стал славен,

Что ею Инд с тобой не равен,
Хоть там и Александр гремел.

*

Крутись, долины пробегая,
Будь беспределен в широте;
Стремись, сердца гор прорывая,
И в несравненной быстроте
Открой пути к теченью новы,
Срывай холмы, топи дубровы,
Ломи и все с собой неси
И, умножая вечно воды,
Промчись в незнаемы народы,
И росски там дела гласи!

*

А ты, ко славе в свет рожденный
Великий Севера Ирой,
Как мог полки ты утесненны
Сдержать? сказав: «Ребята, стой!» *
И тем их к долгу обращая,
Как веселился ты, считая
Себе всех более наград,
Как воины к тебе взывали,
И словом сим хвалу давали:
«Румянцев! ты прямой солдат!» **

*

Но что отсель мя отвлекает?
Какой я новый слышу глас?
Еще победу все вещает,
И все падет от россов в час.
Но нет! Я силы все теряю,
И как себя ни принуждаю,
Нельзя исчислить всех побед.
Однако что ёще, пылая

---

* Журнал военных действий 1770 года, месяц июнь. Предводитель наших войск, граф Петр Александрович Румянцев, во время славного сражения, бывшего июля 21, 1770 года, некоторые наши полки, приведенные в замешательство и обращенные в бегство, удержал и остановил одним сим словом: «Ребята, стой!».

** Там же: В день сего ж сражения солдаты, видев отличное мужество и неустрашимые дела своего предводителя, поздравляли его сим словом: Ты прямой солдат.

И страшно в ярости стеная,
В дыму и в пламе там падет?

*

Се славны в крепости Бендеры,[42]
Осады не стерпя вреда.
Противники христовой веры
Сего не мнили никогда
И невозможным то считали,
Чтоб россы ими овладали,
Быв снабдены к защите так
И бывши в силе превосходной,
Смеясь отваге благородной,
Ругался там осаде всяк.

Но как ты выю[43] горделиву
Сломил, скажи, о Панин, нам!
Довольствуй мысль нетерпеливу
И умственным дай зреть очам,
Как вы противных раздирали
И как с победой в град вступали;
Скажи, как род смирил ты злой
И как на место пышна града,
Развалин страшных лишь громада
Твоей осталася рукой?

А вы, преславные ирои,
Страны сей крепкая стена,
Российские прехрабры вои!
Прославить тщася имена
И для Отечества любови
Своей вы не щадите крови;
Ко одержанью вам побед
И для снисканья вечной славы
Не нужны строгие уставы,
Вас честь и долг везде ведет!

*

Но кто там в облаках блистает!
И чей я зрю пресветлый зрак?
Се П е т р Великий к нам сияет:
Се он, прогнав туманов мрак:

«Такой тебя возвыся славой,
Сам правит бог твоей державой, —
Гласит ко внуке [44] он своей: —
Господь тебя к моей утехе
Дал зреть всех дел моих в успехе.
Россия, чти меня ты в ней!

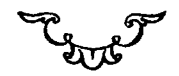
*

«Она твоей храм зиждет славы
На твердых вечности столпах;
При ней цветут мои уставы,
Она подобна мне в делах;
Щедротой дух ее блистает,
Она всех смертных превышает
В совете мудростью своей;
Великие ее заслуги,
Бессмертия взнесясь в округи,
Со мной готовят славу ей».

*

Что в радостну тебе судьбину
Всевышний дал от зол в покров
Великую Екатерину
И сих достойнейших сынов,
Россия, духом возыграйся
И счастьем с плеском возвышайся!
Промчися, слава, по странам,
Греми во все концы вселенной,
Что бог рукою неизменной
Российский род возвысил сам!

Конец Кошелька



ПРИЛОЖЕНИЯ

Но́виков или Новико́в?

Широко распространенная фамилия «Новиков» произносится в настоящее время с ударением на первом слоге. Основанием для этого служит убеждение, что она производится от имени прилагательного «новый» и сохраняет «присущее» ему, т. е. современное, произношение.

Однако это вовсе не так. Фамилия «Новиков» производится не от слова «новый», а от производного от него слова «новик». Самое слово «новый» есть современная форма старинного прилагательного «ново́й». Что прилагательное «ново́й» имело ударение на последнем слоге, видно из фамилии «Новы́х», а также из фамилий типа Толсто́й, Толсто́в, Долго́в, Коротко́в, Бело́в, Черно́в, Красно́в, Старо́в — известно, что фамильные прозвания обычно сохраняют старые формы, в том числе и старые ударения.

Нет необходимости пересматривать вопрос об ударении в фамилии «Новиков» у ее современных носителей — языковая практика, употребление («узус») имеют в данном случае решающее значение.

Было бы, однако, совершенно неправильно искажать по этой же причине обычное для XVIII в. произношение «Новико́в» (с ударением на последнем слоге) и заменять его, как это делают многие, современным «Но́виков». Это было бы так же ошибочно, как если бы мы стали писать фамилию Тредиаковского — «Третьяковский», «исправляя» орфографию ее владельца на том основании, что последняя форма логичней и этимологически правильнее первой.

Основания для произношения фамилий издателя «Трутня» — Новико́в — следующие:

1) Она, как и фамилия Новицкий, происходит от существительного «новик», имеющего ударение на «и», а не на «о», причем ударение, переходящее в косвенных падежах на окончание, — новика́, новику́ и т. д. Даль дает такое объяснение этому слову: «Нови́к [ика́], м. все новое, свежее: новый хлеб, квас, и пр. Стар. прислужник княжий из недорослей, мальчик, начавший службу при дворе, паж; ныне: новобранец, новичок; вновь поступивший в должность, на службу, в какое-либо званье, в пай, в артель, в общество, братство; в школах вновь поступивших зовут новичка́ми».[1]

[1] Изд. 4, т. II, стлб. 1426—1427.

В словаре Ушакова под словом Нови́к, а́ указано: «1. В Московской Руси — молодой дворянин, недавно вступивший на обязательную государственную службу при дворе (истор.). 2. Человек, недавно принятый на какую-нибудь должность, начавший заниматься кой-н. новой работой, новичок (устар.)».[1] «Настольный словарь» Ф. Толля поясняет данное слово так: «до Петра I так назывался каждый пожалованный царским окладом; иначе — не определенный, но имеющий на то законное право по происхождению».[2]

Фамилия Новиков произошла обычным образом. На вопрос «чей сын?», задававшийся при присвоении фамилии, отвечали: «новико́в сын», т. е. «сын новика́».

В «Материалах для истории русского дворянства» В. Н. Сторожева приведены данные о роде Н. И. Новикова; самый отдаленный предок писателя, Меркулей Михайлович (начало XVI в.), уже именовался Новиковым.[3]

2) Первая изданная Н. И. Новиковым книга «Две повести»: «Аристоноевы приключения» и «Рождение людей Промифеевых» (СПб., 1766) — содержит письмо от переводчика, М. Попова, «к Николаю Ивановичу, г. Навикову». Если бы фамилия Новикова произносилась тогда с ударением на первом слоге, подобная опечатка была бы невозможна.

Повидимому, и сам Н. И. Новиков в 60-х годах XVIII в. писал свою фамилию таким же образом. Г. П. Макогоненко любезно сообщил мне, что в протоколах Комиссии 1767 г., подписанных Новиковым, находятся его подписи и с «а» и с «о».

3) Никола́-Габриель Леклерк, автор «Histoire de la Russie moderne» (P., 1783), излагая историю русской литературы, пишет: «C'est á Mr. Navicoff que je dois la plus grande partie de mes connaissances sur la Littérature Russe» (p. 96) («Большей частью своих сведений о русской литературе я обязан г-ну Навикову»). Опять-таки, если бы фамилия Новиков произносилась с ударением на первом слоге, француз Леклерк не мог бы не отразить этого в своем тексте.

4) Существуют стихотворные тексты XVIII в., посвященные Н. И. Новикову и содержащие в качестве рифмы его фамилию. Она всегда рифмуется со словами, оканчивающимися на слог «ов» под ударением. В рукописных «Разных сочинениях» князя Василия Дмитриевича Голицына (1752—1822), находившихся в одной частной коллекции, есть эпиграмма на Новикова, из которой приведем часть:

Вчера в одной беседе
Зашелся спор большой в обеде,

---

[1] Т. II, стлб. 586.

[2] Т. II, стр. 1020.

[3] Чтения в Об-ве истории и древностей российских, 1909, кн. 3, ч. I, стр. 197.

Что будто Н...
Не сочинял стихов.
Он много в «Трутне» их запрятал...

Что речь здесь идет о Новикове, издателе «Трутня», сомнения быть не может.

Другое стихотворное упоминание о Новикове в интересующем нас плане находится в «Послании к Привете» (1807) А. Палицына, незначительного поэта конца XVIII—начала XIX в.; «Послание к Привете» представляет стихотворный каталог русских писателей XVIII в. с критическими характеристиками. О Новикове он пишет так:

. памятник творцам российским зиждет вновь
Их нежная к Отечеству любовь.
С произнесением сего священна слова
Здесь имя и труды мы вспомним
Новикова..[1]

5) Автор первой монографии о Новикове М. Н. Лонгинов, который знаком был с лицами, непосредственно знавшими Новикова, специально отметил на титульном листе и на шмуцтитуле своей книги при помощи значка ударения правильное произношение — Новикóв.

---

[1] «Литературный архив», издаваемый П. А. Картавовым. СПб., 1902, стр. 25 (особой пагинации).

КОММЕНТАРИИ

Трутень 1769 г.*

[Лист I]

[1] Они работают, а вы их труд ядите — из притчи Сумарокова «Жуки и пчелы» (Полное собрание всех сочинений, т. VII, М., 1787, стр. 49). На титульном листе второго издания «Трутня» был поставлен эпиграф, ранее предпосланный «Трутню» на 1770 г. — «Опасно наставленье строго, Где зверства и безумства много. Прит(чи) Г[осподина] Сумар[окова]». Из притчи «Сатир и гнусные люди» (там же, т. VII, стр. 130).

[2] Нарышкин Лев Александрович (1733—1799) — один из близких ко двору Екатерины вельмож. Посвящения Нарышкину в первом издании «Трутня» не было.

Предисловие

[3] Участный — личный, частный.

[4] Приказная служба — служба в качестве чиновника.

[5] Случайные люди — так называли в XVIII в. фаворитов (случай — удача): люди в случае.

[6] Без пользы свету жить, тягчить лишь только землю — цитата из Сумарокова.

Лист II

[7] 1. в третьем годе — в позапрошлом году.

[8] 2. Письмо «Любезный племянничек» едва ли принадлежит самому Новикову. В примечании издателя «Трутня» после письма указано, что притча, которая будет помещена в следующем листе журнала, была прислана от дяди. Так как эта притча «Два вора» принадлежит М. И. Попову, в «Досугах» которого она была позднее перепечатана, в литературе сложилось мнение, что и письмо дяди — произведение Попова. Однако это приме-

* В примечаниях к «Трутню» слово «Лист» и римская цифра означают «лист» журнала и его порядковый номер; арабская цифра — номер статьи в журнале (нумерация статей была сплошная, проходящая через все листы каждого полугодия).

чание Новикова могло быть условным литературным приемом для объединения двух односюжетных произведений. Вообще в «Трутне» иногда встречаются случаи, когда вслед за прозаической статьей в том же или ближайшем листе идут стихотворения, развивающие тот же сюжет.

[9] по нынешним указам — Екатерина II при вступлении на престол (1762) издала указ о запрещении взяточничества; периодически подобные указы повторялись, так как реального значения они не имели. Об этом и говорят дальнейшие строки сатирического письма дядюшки.

[10] Прокурор — институту прокуроров Екатерина II придавала большое значение в деле искоренения взяточничества; предположения ее не оправдались; о взяточничестве самих прокуроров в последующей литературе писалось немало; ср. комедию В. В. Капниста «Ябеда».

[11] Пул — мелкая монетка, четверть копейки.

[12] Святцы — церковная книга, содержащая в календарном порядке список святых и церковные праздники, иногда и некоторые церковные тексты.

[13] Вирши — стихи; верши — сети.

[14] на нас и просить нельзя будет — на нас нельзя будет жаловаться в суд.

[15] укреплю — передам по закону.

Лист III

[16] Серяк — серый кафтан простолюдина.

[17] Съезжая — изба, которую сообща снимали приезжавшие на ярмарку жители окрестных деревень; здесь часто случались кражи, на что и намекает притча.

[18] оправляют — оправдывают.

[19] 3. Мне и славные русские трагедии кажутся ничего значущими — вместо «ничего не значащими»; здесь пародируются стилистические особенности предисловий В. И. Лукина, предпосылавшихся издаваемым им пьесам. Предисловий к пьесам до Лукина никто из русских драматургов не писал. Появление пространных предисловий Лукина вызвало насмешки над ним его литературных противников. Славные русские трагедии — Лукин критиковал трагедии Сумарокова, которые очень высоко ценили современники.

[20] «Зять и Тесть» точнее «Тесть и Зять» — комедия французского писателя Колле, переведенная Лукиным и изданная им в 1768 г.

[21] хотел было все это написать в предисловии — см. о предисловиях Лукина прим. 19.

[22] Письмена — литература.

[23] не знаю... где какие препинании — в тексте «Трутня» указанные особенности пародии не соблюдены.

[24] Удивительная и вопросительная — восклицательный и вопросительный знаки.

[25] слишком шесть лет марает бумагу — литературная деятельность Лукина началась в 1763 г.

[26] «Сочинения и переводы» Лукина вышли в 1765 г. в двух частях. Как ли — вместо «как» (в значении «так как»), Лукин писал «как ли» и «как ли ни».

Лист IV

[27] «Мот вразумившийся» — комедию «Мот, любовию исправленный» Лукин считал своей оригинальной пьесой, не связанной с «Мотом» Ф. Н. Детуша (1680—1754); впрочем, эту комедию Детуша он очень высоко ставил; «сделана детушевым вкусом» — намек в адрес Лукина. «Мот» напечатан в «Соч-х» Лукина, т. I.

[28] Письмо, подписанное «пребуду вам неизвестным», принадлежит Д. И. Фонвизину, давнишнему противнику В. И. Лукина. В 1769 г. Фонвизин находился в отпуску в Москве. Настоящее письмо было послано не только в редакцию «Трутня», в котором оно было напечатано, но и в журнал «Всякая всячина», где под № 63 (во «Всякой всячине» листы журнала нумерации не имели, а статьи печатались без заглавия под номерами) было напечатано следующее: «Письмо, подписанное: „Пребуду вам неизвестным. Москва, 1769 год, № 1“ не отдается от нас в печать для того, что оно уже в „Трутне“ узрело свет» (стр. 168). Следует помнить, что Фонвизин учился вместе с Новиковым в Московской университетской гимназии и сохранил с ним и в дальнейшем дружеские отношения.

[29] Неизвестного мне господина — это примечание Новикова обращено не к реальному автору письма, а к изображенному в этом письме Лукину. Очевидно, к Лукину же относится и следующая за письмом «Эпиграмма» («Осьмым тебя, мой друг, все чудом почитают...»); эта эпиграмма принадлежит М. И. Попову, в «Досугах» которого она была в 1772 г. перепечатана.

[30] Стихи эти представляют перевод латинской эпиграммы стихотворца 1720-х годов Феофила Кролика, обращенной к сатирику А. Д. Кантемиру; перевод принадлежит И. С. Баркову (см. «Сатиры» Кантемира. СПб., 1762, стр. 22 нен.).

[31] 4. «Ведомости» — подражание «Санкт-Петербургские ведомости».

[32] Асалоп — салоп, верхняя женская одежда, большею частью теплая.

Лист V

[33] 5. Прабабка — «Всякая всячина».

[34] Некстати умствующим прокурором здесь называется журнал «Всякая всячина».

[35] Нижé — ни, равным образом; ни, тем более.

[36] Письмо Правдулюбова направлено против позиции «Всякой всячины» в вопросе о задачах, характере и пределах сатиры. Под псевдонимом Правдулюбов скрывался сам издатель «Трутня», Н. И. Новиков. На это намекает несколько неясная фраза в конце письма: «Может статься, скажут г. критики, что мне, как Трутню, с Трутнем иметь дело весьма сходно; но для меня разумнее и гораздо похвальнее быть Трутнем, чужие дурные работы повреждающим, нежели такою пчелою, которая по всем местам летает и ничего разобрать и найти не умеет». Здесь Правдулюбов, вопреки тому, что начало письма писал как лицо постороннее издателю «Трутня», указывает, что он и есть «Трутень» («мне, как Трутню»... «для меня разумнее и гораздо похвальнее быть Трутнем»). В другом месте (наст. изд., стр. 237) Новиков в примечании также дает понять, что он и есть Правдулюбов: «Во Всякой всячине, правда, что она [брань], относится к лицу г. Правдулюбова, но в И то и сё, без рассуждения и без причины, прямо на мое лицо, что хотя и не походит на П(равдулюбова?), но я...». Кроме того, в «Адской почте» Ф. А. Эмина, близкого приятеля Новикова, несколько раз говорится о «нашем Правдолюбове» (стр. 315—316). Следует иметь в виду, что слово «наш» означало также название буквы Н; «наш Правдолюбов» у Эмина должно было обозначать Н. Правдолюбов, т. е. Н. Новиков. Эмин писал не Правдулюбов, а Правдолюбов.

Таким образом, в число произведений Новикова должно отнести все статьи, подписанные псевдонимом «Правдулюбов»; эти статьи являются наиболее последовательно принципиальными в «Трутне».

Популярным псевдонимом Правдулюбов, в несколько измененной форме (Правдолюбов) пользовались и другие авторы. Так, во «Всякой всячине» под № 80 было напечатано письмо некоего Правдолюбова; под № 102 говорится о письме Аврама Правдолюбова; в журнале «Смесь» статьи под псевдонимом «Правдолюбов» печатал издатель этого журнала, Л. И. Сичкарев, в «Адской почте» — кто-то из придворной знати.

[37] 9 маия 1769 года — 9 мая православной церковью празднуется память перенесения мощей св. Николая Мирликийского; Новиков (родился 27 апреля 1744 г.) был назван Николаем именно в память этого церковного праздника. На связь даты письма Правдолюбова — 9 мая 1769 г. с днем ангела Новикова обратил мое внимание Г. П. Макогоненко.

[38] 6. Один славной российской стихотворец — имеется в виду Сумароков, не перепечатывавший своих ранних стихотворений конца 1730—начала 1740-х годов; в своей «Трудолюбивой пчеле» (1759, декабрь, стр. 764) Сумароков, обращаясь к молодым писателям, советует им: «Сделайте то с первыми сочинениями своими, что сделал я с своими, девять лет писав, бросьте все оные в печь».

[39] Статья из Русского словаря, возможно, принадлежат Д. И. Фонвизину: это произведение близко к другим аналогичным произведениям Фонвизина в области «сатирической филологии» («Опыт российского сослов-

ника» и др.), оно близко к написанной в том же 1769 г. комедии «Бригадир», продолжает борьбу с Лукиным, начатую в письме «Неизвестного» из Москвы; совпадает и орфография этих двух произведений: окончание именительного и винительного падежей множественного числа существительных среднего рода на «ие» — «ии», например — «сочинении», тогда как в других статьях «Трутня», в особенности принадлежащих Новикову, употребляется форма «ия» — «сочинения».

[40] 7. Эпитафия направлена против Лукина, портрет которого дан в письме «Неизвестного» из Москвы: «я... успел... вырость без мала в два аршина с половиною, а станом похож на астронома» (наст. изд., стр. 53). Эпизод, рассказанный в данном стихотворении, находится и в журнале «Парнасский щепетильник» за 1770 г. в статье «о стихотворце драмматическом»: «Некогда набрел он на фонарный столб и так сильно ударился в него лбом, что оной потряссия и, хотя не упал, однако от такого изрядного удару масло в фонаре погасло. Тогда закричали идущие мужики, не зная, что он стихотворец: столп на столп нашел» (стр. 13—14). Слова «сего же имени», вероятно, имеют в виду прозвище — столб, данное Лукину за его высокий рост.

Лист VI

[41] 8. Отменно — исключительно хорошо.

[42] миниатурного живописца — живописца, рисующего миниатюры. Повидимому, речь идет о миниатюристе Андрее Чернове, о котором известно только, что он работал в качестве миниатюриста между 1768 и 1771 гг.; ему принадлежит серия миниатюр-портретов семейства графов Орловых. Вероятно, «некоторой знатной господин», купивший миниатюриста за 500 рублей, — один из графов Орловых. Фраза: «сей господин старается, чтобы живописца приняли в Академию художеств», объясняется тем, что в Академию в то время принимали только малолетних детей. Об А. Чернове см.: В р а н г е л ь Н. В., бар. Очерки по истории миниатюры в России. «Старые годы», 1909, № 10, стр. 512.

[43] Фабрикант здешней (т. е. ярославской) бумажной фабрики — со времени Петра I бумажная мануфактура была сосредоточена в Ярославле. В 1760—1770-х годах ярославская фабрика принадлежала А. И. Затрапезному.

[44] «Trompeur» (фр.) — обманщик.

[45] «Vetilles» (фр.) — безделушки.

[46] Перья голландские — гусиные перья для письма.

[47] по положенному у одной престарелой кокетки о любовниках штату — намек на быструю смену фаворитов у Екатерины II.

[48] Акционист (вм. аукционист) — чиновник, продававший с публичного торга выморочное или описанное властями имущество.

[49] Недавно пожалованной воевода — см. в журнале «Пустомеля» (наст. изд., стр. 279) стихотворение К. А. Кондратовича.

[50] Кащей — главное действующее лицо в комедии Сумарокова «Лихоимец»; прототипом Сумарокову послужил его шурин А. И. Бутурлин. Что в данном случае затрагивается то же самое лицо, можно видеть из следующего места в письме Правдулюбова (наст. изд., стр. 137); «Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок; осмеянной по справедливости Кащей со временем будет общий подлинник всех лихоимцев».

[51] Жидомор — имеется в виду крупнейший петербургский банкир второй половины XVIII в. Я. И. Жадимеровский.

Лист VII

[52] 10. Загон земли — четверть гектара земли.

[53] 11. Эпитафия I. «Здесь спит моя жена». — Об этой эпиграмме см. «Поэты-радищевцы», под ред. В. Н. Орлова, Л., 1934, стр. 782.

[54] Издатель Трутня обещался публике — во втором издании «Трутня» эта статейка опущена. Здесь Новиков отмежовывается от Правдулюбова как лица постороннего.

Лист VIII

[55] Всякой всячине, своей современнице — «Всякая всячина» считала себя «прабабкой» всех последующих сатирических журналов; этой фразой Новиков намеренно подчеркивает свою независимость от Екатерины.

[56] 13. были на Руси сатирики и не в его пору, но и тем рога посломали — имеется в виду А. Д. Кантемир, отправленный в качестве посла в Англию и Францию с целью ослабить его деятельность как сатирика.

[57] нравится оно семерым знатным боярам, которых я знаю — см. прим. 206 к л. XXXII. (81).

Лист IX

[58] 14. Акциденция — это слово в языке XVIII в. означало: «взятка» (accidence по-французски — случайность, т. е. случайные доходы).

[59] по полушечке только в день на рубль — по четверть копейки в день, то есть $91^1/_4$ коп. на рубль в год, почти по 100%.

Лист X

[60] 15. Целую неделю у меня денег не было — эта статья, как и ряд других, подписанных буквами N. N., принадлежит Н. И. Новикову, в раннем почерке которого русская буква Н (прописная) изображалась, как большое французское N; издательская марка Новикова в 1760-х годах представляла монограмму, состоящую из двух переплетенных N. (См. вос-

произведение этой марки в книге Л. Б. Светлова «Издательская деятельность Н. И. Новикова». Л., 1946, стр. 65).

[61] Пактол — некогда золотоносная река в Лидии (Малая Азия).

[62] проиграл с оника — проиграл в карты сразу, с первого хода, не имея никаких еще записей; «оник» — уменьшительное от названия буквы «о» («он»); «о» — народное осмысление цифры «нуль» (0).

[63] Складень — предмет, состоящий из двух или трех скрепленных петельками пластинок; обычно в виде складня делались иконы, и крышки складня в таком случае украшались драгоценными камнями.

Лист XI

[64] 16 и 17а. Сказки «Игрок, сделавшийся писцом» и «Стыд хулителю» принадлежат А. О. Аблесимову (1742—1783), автору «Сказок в стихах», изданных в 1769 г.; больше всего А. О. Аблесимов известен своей комической оперой «Мельник-колдун, обманщик и сват», написанной не позднее 1772 г. и изданной в 1779 г. О последней сказке см. «Всякую всячину» (№ 121, стр. 323). Писец — В. И. Лукин; в предисловии к комедии «Мот, любовию исправленный» Лукин заявил о том, что больше не будет играть в карты.

[65] Беремя — вязанка, охапка.

[66] Фаэтонт, Фаэтон — согласно греческой мифологии, сын Феба, выпросивший у отца разрешение править его небесной колесницей, запряженной огненными конями; не будучи в силах сдержать коней, Фаэтон зажег небо и был за это свергнут с неба на землю.

[67] Ценить — поносить, ругать.

[68] 17. Эпиграмма «Очистил секретарь свои от взяток руки» — отсутствует в обычных изданиях «Трутня». Впервые стало известно о ней в научной литературе из статьи казанского профессора Н. М. Петровского «Об изданиях „Трутня“» («Литературный вестник», 1903, кн. 6, стр. 136—142). Н. М. Петровский на основании расхождений, обнаруженных им в ряде комплектов «Трутня» за 1769 г., высказал предположение, что, кроме двух известных изданий этого журнала, существовало еще одно, ускользнувшее от внимания историков литературы и журналистики. Экземпляр Петровского сохранился и находится в настоящее время в собрании доц. И. Д. Смолянова, благодаря любезности которого я получил возможность проверить указания прежнего владельца книги. Если сопоставить описание в «Литературном вестнике» с экземпляром И. Д. Смолянова, то окажется, что описание не вполне точно: по словам Н. М. Петровского, на титульном листе данного комплекта перед словами «В Санктпетербурге», будто бы напечатано: «Вторым тиснением». На самом деле такой строки в экземпляре И. Д. Смолянова нет. Между тем нет сомнения, что в собрании Смолянова находится экземпляр, безусловно принадлежавший Петровскому: на титульном листе и на стр. 11 отчетливо виден красновато-лиловый отпе-

чаток овального штемпеля: «Библиотека М. П. и Н. М. Петровских». Таким образом, либо Н. М. Петровский, описывая свой экземпляр, допустил неточность, либо перед нами новый экземпляр, поступивший в библиотеку Петровских после опубликования статьи в «Литературном вестнике». Во всяком случае эпиграмма «Очистил секретарь» находится только в петровско-смоляновском комплекте «Трутня» за 1769 г. Н. М. Петровский, имея переплетенный комплект листов «Трутня», решил, что это обязательно особое, ранее неизвестное издание журнала. Можно, однако, высказать и другое предположение: среди листов второго издания «Трутня» за 1769 г. в данном комплекте по счастливой случайности сохранился экземпляр листа XII от 14 июля в его первоначальном виде; очевидно, «Эпиграмма» была запрещена цензурой, после чего Новикову пришлось перепечатать этот лист и поместить, взамен удаленного цензором стихотворения, прозаическое произведение «Господин издатель! Хочу вас уведомить..
(в обычных новиковских изданиях «Трутня», стр. 94—96); кстати отмечу, что доцензурный лист XII по ошибке начинается со стр. 88, которой кончился предшествующий л. XI, а заканчивается стр. 95

Причиной запрещения «Эпиграммы» было, вероятно, ее содержание: автор показывает, что если чиновник (секретарь) и не хотел бы брать взяток, принятый в то время порядок выдачи заработной платы (жалованья) по третям года толкал его на взяточничество. Таким образом, эпиграмма откровенно критиковала одну из отрицательных сторон тогдашней бюрократической системы, являвшуюся одной из причин взяточничества чиновников.

Можно не сомневаться, что, когда через полтора месяца в л. XVIII журнала в отделе «Ведомостей» было помещено объявление «издателю „Трутня" для наполнения еженедельных листов потребно простонародных сказок и басен, ибо из присылаемых к нему сатирических и критических пиес многих не печатают», поводом для опубликования этого объявления было также запрещение «Эпиграммы» «Очистил секретарь свои от взяток руки».

Лист XII

17. Талия — муза комедии.

70 Доводы делать — критиковать, оценивать.

Лья — можно.

Гоститься — чувствовать себя гостем, церемониться.

73 Лирик — Ломоносов.

74 Драмматист — Сумароков.

18. на некотором мосту — в Москве на Спасском мосту, рядом Московской духовной академией, ютились издатели лубочных книжек и картинок; преимущественными поставщиками текстов для этих изданий были студенты Академии (Заиконоспасской школы). Здесь имеется в виду реакционный поэт В. П. Петров (1737—1799), усиленно выдвигавшийся Ека-

териной II в качестве «преемника» Ломоносова; Петров окончил Московскую духовную академию.

76 счастие, на которое он как-то налез — Петров был чтецом и библиотекарем Екатерины II.

77 Дифирамв Пегазу — пародия, написанная А. П. Сумароковым на крайне напыщенную оду Петрова «На карусель», изданную отдельно в 1766 г., вскоре после появления Петрова на литературном поприще; в «Полном собрании всех сочинений» Сумарокова пародия напечатана без заглавия (ч. II, стр. 211—213); под заглавием «Дифирамб Пегасу» напечатана в «Стихотворениях» Сумарокова (1934).

78 Трагедия г.* — «Пантея», трагедия Ф. Я. Козельского (1734— ум. после 1791 г.), вышедшая в свет в 1769 г.

79 в некотором журнале в 24 и 25 неделе — в еженедельном журнале М. Д. Чулкова (1736—1794) «И то и сё» в неделе 24 был напечатан разговор издателя с портным, порицавшим обильно размножившиеся журналы.

80 басни о козленке и прочие из итальянской Венерониевой грамматики печатает — в учебнике итальянского языка «Le maitre italien» (1710) Жана Виньерона или Венерони была напечатана шутка: двум молодым девушкам, удивлявшимся при виде безрогого козленка, пастух объяснил, что рогов у козленка нет, так как он еще не женат. Грамматика Венерони была издана в русском переводе в 1759 г.

81 Матери его — «Всякой

Лист XIII

82 19. Уреченные — положенные.

83 Сирский — сирийский.

84 Стозмей — под этим условным именем в «Трутне», «Смеси» «Адской почте» изображался реакционный театральный деятель и писатель П. С. Свистунов (1732—1808). В том, что Стозмей — это Свистунов, убеждает эпиграмма, помещенная в журнале «Смесь», стр. 160:

Я думал, что Стозмей не знает ничего,
И за глупца [всегда] считали мы его,
Затем что разум в нем не всякой скоро сыщет.
Однако я нашел, что хорошо он свищет.

Как во многих других эпиграммах, так и в данной разгадка — адрес заключается в последней строке: «Хорошо он свищет»; значит, он — хороший свистун, то есть Свистунов. Вероятно, Стозмеем Свистунов назван для обозначения того, что он «свистит» как сто змей.

85 Злорад — вероятно, имеется в виду В. И. Лукин.

При перепечатке этой статьи в третьем издании «Живописца» (1775) фразы о Стозмее и Злораде заменены следующей: «не столько веселится мотишка, когда отец его, смертию своею оставил его властителем своих сокровищ, которые он собрал, раззоряя бедных просителей» («Живописец»,

вып. 3, стр. 42). Это обстоятельство соответствует указаниям издателя «Адской почты» Ф. А. Эмина, что «наш Правдолюбов» (т. е. Правдулюбов-Новиков) «имеет теперь хорошие мысли» о Стозмее(-Свистунове) («Адская почта», стр. 315) и что «Правдолюбов, хотя [желая] загладить некоторую свою давную пред Л[укиным] вину, старается теперь оную наградить почтением» (там же, стр. 316).

[86] Балтийской порт — в XVIII в. Балтийский порт (ныне г. Палдиски в Эстонской ССР) был местом ссылки на каторжные работы.

[87] Кошки — плеть с несколькими хвостами, или концами, употреблявшаяся в качестве орудия пытки или наказания.

Лист XIV

[88] 20. Надпись к роще его превосходительства Л. А. Нарышкина — этой роще в журнале М. Д. Чулкова «Парнасский щепетильник» (1770, стр. 183—185) посвящены также стихи В. Г. Рубана: «Описание рощи, находящейся при приморской его превосходительства Льва Александровича Нарышкина мызе, именуемой Левендаль, в 11-ти верстах от Санкт-Петербурга по Петергофской дороге». Надпись в «Трутне», если судить по примечанию, принадлежит Н. И. Новикову.

[89] 21. Быль «Прохожие» — очевидно принадлежит А. О. Аблесимову, как и другие произведения этого жанра, печатавшиеся в «Трутне». Замечательны стихи: «А труд, спроси-ка, чей? и т. д.»; здесь впервые в русской поэзии XVIII в. высказывается мысль о труде народа как источнике благосостояния и культуры помещиков.

[90] 22. Письмо Б. К. «Пламя войны и между сочинителями возгорелось». В 1769 г. началась война России с Турцией, поэтому в письме Б. К. полемика между журналистами описывается в терминах реляций о военных действиях. Письмо, подписанное «Б. К.», принадлежит Ф. А. Эмину, пользовавшемуся иногда псевдонимом «Бесовский корректор» (см.: «Всякая всячина», стр. 128); отсюда и подпись «Б. К.», представляющая инициалы полного псевдонима. Прежние комментаторы полагали, что «Б. К.» означает «Бес кривой» (из «Адской почты»). Ему же принадлежит следующая за «Письмом» «Задача и решение».

[91] вашему Трутню в прошедший вторник немалое было бомбардирование. Во вторник 14 июля 1769 г. вышла «двадесять осьмая неделя» журнала «И то и сё»; здесь по поводу «Трутня» было сказано следующее: «Потом попалось мне в руки сочинение господина Трутня. Сей человек показался мне, что он объявил себя неприятелем всего рода человеческого. Тут кроме язвительных браней и ругательства, я не нашел ничего доброго; для чего послал я к одному моему приятелю попросить еще несколько листков его же журнала: но что я увидел? тут грубость и злонравие в наивысочайшем блистали совершенстве; его ведомости соплетены были из ругательства и поношения ближним, и естьли б ему верить, то бы надлежало возыметь совершенное от всех людей отвращение; но я подумал, что и он

человек же и что, может быть, пороки, которыми язвит других, ему еще более всех свойственны; и как он описал себя весьма праздным, то сие наипаче утвердило меня в сем мнении, поколику праздность есть кормилица пороков, в нежных которой объятиях созревают сии благословенные плоды весьма поспешней, нежели под тернием трудолюбия; то сие рассуждение принудило меня возыметь противное мыслям его о нем заключение. Будуч же всегдашний друг общества, в числе которых полагая и самого себя, мог согласиться с им, чтоб услаждаться других поношением».

[92] Всякая всячина добрый вытерпела залп — о «Всякой всячине» в цитируемой статье в «И том и сём» было сказано: ...прошедшую недълю собрав все листки, еженедельно издаваемые и ежемесячно обещанные, и прилагал всевозможное старание по свойству сочинений составить хотя малое понятие о качествах сочинений наших. Признаюсь вам чистосердечно, что прежде нежели прочел сочинение каждого, не на вас упал мой жребий. Древность почитать всем нам свойственно; почему Всякая всячина, как праматерь, овладела было моим желанием, но забыл, что старость имеет свои слабости и что с уменьшением телесных сил ослабевают вместе и душевные дарования. Приведя сие на мысль, рассудил я прежде прочесть последний листок ее сочинений. Но как я удивился, увидя ее начинающею учиться лягушачья языка! с крайним сожалением сердца познав сие ее состояние, боже мой! сказал я тогда с внутренним соболезнованием: вот как тебе угодно было в свет произвести человека. Чрез несколько лет и я Всякой всячине подобен буду, потерявши то, что украшает человечество, возненавижу может быть и я так же людей, как она возненавидела, и буду стараться искать тех совершенств в презренных тварях, которые тебе угодно было дать избраннейшей. Сего уже довольно было переменить мое намерение и от старости ослабевающий разум оставить в покое».

[93] Адскую почту атаковала какая-то неизвестная партия — журналу Эмина было в цитируемой статье в «И том и сём» посвящено следующее: «Адская почта, хотя наименованием своим меня и не устрашает; но как она весьма нова и имеет некоторые еще не вразумительные намерения, почему о ней никакого заключения сделать не возможно; притом же я с самого младенчества к духам адским толикое получил омерзение, что не только переписки с ними, но и получение писем чрез курьера сего рода мне не нравится; и для того ее оставлю».

[94] Что касается до пасквиля — имеется в виду помещенное в том номере «И того и сего» стихотворение:

Аз
Не без глаз.
Смотрети я умею
И, что на пользу мне, конечно, разумею.
Болван и дерево единыя природы
И вышли уж они давно у нас из моды,

А прежде им во храмах покланялись
И их боялись,
Невежи в старину почтение имели
Писати не умели,
Однако за сукном за красным те сидели
И все дела решали, как хотели.
Но ныне уж не так!
Мы видим издали, кто глуп и кто дурак.
На чем стоит земля, мы это разумеем
И много ли на ней
Людей,
Хотя пересчитать сего мы не умеем,
Однако положить число мы оным смеем,
А сколько дураков,
Вопрос таков
И я один решу
И против формы в том ничуть не погрешу
А как?
Вот так.

Кто думает, что он умнее всех людей
За тем, что выше всех взбивает лишь тупей, —
Дурак.

Кто думает о том, чтоб модно нарядиться,
И в платье так, как бес пред завтреней, вертится, —
Дурак.

Кто от роду нигде ленясь не работает,
Но только, живучи на свете сем, мотает, —
Дурак.

Кто льстит другим в глаза, а за очи бранит
И ближнему сплести погибель норовит, —
Дурак.

Кто праотцев своих сатирами поносит
И похвалы себе от всех за это просит, —
Дурак.

Кто цифров не учил, но летописи строит
И Волгою брега Санктпетербургски моит, —
Дурак.

Кто взялся написать историю без смысла
И ставит тут Неву, где протекает Висла, —
Дурак.

Кто об египтянах нам тщится предлагать,
А сам он о себе не знает, как сказать, —
Дурак.

Кто умным никогда писателям не верит
И думает, сама в них правда лицемерит, —
Дурак.

Кто взапуски писать примается с Вольтером
И думает тому в писме он быть примером, —
Дурак.

Кто думает себя хвалой превознести
За то, что он умел романа с три сплести, —
Дурак.

Кто разума в себе, ни смысла не имеет,
Но важные писать истории он смеет, —
Дурак.

Кто глупости своей дает и злости волю,
Зоилову во всем наследовал он долю, —
Дурак.

Кто всех без выбору сограждан ругает
И только одного себя лишь почитает, —
Дурак.

Кто много чересчур иль слишком написал,
Однак ругать людей нигде не пропускал, —
Дурак.

Кто мертвым и живым покоя не дает
И думает, пред ним виновен весь сей свет, —
Дурак.

Кто мир и тишину и дружбу ненавидит
И без причины он других людей обидит, —
Дурак.

Кто ближнего злодей и враг себе, конечно
Безмозглой человек, скажу чистосердечно, —
Дурак.

Конечно, так,
То подтвердит и всяк,
А я еще к тому вдобавок прибавляю,
Что глупости в осле не столько обретаю,
Колико в сих людях, именованных мною,
Которы не дают в сей жизни нам покою.

Это стихотворение направлено против Ф. А. Эмина, автора «Российской истории» (1766) («Кто взялся написать историю без смысла») и ряда нравоучительных романов («он умел романа с три сплести»).

[95] Д. П. — повидимому, под этими инициалами скрылся издатель «И того и сего» М. Д. Чулков; по крайней мере, в помещенной в том же листе XIV «Трутня» «Задаче», являющейся ответом Ф. А. Эмина на стихотворение «Аз не без глаз», объектом нападения является М. Д. Чулков.

[96] 24. Кто в полустишии речь целую ломает — в «Стихах на качели», написанных шестистопным ямбом, Чулков часто нарушает правило об обязательном положении цезуры после первого полустишия; отсюда насмешка Эмина над Чулковым, что он ломает слова («речь» — по-славянски «слово») в полустишии.

[97] Дерзает воспевать качели с семиком — М. Д. Чулкову принадлежат «Стихи на качели» («И то и сё», неделя 16—18) и «Стихи на семик» (там же, неделя 22). В этих ирои-комических поэмах Чулков нападал на Эмина. Семик (от слова «седьмой») — старинный народный праздник, приходившийся на седьмой от пасхи четверг.

[98] И кто в поэзии аза в глаза не знает — имеется в виду не только общая оценка поэм Чулкова, но и начало вызвавшего полемику стихотворения «Аз Не без глаз».

[99] По мненью моему писатель сей таков, Как вздел бы кто кафтан, не вздев сперва чулкóв — в числе приемов полемики писателей XVIII в. было такое построение фразы, при котором имя лица, о котором шла речь, упоминалось в наиболее близком к основной форме виде; в данных двух стихах последнее слово прямо называет осмеиваемого писателя — Чулков. На это стихотворение Чулков ответил в своем «И том и сём» рядом сатирических нападок на Эмина и на Новикова, в особенности, в неделе 36.

Лист XV

[100] 24. Письмо «Племяннику моему Ивану» — также, несомненно, произведение не М. Попова (см. прим. 8).

[101] Священной левитской чин — духовные лица, служители культа.

[102] Аггели мрака —демоны, злые духи.

[103] Силы небесные — ангелы.

[104] Посли (слав.) — пошли, направь.

[105] Среды и пятки — по средам и пятницам верующие не ели мясной пищи.

[106] на лоно Авраамле — в рай.

[107] Сосуд скудельный — сосуд глиняны"

[108] Пелынь — полынь, горечь.

[109] К**** — «Кандид», философский роман Вольтера.

[110] впоследние — в последний раз.

Лист XVI

25. Стозмей — при перепечатке статьи «Ведомости» в третьем издании «Живописца» статейка «Из Большой Садовой улицы», в которой речь идет о Стозмее-Свистунове, была опущена; причиной было, очевидно, изменение отношения к нему Новикова (см. прим. 85).

112 Рассуждает о театральных действиях, удивляется худым распоряжениям и сказывает, как бы он сделал, ежели бы те дела от него зависели — в 1768 г. директором Российского театра был назначен В. И. Бибиков, великосветский актер-любитель; Свистунов — один из виднейших участников кадетских спектаклей 1750—1751 гг., позже преподававший декламацию в Сухопутном Шляхетном корпусе, очевидно, критиковал действия Бибикова.

113 Офицер. хотел дописывать последнее явление сочиняемой им трагедии — вероятно, имеется в виду Б. Е. Ельчанинов (1744—1769), автор ряда пьес; он был убит под Браиловым.

Эта статейка в «Живописце» не была перепечатана.

114 Подряд любовников к престарелой кокетке, напечатанной в трутневых ведомостях — см. выше лист VI, 8 и прим. 47.

115 в роде своем не последней — формула, которой заканчивались подписи дворян на векселях, как гарантия уплаты долга родственниками.

116 Бурдо — Бордо.

в разных ремеслах и должностях третьего рода — в занятиях буржуазного (третьего) сословия.

118 Себелюб — здесь под видом бытовой истории рассказывается об отставке старейшего фаворита Екатерины, графа Г Г Орлова.

119 Философический камень — средство, которое, по мнению алхимик способно превращать любой простой металл в золото.

Лист XVII

120 27. Ужесть как мила — выражение из жаргона щеголей и щеголих; с этим жаргоном Новиков ведет упорную борьбу и в «Трутне» и в «Живописце». Под псевдонимом «Ужесть как мила» скрывается М. В. Храповицкая, по мужу Сушкова (1752—1803), сестра известного писателя времен Екатерины, в начале 1790-х годов ее секретаря, А. В. Храповицкого. Второе письмо за подписью «Ужесть как мила» помещено в «Трутне» 1770 г. (см. наст. изд., стр. 188, а также прим. 5 к «Трутню» 1770 г.).

121 27. не держать из них — не тратить из них.

122 28. К г. издателю Трутня — это стихотворение, повидимому, принадлежит Д. И. Фонвизину, в творчестве которого широко представлен жанр послания («Послание к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке», «Послание к Ямщикову», «К уму моему»). Современники считали Фонвизина (до «Недоросля») специалистом в жанре «Посланий», и его литера-

турный недруг, поэт А. С. Хвостов, написал даже против него сатирическое «Послание к творцу посланий» (1781). В данном стихотворении так же, как и в письме из Москвы, подписанном «Пребываю Вам неизвестный» (см. прим. 28), содержатся нападки на Лукина, берется под защиту Сумароков. Совпадает также и отношение к проблемам сатиры:

Нет склонности писать элегии, эклоги,
И, кроме сатиры, не вижу я дороги,
По коей без стыда мне можно бы итти.

Самый стих в этом произведении очень близок к стиху «Посланий» Фонвизина и его «Лисицы-казнодея»: александрийский стих с меняющимся ударением на третьей или второй стопе.

Некоторым подтверждением гипотезы о принадлежности этого стихотворения Фонвизину может служить то обстоятельство, что в следующем же листе «Трутня» в статейке «С Парнаса.. 1769 года» с большой похвалой говорится о молодом сочинителе новой комедии, то есть опять-таки о Фонвизине.

123 «Разумной Вертопрах» — комедия французского драматурга Луи Буаси (1694—1758), переведенная В. И. Лукиным и изданная в 1768 г.

124 Пантея — см. прим. 78.

125 Л** — Лукин.

Читателя зови хоть сто раз благосклонным — в предисловиях к «Моту, любовию исправленному», к «Пустомеле», к «Награжденному постоянству» Лукин действительно называет читателей «благосклонными», надеется «снискивать от общества лучшую благосклонность», «уповает», что его произведение «от читателей благосклонно примется».

127 29. А. — А. О. Аблесимов.

30. «Сказки в стихах» — см. выше примечание 64.

Лист XVIII

129 31. С Парнаса... 1769 года — заметка принадлежит, повидимому, Н. И. Новикову.

130 Г. С. — господин Сумароков.

Мельпомена и Талия — музы трагедии и комедии.

132 Казались неутешными — намек на «Пантею» Ф. Я. Козельского и комедии Лукина.

133 Новая русская комедия ****, сочиненная одним молодым писателем — имеется в виду комедия Фонвизина «Бригадир», привезенная автором из Москвы по возвращении из отпуска в 1769 г. О времени написания «Бригадира» см. «Научный бюллетень Ленинградского Государственного университета», 1946, № 13, стр. 33—36.

134 Подал челобитную Пегаз, в которой просит об отставке — эта статейка обращена против В. П. Петрова, отношение к которому передовых писателей 1760-х годов было отрицательное. «Отставка» Пегаса должна

быть связана с упоминавшимся выше пародическим «Дифирамвом Пегазу» Сумарокова (см. прим. 77).

[135] будет помечена — будет снабжена резолюцией.

[136] «Разговоры о множестве миров» — книга французского ученого Бернара Фонтенелля (1657—1757), переведенная А. Д. Кантемиром в 1730 г. и из-за противодействия духовной цензуры вышедшая в свет лишь в 1740 г.; в книге пропагандировалась гелиоцентрическая теория, шедшая вразрез с церковной традицией. В передовых кругах русского общества перевод Кантемира, снабженный примечаниями переводчика, высоко ценился.

[137] Некоторой стихотворец — речь идет о В. П. Петрове, который считал себя «вторым Ломоносовым». Предположение П. А. Ефремова, что здесь имеется в виду Вл. Лукин («Трутень», изд. 3, СПб., 1865, стр. 350), отпадает, так как Лукин никогда не фигурировал в сатирических журналах как стихотворец, а как автор комедий.

[138] Издателю Трутня... потребно простонародных сказок и басен — это «объявление» представляет интерес тем, что в нем Новиков дает знать читателям о притеснениях цензуры: «ибо из присылаемых к нему сатирических и критических пиес многих не печатают». См. выше примеч. 68.

[139] Плоды невежества, глупости и самолюбия некоторого сочинителя — имеется в виду дидактическая поэма М. М. Хераскова «Плоды наук» (М., 1761). По отношению к Хераскову представители прогрессивной части сатирической журналистики 1769 г. были настроены отрицательно. В листе 21 «Смеси» помещен «Разговор Меркурия с издателем Смеси»; здесь, между прочим, Меркурий спрашивает своего собеседника, не хочет ли тот «посмотреть новых песен с изображением Пегаса». Издатель говорит, что книжку он видел, но не понимает, для чего тут приплетен Пегас. Меркурий отвечает: «Ты видишь, что Пегас сердит и сшиб с себя сего писателя» (стр. 164). Здесь — намек на «Философические оды, или песни Михайла Хераскова» (1769), на заглавном листе которых изображен летящий Пегас. (Афанасьев А. Н. Русские сатирические журналы 1769—1774 годов. М., 1859, стр. 79—80). Эта же виньетка Пегасом фигурирует в «Адской почте» (сентябрь, стр. 174).

[140] Повольною ценою — ценою по договоренности.

[141] Chicaneau — интриган: Fripon — жулик.

Лист XIX

[142] 32. Овидиевы превращения — «Метаморфозы» Овидия.

[143] Сюз, де ла Сюз, Генриетта, — французская поэтесса XVII в.

[144] Вечно — в тексте явная опечатка: «верно».

Лист XX

[145] 33. Некогда читал некто следующую повесть — эта статья безусловно принадлежит Новикову и представляет ответ на следующую

статью Екатерины (или инспирированную Екатериной) во «Всякой всячине» (1769, отделение 103, стр. 265—267):

«Некогда читал некто следующую повесть. У моих сограждан, говорит сочинитель, нет ни одной такой склонности, коя бы более притягала мое удивление, как неутолимая их жажда и жадность ко новизнам. Обыкновенно задача к тому дается одним словом или действием, а в каждом доме к одному или другому прибавляют свои рассуждения.

«Если бы сие любопытство было хорошо управляемо, оно бы могло быть очень полезно для тех, кои теперь оным обеспокоены.

«Для чего человек, который любит новизну, для чего, говорит сочинитель, не берет он книги в руки? Он бы тут много увидел, чего еще не знает.

«Все приключения записаны в истории; и которых читатель не знал, те суть для него новизны не менее полезны, как известие, что такий-то ездит в такий-то дом; или что такая-то была пребезмерно нарумянена в последней комедии; или что она шить намерена новое платие; или во что стала карета; или что во Франции ныне носят то и то в противность прежних обыкновений сего легкомысленного народа: не говоря о поношении многих добрых людей; с чем иногда новизн любители и составители таскаются из дома в дом; что однако есть грех.

«Читав сие, понял он причину, для чего в великом множестве наши листы охотно покупают. Хотите ли оную знать? Боюся сказать, прогневаетесь. Одно любопытство и новизна вас к сему поощряет.

«Ему пришло на ум еще новенькое. Со времени составлять он хочет ведомости, в которых все новизны напишет всего города, и надеется получить от того великий барыш. Например.

«В Казанской венчали на сей неделе двенадцать свадеб; такой-то женился на такой; за ней приданого столько; барская барыня в собольей шапке еще ходит; девок ее зовут так и так.

«К такой-то вдове недавно зачал ездить такий-то, о чем соседи в размышлении нaходится.

«К такому оброк привезли из деревни; но как он очень мотает, то сего не надолго станет, о чем весьма сожалеют те, кои к нему ездят обедать.

«Соседка его купила попугая, но кошка его съела, о чем хозяйка скорбит. И прочая, и прочая, и прочая.

«Чрез сие он надеется удовольствовати тех доброхотных людей, кои более пекутся о поступках и делах ближнего, нежели о своих собственных. На все же те известия, кои шепчут на ухо, употребить хочет он печать самую мелкую, дабы без очков читать оных не можно было; чтоб только одним старушкам сии откровения делать, знав, что их обыкновенная осторожность не допустит до распространения сих слухов; а наипаче молодым не положат они на ум того, что до них не следует.

«Сведав сие, мы думали, что нам бы непростительно было утаить сие важное известие от наших читателей».

Такий-то на сей неделе был у своей родни и передавил все пироги — примеры «странных приключений», приводимые Новиковым в ответе, заимствованы из «Всякой всячины». Данный пример см.: «Всякая всячина», № 25, стр. 69—72 («На сих днях. съездил я к тетке своей. . .»).

[147] Такий-то всякий день бранится со своими соседами за колодезь — там же, № 32, стр. 89—95 (стр. 90 — «сосед мой под стену роет колодезь»).

[148] такий-то там-то приметил, что все девицы кладут ногу на ногу очень высоко — там же, № 59, стр. 156 («Многие молодые девушки. .»).

[149] тот-то насмешник подсмеял одну женщину, велев ей для усыпления читать сочинении такого мужа, который за полезные переводы заслужил от всех похвалу и благодарность — там же, № 5, стр. 15—16 («. от бессонницы лекарство: ложася спать чтоб изволила прочесть рядом шесть страниц нашего сочинения, а потом шесть страниц Тилемахиды»). «Тилемахида» — переведенный В. К. Тредиаковским в стихах политический роман Фенелона «Похождения Телемака», пропагандировавш й идеи просвещенного абсолютизма.

[150] Эдакий-то в досаду Мусе Фални — речь идет о Лук которого «Всякая всячина» взяла под свое покровительство.

[151] Тот показывает, якобы он единоначальный наставник молодых людей и всемирный возглашатель добродетели — «Всякая всячина», № 104, стр. 268 («Господин наставник! По причине полезных наставлений, которые в ваших листах часто читаю, пришло мне на мысль назвать вас теперь сим именем»). Кервер — адский пес Цербер.

[152] Этот перекрапывает на свой салтык статьи из славного аглинского Смотрителя и, называя их произведением своего умоначертания, восклицает: и мы, яблока, плывем — там же, № 104, стр. 269—270 («. . обоих сих родов люди не постыдятся — первые всегда пышно восклицать о себе: И мы, яблока, плывем; вторые — гневаться на тех, кои задолго прежде рождения их писали»). Салтык — образец; перекрапывать — переделывать (от слова «кропать»). Смотритель — английский сатирический журнал «Observer». Умоначертание — вместо характер; слово, очень часто встречающееся на страницах «Всякой всячины», в особенности в статьях Екатерины. См. письмо Екатерины в «Живописце» (лист 7, наст. изд., стр. 301).

[153] На все же те куски (piece) — «Всякая всячина», № 104, стр. 268 такий-то кусок (так я перевел в сем случае французское слово piece) на кого-нибудь из знаемых им целит».

Значительная часть последних примеров заимствована Новиковым из упоминавшейся выше статьи № 104 («Господин наставник»), помещенной во «Всякой всячине» под псевдонимом «Галактион Какореков», под которым скрывался Г. В. Козицкий (1724—1775), секретарь Екатерины, основной редактор «Всякой всячины». Последний, задетый насмешками Новикова, ответил новым письмом «Господин наставник» («Всякая всячина», № 110, стр. 289—294), подписанным «Гервасий Колдовалов». Екатерина также от-

ветила Новикову статьей «На всех нельзя угодить» (№ 111), отличавшейся характерной для Екатерины шероховатостью слога; в этой статье Екатерина в свою очередь обвиняла Новикова в самолюбии; см. прим. 6 к «Пустомеле».

154 34. По сие время не видали мы еще — эта статейка, подписанная «Ваш слуга Огорченный», приписывается А. О. Аблесимову на том слабом основании, что в журнале последнего «Рассказчик забавных басен» (1782) встречается псевдоним «Огорченный». Вероятнее всего, статья принадлежит самому Новикову и написана, главным образом, для того, чтобы иметь возможность поместить ответ, смысл которого заключается в том, что сатира на льстецов, то есть на придворных, грозит автору многими неприятностями.

155 35. Пусть один из вас проповедывает добродетель — намек на «Всякую всячину». Другой пусть осменвает пороки — намек на «Трутень»: третей пускай рассказывает сказки и тем забавляет малосмысленных людей — намек на «И то, и сё», где печатались фольклорные материалы и довольно бесцветная сказка о Нетоне.

156 36. Надгробная надпись Ломоносову — Новиков считал первым по значению русским писателем Сумарокова, за то, что тот боролся с отрицательными явлениями современной ему русской действительности. В Ломоносове же Новиков больше ценил ученого. Помещая стихи о Ломоносове, Новиков счел нужным подчеркнуть, что это не его произведение: подобная оговорка была ему необходима для того, чтобы сохранить хорошие отношения с Сумароковым, не выносившим предпочтения Ломоносова ему. В то же время, помещение стихотворения о Ломоносове было выпадом против Екатерины, которая не терпела Ломоносова и вскоре же после смерти великого поэта стала выдвигать как якобы еще более крупного поэта В. П. Петрова.

Лист XXI

37. Спаги — легкая кавалерия в старой турецкой армии.

158 Арнауты — турецкое название албанцев; здесь отряды, ставленные из албанцев.

159 какие-то европейские христиане — французы, состоявшие в договорных отношениях с Турцией, снабжали ее своими артиллеристами.

160 38. Я не знаю, отчего — статья эта подписана псевдонимом «Слуга ваш**», который уже раньше встречался с статьях, безусловно принадлежащих Новикову; очевидно, и эта принадлежит ему.

161 39. П. С. — этому автору принадлежит еще одно письмо такого же обличительного характера; оно было напечатано в листе XXV, 56 «Трутня» за 1769 г. (наст. изд., стр. 139).

Лист XXII

162 41. Пример-майор — правильнее премьер-майор. По петровской табели о рангах имелся чин майора, следующий за капитаном или ротмистром, и чин генерал-майора, следующий за бригадиром. В середине XVIII века

последний чин стал называться секунд-майор, а первый — премьер-майор. Премьер-майор Ю. Б. Бибиков (174?—1812) привез донесение о победе русских войск над турками при Хотине (1769).

163 Агаряне — турки.

164 Подобен будь тому, кем Вернер побежден — имеется в виду, двоюродный брат Ю. Б. Бибикова, генерал А. И. Бибиков (1729—1774), взявший во время Семилетней войны в плен прусского генерала Вернера.

165 43. Перяная война — война при помощи писательских перьев.

Лист XXIII

166 44. Лечитель — псевдоним Н. И. Новикова.

167 45. Его превосходительство г. Недоум — Н. И. Новиков служит в 1767—1768 гг. в Комиссии для сочинения Нового уложения в качестве секретаря одной из «частных» комиссий («о третьем роде людей»), и ему не могло не быть известно выступление группы дворян-реакционеров во главе с депутатом муромского дворянства Ив. Чаадаевым, внесшим «мнение о прекращении легкого способа к достижению дворянства», то есть требовавшим отмены петровской табели о рангах («Сборник Русского исторического общества», т. IV, стр. 154—155). Возможно, что в лице Недоума изображен кто-либо из этих депутатов.

168 Дом бешеных — дом сумасшедших.

169 Рецепты №№ 45—47 и 49—54 были перепечатаны Новиковым в 3-м издании «Живописца» под названием «Лечебник».

170 46. Для некоторого судьи — в 3-м издании «Живописца» в этом «рецепте» были опущены строки, в которых упоминается Стозмей-Свистунов.

171 48. Г. Самолюб — речь идет, очевидно, о В. П. Петрове, а не о Лукине, как полагает П. А. Ефремов; Лукин, как известно, стихов не писал. В 3-м издании «Живописца» в «Лечебнике» этот «рецепт» опущен. г. С. — Сумароков. Прадон, Николай (1632—1698) — французский драматург, противник Расина.

172 49. Г. Начеркал — В. И. Лукин, употреблявший слово «начеркал» вместо «набросал»; сочинитель новой комедии — Д. И. Фонвизин.

Лист XXIV

173 52. Для некоторого купца — тема «дворянющегося купца» затрагивается в этой статейке впервые в русской литературе. Всего вероятнее, что имеется в виду миллионер С. Я. Яковлев.

174 53. снеси хлеб твой — ты будешь есть хлеб свой (библейский текст).

175 Слова, от «они не смеют и мыслить» и кончая «в своем знании благополучны», в 3-м издании «Живописца» опущены.

176 описание древнего славянского языческого баснословия — не совсем точное название книги М. И. Попова «Описание славенского языческого баснословия» (1768).

Лист XXV

[177] 55. «Скупой» — комедия Мольера. «Лихоимец» — комедия Сумарокова (1764); Кащей — см. прим. 50.

[178] Подлинник — образ.

[179] Один молоденькой писец — далее рассказывается история В. И. Лукина. Очевидно, данное письмо Правдулюбова было написано тогда, когда предполагалось примирение Новикова с Лукиным.

[180] просить на него не будет — не подаст вексель ко взысканию.

[181] вместо бесчестия — вместо наказания, следовавшего купцу по закону за оскорбление Пролаза.

[182] для наступившей зимы — по случаю наступившей зимы.

[183] 56. с помощью ябеды — с помощью судейских чиновник

[184] завладение дач — присвоение недвижимого имущества.

[185] Это не мое дело — П. А. Ефремов, комментируя это место в своем переиздании «Трутня» (стр. 354), писал: «Приписок, подобных помещенной в конце этого письма, Новиков раньше не делывал». Этими словами П. А. Ефремов в подцензурных условиях 1860-х годов хотел указать на вынужденность реплики Новикова. Объяснять эту приписку таким образом неправильно. Можно дать два толкования этой приписки: а) ироническое, — «это не мое дело, а дело правительства, которое терпит подобное плутовство; обращайтесь к нему». Но этому объяснению противоречит тот факт, что в л. XXVII; 60, помещено явно полемическое письмо некоего Заботина, направленное против Лечителя-Новикова и его приписки; б) — «юридическое» — в 1769 г., да и позднее Новиков не стоял за полную отмену крепостного права, а только требовал смягчения его форм; он признавал «необходимо нужное подчинение» крестьян помещику; плутовство, о котором сообщает П. С., законно с формальной стороны и поэтому оно, аморальное по существу, по закону не может быть оспорено. Поэтому Новиков и говорит: «Это не мое дело».

Лист XXVI

[186] 58. Правдин, — псевдоним этот не раскрыт; повидимому, и это письмо и «копии с отписки» принадлежат Д. И. Фонвизину, который незадолго до этого (во время московского отпуска в 1768—1769 гг.) ездил в деревню; очень близко подходит к рассказу старосты о том, как в самую рабочую пору забрали в город шесть человек крестьян, место в диалоге Крестьянина и Андрея в комедии Фонвизина «Корион»:

Платя-ста барину оброк в указны сроки,
Бывают-ста еще другие с нас оброки,
От коих уже мы погибли-ста в конец.
Нередко ездит к нам из города гонец
И в город старосту с собою он таскает,

Которого-ста мир, сложившись, выкупает.
Слух есть, что сделан вновь в Приказе приговор,
Чтоб чаще был такой во всем уезде сбор.
Не мало и того сбирается в народе,
Чем кланяемся мы почасту воеводе.
К тому же сборщики-драгуны ездят к нам
И без пощады бьют кнутами по спинам,
Коль денег-ста когда даем мы им немного.

(Корнон, I, явл. 7).

Самая подпись «Правдин» напоминает фамилию одного из положительных героев «Недоросля» Фонвизина.

[187] 59. Отписка — письмо.

[188] «Копия с отписки» создана несомненным знатоком крестьянск манеры писать письма. Для сравнения приведем отрывок из «Челобитной генерал-губернатору Орловского и Курского наместничества А. А. Беклешову от экономического крестьянина Ивана Говорухина с товарищи»: «Оглянись, государь Александр Андреевич, на наши горькие слезы, защити от воров поверенных да целовальников! Как они нас раззоряют: вить, нам, государь, невмочь стало! Просить некого, кроме тебя, государь; нигде суда не сыщешь, хоть лоб взрежь. Все у них на жалованьи. Просили капитан-исправника, да и он отказался; просили ревизора — тот сказал: „не мое дело"... Как ты ездил, государь, по городам, так нас в тогдашнее время исправник, подхватя, да посадил под караул, пока ты проехал; для того, что он, вить, от них, воров, получает по триста в год, да вина и водки, что выпить может. Так они и живут — рассуди их! — душа в душу; правды не сыщешь ни на алтын. Вот, каково, государь, наше-то житье! Просить некого. Мочи нет к тебе-то в Курск иттить. Умилосердись, государь, прикажи, чтоб нас воры-поверенные не раззоряли! А коли ты, государь, не вступишься, так они из нас кровь высосут» («Русский архив», 1891, кн. VII, стр. 299—300).

Не случайно Н. А. Добролюбов писал по поводу «Копий с отписок»: «Эти документы так хорошо написаны, что иногда думается: не подлинные ли это?» («Современник», 1859, кн. X, стр. 309; «Полное собрание сочинений», под общей ред. П. И. Лебедева-Полянского. [М.], 1935, т. II, стр. 167).

[189] Напредки — впредь, в дальнейшем.

Лист XXVII

[190] 60. господа лечители тел наших отказались, говоря: не наше де это дело — см. прим., 185. Повидимому, Новиков не заметил иронии Заботина; этот последний может быть, то же самое лицо, которое писало письма с подписью П. С.

[191] 68. II собрать совет — созвать консилиум врачей. VII Мокроты — соки.

192 Рецепты №№ 61—68 перепечатаны в 3-м издании «Живописца».

Лист XXVIII

193 69. Смеющейся Демокрит — в литературе XVII—XVIII вв. древнегреческий философ Демокрит считался философом-оптимистом и изображался смеющимся, тогда как Гераклит считался проповедником пессимизма и изображался плачущим.

194 Лукреция — римская матрона, отличавшаяся исключительной верностью своему мужу; опозоренная сыном царя Тарквиния Гордого, она покончила с собой.

195 Эраклид — Гераклит.

196 Девять блаженств — в христианской религии девять свойств человека, открывающие ему путь спасения.

Лист XXIX

197 70. изданное в свет тиснением — напечатанное.

198 Азазезь Азазезов — псевдоним А. О. Аблесимова.

199 71. масляна приспела — наступила последняя неделя перед великим постом, в течение которого по церковным законам нельзя устраивать свадьбы.

Лист XXX

200 74. Копия с помещичьего указа — для сравнения с подлинными помещичьими указами того времени см.: Я. О. Кузнецов. Из переписки помещика с крестьянами в XVIII в. Владимир., 1904 и 1911; переписка относится к 1766—1767 гг.

201 N.B.*** Эта подпись при перепечатке данной статьи в 3-м издании «Живописца» была опущена.

Лист XXXI

202 78. Магистрат — городское самоуправление; при нем имелось долговое отделение для несостоятельных должников из среднего сословия.

203 79. Ужина — в XVIII в. слово «ужин» имело окончание «а» и употреблялось в женском роде.

204 80. За что вы на нас прогневались. — Очевидно, это не письмо реального читателя, а только уловка Новикова, который желал объяснить приостановку «Трутня» на четыре недели.

Лист XXXII

205 81. «Я и Трутень» — заглавие этого диалога напоминает игру слов в первом письме Правдулюбова (наст. изд., стр. 59).

206 О..., П..., Н..., С..., В..., Ш..., Б..., В... — П. А. Ефремов расшифровывает эти инициалы как фамилии Орлова [Г. Г.], Панина [Н. И.], Нарышкина [Л. А.], Салтыкова [Н. И.?], Васильчикова [А. С.], Шереметева [П. Б.], Безбородко [А. А.] и Всеволожского (В. А.); Ефремов ставит в связь эти 8 фамилий с письмом Чистосердова в л. VIII, 13. Повидимому, в списке, составленном Ефремовым, не все верно. Так, например, А. А. Безбородко в 1769 г. был еще молодым офицером, находившимся на театре военных действий, и в Петербурге появился только после 1774 г. Вероятно, вместо Безбородко, надо читать: князь Ф. П. Барятинский, участник екатерининского переворота и позднее видный придворный. Едва ли подходит и А. С. Васильчиков, который стал фаворитом Екатерины только в 1771—1772 г., а в 1769 г. был незаметным офицером; скорее всего здесь имеется в виду кн. А. А. Вяземский или кн. Г. С. Волконский, один из главных «пособников» Екатерины.

207 что исполняя — и исполняя это.

Лист XXXIII

208 82. Душистые воды — духи.

209 Понеже — так как; слово из жаргона чиновников-подьячих, которые здесь высмеиваются.

210 Совместницы — соперницы.

211 Шиньон — начесанные наперед волосы.

Лист XXXIV

212 83. Перевел И. М. — в одном из виденных мною экземпляров «Трутня», находящемся в частной коллекции, имеется приписка старинным почерком: И. М(елиссино). И. И. Мелиссино (1718—1795) — один из общественных деятелей середины XVIII в. Это указание едва ли достоверно: в 1769 г. Мелиссино жил в Москве и был очень крупным сановником; вряд ли он мог принимать участие в столь передовом журнале, как «Трутень».

213 (84). Вчерась я по обыкновению моему — статья эта, подписанная инициалами Г. П. Р. Т., принадлежит, повидимому, генерал-поручику инженерных войск, Р. Н. Томилову (1729—179?). Возможно, что этому же лицу принадлежит статейка во «Всякой всячине» (№ 45, стр. 124—127) «Родион Терпишкин».

214 Потрактовать — угостить.

215 У сего правосудия глаза не были завязаны — богиня правосудия Фемида изображалась античными скульпторами с завязанными глазами в знак того, что она судит, не взирая на лица.

216 а лагер (фр. à la guerre) — по-военному.

Трутень 1770 г.

[1] [Посвящение]. Всеволожский (у Новикова, как и в некоторых других источниках: Всеволодский), Всеволод Алексеевич (1738—1797) — видный придворный времен Екатерины, участник переворота 1762 г.; дальний родственник Новикова.

Лист I

1. В Новой год новое счастие — эта статья Новикова представляет интерес как свидетельство социальных воззрений автора в конце первого полугодия его журнальной деятельности. Вместо полуобещанной в 1769 г. в л. XX, 34 сатиры на вельмож-льстецов, Новиков в новогодних пожеланиях читает им моральные наставления. «Средостепенным» (л. II) Новиков опять-таки дает указания в том же наставительном духе. И совсем уже отступает он в новогодних пожеланиях «поселянам» от статей, помещавшихся в первом полугодии в «Трутне» («Копии с отписки» и с господского указа, «Письма к племяннику», «Рецепты», «Ведомости» и др.).

Лист III

[3] 5. В прошлом годе послала я к вам несколько портретов — см. «Трутень», 1769, л. XVII, 26 и 27 (наст. изд., стр. 108).

[4] Мне сказали, что вы хорошо пишете надписи — «надписями» в XVIII в. назывался литературный жанр, преимущественно в стихах, представлявший пояснение к символической картине (в фейерверках), к портрету, к дворянскому гербу и т. д. В «Трутне» 1769 г. надписей было всего две: «Надпись к роще его превосходительства Л. А. Нарышкина» (л. XIV, 20) и «Надгробная» (л. XX, 36); первая принадлежит самому Новикову, о второй сказано, что она прислана «от неизвестной особы».

[5] 6. Портреты и Надписи — статья «Портреты» принадлежит сотруднице «Трутня», подписывавшейся «Ужесть как мила», т. е. М. В. Храповицкой-Сушковой; «Надписи» — Новикову. Возможно, что «портреты» — портретны, то есть имеют в виду конкретных людей (Чистосерд — Новиков; Устарелая кокетка — Екатерина; Девица лет семнадцати — М. В. Храповицкая).

[6] Шутишь — модное словечко из жаргона щеголих.

Лист IV

[7] 7. Благодарной — сам Новиков. Это якобы присланное со стороны письмо отвечало на обвинения Новикова в неблагодарности со стороны «Всякой всячины».

[8] 8. Врагов — турок.

[9] град нам их отдать — Бендеры, взятые гр. Паниным в сентябре 1769 г.

[10] явила милость многу — издала в связи с празднованием дня коронации (22 сентября 1769 г.) указы о повышениях в чинах ряда офицеров.

[11] он переступил с степени на степень — получил повышение в чине.

[12] освященный он мундир надел — получил право надеть офицерский мундир. В «Санкт-Петербургских ведомостях» (1769, №№ 79—81) были помещены указы о производстве в капитаны-поручики подпоручика князя Федора Козловского и в подпоручики прапорщика Павла Фонвизина (прапорщики не имели права носить офицерский мундир). Козловский был другом Д. И. Фонвизина, Павел Фонвизин — брат Дениса. Новиков учился в Московской университетской гимназии вместе со всеми тремя названными лицами.

[13] 9. Нетерпелив — П. А. Ефремов считает, что под этим псевдонимом скрывается М. Попов, которому он приписывает и песню «Любовь меня пронзила», «ибо та песня, на голос которой она написана („Достигнувши тобой“), помещена в „Досугах“ [Попова] (ч. 1, стр. 62)». Довод этот нельзя признать убедительным. Вероятно, этому же анонимному автору принадлежат «Элегии», напечатанные в журнале «Смесь» (лл. 25, 26, 33, 38), и две песни, напечатанные в л. 38. Все перечисленные произведения принадлежат одному лицу; это явствует из указаний в некоторых письмах, предшествующих в журнале тексту произведений. Письмо в л. 26 начинается словами «Я чрезвычайно нетерпелив», дальше: «я вам сказал, что я нетерпелив; следовательно, мне нетерпеливо хочется, чтобы вы напечатали приложенную при сем элегию...» (стр. 204—205).

В экземпляре «Смеси», хранящемся в библиотеке Института Русской литературы (из собрания М. Н. Лонгинова), против обеих песен в л. 38 есть пометы старинным почерком «А. А.»; возможно, что здесь имеется в виду А. Аблесимов. Вторая из этих песен в слегка обработанном виде напечатана в «Собрании разных песен» М. Д. Чулкова (ч. III, стр. 37).

Лист V

[14] 12. Песня III. К Д. М. На голос: Напрасно лишь стараюсь Я страсть свою таить — эта песня вошла в «Собрание разных песен» М. Чулкова (ч. II, № 23).

[15] 15 новонапечатанная книга под заглавием Иосиф, поэма, сочиненная г. Битобе — перевод Д. И. Фонвизина.

Лист VI

[16] 16. Не поверишь, радость — это письмо написано, очевидно, самим Новиковым с целью высмеять модных щеголих с их своеобразным жаргоном, который здесь имитируется.

[17] Радость, ужесть как, по чести, уморишь, ломала глаза — модные слова из жаргона щеголих.

[18] Феофаны да Кантемиры, Феофан Прокопович (1681—1736) — писатель петровского и послепетровского времени, поддерживавший политику преобразований.

[19] «Телемак», точнее «Похождения Телемака» — политический роман Ф. С. Фенелона (1651—1715), пользовавшийся большой популярностью в России, так как в нем проводились идеи просвещенного абсолютизма. Здесь, вероятно, имеется в виду «Тилемахида» Тредиаковского (см. выше, стр. 540, прим. 149 к «Трутню» 1769 г.).

[20] Роллень — французский историк (1661—1741), автор «Римской истории», переведенной В. К. Тредиаковским и изданной в 16 частях в 1761—1767 гг.

[21] Летописцы — здесь имеется в виду «Летописец Несторов», изданный И. С. Барковым в 1767 г.

[22] Налепливала мушки — мушками назывались маленькие кусочки черной тафты, наклеивавшиеся на прыщики на лице; щеголихи наклеивали мушки на лицо не в целях гигиены, а для кокетства. Во времена Новикова у щеголих возник условный язык мушек, при помощи которого они, помещая мушку в разных частях лица, объяснялись таким образом со своими кавалерами.

[23] Опахало — веер. При помощи веера, как и при помощи мушек, кокетки объяснялись с щеголями.

[24] 17. Сочинитель Всякия всячины — слово «сочинитель» в XVIII в. имело значение близкое к нашему современному «редактор».

[25] Недостоин я отрешить ремень сапог их — евангельская цитата; отрешить — развязать.

[26] Письмо г. Правдолюбова напечатано не будет — здесь речь идет не о Правдулюбове (= Новикове), как полагал П. А. Ефремов («Трутень, 3-е изд., стр. 354), а о «другом Правдолюбове», о котором писал в «Адской почте» Ф. А. Эмин. Не помещенное в «Трутне» письмо «другой Правдолюбов» попытался поместить в «Адской почте» Эмина; однако последний «из оного [письма] выключил конец, потому что оный [конец] зацепил все почти журналы, которые, может статься, почли бы то за обиду если бы... конец... письма здесь был напечатан» («Адская почта», ноябрь, стр. 326).

[27] Письмо г. Правдолюбова... задевает Всякую всячину и критикует господина сочинителя за то, что от критики свободно — повидимому, в письме «другого Правдолюбова» содержались нападки на екатерининский журнал по таким существенным вопросам современной русской жизни, что помещение письма могло повлечь закрытие «Трутня»; то, что говорится о данном письме Правдолюбова в «Адской почте», позволяет заключить, что письмо исходило из екатерининского окружения и имело целью скомпрометировать оба передовых журнала.

[28] нападает также своею критикою на некоторую переводную в стихах поэму — очевидно, речь идет об «Энее», как назвал свой перевод первой песни «Энеиды» Виргилия В. П. Петров. «Эней» вышел в самом начале 1770 г.

Лист VII

[29] 18. Из дюжины новых былей — стихотворение А. О. Аблесимова.

[30] Можно молвить за проклад, Не жену нашел он клад — повидимому, в тексте опечатка: вм. про заклад напечатано «за проклад». Проклад — нега, сибаритство. Про заклад — держа пари.

[31] 19. «Счастливое семейство» — нравоучительная сказка Жана Франсуа Мармонтеля (1722—1799). Русский перевод был издан в Москве в 1769.

Лист VIII

[32] 20. Чензыя, китайского философа совет, данной его государю — перевод А. Л. Леонтьева (173?—1786). О принадлежности перевода этой статьи перу А. Л. Леонтьева см.: Семенников В. П. Русские сатирические журналы 1769—1774 гг. СПб., 1914, стр. 49—51. Перевод Леонтьева сделан с маньчжурского языка, как нам любезно указал акад. В. М. Алексеев. Чен-цзы — китайский писатель XII в. Помещение переводной статьи Леонтьева можно объяснить тем, что в условиях русской политической действительности XVIII в. проблема идеального государя представляла злободневный интерес; данная же статья позволяла Новикову предложить читателям материал, необходимо вызывавший сопоставления с современной обстановкой. Поэтому комплимент Екатерине, помещенный Новиковым после статьи Леонтьева, не должен приниматься всерьез, а скорее рассматриваться как ирония.

[33] 21. Путешественник — обещанной статьи им ни в «Трутне», ни в следующем журнале Новикова, в «Пустомеле», напечатано не было. Предположить, что «Отрывок из путешествия в *** И *** Т ***», помещенный в «Живописце» (1772, лл. 5 и 14; наст. изд., стр. 295 и 330), является этой обещанной статьей, нельзя, так как там речь идет о деревне Разоренной, а здесь путешественник говорит о посещении двух городов, о которых он хочет сообщить свои наблюдения. Вероятно, все же эта статья была действительно прислана Новикову, так как в последнем листе «Трутня» 1770 г. он сообщает, что ряд произведений и «прочие присланные» к нему «письма... и Молодой в России путешественник напечатаны не будут». Если бы «Молодой в России путешественник» был произведением самого Новикова, он не стал бы писать об этой одной вещи, не опубликованной им в «Трутне», а назвал бы и другие; очевидно, Новиков действительно оповещал автора «Путешественника» о том, что его произведение света не увидит из-за закрытия «Трутня».

Лист IX

[34] 22. Нужда заставила — повидимому, данная статья имеет какое-то реальное основание: на это обратил внимание П. А. Ефремов, указавший,

что «упоминание о проигрыше в 4000 руб. имеет какое-нибудь современное значение, ибо об этом упоминается вторично уже в стихах» («Трутень», 3-е изд., стр. 357). Говоря о стихах, Ефремов имел в виду стихи в л. XI, 30 и 31.

[35] Разделять на многие части — анализировать.

[36] Несчастной — под этим псевдонимом скрывалось лицо, фамилия которого была трехсложной, имела ударение на среднем слоге и начиналась на букву Д: посвященное ему стихотворение (л. XI, 31) оканчивалось двустишием, написанным александрийским стихом:

Итак, престань о сем, Д[омашнев?], ты жалеть:
Терпи! Терпеньем льзя напасть преодолеть.

(наст. ., стр. 222).

Писатель С. Г. Домашнев был соучеником Новикова по университетской гимназии.

[37] 24. Стрелина Мыза — нынешняя Стрельна.

[38] Иерей — священник.

[39] «История Дон-Кишота ла Манхского» — «История о славном рыцаре Ламанхском Дон Кишоте; сочинение г. Серванта Саавендры». Пер. с франц. СПб., 1769.

[40] «Собрание разных песен» — издание М. Д. Чулкова, СПб., 1769; перепечатано в «Полном собрании сочинений» М. Д. Чулкова, под ред. П. К. Симони. Изд. АН, СПб., 1913, ч. I.

Лист X

[41] 25. Шанданы — шандалы, подсвечники.

[42] Щипцы — для снимания нагара со свеч.

[43] с тех пор, как все покрылося водою — со времен потопа.

[44] И судно чудное стояло на воде — ковчег, в котором, согласно библейскому преданию, семейство праведника Ноя спаслось от потопа.

[45] Пароли — ход в некоторых карточных играх, заключающийся в удвоении первоначальной ставки.

[46] 27. В прошлогоднем вашем Трутне — л. XX, 36. Это письмо принадлежит, повидимому, Ивану Голеневскому (172?—1779?), одному из первых последователей Ломоносова; по поручению гр. М. Л. Воронцова, Голеневский перевел с латинского надгробную надпись Ломоносову, составленную Яковом Штелиным. Прозаический перевод эпитафии Голеневский поместил в своей книге «Дар обществу» (СПб., 1779, стр. 37—38). В русском переводе по непонятным причинам опущены, после слов «Истории российской учителю», две строки: «стихосложения российского установителю, трагедий на родном языке сочинителю».

[47] Бононской — Болонской.

[48] Муссия — мозаика.

Лист XI

[49] 30 и 31. Оба стихотворения, очевидно, связаны с письмом Несчастного (л. IX, 22). По характеру стиха эти стихотворения напоминают «Стансы», напечатанные в л. IV, (8) и принадлежащие Новикову; возможно, что и данные стихотворения написаны им.

[50] 32. в ***** — в коллегии.

[51] N. N. — подпись Новикова. Данное письмо является ответом на уверения «Всякой всячины», что подьячие берут взятки только потому, что их дают просители.

[52] 33. Бывшей и[здатель] Смеси — Л. И. Сичкарев (1741—1809). В. П. Семенников считал издателем «Смеси» Ф. А. Эмина («Русск. сат. журналы», стр. 27—37).

[53] 34. Любоправдова — псевдоним, переделанный из ставшего популярным в 1769 г. псевдонима Новикова и ряда других лиц — «Правдолюбов». Письмо Любоправдовой принадлежит, повидимому, самому Сичкареву и было написано им несомненно с целью в ответном письме дать знать публике о толках в связи с закрытием журнала.

Лист XII

[54] 35. ********** — повидимому, означает «придворные».

[55] 36. Письмо Молодой сочинительницы — щеголихи, как и «картины», якобы ею присланные, повидимому, произведение Новикова.

Лист XIII

[56] Картина VI — имеется в виду Екатерина II.

[57] 37. Наконец, должен я перед вами извиниться, что не совсем вашу просьбу исполнил — в пост-скриптуме своего письма (наст. изд., стр. 226) «молодая сочинительница» просила «не переправлять ничего, что, может быть, покажется вам нескладным»; Новиков же делает вид, будто он в действительности исправил «картины», присланные «молодой сочинительницей» (ср. л. XIV, 43).

[58] 38. Фемисина порода — судейские чиновники (Фемиса, Фемида — богиня правосудия).

[59] 39—40. Этим письмом и ответом на него Новиков пытался дать знать читателям об испытываемых «Трутнем» цензурных притеснениях.

[60] 39. Российский Виргилий — В. П. Петров, издавший в самом начале 1770 г. первую песнь «Энеиды» в своем переводе. Здесь встречается стих, содержащий вызвавшее насмешки современников слово «рыгать».

Лист XIV

[61] 43. Господин издатель Трутнев! — имитируя логику, стиль и орфографию молодой сочинительницы-щеголихи, Новиков ставил своей задачей показать, какой может быть сатира, если она следует указаниям Екатерины; в первой картине издатель показал судью-взяточника, молодая сочинительница хотела изобразить «подлого человека» «не выше» секретаря, т. е. она, следуя советам «Всякой всячины», изображала взяточниками мелкую сошку.

[62] Резолют — знаток; умело разбирающийся в делах человек.

[63] Жучки в епанечках — ерунда.

[64] твоей прабабке — «Всякой всячине».

[65] 44. я взбешен был одною женщиной — имеется в виду Екатерина, запретившая продолжение издания «Трутня» после 1 мая 1770 г. под предлогом того, что разрешение на издание журнала было дано на один только год.

[66] 45. Утешение г. Любоправдовой — см. наст. изд., стр. 224.

[67] Вензловое имя — имя в виде вензеля, то есть переплетенных инициальных букв имени и фамилии.

[68] «Славенские древности, или приключения славенских князей» — сочинение М. Попова.

Лист XV

[69] 46. Мне сказывал твой книгопродавец, что нынешнего года листов не покупают и в десятую долю против прежнего — в 1769 г. «Трутень» печатался в основном в количестве 1240 экземпляров (отдельные листы, например, VI, печатались в количестве 1440 экз.). В 1770 г. печаталось всего только 750 экземпляров, и, очевидно, не все расходились. Подробнее об этом см. у В. П. Семенникова: «Русские сатирические журналы 1769—1774 гг.», СПб., 1914, стр. 82—83.

[70] 47. ты и вздумал, будто всякий вздор, да лишь бы напечатан был под заглавием «Трутня» — в пародии-ответе на статью Екатерины (1769, л. XX, 33) Новиков называл «Всякую всячину» «всяким вздором». Вероятно, здесь снова намек на «Всякую всячину».

[71] 48. походит на П... — на Правдулюбова.

[72] 49. Прабабка твоя... скончалась — «Всякая всячина» прекратилась изданием в конце апреля 1770 г.

[73] Впрочем много милости — эти слова Новикова, набранные в тексте курсивом, несомненно связаны с тем, что последняя статья во «Всякой всячине» 1770 г. (в так называемом «Барышке Всякия всячины»), написанная Екатериной, сообщавшей о том, что она обращается к писанию комедий, оканчивалась словами: «Объявляю вам, что я приемлю другое

ремесло, где достанутся от меня многим щедрые милости» (подчеркнуто мною, — П. Б.). Возможно, что словами «много милости» Новиков хотел дать знать, что он еще до выхода последнего листа «Барышка» был уже знаком со статьей Екатерины. Это предположение может служить подтверждением мысли П. А. Ефремова о том, что письмо «Скрепи свое сердце» прислано было в «Трутень» из редакции «Всякой всячины» («Трутень», 3-е изд., стр. 359).

[74] 50. Модное ежемесячное сочинение издавалось Н. И. Новиковым много позднее, в 1779 г. Очевидно, замысел этого журнала относится еще к 1770 г., когда был закрыт «Трутень».

Лист XVI

[75] 52. Татищев В. Н. (1686—1750) — автор «Истории Российской», первый том которой вышел (посмертно) в 1768 г.

[76] Хилков А. Я. — князь (ум. в 1718 г.). В XVIII в. его считали автором «Ядра российской истории», написанного его секретарем А. И. Манкиевым и изданного в начале 1770 г.

[77] 53. Письмо Вертопраха написано, очевидно, Новиковым, таким образом желавшим дать знать публике о предполагаемом новом сатирическом журнале, который должен был заменить запрещенный «Трутень». Возможно, что новый журнал сначала должен был называться «Вертопрах», а не «Пустомеля», как назывался он в действительности. Что это письмо являлось подготовкой читателей к изданию нового журнала, явствует из того, что Вертопрах все время говорит о необходимости «Трутню» переменить название. Следует обратить внимание на начало письма Вертопраха, написанное «раешником»:

Всякая всячина простилась,
И то и сё в ничто превратилось,
Адская почта остановилась,
а Трутню
также пора лететь на огонек в кухню.
...Сколько денежек ни выдавай,
а другого не ожидай...
Что нужды до содержания,
когда не разное именование.

Лист XVII

[78] 55. сей стихотворец издавал в печать книгу своего перевода — в 1770 г., как указано выше, В. П. Петров издал первую песнь «Энеиды» Виргилия в своем переводе под названием «Эней»; в этой книге на 42 страницы стихотворного текста перевода приходилось 14 страниц «Предуведомления», в котором Петров сводил счеты со своими противниками, в особенности с Эминым, считая последнего издателем журнала «Смесь»,

где были помещены эпиграммы на Петрова. В. П. Семенников, главным образом на основании «Предуведомления» Петрова, сделал ошибочное предположение о том, что Ф. А. Эмин был издателем «Смеси».

[79] неистояробеснующиеся молодичи — намек на любовь В. П. Петрова к сложным прилагательным и редким словам вообще.

[80] 56. молодой в России путешественник — см. прим. 33.

[81] 57. В «Расставании» Новиков объясняет причину закрытия «Трутня»: обстоятельствы мои и ваша обыкновенная жадность к новостям, а после того отвращение — тому причиною. Слова «ваша обыкновенная жадность к новостям» напоминают читателям ответ-пародию Новикова (л. XX, 33), вызванную статьей Екатерины, писавшей, что ее удивляет в согражданах «неутолимая их жажда и жадность ко новизнам. Обыкновенно задача и тому дается и т. д.». Иронический характер «Расставания» все же позволил Новикову в самом конце намекнуть на то, что он будет продолжать сатирическое издание, и одновременно посмеяться над Екатериной. В заключительной статейке «Барышка Всякия всячины» Екатерина серьезно писала о том, что собирается сочинять комедии; Новиков иронически говорит: «Слушайте, читатели, я хотел сочинить двенадцать трагедий... двадцать комедий, пятнадцать романов, ... но вы ничего этого не увидите. Читайте. — Ну, прощайте, неблагодарные читатели, я не скажу больше ни слова». Таким образом, «последнее слово» его к читателям — «Читайте»; это, несомненно, означает, что читать надо не трагедии, не комедии, не романы, а то, что явится взамен «Трутня».

Пустомеля 1770 г.

Июнь

[1] НКЛ: ЛКСВЧ: ЛДЖНСКМ: Николаю Алексеевичу Ладыженскому (174? — ум. в нач. XIX в.) — масон, ближайший друг Новикова.

[2] С. П. — сочинитель Пустомели.

[3] авторы, которые сочинении свои начинают вздором — намек на «Всякую всячину» (наст. изд., стр. 119).

[4] Снурки — шнурки.

[5] Щепетильник — продавец галантерейных товаров. Здесь идет речь о журнале М. Д. Чулкова «Парнасский щепетильник» (1770).

[6] меня одна госпожа, которую я очень много почитаю, уверила, что я обманулся — см. прим. 153 к «Трутню» 1769 г.

[7] Многие из вас столько жадны к новостям — см. прим. 145 к «Трутню» 1769 г.

[8] ты подумаешь, может быть, что я, — но нет, этого не скажу — повидимому намек на то, что Екатерина скрывала свое участие во «Всякой всячине», и поэтому можно подумать, «что и я — императрица».

[9] начал бы меня уничтожать — см. выше, стр. 69 (наст. изд., л. VIII, 12).

[10] Отменно — особенно; иначе.

[11] заставь читать Л*** комедии — Лукина.

[12] Игрище — зрелище, сатирически-комическая сценка в театре демократических слоев русского народа.

[13] повести о троянских витязях — «Троянская история», воинская повесть, очень популярная в старорусской литературе.

[14] Каллиопа стала весьма обжорлива; Каллиопа — муза эпической поэзии; намек на поэму М. Д. Чулкова «Плачевное падение стихотворцев» (1769), в которой есть стихи:

...боги и богини
В то время кушали привозные к ним дыни,
И только лишь кусок он [Юпитер] дыни прожевал,
Чувствительно тогда Юпитер задрожал:
...он арбузною корою подавился...
...Дий [Юпитер] между богами сел
И с ними он еще арбузов, дынь поел.

(Песнь вторая, стихи: 55—58, 60, 103—104).

[15] Клио пусть ходит по гостиному двору; Клио — муза истории; очевидно, намек на «Письмовник» Курганова, где имелся отдел «замысловатых историй»; книга Н. Г. Курганова была очень популярна в кругу купеческом (гостинодворском).

[16] тогда печатной Российской истории еще и не было — «Древняя Российская история» Ломоносова была издана в 1766 г., «История Российская» Ф. Эмина в 1768.

[17] «Привидение с барабаном» — комедия Детуша, была переведена Андреем Нартовым в 1758 г.

[18–20] «Скапиновы обманы», «Лекарь по неволе» и «Жорж Дандин» — комедии Мольера, переведенные В. Тепловым (1757), П. С. Свистуновым (1758) и И. Чаадаевым (1758).

[21] «Новоприезжие» — комедия Антуана Леграна (1673—1728), переведенная Александром Волковым (1758).

[22] «Мнимый рогатый» — комедия Мольера; перевод этой пьесы, сделанный в 1750-х, 1760-х годах, не сохранился.

[23] «Принужденная женитьба» — комедия Мольера, переведенная В. Г. Тепловым в 1752 г. и тогда же поставленная в Глухове при дворе гр. Кирилла Разумовского, «гетмана малороссийского».

[24] Исподдолбни — тупой, обучившийся из-под долбни («долбней вогнать в голову» — научить чему-нибудь побоями).

[25] Диван — совет министров в старой Турции.

[26] Сераль — здесь: дворец турецкого султана; позднее это слово стало употребляться только в значении «гарем».

[27] Муфтий — высшее духовное лицо в старой Турции.

[28] отправил его для набору армии — казнил.

29 Магомед султан — Магомет II (1430—1481), турецкий султан, воеватель Константинополя (1453).

30 некоторая доброжелательная нам [туркам] держава — Франция, поддерживавшая Турцию.

31 Из некоторого европейского города — из Парижа.

32 Отоманская Порта, блистательная Порта — дворец в Константинополе с пышными воротами (porte — дверь, ворота), где заседал Диван (см. прим. 25); в переносном смысле — Турция.

33 Д*** — И. А. Дмитревский (1734—1821) — вместе с Ф. Г. Волковым, один из основателей русского театра; в 1769 г. ездил за границу для укомплектования штата придворных театров.

34 «Семира» — трагедия А. П. Сумарокова (1752).

35 «Евгения», драма П. О. Бомарше (1732—1799), переведенная Н. В. Пушниковым, игранная по рукописи и затем выдержавшая два издания.

36 «Вышеслав» — трагедия А. П. Сумарокова (1768).

37 «Ревнивый» («Ревнивый, из заблуждения выведенной») — комедия Ж. Г. Кампистрона (1656—1723), переведенная Лукиным в 1764 г.

38 «Хорев» — первая по времени трагедия Сумарокова (1747); в 1768 г. вышла вторым изданием в переработанном виде с монологом Кия (д. V, явл. I), направленным против Екатерины.

39 «Беверлей» — слезная драма Б. Ж. Сорена (1706—1781), переведена И. А. Дмитревским; обычно перевод приурочивается к 1772 г.; данное указание «Пустомели» позволяет отодвинуть эту дату несколько назад.

40 Ежемесячное сочинение под заглавием «Щепетильника» — о журнале «Парнасский щепетильник» см. прим. 5.

Июль

41 НКТ: КНФВЧ ДЕМИДОВ — Никита Акинфиевич (1724—1789), известный богач, владелец уральских демидовских заводов; Демидов покровительствовал ученым и художникам, будучи в то же время жестоким помещиком.

42 «Завещание Юнджена» — перевод с китайского А. Л. Леонтьева; Юнджен — китайский писатель начала XVIII в.

43 Показаться — понравиться.

44 Вычернивать — вычеркивать.

45 «Эрго» — по-латыни: итак.

46 Л*** комедии — см. примеч. 11.

47 П*** — Петрополь, Петербург.

48 М*** и П*** — Москва и Петербург.

49 Щечить — воровать незаметно, таскать украдкой.

50 «Послание к слугам моим» — принадлежит Д. И. Фонвизину. Оно было написано в 1769 г. и напечатано вместе с переведенной Фонвизиным

повестью «Сидней и Силли», вышедшей в 1769 г. В «Пустомеле» это «Послание» было перепечатано без изменений.

51 Его комедия *** — имеется в виду комедия «Бригадир», Фонвизиным также в 1769 г.

52 «Синав и Трувор» — эта трагедия первоначально была издана в 1751 г., в 1768 г. вышло исправленное издание. Указание «Пустомели» о «переправленном вновь подлиннике» свидетельствует о дальнейшей, не дошедшей до нас обработке трагедии Сумарокова.

53 Троепольская Т. М. (173?—1774) — одна из первых русских актрис; дебютировала в 1757 г.

54 Кондратович К. А. (1703 — ок. 1790) — переводчик Академии Наук, стихотворец школы Тредиаковского.

55 Что ты, Трутень, напечатал? будто воевода — см. прим. 49 к «Трутню» 1769 г.

Живописец 1772 г., ч. I

[Лист 1]

Неизвестный г. Сочинитель комедии «О время» — Екатерина II.

2 Приписание — посвящение.

3 Перо ваше достойно равенства с Молиеровым. Следуйте его примеру — в 3-м издании «Живописца» эта фраза имеет такой вид: «Перо ваше достойно будет равенства с Молиеровым. Следуйте только его примеру».

4 Но, государь мой, почто укрываете свое имя... Неужели, оскорбляя толь жестоко пороки и вооружа против себя порочных, опасаетесь их злословия — прозаический перифраз стихов Феофана Прокоповича к А. Д. Кантемиру:

Да почто ж было имя укрывати.
Знать, тебе страшны сильных глупцов нравы.
Плюнь на их грозы...

Словами Феофана Новиков, повидимому, хотел сказать, что сатирой недовольны только «сильные глупцы». Стихи Феофана были напечатаны в 1762 г. в первом издании «Сатир» Кантемира.

5 Нет, такая слабость никогда не может иметь места в вашем сердце — в 3-м издании «Живописца», вместо «в вашем» — «в благородном»; иными словами «в вашем может, а в благородном — нет».

6 П. П. — после письма (вместо «Пост-скриптум»).

Лист 2

7 Невпопад — В. П. Петров.

8 Кривотолк — В. И. Лукин.

9 Писатель, старающейся забавлять разум — М. Д. Чулков.

10 Нравоучитель — «Всякая всячина», Екатерина.

11 Сатирик — Новиков.

12 Трагической писатель — вероятно, А. А. Ржевский (1737—1804), автор трагедий «Прелеста» (1766) и «Подложный Смердий» (1769).

13 Писатель комедий — несомненно, здесь Екатерина II.

14 писатель, который не сочиняет ни трагедий, ни комедий — вероятно, имеются в виду только что появившиеся в России «слезные драмы», в которых сочеталось комическое и трагическое начала; смешение их было запрещено «Поэтикой» Аристотеля. Отсюда и происходят в данной характеристике Новикова — «новое» и «слишком за две тысячи лет откинут». «Слезные драмы» вводил в России И. А. Дмитревский.

15 Сочиняет пастушеские сочинения — пасторальная поэзия была в 1760-х, 1770-х годах очень модной. В частности эклоги и идиллии печатались в 1772 г. в журнале «Вечера», издававшемся кружком М. М. Хераскова; с этим журналом «Живописец» со второго листа вступает в полемику, и комментируемое место представляет первое полемическое выступление Новикова в таком духе.

16 толпа писателей, которые то бредят, что видят — здесь Новиков имеет в виду статью М. В. Сушковой в журнале «Вечера» (вечер 10, стр. 73—76), озаглавленную «Что вижу, то и брежу»; в этой статье идет речь о некоем патриоте, которого сограждане несправедливо обвиняют в фанатизме. Вероятно, Сушкова имела в виду Новикова.

Лист 3

17 не учась грамоте, становимся попами — перефразировка пословицы «не учась грамоте, в попы не ставят».

18 деды наши и прадеды ничему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно — прозаический перифраз слов Сильвана в первой сатире Кантемира:

Живали мы прежде сего, не зная латыни,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне.

19 Прорицалище — оракул.

20 Наркис — под именем Нарцисса в одноименной комедии Сумарокова, изданной в 1768 г., выведен щеголь, влюбленный в свою красоту. Наркис Новикова развивает тот круг вопросов, который в сатире Кантемира связан с образом щеголя Медора.

21 Адонид — Адонис.

22 Солюбовники — соперники.

23 Шпагобоец — фехтовальщик.

24 в силу военного устава — имеется в виду «Артикул воинский» 1715 г.

25 Аркибузировать (точнее: аркебузировать) — расстреливать.

26 Известие — здесь следует обратить внимание, что Новиков называет себя сочинителем (то есть редактором) журнала и затем, что он «просит

покорно, чтобы сообщаемые сочинения присланы были со окончанием». См. в связи с этим ниже прим. 40. Во 2-м издании «Живописца» «Известие» не перепечатано.

Лист 4

[27] Щеголиха — в этой части статьи Новиков продолжает борьбу с жаргоном щеголей и щеголих, начатую в «Трутне». См. также л. 10, X. «Опыт модного словаря щегольского наречия».

[28] как славна, неловко, сидеть разбросану, быть совсем развязану — словечки из жаргона щеголих и щеголей.

[29] Махаться — волочиться.

[30] Открытие — признание в любви.

[31] не в своей сижу тарелке — во времена Новикова это выражение еще воспринималось как перевод с французского.

[32] Медный таз — см. прим. 34.

[33] Гнилой взгляд — неправильный перевод с французского, вместо «развращенный» («corrompu» означает и «развращенный» и «гнилой»).

[34] Серинькой, Пестринькой, Колетца, Медной таз, Сайка, Умойся, Красное — название дней недели в жаргоне щеголей, начиная с понедельника.

[35] Аглинская комедия — в 1770—1773 гг. в Петербурге гастролировала английская труппа, ставившая преимущественно комедии Сюзанны Сент-Ливр, Кульмэна, Мэрфи, а также «Отелло» Шекспира.

[36] Болванчик — божок, кумир, идол. См. л. 10, X (наст. изд., стр. 319).

[37] Строить дворики — дословный перевод с французского «faire la cour à» — волочиться.

[38] от тебя падаю — прихожу в изумление.

[39] Ты ожидаешь чего-нибудь поважнее; потерпи, пожалуй, все будет, только чур не сердиться — эта фраза является предупреждением относительно напечатанного в следующем листе «Живописца» «Отрывка путешествия в*** И*** Т***».

Лист 5 и 14

[40] II и XX. «Отрывок путешествия в*** И*** Т*** — в научной литературе определилось две точки зрения на возможного автора этой статьи. Одна, опирающаяся на указания сына А. Н. Радищева, П. А. Радищева, считает автором «Отрывка» А. Н. Радищева. Наиболее полно и обстоятельно аргументировал этот взгляд В. П. Семенников в своей книге «Радищев, К истории создания „Путешествия из Петербурга в Москву“» (М.—Пгр., 1923, стр. 319—364).

Вторая группа исследователей признает автором «Отрывка» Новикова, толкуя буквы И*** Т*** как инициалы подписи «Издатель Трутня»

(Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII вв. СПб., 1889, стр. 407). Эту точку зрения разделяет Г. П. Макогоненко, не включивший «Отрывок» в «Избранные сочинения» Радищева (Л., 1949).

Подобное решение вопроса стирает грани между умеренной позицией Новикова и радикальной — автора «Отрывка». На это коренное различие между этими двумя точками зрения обратил уже внимание такой проницательный критик, как Н. А. Добролюбов.

Касаясь статьи «Рецепт г. Безрассуду», написанный безусловно Новиковым, Добролюбов замечает: «Рецепт заставляет думать, что у автора была идея о несправедливости человеческой власти вообще. „Крестьяне суть тоже человеки и даже более похожи на людей, чем иные помещики; а человеку человеком владеть как вещью — не должно". Таковы, кажется, его основные мысли. Но, всматриваясь пристальнее, находим, что и здесь была на уме у автора только отвлеченная мораль, потому что он тут же восхваляет „человеков господ, господ отцов своих детей, а не тиранов своих рабов". Следовательно, и в этой статейке та же непоследовательность, которою страдает вообще сатира прошлого столетия. Вместо прямого вывода: „крестьяне тоже человеки, следовательно, помещики не имеют над ними никаких прав", подставлен другой, очень неполный: „крестьяне тоже человеки, следовательно не нужно над ними тиранствовать"» (Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. II, 1935, стр. 170). Переходя к анализу «Отрывка путешествия», Добролюбов продолжает: «Гораздо далее всех обличителей того времени ушел г. И. Т., которого „Отрывок из путешествия" напечатан в „Живописце"... В его описаниях уже слышится ясная мысль о том, что вообще крепостное право служит источником зол в народе» (стр. 170). Приведя затем одно из наиболее важных мест «Отрывка», где говорится о том, что измученные крестьяне работают для прихотей помещика, Добролюбов замечает: «Тирада эта очень резка, и, кажется, тогдашнее благочиние вообще строго посмотрело на эту статью. Некоторых мест из нее даже нельзя было напечатать... Видно, и в то время существовали „некоторые причины", мешавшие писателю говорить откровенно всю правду, как скоро он удалялся от тех покровов, под которыми ратовала тогдашняя сатира вообще» (стр. 171).

Таким образом, Добролюбов решительно отделяет статью И. Т. от «тогдашней сатиры вообще». Указав далее, что «в „Отрывке" бросается сильное сомнение на законность самого принципа крепостных отношений» (стр. 173—174), Добролюбов обращается к так называемой «Английской прогулке» (текст см.: л. 13, XVIII), статье Новикова, в которой дается благонамеренное истолкование „Отрывка". Вслед за большой цитатой из «Английской прогулки» Добролюбов пишет: «Нельзя не сознаться, что объяснение это очень искусно написано. Но, тем не менее, оно парализовало истинную силу „Отрывка" и придало ему тот же недалекий вид, каким отличалась вообще сатира того времени... Обличители хотели внушить помещикам правила человеколюбия, без ограничения их произвола и без измене-

ния их юридических отношений к крестьянам. Они никак не хотели понять, что пока личному произволу оставлена хоть малейшая доля в участии в распоряжении общественными делами и отношениями, до тех пор не может быть прочных гарантий для сохранения безопасности и прав личности. От этого-то непонимания и происходила та двойственность и половинчатость сатиры, которая лишила ее практического влияния на перемену нравов» (Добролюбов, Полное собр. соч., т. II, 1935, стр. 174).

К исключительно верным суждениям Добролюбова можно прибавить следующее. Новиков на всем протяжении своей сатирической деятельности в 1769—1774 гг. стоял за создание таких отношений, при которых помещики относились бы к своим крестьянам, как отцы к детям. Это было в «Трутне» и в «Рецептах», в особенности в «Новогодних пожеланиях» 1770 г.

Между тем автор «Отрывка» подчеркивает, что «в три дни сего путешествия ничего не нашел похвалы достойного. Бедность и рабство [в оригинале курсив, — П. Б.] повсюду встречались со мною во образе крестьян... Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению всегда находил, что помещики их сами тому были виною. О человечество! тебя не знают в сих поселениях. О господство! ты тиранствуешь над подобными тебе человеками. С великим содроганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удалитесь от меня ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим руководствует!».

Совершенно ясно, что подобное начало ни в какой мере не предвещает какого-либо просвета в мрачной картине, которую рисует И. Т. Следовательно, не ему принадлежит окончание «Отрывка», где путешественник отправляется в дальнейший путь, «горя нетерпеливостию увидеть жителей благополучныя деревни» и чувствуя удовольствие, что увидит крестьян благополучных. Это окончание безусловно приделано «Сочинителем Живописца», то есть Новиковым, с тою же целью, с какой была написана «Английская прогулка», а именно, чтобы, говоря словами Добролюбова, парализовать истинную силу «Отрывка», придать ему тот же недалекий вид, каким отличались вообще сатиры того времени и, прибавим от себя, сохранить подвергшийся нападкам журнал.

Несомненно для этой же цели в 3-м издании «Живописца» в конце «Отрывка» было сказано: «Продолжение сего путешествия напечатано будет при четвертом издании сея книги» («Живописец», 3-е изд., ч. II, стр. 229). Как известно, ни в 4, ни в 5 изданиях «Живописца» обещанного продолжения не было. Да оно и не существовало в природе: напомним, что в «Известии», в л. 3 Новиков просил присылать «сочинения со окончанием». Следовательно, если Новиков обращался к посторонним сотрудникам присылать только законченные произведения, он придавал большое значение этому моменту и не стал бы печатать «Отрывок», конца которого не имел.

Вообще, при внимательном чтении и сопоставлении первой части «Отрывка» (л. 5) и второй (л. 14) бросается в глаза различие стиля. Первая часть «Отрывка» имеет строго повествовательный и местами патетический характер; отсюда проистекает чрезвычайно простой язык, без каких-либо отступлений в высокий стиль, без малейших славянизмов. Между тем начало второй части «Отрывка» выдержано совершенно в тонах Новиковской сатиры: здесь все знакомые нам объекты обличения «Трутня» и «Живописца» — богачи, худые судьи и взяточники-подьячие, волокиты и щеголихи, «устарелые» кокетки, игроки, купцы, врачи, стряпчие.

Меняется в начале второй части и в последнем абзаце ее отношение к старинным языковым формам: в первой части «Отрывка» нет ни одного случая употребления окончания прилагательных женского рода в род. падеже ед. числа на «ыя» или «ия». Во второй части в начале находим «восхождения престарелыя луны, своея благодетельницы», в последнем абзаце — «увидеть жителей благополучныя деревни», «о помещике тоя деревни». В первой половине «Отрывка» (л. 5) не было ни одного случая употребления окончания прилагательного мужского рода на «ый» вместо «ой»; во второй находим «худый судья». В средине второй половины статьи, где путешественник беседует с хозяином-крестьянином, стиль изложения совершенно совпадает с первой половиной «Отрывка», напечатанной в л. 5 «Живописца». Что употребление окончания «ыя» (вм. «ой») и «ый» (вм. «ой») принадлежит Новикову — явствует из стилистических изменений, внесенных в «Отрывок» в 3-м издании «Живописца»; здесь мы находим: «худый урожай», «от всякия нечистоты», «из самыя толстыя холстины», «без скорыя помощи», «из оныя». Таким образом, мы видим, что в «Отрывке» на первый основной слой, принадлежащий И. Т., наложен второй, явно новиковский. Первый стиль ближе к реализму, второй ближе к классицизму, в особенности в начале второй половины «Отрывка».

Первый стиль очень близок к отдельным главам «Путешествия» Радищева, в особенности к главе «Любани». Сопоставление средней части второй половины «Отрывка» с главой «Любани» убеждает в том, что в «Путешествии» перед нами переработка первоначального варианта, данного в «Отрывке». Не продолжая сопоставлений «Отрывка» с отдельными главами «Путешествия», так как в книге В. П. Семенникова «Радищев» (стр. 329—354) это сделано достаточно обстоятельно и убедительно, мы заметим только, что начало главы «Любани» имеет такой же условный характер, как и начало «Отрывка путешествия», якобы представляющего главу XIV уже написанной книги. Это обстоятельство может служить дополнительным аргументом в пользу того, что «Отрывок» представлял только первый вариант главы «Любани» и что автор в основном и в главном удержал наиболее для него существенное и важное, а именно обрисовку условий крестьянского труда в крепостной России.

Еще в 1858 г. М. Н. Лонгинов в приписке к статье П. А. Радищева об отце в «Русском вестнике» сделал замечание относительно указания

на принадлежность «Отрывка» А. Н. Радищеву. Признавая в общем возможность этого, Лонгинов удивлялся тому, что в «Путешествии» нет текстуальных совпадений с «Отрывком». Но разве не бывает случаев, когда писатель отбрасывает не удовлетворяющие его части произведения целиком или делает новую редакцию, сохраняя в ней только основное и важнейшее из отброшенного.

Таким образом, и тонкое критическое чутье Добролюбова, отрицавшего принадлежность «Отрывка» Новикову, и данные языка и стиля «Отрывка», наконец, указания П. А. Радищева об авторстве отца — заставляют отвергнуть неудачные домыслы о Новикове как авторе «Отрывка путешествия» и признать таковым А. Н. Радищева.

41 Адоньи — скирды. В 3-м издании «Живописца» исправлено «одоньи». Любовь ко ближнему — в 3-м издании «любовь».

42 О солнце, лучами своими щедрот своих*** озаряющее — три звездочки, вероятно, означают «дворян» или «господ».

Лист 6

43 III. Из гостиного двора — во «Всякой всячине» 1769 г. было напечатано письмо, подписанное «гостиного двора лавочник Фока Деньголюбов» (№ 65, стр. 172—174); автор жалуется на посещение лавок знатными господами, ничего не покупающими у купцов и мешающими производить продажу «тем людям, кои бы заподлинно нечто купить хотели». Автор просит «написать что ни на есть такое, что бы удержало барынь приходить лечить свою скуку в (его) лавку безденежно». В «Живописце» эта самая тема сатирически повернута и против купечества, которое, оказав кредит на десять тысяч, будет считать свою потерю не более, как в трех тысячах рублей; иными словами дается понять, что купцы берут втрое дороже за продаваемые товары.

44 Из Милионной — до середины XVIII в. Миллионная улица была центральной улицей Петербурга, на ней издавна помещались переплетные мастерские, при которых производилась продажа книг. Книжные магазины в Петербурге появляются только в последней четверти XVIII в.

45 Волшебные сказки — имеется в виду многотомная серия «Contes de fée».

46 Свирепствовавшая в нашем городе заразительная болезнь — с весны 1771 г. по январь 1772 г. в Москве свирепствовала эпидемия чумы.

47 неусыпными попечениями некоторых истинных сынов отечества — имеется в виду фактический московский главнокомандующий генерал-поручик П. Д. Еропкин и посланный Екатериной для успокоения вызванных чумой народных волнений граф Г. Г. Орлов, которого придворные льстецы объявили «спасителем Москвы».

48 Другая болезнь — патриотическая борьба Новикова с преклонением дворянства перед иностранцами и с их пренебрежением к русской культуре

началась еще в «Трутне» и продолжалась в «Живописце». Особенно серьезно боролся с дворянским низкопоклонством Новиков в четвертом своем журнале «Кошелек» (1774).

[49] Из Ярославля — три комедии Екатерины «О время», «Госпожа Вестникова с семьею» и «Именины г-жи Ворчалкиной» были играны в 1772 г. на придворном театре и изданы в том же году как пьесы, сочиненные неизвестным автором в Ярославле во время чумы. На самом деле, Екатерина в 1771 г. в Ярославле не была.

[50] Наркис — см. прим. 20.

[51] Крепости — документы.

[52] Прибавление к сим ведомостям будет впредь — в 3-м издании «Живописца» эта строка не была перепечатана.

Лист 7

[53] IV. Письмо к господину Живописцу — это письмо Екатерины. В 3-м издании «Живописца» Новиков, несомненно сознательно, не перепечатал этого письма.

[54] не брал я находящихся в ней умоначертаний ни откуда, кроме собственной моей семьи — так как Новиков в «Трутне» и в «Пустомеле» потешался над словом «умоначертание», Екатерина сочла нужным поместить это слово в своем письме, возможно, для того, чтобы хотя и с запозданием дать ему понять, над кем он иронизировал. П. А. Ефремов считал, что «под „собственною семьею“ императрица подразумевала Россию» («Живописец», 7-е изд., стр. 323).

[55] господин Фирлифюшков — отрицательный персонаж в комедии Екатерины «Именины г-жи Ворчалкиной». Екатерина считала, что очень хорошо знает русский язык, хотя писала стилистически и орфографически неграмотно. Секретари императрицы исправляли ее литературные произведения (журнальные и драматические), но и в исправленных вещах видны иногда следы первоначальных редакций, в частности сохранялись имена действующих лиц, вроде Фирлифюшков, Некопейков, Таларикин, Спесов; в этих не по-русски звучащих фамилиях и в некоторых оборотах сказывалась истинная языковая сфера Екатерины, тщательно скрываемая ею, — немецкая фамилия «Фирлифюшков» несомненно создана была Екатериной на основе немецкого разговорного слова «firlefanzen» — балагурить, дурачиться.

[56] за бестыдное словонесдержание — дословный перевод с немецкого: «schändlichen Wortbruchs wegen».

[57] Геркулов — другой отрицательный персонаж «Именин г-жи Ворчалкиной».

[58] Уложенье — собрание законов Московского государства, составленное при Алексее Михайловиче в 1649 г. и действовавшее и при Екатерине. Екатерина, как известно, созвала в 1767 г. комиссию для сочинения Нового Уложения, но в конце 1768 г. распустила ее.

[59] я целые пять месяцев занят был сочинениями комедий, коих пять готовых имею — Екатерина хотела щегольнуть быстротою своей литературной работы. Для языка Екатерины показательно неправильное выражение «сочинениями комедий», вместо «сочинением комедий». «Пять готовых комедий» — кроме трех названных выше, еще «Невеста — невидимка» и «Передняя знатного барина».

[60] Господину сочнителю комедии О время — эта статейка не была перепечатана в 3-м издании «Живописца», равным образом в «Живописце» не было «Особливого письма», о котором говорит Новиков в конце этой заметки.

[61] V. Я читаю ваши листы — эта статья принадлежит скорее всего Новикову и написана им как повод для трактовки вопросов семейной жизни.

[62] VI. Прочитав твои листки — статья «Осьмидесятилетнего старика», повидимому, прислана со стороны и не имеет столь благожелательного смысла, как кажется с первого взгляда. Под покровом дружелюбия автор письма напоминает Новикову, что в прежние времена ему пришлось бы круто, да и сейчас он рекомендует издателю «Живописца» осторожность и намекает, что журнал может прекратиться.

[63] Я ненавижу тех красноречивых рассказчиков, которые, обольщая слуг, обманывают нас — под красноречивыми рассказчиками, обольщающими слуг, подразумевается Д. И. Фонвизин, которого антицерковное «Послание к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке» было вновь напечатано в «Пустомеле» (1770). Так напечатано в 1-м издании. Во 2-м издании «Живописца», вместо «слуг», напечатано «слух», в результате чего намек на Фонвизина пропал.

Лист 8

[64] VII. Поповский Николай Никитич (1726—1760) — поэт школы Ломоносова; по рекомендации последнего был назначен профессором красноречия и философии в открытый в 1755 г. Московский университет.

[65] Шувалов Иван Иванович (1727—1798) — фаворит Елизаветы Петровны; в 1755 г. был назначен куратором Московского университета.

[66] Аммонов жрец, дары приняв, в уме смеялся, Когда ответ его правдивым показался Не хитрому царю, что он Зевесов сын — речь идет об Александре Македонском, получившем от оракула египетского бога Аммона ответ, что он сын Зевса и как бог бессмертен.

[67] Крис (правильнее Крез) — царь мидийский (VI в. до н. э.), считавшийся баснословно богатым.

[68] Юлий — Юлий Цезарь.

[69] Мусы — музы, науки и искусства.

[70] от младых ногтей — с самых юных лет.

[71] Александр — Александр Македонский.

[72] Сципион (Корнелий Сципион Африканский, конец III—начало II в.

до н. э.) — римский военачальник и политический деятель времен Пунических войн.

73 Родитель в том его наставил — Публий Корнелий Сципион, прозванный Азина (III в. до н. э.).

74 Присный — истинный, настоящий.

75 Чрез собственное ты об оных попеченье — в качестве куратора университета.

76 Минервин храм — храм богини мудрости, храм наук, университет.

Лист 9

77–81 VIII. Слова из жаргона щеголих: фельетирую — перелистываю, дистракция — скука, вокруг нас — между нами, мнение щеголихино — см. л. 4, I, — в наст. изд. стр. 291; ластишь — нравишься.

82 Некоторой грубиян — Екатерина в комедии «Именины г-жи Ворчалкиной».

83 Дремов — положительный герой комедии «Именины г-жи Ворчалкиной».

84 Первая его комедия — «О время».

85 Шпетить — язвить на чей-нибудь счет.

86 В 5 листе твоего Живописца — намек на «Отрывок путешествия в*** И*** Т***.

87 Папахин (нем. Papachen) — папочка.

88 Деклярасьёны — признания (в любви).

89 резонирую —убеждаю.

90 Ипохондрия — модное слово в жаргоне щеголей и щеголих.

91 Услужи, радость — в 3-м издании «Услужи, фреринька». Фреринька — от «frère» (фр.) — брат.

92 Особливою книжкою — в 3-м издании «деташированною книжкою».

93 Модный женский словарь — см. л. 10, X, — в наст. изд. стр. 315.

94 IX. Самдруг — вдвоем.

Лист 10

95 X. Объяснение слова «ах» во многом напоминает истолкование слова «а» во «Всеобщей придворной грамматике» Д. И. Фонвизина.

96 Монкьор — фр. mon coeur, мое сердце.

97 Дремов — см. прим. 83.

98 прелесть идольского служения — гибельное (с позиций христианской религии) обольщение язычества.

99 из презрения к своим кумирам называли их болванами — автор «Опыта модного словаря» не прав: еще в начале XVIII в. в словаре Ф. Поликарпова (1704) слово «болван» объяснялось иначе—образ резаный поганский [языческий] и давался латинский перевод — «statua [статуя]».

Лист 11

100 XI. Вдругорядь — в другой раз.

101 М. С. — эта подпись расшифровывается, как инициалы М. В. Сушковой (ур. Храповицкой); см. наст. изд., стр. 536, прим. 120 к «Трутню» 1769 г.

102 XII. Жалуются, что она ничего не смотрит — до 1780-х годов цензура осуществлялась в типографиях (Академии Наук, Сухопутного шляхетного корпуса, Морского кадетского корпуса и др.).

103 скоро вся подлость сделается писателями — подлость в значении «чернь, простонародье».

104 я девица, однако, пятой десяток в спокойстве проживаю — возможно, что это намек на Екатерину, которой в 1772 г. действительно шел уже пятый десяток.

105 XIII. Письмо Р. Г. — здесь осмеивается какое-то достаточно известное читателям лицо; возможно, инициалы «Р. Г.» означают «российская государыня».

106 XIV. Вы, описав столько различных умоначертаний — употребление любимого екатерининского словечка «умоначертание» указывает на то, что в данном письме имеется в виду Екатерина и ее угрозы («осторожки» — предупреждения).

В том, что письма девицы Р. Г. и Пустяковтоптателя относятся к Екатерине, убеждают последние слова в ответе издателя: «Развратные толки девицы Р. Г. и подобных ей меня не беспокоят... не совратят меня с дороги, которую я избрал».

Лист 12

107 XV. Подпись К. С. — хотя она и дана от имени мужчины, была позднее расшифрована, как инициалы Катерины Петровны Свиньиной (по мужу Бахметьевой) (см.: Голицын Н. Словарь русских женщин—писательниц. СПб., 1889, стр. 223). Однако это не верно: К. Свиньина родилась в 1779 г. (см. «Московский некрополь», т. I, стр. 87, под фамилией Бахметьева). Может быть, это Константин Станиславский, переводчик начала 1780-х годов.

108 XVI. Диодати Доминик (1736—1801) — итальянский археолог. Экземпляр «Наказа» (оригинал и перевод на латинский, французский и немецкий языки) был послан Диодати, повидимому, от имени Г. В. Козицкого, переведшего «Наказ» на латинский язык. Что письмо было адресовано Козицкому, убеждают похвалы латинскому переводу, содержащиеся в письме Диодати. Письмо Диодати было помещено Новиковым не из-за похвал Екатерине и ее «Наказу», а потому что Диодати обращается в конце письма к депутатам уже распущенной давно комиссии: «Вы же, премудрые мужи, продолжайте...». Екатерине такое напоминание было неприятно.

[109] XVII. Некоторая пожилая знатная госпожа — вероятно, новый намек на Екатерину; миниатурный живописец — здесь, очевидно, Новиков.

Лист 13

[110] XVIII. Английская прогулка — статья принадлежит Новикову. Ее очень удачно охарактеризовал Н. А. Добролюбов (см. прим. 40).

[111] Пятый лист — имеется в виду «Отрывок путешествия в*** И*** Т***».

[112] Накажу их жезлом беззакония — цитата из Библии.

[113] шатавшимся провинциальным английским актерам — см. выше прим. 35.

[114] XIX. Прошу не погневаться — под этим псевдонимом, скорее всего, скрывался А. П. Сумароков, проживавший с 1769 г. в Москве. См. л. 17, XXX, и прим. 159, наст. изд., стр. 572.

Лист 14

[115] XX. любимцы Плутовы — богачи. Плутос — богатство и бог богатства у древних греков.

[116] Берег — прогулки на песчаной отмели под стеной Петропавловской крепости («каменный берег») были в моде в середине 1760-х годов.

[117] мы торопимся убрать живо — в 3-м издании «убрать жниво».

[118] полно того, что и они гуляют — в 3-м издании «что и они в праздничные дни попустому шатаются».

[119] В 3-м издании обе части «Отрывка» объединены в одно целое и помещены в самом конце книги.

[120] XXI. Графиня Прасковья Александровна Брюс (1729—1786) — сестра П. А. Румянцева-Задунайского. В 1771—1772 гг. — ближайшее лицо к Екатерине, которая посвятила ей написанную именно тогда редакцию «Записок». «Графиня Прасковья Александровна, — писал о ней историк придворной жизни XVIII в. П. Ф. Карабанов, — прекрасная, умная, любезная и ловкая женщина, не могла похвалиться своим поведением, потому что имела множество любовных связей» (Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Гофмейстрины, статсдамы и фрейлины русского двора XVIII и XIX вв. СПб., 1872, стр. 30).

[121] Любитель добродетельных людей — подпись, как и печатающиеся далее стихи, имеют несомненно иронический характер. Возможно, автором их был Д. И. Фонвизин.

Лист 15

[122] XXIII. П. Р. — инициалы эти едва ли соответствуют имени и фамилии автора. Еще в середине XIX в. Н. Н. Булич в диссертации о «Сумарокове и современной ему критике» (СПб., 1854, стр. 281) высказал пред-

положение, что автором, скрывшимся под буквами П. Р., мог быть Д. И. Фонвизин. В дальнейшем точку зрения Булича поддержал исследователь сатирических журналов 1769—1772 гг. А. Н. Афанасьев (Русские сатирические журналы 1769—1774 годов. М., 1859, стр. 102). П. А. Ефремов в своем издании «Трутня» высказал мнение, что письма к Фалалею, напечатанные вслед за письмом П. Р., принадлежат М. И. Попову. К взгляду Ефремова присоединился В. П. Семенников (Русские сатирические журналы 1769—1774 гг., СПб., 1914, стр. 45), впрочем, позднее от этой точки зрения отказавшийся, хотя и не успевший изложить свои соображения в печати.

В недавнее время А. Н. Лурье и И. В. Исакович посвятили вопросу об авторе «Писем к Фалалею» статьи, в которых убедительно доказывают принадлежность этих произведений Фонвизину (Учен. зап. ЛГУ, 1939, № 47, стр. 44—68 и 68—76).

В архиве А. Ф. Кони, хранящемся в Институте Русской литературы (Пушкинский Дом), среди бумаг Ф. А. Кони есть писанная рукой последнего рукопись, озаглавленная «Письма из „Живописца“ Фонвизина. Письма уездного дворянина к его сыну в Ст. Петербург. Ф. К[они]» (шифр: ф. 134, оп. 5, № 186, — бумага с водяными знаками 1826 г.).

[123] XXIV. Черная немочь — падучая болезнь, эпилепсия.

[124] Канунник (точнее: канонник) — сборник церковных песнопений (канонов).

[125] Стяг — мясная туша без головы и ног.

[126] Шесть денег — три копейки; в 1770-е годы три копейки равнялись 18—20 коп. на золотые деньги.

[127] Рожон — заостренная палка, клавшаяся на соху, чтобы тяглый скот не замедлял хода при пахоте; в противном случае рожон начинал колоть ноги скоту. Выражения «какого рожна», «ведь не рожна» означали выражение неодобрения.

[128] винцо-та в сапогах ходит — вино стоит дорого.

[129] вина своего нельзя привезть в город — винокурение в XVIII в. отдавалось правительством на откуп, и частное производство вина было тем самым запрещено.

[130] Кружало — кабак.

[131] дворянам дана вольность — по указу Петра III в 1762 г.

[132] Так ходи же он да проси — так пусть жалуется в суд.

[133] на сотню места — на сто рублей.

[134] вытить из службы да поехать за море — до указа 1762 г. все дворяне обязаны были служить на военной или гражданской службе; поездки за границу также были им запрещены и разрешались в особых случаях.

[135] Барашек в бумажке — взятка.

[136] не куркай — не пикни.

[137] Кормчая книга — книга церковных и светских законов, которой церковные власти руководствовались и в церковных делах и при разбирательствах жалоб мирян.

[138] Печатные листочки — имеются в виду листки «Живописца», сти лист 5 с «Отрывком путешествия в*** И*** Т***».

[139] Чети Минеи — книги для назидательного чтения (чети), расположенные в последовательности месяцев года (минэос — по гречески — месячный); содержали жития святых, так, как они перечисляются в святцах.

[140] Нынче же это и ремесло не в моде, скорее в воеводы добьешься, нежели во — пропуск должен означать «во святые».

[141] Ведь не всем старцам в игумнах быть — пословица, смысл которой — «каждому надо знать свое место».

[142] Друг другу тяготы носите и тако исполните закон Христов — цитата из Нового Завета. В 1-м издании «Живописца» она отсутствовала.

[143] Г. Г. Орлов — самый влиятельный фаворит Екатерины до Потемкина; в это время он был в большой опале. Упоминание его в «Живописце» могло иметь характер вызова Екатерине.

[144] гадки не мают — по-украински — ни о чем не думают; с петровских времен, в особенности во время фаворитизма А. Г. Разумовского, украинские песни и украинские пословицы были в большом ходу в русском обществе.

[145] Скосырь и Налетка — клички собак. Скосырь — значит щеголь, иногда — гордец.

[146] перемен двенадцать — двенадцать раз меняют розги.

[147] Писавый — старинная форма вместо «писавший».

Лист 16

[148] XXV. Ставучанская баталия — битва при Ставучанах (в Бессарабии) была в 1739 г.

[149] живущие в свете праздно тягчат только землю — перифраз цитаты из Сумарокова (см. прим. 6 к «Трутню» 1769 г.).

[150] Во счете реченных — в числе указанных.

[151] Доброхотов — возможно, это Д. И. Фонвизин. Ср. его «Всеобщую придворную грамматику».

[152] XXVI. во свете не одни турки будут тебе неприятели, ты найдешь неприятелей гораздо больше внутри своего отечества — эта фраза напоминает знаменитые слова Н. А. Добролюбова о «внутренних турках» в статье «Когда же придет настоящий день?».

[153] Подьячий с приписью — чиновник, скреплявший своей подписью документ и тем самым свидетельствовавший его подлинность; подпись его («припись») ставилась в самом низу документа.

[154] XXVII. Письмо Г. Г. Орлову — принадлежит архиепископу Амвросию (Подобедову) (1742—1818); в 1771 г. Амвросий был префектом Московской духовной академии.

[155] Верноотечественный — вместо патриотический.

[156] Иройство — героизм.

Лист 17

157 XXIX. творит какой-то кур — см. прим. 37 к «Живописцу», ч. I.

158 80. 90 — цифровое значение букв П и Ч.

159 XXX. Об авторе этого письма, подписанного «Прошу Не погневаться», см. прим. 114 к л. 13, XIX. Приписка Новикова, исполненная почтительности, свидетельствует о том, что автором письма мог быть именно Сумароков.

160 Мне вдруг захотелось быть профессором — Сумароков претендовал одно время на то, чтобы его назначили «профессором Академии Наук», т. е. академиком.

161 Иные советуют мне постричься в монахи — в 1767 г. мать Сумарокова жаловалась Екатерине на его непослушание; Екатерина грозила Сумарокову отправить его в монастырь («Сборник Русского истор. об-ва», т. X, стр. 252).

Письмо в «Живописце» имеет, очевидно, целью показать Екатерине пренебрежение к ней Сумарокова.

162 XXXI. Медные рога — имеются в виду музыкальные инструменты; роговая музыка, изобретенная в 1750-х годах служившим у Нарышкина чехом Марешом, была одной из излюбленных забав екатерининских вельмож; поэтому и сказано, что «страна наша в медных рогах недостаток претерпевает».

163 Новоостровской житель — Новым островом в XVIII в. назывался Васильевский остров.

164 P. P. — вероятно, вм. P. S.

165 мои листы печатаются там — типография Академии Наук с самого начала ее существования помещалась на Васильевском острове (9 линия).

Лист 18

166 XXXIII. Очистка крестьян — сведения об уплате крестьянами недоимок по оброку.

167 XXXIV. Чрезъестественные — сверхъестественные.

Лист 19

168 XXXV. Кофегадательница — гадания на кофейной гуще были широко распространены в XVIII в. Ср. комическую оперу молодого Крылова «Кофейница» (1783), написанную под несомненным влиянием комментируемой статьи в «Живописце».

169 Изверг — отверженец, позднее — злодей.

170 Кивилла (Сивилла) — прорицательница.

171 Скупягина вопрошает, кто украл серебряную ложку — эпизод с мнимой покражей крепостным серебряных ложек был развит И. А. Крыловым и положен в основу «Кофейницы».

172 Батожье — батоги, длинные хлысты или кнуты.

173 его отдают в приказ — отправляют для наказания в полицию.

174 Кощунья — кощунствующая женщина, издевающаяся над «священными» предметами и верованиями.

175 Следующие два абзаца в 3-м издании опущены.

176 Чародейница во Ендоре (в славянском переводе Библии — Аэндорская волшебница) — согласно библейскому преданию, по просьбе царя Саула вызвала дух недавно умершего пророка Самуила. Незадолго до того Саул велел уничтожить всех занимавшихся гаданиями и вызывающих духов. Аэндорской волшебнице удалось избежать гибели. Автор статьи, очевидно, считал, что волшебница была тоже казнена.

Лист 20

177 XXXVI. Артикул — статья. См. л. 6, III, — в наст. изд., стр. 298—299.

178 Газетьер — журналист, сотрудник или издатель газеты.

179 Обронить кредит — потерять кредит, доверие заимодавцев.

180 Некоторому молодому господину потребен секретарь — вероятно, имеется в виду С. В. Нарышкин, автор песенок, мелких стихотворений и комедии «Истинное дружество» (1772).

181 полученных прапрадедом его под Чигирином — в 1670-х годах в битвах с турками под Чигирином, столицей Правобережной Украины, отличился кн. Г. Г. Ромодановский. Во времена Новикова был кн. Н. И. Ромодановский-Лодыженский (1740? — 1803). Возможно, что речь идет об этом последнем.

182 Селадон — герой прециозного романа д'Юрфе «Астрея» (начало XVII в.); сперва синоним верного, застенчивого любовника, позднее (в XVIII в.) — женолюбивого старичка.

Лист 21

183 XXXVII. Возлюбленному о Христе брату радоватися! Письмо богомольца Тарасия — мастерски написанная сатира на тунеядствующее монашество, которое желает использовать в своих интересах любую возможность «умножитися подаянию во обитель нашу». Перечисление монастырских чиновников должно было подчеркнуть обилие тунеядцев в богатом монастыре: экономов, ризничих, рухлядных и т. д.

184 Обаче — однако.

185 Ежеседмищные — еженедельные.

186 возвеселитеся пьяница о стклянице и уповает на вино — из антицерковной пародии, называемой «Служба кабаку» (XVII в.).

187 XXXVIII. В ответе «Недостойного живописца» — Новикова содержатся намеки на журнальную и литературную деятельность Екатерины: «Семо (тут) поучают, а иде же (где) поучаются. Онде (там) исправляют,

а где исправляются; не исправятся убо [ведь] поучаемые, дондеже [пока] не исправятся поучающии».

[188] XXXIX. Пастушеские сочинения — пасторали, идиллии.

[189] «О Время!», «Именины [г-жи Ворчалкиной]», «[Госпожа] Вестникова [с семьей]» — комедии Екатерины.

[190] ее представляют на Булеваре — имеется в виду парижский «бульварный театр», пользовавшийся большим успехом в середине XVIII в.

Лист 22

[191] XLI. Прозябение — растение.

[192] Необиновенно — прямо, без обиняков.

[193] Стряпческий — адвокатский.

[194] Книгохранительница — библиотека.

[195] XLII. Граф Солмс — прусский посланник в Петербурге в 1760-х, 1770-х годах.

[196] Граф Панин — Никита Иванович Панин (1718—1783), глава русской дипломатии при Екатерине.

[197] Семирамида — мифическая вавилонская царица, прославившаяся созданием «висячих садов», считавшихся одним из восьми чудес древнего мира.

[198] Королева Елисавета — английская королева (1533—1603).

[199] Императрица королева — Мария-Терезия, австрийская императрица и венгерская и богемская королева (1717—1780).

Лист 23

[200] XLIII. Твое столетие — Петр родился ровно за сто лет до того 30 мая 1762 г.

[201] В. Р. — В. Г. Рубан (1739—1795), рептильный поэт.

[202] XLIV. четвертое, мною в ответ на их письма написанное — этого письма в «Живописце» нет. Следует заметить, что во «Всякой всячине» (№ 26, стр. 77—79) помещено письмо за подписью «Фалалей», которое совершенно совпадает по своему характеру (нападки на Лукина, похвалы Сумарокову) с другими произведениями Фонвизина (см. выше, наст. изд., стр. 52), вплоть до того, что пьесу Лукина «Тесть и зять» Фалалей, как и Фонвизин, называет «Зять и тесть». Возможно, таким образом, что и письмо во «Всякой всячине» за подписью Фалалей принадлежит Фонвизину. Это предположение делает более убедительным указание Ф. А. Кони о том, что «Письма к Фалалею» написаны Д. И. Фонвизиным.

[203] Егорий — орден св. Георгия Победоносца был учрежден в России в 1769 г. для награждения за воинские заслуги.

[204] Ни синей порох — ни малейшая вещь, ни крошечки.

[205] И курицы некуда будет выпустить — ср. в «Копии с отписки»: «землю отрезал по самые наши гумна, некуда и курицы выпустить» («Трутень», 1769 г., л. XXVI, 59. См. наст. изд., стр. 141).

[206] Уголовье — уголовные преступления.

[207] Огневица — горячка.

Лист 24

[208] XLVI На день рождения его императорского высочества — Павла Петровича, впоследствии Павла I (род. 1754). С исполнением восемнадцатилетия Павла противники Екатерины связывали надежды на осуществление данного ею при вступлении на престол письменного обязательства царствовать до совершеннолетия наследника, т. е. до 1772 г. Екатерина, однако, уже давно уничтожила этот документ.

[209] Мантор — ментор, воспитатель. Здесь — Н. И. Панин, точнее, главный наблюдатель за воспитанием Павла.

[210] по ней — после нее.

[211] XLVII. Панкратьевич — Трифон Панкратьевич, отец Фалалея.

[212] твоим ангелом — иконою с изображением святого, чье имя носит данное лицо, в настоящем случае — Фалалей.

[213] XLVIII. Фарсульская богородица — икона, представляющая «чудотворной» иконы.

[214] Неопалимая купина — согласно сказанию Библии горевший и не сгоравший терновый куст, якобы виденный Моисеем на горе Хориве; в христианской символике — эпитет Марии, матери Иисуса; в данном случае имеется в виду копия с «чудотворной» иконы, носящей название «Неопалимая купина» и изображающей богоматерь.

[215] Оклад — украшение из драгоценных металлов на иконах; в прорезах оклада видно изображение святого, «подлинник» (условный портрет) которого икона воспроизводит.

[216] Глухая исповедь — церковный обряд, осуществляемый над умирающим без сознания, состоящий в отпущении его грехов священником.

[217] Притоманно — безусловно.

[218] Похлебнее — выгоднее, доходнее.

[219] на приклад — например.

[220] Экономические казначеи — в 1764 г. по указу Екатерины монастырские крестьяне были отобраны у монастырей и переданы в ведение Коллегии экономий. Вероятно, здесь имеется в виду какое-то нашумевшее в это время дело о хищениях в Коллегии экономий.

[221] Не в пронос — по секрету, не для разглашения.

Лист 25

[222] XLIX. ваши читатели, кои из мещанства и купечества — в предисловии к 3-му изданию «Живописца» Новиков писал: «сие сочинение попало на

вкус мещан наших... у нас те только книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям, по незнанию их чужестранных языков, нравятся... Напротив того, книги, на вкус наших мещан не попавшие, весьма спокойно лежат в хранилищах, почти вечною для них темницею назначенных». Возможно, что это совпадение является не случайным, и автором данного письма, подписавшимся псевдонимом «Дворянин с одною душею», был сам Новиков.

223 Феникс — чудо-птица античной мифологии, сгоревшая и возрождавшаяся из собственного пепла; здесь — просто чудо.

224 Рабенер Теофил Вильгельм (1714—1771) — немецкий сатирик.

225 Кровь моя запрещает мне иметь знакомство с мастеровыми — приезжая помещица считает журнал «Живописец» обозначением маляра-живописца.

226 Художники — ремесленники.

227 Хамов внучек — происходящий от предков крепостных.

228 Ибо в нашем отечестве исстари положено: для дворянина шпага, для стряпчего перо, а грамота для попов — намек на екатерининскую проповедь «социальной гармонии». См. выше, наст. изд., стр. 21.

Лист 26

229 L. на приобретение Белыя России 1772 года — по первому разделу Польши к России отошли старинные русские земли, отторгнутые поляками в период нашествия татар на Россию.

230 средьземныя пучины — в Средиземном море.

231 Фракиане — жители Фракии; в данном случае — турки, жившие на месте древней Фракии.

232 Одризийский — фракийский, е. турецкий.

233 Бродящая луна — полумесяц — герб Турции; здесь Турция.

234 Противные — враги.

235 П. П. — П. С. Потемкин (1743—1796), мелкий поэт второй половины XVIII в.

Живописец 1772 г., ч. II

Лист 1

I. Анатолий, епископ — такого епископа во времена Новикова не было. П. А. Ефремов полагал, что здесь имела место странная опечатка: Анатолий вместо Антоний. Антоний (Зыбелин) (1730?—1797), проповедник и писатель.

2 Архипелаг — В 1770—1772 г. две русские эскадры находились в Средиземном море и проводили операции против турок.

3 Яко же роса Аермонская нисходит на горы Сионские — цитата Псалмов. Аермон и Сион — название гор в Палестине.

[4] II. Утренние размышления короля Прусского — книга Фридриха II Прусского, написанная по-французски, «Matinées royales» (без обозначения места и года издания). Русский перевод под названием «Утренники короля Прусского» вышел в Петербурге в 1782 г. и в Москве (без даты).

[5] Словесные науки — литература.

[6] Ришелье Арман (1585—1642), герцог и кардинал — французский государственный деятель, основатель французской Академии.

[7] Аламберт — Даламбер Жан (1717—1783) — французский философ-просветитель, издававший совместно с Д. Дидро «Энциклопедию».

[8] Прорицатель — пророк, оракул.

[9] Мопертий — Мопертюи Пьер Луи (1697—1759) — французский математик и философ.

Лист 2

[10] IV. Любопытный зритель — повидимому, под этим псевдонимом скрывался Д. И. Фонвизин (см. прим. 11).

[11] О граждане, граждане! ищите прежде денег, а потом добродетели! — под этим заглавием в «Живописце» напечатана переработка статьи «Торг семи муз. Из Кригеровых снов», переведенной Д. И. Фонвизиным и напечатанной им в 1762 г. в журнале «Собрание лучших сочинений», издававшемся профессором Московского университета И. Г. Рейхелем (1727—1778); лекции Рейхеля Фонвизин слушал в 1758—1762 гг. В «Живописце» перевод Фонвизина переработан в применении к русским условиям, причем текст из «Собрания лучших сочинений» очень сильно изменен. Так как «Торг семи муз» является переводом Д. И. Фонвизина, то, повидимому, и переработка принадлежит ему, и, возможно, псевдоним «Любопытный зритель» — также принадлежит Фонвизину. «Торг семи муз» — статья из книги И. Х. Крюгера (1722—1750) «Сны».

[12] Волдайские девушки — жительницы Валдая были известны в XVIII в. своим распутством. См.: А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (гл. «Валдай»).

[13] дозволить вывозить деньги из государства — в середине XVIII в. боролись две точки зрения в политической экономии: меркантилистская, требовавшая увеличения вывоза и сокращения ввоза, и физиократическая, настаивавшая на обратном.

[14] Американские припадки — венерические болезни были завезены в Европу из Америки. Ср. у Пушкина в «Сцене из Фауста»:

Фауст

Что там белеет? говори.

Мефистофель

Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:

На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно нам подарена.

15 Площадный лекарь — лекарь шарлатан.

16 Случайные супруги — находящиеся в милости у начальства.

17 Высокородные — имеющие чин статского советника (в штатской службе) или бригадира (в военной).

18 Высокоблагородные — имеющие чин, начиная с майора (в военной службе) или коллежского асессора (в штатской).

19 Тысящницы вдовы — овдовевшие жены тысячников, начальников над тысячами или полками, то есть вдовы полковников.

20 Еликон — гора в Греции, посвященная Аполлону и Музам; в переносном смысле — обитель поэзии.

21 Р. S. — Очевидно, пост-скриптум принадлежит Новикову, очень высоко ценившему литературные дарования Фонвизина.

Лист 3

22 V. «Слово на всерадостное выздоровление от болезни его императорского высочества в 1771 годе» было издано в Петербурге в 1771 г. Автор его — Д. И. Фонвизин. «Слово», перепечатываемое в «Живописце», ставило своей целью подчеркнуть заслуги Панина в воспитании Павла и в спасении его от смерти во время болезни.

23 VI. Слух о Павловой болезни — Павел Петрович, наследник престола, заболел оспой в 1771 г. В то время не было еще современных противооспенных прививок, и смертность от оспы была чрезвычайно велика. В случае смерти Павла вновь возникал вопрос о престолонаследии, представлявший в то время очень серьезную государственную проблему. Оппозиционно настроенные в отношении Екатерины группы столичного дворянства, возглавлявшиеся Н. И. Паниным, непосредственным начальником Д. И. Фонвизина, возлагали большие надежды на вступление Павла на престол.

24 Приятное уединение — Екатерина в это время находилась в Царском селе (ныне г. Пушкин).

25 Павлов наставник — Н. И. Панин.

Лист 4

26 Но ты... — в 1772 г., под предлогом совершеннолетия Павла, Екатерина поспешила удалить Панина от него.

27 Позволь, о государь, вещать тебе гласом всех моих сограждан — советы, которые Фонвизин дает Павлу, обращены против Екатерины, в особенности «Буди властелином над страстями своими и помни, что тот не может владеть другими со славою, кто собой владеть не может».

[28] VII. К реке Волге — В 1768 г. Екатерина совершила путешествие по Волге в сопровождении двора. Во время путешествия она совместно с рядом своих ближайших придворных перевела с французского известный политический роман Мармонтеля «Велизарий», который в том же году под названием «Велизер» был издан отдельной книгой.

[29] Коллар Адам-Франц (1723—1783) — австрийский историк и историк литературы.

[30] Минерва — богиня мудрости; здесь вместо «Екатерина».

[31] Мудрости питомцы — приближенные Екатерины, принимавшие участие в переводе «Велизария».

[32] Дунай — вместо «Вена», столица Австрии (Вена стоит на Дунае).

[33] Тибр — вместо «Рим».

Лист 5

[34] VIII. Подлость — простонародье.

[35] При*** — при Петре.

[36] Мне кажется, брат, что ты похож на постельную жены моей собачку, которая брешет на всех и никого не кусает — эту фразу Н. А. Добролюбов цитировал дважды, находя в ней аналогию с сатирической журналистикой 1769—1774 гг. Постельная собачка — болонка.

[37] Ну, брат маляр, образумился ли ты? — снова намек на то, что дворянское общество презирает искусство (живописец) и приравнивает его к ремеслу (маляр).

[38] В полы — в половину.

[39] Довлеет — должно, следует.

[40] Письмо Ермолая, дяди Фалалея — очевидно, должно быть, по тем же основаниям, что и письма к Фалалею, признано произведением Д. И. Фонвизина.

[41] IX. «Картина из самой далечайшей древности» — эта статья несомненно написана Новиковым и характеризует отношение к нему Екатерины в 1772 г.

[42] Апеллес — древнегреческий художник IV в. до н. э.

[43] Мид, Мидас — мифический царь, наказанный за недооценку игры Аполлона тем, что у него уши превратились в ослиные.

Лист 6

[44] X. Боало де Преева сатира — Боало-де-Прео Николай (1636—1711), французский сатирик и создатель нормативной теории поэзии классицизма.

[45] Кром — склад.

[46] Шишак — старинный военный головной убор, вроде шлема с гребнем.

[47] Камилавка — шапочка у духовных лиц.

[48] Скудельный фарвор — фарфор.

[49] Александр — Александр Македонский.

[50] Асия — Азия.

[51] Не вместно — неудобно, неподходяще.

[52] Те домы — дома умалишенных были заведены в Европе только в конце XVII в.

[53] Аспид — ядовитая змея.

[54] Тязаться — состязаться, вступать в драку.

[55] Пустошь — пустые слова, глупости.

Лист 7

[56] Прибыльщик — удачно, прибыльно ведущий свои дела.

[57] Щечить — незаметно обворовывать.

[58] Мытарь — откупщик; здесь ловкач, «человек оборотливый, но плутоватый, живущий неправедной корыстью» (Даль).

[59] Вивлия — вм. «библия».

[60] Кальвин, Иоган (1509—1564) — швейцарец, основатель религиозного учения кальвинистов.

[61] Лютер Мартин (1483—1546) — немецкий монах, выступивший против католической церкви и основавший так называемое «лютеранское» учение.

[62] Язычный — обладающий даром речи.

[63] Ижица — последняя буква славянского алфавита, ставилась в словах греческого происхождения, позднее была заменена буквою «и»; за ижицу до драк доходят споры — споры между сторонниками различных систем орфографии; здесь — в смысле «споры из-за ерунды».

[64] Уразы — удары, ушибы.

[65] Лик — толпа, группа людей.

[66] XI. Похвала учебной палке — ироническая «Похвала» связана с распространенными в старинной русской школьной поэзии (силлабической) «похвалами розге», имевшими, однако, серьезный характер. Направленная против жестокой муштры в екатерининской армии, «Похвала учебной палке» — один из заметных фактов русского гуманизма в литературе.

[67] Вои — воины.

Лист 8

[68] X (ошибочно: должно быть XII; эта ошибка повторяется до конца нумерации во всех изданиях «Живописца»).

[69] Перевод — Эта статья ни в каком случае не является переводом, а представляет объяснение Новикова с публикой по поводу цензурных притеснений, чинившихся ему цензурой по указанию Екатерины. Впрочем, возможно, что слово «Перевод» поставлено по той причине, что выражение «неудоборазумо-и-духодеятелен», которое многократно повторяется на протяжении статьи, действительно представляет перевод какого-то отзыва Екатерины о Новикове. Непривычное для русского языка выражение «Неудобо-

разумо-и-духодеятелен» по-немецки звучит вполне закономерно: «unbequem—verstandes- und geistestätig», то-есть, «неудобный из-за своей интеллектуальной и духовной деятельности».

[70] г. м. — государь мой.

[71] Винословствовать — рассуждать.

[72] Всеконечно — безусловно.

[73] я, имев честь служить почти с полгода в чине простого ипохондрика — еще во «Всякой всячине» Екатерина и другие сотрудники называли издателя «Трутня» и Правдулюбова (то есть Новикова) ипохондриком.

[74] Каменный берег — см. прим. 116 к «Живописцу» 1772 г. Здесь под каменным берегом подразумевается, очевидно, читательская аудитория, к которой Новиков со своими сотрудниками обращались непосредственно в своих сатирических журналах.

[75] Четвертый уже месяц тому назад, как я принужден сделаться Неудобо-разумо-и-духодеятельным — очевидно, предполагаемый нами отзыв Екатерины о Новикове связан был с опубликованием «Отрывка путешествия в*** И*** Т***; с того времени было издано 19 листов «Живописца», то есть четыре с небольшим месяца.

[76] Сергиевская улица — ныне улица Чайковского в Ленинграде, находится неподалеку от моста, ведшего к «каменному берегу».

[77] так не должно ли мне переходить мосток, чтобы добраться до каменного берега? — здесь под мостком, очевидно, имеются в виду журналы Новикова.

Лист 9

[78] Кошки — плети (см. прим. 87 к «Трутню» 1769 г.).

[79] Искать — жаловаться.

[80] Роспуски — станок, дроги для возки клади.

[81] отложив лошадей — распрягши лошадей.

[82] Правда, я, может быть, чрез оное и другие какие еще важные вещи разумею, однако полного его содержания не намерен я открывать свету — эта фраза совершенно прямо указывает на иносказательный смысл «Перевода» о «Неудобо-разумо-и-духодеятельном».

Лист 10

[83] XI. а ты видно на выскочку — а ты, видно, на зло всем.

[84] Перукмахер — старинное слово, вместо «парикмахер».

[85] Кто выгоняет из молодых людей задумчивость, как не мы? — (см. прим. 86).

[86] Доброхотное сердечко — возможно, что намек на Екатерину, которая в течение 1771—1773 гг. сменила несколько фаворитов. См. ниже л. 23, XXVI.

[87] Ко дв... — ко двору.

[88] XII. Nec si miserum Fortuna Sinonem Finxit, vanum etiam mendacemque improba finet.

Несчастным если Фортуна Синона
Сделала, лживым пускай и хвастливым не сделает, злая!

Цитата из «Энеиды» Вергилия (п. II, ст. 79—80).

Лист 11

[89] XIII. Известие полученное с Еликона, или дополнение ко второму листу вторыя части Живописца — т. е. к статье Любопытного зрителя (Д. И. Фонвизина) «О граждане, граждане! ищите прежде денег, а потом добродетели!». См. далее в тексте упоминание о «любопытном зрителе». В 3-м издании «Живописца», вместо обещанного окончания статьи, напечатано крупными литерами: «Продолжения не будет».

[90] Метрессы — первоначальное значение французского слова «maîtresse» — повелительница, госпожа — уже в начале XVIII в. сменилось значением «куртизанка, женщина непристойного поведения». Не исключена возможность, что в «Известии с Еликона» под метрессой разумеется Екатерина.

Лист 12

[91] XIV. Возможно, что заметки «Из Голтвы» и «У знатной непостоянством одной сельской госпожи» — относятся к Екатерине. Дата 8 ноября, может быть, является намеком на то, что имя автора статьи — Михаил (8 ноября — день архангела Михаила).

Лист 13

[92] XV. Мирон — в оригинале и дальше в данном переводе — Альцип.

[93] Металла третьего не мог времен дожить — согласно античной мифологии сначала был золотой век, затем серебряный, и, наконец, наступил третий — железный век.

[94] Адамли дни — во времена Адама.

[95] Жоконда — вместо «Жокондо»; так называлась первая стихотворная «Сказка» Ж. Лафонтена (1664).

[96] Фонтен — Ж. Лафонтен (1621—1695) — французский баснописец.

[97] Виглон — вм. Вийон Франсуа (1431—1483), выдающийся французский поэт.

[98] Сент Геле — вм. Сент Желе Октав (1466—1502) — французский поэт.

[99] Марот — Маро Клеман (1495—1544) — один из замечательных поэтов Франции.

100 Ариост — Ариосто Лодовико (1474—1533) — итальянский поэт, автор «Неистового Роланда».

101 Бокас, вм. Бокаччо Джовани (1313—1375) — итальянский писатель-гуманист, автор знаменитого «Декамерона».

102 Рабеле, Раблэ Франсуа (1483—1553) — французский сатирик, автор сатирических романов «Гаргантюа» и «Пантагрюэль».

103 колеблется как вети — вместо «как ветви»; веть, ветье — областное (новгородск.) слово вм. ветка.

104 Предикант — проповедник.

105 Зараза — обольщение.

106 Гертруда — женский персонаж из трагедии Сумарокова «Гамлет» (в основу которого положен плохой перевод Шекспировского «Гамлета»); мать Гамлета, Гертруда, дала согласие на убийство своего мужа

И на супружню смерть нетронута взирала.

Этот эпизод заменяет ссылку в оригинале Буало на героинь «Неистового Роланда» Ариосто.

107 Клели — имеется ввиду роман Маделены Скюдери (1631—1701) «Клелия. Римская история» (1656, в 10 томах).

Лист 14

108 Однова — однажды.

109 Федра — героиня трагедии Ж. Расина «Федра» (1677).

110 Штофы — шелковые плотные ткани, большей частью рисунком, а не гладкие.

111 Прелестно здание завито над главою — модные прически XVII—XVIII в. отличались исключительной вычурностью.

112 Пукеты — вм. букеты.

113 Опасно — осторожно.

114 Санпрандер — карточный термин, заимствованный французского и означающий «не имея взяток» (sans prendre — не беря).

115 Игра — колода карт.

116 Дедушка — домовой.

117 Чирики — грубые самодельные башмаки.

118 Заповедное винцо — см. прим. 129 к «Живописцу» 1772 г.

119 Довольно ведома она России всей — в оригинале «всему Парижу»; см. в стихе 328 — «город», т. е. Париж.

120 Стих неправильный (в обоих изданиях «Живописца», где печаталос это стихотворение). Вероятно, нужно читать: «О ска́занье сие...».

Лист 15

121 Казнодей — проповедник.

122 Ришелет (Ришле) Пьер (1632—1698) — выдающийся французский лексикограф, автор известного «Dictionnaire français».

[123] Кир — вместо «Сен-Сир». В деревушке Сен-Сир находилась аристократическая женская школа при местном монастыре.

[124] Изис — Изида, египетская богиня.

[125] Алекто — старшая из трех фурий.

[126] В заплату — в вознаграждение.

[127] Делили Клод (1644—1720) — крупный французский историк и его сын Гильом (1675—1726), выдающийся географ.

[128] Кассини Джованни Доменико (1625—1712) — выдающийся астроном, с 1671 г. директор парижской обсерватории.

[129] Ломоносов — в оригинале — Делансе.

[130] Бургав (Каау-Бургав) Авраам (1715—1758) — академик Петербургской Академии Наук, выдающийся анатом и физиолог. В оригинале — Дю Вернэ.

[131] Не вем — не знаю (слав.).

[132] Вратель — ложь; вратели творцы одной — лжецы.

[133] Т. Т. — вместо «такой-то»; в оригинале — Прадон.

[134] Милютин А. Г. (1733—1776) — владелец знаменитых в XVIII и XIX вв. «милютиных лавок».

[135] Евгений, принц Савойский (1703—1736) — известный австрийский военачальник, пользовавшийся многолетней европейской известностью. В оригинале — герцог Энгиенский.

[136] бароном стал курляндским — остзейское дворянство было на плохом счету у тогдашней русской знати. В оригинале — «безродная знать» («les nobles sans nom»).

[137] В стихе 490 лишний слог. Возможно, надо читать: «из детств».

[138] Стих. 514 не полный; вероятно, после «которую» пропущено «всегда».

Лист 16

[139] Бюсси Рожер (1618—1693) — французский писатель.

[140] Брантом Пьер (XVI в.) — французский придворный, оставивший многотомные «Воспоминания», в которых главное внимание уделено скандальной придворной хронике.

[141] Златоуст — Иоанн Златоуст (IV—нач. V в.), один из крупнейших церковных ораторов.

[142] Трясавица — лихорадка.

[143] Попритчится — случится что-нибудь нехорошее.

[144] Росоли — кремы.

[145] Тельное — рыбные котлеты.

[146] Цитроны — лимоны.

[147] Теофраст (Феофраст) (IV—III вв. до н. э.) — древнегреческий писатель и философ, автор знаменитых «Характеристик».

[148] Набоженство (польск. — nabożeństwo) — ханжество.

[149] Атеиство — вм. атеизм.

[150] Тизифона — одна из фурий.

Лист 17

[151] Как ты и всех людей назвал глупей скотины — имеется в виду VIII сатира Буало, перевод которой был помещен в «Живописце» (ч. II, лл. 6 и 7).

[132] XVI. A l'Auteur de journal, intitulé le Peintre, ou jivopicetz — сочинителю журнала, озаглавленного «Живописец».

[153] Крашенинный халат — сделанный из крашенины, грубого холста, обычно синего цвета.

[154] Богодар Вражкани, Брынской Правдописец — псевдоним, под которым скрывался известный писатель XVIII в. Ф. В. Каржавин (1745—1812). Богодар — так передается по-русски греческое имя Федор; Вражкани — анаграмма фамилии Каржавин. «Второй сюжет» рассказывает историю отношений Каржавина с отцом.

Лист 18

[155] XVII. Общество, старающееся о напечатании книг — общество, организованное по инициативе Новикова и преследовавшее широкие просветительные цели. Создание этого общества было неприятно Екатерине II, стремившейся монополизировать в руках правительства всю переводческую деятельность в стране. Об этом учреждении см. исследования В. П. Семенникова «Раннее издательское общество Н. И. Новикова» («Русский библиофил», 1912, № 5) и «Собрание старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768—1783 гг.» (СПб., 1913).

По мнению Семенникова, письмо за подписью Любомудров из Ярославля принадлежит якобы Екатерине. Тогда не совсем ясно, почему об этом обществе, организованном Новиковым, пишет в журнале Новикова Екатерина. Скорее всего, письмо и ответ на него были написаны самим Новиковым.

[156] Государственное домостроительство — политическая экономия.

[157] Клуп — клуб.

[158] но не у прииде час — но не настал еще час (цитата из Евангелия).

Лист 19

[159] XVIII. Георгий (Кониский) (1717—1795) — крупный церковный деятель XVIII в. Одно время ему неправильно приписывалась анонимная «История Руссов или Малой России», автор которой до сих пор остается окончательно не установленным.

Речь Георгия Конисского была произнесена по поводу воссоединения с Россией, в результате первого раздела Польши, Белоруссии, а именно Мо-

гилевской и Шкловской губерний. Георгий был белорусским православным епископом с 1755 г. и много содействовал решению так называемого «диссидентского вопроса», вопроса о православных, находившихся под властью Польши.

160 Румянцев П. А. (1725—1796) — выдающийся полководец второй половины XVIII в. За удачные военные операции во время первой турецкой войны (1768—1774) в честь Румянцева был воздвигнут в Сарском [Царском] селе, ныне г. Пушкин, в 1771 г. обелиск, на котором высечена надпись: «В память победы при реке Кагуле в Молдавии, июля 21 дня 1770 года, под предводительством генерала графа Петра Румянцева, Российское воинство числом семнадцать тысяч обратило в бегство до реки Дуная турского (!) визиря Галиль-бея с силою полторастатысячною».

161 Виссаравия — Бессарабия.

162 Ларга — река в Молдавии (в нынешней Румынии), на берегах которой Румянцев одержал в 1770 г. победу над турками.

163 В. Р. — В. Г. Рубан.

Лист 20

164 XIX. Щербинин Е. А. (172?—1784) — впоследствии сенатор.

165 Слободская губерния — так тогда называлась Харьковская губерния, теперешняя Харьковская область УССР.

166 XX. Симеон Полоцкий (Ситнианович-Петровский, Симеон Емельянович) (1629—1680) — монах, один из крупнейших московских стихотворцев-силлабистов XVII в.; автор ряда произведений догматического и полемического характера, а также сборников вирш; они упоминаются ниже в тексте надписи.

167 Сильвестр Медведев (1641—1692) — монах, ученик Симеона Полоцкого; стихотворец-силлабист.

168 Любы — любовь (слав.).

169 Венец — «Венец веры», соч. Симеона Полоцкого.

170 Обед — «Обед душевный», его же.

171 Вечеря — «Вечеря душевная», его же.

172 Псалтырь в стихах — «Псалтырь рифмотворения», его же. Надгробная надпись Симеона Полоцкого напечатана в «Живописце» неисправно. Более полный текст см. в сборнике: «Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII вв.». Л., 1936.

173 XXI. Король прусский — Фридрих II.

174 Мариенверден — правильнее Мариенвердер, город в Западной Пруссии.

175 Бибиков Александр Ильич (1729—1774) — военный и политический деятель времен Екатерины.

176 принц Генрих Прусский (1726—1802) — брат Фридриха II, приезжал в Россию в 1770 г. для предварительных переговоров о разделе Польши.

Лист 21

[177] XXII. 47°57½′ долготы, а 59°56¼′ широты — координаты Петербурга.

[178] волчцами — терниями, колючками.

[179] два не очень великие, однако изрядные садика — Сухопутный Шляхетный корпус и Смольный Институт.

[180] муж лет семидесяти — И. И. Бецкой (1703—1795), основатель Смольного Института; в 1773 г. ему было 70 лет.

[181] Огромные храмы — вероятно, имеется в виду материалистическая наука и философия.

[182] Зодии — каждая из двенадцати частей зодиакального круга, в который входят 12 созвездий или 12 знаков зодиака. В гадательных книгах XVII—XVIII в. сны толкуются в зависимости от дня недели и месяца, посвященных определенным планетам и созвездиям (зодиям).

[183] Р... — Российнин; л. 10, XII (см. наст. изд., стр. 412—413).

Лист 22

[184] XXIV. Сатурн уже начинал за мою жизнь третий раз свое течение — Сатурн обращается вокруг солнца в течение 29 лет 168 дней и нескольких часов; в третий раз — значит, автору письма было около шестидесяти лет.

[185] Зачеnшиеся — зародившиеся, зачатые.

[186] XXV. Новой... — вероятно, существительное, опущенное Новиковым, связано было с политическими вопросами, упоминание о которых могло вызвать цензурные осложнения. Возможно, что речь шла о новой смене фаворита императрицы.

[187] что вы, не зная ни по-французски, ни по-немецки — эта фраза является свидетельством, что Новиков действительно не владел еще в 1773 г. иностранными языками, и поэтому все переводы (по крайней мере, сделанные до 1773 г.), приписываемые ему (в частности «Торг семи муз»), не принадлежат ему.

[188] Сакристи! — клянусь (фр.).

Лист 23

[189] XXVI. Г. Живописец — эта статья, с незначительными изменениями текста, была уже напечатана в «Живописце» (ч. II, л. 10, XI); очевидно, Новиков придавал ей значение, помещая ее вновь с мелкими сокращениями.

[190] На выскочку — см. прим. 83.

[191] XXVII. Тема настоящей статьи (право дворянина уйти в отставку) позволила Новикову, еще в 1769 г. покинувшему государственную службу и в дальнейшем никогда уже не возвращавшемуся на нее, разъяснить свое понимание обязанностей дворянина: «В отставке молодому чело-

веку быть не стыдно, лишь бы только был таковый человек и себе, и обществу чем-нибудь полезен».

192 XXVIII. Фомин А. И. (1713—1804) — купец, писатель-краевед, директор архангельских народных училищ.

Лист 24

193 XXIX. девицы четвертого возраста, воспитывающиеся в новодевичьем Воскресенском монастыре, по девятилетнем своем пребывании в доме воспитания — Смольный Институт был открыт в 1764 г. в здании Воскресенского монастыря.

194 Покоющаясь муза — возможно, что это стихи М. М. Хераскова, проживавшего тогда в Петербурге. Что они не Сумарокова, как отчасти предполагал П. А. Ефремов, видно из того, что Новиков не включил их в дважды изданное им «Полное собрание всех сочинений» Сумарокова. В сочинениях Хераскова эти стихи не перепечатаны, но он вообще многих своих ранних произведений не включал в собрание.

195 Крины — лилии.

196 Нереиды — морские нимфы. Имеются в виду морские корабли.

197 Наяды — нимфы рек и источников. Имеются в виду корабли речные.

198 XXX. А ты — И. И. Бецкой.

Лист 25 и 26

199 XXXI. Записки энкиклопедические — имеется в виду журнал «Journal encyclopédique» (1756—1776), издававшийся в Льеже и пропагандировавший идеи «просветительной философии».

200 XXXII. Жадающие — жаждущие, страстно стремящиеся.

201 внушила — стала слушать, выслушала.

202 Белона — богиня войны.

203 Не Марс ли, восседший на коня — стих неправильный; возможно, нужно, вместо «восседший», поставить «вседший».

204 Я сам быть мнился исполином — эти слова говорят, что автор оды — один из участников возведения Екатерины на престол. Может быть, это был В. И. Бибиков, единственный писатель среди участников дворцового переворота 28 июня 1762 г.

205 Орлаш — намек на братьев Орловых, главных «пособников» Екатерины.

206 В трех светах вдруг разишь луну — луна — Турция; война с Турками велась в Европе, Азии и вблизи Африки.

Кошелек

Лист 1

1 Воспитательный дом — первое правительственное учреждение для воспитания сирот; открыто в Москве в 1763 г.

[2] Больше было людей, употреблявших в... разговоре иностранные слова — должно быть, здесь следует «меньше было людей».

Лист 2

[3] Роберт — роббер, двойная партия в карточной игре
[4] В оригинале несомненная опечатка: «благодарным».
[5] Стряпчий — повар.
[6] Наклепать — выдумать небылицу.

Лист 3

[7] Рекамбия — пеня за просрочку платежей по векселю.
[8] во*** — во Франции.
[9] На милость — по меньшей мере.
[10] Махина — машина.

Лист 4

[11] За различное знаменование... — «знаменоваться» — осенять себя крестом. Имеется в виду преследование господствовавшей церковью раскольников, признававших двуперстное крестное знамение (знаменование) вместо официально признанного трехперстного.

[12] Абе де Ш... — аббат Шапп д'Отрош, автор враждебной России книги, в которой описано его путешествие в Сибирь для астрономических наблюдений.

[13] из особенной ревности к... — к православию.

[14] Синопсис — учебник славяно-русской истории, приписываемый Иннокентию Гизелю (1674).

[15] Словесные науки — гуманитарные науки (преимущественно история и литература).

[16] Вивлиофика — «Древняя российская вивлиофика», исторический сборник, издававшийся Н. И. Новиковым с 1772 г.

Лист 5

[17] «коего французские писатели обычно называют»... пропущено: «le Tyran» или «le Teribie» — тиран, грозный.
[18] Галантомы — светские люди.
[19] мечтали быть их — считали, что они есть.
[20] Он — Петр I.

Лист 6

[21] «Народное игрище» — пьеса, несомненно присланная в редакцию «Кошелька». Существуют предположения, впрочем, ничем не аргументирован-

ные, что автором этого крепостнически тенденциозного произведения является кн. Е. Р. Дашкова (В. П. Семенников. Русские сатирические журналы 1769—1774 гг. СПб., 1914, стр. 58), Д. В. Волков (К. К. Истомин. Пародийная комедия М. И. Веревкина «Имянинники». В «Сборнике статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова», Л., 1934, стр. 269), гр. А. П. Шувалов (М. Н. Макаров. Екатерина Вторая, императрица русская, на поприще драматическом. Репертуар, 1844, кн. I, стр. 179).

[22] Оприче Федула — кроме Федула. Форма «оприче», «опричи» была употребительна только в псковской и тверской губерниях.

[23] Подпили пили две невестушки — такая песня не зарегистрирована фольклористами.

Лист 7

[24] Не сон ли мою головушку клонит, не дрема ль валит — с таким началом песня не известна; близкая по зачину песня «Не сон ли меня клонит, не дрема ль долит» сохранилась в «Собрании разных песен» М. Чулкова (ч. III, № 156); песня посвящена взятию г. Азова при Анне Иоановне (1737).

[25] Такую же-ста, как и в Питере играют в Курасели... — Карусельный театр для народа был организован в 1768 г. на месте бывшей придворной карусели (на месте нынешней консерватории).

[26] Голова ль ты, моя головушка — песня с таким зачином сохранилась в известном «Собрании разных песен М. Д. Чулкова» (ч. I, № 170). В ней идет речь о гибели молодца, который «ходил по чужим дворам, по чужим домам, да к чужим женам».

Лист 8

[27] Власова дочь — В д. I, явл. 2 она называлась дочерью Федула.

[28] Марселия, вм. Марсель.

[29] Рульной табак — листовой табак в свернутом виде.

Лист 9

[30] А. Б. — Аполлос Байбаков (1745—1801), незначительный духовный писатель.

[31] Луна (вместо полумесяц) — тогдашнее поэтическое обозначение Турции (по ее гербу).

[32] Орел — герб России; здесь — Россия.

[33] Град Дидоны — Карфаген.

[34] Сопостат — супостат, враг.

[35] Срацин — сарацин; здесь — турок.

[36] Се твой Орлов сжигает флот — речь идет о сожжении турецкого флота гр. А. Г. Орловым в бухте Чесме в 1770 г. Порядок слов: Се Орлов сжигает твой флот.

[37] Молдавские горы — Первая турецкая война (1768—1774) происходила на территории Бессарабии и Молдавии, принадлежавших тогда Турции.

[38] Халиль-бей — верховный визирь, командовавший турецкой армией в сражении при Кагуле; над ним одержал победу П. А. Румянцев.

[39] Смотри, как он, робея — стих неполный (вместо четырехстопного — трехстопный); вероятно слово «смотри» повторялось дважды.

[40] Студ — стыд.

[41] Корысть — добыча.

[42] Бендеры — гр. П. И. Панин овладел первоклассной по тогдашним временам крепостью Бендеры в 1769 г.

[43] Выя — шея.

[44] Внука — по мужу Екатерина II приходилась внучкой Петру I.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ИСТОРИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, А ТАКЖЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ, НАЗВАНИЙ ЖУРНАЛОВ[1] И Т. Д.

А

Б

[1] Названия журналов даются курсивом.

В

Г

Д

Е

Р

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

СОДЕРЖАНИЕ

II. Трутень, 1770 г.

III. Пустомеля, 1770

IV. Живописец, 1772

V. Живописец, 1772, ч. II

VII. Кошелек 1774

П р и л о ж е н и я

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

*

Редактор Издательства *Е. П. Понугаева*
Оформление художника *М. П. Цыбасова*
Технический редактор *Р. А. Аронс*
Корректоры *Л. А. Ратнер* и *Н. М. Шилова*

РИСО АН СССР № 4439. М-31376. Подписано к печати 14/VIII 1951 г. Бумага 60Х92/16. Бум. листов 19 1/4. Печатных 38.5 +5 вкл. Учетно-изд. 36.5. Тираж 4000. Заказ № 36.
Цена в переплете 33 р.

1-я типография Издательства АН СССР. Ленинград, В. О., 9 лин., д. 12.